

Международная научная конференция

Алтайский государственный университет
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения
НИИ Гуманитарных исследований при АГУ
Институт археологии и этнографии СО РАН
Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири

Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий

Сборник научных статей

**Издательство Алтайского государственного университета
Барнаул 1999**

Altai State University

The faculty of archaeology, ethnography and sources-keeping

SRI of Humanitarian investigations attached to ASU

The Institute of archaeology and ethnography SD RAS

Laboratory of South Siberia archaeology and ethnography

**The results of Altai and
neighbouring territories
scythian epoch study**

the collection of scientific articles

Altai State University's Publishing House

Barnaul 1999

УДК 930.26 (57)

ББК 63.4 (2Рос 5) 273.1
И931

Ответственные редакторы:

д.и.н., проф. Ю.Ф. Кирюшин, к.и.н., доц. А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:

академик РАН В.И. Молодин; к.и.н., доц. А.Л. Кунгуров; к.и.н.,
с.н.с. С.С. Тур; к.и.н., доц. А.Б. Шамшин; к.и.н., с.н.с. П.И. Шульга

И931 Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий:
Сборник научных статей / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина и
А.А. Тишкина. Барнаул: Издательство Алтайского государственного
университета, 1998. 284 с.

Сборник научных статей подготовлен на средства, полученные Алтайским государственным университетом по базовому финансированию из Минобразования Российской Федерации по темам «Этнокультурная история древних племен Алтая», «Палеодемография Алтая в раннем железном веке», и при участии Института археологии и этнографии СО РАН. В нем опубликованы материалы докладов, сделанных на Международной научной конференции «Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий» (Барнаул, 24–27 марта 1999 г.). В данном выпуске собрана основная библиография по обозначенной теме.

Сборник рассчитан на археологов, историков, антропологов, музейных работников, краеведов, студентов и всех интересующихся древней историей Евразии.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Каменского ликероводочного завода (генеральный директор Попов В.А., г. Камень-на-Оби) и Торгового двора «АНИКС» (генеральный директор Никитин Ю.А., г. Бийск).

На обложке и авантитуле использовано изображение птицы с бронзовой штампованной пластины, найденной во Втором Башадарском кургане (Руденко С.И., 1960, рис. 37).

ISBN 5–7904–0071–X

© Составление и оформление: А.А. Тишкин, М.Ю. Кузеванова, В.В. Токарев, 1999

© Алтайский государственный университет, 1999

М.Т. Абдулганеев, Д.В. Папин
(г. Барнаул, Алтайский государственный университет)

**ПАМЯТНИКИ РАННЕСКИФСКОГО
ВРЕМЕНИ В МЕЖДУРЕЧЬЕ БИИ И КАТУНИ**

M.T. Abdulganeev, D.V. Papin
(Barnaul, Altai State University)

The sites of early scythian time in the place between Bia and Katun rivers

Северные предгорья Алтая формируют самостоятельную физико-географическую провинцию Алтайской горной системы, выражающуюся в особом типе её зональности, состоящей из системы предгорных барьерно-высотных поясов. Изменение климатических условий в сторону уменьшения засушливости происходит как по направлению к горам, так и вдоль предгорий с юго-запада на северо-восток, в сторону алтай-салаирского орографического «мешка» — своеобразной ловушки атмосферных осадков (Алтайский край, с. 213), северные предгорья включают в себя и Бийско-Катунское междуречье. Это холмисто-увалистая территория сочетается с кустарниковыми степями мелкосопочника, используемыми в качестве пастбищ. Речные долины сравнительно узки и их пойменные террасы преимущественно кустарниково-луговые. Сплошным лесным массивом покрыта лишь восточная часть района и долина р. Бии. На юге междуречье ограничивает северный фас Алтайских гор. Насыщенность этой территории водными артериями текущими как в меридиальном, так и в широтном направлении, её предгорный характер обеспечивали в древности контакты между севером и югом, жителями равнин и гор. Эти особенности позволяют считать этот район контактной зоной как в географическом, так и в историческом смысле.

В настоящее время в междуречье Бии и Катунь известно значительное различного рода археологических памятников, относящихся к раннескифскому времени (VIII–VI вв. до н.э.): могильников, поселений и отдельных находок (рис. 1). Первые памятники этого периода были открыты в 1920–30-е годы М.Д. Копытовым и С.М. Сергеевым, которые зафиксировали могильники у сел Суртайка и Берёзовка и городища у сел Пильно и Мост-Иша. В 1930–34 гг. в связи со строительством Чуйского тракта С.М. Сергеев и А.П. Марков проводили стационарные исследования на могильниках Берёзовка-I, Суртайка-I,II, городище Усть-Иша-II (Грязнов М.П., 1956, с. 69; Полторацкая В.Н., 1961, с. 74; Членова Н.Л., 1973, с. 114; Абдулганеев М.Т., 1996а, с. 131; Абдулганеев М.Т., 1997, с. 53,55).

В конце 1950–60-е годы разведочные работы в зоне Бикатунья производил Б.Х. Кадиков, открывший городища Пикет, Королёв Лог и могильник Усть-Иша-V, а Н.Л. Членова продолжила раскопки Суртайки-I (Членова Н.Л., 1973; Бородаев В.Б., Кадиков Б.Х., 1991, с. 67; Абдулганеев М.Т., 1997; Скопинцева Г.В., 1998, с. 120). В конце 1980–90-е годы С.М. Киреев провел широкомасштабные раскопки многослойного поселения Майма-III, Г.В. Скопинцева исследовала могильник Усть-Иша-V, М.Т. Абдулганеев — городище Солонцы-III. Оба автора данной статьи занимались также выявлением и картографированием археологических памятников (Киреев С.М., Булычев С.С., 1990; Абдулганеев М.Т., 1997, с. 54; Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., Семибратов В.П., 1998, с. 159; Киреев С.М., Кунгурова Н.Ю., 1997, с. 60; Скопинцева Г.В., 1998). Кроме того, за последние 80 лет в междуречье Бии и Катунь было обнаружено значительное количество случайных находок, относящихся к VIII–VI вв. до н.э. и поступивших в основном в фонды Бийского краеведческого музея (Членова Н.Л., 1976, с. 38–42, табл. 6; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, рис. 5; 6; Иванов Г.Е., 1987, рис. 1; 2; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 8–19, 105–109, рис. 1; 10; 11; 17; 26; 27; Абдулганеев М.Т., 1996, рис. 1; 2; Могильников В.И., 1997, рис. 43–46; Тишкин А.А., Папин Д.В., 1998).

Несмотря на такую достаточно хорошую изученность данного региона в полевом отношении, далеко не все проблемы истории его VIII–VI вв. до н.э. решены. В датировку и культурную принадлежность некоторых памятников, особенно могильника Суртайка-I, была внесена путаница (Членова Н.Л., 1973, с. 114–115; Членова Н.Л., 1994, с. 20,21). Авторы данной статьи не ставят перед собой задачи решить все вопросы, цель их работы значительно проще. Она состоит в первую очередь в систематизации материалов раннескифского времени междуречья Бии

и Катунь, сопоставлении поселенческих и погребальных комплексов, определении возможного характера взаимодействия древних обитателей этого района и соседних территорий.

Поселения раннескифского времени делятся на укрепленные и неукрепленные. Располагаются они по крупным рекам: Бии (Удаловка, Балыкса, Солонцы-III), Катунь (Майма-III, Пикет, Королёв Лог), Ише (Казырык-II, Маяк-II, Усть-Иша-II,III). Неукрепленные поселки обычно занимают первую и вторую надпойменные террасы; часть являются мысовыми. Ни на одном из известных в настоящее время неукрепленных поселков жилищных западин не выявлено.

Городищ известно пять, причем четыре — на Катунь и в приустьевой зоне Иши, одно — на Бии. Всего в настоящий момент известно восемь городищ VIII–VI вв. до н.э. и нахождение пяти из них в междуречье Бии и Катунь, по нашему мнению, не случайно. Укрепленные поселки занимают либо останцы коренного берега, либо мысовые участки третьей и четвертой террас. При расположении на мысе напольная часть зачищена достаточно глубокими рвами, кромка берега — эскарпом. Скорее всего, укрепления дополняли и частоколы. На всех городищах имеются жилищные западины: от 11 до 57 (Абдулганеев М.Т., 1997).

Керамический комплекс интересующего нас периода реконструируется по поселенческим материалам. В основном, это данные с городищ Солонцы-III, Пикет, Королёв Лог, Усть-Иша-IIIа, Усть-Иша-II. Сосуды делятся на два типа. Первый тип наиболее массовый — крупные плоскодонные профилированные сосуды горшкообразной формы в подавляющем числе случаев орнаментированные двойным рядом жемчужника с разделителем; в качестве разделителя выступают наклонные отпечатки штампа или подтреугольные вдавления, иногда перемежающиеся с сеткой, ёлочкой, наклонными отпечатками штампа. Редко второй ряд заменяется подвешенными треугольниками или рядом вдавлений. Исключение составляют два сосуда из раскопок Солонцов-III, орнаментированные отпечатками крестового штампа. Своеобразным индикатором этого типа является оформление сосудов срезом венчика наружу, при этом он украшен наклонными отпечатками штампа. Второй тип — полусферические чашки. Встречается гораздо реже, но вместе с первым типом. Орнаментированы чаще всего горизонтальными линиями и сеткой, оформленной резным или гребенчатым штампом (рис. 2.–1–4).

Если говорить в целом, то орнаментальная схема керамического комплекса раннескифского времени Бие-Катунского междуречья характерна для большереченской культуры переходного времени (Грязнов М.П., 1956; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998). Но для декора предгорий есть определённые отличия от керамики лесостепного Алтайского Приобья. Во-первых, это устойчивость орнаментальной схемы, когда одни и те же элементы орнамента встречаются в одном и том же порядке на разных памятниках, в отличие от лесостепного Алтая, где каждый памятник имеет свои специфические признаки (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, с. 94). Во-вторых, это обеднённость орнамента: чаще всего он складывается из трёх-четырёх элементов, в отличие от многообразия в лесостепи (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, с. 90). И наконец, это увеличение доли гребенчатого штампа, который доминирует в технике выполнения орнамента. По нашему мнению, в ряду памятников большереченской культуры материалы Бие-Катунского междуречья более поздние. Косвенно это подтверждается близостью орнамента предгорий к керамике бийского этапа.

Могильников исследовано четыре: Берёзовка-I, Суртайка-I, Суртайка-II и Усть-Иша-V; возможно, что из погребальных комплексов происходят случайные находки у Понтонного моста и на 22 км Чуйского тракта (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 18–19). К сожалению, часть могильников в настоящее время уже уничтожена, поэтому судить об их планиграфии возможно только по одному: Усть-Иша-V. В нём насчитывается 56 курганов, растянутых в микроцепочки по два-пять объектов поперек узкой гривы. Таким же образом, скорее всего, располагались курганы на распахивавшемся еще в 30-е годы могильника Суртайка-II (БКМ, ДО, Ф. 2, д. 6). В отличие от Усть-Иши-V видимые на этом памятнике микроцепочки были направлены перпендикулярно краю террасы. На Усть-Ише-V, как и на Суртайке-I курганы раннескифского времени продолжали ирменские могильники. Сами погребальные комплексы VIII–VI вв. до н.э. располагались как на водоразделах (Усть-Иша-V), так и на второй и третьей террасах р. Катунь. В общей сложности на всех памятниках в настоящее время исследовано около 40 курганов (Полторацкая В.Н., 1961; Скопинцева Г.В., 1998).

Во всех могильниках курганные насыпи земляные. Размеры их небольшие: диаметр от 6 до 16 метров, высота 0,2–0,6 метра. Под насыпью обычно находилась одна могила, за ис-

ключением Усть-Иши-V и Берёзовки-I, где в двух курганах было обнаружено по два погребения. Глубины могил невелики — 0,7–1,35 м (0,15–0,55 метра в материке). Внутримогильные конструкции отсутствовали, лишь в трех курганах Усть-Иши-V прослежены деревянные обкладки стен. В каждой могиле — по одному погребенному, уложенному скорченно на правом боку. В детской могиле Усть-Иши-V зафиксировано положение на левом боку. Преобладает ориентация головой на З (15 случаев); встречена также ориентация на ЮЗ (5 случаев) и СЗ (2 случая). Остальные погребения в силу оgrabленности таковой информации представить не могут.

Отличительной особенностью является отсутствие в погребениях керамики, на что обратила внимание В.Н. Полторацкая при публикации материалов Берёзовки-I (1961, с. 83). В трёх погребениях этого памятника встречены также ребра овцы, а в двух могилах Суртайки-I — кости лошади (зубы и фаланги ног). Инвентарь немногочисленен, но это объясняется оgrabленностью большей части захоронений. Причем, как правило, грабительский лаз затрагивал только верхнюю часть погребенного, где, вероятно, и были размещены наиболее ценные вещи. Не исключено также, что подобное расположение грабительского лаза объясняется стремлением осквернить могилы в более позднее время. Находки в погребениях представлены в основном украшениями: пронизками, бусами, подвесками, кольцами, серьгами, как правило, из бронзы, реже — из кости и золота. Кроме того, найдены бронзовые кинжал и нож, роговое скульптурное навершие, бронзовые и роговые детали узды (накладки, пронизи, удила, псалии) (рис. 3.–1,2,6–10). Сразу следует отметить, что сопровождающих захоронений лошадей нет, а в насыпи одного из курганов Берёзовки-I найдены обломки керамики больше-реченского типа (Полторацкая В.Н., 1961, рис. 6–16).

Представляется, что совмещение на достаточно узком участке Катунь больше-реченских городищ и выше описанных могильников не случайно. По крайней мере в двух случаях укрепленные поселки и погребальные комплексы VIII–VI вв. до н.э. находятся в пределах прямой видимости: городище Королев Лог и могильник Берёзовка-I, а также городища Усть-Иша-II и III и могильник Усть-Иша-V. При этом надо учесть близкое (2,0–2,5 км) расположение ишинских городищ и могильников Суртайка-I и II (рис. 1). Погребальная обрядность могильников не противоречит отнесению их к больше-реченской культуре, что уже отмечалось в литературе (Грязнов М.П., 1956, с. 69; Полторацкая В.Н., с. 83, 87, 88). Особенности бикатунских погребений является курганный обряд, отсутствие в захоронениях керамики, наличие в ряде случаев мясной пищи. Эти черты обрядности и отличают их от больше-реченских Верхней Оби (Грязнов М.П., 1956, с. 57–67; Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М., 1996) и сближают памятники раннескифского времени Горного Алтая и его северных предгорий (см.: Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 31–40). Контакты двух групп населения были, скорее всего, взаимными и потому в последнее время на целом ряде памятников Средней Катунь найдена больше-реченская керамика (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф., Кунгурова Н.Ю., 1995, рис. 3; Степанова Н.Ф., 1998).

Не касаясь в целом вопроса о происхождении больше-реченской культуры VIII–VI вв. до н.э., хотелось бы попытаться объяснить особенности ее в междуречье Бии и Катунь. Об одной из них — непосредственных контактах с населением Горного Алтая — говорится выше. Вторая видится нам в особенностях предшествующей ирменской культуры, на что обратила внимание Н.Л. Членова (Членова Н.Л., 1972, с. 121). Помимо частичного сходства керамических комплексов, участие ирменцев в формировании больше-реченской культуры северных предгорий Алтая проявилось в погребальной обрядности: небольшой глубине могильных ям, ориентации головой в западный сектор, преимущественном положении скорченно на правом боку. Скорее всего, больше-реченцы пришли на ближнеелбанском этапе VII–VI вв. до н.э. (Шамшин А.Б., 1989, с. 121) на территорию Бикатунья с более северных территорий. Памятники мыльниковского этапа здесь отсутствуют, а керамические комплексы отдельных поселений выглядят, в отличие от приобской зоны, очень однородно (сравни: Грязнов М.П., 1956, табл. IX, X, XIII, XIV, XIX; Абдулганеев М.Т., 1997, рис. 1, 3, 4; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, рис. 4–14).

В данном случае нам кажется немаловажным обратиться к материалам самого известного в этом регионе ирменского могильника — Суртайка-I, тем более что по поводу его датировки уже давно ведутся споры (Членова Н.Л., 1973; Бородаев В.Б., 1986, с. 96–98; Матвеев А.В.,

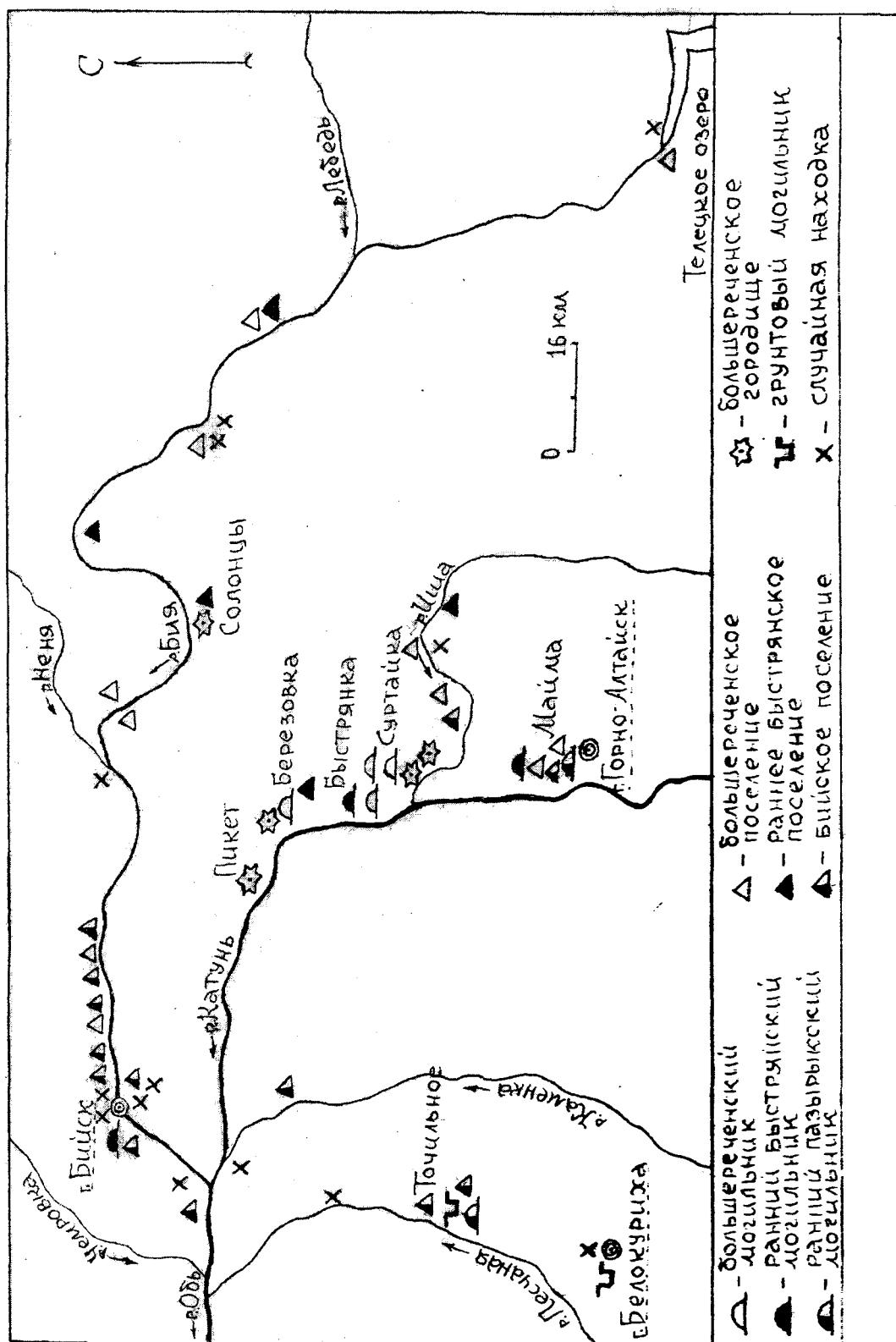

Рис. 1 Распространение памятников раннескифского времени в междуречье Бии и Катунь.

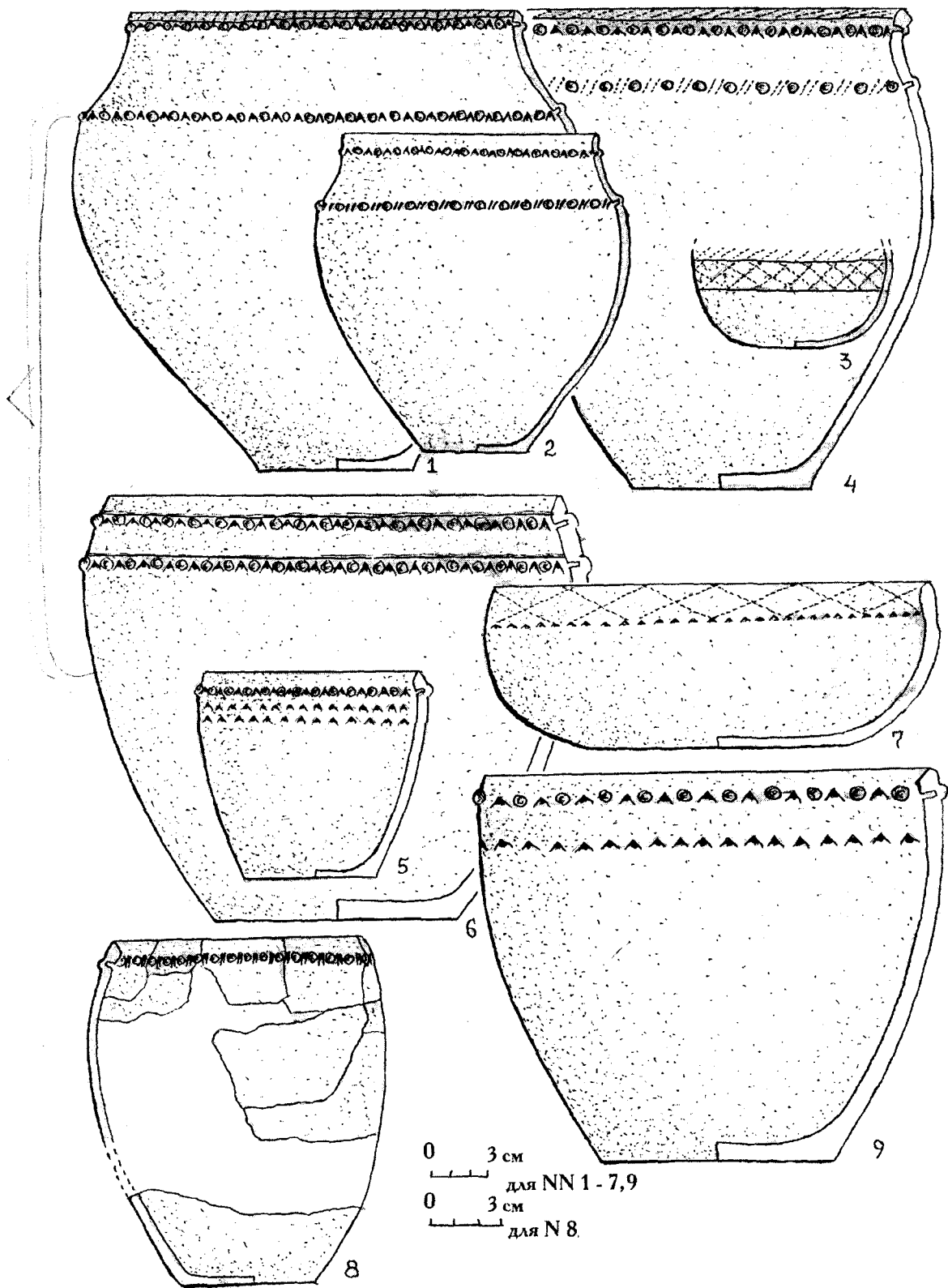

Рис. 2. Керамика городищ Солонцы-III (1,2), Усть-Иша-II (3,4), поселений Солонцы-I (5,9), Понтонный мост (6), Майма-I (7) и могильника Суртайка-I (8 — по Н.Л. Членовой).

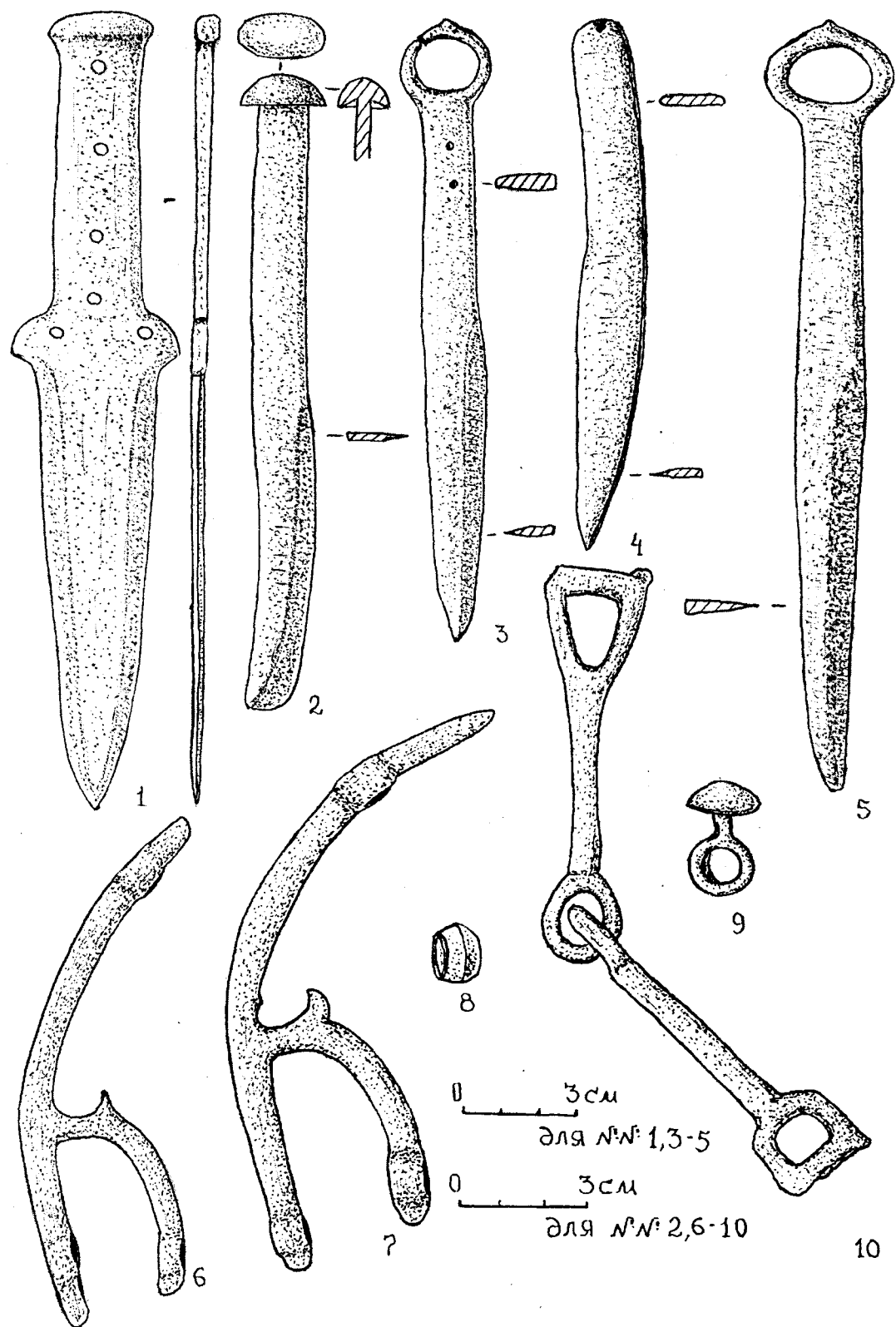

Рис. 3. Бронзовые вещи из могильников Усть-Иша-V (1 — по Г.В. Скопинцевой), Берёзовка-I (2 — по В.Н. Полторацкой), Точилинский Елбан (3,4), Аврора (5) и Суртайка-I (6-10).

1986, с. 63; Членова Н.Л., 1994, с. 20,21,72; Бородаев В.Б., 1998, с. 72). На этом памятнике в 1931 г. были найдены стремчовидные удила, У-образные псалии (рис. 3.–6,7,10), гвоздевидная серьга и сосуд ирменского типа. По мнению Н.Л. Членовой, находки эти были сделаны под наблюдением С.М. Сергеева (Членова Н.Л., 1973, с. 114). В коллекционной описи по археологии (БКМ. ДО. Ф. 2, Д. 59), составленной С.М. Сергеевым, записано следующее: «Коллекция бронзовых предметов, найденных при земляных работах на стройке Чуйского тракта между сел Быстрянское и Суртайское на глубине 1,3 м вместе с двумя скелетами человека в 1931 г. Коллекция пожертвована в Музей десятиком работ т. Мих. Ефим. Богаевым 28 февраля 1932 года. Коллекция состоит из 4 бронзовых предметов и 1 глиняного горшка. Датировка не установлена пока, т.к. предметы разных эпох и, возможно, из разных погребений». Как видно из этой записи, С.М. Сергеев не присутствовал при раскопках и уже тогда стал сомневаться в единовременности находок. Четвертый бронзовый предмет, не учтенный ни в одной публикации по могильнику Суртайка-I — указан на черновом плане этого памятника, выполненным А.П. Марковым — это топор (БКМ, ДО. Ф. 2. Д. 6). Скорее всего, именно этот топор хранится в фондах Бийского краеведческого музея без инвентарного номера и опубликован одним из авторов данной статьи, как найденный в г. Бийске (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков, 1982, рис. 5).

К сожалению, Н.Л. Членова до сих пор считает эти находки единовременными (Членова Н.Л., 1994, с. 20,21,72), несмотря на то, что приводимая нами цитата была опубликована В.Б. Бородаевым в 1986 г. Более того, Н.Л. Членова игнорирует ее, обвиняя В.Б. Бородаева и А.В. Матвеева в необоснованной критике (Членова Н.Л., 1994, с. 20). Как уже подчеркивалось, С.М. Сергеев не мог присутствовать при находке 1931 года, если она была передана в Бийский краеведческий музей в 1932 г. Поэтому и не мог зафиксировать порядок расположения вещей, именно поэтому он и стал сомневаться в единовременности находок. Дальнейшие исследования на Суртайке-I проводил не он, а А.П. Марков. Сам С.М. Сергеев был по тем временам специалистом очень высокого класса. Его учителями были И.Т. Савенков и В.А. Городцов (Кунгуров А.Л., 1992, с. 178–179), а сам он в разные годы возглавлял Бийский и Ойротский краеведческий музеи, выявил и исследовал многие памятники на территории Алтая.

Любой археолог знает, что наличие под одной насыпью двух-трех могил — факт обычный, особенно если часть этих погребений — впускные. Случай наличия нескольких погребений был зафиксирован и самой Н.Л. Членовой при раскопках в 1969 г. (Членова Н.Л., 1973, рис. 46). Несмотря на это Н.Л. Членова упорно вносит Суртайку-I в список памятников ирменской культуры, доказывающих существование ее в VII в. до н.э. (Членова Н.Л., 1994, с. 21). Еще одно основание для этого — находки в насыпи другого кургана большереченского, по ее мнению, сосуда (рис. 2.–8) (Членова Н.Л., 1994, с. 20). Тем не менее, М.П. Грязнов считал подобную керамику не большереченской, а березовской (Грязнов М.П., 1956, с. 90). В настоящее время для северных предгорий Алтая выделена быстрянская культура кон. VI–II вв. до н.э. (Киреев С.М., 1992, с. 56) и сосуды, подобные найденному Н.Л. Членовой, характерны именно для нее (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, рис. 38,39,42,43,54–61). Если следовать логике Н.Л. Членовой, то верхней границей ирменской культуры должен быть VI в. до н.э.; к счастью она этого не делает (Членова Н.Л., 1994, с. 69).

Хотелось бы остановиться в целом на комплексе памятников у сел Быстрянка и Суртайка. В 1932 г. на могильнике Суртайка-I насчитывалось более 50 курганов, растянувшихся на протяжении двух километров. Помимо второй террасы, часть курганов (Суртайка-II, УстьИша-V) располагалась на третьей и четвертой террасах, а своей северной частью могильник Суртайка-I почти смыкался с могильником Быстрянка. В состав последнего в то время входило более 120 курганов. Если учесть, что уже тогда часть курганов была разрушена постройками сел и автодорогой, можно считать, что район Катунь между устьем р. Иша и с. Быстрянка представлял собой огромное могильное поле протяженностью около восьми километров. При таком обилии курганов это было, конечно, не два могильника. На самом могильнике Суртайка-I, помимо ирменских и большереченских, А.П. Марковым и Н.Л. Членовой были изучены погребения скифского времени и эпохи средневековья. Находка У-образных удили и стремчовидных псалиев (1931 г.) была сделана в 0,5 км севернее основной массы ирменских курганов; через год А.П. Марков раскопал там еще один курган с материалами раннескифского времени (рис. 3.–8,9). Скорее всего, правы А.В. Матвеев и В.Б. Бородаев, предполагающие случайные раскопки в 1931 г. в районе Суртайки и Берёзовки нескольких курганов (Бородаев В.Б., 1986, с. 98; Матвеев, 1986, с. 63), а не одного,

как считает Н.Л. Членова (Членова Н.Л., 1973, с. 114).

В целом этнокультурная карта северных предгорий Алтая раннескифского времени выглядит достаточно пестрой. По крайней мере уже в VI в. до н.э. прослеживается проникновение на Алтай и в том числе в междуречье Бии и Катунь раннесакских племен (Троицкая Т.Н., Бороодовский А.П., 1994, с. 74,76; Могильников В.А., 1997, с. 88,89,103), по мнению одного из авторов данной статьи — улубаевскотасмолинских, принесших с собой керамику, орнаментированную «чистым» жемчужником (Хабдулина М.К., 1994, рис. 63, с. 67; Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с. 64–65). Подобная керамика встречена также в верховьях Иртыша и в западных предгорьях Алтая (Казаков А.А., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1996, рис. 20; Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н., Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М., 1998, рис. 2).

К концу VII — началу VI вв. до н.э. относится также распространение Уобразных псалиев, причем ряд исследователей считают западные предгорья тем районом, откуда произошла миграция небольшой группы населения в Туву (Бородаев В.Б., 1993, с. 152,155; Бородаев В.Б., 1998, с. 72; Кубарев В.Д., 1998, с. 77; Шульга П.И., 1998, с. 36,37,49). При движении вдоль северозападной кромки Алтайских гор на северо-восток переселенцы должны были пересечь северные предгорья и форсировать Катунь.

Там же, в районе западных предгорий П.И. Шульга и С.М. Ситников выделяют группу памятников, для которых характерны грунтовый обряд погребения, преобладающее положение вытянуто на спине и ориентация в северозападный сектор (Ситников С.М., Шульга П.И., 1998, с. 69–71,76; Шульга П.И., 1998, с. 37). По их мнению, с которым мы солидарны, эти могильники не вписываются в куюмский тип памятников по Н.Ф. Степановой (Степанова Н.Ф., 1986) или усть-куюмский вариант майэмирской культуры по В.А. Могильникову (Могильников В.А., 1986). Погребальные комплексы, выделяемые П.И. Шульгой и С.М. Ситниковым, действительно ближе тасмолинским Северного Казахстана.

По нашему мнению, помимо У-образных удил с Суртайки-I, в северных предгорьях Алтая есть еще по крайней мере два могильника, свидетельствующие о миграции **какой-то** группы населения с юго-запада. Это — Белокуриха (Аврора) и Точилинский Елбан (Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б., 1990, с. 102; Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., Неверов С.В., 1991, с. 60; Абдулганеев М.Т., 1997, с. 76), причем оба памятники относятся по крайней мере к VI в. до н.э. и датируются бронзовыми ножами (рис. 3–4,5). С памятниками западных предгорий и Иртыша и объединяют положение погребенных вытянуто на спине и **северо-западная ориентация**. По тем же признакам они близки части могильников VI в. до н.э. Средней Катунь (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 295; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 105). Эти факты, по нашему мнению, свидетельствуют о существовании в конце VII–VI вв. до н.э. в горах и предгорьях Алтая единой культуры группы и подтверждают мнение о миграции населения в этот период в направлении юго-запад–северо-восток.

Практически одновременно с миграцией с юго-запада в северных предгорьях появляются раннепазырыкские памятники, характеризующиеся ориентацией в **восточный сектор** и положением коня с севера. Одно из таких погребений на Точилинском Елбане было частично перекрыто могилой с северо-западной ориентацией. В самом пазырыкском захоронении был обнаружен нож, аналогичный найденному в могильнике Белокуриха (Аврора) (рис. 3.–3). А группа поселений у с. Точильное наибольшее сходство обнаруживает с горно-алтайскими элекмонарского типа (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с. 66–68).

К началу VI в. до н.э. относятся и самые ранние быстрианские погребения на могильниках Бийск-I, Майма-XIX и Быстрианка, отличающиеся от пазырыкских ориентацией на запад и положением коня с юга (Евтюхова Е.А., Киселёв С.В., 1941, с. 90–92; Завитухина М.П., 1961, с. 93; Завитухина М.П., 1966, с. 62–64; Суразаков А.С., 1988, с. 81; Киреев С.М., 1992). На могильнике Быстрианка зафиксирована черта, более характерная для погребений раннескифского времени: захоронение человека и лошади в отдельных ямах.

Поэтому появление городищ большереченской культуры в первую очередь на правобережье Катунь было неизбежной реакцией на постоянные проникновения новых групп населения с юга и юго-запада. Совершенно не случайно и то, что большереченские городища отсутствуют в низовьях Бии и Катунь и в самых верховьях Оби: в этом районе проживало родственное предгорным большереченцам население.

Лишь к концу VI — началу V вв. все выше перечисленные группы населения начали консо-

лидироваться в единую быстрианскую культуру. Как пережиток большеречья в предгорьях еще некоторое время сохранялись памятники бийского этапа (Абдулганеев М.Т., 1991; Абдулганеев М.Т., 1993) и могильники, сохраняющие в погребальной обрядности некоторые черты предшествующего времени (ориентация на запад, положение скорченно на правом боку, отсутствия захоронения лошади — Полторацкая В.Н., 1961, с. 79,81,87,88). Результатом влияния большереченцев на пришельцев мы считаем ряд поселений, в орнаментации керамики которых имеются сходные с бийскими черты (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, рис. 59; рис. 61).

Ю.П. Алехин

(г. Кемерово, Гуманитарный научный Центр
Западно-Сибирского отделения Российской Академии
естественных наук и Кузбасского государственного технического университета)

ЛЕСОСТЕПНОЙ И РУДНЫЙ АЛТАЙ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

U.P. Alehin

*(Kemerovo, Scientific Humanitarian Centre
of the West-Siberian Department of the Russian Academy
of Natural Sciences and Kuzbass State Technical University)
The forest-steppe and Rurhny Altai in the scythian epoch*

Скифская эпоха является одним из самых ярких периодов древней истории Евразии. Скифские древности Горного Алтая всемирно известны благодаря уникальным находкам в Пазырыкских курганах и другим находкам; в целом, скифская эпоха Горного Алтая изучена достаточно хорошо.

Скифская эпоха лесостепного Алтая, несмотря на значительный накопленный материал, до середины 1980-х гг. была изучена в меньшей степени, чем в Горном Алтае, материал не был обобщен. Причиной этого были огромная территория лесостепного Алтая и меньший, чем к Горному Алтаю, интерес исследователей. Развернувшиеся с 1970-х гг. грандиозные по масштабам работы экспедиций и отрядов Алтайского госуниверситета, Барнаульского пединститута и института археологии АН СССР позволили накопить значительный материал и осветить многие проблемы скифской археологии лесостепного Алтая. К настоящему времени почти весь исследованный материал опубликован и специалисты его знают, однако среди исследователей до сих пор нет единой точки зрения относительно культурно-этнической интерпретации памятников и материала. Поэтому, в рамках настоящей публикации ограничимся в основном историей концепций и обобщений.

Выделенная М.П. Грязновым в Барнаульско-Бийском Приобье большереченская культура VII—I вв. до н.э. с ее тремя хронологическими этапами (VII—VI вв. до н.э. — большереченский, V—III вв. до н.э. — бийский и II—I вв. до н.э. — березовский) (Грязнов М.П., 1956, с. 44,85,97) в дальнейшем была распространена на весь лесостепной Алтай и Новосибирское Приобье. Т.Н. Троицкая отделила переходный этап эпох бронзы и раннего железа VII—VI вв. до н.э. от собственно большереченской культуры V—I вв. до н.э. В рамках единой большереченской культуры ею были выделены новосибирский и барнаульский варианты этой культуры, определены ее границы. Памятники предгорной зоны Т.Н. Троицкая не сочла возможным отнести к большереченской культуре (Троицкая Т.Н., 1972, с. 9,30–31,33; 1979; 1980; 1985, с. 105–106).

А.П. Уманский и В.А. Могильников выделили в лесостепном Алтае из круга памятников большереченской культуры каменскую культуру, а в предгорной зоне лесостепного Алтая «синкретичную культуру» (Уманский А.П., 1980; Могильников В.А., 1980, с. 41,45–47; Могильников В.А., Уманский А.П., 1981, с. 80,85). Позднее В.А. Могильников предложил считать собственно большереченской культурой Алтая переходный этап эпох бронзы и раннего железа VII—VI вв. до н.э., а с V в. до н.э., по мнению В.А. Могильникова, происходит трансформация большереченской культуры VII—VI вв. до н.э. в каменскую V—I вв. до н.э. (Могильников В.А., 1986,

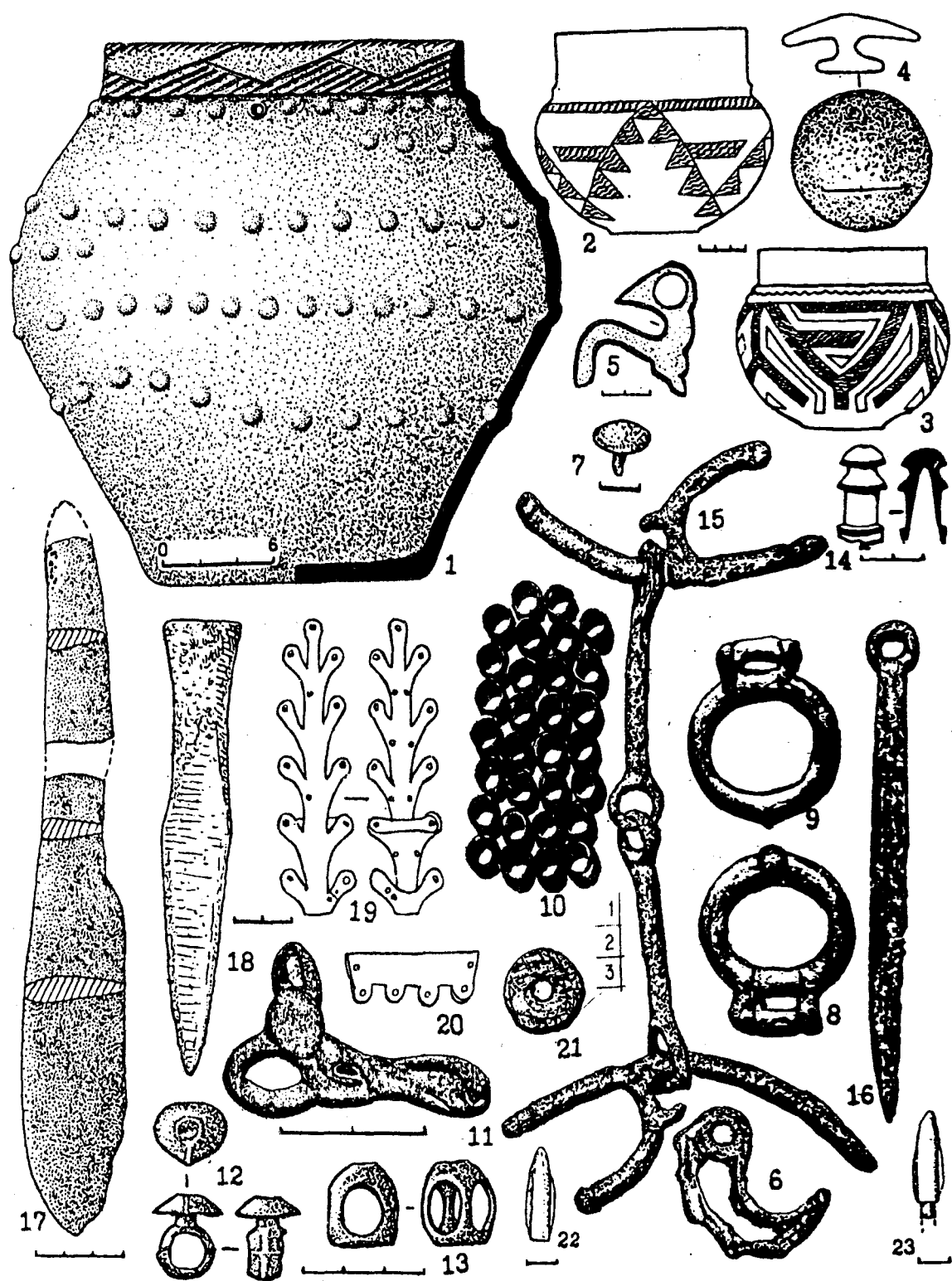

Рис. 1. Раннескифский период Рудного Алтая (VII-VI вв. до н.э.).

1-3 — керамические сосуды; 4-13 — бронзовые принадлежности и украшения конской сбруи; 14 — костяная принадлежность сбруи; 15 — бронзовые удила с псалиями; 16, 17 — бронзовые ножи; 18 — бронзовое втульчатое долото; 19, 20 — золотые украшения; 21 — керамическое пряслице; 22, 23 — бронзовые втульчатые наконечники стрел (1 — Колыванское-1; 2, 3, 7, 14, 18-20, 22, 23 — Измайловка, по А.С. Ермолаевой; 4, 5, 12, 13 — Машенка-1, по П.И. Шульге; 6, 8-10, 16, 21 — Березовка-1; 11 — Вакулиха-1, по В.Б. Бородаеву; 17 — случайная находка в Змеиногорском районе).

с. 30–31). Необходимо отметить, что тогда выделение каменной культуры не только не нашло поддержки у большинства исследователей, но и было подвергнуто серьезной и обоснованной критике на Всесоюзной археологической конференции 1979 г. в Кемерово и на конференциях 1983 г. в Новосибирске, 1986 г. в Барнауле, а также в печати (Троицкая Т.Н., 1985; Кирюшин Ю.Ф., 1986, с. 75–76, 78; Алехин Ю.П., 1990, с. 22–23, 97–100).

В 1986 г. Ю.П. Алехиным в рамках единой большереченской культуры Алтая были выделены ее три локально-территориальных варианта — староалейский и каменный, а также чумышско-ишинская группа памятников. Памятники VII–VI вв. до н.э. лесостепного Алтая (большереченский этап большереченской культуры по М.П. Грязнову) Ю.П. Алехиным были отделены от собственно большереченской культуры V–I вв. до н.э. в особый переходный этап между эпохами поздней бронзы и раннего железа, но без выделения этого переходного этапа в отдельную культуру. Ввиду отсутствия каких-либо существенных отличий между памятниками V–III и II–I вв. до н.э., кроме локально-территориальных, вызванных влиянием соседних культур, предлагалось рассматривать большереченскую культуру лесостепного Алтая V–I вв. до н.э. без деления ее на хронологические этапы (Алехин Ю.П., 1986). В обобщающей диссертационной работе нами были подробно обоснованы критерии выделения локально-территориальных вариантов большереченской культуры Алтая, дана полная характеристика материальной и духовной культуры населения лесостепного Алтая V–I вв. до н.э., его социальных и культурно-этнических процессов, идеологических представлений, а также полный свод известных к тому времени памятников (Алехин Ю.П., 1990).

В 1994 г. вышла монография Т.Н. Троицкой и А.П. Бородавского, в которой обобщается большереченский материал лесостепного (Новосибирского и Барнаульско-Бийского) Приобья (Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994). В 1997 г. издана обобщающая монография В.А. Могильникова, в которой на основании уже сложившихся ранее и отмеченных выше концепций в полной мере характеризуется материальная и духовная культура населения Верхнего Приобья в середине — второй половине I тыс. до н.э. (Могильников В.А., 1997). В вышедшей в 1997 г. капитальной монографии Н.М. Зинякова «Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири» автором сделан принципиально важный вывод на основании технологии кузнечного ремесла раннего железного века лесостепного Приобья о единых технологических традициях населения всего лесостепного Приобья (Новосибирского и Барнаульско-Бийского) в V–I вв. до н.э. Н.М. Зиняков прямо пишет о большей правомочности выводов Т.Н. Троицкой, Ю.Ф. Кирюшина и Ю.П. Алехина относительно единства большереченской культуры V–I вв. до н.э. по сравнению с выводами сторонников выделения каменной культуры — А.П. Уманского и В.А. Могильникова (Зиняков Н.М., 1997, с. 186, 195).

В 1994 г. в тезисном виде М.Т. Абдулганеевым, А.Л. Кунгуровым и Я.В. Фроловым на основании уже ранее выделенного староалейского типа памятников (локально-территориального варианта) большереченской культуры (Алехин Ю.П., 1986) была выделена самостоятельная «староалейская культура» (Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1994). В 1997 г. вышла монография М.Т. Абдулганеева и В.Н. Владимирова «Типология поселений Алтая VI–II вв. до н.э.» (Абдулганеев М.Т., Владимирова В.Н., 1997).

Кроме отмеченных работ, за последнее десятилетие вышло значительное количество публикаций, посвященных анализу памятников и материала населения лесостепного Алтая скифского времени, перечисление и анализ которых не входят в рамки данной публикации.

Касаясь дискуссионных вопросов, снова отметим, что перенос названия «большереченская культура» на переходный этап между эпохами бронзы и раннего железа VII–VI вв. до н.э. не совсем этичен по отношению к М.П. Грязнову, подразумевавшему под этим понятием в основном памятники V–I вв. до н.э. ввиду их преобладания, большего ареала распространения и времени бытования. Правильнее, логичнее и этичнее называть большереченскими памятники V–I вв. до н.э., а не переходного этапа VII–VI вв. до н.э. не только учитывая приоритет М.П. Грязнова в выделении большереченской культуры, но и во избежание терминологической путаницы, т.к. за 45 лет с момента выделения М.П. Грязновым большереченской культуры ее название широко вошло в научный оборот. Такой подход не мешает вносить необходимые коррективы в концепции М.П. Грязнова, учитывая появление новых материалов и расширение знаний, в то же время сохраняется приоритет М.П. Грязнова в выделении большереченской культуры.

Предлагаемая нами компромиссная между разными точками зрения концепция о сохранении наименования «большереченская культура» за основной массой памятников V–I вв. до н.э. Верхнего Приобья, которые по М.П. Грязнову трактуются именно как большереченские, и о выделении внутри этой единой большереченской культуры ее локально территориальных вариантов (староалейского, каменского, чумышско-ишинского), думается, является наиболее оптимальной. Переходный же период VII–VI вв. до н.э. учитывая его особенности, можно вполне обоснованно называть «большереченским переходным этапом», но не отдельной «большереченской культурой».

В отличие от лесостепного Алтая, Рудный Алтай уже с VII в. до н.э. являлся составной частью скифо-сибирского культурно-исторического единства. Здесь известны памятники и отдельные находки, свидетельствующие о проникновении раннесакских и майэмирских групп населения (Кондратьевка-XXI, Вакулиха-I, Корболиха-X, Мельничная гора у Змеиногорска, Березовка-I и др.).

Могильники переходного периода эпох бронзы и раннего железа Измайловка и Кога-лы-I в Восточном Казахстане, вероятно, оставлены местным населением — потомками племен эпохи поздней бронзы, подвергшимся некоторому инокультурному влиянию (Ермолаева А.С., 1987).

В V–III вв. до н.э. на Рудном Алтае происходит значительное увеличение плотности населения по сравнению с предыдущим периодом, о чем свидетельствуют многочисленные курганы этого времени. Несмотря на это, выявленные поселения единичны и все они связаны с горно-металлургическим производством. Этот факт подтверждает то, что значительная часть населения вела кочевой и полукочевой образ жизни (пришлые саки и пазырыкцы). Потомки местного населения и проникавшие из лесостепного Алтая большереченцы в основном оставались оседлыми. Керамика большереченского типа найдена на поселениях Гилево-II (Медникова Э.М., Могильников В.А., Суразаков А.С., 1976) и Колыванское-I (Алехин Ю.П., 1990, рис. 97).

Население Рудного Алтая в скифское время находилось на более высоком уровне социального развития, чем их соседи большереченцы. Этот уровень был примерно тот же, что и у саков, тагарцев, скифов Горного Алтая, Тувы и Монголии — т.е. уровень становления раннеклассовых и раннегосударственных отношений в обществе. Такие огромные курганы как «Золотарь» и «Круглая Горка» по социальному рангу относятся к «царским» курганам. Кроме того, выделяется категория крупных курганов диаметром 30–50 м, условно называемых «княжескими». В погребальных конструкциях и обряде «Золотаря», исследованных «княжеских» и некоторых рядовых курганов четко прослеживается сакский элемент влияния (Алехин Ю.П., 1997, с. 127–128). Получена радиоуглеродная дата сооружения «Золотаря» — рубеж VI–V вв. до н.э.

Рудный Алтай являлся своеобразной контактной зоной между сакским, майэмирско-пазырыкским и, в меньшей мере, большереченским этническими массивами. Своеобразие рудноалтайских археологических памятников скифского времени позволило нам выделить рудноалтайскую культуру эпохи раннего железа (Алехин Ю.П., 1986, с. 38; 1990, с. 122).

Неоднородность этнического состава населения Рудного Алтая в скифское время отразилась разнообразием погребальных традиций рядового населения, что допускает возможность выделения особых типов памятников в рамках рудноалтайской культуры эпохи раннего железа.

Рудный Алтай в эпоху бронзы и раннего железа являлся крупной горнометаллургической областью, седьмой на бывшей территории СССР, источником цветных металлов как для местного населения, так и для соседних регионов (Алехин Ю.П., 1991).

Религиозные и идеологические представления населения Рудного Алтая в скифское время были многообразны: культ мертвых, нашедший свое отражение в погребальном обряде; культ огня; вероятно, культ определенных животных (в основном хищников), отразившийся в образах скифо-сибирского звериного стиля. Находка «индийского» бронзового позолоченного ритуального зеркала-погремушки в погребении жрицы в Локтевском районе (раскопки П.И. Шульги 1994 г.), по мнению исследователя, свидетельствует о проникновении на Рудный Алтай в конце VI–V вв. до н.э. индоиранских религиозных представлений (Шульга П.И., 1997).

В III–II вв. до н.э. на Рудном Алтае происходит смена культурных традиций, меняется и этнический состав населения, что вероятно, было вызвано хуннскими завоеваниями. Скифо-сибирская культурно-историческая общность перестает существовать. Прекращается и функционирование древних рудников на Рудном Алтае.

О.В. Антонова, Ю.С. Худяков

(г. Новосибирск, Институт археологии
и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет)

**ПОГРЕБЕНИЯ ВОИНОВ В ПАМЯТНИКАХ
ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
РАСКОПОК ЮЖНО-СИБИРСКОГО ОТРЯДА САКЭ ИАЭ СО РАН)**

O.V. Antonova, Y.S. Khudiakov

*(Novosibirsk, Institute of Archaeology
and Ethnography SD RAS, Novosibirsk State University)
Warriors tombs of Pazyryk culture on middle Katun
region (by the materials of the South Siberian group excavations)*

Вопросы изучения военного дела древних кочевников Горного Алтая привлекают внимание специалистов в течение длительного времени. М.П. Грязнов и С.В. Киселев использовали находки предметов вооружения как хронологический показатель при отнесении разных групп памятников к различным этапам пазырыкской культуры и сопоставления их с другими культурами скифского и хунно-сарматского времени (Грязнов М.П., 1992, с. 165, 173; Киселев С.В., 1949, с. 168, 174). Первый опыт систематизации материалов по вооружению пазырыкской культуры был предпринят С.И. Руденко, который проанализировал находки стрел, кинжалов, чеканов, щитов и изображения воинов (Руденко С.И., 1960, с. 242–243). В работах А.С. Суразакова рассмотрены находки предметов вооружения из курганов древних кочевников Горного Алтая и его северных предгорий (Суразаков А.С., 1980, с. 170–190). В.Д. Кубаревым были охарактеризованы находки предметов вооружения из курганов рядовых кочевников в восточных районах Горного Алтая (Кубарев В.Д., 1987, с. 54–82). Ножны кинжалов из этих памятников проанализированы А.В. Гребенщиковым (Гребенщиков А.В., 1979, с. 122). В работах Ю.С. Худякова были проведен сравнительный анализ комплекса вооружения кочевников Горного Алтая с наборами оружия других культур скифского времени в Южной Сибири и рассмотрены общие закономерности формирования военного искусства древних кочевников (Худяков Ю.С., 1995, с. 87–90).

В работах В.А. Кочеева рассмотрены вопросы историографии данной темы, предложены опыты классификации чеканов и костяных наконечников стрел, проанализированы различные знаки на костяных стрелах, реконструирован комплекс боевых средств и структура военной организации древних кочевников Горного Алтая (Кочеев В.А., 1987, с. 55–59; Кочеев В.А., 1988, с. 145–157). Наряду с характеристикой военного дела пазырыкской культуры в целом, важное значение имеют работы, в которых анализируются материалы по вооружению из локальных районов распространения культуры. В результате целенаправленного изучения В.И. Молодиным и Н.В. Полосьмак курганов пазырыкской культуры на плоскогорье Укок удалось реконструировать снаряжение пазырыкских воинов (Полосьмак Н.В., 1994, с. 28–29, 6465). Особый интерес представляет, обнаруженное на могильнике Ак-Алаха-I захоронение пазырыкской амазонки — женщины в воинском облачении с оружием (Полосьмак Н.В., 1994, с. 30–39).

Серия находок предметов вооружения была обнаружена в ходе раскопок курганов пазырыкской культуры в среднем течении р. Катунь и ее притоков Эдиган и Ороктой, проводившихся в 1988–1997 гг. Южно-сибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН. За годы работы исследовано 20 курганов пазырыкской культуры на 6 могильниках и курганных группах, в 8 из которых обнаружены предметы вооружения и воинского снаряжения. Эти находки встречены в самых различных условиях, сравнительный анализ которых представляет определенный интерес для реконструкции комплекса вооружения и военной организации пазырыкских воинов (Худяков Ю.С., 1995, с. 87–98).

Курганы с находками оружия относятся к двум хронологическим группам. Первая — включает 5 объектов с полноразмерными предметами вооружения: Салдам, к. 5 и 7; Солдин, к. 1; Кок-Эдиган, к. 2 и 7. Она соответствует пазырыкскому этапу одноименной культуры скифского времени. Вторая — включает 3 объекта с миниатюрными votivными копиями предметов вооружения ближнего и рукопашного боя: Усть-Эдиган, к. 60 и 74; Солдин-эке, к. 2. Она отно-

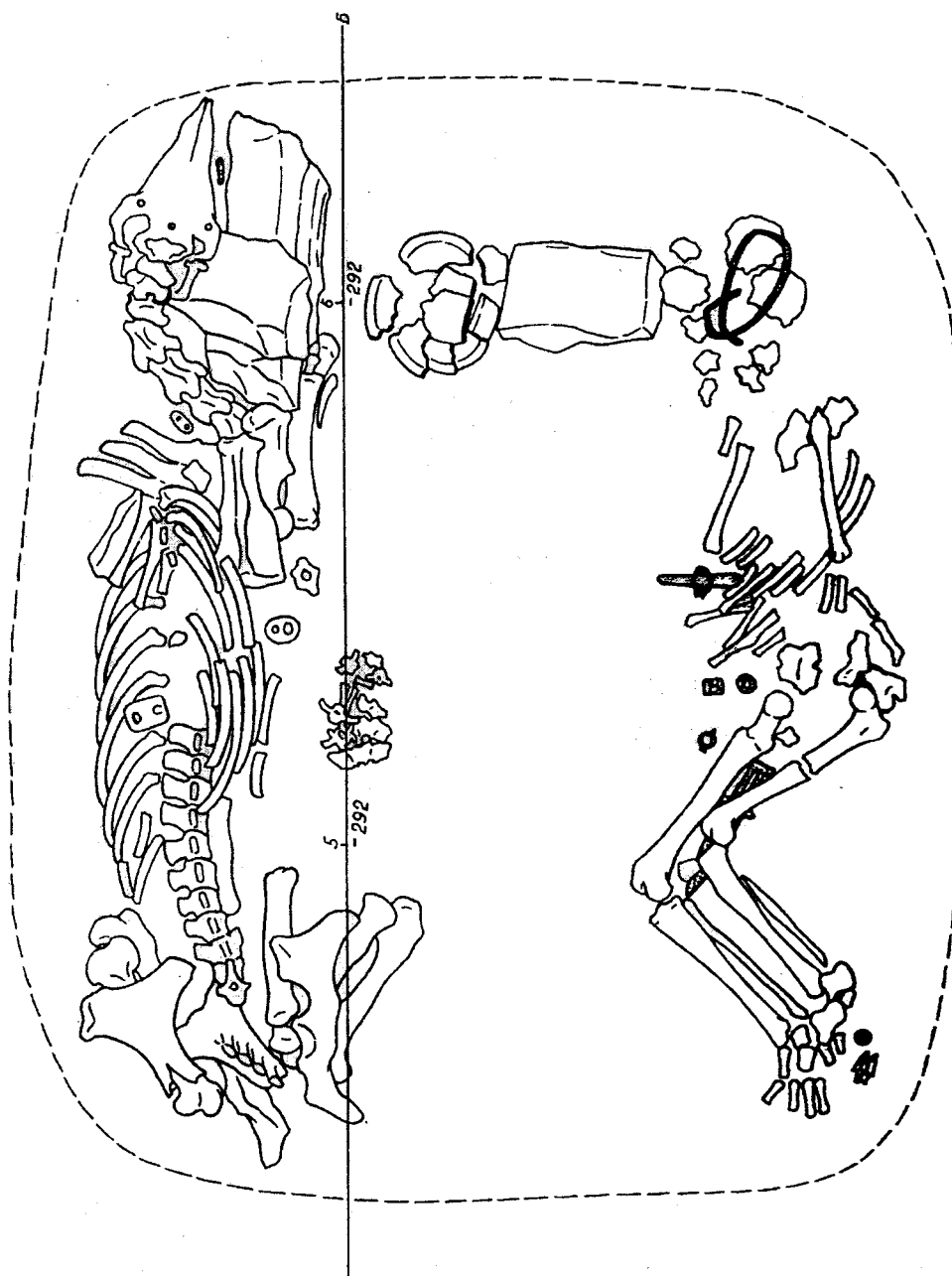

Рис. 1. Кок-Эдиган, к. 7. Погребение воина.

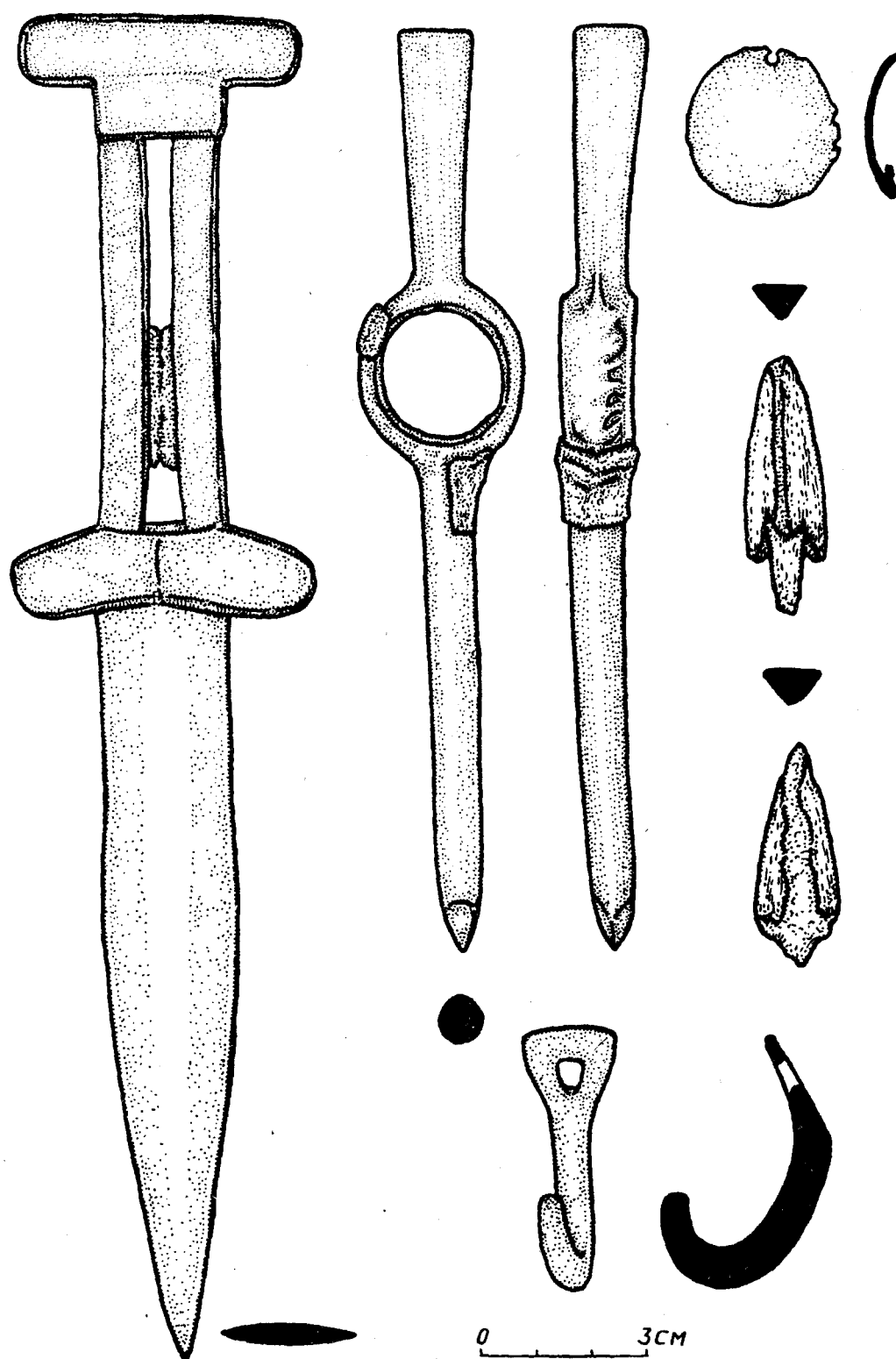

Рис. 2. Кок-Эдиган. Курган № 7. Оружие и снаряжение: 1 — кинжал, 2,3 — чекан, 4 — бляшка, 5,6 — наконечники, 7 — колчанный крюк.

сится к «завершающему» или шибинскому этапу пазырыкской культуры позднескифского времени. В обеих группах представлен один и тот же набор оружия и воинского снаряжения: кинжалы, чеканы и колчаны со стрелами, но в разном сочетании.

В памятниках пазырыкского этапа полный набор вооружения встречен только однажды. В кургане № 7 могильника Кок-Эдиган был погребен воин с конем в полном вооружении и снаряжении. На нем был воинский пояс с бронзовыми обоями, к которому был подвешен колчан. К бедру был пристегнут кинжал. От колчана сохранилась бронзовая бляшка, крюк и два костяных наконечника стрелы (рис. 1; рис. 2). В кургане № 2 того же могильника обнаружено погребение человека с конем, в инвентаре которого был только один костяной наконечник стрелы. На памятниках, расположенных на правобережной террасе р. Катунь, предметы вооружения найдены в одиночных захоронениях без лошадей. Курган № 7 могильника Садам и курган № 1 (могильника Солдин) были ограблены в древности. В них находились остатки нарушенных одиночных захоронений. В первом из них сохранилось заполнение колчана: 3 бронзовых и 7 костяных наконечников стрел, колчаный крюк и бляшка, во втором найден только колчаный крюк.

Судя по этим материалам, воинов хоронили с конем и без коня, в полном наборе или с отдельными предметами вооружения. Эти различия можно объяснить как личными воинскими заслугами умершего, так и принадлежностью к разным родам и их военным отрядам.

В памятниках позднего этапа пазырыкской культуры оружие найдено в парном погребении мужчины и женщины с одним конем в кургане № 60 могильника Усть-Эдиган, в котором обнаружен вотивный чекан и костяной наконечник стрелы. В коллективном погребении четырех человек в кургане № 74 на могильнике Усть-Эдиган при скелете мужчины был обнаружен вотивный бронзовый кинжал. Еще один вотивный бронзовый кинжал в односторчатых деревянных ножнах найден в кенотафе с конем в кургане № 2 на могильнике Солдин-эке.

Судя по этим находкам, оружие в мужских захоронениях этого периода стало выполнять символическую знаковую функцию, ни в одном из погребений не соответствуя полному набору вооружения.

Для выявления процента вооруженных людей к общему количеству населения данных недостаточно, но в составе полностью раскопанного могильника Кок-Эдиган оно составляет около 20%, что соответствует среднему коэффициенту воинов в кочевом обществе.

В.В. Бобров

(г. Кемерово, Кемеровский государственный университет)

К ПРОБЛЕМЕ

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н.Э. НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ

V.V. Bobrov

(Kemerovo State University)

*To the problem of historico-archaeologic development
of the Southern Siberia at the beginning of the first millennium B.C.*

Происхождение культур скифского времени одна из наиболее сложных и дискуссионных проблем археологической науки, которой посвящен значительный объем специальных работ. Не касаясь историографического анализа сформировавшихся концепций и точек зрения, отмечу, что решение этой проблемы развивается в двух взаимосвязанных направлениях. Первое — стадийное историко-археологическое, в рамках которого выявляются общие закономерности возникновения культур ранних кочевников на территории степной макрзоны Евразии, осуществляется идентификация дифференцированных признаков материальной и духовной сферы этнокультурных образований. Второе — региональное, связан-

ное с изучением происхождения и развития конкретных культур раннего железного века в пределах экосистемы региона. Насколько они взаимосвязаны, демонстрирует активизация изучения как общей проблемы, так и региональной раннескифской тематики после исследования кургана Аржан. Значительным достижением современного этапа археологических исследований явилось открытие и изучение памятников аржанского типа в Туве и формирование корпуса источников раннескифского времени Горного Алтая.

Полученная в результате анализа материалов качественная археологическая характеристика раннескифского времени Саяно-Алтая тем не менее, не дает фактологической основы для решения проблемы происхождения культур. В эпицентре дискуссии оказалась проблема хронологии. Вместе с тем, характеристика представляет значительный научный интерес в контексте общего историко-археологического развития на территории Южной Сибири в начале I тыс. до н.э.

Погребальные сооружения и обряд погребения этого времени Саяно-Алтая и, прежде всего, Горного Алтая, обнаруживают много сходных черт с памятниками и обрядом погребения культур эпохи поздней бронзы сопредельных равнинных территорий и межгорных котловин (ареал ирменской, карасукской и лугавской культур). Сходство прослеживается в планиграфии кладбищ, которые представляют собой цепочку курганов (в ирменской среде она чаще выражена на территории Кузнецкой котловины). Для раннескифского времени Горного Алтая типичны курганы с кольцевой каменной выкладкой. Организация сакрализованного пространства могла быть различна и соответствовала определенной экологической среде. В условиях, где строительным материалом являлся грунт проследить конструкцию трудно. Ограду заменяли рвы, ямы или другие способы, ограничивающие пространство кургана (ирменская культура). Круглая или овальная форма типичны для ирменской культуры, реже представлены среди погребальных памятников карасукской и лугавской культур. Причем, на территории Кузнецкой котловины не редко встречаются частичные каменные ограды. Каменные выкладки овальной формы типичны для погребальных памятников монгун-тайгинского типа Тувы. К ирменским погребальным сооружениям близок VIII или верх-еландинский тип (по Ю.Ф. Кирюшину и А.А. Тишкину), особенность которого заключается в отсутствии каменной выкладки и который достаточно широко представлен на территории Горного Алтая.

По количеству погребений в курганном пространстве раннескифские сооружения Горного Алтая идентичны памятникам монгун-тайгинского типа, карасукской и лугавской культур. Одно погребение реже встречается в погребальных памятниках ирменской культуры Верхнего Приобья, но широко представлено в памятниках барабинской лесостепи. По количеству погребений в одном кургане ирменским близки погребальные сооружения алды-бельской культуры Тувы (Грач А.Д., 1980, с. 24–30; Савинов Д.Г., 1994). Идентичен характер уровня захоронения на древней поверхности или в неглубоких грунтовых ямах. Этот признак наиболее показателен для культур позднебронзового и раннескифского времени. Очевидно он связан с общими мировоззренческими представлениями, на что обратил внимание Д.Г. Савинов. Что же касается могильного сооружения, то тип каменного ящика широко представлен в культурах позднебронзового времени Среднего Енисея. В памятниках ирменской культуры он встречается реже и преимущественно на территории Кузнецкой котловины (Титово, Журавлево-4, 5).

Идентичная картина наблюдается и в результате сравнительного анализа положения погребенного. По статистическим данным А.А. Тишкина, раннескифское население Горного Алтая умерших хоронило в скорченном положении, преимущественно на левом боку. Аналогичный обряд наблюдается в погребальных памятниках алды-бельской культуры. В отличие от культур эпохи поздней бронзы сопредельных территорий, только в классических карасукских погребениях такое положение является типичным, но степень скорченности меньше, чем у погребенных Горного Алтая. По этому признаку они аналогичны ирменским, которые предпочитали хоронить на правом боку.

Особого внимания заслуживает снабженность погребенных инвентарем. В связи со значительным количеством грабленных могил раннескифского времени сложно провести идентификацию с погребениями поздней бронзы по этому признаку. Все же, можно полагать, что большая их часть была безынвентарна. В некоторых случаях с погребенными преимущественно находились украшения и детали одежды. Ситуация напоминает обряд позднебронзовых культур Южной Си-

бири и, прежде всего, ирменской культуры, в которой ритуалом было запрещено класть умершему мужчине оружие, орудия труда и сосуды. В определенных случаях с ним помещали только нож. В женских обычны находки украшений и сосудов. Насколько эта черта погребального обряда поддается анализу на обобщенном уровне определить трудно по ряду причин. Более достоверно можно судить о предметах положенных в пределах курганного пространства. Среди них особое место занимают зернотерки. Их находки зафиксированы в раннескифских курганах Алтая (Карбан-І, Семисарт-І, Кор-Кобы-І и др.) в более позднее время (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 58). Эта традиция восходит к поздней бронзе и отчетливо выражена в ирменской культуре Кузнецкой котловины, где обнаружены не только зернотерки, но и жернов каменной мельницы (Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1981, с. 122–135.; Бобров В.В., Чикишева, Михайлов, 1993, с. 9, 13, 56–59). То что она возникает в скотоводческо-земледельческой среде не вызывает сомнения. Показательно её сохранение у раннескифского населения Горного Алтая.

К атрибутам погребального обряда следует отнести захоронение коня или его части широко представленного в раннескифских памятниках. Эта культовая традиция имела широкое диахронное и пространственное измерение. Конкретизируя её позднебронзовым временем, следует обратить внимание на новые открытия в изучении ирменской культуры. В памятниках Кузнецкой котловины зафиксированы захоронения черепов лошадей, лошадей в пределах кургана и кремированной лошади с погребением человека (Бобров В.В., Горяев, 1998, с. 182–186). Ритуал захоронения лошадей в курганах ирменской и раннескифской культурах несомненно имел общую мировоззренческую основу.

Немаловажное место в сравнительном анализе занимает еще одна особенность погребального обряда. Это камни-обелиски, поставленные на могильное сооружение в головах погребенных. Открытие их в памятниках андроновской культуры Восточного Казахстана и поздней бронзы, по мнению автора, дало основание для выявления генезиса оленных камней (Бобров В.В., 1989, с. 17–18; 1992, с. 54–57). Эта идея была поддержана Д.Г. Савиновым (1994). Если в карасукских погребениях камни-обелиски единичны, то в ирменских памятниках Кузнецкой котловины они представлены значительной серией (Журавлево-IV, Танай-VII). Преобладают плоские камни со скошенной вершиной к узкой стороне и без следов выбивки каких-либо изображений. Они обнаружены только в погребениях мужчин от 25 до 35 лет. Однотипные по форме камни-обелиски зафиксированы в ряде курганов раннескифского времени Горного Алтая (Тыткескень-VI, кург. 55; Бийке, кург. 9; 17, 19, 20, 24). Сводка их приведена в монографии Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина (1997, рис. 12.–25, 31, 32–1). Такое совпадение вряд ли можно признать случайным.

Приведенные тождественные признаки погребального обряда раннескифского населения Саяно-Алтая и позднебронзовых культур сопредельных территорий, которые связаны с мировоззренческой сферой, можно дополнить однотипными или близкими по морфологической характеристике предметами материальной культуры (ножи, псалии, бляшки и др.). Все это позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, период финальной бронзы и раннескифского этапа Южной Сибири в идеологическом аспекте представлял собой относительно единый мир. Соответственно, ориентироваться только на северо-западные районы Монголии в поисках истоков формирования погребального обряда раннескифского населения высокогорных районов вряд ли правомерно (Боковенко Н.А., 1986а, с. 21; 1986б; Суразаков А.С., 1988, с. 169; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 61). Если неизвестная страница истории поздней бронзы Горного Алтая (Молодин В.И., 1992, с. 31) не результат недостаточной полевой изученности, то процессы освоения территории могли быть связаны с населением окружающих районов. Можно полагать, что горные ландшафты в эпоху поздней бронзы были знакомы обитателям лесостепи и межгорных котловин. Об этом свидетельствуют пока единичные находки, в том числе керамики ирменской культуры (Кубарев В.Д., 1981; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982; Киреев С.М., Кудрявцев, 1988, с. 165; Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 107; Членова Н.Л., 1977). Во-вторых, обращает на себя внимание высокая степень общих черт погребальной практики и обряда населения ирменской культуры и раннескифского времени Горного Алтая. Причем, для первых они локализованы Кузнецкой котловиной. На данном уровне знаний это можно принять как факт, который требует новой аргументации и исторического объяснения. Предпосылки для освоения высокогорных районов у ирменцев верхнеобского бассейна были. Это демографические процессы, которые привели

к высокой плотности населения в восточных районах ареала культуры; значительный уровень развития скотоводческой отрасли в системе производящей экономики (ирменцы освоили практически все угодья для сезонного содержания скота на подножном корму; повышение доли лошадей в стаде, на что указывал Е.А. Сидоров); горно-металлургические сырьевые ресурсы (как показали спектральноаналитические исследования ирменцы были лишены сырьевых источников Алтая и Центрального Казахстана). Следует также иметь ввиду и удобные естественные коммуникации для освоения ирменцами Горного Алтая. Несомненно, процесс формирования ранней культуры на этой территории был сложным и многокомпонентным.

В приведенной сравнительной характеристике погребального обряда поздней бронзы сопредельных территорий и раннескифского времени Саяно-Алтая соблазнительно видеть основание для синхронного существования культур. Точки зрения исследователей о более древнем возрасте раннескифских памятников региона вплоть до X в. до н.э. приведены в работе Н.Л. Членовой (1997, с. 5–7). Характеристика идентичных признаков наиболее консервативной сферы жизнедеятельности вряд ли может быть признана абсолютным хронологическим критерием. Комплекс датирующих вещей хотя и ограничен, особенно в позднебронзовых культурах, тем не менее достаточно аргументировано представлен в работах Н.Л. Членовой и данном уровне изученности проблемы позволяет согласиться с предложенными ей датами (1994; 1997). Тем не менее, можно предполагать некоторый хронологический диапазон сосуществования названных этнокультурных образований. Тем более это приемлемо для страны гор Южной Сибири с чрезвычайным разнообразием ландшафтов и относительно изолированных экологических районов.

А.П. Бородовский

(г. Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

ЦЕНТРЫ

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОСТОРЕЗНОЙ ОБРАБОТКИ СКИФСКОЙ ЭПОХИ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

A.P. Borodovsky

(Novosibirsk, IAET SD RAS)

*Centres for art bone processing of the
scythian period in the south western Siberia*

Одной из ярких и самобытных составляющих искусства скифского времени является художественная резная «кость». Под этим термином подразумевается все многообразие предметов изготовленных из различных органических материалов, включая кость (трубчатую, плоскую), рог (полый, цельный), клык и бивень, обработанных и декорированных при помощи целого ряда способов художественной резьбы — объемной, высокорельефной, плоскорельефной, выемчатой, контурной (гравировальной) и сквозной. При этом материал мог полностью или частично сохранять свое природную форму или подвергаться целенаправленной разделке на типовые заготовки по определенной технологии. Художественная резная кость, выполненная в традициях скифо-сибирского звериного стиля давно и заслуженно привлекает внимание целого ряда исследователей (Ильинская В.А., 1976, с. 21,23). Такой интерес был обусловлен несколькими причинами: явным своеобразием этих предметов искусства скифской эпохи; связями с проблемами формирования художественных особенностей скифо-сибирского стиля; поиском центров его сложения; выявлением местного своеобразия регионов, входящих или соприкасающихся со скифо-сибирским миром. Литература по затронутым вопросам относительно резной кости настолько обширна и несомненно требует особого анализа, что является темой самостоятельного историографического исследования. Но подход к решению затронутых проблем не возможен без оценки современного состояния корпуса источников художественной резной кости скифской эпохи для ряда определенных территорий.

В настоящее время на юге Западной Сибири (от Обь-Иртышья до Тувы) известно около двух сот предметов художественного косторезного производства, относящихся к скифской эпохе (с VIII–VII по IV–III вв. до н.э.). Территориально образцы художественной резной кости этого времени размещены не равномерно: в Обь-Иртышье — 4%, на Верхней Оби — 16%, Алтае — 44%, в Минусе — 9%, Туве — 27%. Такие особенности вряд ли случайны, поскольку для каждого из этих регионов характерно явное культурное своеобразие, включая в ряде случаев (Алтай, Минуса, Тува) яркую специфику скифо-сибирского звериного стиля. Более того традиционно считается, что изделия художественной резной кости эпохи раннего железа чаще всего имеют местное происхождение. Все это позволяет поставить вопрос о выделении центров художественной косторезной обработки скифской эпохи на юге Западной Сибири. Методика реконструкции таких центров обработки и производства достаточно детально разработана на материалах древнего бронзолитейного дела (Черных Е.Н., 1967, с. 295–301; Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 214–216). При всей структурно-организационной аморфности древнего косторезного производства и особенностей его сырьевой базы, этот опыт вполне приемлем для характеристики художественной резной кости скифской эпохи на юге Западной Сибири. Исходя из общего понятия центра производства как определенной территории, характеризующейся сырьевой базой, временем существования обработки, своеобразием разновидностей изделий и их распространением. Для художественного косторезного производства следует добавить еще несколько специфических признаков. К числу их несомненно относятся: 1. Особенности использования различных видов природных материалов; 2. Особенности раскроя сырья и типов косторезных заготовок; 3. Своеобразие техники художественной резьбы; 4. Влияние обработки других материалов на художественную резьбу; 5. Своеобразие орнаментальной отделки изделий; 6. Особенности художественных образов и композиций; 7. Тонирование, прокраска или инкрустация резных изделий. Все эти черты в различной полноте присутствуют в изделиях сибирских косторезных центров (Орлова Е.П., 1964, с. 14, 24, 27, 30; В.Х. Иванов, 1979, с. 15–23; Валов А.А., 1987, с. 20–25), существующих до настоящего времени. Опираясь на выше перечисленные признаки можно выделить Тувинский, Минусинский, Алтайский, Верхнеобской, и Обь-Иртышский центры художественной косторезной обработки скифской эпохи. В зависимости от местных естественных ресурсов у этих центров несколько различается сырьевая база. Например, в Туве в качестве основного материала использовался рог марала (98%) и лишь в единичных случаях (2%) обрабатывался клык кабана. Минуса в основном характеризуется изготовлением предметов из рога марала (65%) и лося (35%). Алтай отличается значительным разнообразием используемых сырьевых ресурсов, среди которых — рог марала (66%), рог лося (1,5%), таранная кость (31%), чехол полого рога (1,5%). На Верхней Оби так же велико разнообразие сырья, оно включает рог марала (71%), лося (21%), трубчатую кость (4%), метакарпальную кость (4%). В Обь-Иртышье большинство изделий изготовлено из рога лося (80%), а остальная часть предметов (20%) из других материалов. Имеются определенные отличия и в использовании роговых заготовок (Бородовский А.П., 1997, с. 86, 93, 94, 98). Длинные роговые отростки чаще всего применялись на Алтае и Верхней Оби. В Туве и Обь-Иртышье такая заготовка использовалась значительно реже, а в Минусе она не встречалась. Зато, цилиндрические «пеньки» из этой части рога были широко распространены во всех центрах за исключением Минусы. Только на Алтае и в Минусе встречаются пластины из роговых отростков. Тогда как двойная роговая пластина распространена значительно шире от Обь-Иртышья до Енисея исключая Туву. Еще более часто встречается одинарная роговая пластина. Она была представлена на всех территориях, но Алтай и Тува сближаются на основании получения этих заготовок при раскрое широких разветвлений рога марала. Верхняя Обь отличается самым значительным разнообразием используемых заготовок, в том числе и раскроем розетки сброшенного рога. Способы резьбы во всех центрах достаточно разнообразны, но различаются по широте распространения. В Туве особенно широко представлена высокорельефная и рельефная резьба в сочетании с выемчатой. Для Алтая такая корреляция не так часто встречается, а на Верхней Оби эти совпадения вообще отсутствуют и каждый вид резьбы существует самостоятельно. Кроме того в западном направлении постепенно падает значение высокорельефной резьбы. Для Алтая еще следует отметить наличие прорезной резьбы. Существуют заметные отличия и в влиянии обработки других материалов на резную кость в различных центрах. В отдельных случаях можно

говорить о своеобразном «подавлении» местного художественного производства ронзолитейным. Например, как это произошло в Минусинской котловине — одном из самых мощных горно-металлургических центров южной Сибири (Черных Е.Г., 1967, с. 298). Но совпадение границ центров художественной косторезной обработки с бронзолитейным производством далеко не всегда приводило к таким результатам. На Алтае и Туве напротив проявилось яркое своеобразие резной кости. Во многом это было обусловлено тем, что такие территории находились на периферии (Алтай) горно-металлургических центров, либо на ранних этапах испытывали значительное влияние (Тува) соседнего бронзолитейного производства (Минуса). Штампованные сакские металлические изделия (Иссык) явно служили прототипом для резной кости Верхнего Приобья (Усть-Иштовка-I, Рогозиха-I). Не менее значимо для большинства косторезных центров (Алтай, Тува, Верхняя Обь) было влияние обработки дерева. Из других материалов следует отметить — бересту, кожу, войлок (Алтай). Самое значительное воплощение образов в резной кости характерно для Тувы (10), Алтая (8), Верхней Оби (5) в Обь-Иртышье (4) и Минусе (3) их существенно меньше. Для этих же центров наблюдается аналогичное разнообразие композиций. Число их наиболее велико на Алтае. Здесь существует несколько вариантов симметричной развертки головы животного. Однако древнейший образец этого построения известен в Минусе (Кичик-Кюзюр-I). Тува выделяется сложными многофигурными композициями (Грач А.Д., 1980, с. 76), которые единичны на Верхней Оби и Обь-Иртышье, а на Алтае и Минусе в резной кости они вообще отсутствуют. Ранние образцы геральдических композиций известны в Обь-Иртышье (Молодин В.И., 1992, с. 90). Наибольшее разнообразие орнаментального оформления резной кости характерно для Тувы, Алтая и Верхней Оби. Значительно беднее орнамент на предметах из Обь-Иртышья и Минусы. Из региональных особенностей декора следует отметить растительный орнамент Алтая, не встречающийся на других территориях. Глазчатый орнамент в основном распространен в Туве и Минусе и изредка встречается западнее. Точечный орнамент резных изделий Верхней Оби (Гоньба-II, Рогозиха-I) аналогичен минусинским образцам (Туран-II). Это сходство, как отражение связей или влияний далеко не единственное. Тонирование резной кости (коричневое), прокраска (черная, красная) встречается только на Алтае (Пазырык). Неодинаково и разнообразие резных изделий в указанных центрах. Наиболее велико количество различных предметов в Туве, на Алтае и Верхней Оби, в Обь-Иртышье и Минусе число таких вещей не велико. В то же время, для целого ряда центров художественной обработки кости характерны сходные разновидности изделий. Так на Алтае, Верхней Оби и Минусе распространены псалии с зооморфно оформленными окончаниями. В Обь-Иртышье, Верхней Оби, Алтае и Туве встречаются зооморфные пронизи. Резные гребни распространены повсеместно за исключением Алтая. Навершие плетей известны в Туве, Алтае и на Верхней Оби. Существует и местное своеобразие разновидностей резных предметов. Например, ножи с зооморфной отделкой известны только в Минусе, ножны на Верхней Оби, а перекрестья в Минусе. Разделение обширных территориальных центров художественной косторезной обработки на определенные производственные центры пока можно провести только на основе локализации некрополей с представительными сериями резных предметов. Поскольку большинство таких изделий происходит из погребальных комплексов. В Туве некрополи с единичными резными предметами составляют 47%, с двумя вещами — 12%, с 3–5 поделками — 35%, с 6–10 изделиями — 6%. Комплексы с значительными выборками образуют три локальные группы (производственные центры!?) — юго-западную (Саглы-Бажи-II, IV, VI, Дужерлиг-Ховузу-I, Даган-Тели-I), — центральную (Хадынныг-I, Хемчик-Бом-III, Урбюн-III, Аймырлыг) и северо-восточную (Аржан, Туран-I, II, IV, V).

В Минусе в основном преобладают комплексы с единичными предметами 77%. Могильники с двумя вещами (11,5%) и серией предметов (11,5%) крайне редки. Эти комплексы группируются на — правобережье (Туран-I, II) и — левобережье (Черновая-I, Подгорное Озеро, Барсучиха-I) среднего Енисея. На Алтае погребальные памятники с единичными резными предметами составляют 67%, с двумя вещами — 9%, с 3–5 предметами — 24%, с более значительной серией изделий — 1%. Могильники с большим количеством резной кости расположены в основном в Восточном (Пазырык, к. 2, 3), Центральном (Башадар, к. 1, Шибе, Туяхта) и Северном (Майма-VII, XIX, Барангол-I) Алтае. На Верхней Оби некрополи с одним резным изделием составляют 56%, с парой вещей 19% и 3–5 поделками 26%. Территориально эти комплексы группируются в

Бийском (Красный Яр-I, Бийск-I, Аэродромный), Барнаульском (Усть-Иштовка-I, Рогозиха-I) и Новосибирском (Новый Шарап-II) Приобье. В Обь-Иртышье в связи с малочисленностью находок такое разделение провести сложно. Не менее интересен вопрос о хронологии существования центров художественной косторезной обработки скифской эпохи на юге Западной Сибири. Для Тувы, Минусы, Алтая по мнению ряда авторов (Членова Н.Л., 1971, с. 212–214; Ильинская В.А., 1976, с. 26) характерно наличие явных связей резной кости раннескифского времени с предшествующей эпохой бронзы. Это касается головок коней (Аржан, Березовка-I, Кызыл-Куль), восходящих к каменным зооморфным жезлам. Такое сходство подтверждается и определенными технологическими особенностями. В частности голова лошади из Березовки-I изготовлена из довольно своеобразной заготовки — отростка рога с частью стенки роговой ветви или закраины, что типично для эпохи бронзы, а не для раннего железа. Привлекает внимание и то, что в отличие от раннескифских комплексов восточно-европейских территорий для юга Западной Сибири не характерно исключительное бытование архаичных образцов звериного стиля в резной кости. Напротив, этот регион отличается параллельным бытованием таких изделий как в «кости», так и в металле, что затрудняет определение исходного материала на основе которого формировались художественные особенности скифо-сибирского стиля. Из недавней истории развития художественных косторезных центров Сибири известно влияние на них социально-экономических и военно-политических потрясений (Орлова Л.А., 1964, с. 9). Для юга Западной Сибири воздействие этих факторов прослеживается на ряде примеров. Так, известное совпадение поражения юэчжей от гуннов в III–II вв. до н.э. и прекращение существования пазырыкской культуры на Алтае приводит к исчезновению одного из ярких центров художественной косторезной обработки скифского времени. В Туве, в это время, напротив изготовление художественной резной кости продолжает развиваться, оказывая как и прежде (Грач А.Д., 1980, с. 74, 75) воздействие на среднеазиатский регион, а через него и на Обь-Иртышье (Бородовский А.П., 1995, с. 59). Определенный импульс для развития резной кости Верхней Оби исходит в конце I тыс. до н.э. из Минусы.

В целом выделение ряда центров художественной косторезной обработки на юге Западной Сибири, позволяет не только обобщить определенную разновидность предметов скифо-сибирского искусства, но структурировать их технологические и декоративные особенности, а так же подойти к вопросам связанным с судьбами звериного стиля эпохи раннего железа в таком органическом материале, как «кость».

А.В. Варенов

(г. Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)

СКИФСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ КИТАЙСКОЙ ЧАСТИ АЛТАЯ

A. V. Varyonov

(Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography)

Scythian materials from the chinese part of Altai

Важнейшим из известных сейчас памятников китайской части Алтая в Северном Синьцзяне и единственным, хотя бы частично раскопанным и опубликованным, является Кээрмуци (в одном из последних китайских изданий принят иной вариант транскрипции этого топонима — Цемуэрцекэ, т.е. Цемурцек или Чемуручек). Он расположен в 12 км к юго-западу от уездного центра — города Алэтай (Алтай). Могильник Кээрмуци был открыт в ходе археологической разведки по поиску и описанию древнетюркских каменных изваяний летом 1961 г., и именно благодаря их присутствию (Ли Чжэн, 1962). Раскопки производились во второй половине 1963 г. под руководством И Маньбай и Ван Минчжэ. Первыми исследователями могильник был признан разновременным и разнокультурным и на основе не всегда оправданных китайских аналогий датирован тысячелетием от эпохи Западной Хань (III в. до н.э.) до эпохи Тан (VII в. н.э.) (И Маньбай, 1981, с. 32).

По мнению отечественных авторов, некоторые из находок в Кээрмуци «предполагают более раннюю дату, быть может, они относятся к эпохе бронзы. Так, помимо круглодонных леп-

ных сосудов (датировка которых может быть и поздней) здесь найдены каменные и костяные наконечники стрел, бронзовый нож и, что особенно интересно, две литейные формы...» (Восточный Туркестан, 1988, с. 148–149). Три последние категории вещей обнаружены в пределах оградки М17, где, по Ю.А. Заднепровскому, «был похоронен литейщик-металлург бронзового века» (Заднепровский Ю.А., 1992, с. 120). Однако данный комплекс описан у петербургского автора с таким количеством ошибок и неточностей, что вернуться к М17 еще раз просто необходимо. К тому же, по нашему мнению, хотя древности эпохи бронзы и тюркского времени в Кээрмуци действительно присутствуют, именно опубликованное Ю.А. Заднепровским погребение относится к раннему железному веку.

Длина оградки М17, образованной из прерывистого ряда камней, 20,8 м с запада на восток, ширина — 12,1 м с севера на юг, высота над поверхностью земли — 10–20 см (рис. 1). У восточной стенки оградки три довольно высоких и толстых вертикально стоящих камня со сломанными верхушками, возможно, по мнению китайских авторов, остатки каменных изваяний. Одно из них, AL.K.TA.14, что примерно в 5 м восточнее небольшого подквадратного каменного ящика с длиной стенки около 0,5 м (рис. 1.–3), отмечено в отчете 1962 г. В западной части оградки расположен каменный ящик размерами 1,4×1,62 м, глубиной 0,7 м и с ориентацией по азимуту 20°, сделанный из правильных плит толщиной около 30 см, получивший индекс М17м1 (рис. 1.–1). В него впущен по диагонали из северо-восточного к юго-западному углу собранный из камней разной величины прямоугольный ящик длиной 1,8 м и шириной 0,6–0,3 м с лежащим внутри него вытянуто на груди, лицом вниз, головой на северо-восток человеком. Никакого сопроводительного инвентаря ни в основном, ни во впускном ящиках нет.

В центре оградки М17, под слоем беспорядочно насыпанных камней помещается другой каменный ящик, получивший индекс М17м2, с размерами 2,3×1,04 м, глубиной 1,28 м и ориентацией по азимуту 22°, перекрытый сверху тремя каменными плитами (рис. 1.–2). В земляном заполнении в верхней части этого ящика найдено два костяных наконечника стрел, а на глубине 60 см от устья могилы полный человеческий скелет, лежащий в скорченном положении на боку с согнутыми конечностями, головой на восток. К северу от черепа стоял керамический горшок, южнее левой руки помещался небольшой бронзовый нож, у верхней оконечности бедренной (а не большой берцовой, как сказано у Ю.А. Заднепровского) кости — бронзовый наконечник стрелы, другой — в районе шва на стыке тазовой кости и копчика, устьем втулки, в которой сохранились остатки древка, в сторону талии погребенного, так что этот наконечник, скорее всего, и послужил причиной смерти. У Ю.А. Заднепровского вместо последней фатальной стрелы фигурируют «костяная миска» (результат дословного перевода китайского анатомического термина «*гуаньнь*» — «тазовая кость»), «проушина топора и часть головной шпильки». В том же каменном ящике, в 30 см ниже скорченного погребения, найдено четыре каменных сосуда и большое количество костяков (судя по черепам — от 20 человек), заполнявших все пространство могилы в три слоя. Ю.А. Заднепровский, вслед за китайскими авторами, интерпретирует их как принесенных в жертву рабов, «сопровождающих хозяина».

Костяные черешковые наконечники стрел из заполнения М17м2 трехгранные, с остролистным пером, обрезанным под острым углом к уплощенному черешку так, что образуются жальца (рис. 2.–2). Они существовали в близлежащих районах Сибири и Казахстана в эпоху бронзы и раннего железа (Иванов Г.Е., 1987, с. 13). Датировка костяных черешковых наконечников стрел считается затруднительной (Молодин В.И., Новиков А.В., Кан Ин-ук, 1997, с. 144), зачастую их вообще не рассматривают как датирующий материал (Новикова О.И., 1997, с. 131). Однако ряд авторов дает костяным черешковым наконечникам стрел, аналогичным найденным в Кээрмуци, более узкую раннескифскую дату. Со ссылкой на монографию А.Д. Грача (Грач А.Д., 1980), они пишут: «Костяные черешковые наконечники VII — нач. VI вв. до н.э. на Алтае и в Туве имеют ряд характерных особенностей, отличающих их от пазырыкских и сагайских второй половины VI—III вв. до н.э. Головки раннескифских наконечников по направлению к острию в первой половине своей длины зачастую несколько расширяются, а переход к острию происходит резко, как правило, во второй половине длины головки или у начала последней трети» (Шульга П.И., Казаков А.А., Ведянин С.Д., Семибратов В.П., Ситников С.М., 1997, с. 127). Бронзовый прямой однолезвийный пластинчатый нож с отверстием в рукояти (рис. 2.–1) характерен для скифского времени, начиная с VII—VI вв. до н.э., и встречается, на-

пример, в пазырыкской культуре Горного Алтая (Кубарев В.Д., 1991, с. 69–70; Кубарев В.Д., 1992, с. 53–54).

Из четырех бронзовых наконечников стрел, найденных в Кээрмуци, три охарактеризованы в отчете о раскопках как трехгранные, а четвертый, плоский, ромбической формы, но тонкий «как бронзовый листок» был настолько необычен для Китая, что у местных археологов даже возникло сомнение, а стрела ли это вообще (И Маньбай, 1981, с. 28). Реально этот наконечник относится к двухлопастным втульчатым листовидным с выступающей втулкой и шипом (рис. 2.–4). Наконечники такого типа бытуют в Южной Сибири (где они датируются VII–VI вв. до н.э.), в том числе и на Алтае (скорее, в лесостепной, чем в горной части) (Кочеев В.А., 1995, с. 95–96; Иванов Г.Е., 1987, с. 8), в Восточном Казахстане (Черников С.С., 1965, с. 48–49, 178–184) и далее на запад, причем «ни до, ни после скифской эпохи такие формы стрел не употреблялись» (Членова Н.Л., 1993, с. 51). Три других бронзовых наконечника стрел из Кээрмуци черешковые, не только трехгранные (рис. 2.–5), но и трехлопастные с насадом-лопаточкой (рис. 2.–3). Последние датируются на соседних территориях VII–IV вв. до н.э. (Акишев К.А., 1973, с. 49; Иванов Г.Е., 1987, с. 11–12). Именно такой наконечник стрелы и найден вместе с другим, втульчатым листовидным с шипом, в погребении М17м2. В свете изложенного выше, скорченное захоронение в верхней части каменного ящика М17м2 можно считать могилой раннескифского времени, впущенной в еще более раннюю погребальную конструкцию, перекрытую после этого сверху тремя каменными плитами и каменной насыпью. Захоронение 20 человек в нижней части М17м2, сопровождаемое четырьмя каменными сосудами, принадлежит истинным создателям больших каменных ящиков в Кээрмуци, которые должны датироваться доскифским временем.

Трехгранный бронзовый наконечник стрелы с остатками древка на черешке (рис. 2.–5) происходит из погребения в грунтовой яме под каменным курганом М30, самым северным в цепочке аналогичных сооружений, где вместе со стрелой найдено бронзовое кольцо. Еще один бронзовый трехгранный или трехлопастной наконечник обнаружен в погребении в каменном ящике М7м1 размерами 2,18×2,74 м, глубиной 1,36 м и с ориентацией по азимуту 20°. Вместе с бронзовой стрелой и перемешанными костями по меньшей мере пяти человек, в том числе одного подростка, там обнаружены четыре кремневых наконечника стрел, шесть каменных сосудов, бронзовое и аналогичное каменное изделия непонятного предназначения и керамический плоскодонный сосуд баночной формы с прямыми стенками высотой 11 см, диаметром доньшка 8,5 см и диаметром по венчику 10 см, украшенный ниже среза устья обрамленным резными кольцевыми линиями орнаментальным пояском, составленным из рядов треугольных ямок, заключенных между наклонными резными линиями. Ясно, что и это погребение в каменном ящике, относящееся к эпохе бронзы, не обошлось без впускных элементов скифского времени.

Видимо, похожая ситуация со впущенным погребением скифского времени наблюдается в каменном ящике М4 размерами 2,35×3,30 м, глубиной 1,9 м и с ориентацией по азимуту 10°. Там среди перемешанных человеческих костей и черепов и фрагментов разбитых каменных и керамических сосудов найдены обломки железного изделия и целый плоскодонный кувшин ху общей высотой 16,7 см, с устьем диаметром 6,7 см и доньшком диаметром 7,7 см (рис. 2.–7). Сосуд этот с узким прямым горлышком и пузатым туловом изготовлен, по сообщению китайских археологов, на гончарном круге, но без подправки скоблением или лошением из красной песчанистой керамики, обожженной при низкой температуре. Он заметно отличается от большинства остальной посуды Кээрмуци, но похож по форме и размерам на сосуды скифского времени с сопредельных территорий, например, пазырыкские горшки из Горного Алтая (Кубарев В.Д., 1987, с. 42–45). Правда, последние вылеплены вручную «ленточной» техникой, с последующим заглаживанием жидкой глиной и лошением. Китайские ученые сравнили кувшин из М4 с керамикой усуньского могильника Мочжатэ в уезде Чжаосу в том же Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, и с кувшином ху из сяньбийского (сяньбэйского) могильника Вангун во Внутренней Монголии, датируемых обычно эпохой Хань (И Маньбай, 1981, с. 27). Есть керамика раннего железного века и в погребении в каменном ящике М2, размерами 2×2,9 м, глубиной 1,78 м и с ориентацией по азимуту 20°. Это плоскодонный ситуюлообразный сосуд высотой 14 см, с диаметром доньшка 7 см и диаметром по венчику 13,1–13,4 см, изготовленный

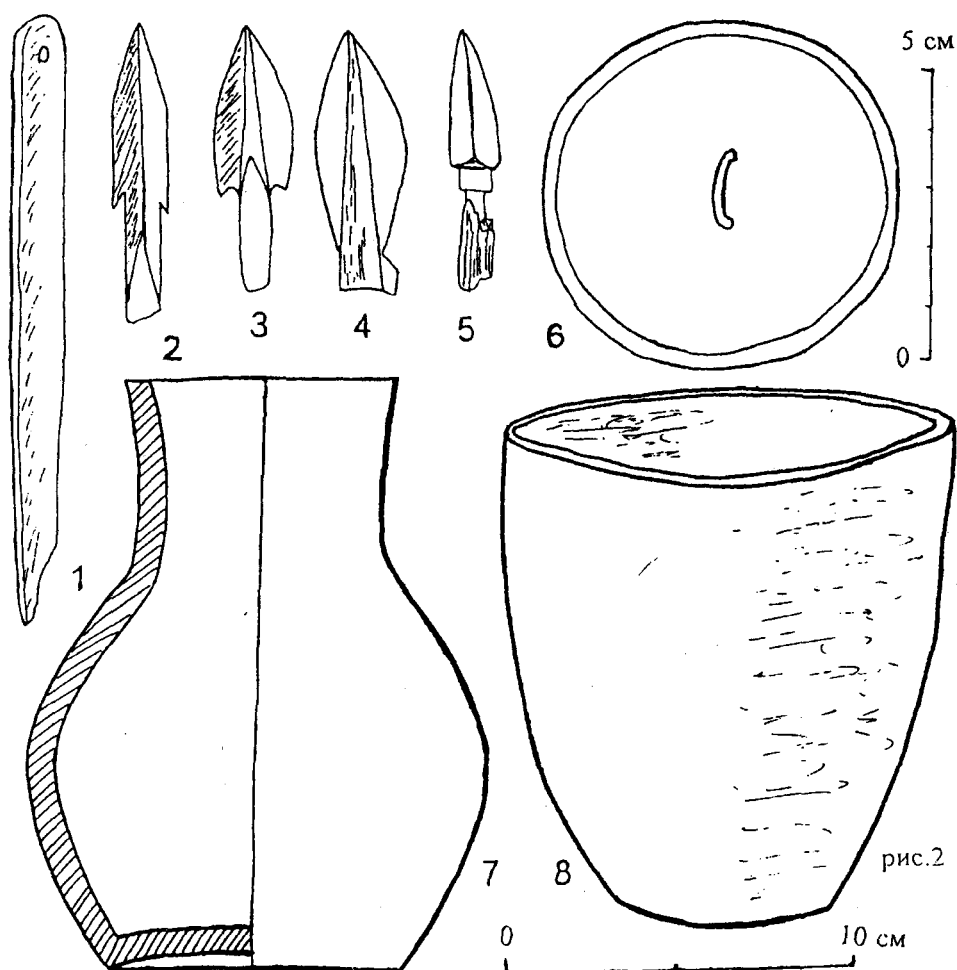
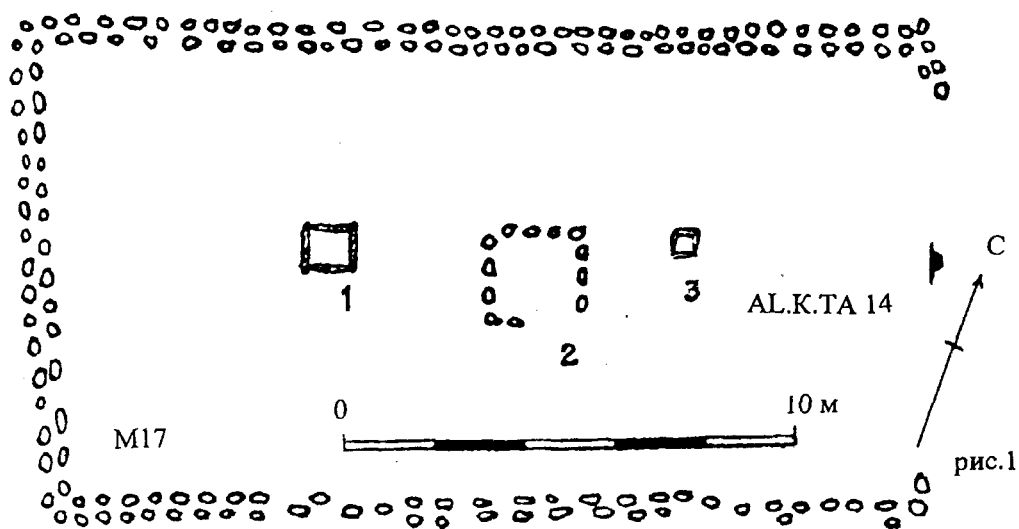

Рис. 1. План оградки M17 в Кээрмуци.

Рис. 2. Инвентарь скифского времени из Кээрмуци. 1 — нож; 2-5 — наконечники стрел; 6 — зеркало с бортиком и центральной петелькой; 7,8 — сосуды. 1-4 — из погребения M17м2; 5 — из погребения M30; 6 — из погребения M22; 7 — из погребения M4; 8 — из погребения M2. 1,3-6 — бронза, 2 — кость, 7,8 — керамика. Нож и сосуды, наконечники стрел и зеркало выполнены в одном масштабе. Все, кроме 7 — прорисовки с фотографий. Все прорисовки и масштабирование выполнены автором.

вручную из песчанистой керамики серо-бурого цвета и неравномерно обожженный (рис. 2.–8). Вместе с ним найдены четыре каменных сосуда, три кремневых наконечника стрел и перемешанные останки примерно 19 человек.

Еще один несомненный элемент скифской культуры в Кээрмуци — бронзовое безорнаментальное зеркало диаметром 6 см с бортиком и центральной петелькой из могилы М22 (рис. 2.–6). И Маньбай посчитал его чжаньгоским (V–III вв. до н.э.) импортом с Центральной Китайской равнины и сравнил по форме и размерам с зеркалами из могильника царства Го в Шанцуньлине. Однако шанцуньлинские зеркала никак не чжаньгоские. Ни одно погребение данного могильника не могло быть совершено позднее 655 г. до н.э., когда Го было поглощено государством Цзинь (Варенов А.В., 1984, с. 48). Специальное исследование, предпринятое С.А. Комиссаровым в середине 80-х гг., показало, что значительная часть могил Шанцуньлина «относится примерно к одному периоду — вторая половина IX — первая половина VIII в. до н.э.» (Комиссаров С.А., 1985, с. 9–10). Эти хронологические выводы подтвердили и новые китайские раскопки 90-х гг. (Комиссаров С.А., 1995, с. 67–68). Безорнаментальных зеркал с петелькой и бортиком в Шанцуньлине два, диаметром 5,9 и 6,4 см, оба из могилы № 1650 (Ли Сюэцин, 1959, с. 27).

Кроме того, круглые бронзовые безорнаментальные зеркала с бортиком и центральной петелькой на территории Китая встречены в погребениях в каменных ящиках М101 и М102 из Наньшаньгэня в уезде Нинчэн, что в восточной части Внутренней Монголии (Варенов А.В., 1985, с. 165–172). В М101 их два, диаметром 6,6 и 8,4 см (Погребение в каменном ящике, 1973, с. 35), в М102 — одно, диаметром 7,8 см (Ань Чжиминь, Чжэн Найу, 1981, с. 306). Оба погребения датируются рубежом Западного Чжоу — Чуньцю, т.е. концом IX — началом VIII вв. до н.э. В самом Синьцзяне круглые безорнаментальные зеркала с бортиком и центральной петелькой известны из раскопок древнего могильника у водохранилища Кэцзыэр (Кизил), что в уезде Байчэн — один экземпляр диаметром 12,5 см (Му Шуньин, 1993, с. 52, 186, 219) и в виде случайной находки диаметром 9,5 см, сделанной в 1995 г. в г. Алтай, недалеко от Кээрмуци (Ван Линьшань, Ван Бо, 1995, с. 23, 81). На сопредельных с Северным Синьцзяном территориях Восточного Казахстана и Алтая, по сводке Т.М. Кузнецовой, известно 5 зеркал с бортиком. Все они датируются VII–VI вв. до н.э., так же, как и зеркала Южной Сибири, Центрального Казахстана, Приаралья и более западных районов (Кузнецова Т.М., 1991, с. 22–29).

Захоронение М22 с зеркалом из Кээрмуци совершено под курганом диаметром 9 м и высотой 0,9 м, на восток от которого стоит вертикальный камень-балбал высотой 1,6 м. Могильная яма подпрямоугольная в плане, с закругленными углами, вытянутая длинной осью по линии запад-восток, размерами 2,9×1,9 м и глубиной 1,4 м, сужается от устья ко дну. У ее северной стенки близ дна есть уступ из обожженной земли шириной 30 см, на который помещен лошадиный скелет. В могиле двое погребенных на боку с согнутыми конечностями, головами на восток, лицом на север, окруженные кольцом из валунов. Из сопроводительного инвентаря, помимо бронзового зеркала, есть два фрагментированных керамических сосуда, два небольших железных ножа, бронзовый гвоздь и несколько листов золотой фольги. По всему комплексу признаков, включая вертикальный камень-балбал к востоку от кургана, размеры, глубину могильной ямы, размещение коня у ее северной стенки на специальном уступе, позу и ориентацию умерших, состав инвентаря, погребение М22 (единственное с конем в Кээрмуци) соответствует пазырыкской культуре (Степная полоса, 1992, с. 166–167, 410), памятники которой распространены в Горном Алтае вплоть до самых его южных пределов (Полосьмак Н.В., 1994, с. 11) и в долине верхнего Иртыша с притоками (Черников С.С., 1975, с. 133), одним из которых и является река Кээрмуци.

Конечно, материалами из Кээрмуци скифские древности в Северном Синьцзяне не исчерпываются. В результате разведок известны многочисленные курганные могильники, в качестве случайных находок собрано большое количество бронзовых изделий. Проблема заключается только в проведении раскопок и своевременной и полной публикации их результатов.

Работа выполнена при поддержке Российского Гуманитарного научного фонда, проект 99–01–00319.

С.А. Васютин

(г. Кемерово, Кузбасская лаборатория археологии и этнографии)

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ КОЧЕВНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
ГОРНОГО АЛТАЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ**

S.A. Vasutin

(Kemerovo, Kuzbass laboratory of archaeology and anthropology)

*The study problems of the Mountainous Altai
scythian time nomad social organization by the material of tombs*

Семья и производственные группы. Особенностью горно-алтайских могильников в раннескифское время было расположение курганов цепочками, микроцепочками (по 2–3 объекта) и группами до 5 насыпей (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 56), а в пазырыкское время — цепочками или крупными некрополями с разделением на цепочки и группы (Башадар, Туэкта). Учитывая сравнительную малочисленность погребений в каждой из цепочек (до 16 насыпей — Кубарев В.Д., 1987, с. 11), можно высказать предположение, что речь не должна идти о крупных социальных формированиях (община, род). Расположение курганов микроцепочками по 2–3 объекта могло быть связано с семейными погребениями, а более крупных цепочек и групп с неразделенной семьей. Могильники со значительным количеством курганов могли принадлежать объединениям нескольких родственных семей или родам. В тоже время расположение курганов группами или микроцепочками на площади даже крупных могильников отражает фактическое разделение родственных и сезонных производственных групп — айлов (Масанов Н.Э., 1986, с. 20–26) на стабильные микрогруппы, наиболее реальными из которых могли быть парные и патриархальные семьи (Шульга П.И., 1989, с. 43; Кубарев В.Д., 1992, с. 8). Гипотезу о семейном характере отдельных групп курганов могильника Пазырык высказал еще С.И. Руденко (Руденко С.И., 1952, с. 57–58; 1953, с. 259). Семейный характер, по мнению Ю.С. Худякова и В.С. Миронова носили цепочки могильника Кок-Эдиган (Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1997, с. 313). Идею существования малой семьи подкрепляют палеоантропологические данные из Улангомского могильника в Монголии (Мамонтова Н.Н., 1986, с. 84) и комплексное исследование погребений в срубах саглынской культуры (Грач А.Д., 1975, с. 166–168; 1980, с. 49–50).

Ряд исследователей связывают расположение курганов на могильном поле и их внутреннее устройство с имитацией реально существовавших жилищ и конкретной планировки поселений. Большие курганы типа Башадарских с окружающими жертвенными выкладками (к ним можно прибавить и расположенные рядом не «царские» погребения — прим. С.В.) вместе с центральным курганом имитировали жилище отдельных семей вокруг вождя, т.е. курень. На Алтае преобладала «айльная» планировка погребальных комплексов. Как в цепочке жилищ можно выделить «малые звенья близких родственников», так и в цепочке алтайских курганов им должны соответствовать «малые семейные цепочки» (Шульга П.И., 1989, с. 42–43; Тишкин А.А., 1996, с. 93; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 56).

Социальное положение женщин, их роль в культовой жизни. Подавляющим большинством ученых признается тот факт, что статус женщин в скифское время немногим уступал общественному положению мужчин, что определялось существованием парной семьи и активным участием женщин в ведении скотоводческого хозяйства (Грач А.Д., 1975, с. 169–175; 1979, с. 78; 1980, с. 52–56; Ануфриев Д.В., 1997, с. 109; Тишкин А.А., 1997, с. 94.; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997, с. 115; Черемисин Д.В., 1997, с. 100). В подтверждение данного мнения указывается на сооружение отдельных курганов для погребения женщин, наличие в части женских погребений, как и в мужских сопроводительных захоронений коней, разнообразного инвентаря и т.д. (Кубарев В.Д., 1987, с. 11, 15–16, 21; 1991, с. 30, 37; 1992, с. 21; Тишкин А.А., 1997, с. 94; Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1997, с. 313). Нам известен только один случай на периферийном для Горного Алтая памятнике (раннескифское погребение № 2 могильника Чесново-1), где можно предполагать зависимое положение женщин (Шульга П.И., 1998, с. 67).

Точка зрения А.А. Гавриловой о погребении мидийской принцессы в Пятом Пазырыкском кургане (Гаврилова А.А., 1996, с. 94–99) представляется мало реалистичной, как и ее предположение о том, что в «царских» курганах в отдельных колодах хоронили «наложниц» (Гаврилова А.А., 1996, с. 94). Последнее мнение широко распространено (Руденко С.И., 1948, с. 55; 1952, с. 242–243; Кузнецова Т.М., 1989, с. 72–73; Марсадолов Л.С., 1997, с. 99). В данной позиции прослеживается определенная двойственность: при характеристике женщин погребенных в «царских» курганах Алтая как «наложниц», описание погребений скорее позволяет видеть в них «жен» правителей, а не их рабынь (отдельное положение в колоду, богатый инвентарь, изысканные одежды, «холеные руки, не знавшие тяжелой работы» — Руденко С.И., 1948, с. 56; 1952, с. 242–243; 1953, с. 254; 1960, с. 237). Необычной являлась находка при женском погребении кург. № 1 могильника Ак-Алаха-I. предметов вооружения и, что совершенно уникально для пазырыкских женщин, наборного пояса и войлочного головного убора, которые являлись атрибутами только «воинов-всадников» (Полосьмак Н.В., 1994а, с. 28, 30–34, 37–38, 43). Учитывая доступность погребальной камеры в течение длительного времени после похорон и возможность их многоактного использования (Грач А.Д., 1975, с. 169–172; 1980, с. 51–54; Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1989, с. 160–164; Савинов Д.Г., 1996, с. 107–111), то погребения «супругов» (Пазырык-II) вполне могли происходить в разное время и женское захоронение не обязательно носило сопроводительный характер.

Наряду с общим достаточно высоким положением женщин, по-видимому, признавалось их право на некую половозрастную замкнутость, так как рядом исследователей уже отмечалось наличие памятников с преобладанием женских и детских погребений (Кубарев В.Д., 1987, с. 23; Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1997, с. 313).

Вопрос о «жрицах» («жреческих» атрибутах в погребениях женщин) у пазырыкцев необходимо рассматривать в контексте дискуссии о женском жречестве у ранних кочевников в целом и, особенно, у «савроматов». Данный вопрос не может быть решен отрицательно, только на основании аргументов высказанных В.Ю. Зуевым (Зуев В.Ю., 1996, с. 57–66). Использование красящих веществ в бытовых и ритуальных не противоречит культовой роли женщин (Полосьмак Н.В. и др., 1997, с. 270–274). Высказаны и дополнительные аргументы в пользу существования «жриц» в скифском обществе Горного Алтая (Черемисин Д.В., Запорожченко А.В., 1996, с. 31–32; Шульга П.И., 1997, с. 146–147). Различия в положении мужчин и женщин не означает, что не было дифференциации женского населения и, что отдельные представительницы «слабого» пола не могли занимать высокого и даже очень высокого положения в обществе (Бернабей М., Бондиолли Л., Гуиди А., 1994, с. 173).

Неординарное общественное положение женщины могли занять или как члены знатной семьи (мать, жена, вдова вождя), или как служительницы культа. Так как обычно первых хоронили на семейных кладбищах (захоронения женщин в курганах Пазырыка, Башадара, Туэкты), то женское погребение в кург. № 1 могильника Ак-Алаха-III скорее всего принадлежала «жрице». Одиноко стоящий курган «наглядно» разрушал «те родственные связи», которые призваны были отразить цепочки пазырыкских захоронений. В тоже время курган «жрицы» был устроен в центральной части долины р. Ак-Алаха и таким образом погребенная в нем женщина «как бы принадлежала сразу всем пазырыкским семьям и родам, зимовавшим на Укоке» (Полосьмак Н.В., 1994, с. 3). Уникально в этом отношении и женское захоронение в кург. № 5 могильника Бике-I, с двумя пристроенными вплотную курганами-кенотафами (№ 4 и № 6), которые подчеркивали более высокий социальный ранг погребенной (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 87–88).

Социальная структура. Рядовой характер большинства захоронений раннескифского времени, в которых разделения имели, в основном, половозрастной характер, оставляет открытым вопрос о социальной структуре населения Горного Алтая в этот период (Тишкин А.А., 1997, с. 93–95). Существование сравнительно богатых одиночных курганов свидетельствует о том, что устойчивого воспроизводства высокого общественного статуса в IX–VII вв. до н.э. еще не было (в сравнении с цепочками «царских» курганов пазырыкской эпохи). В VI–III вв. до н.э. ярким выражением стратификации стали размеры погребальных сооружений, богатство инвентаря, количество конских сопроводительных захоронений коней (от 0 до 22, в то время как в раннескифское время их количество и доля в общей массе памятников минимальны — Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 59). По-видимому, эволюция (смена) населения Горного Алтая привела не только к значительному усложнению социальной системы, но и милитаризации общества (Кочеев В.А., 1990, с. 108–110; 1998, с. 271, 273; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 86; Ми-

ронов В.С., 1997, с. 107; Худяков Ю.С., 1997, с. 11). В связи с этим Д.В. Черемисин указал на определенную социальную монолитность носителей пазырыкской культуры. Общество исповедовало единую систему ценностей, смыслом и содержанием которой была война, и его наивысшие идеалы были равномерно распределены во всех социальных и половозрастных стратах (Черемисин Д.В., 1997, с. 100).

Первым реконструировать социальную структуру кочевников Саяно-Алтая на основе археологических материалов попытался А.Д. Грач. Он выделил 3 группы («царские», «родовой» и «дружинной» аристократии, рядовых кочевников) погребений (Грач А.Д., 1975, с. 161–166; 1980, с. 46–48), указав на существование нескольких слоев аристократии, что имело важное методологическое значение в отходе от упрощенных представлений о социальной структуре ранних кочевников. В начале 80-х гг. А.С. Суразаков, с учетом опыта других археологов, разработал новую модель социальной стратификации «пазырыкцев» на основе созданной им типологии алтайских захоронений (погребения «рядовых кочевников», дифференциация которых проявлялась в отклонениях от стандартного набора инвентаря и количестве конских захоронений; «глав семейно-родственных групп и родов»; «племенной аристократии» и «вождей племен») в соответствии с такими критериями как грандиозность погребального сооружения, его конструктивные особенности, объем трудозатрат на возведение кургана, способ погребения и состав сопровождающего инвентаря (Суразаков А.С., 1983, с. 72–74, 83–85). Следует сказать, что захоронения «глав семей» скорее находились в составе каждой «цепочки» насыпей, семейный характер которых признавал сам автор (Суразаков А.С., 1983, с. 85–86). Сомнительно также распределение по двум типам больших курганов, так как погребения одного могильника (Пазырык), композиционно связанные друг с другом, по формальным признакам (размеры насыпей и погребальных конструкций) попали в разные группы. Дальнейшие исследования позволили Л.С. Марсадолову в ходе комплексного анализа выявить более дробные, но четко различимые обрядовые группы или «ранги» пазырыкского населения. Он указывал, что внутри одной социальной группы, например, вождей племен, главу семьи - вождя и его ребенка хоронили в разных по величине курганах — большом и малом, при этом в инвентаре этих погребений использовались предметы не характерные для захоронений в малых курганах рядовых кочевников. Данные положения позволили выделить уже 9 групп — «рангов» (Марсадолов Л.С., 1997, с. 97–99).

Суммируя многочисленные признаки социальной дифференциации, отраженные в погребальных памятниках отметим, что они могут срабатывать и по отдельности и в сочетании друг с другом: I) размер насыпи и внутримогильных сооружений, их сложность (одинарный или двойной сруб, отсутствие перекрытия, одинарное или двойное перекрытие, деревянный пол в камере, захоронения в колоде-саркофаге, погребальные лежа), объем трудозатрат; как один из вариантов сочетание размеров насыпей и типов погребальных конструкции (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 103–106); II) отсутствие и наличие конских захоронений, их количество (Кубарев В.Д., 1987, с. 16; 1991, с. 25; 1992, с. 21; Кубарев В.Д. и др., 1990, с. 87; Степанова Н.Ф., 1987, с. 168–175; Полосьмак Н.В., 1994а, с. 23, 56, 60; Марсадолов Л.С., 1997, с. 97; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997, с. 115–117; Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1997, с. 311); III) общее количество и качество сопровождающего инвентаря, а в его составе наличие следующих групп: 1) привозных вещей (ковры); 2) культовых предметов (Марсадолов Л.С., 1997, с. 97); 3) оружие, его полнота и избирательность позволяет выделить ранги не только социальной, но и военной стратификации (Кочеев В.А., 1989, с. 70–71, 1990, с. 106–107, 1997, с. 113–114); 4) «золотых поясов» как признаков царской и жреческой власти в индо-иранском мире (Добжанский В.Н., 1990, с. 49–51, 56, 68–69); 5) качество и количество золотых или покрытых золотом вещей; 6) головные уборы, которые вместе с другими деталями костюма «манифестировали» этническую, племенную и социальную принадлежность, воинскую категорию (Полосьмак Н.В., 1994а, с. 43); IV) бальзамирование и его способы (Савинов Д.Г., 1986, с. 11; Полосьмак Н.В., 1996, с. 210–211; Марсадолов Л.С., 1997, с. 97); V) антропологические отличия (Чикишева Т.А., 1996, с. 251).

Планиграфия могильников. Не использованы в полной мере возможности интерпретации планиграфических ситуаций на могильниках раннего железного века Горного Алтая. Число некрополей раннескифского времени с более или менее четкой планировочной структурой составляет только 50% (23 могильника; с учетом частичной изученности могильников и не опубликованности части материалов) от общего числа исследованных раннескифских памятников, на 5

памятниках раскопано только по 1 кургану, 7 объектов представлены одиночными захоронениями (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 31–40; Степанова Н.Ф., 1986, с. 79). Вышеназванные различия между памятниками могли носить хронологический характер и были связаны с постепенностью процесса освоения пришлым населением (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 111–112) территории Горного Алтая, складыванием маршрутов кочевков, более или менее стационарных стоянок, определением мест расположения кладбищ. На первоначальном этапе освоения конец IX — середина VIII вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 112) погребения могли располагаться достаточно хаотично на площади могильников. В дальнейшем, когда у скотоводов Горного Алтая раннескифского времени сложилась система землепользования, планиграфия погребений стали отражать социальную упорядоченность местного населения. На площади могильников обособились участки для отдельных сегментов социальной организации. Косвенно подобная схема подтверждается многообразием погребальных традиций (33 типа погребальных сооружений — Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 44–47). Недифференцированность погребальных памятников первых этапов раннескифской эпохи Горного Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 112) и последующее появление более ярких и грандиозных сооружений (Ак-Алаха-II), возможно, так же отражает хронологические изменения в социальной организации местного населения.

Материалы раннескифских погребений в отличие от материалов последующей пазырыкской эпохи не позволяют пока выделить этнические различия в составе раннескифского населения Горного Алтая, что объясняет слабость социальной дифференциации. Как известно у кочевников стратификация часто строилась на подчинении одних этнических групп другим. Порой складывалась многоступенчатая иерархия, как например, у тюрков или у монголов. Определенная географическая обособленность Горного Алтая способствовала формированию в раннескифское время этнически более однородного населения, чем в Туве и Казахстане. Поэтому появление суперстратифицированных вожеств (Крадин Н.Н., 1992, с. 152; Дженито Б., 1994, с. 14), что можно предположить, например, по материалам Аржана, на Алтае в VIII–VII вв. до н.э. не зафиксировано. В пазырыкское время ситуация изменилась, о чем свидетельствуют погребения саглынской и кара-кобинской культур, которые перемежывались с могильниками «пазырыкцев» (Савинов Д.Г., 1986, с. 11; Шульга П.И., 1986, с. 21, 23; Кубарев В.Д., 1987, с. 29–30; 1991, с. 39). Не случайно, что в VI–III вв. помимо традиционных цепочек появляются крупные могильники с цепочками «царских» погребений, захоронений воинов и представителей рядового населения, такие как Башадар, Туэкта, возможно, Кастаха (Руденко С.И., 1960, с. 22–25, 93–96; Степанова Н.Ф., 1987, с. 168).

Внутренняя структура цепочек раннескифского и пазырыкского времен имеет много схожих черт. На раннескифских могильниках, с юго-западной стороны, выделяются объекты, в которых исследователи усматривают захоронения глав родов или семей (Тишкин А.А., 1997, с. 94–95). Среди социально-значимых признаков памятников VI–II вв. до н.э. В.Д. Кубарев отметил расположение в центре или начале цепочки курганов с парными погребениями и погребениями сопровождавшимися захоронениями 3 коней, что сочеталось с большими размерами насыпей и наличием погребальных лож (Кубарев В.Д., 1987, с. 11, 16, 21, 27; 1991, с. 25, 30, 37; 1992, с. 21, 112–113). Присутствие социально значимых погребений в центре цепочки отмечено и для памятников Средней Катунь (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 87–88). Однако размеры насыпей, могильных ям, состав и количества инвентаря определялись не только социальным положением погребенных, но и половозрастной стратификацией (Суразаков С.А., 1988, с. 122; Кубарев В.Д., 1987, с. 11). Исключительное планиграфическое положение кургана также отражало привилегированность погребенных в нем людей (кург. № 1 могильника Ак-Алаха-I — Полосьмак Н.В., 1994, с. 3).

Можно предположить, что в тех случаях, когда в цепочке насыпей наряду с пазырыкскими присутствуют саглыские погребения (Савинов Д.Г., 1986, с. 11; Кубарев В.Д., 1987, с. 29–30; 1991, с. 39; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998, с. 80), в лице последних мы имеем дело не с социальной инородческой периферией (так как сохраняются погребальные традиции саглынской культуры и курганы «саглынцев» «вписываются» в ряд пазырыкских насыпей, позволяет видеть в «саглынцах» свободных членов общества), а с полноправными участниками постоянных или сезонных производственных групп — аилов (видеть в них только жен инородческого происхождения не позволяет коллективный, т.е. семейный характер захоронений — Савинов Д.Г., 1986, с. 11).

Отражение родовой (?) структуры. Согласен с мнением о предварительным вычленением пяти политарных центров существовавших на Горном Алтае в пазырыкскую эпоху: 1) в бассейне р. Урсул и среднем течение р. Катунь с курганами «аристократического» или «царского» типа — Башадар и Туэкта; 2) в бассейне рр. Чулышман и Бушкаус (Улаганское нагорье и, возможно, нижнее и среднее течение р. Чуи) с уникальным могильником Пазырык; 3) Бухтарминская группа вокруг кургана Берель; 4) Катандинская группа памятников по рр. Аргут и Коксу; 5) на плато Укок и в верховьях р. Чу и прилегающих территорий с монгольской стороны (Ануфриев Д.В., 1997, с. 110). Остается открытым вопрос существовало ли «пазырыкское» объединение как нечто целое и был ли «глава пазырыкских племен». Учитывая необходимость регулирования процесса кочевания при совместном землепользовании в рамках всего Горного Алтая, а также необходимость организации обороны и военных походов, вероятность существования такого объединения довольно высока (по крайней мере в отдельные хронологические промежутки). На археологическом материале попытку реконструировать подобную ситуацию предпринял только М.П. Грязнов (Грязнов М.П., 1950, с. 68–71). Какая из упомянутых групп «царских» курганов олицетворяла погребения «пазырыкских» владетелей и тем самым обозначала центр военно-политической власти сказать трудно. С большой вероятностью в такой роли могли выступать люди погребенные в курганах Пазырыка.

А.С. Васютин, А.Н. Садовой
(г. Кемерово, Государственный университет)

**К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ
СИСТЕМ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В РАННЕСКИФСКОЕ ВРЕМЯ
(ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ — МОГИЛЬНИК КОО-I)**

A.S. Vasiutin., A.N. Sadovoy
(Kemerovo, State University)
*To the problem of traditional system life security
reconstruction in the early scythian time (East Altai -Koo-I cemetery)*

Могильник Кoo-I находится в долине р. Чулышман, где располагаются известные памятники Кудыргэ и Кок-Паш. На площади этого могильника, занимающего отдельные участки правой террасы р. Чулышман, А.А. Гавриловой были выделены плоские каменные насыпи с задернованной серединой, часть из которых имела воронкообразные углубления в центре (Гаврилова А.А., 1965, с. 11). Именно эти поисковые признаки, что подтвердилось в ходе исследования таких объектов, присущи погребальным памятникам раннескифского времени Горного Алтая и Тувы (Грач А.Д., 1980, с. 24–25; Васютин А.С., 1992, с. 36; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 45, 48, 56). Планиграфия раннескифских каменных колец отлична от пазырыкских курганов и древнетюркских оградок на этом могильнике, как и на тувинских памятниках (Грач А.Д., 1980, с. 25). Эти объекты, располагаясь по всей длине террасы, образуют обособленные группы или сооружены отдельно. При общем количестве каменных сооружений на Кoo-I равном 115, каменных колец насчитывается всего 14, они буквально рассеяны по всей площади могильника, лишь иногда образуя группы в 2–3 кольца. Расстояние между крайними одиночными кольцами на восточном и западном участках достигает свыше 800 м, тогда как удаленность между отдельными группами колец в пределах 150–300 м.

Приводим краткое описание одного из двух исследованных на этом могильнике каменных колец. Кольцо № 2 расположено на центральном участке террасы вблизи цепочки пазырыкских курганов. Это кольцевая однослойная выкладка-крепида сложена из обломочных пород в виде каменных блоков и плит, подогнанных иногда торцами друг к другу. Внутреннее пространство заложено в один слой каменными плитами и речной галькой. Диаметр кольцевой выкладки по всем направлениям практически одинаков и равен 6,7 м. С уровня древнего горизонта выявлено устье подпрямоугольной могильной ямы 1,92×1,08 м с небольшим пле-

чиком-уступом у основания юго-восточной стенки. Могила ориентирована углами по сторонам света, глубиной 0,56 м, была ограблена в древности, о чем свидетельствует ее заполнение в виде плит от частично разрушенного перекрытия каменного ящика и отвал из каменных плит в наклонном положении у восточного и северо-западного бортов могилы, образованный за счет разборки центрального участка каменной однослойной закладки над погребением (рис. 1.—А,Б). Каменный ящик сооружен из 4-х плит поставленных на ребро и заглубленных в материковый грунт на 10–15 см, размеры этого сооружения по внутренним стенкам — 0,72×0,6 м. На его грунтовом дне у юго-восточной стенки зафиксированы в разрозненном состоянии кости верхних и нижних конечностей, несколько ребер, рядом с ними была обнаружена золотая серьга с подвесным полым конусовидным колпачком (рис. 1.—В,Г). In situ зафиксированы лишь левое бедро и голень, расположенные под тупым углом друг к другу, что косвенно свидетельствует о скорченном положении погребенного, уложенного на левый бок и ориентированного в юго-восточный сектор. При разрушении каменного ящика одна из плит перекрытия была сдвинута на пологую юго-восточную стенку могилы, а череп выброшен на верхнюю грань юго-восточной стенки ящика (рис. 1.—Б,В), что может дополнительно свидетельствовать о юго-восточной ориентации погребенного. Рассматриваемый археологический объект по совокупности типологических признаков для погребальных сооружений, деталям обряда погребения и золотой серьге с подвеской в виде полого закрытого конусовидного колпачка, может быть сопоставим прежде всего с алды-бельскими погребениями Тувы (Грач А.Д., 1980, с. 24–25; Васютин А.С., 1992, с. 35). Исследования такого рода памятников в Восточном Алтае, непосредственно соседствующем с северо-западной Тувой, вполне укладывается в гипотезу об инфильтрации на Саяно-Алтай населения с единой культурной основой, сформированной за его пределами и связанной с Монголией и северными районами Китая. Это подтверждается и новейшими исследованиями раннескифских могильников в Центральном Алтае (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 61–62). С точки зрения типологии культуры раннескифских погребений Горного Алтая, учитывая разнообразие соответствующих признаков и, в ряде случаев, их несопоставимость даже в пределах одного могильника, методически будет более оправданным атрибутировать культурно-территориальные группы раннескифских могильников Горного Алтая как типы памятников (Васютин А.С., 1992, с. 34,37; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 111). С этой точки зрения выделение погребений алды-бельского типа на рассматриваемой территории и их концентрация на могильнике Коо-1 позволяет наметить еще один из путей проникновения групп центрально-азиатского населения в один из наиболее труднодоступных районов Горного Алтая, всегда значительно отличающемся по своим ландшафтным характеристикам от межгорных котловин бассейна р. Катунь.

В настоящее время пастбища находящиеся в верхнем и среднем течении р. Башкаус и на водораздельном плато между рр. Башкаус и Чулышман являются одними из самых продуктивных в пределах Горного Алтая. Количество осадков, приходящееся на весенне-летний период, обусловило сложение качественно отличного от котловин Центрального Алтая растительного покрова. Здесь доминируют злаково-разнотравные *лесные луга при травостое, достигающем высоты 50–60 см и проективном покрытии до 100%* (Огуреева Г.Н., 1980, с. 134). Это обуславливает высокую продуктивность пастбищ, биомасса которых достигает до 150 ц/га, что обеспечивало при 50% стравливании возможность осуществлять дневной выпас на 1 га не менее 150 условных единиц скота. С этим связана и достаточно высокая плотность населения (по состоянию на конец XIX–XX вв.), практиковавшего яйлажную форму скотоводства. При последней происходила смена только двух типов сезонных пастбищ — зимних и летних, находящихся в непосредственной близости друг от друга, а следовательно и не отличающихся по характеру растительного покрова (Сапожников В.В., 1897, с. 37; Тыжнов И.И., 1909, с. 114). Немаловажное значение имела хорошо развитая гидросеть на водоразделе, включающая потребность в строгом дифференцировании зимних (безводных) и летних (рядом с источником) пастбищ, в свою очередь также определившая и относительно равномерное размещение населения по Улаганскому плато. Дисперсное расселение объяснялось и сложностью организации контроля за выпасом стад в летний период. Общины, практиковавшие улаганскую модель землепользования, органически были взаимосвязаны через систему земельных связей в процессе летнего выпаса с населением нижнего и среднего течения р. Чулыш-

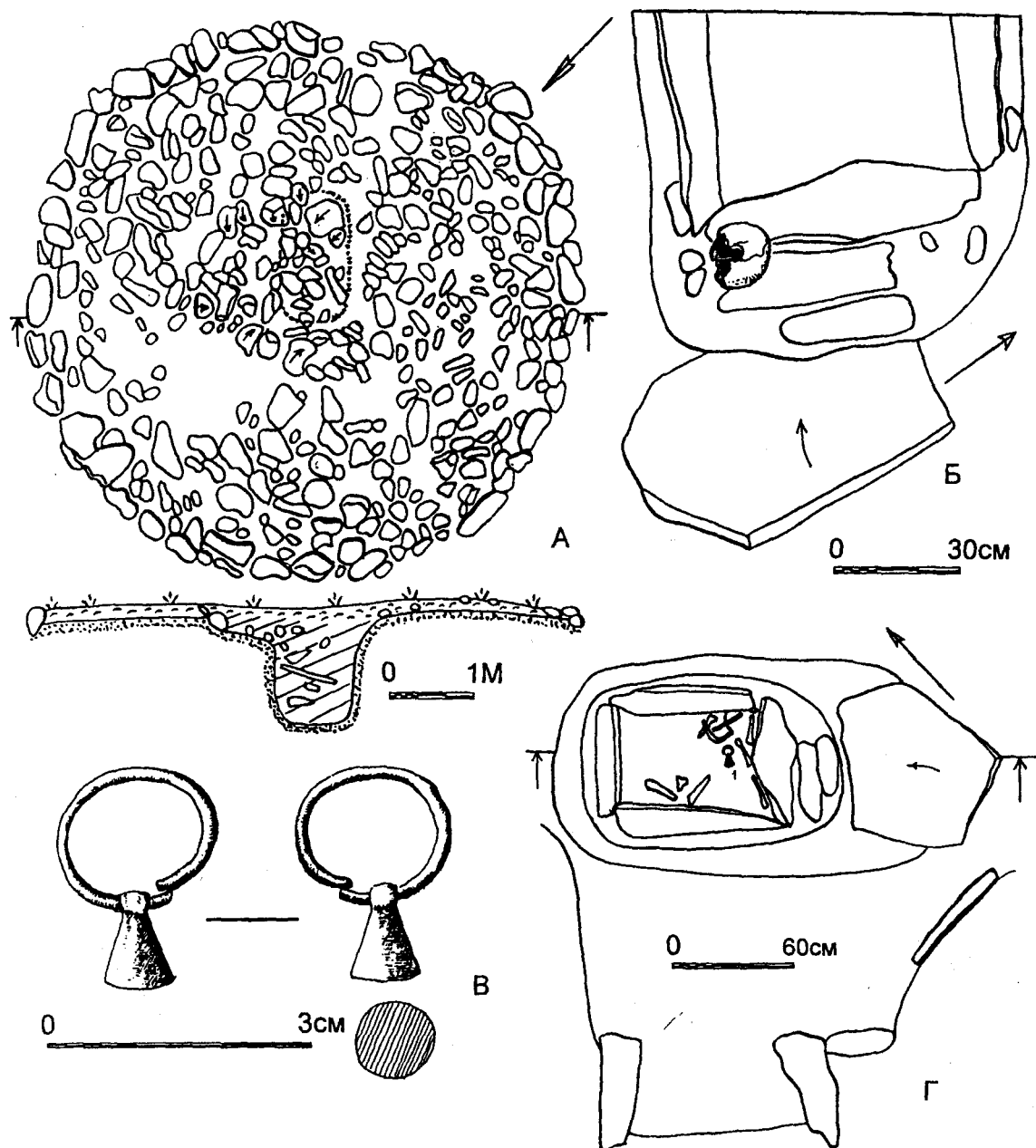

Рис. 1. Коо-1, кольцо 2. Погребение алды-бельского типа:
 А — план разрез каменного кольца; Б — деталь погребения; В — золотая серьга с
 конусовидным колпачком-подвеской; Г — план-разрез погребения в каменном ящике.

имевшим в XIX в. принципиально отличную систему землепользования (Садовой А.Н., 1992., с. 61–65). Ландшафт этой долины по своим основным климатическим характеристикам также резко отличается от межгорных котловин Центрального Алтая сочетанием широких водораздельных пространств с глубоко врезынными долинами, имеющими отвесные склоны. Резкий перепад высот, достигающий 1500 м между дном долины и водораздельными плато, определил четко выраженную зональность растительного и почвенного покрова. В долине на высотах в 500–700 м над ур. м. распространены сухие опустыненные степи на бедных черноземах, каштановых и светло-каштановых почвах и пойменные луга на аллювиально-луговых почвах. Производительность травостоя в зависимости от характера растительного покрытия колеблется в пределах всего 15–30 ц/га. При этом, большую часть водораздельных пространств занимают хвойные: сосна, лиственница, пихта, кедр. Высота снежного покрова резко варьирует (от 0,1 м в долине р. Чулышман — до 2–3 метров на отдельных участках плоскогорья). Органическое сочетание ирригационного земледелия и отгонного скотоводства также обуславливало высокую плотность населения и в рамках долинного комплекса. По данным 1897 г. здесь фиксировалось 55 аилов, 1903 г. — 145 хозяйств, (Горный Алтай и его население., 1900, Приложение VI, табл. X, XII; Тыжнов И.И., 1909, с. 105). Численность населения таким образом только в долине составляла в пределах 725–1015 человек. Исследователями конца XIX — нач. XX вв. фиксировалось и органическое сочетание выгонной, отгонной и яйлажной форм скотоводства, в свою очередь связавших население чулышманской долины и Улаганского нагорья в единый комплекс территориально-производственных связей. (Тыжнов И.И., 1909, с. 104; Сапожников В.В., 1897, сс. 21, 31). Особо следует отметить, что при доминировании яйлажной и отгонной форм скотоводства, никаких оснований полагать, что здесь, в условиях лесных ландшафтов, существовало «табунное» коноводство не приходится. Лошади выпасались косяками при эпизодическом контроле чабанов.

Подобная модель скотоводства была экологически обусловлена, что позволяет на этой основе проводить реконструкции. Однако для интересующего нас периода можно предполагать и некоторые отличия в производственном цикле населения. Переувлажненность климата, отмеченная для этого периода А.М. Малолетко и Л.А. Орловой (1986, с. 50–51), с одной стороны провоцировала выведение долинных комплексов Чулышмана и Башкауса из хозяйственного оборота в течение зимнего периода, что ставит проблему их хозяйственного освоения в летне-осенний период (сезонные пастбища при отгонной форме скотоводства или зона ирригационного земледелия?). С другой стороны, ставит проблему о преобладании на плоскогорье яйлажной формы скотоводства при доминировании в составе стада лошадей. Судя по всему, здесь имели широкое распространение и переносные типы жилищ, практика двух-трехкратной смены мест проживания (аналогичная сложившейся во второй половине XIX в. в Центральном Алтае), дисперсно-очаговая система расселения при практике переноса мест стоянок после серьезного повреждения рабочими лошадьми прилегающих к юртам (или чадырам) участков. В данном контексте становится понятной проблема поиска в этом районе стационарных поселений. Возникает и вопрос, насколько переувлажненность климата провоцировала увеличение и без того крайне высокой продуктивности пастбищ при сокращения мест выдува, на которых можно было осуществлять тебеневку. Не вызывает сомнения только одно — удельный вес мелкого рогатого скота (и крупного если он имелся) в стаде несомненно должен был сократиться одновременно с трудозатратами, необходимыми для контроля за стадами, отарами, табунами. Высвобождающиеся людские ресурсы и могли быть использованы для сооружения таких монументальных объектов, как пазырыкские курганы в долине рек как Чулышмана, так и Улагана (Кок-Паш, Коо I, II, Пазырык, Усть-Балыктуул).

В заключении можно отметить, что относительная «замкнутость» модели жизнеобеспечения населения этих долин позволяет предполагать существование особого района расселения уже в раннескифское время и перспективность его дальнейшего исследования.

Е.М. Данченко

(г. Омск, Государственный педагогический университет)

**ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ В ТАЕЖНОМ ПРИИРТЫШЬЕ**

E.M. Dantchenko

(Omsk State Pedagogic University)

***The main results and the problems of study
scythian epoch monuments in the forest zone of the near Irtysh region***

Таяжное Прииртышье занимает часть Западно-Сибирской равнины на границе двух природно-географических зон (тайги и лесостепи) и отличается неоднородностью ландшафтных условий. Лесные массивы здесь сочетаются с незалесёнными участками и лугами в поймах Иртыша и его притоков. Такое положение облегчало адаптацию групп населения с различным культурно-хозяйственным укладом, а разветвленная речная система способствовала их контактам с сопредельными регионами. В результате таяжное Прииртышье в течение тысячелетий являлось местом взаимодействия носителей различных этнокультурных традиций, что обуславливало сложность процессов культурогенеза и многокомпонентность формировавшихся культур.

Таяжная часть Прииртышья была традиционно хуже изучена по сравнению с лесостепной. Малочисленность и фрагментарность материала затрудняла его систематизацию, начатую в 50-х годах В.Н. Чернецовым, который выделил на интересующей нас территории несколько археологических культур эпохи раннего железа: потчевашскую, среднеиртышскую, кулайскую (Чернецов В.Н., 1953, с. 223,224).

Схема, предложенная В.Н. Чернецовым, была пересмотрена и дополнена в конце 60-х, когда в результате интенсивных полевых исследований предшествующего десятилетия значительно расширилась источниковая база. Потчевашские древности были отнесены к эпохе раннего средневековья (Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., 1970, с. 222,223; Чагаева А.С., 1970, с. 237); была сделана попытка включить памятники таяжного Прииртышья середины — второй половины I тыс. до н.э. в ивановско-баитовскую общность, а также высказано предположение о том, что население среднеиртышской культуры мигрировало из района Среднего Приобья (Могильников В.А., 1970, с. 175–178; 183,184).

В течении 70-х исследования памятников раннего железного века Прииртышья были сосредоточены в основном в лесостепи, в то время как таяжная зона рассматривалась как пограничная между саргатским и кулайским населением (Могильников В.А., 1978, с. 86). Однако в течении 80-х годов здесь были открыты комплексы, облик которых не позволял отождествлять их с известными культурами. Попытки определения их культурной принадлежности привели к тому, что памятники, ранее относимые к ивановско-баитовской общности, одновременно характеризовались разными исследователями как раннекулайские, новочекинские, выделялись в особые журавлевский и богочановский типы или объединялись в богочановскую археологическую культуру (Могильников В.А., 1984, с. 31,32; Чиндина Л.А., 1984, с. 164; Полосьмак Н.В., 1987, с. 104–107; Труфанов А.Я., 1987, с. 129; Могильников В.А., 1988, с. 28,29; Данченко Е.М., 1988, с. 24). Позднее было предложено рассматривать комплексы таяжного Прииртышья середины — второй половины I тыс. до н.э. в рамках богочановской культуры с выделением журавлевского и богочановского этапов, которым соответствовали одноименные типы посуды (Данченко Е.М., 1991, с. 17; 1996, с. 101). В настоящее время известно около сорока памятников богочановской культуры, занимающих территорию от Оми на юге до района Тобольска на севере. Они представлены городищами, неукрепленными поселениями, материалами могильников и жертвенного места. Поселения обычно располагались на мысовидных, реже — сплошных участках коренных террас или останцах. Городища имели поперечные или круговые линии обороны.

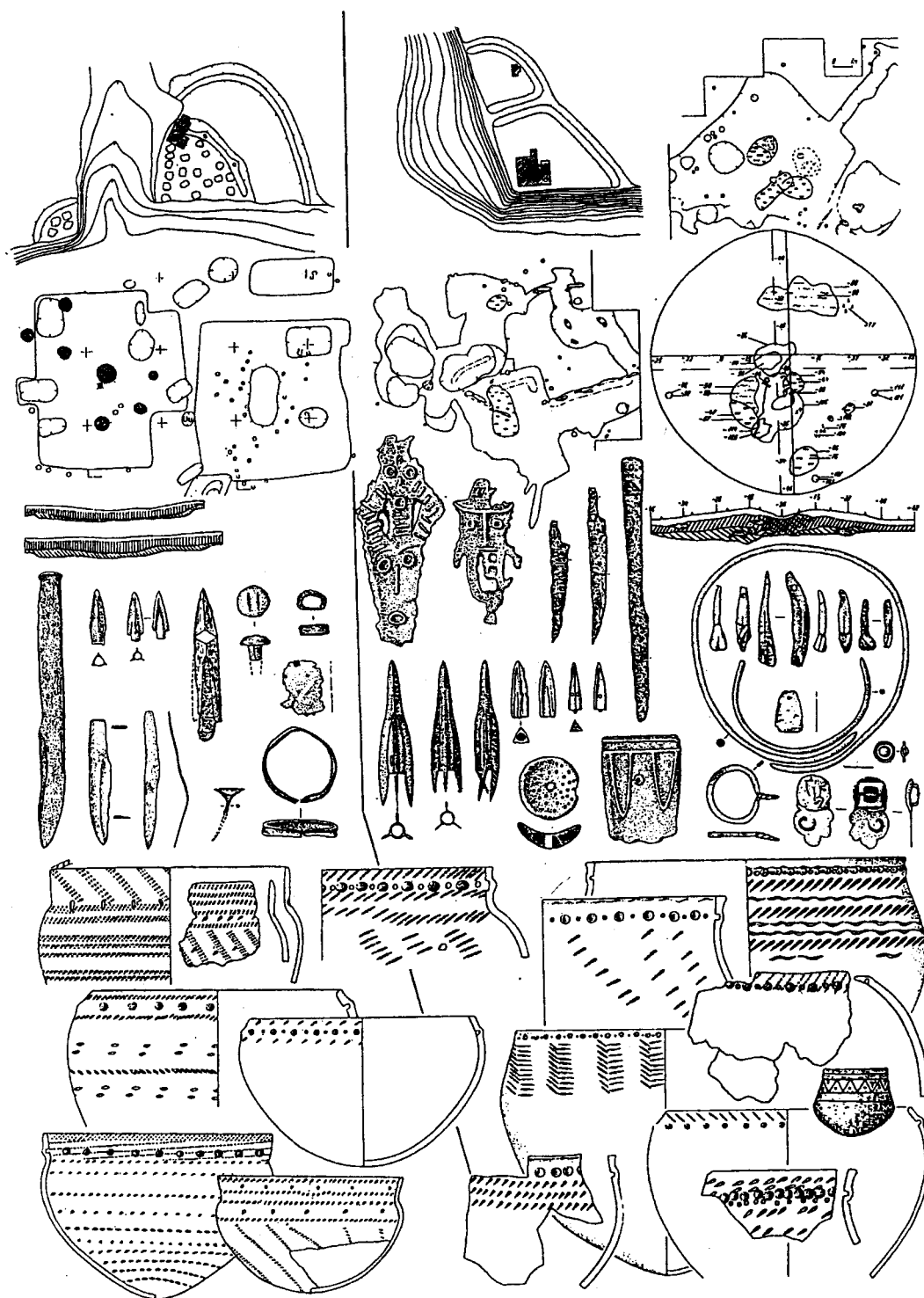

Таблица I. Развитие богочановской культуры таежного Прииртышья

Жилища журавлевского этапа известны благодаря раскопкам городища Борки на Ичи-ме (Сыркина И.А., 1980, с. 5–12; 1982, с. 9–20). Они представляли собой наземные постройки прямоугольной или подквадратной формы со столбовой конструкцией, одним или несколькими очагами и хозяйственными ямами, которые могли располагаться как внутри, так и за пределами сооружений. Жилища богочановского этапа, исследованные на поселениях Затон, Утьма, Богочановском и Михайловском городищах, также имели наземную конструкцию, но могли состоять из двух или трех частей, соединенных короткими переходами или смежно. Внутри построек находилось от двух до четырех очагов и хозяйственные ямы. Коридорообразный выход мог достигать длины от 2,5 до 10 м.

Захоронения журавлевцев до настоящего времени не выявлены. О погребальном обряде богочановского этапа в основном можно судить по материалам Михайловского курганного могильника, оставленного населением расположенного поблизости одноименного городища. Труположения в неглубоких материковых ямах или на уровне древнего горизонта перекрывались насыпями со следами кострищ. В одном из четырех исследованных курганов прослежен кольцевой ровик, еще один оказался кенотафом. Курганы сильно разграблены, однако есть основания полагать, что в двух случаях погребенные лежали головой на юго-восток (Данченко Е.М., 1996, с. 47).

Необходимо также отметить случай совместного залегания костей человека и богочановской керамики на поселении Копейкино, в скоплении, состоящем из двух раздавленных сосудов, костей животных и фрагментов человеческого черепа.

Инвентарь памятников богочановской культуры представлен костяными и бронзовыми наконечниками стрел, среди которых известны образцы степных форм и кулайского типа, бронзовыми и железными ножами, кельтами, глиняными пряслицами, костяными проколками и ложками, деталями и украшениями конской упряжи, бронзовыми гривнами и браслетами, подвесками из зубов животных. К предметам культа отнесены глиняные блюда и бронзовые антропо-зооморфные изображения, по стилю близкие раннекулайским. Основным материалом памятников раннего железного века Прииртышья является керамика. Главной особенностью посуды журавлевского этапа можно назвать ее переходный облик. С одной стороны, она обнаруживает генетическую связь с предшествующими сузгунскими и красноозерскими комплексами, с другой сама постепенно трансформируется в керамику богочановского типа, что позволяет проследить процесс формирования таежного населения Прииртышья на протяжении I тыс. до н.э.

Хозяйство богочановской культуры было комплексным и сочетало присваивающие и производящие отрасли, чему способствовало пограничное положение занимаемой ею территории на стыке лесостепи и тайги. На поселениях найдены кости крупного рогатого скота, лошади, лося, косули, зайца, волка, кабана, куницы, бобра, медведя, чешуя и кости рыб. Металлографический анализ железных ножей показал высокое качество некоторых образцов. Практически на всех исследованных поселениях обнаружены следы бронзолитейного производства.

Рассматриваемые памятники бедны датировочными вещами, что затрудняет разработку хронологии и периодизации богочановской культуры. Аналогии имеющимся находкам, наряду с результатами типологического анализа керамики и стратиграфическими данными позволяют ориентировочно определить время ее существования в пределах VI–II вв. до н.э. Точную границу между ранним журавлевским и последующим богочановским этапом установить трудно, поскольку развитие керамических комплексов в большей степени носило эволюционный характер. Какое-то время журавлевский и богочановский типы посуды могли сосуществовать, как это имело место в Приобье с васюганской и саровской керамикой (Чиндина Л.А., 1984, с. 116). С достаточной долей условности переход от журавлевского этапа к богочановскому можно отнести к IV в. до н.э.

Изучение древностей богочановской культуры позволяет предполагать, что их формирование происходило на основе местных сузгунских и красноозёрских традиций, что нашло отражение как в материальной культуре, так и в идеологии. Генетическая преемственность прослеживается в форме и орнаментации керамики, традициях металлообработки (протокулайская и раннескифская у красноозерцев, кулайская и сарматская у богочановцев), приемах домостроения (у красноозерского и журавлевского населения), а также в обычаях

сооружения жертвенных мест (Окунево-V). Традиционными на протяжении существования красноозерской и богочановской культур оставались и направления внешних связей.

Наиболее четко прослеживаются контакты таежного населения Прииртышья с лесостепным саргатским, что зависело не только от близости занимаемых ареалов, но и от наличия общего сузгунского компонента формирования. Достаточно частыми являются свидетельства связей с Зауральем — на памятниках богочановской культуры встречаются гороховская и кашинская посуда, керамика, орнаментированная шнуром, а также фрагменты сосудов, вызывающие иткульские ассоциации.

Благодаря особенностям формирования и направлениям контактов, население таежного Прииртышья на фоне сопредельных районов обладает заметным культурным своеобразием, что особенно наглядно проявляется в керамическом материале. Статистическая обработка коллекций посуды с прииртышских памятников, с одной стороны дает высокие коэффициенты сходства между ними, а с другой показывает их отличие от саргатских, васюганских, новочекинских, калинкинских комплексов.

Практически все вопросы, связанные с изучением раннего железного века Прииртышья, нуждаются в дальнейшей разработке. Одной из наиболее важных проблем остается выяснение исторической судьбы богочановского населения, поскольку на занимаемой им территории до сих пор не выявлены памятники конца I тыс. до н.э. — первых веков н.э., и можно лишь предполагать как шло развитие культуры местных племен в этот период.

Следует отметить, что черты, характерные для керамических комплексов богочановской культуры, удастся проследить на посуде некоторых средневековых памятников, среди которых Логиновское городище на Ишиме и Красноярское на Иртыше. Это может служить примером возрождения традиций раннего железного века в средневековую эпоху наряду с саргатскими реминисценциями на посуде бакальской культуры и сибирских татар.

Другой важной проблемой остается изучение взаимоотношений богочановцев с носителями кулайской и новочекинской культур. Таежные памятники Прииртышья, Среднего Приобья и Северной Барабы середины — второй половины I тыс. до н.э. обладают определенным сходством и могут рассматриваться в рамках одной историко-культурной общности. Тем более странным выглядит отсутствие свидетельств о контактах богочановского населения с восточными соседями, хотя при той же степени изученности другие направления связей фиксируются достаточно хорошо. Помимо этого растет число фактов о взаимодействии кулайских и саргатских групп (Могильников В.А., 1986, с. 26,27). В литературе неоднократно звучало мнение о том, что контакты населения Прииртышья и Приобья осуществлялись по правым притокам Иртыша. В настоящее время это подтверждается в отношении бассейна Оми и Тары, в то время как разведки по берегам рек Уй, Шиш, Туй пока не дали желаемых результатов. Подобная ситуация серьезно затрудняет изучение особенностей формирования васюганских, новочекинских и богочановских комплексов, препятствует их более четкому типологическому разграничению и выяснению степени участия в генезисе потчевашской культуры эпохи раннего средневековья.

Последняя тема на протяжении почти тридцати лет остается дискуссионной (Елагин В.С., Молодин В.И., 1991, с. 7–11; Данченко Е.М., 1992). Количественный рост объема источников пока не привел к существенному прогрессу в разработке вопросов о компонентах формирования и внутренней периодизации потчевашской культуры, а также о культурной принадлежности комплексов, относимых к тому или иному ее этапу.

Одной из возможных причин этого может являться сложный характер культурного развития изучаемой территории накануне эпохи средневековья. Если плавное, эволюционное течение культурогенетических процессов еще удастся проследить по изменению категорий инвентаря, керамики, типов погребений или жилищ, то в случае резкого обрыва традиций возможности выявления генетических связей между изучаемыми комплексами крайне ограничены. Между тем формирование потчевашской культуры по времени совпадает с распадом саргатской общности и миграциями, которые затронули таежные и лесостепные районы и повлекли за собой взаимодействие различных групп населения. Имеющиеся в настоящее время данные позволяют предполагать, что в этом процессе в той или степени приняли участие саровский, саргатский, карымский, кашинский и, возможно, богочановский компоненты, соотношение и роль которых требует дальнейшего изучения.

М.А. Дёмин, С.М. Ситников
(г. Барнаул, Лаборатория исторического краеведения
Барнаульского государственного педагогического университета)

**НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ НАХОДКИ
РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С БЕРЕГОВ
ГИЛЕВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА**

M.A. Dyomin, S.M. Sitnikov
(Barnaul, Barnaul State
Pedagogic University historical local lore laboratory)
*Some new finds of the early
scythian time from the banks of the Gilyovo tank*

Гилевское водохранилище, расположенное в верховьях р. Алей, в административно-территориальном плане занимает Локтевский и Третьяковский районы Алтайского края. В ходе работ, проводимых Лабораторией исторического краеведения БГПУ, по берегам водохранилища выявлено 20 памятников археологии, которые датируются временем от верхнего палеолита до средневековья включительно. В настоящей публикации приводятся предварительные результаты исследований памятников раннескифского времени.

I. Могильник Чекановский Лог-II — расположен на правом берегу водохранилища, в 2,7 км юго-восточнее с. Корболиха. Основная масса находок относится к андроновской (федоровской) культуре и V–III вв. до н.э. (Дёмин М.А., Ситников С.М., 1998, с. 97–98). Кроме того несколько вещей, происходят из разрушенных водохранилищем погребений раннескифского времени. Это обломки двух бронзовых пластинчатых ножей с кольцевыми навершиями (рис. 1.–11,13) и большая выпукло-вогнутая бляха с Т-образным шпеньком (рис. 1.–12). Аналогичные изделия характерны для памятников VII–VI вв. до н.э. (Абдулганеев М.Т., 1994, с. 42, рис. 4.–1; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 79; Тишкин А.А., 1998, с. 88; Шульга П.И., 1988, с. 42, рис. 5–6; Членова Н.Л., 1997, с. 13).

II. Клад древнего бронзолитейщика — обнаружен на размываемом поселении эпохи бронзы Чекановский Лог-III. Памятник расположен на правом берегу Гилевского водохранилища, неподалеку от места впадения ручья Чекановский в водохранилище, в 2,5 км юго-восточнее с. Корболиха. Здесь найденные следующие предметы располагавшиеся компактной группой на участке 0,3×0,2 м и принадлежавшие, очевидно, к единому комплексу:

1) Тёрочник (рис. 2.–7), изготовленный из серецитового кварцита (предварительные определения выполнены доцентом кафедры природопользования и геоэкологии АГУ, к.г.н. Б.Н. Лузгиным). На его поверхности отчетливо видны следы затёртости, образовавшиеся в результате длительного использования предмета. Предположительное функциональное назначение находки — шлифовка отлитых бронзовых изделий.

2) Двусоставная формочка из акрозового песчаника с округлым продольным желобком в средней части (рис. 2.–3,4). Размеры одной створки 10,2×8×4,5 см, другой — 10,2×7,5×4,6 см. Судя по всему, в ней отливался круглый в сечении стержень длиной 9,9 см, диаметром 0,9 см.

3) Двустворчатая форма для отливки наконечника дротика из габбродиабазы размерами 10,5×5,5×3,9 см и 10,2×5,5×3,7 см. С обратной стороны изделия имеются желобки для связывания створок (рис. 2.–5,6). Верхняя часть одной из них была обломана, вероятно, еще в древности (рис. 2.–5). На внутренней стороне формы, в районе втулки, наблюдаются подтреугольные прорезы, с помощью которых фиксировался сердечник, в результате чего, при отливки наконечник имел полу втулку.

Форма предназначалась для отливки двухлопастного, с выделенной втулкой и свисающими вниз лопастями наконечника дротика. Полных аналогов изделию нам неизвестно. На наш взгляд форма дротика занимает промежуточное положение между наконечниками стрел «башневидного» типа эпохи поздней бронзы (Черников С.С., 1960, с. 231, рис. 35.–1; Иванов Г.Е., 1993, с. 140, рис. 35.–1; Дёмин М.А., Ситников С.М., 1998, с. 53, рис. 7.–3) и втульчатыми двухлопастными наконечниками VII–VI вв. до н.э. (Иванов Г.Е., 1993, с. 57, с. 60, рис. 1.–7–9). Некоторое сходство

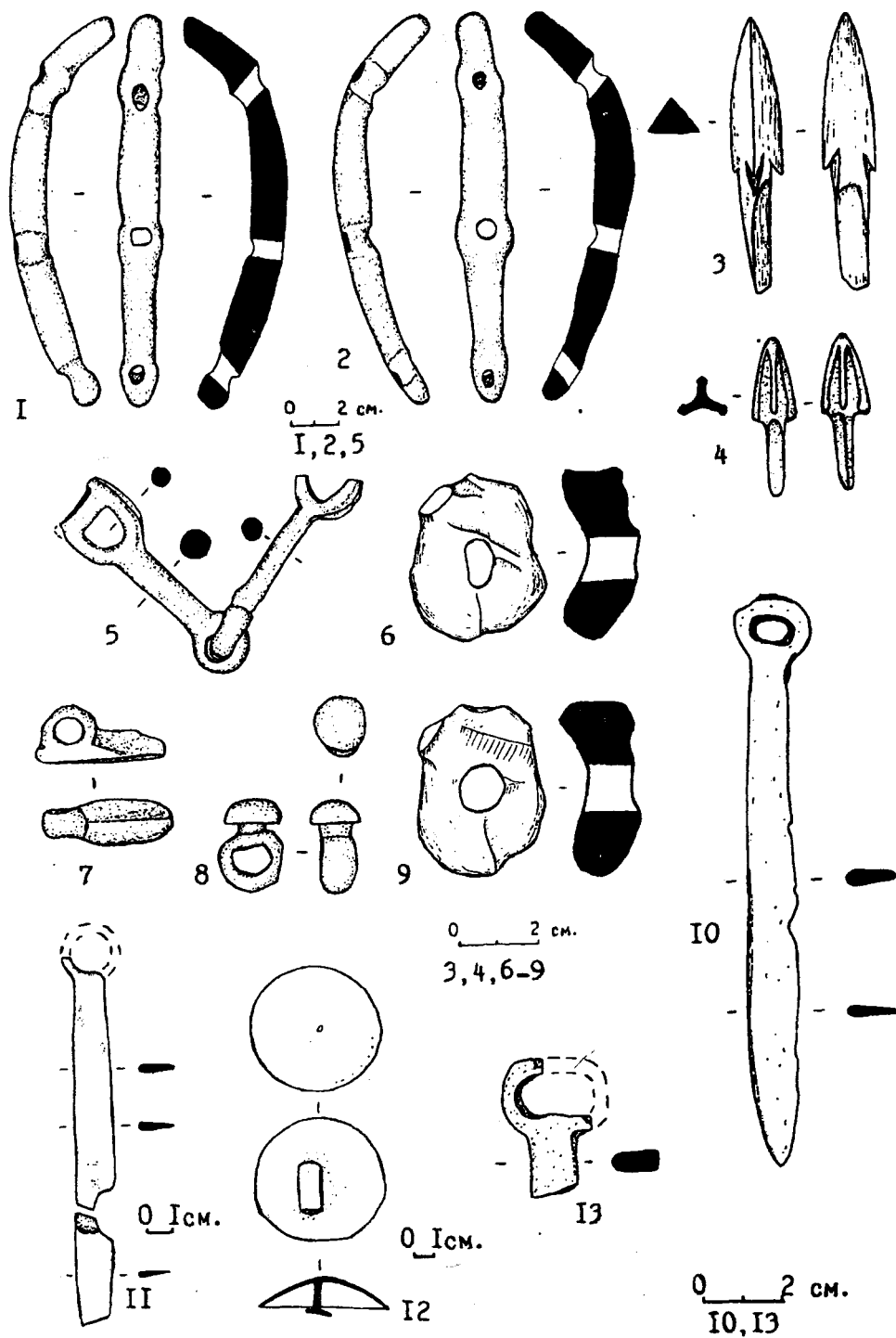

Рис. 1. Инвентарь раннескифского времени с берегов Гилёвского водохранилища (1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 11-13 — бронза, 3, 6, 9 — кость).

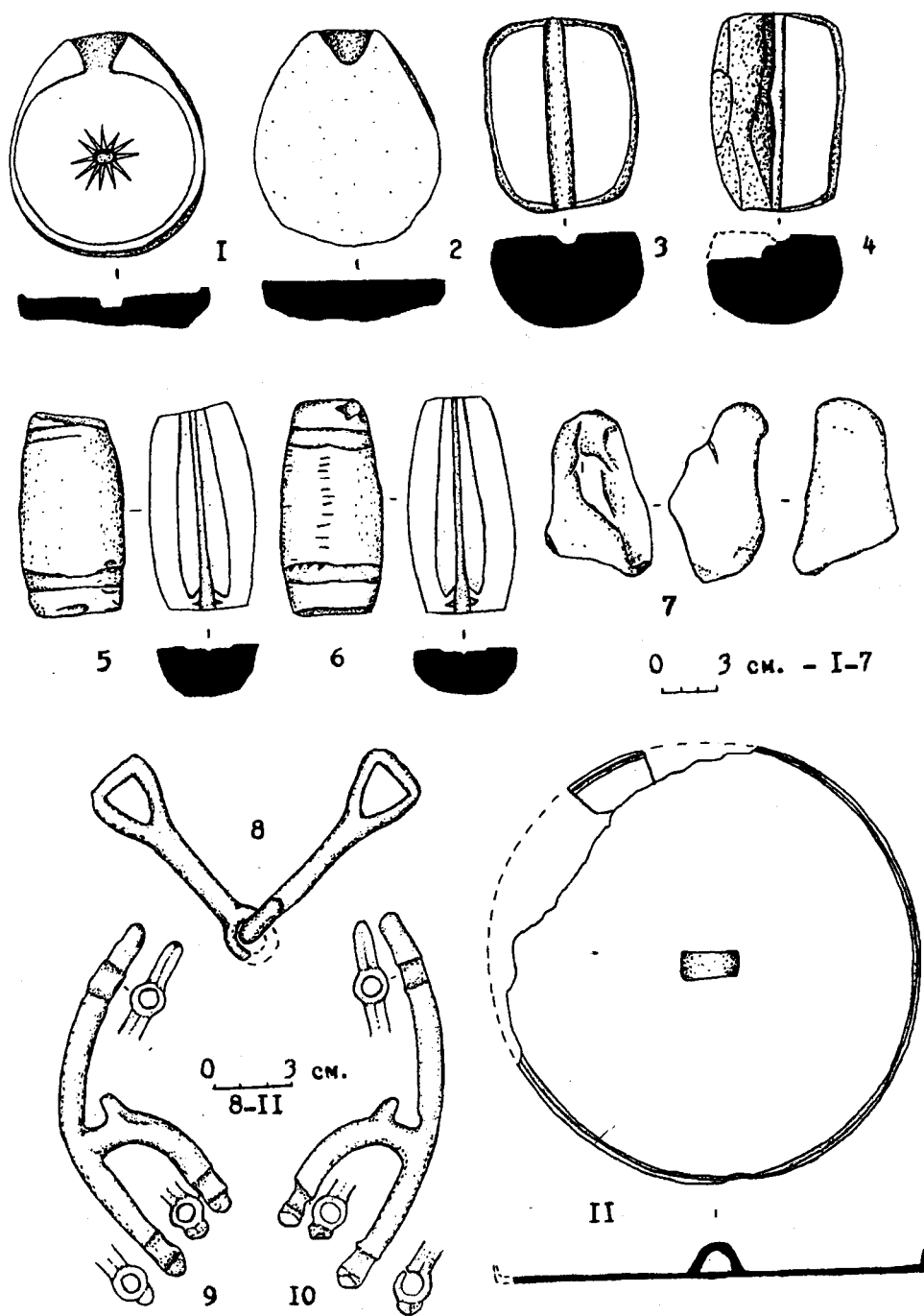

Рис. 2. Инвентарь раннескифского времени с берегов Гилёвского водохранилища (1-7 — камень, 8-11 — бронза).

фиксируется с наконечниками и литейными формами, найденными на поселении красноозерской культуры Ирбень-VI (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985, с. 119, рис. 10.–1,10) датирующегося VIII–VII вв. до н.э. (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985, с. 123) или VII в. до н.э. (Членова Н.Л., 1994, с. 66).

4) двустворчатая форма для отливки зеркала — изготовлена так же из габбродиабазы. Одна из створок овально-каплевидной формы размерами 11,8×10,4×2,3 см. В верхней части вырезан паз для заливки металла. Другая створка также овально-каплевидной формы размерами 12,3×10,5×2,4 см с вырезом в верхней части. В ее центре имеется овальное отверстие (1,1×0,7×0,7 см) от которого отходят 12 лучей-лепестков. На внутренних сторонах формочки видны следы какой-то темной сажаистой массы (графита?). Видимо перед отливкой изделия формочки натирались какой-то специальной массой, что способствовало получению ровной поверхности на отливаемом предмете.

Реконструируемый диаметр зеркала 9,7–9,5 см, толщина 0,3 см. В его центральной части присутствовала овальная шишечка или петелька, от которой отходили 12 лучей-лепестков. Близких аналогов изделию нам неизвестно. Размер зеркала характерен для раннескифских изделий VII–VI вв. до н.э. (Итина М.А., 1992, с. 41; Абдулганеев М.Т., 1994, с. 38; Ситников С.М., Шульга П.И., 1998, с. 70). Рисунок на внутренней стороне зеркала, вероятно, связан с солярным культом и восходит к прототипам эпохи бронзы.

Предварительно клад древнего бронзолитейщика датируется VIII–VII в. до н.э. Не исключено, что в ходе дальнейшего накопления материала предложенная датировка может быть уточнена.

В заключение хотелось бы отметить некоторые особенности изготовления формочек. Выбор габбродиабазы в качестве исходного сырья далеко не случаен. Этот камень сравнительно легко поддается обработке. Вместе с тем он хорошо выдерживает резкие перепады температуры, что являлось немаловажным фактором в бронзолитейном производстве. Любопытно, что породы, близкие по составу и свойствам, используются при изготовлении литейных форм и в настоящее время. Выбранный в качестве исходного сырья камень подвергался специальной обработке: срезалось все лишнее, края обтесывались, у формы для отливки наконечника дротика вырезались желобки для связывания. Затем, изготовленная таким образом заготовка, распиливалась пополам а ее поверхность выравнивалась и шлифовалась. После этого камень размечался (следы разметки в виде небольших царапин хорошо заметны на литейной форме дротика). Далее вырезался и шлифовался контур изделия. Подготовленные таким образом формы позволяли получать высококачественные изделия.

III. Могильник Чекановский Лог-X — расположен на правом обрывистом берегу водохранилища в 1,5–1,7 км к юго-востоку от села Корболиха. Здесь исследовано погребение человека с конем, частично размытое водой. На пляже были собраны остатки верхней части скелета 25–30-летнего мужчины, зубы и фрагменты нижней челюсти лошади, кости ног барана. На момент обнаружения погребения в обрыве фиксировались череп лошади и остатки нижней части скелета человека. Судя по ним, погребенный был захоронен в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. К сожалению, в дальнейшем могила подверглась частичному ограблению со стороны местных жителей — практически все кости скелета человека ими были извлечены из погребения.

В разрезе обрыва и при подчистки по матерiku контуры могильной ямы не фиксировались. Границу погребения удалось проследить (весьма условно) в процессе раскопок по более рыхлой и мягкой структуре заполнения и изредка встречающимся кусочкам угля и дерева. Судя по заполнению, могильная яма, ориентированная по линии северо-запад–юго-восток, имела подпрямоугольную форму, с углубленным подбоем в юго-западной части.

На глубине -156–180 см (здесь и далее все глубины даются от репера 0), на материковом приступке, был расчищен костяк лошади на животе с подогнутыми ногами. Ориентация скелета лошади по линии позвоночника северо-западная, с небольшим отклонением к северу. Под черепом лошади был обнаружен скелет барана, лежащий на животе, головой на юг–юго-запад.

В подбое, углубленном на 20 см ниже приступки, обнаружено несколько костей человека: ключица и три фаланги пальцев ног. Костные остатки скелета очевидно не находились в *in situ*, а были перемещены грызунами. В южной части погребения найдено два наконечника стрел (рис. 1.–3,4). В могиле присутствовал бронзовый пластинчатый однолезвийный нож. К сожалению, он был извлечен и разломан грабителями; удалось найти лишь небольшой фрагмент лезвия.

В береговой осыпи на глубине -250 см была найдена бронзовая пуговковидная пронизь-застежка (рис. 1.–8), а на глубине -325 см., в обвалившемся куске берега, обнаружен набор узды — удила (рис. 1.–5), псалии (рис. 1.–1,2), наносник (рис. 1.–7), подвески из добавочной фаланги

лошади или лося (рис. 1.–6,9). Интересно, что лошадь взнуздана не была, узда (судя по бронзовым окислам на черепе) была помещена возле правой щеки животного.

В настоящее время трудно сказать имело ли исследованное погребение какие-либо надмогильные конструкции. При осмотре береговой осыпи и во время раскопок остатков каменных сооружений не обнаружено. В рельефе берега захоронение так же не выделялось. Между тем для раннескифских комплексов довольно характерной чертой является сооружение курганных конструкций над погребениями: например могильники Карбан-I (Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992), Чесноково-I (Шульга П.И., 1998), Машенка-I (Шульга П.И., 1998) и ряд других памятников (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997). Вполне вероятно, что над раннескифским погребением могильника Чекановский Лог-X был сооружен небольшой земляной курган, насыпь которого сnivelирована временем.

Найденный в погребении комплект предметов снаряжения верхового коня и вооружения по составу и формам является типичным набором раннескифского времени Казахстана (Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, с. 316, рис. 7.–4, с. 317, рис. 8.–1,2, с. 323, рис. 15.–6, с. 352, рис. 46.–1–3; Ермолаева А.С., 1987, с. 72, рис. 33.–1) и Алтая (Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Бородаев В.Б., 1998; Кубарев В.Д., 1998; Марсадолов Л.С., 1998; Шульга П.И., 1998). Представленные здесь удила довольно массивные, что сближает их с удилами могильника Уйгурак (Вишневская О.А., 1973, табл. 20.–5). Встреченные здесь вещи бытовали в VII–VI вв. до н.э. В целом рассмотренный раннескифский комплекс предварительно датируется VII в. до н.э. С раннескифскими памятниками этого времени его сближает и погребальный обряд: захоронение человека с конем, наличие подбоя и жертвенной пищи, северо-западная ориентация могилы.

IV. Могильник Гилевский мост расположен в 1 км к северу–северо-востоку от плотины Гилевского водохранилища, в 1,2 км к юго-востоку от с. Гилево, на невысоком обрывистом берегу. Памятник открыт А.А. Тишкиным в 1991 г. (Тишкин А.А., 1998, с. 79). В результате археологической разведки, проводимой Лабораторией исторического краеведения БГПУ в июле 1998 г., здесь были найдены остатки небольших разрушенных каменных выкладок, человеческие кости и бронзовый однолезвийный пластинчатый нож с кольцевым навершием (рис. 1.–10). Вероятно с этого же памятника происходят предметы, переданные жителем с. Гилево А.Е. Животягиным в краеведческий музей БГПУ: стремечковидные удила (рис. 2.–8) с У-образными псалиями (рис. 2.–9,10) и массивное бронзовое зеркало (диаметр 16,1 см, высота бортика 0,8 см, толщина 0,1–0,2 см, длина петельки 1,9 см, ширина 1,1 см, высота 1,1 см, толщина 0,3–0,4 см) с бортиком (рис. 2.–11). По словам А.Е. Животягина, вещи были найдены жителем г. Горняк А. Климовским на правом берегу водохранилища, неподалеку от плотины. Круг аналогов перечисленным выше вещам довольно широк. Типологически близкие изделия довольно характерны для погребений VII–VI вв. до н.э. (Вишневская О.А., 1973, с. 84; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 87; Тишкин А.А., 1998, с. 83, рис. 5; Шульга П.И., 1998, с. 41, рис. 4.–2). Найденный нож имеет слегка горбатую спинку, что позволяет отнести его к VII в. до н.э.

В.В. Горбунов

(г. Барнаул, Алтайский государственный университет)

ПАНЦИРИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА АЛТАЕ

V.V. Gorbunov

(Barnaul, Altai State University)

The Altai armours of the early iron age

Изучение оборонительного вооружения населения Алтая до эпохи средневековья во многом остается белым пятном военной археологии, хотя первые средства защиты зафиксированы здесь уже в памятниках раннего железного века и датируются VII–II вв. до н.э. Специалистами рассмотрены лишь второстепенные виды доспеха: защитные детали (пекторали, поножи, пояса) и щиты (Горелик М.В., 1987; Полосьмак Н.В., 1992; Горелик М.В., 1993), относящиеся к пазы-

рыкской культуре Горного Алтая. С основными же видами защиты — шлемами и панцирями дело обстоит значительно сложнее. Обнаружен всего один экземпляр боевого наголовья, не имеющий точного адреса и известный только по рисунку (Грязнов М.П., 1947, рис. 5.–11; Галанина Л.К., 1985, рис. 1.–10; Горелик М.В., 1993, табл. LXII–41 и др.), который тем не менее подвергся всестороннему анализу (Галанина Л.К., 1985, с. 181; Горелик М.В., 1993, с. 170). Что касается остатков панцирей из погребений и поселений Алтая, то за редким исключением (Горелик М.В., 1993, табл. LVI–12), они не привлекают внимание оружейников. Между тем, их находки составляют пусть небольшую, но весьма разнообразную серию, содержащую интересную информацию о развитии панцирного доспеха.

К настоящему времени в археологических памятниках Алтая VII–II вв. до н.э. вещественные остатки панцирей обнаружены 12 раз. Они представлены 14 экз. панцирных пластин различной сохранности (рис. 1). На территорию Горного Алтая приходится 2 пластины от 2 панцирей: 1 экз. из курганного погребения и 1 экз. с поселения (Гельмелъ Ю.И., Дёмин М.А. и др., 1996, с. 110, рис. 1.–4; Шульга П.И., 1997, с. 74, рис. 5.–2). С территории Лесостепного Алтая происходит 12 пластин от 10 панцирей: 10 экз. из курганных и грунтовых погребений и 2 экз. с поселений (Грязнов М.П., 1956, с. 47, 94, 95, табл. IX–8, XXVI–8, XXX–3; Памятники истории..., 1990, с. 78, рис. 14.–12; Тишкин А.А., Тишкина Т.В., 1995, с. 108, рис. 1.–2; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1996, с. 144, 153, рис. 1–3, 4–5; Лузин С.Ю., Тишкин А.А., 1999, с. 173, рис. 4.–10–12, 17). В культурном отношении данный материал распределяется так: 1 экз. (рис. 1.–1) из памятника большереченской культуры, 3 экз. (рис. 1.–2–4) — староалейской культуры, 6 экз. (рис. 1.–5–10) — каменной культуры, 2 экз. (рис. 1.–11, 12) — быстринской культуры и 2 экз. (рис. 1.–13, 14) — пазырыкской культуры.

Для типологического анализа панцирей Алтая раннего железного века, при отсутствии их полных находок и изображений, можно использовать только классификацию панцирных пластин. Последним, как деталям, из которых набирается конструкция панциря, присущи самостоятельные закономерности изменения во времени и пространстве, не зависящие от покрова панциря, но позволяющие проследить развитие ряда других признаков этого вида защиты.

При делении материала выдерживался принцип, примененный М.В. Гореликом для классификации доспехов древнего Востока — от наиболее к наименее значимым признакам (Горелик М.В., 1993, с. 92). При обозначении уровней классификации заимствована терминология, разработанная И.Л. Кызласовым для систематизации инвентаря скифской культуры (Кызласов И.Л., 1983, с. 10), с необходимыми дополнениями.

В классификации использовано 10 экз. панцирных пластин от 9 панцирей: целых, и фрагментов, поддающихся реконструкции на основе сопоставления с целыми экземплярами. Для системного описания панцирных пластин их признаки разбиты на шесть уровней: группа–разряд–раздел–отдел–тип–вариант. Группа выделяется по материалу изготовления, разряд — по структуре набора пластин в составе панциря, раздел — по направлению длинных (боковых) сторон пластин, отдел — по системе расположения крепежных отверстий в пластине и их назначению, тип — по форме пластины и вариант — по числу и взаиморасположению отверстий в пластине.

Группа I. Костяные, роговые.

Разряд I. Ламеллярные. Пластины соединяются только между собой.

Раздел I. Вертикальные. Пластины длинными сторонами направлены по вертикали и набраны в горизонтальные полосы.

Отдел I. С боковыми и угловыми отверстиями. Боковые отверстия служат для крепления пластин в полосу, а угловые для крепления между полосами (рис. 2.–3).

Тип 1. Прямоугольные. Вариант а) — с 7 отверстиями. Боковых отверстий три: пара на одной стороне пластины и одно на другой, угловых — четыре: по одному возле каждого угла пластины. Размеры: 7,5×1,9×0,45 см. Куротинский Лог-I, культурный слой, VI–IV вв. до н.э. (рис. 1.–14). Вариант б) — с 8 отверстиями. Отличие от предыдущего варианта в парных боковых отверстиях с каждой стороны пластины. Размеры: 7,5–8(?)×1,9–2,3×0,3–0,45 см. Фирсово-XIV, мог. 236, VI–V вв. до н.э. (рис. 1.–4), Масляха-I, III–II вв. до н.э. (рис. 1.–8, 9).

Отдел II. С боковыми и срединными отверстиями. Боковые отверстия для крепления в полосу, срединные — между полос (рис. 2.–1).

Тип 2. Овальные. Верхний и нижний края пластины округлены, стороны параллельны или слегка выпуклы. Вариант а) — с 10 отверстиями. Боковых отверстий четыре пары: по две с каж-

дой стороны пластины, срединных — два: по одному в верхней и нижней части пластины. Размеры: $7 \times 3 \times 0,2-0,35$ см. Казенная Заимка-I, к. 3, мог. 5, IV–II вв. до н.э. (рис. 1.–6). Вариант б) — с 9 отверстиями. Отличие от предыдущего варианта в одном срединном отверстии по центру пластины. Размеры: $7,1 \times 3 \times 0,2-0,5$ см. Казенная Заимка-I, к. 3, мог. 3, IV–II вв. до н.э. (рис. 1.–7).

Разряд II. Чешуйчатые. Пластины нашиваются на мягкую основу и соединяются между собой.

Раздел I. Вертикальные.

Отдел III. С верхними отверстиями. Отверстия служат, как для крепления к подкладу, так и для крепления пластин в полосу (рис. 2.–5).

Тип 3. Овальнопрямоугольные ярусные. Верхний край пластины прямой, нижний округлен, боковые стороны параллельны и снабжены уступами. Вариант а) — с 3 отверстиями. Отверстия расположены в ряд вдоль верхнего края пластины. Размеры: $5,3 \times 2-2,5 \times 0,2-0,5$ см. Енисейское-IV, к. 4, V–III вв. до н.э. (рис. 1.–11).

Тип 4. Трапециевидные. Вариант а) — с 3 отверстиями, как у типа 3а. Размеры: $7,3 \times 2,1-2,5 \times 0,2$ см. Бийск-I, к. 1, IV–II вв. до н.э. (рис. 1.–12).

Отдел IV. С верхними и нижними отверстиями. Верхние отверстия для крепления к подкладу, в полосу и между полос, нижние — только для крепления между полос (рис. 2.–4).

Тип 5. Овальнопрямоугольные. Вариант а) — с 6 отверстиями. Верхних отверстий пять в ряд, нижних — одно по центру. Размеры: $4,5 \times 5,1 \times 0,2$ см. Турина Гора-I, хозяма-10, V–II вв. до н.э.

Группа II. Бронзовые.

Разряд I. Ламеллярные.

Раздел I. Вертикальные.

Отдел V. С угловыми отверстиями. Отверстия служат, как для крепления пластин в полосу, так и для крепления между полос (рис. 2.–2).

Тип 6. Прямоугольные. Вариант а) — с 4 отверстиями по углам. Размеры: $3,5 \times 2,6 \times 0,15$ см. Покровский Лог-V, к. 5, мог. 3, IV–II вв. до н.э. (рис. 1.–13).

Не учтенными остались 4 экз. пластин. Из них находка с КЗ-I, к. 3, мог. 5 (рис. 1.–5) вероятно относится к типу 2, но образует самостоятельный вариант с большим числом боковых отверстий. Пластина с БЕ-XII, мог. 3, IV–III вв. до н.э. (рис. 1.–3) ближе всего к отделу II, а экземпляр с БЕ-I, землянка 1, VII–VI вв. до н.э. (рис. 1.–1) — к отделу I. Последний возможно не доделан, ему, как минимум, не хватает одного углового отверстия и, как максимум, одного бокового. Находка с БЕ-III, мог. 13, IV–III вв. до н.э. (рис. 1.–2) более всего похожа на пряжку, но ее толщина, форма и отверстия подходят и панцирной пластине. Экземпляры с БЕ-III и БЕ-XII по своим крупным срединным отверстиям сближаются с панцирными пластинами из Тувы с могильника Саглы-Бажи-II, V–III вв. до н.э. (Грач А.Д., 1980, рис. 35.–10–13).

Панцирные пластины из кости и рога (группа I) известны в III–II тыс. до н.э. в неолитических культурах Китая, в глазковских памятниках Прибайкалья, в сейминско-турбинском вооружении Обь-Иртышского междуречья (Деревянко А.П., 1976, с. 123; Матющенко В.И., Синицина Г.В., 1988, с. 88,89; Горелик М.В., 1993, с. 95). В I тыс. до н.э. они используются в панцирях воинов Китая, Дальнего Востока, Центральной Азии, Западной Сибири, Южного Урала, Северного Причерноморья (Могильников В.А., 1974, с. 80; Новгородова Э.А., 1975, с. 223; Троицкая Т.Н., 1979, с. 10–12; Грач А.Д., 1980, с. 173; Матвеева Н.П., 1987, с. 64; Деревянко Е.И., 1987, с. 26–28; Комиссаров С.А., 1988, с. 80; Корякова Л.Н., 1988, с. 68; Курочкин Г.Н., 1988, с. 21; Горелик М.В., 1993, с. 125; Генинг В.Ф., 1993, с. 90,93; Матвеева Н.П., 1994, с. 104–105; Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х., 1994, с. 123–126; Давыдова А.В., 1995, табл. 183). С конца I тыс. до н.э. по середину I тыс. н.э. кость и рог, как материал для изготовления брони, постепенно вытесняются железом. Однако на периферийных территориях они применялись довольно долго, доказательством чему служат находки на памятнике монгольского времени Приольхонья, а также у народов Северо-Восточной Сибири вплоть до XIX века (Горюнова О.И., Павлуцкая В.В., 1992, с. 92–95, рис. 3,4; Богораз В.Г., 1991, с. 100). На Алтае панцирные пластины из кости и рога известны в памятниках VII–II вв. до н.э., а самая поздняя их находка зафиксирована на могильнике Кокса (Гаврилова А.А., 1965, с. 56), который, по нашему мнению, датируется III — перв. пол. V вв. н.э. и относится к булан-кобинской культуре. Этот факт позволяет предполагать, что такой материал мог применяться населением Алтая и в I в. до н.э. — II в. н.э., пока, начиная с III в. н.э., не был заменен железом (Горбунов В.В., 1996, с. 164).

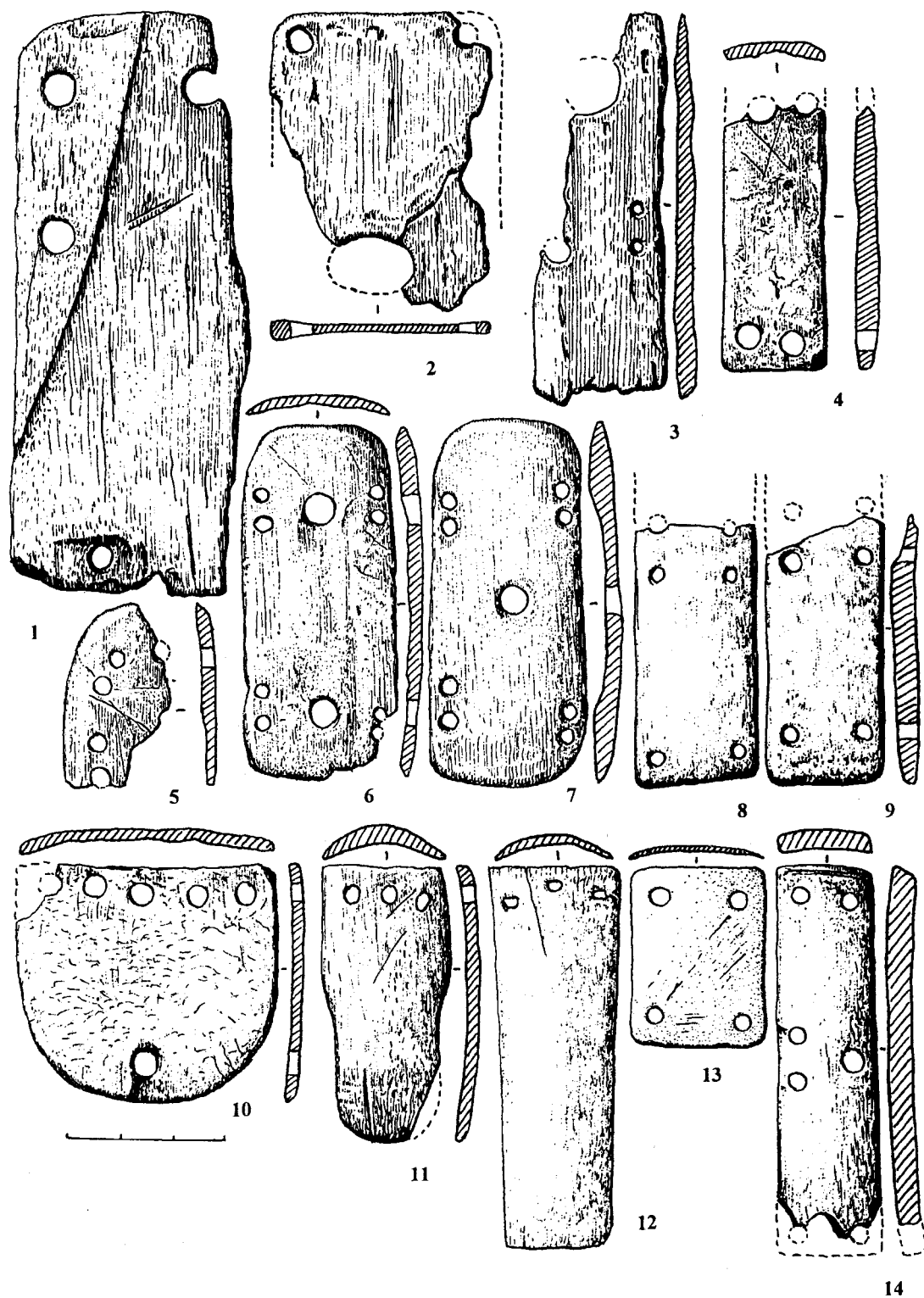

Рис. 1. Панцирные пластины Лесостепного (1-12) и Горного (13,14) Алтая.
1-9,11,12,14 — кость, 10 — рог, 13 — бронза.

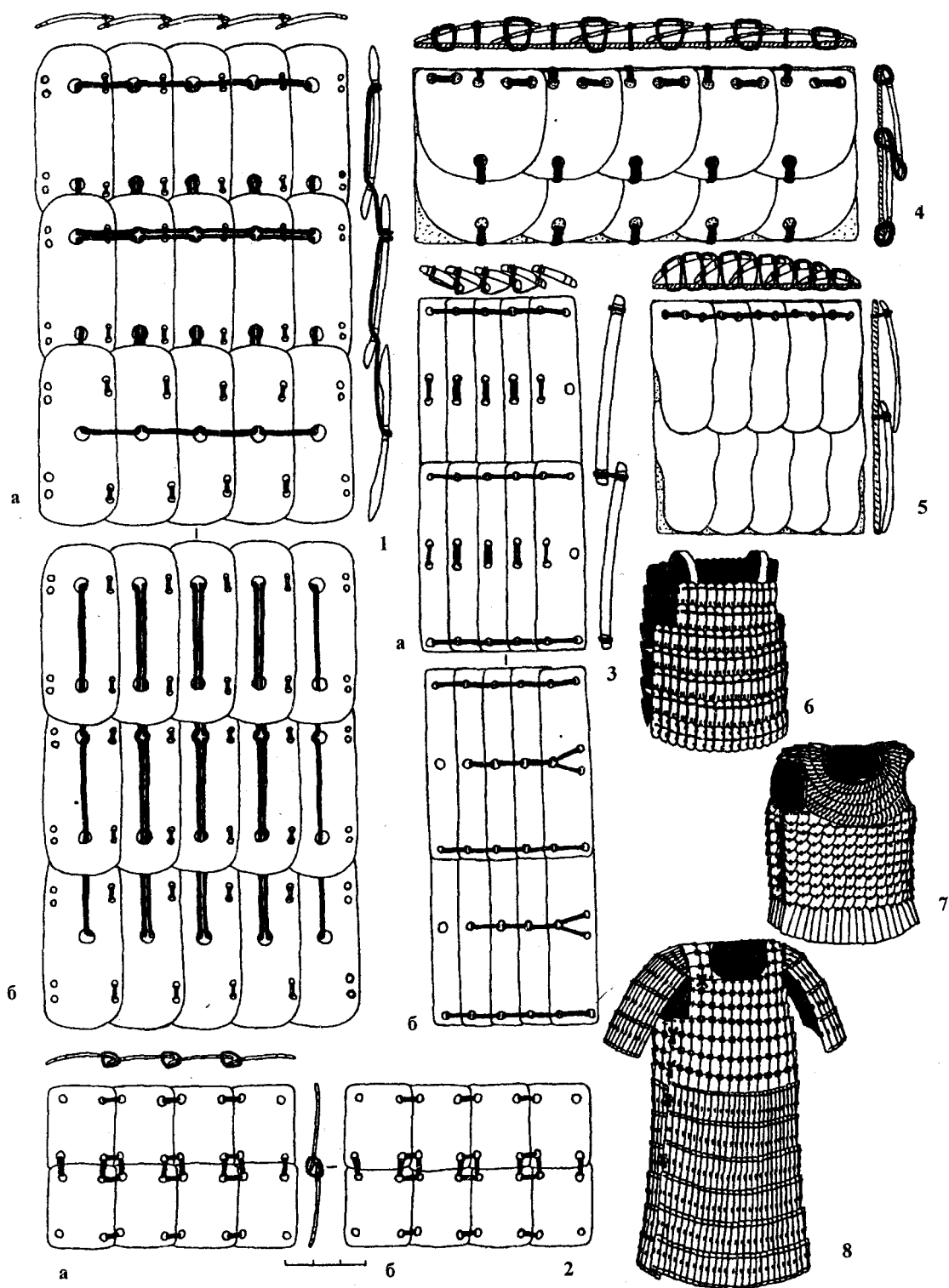

Рис. 2. Реконструкция возможных способов крепления панцирных пластин и покроя панцирей.
а — лицевая сторона, б — изнанка.

Костяные (роговые) пластины нашей серии относятся к двум структурам набора. Первая из них — ламеллярная (разряд I) имеет два самостоятельных центра происхождения: Палестина — XVIII в. до н.э. и Китай — III тыс. до н.э. В Передней Азии и на Среднем Востоке ламеллярный доспех активно использовался до середины I тыс. до н.э., после чего был вытеснен чешуйчатым, а в Восточной Азии он абсолютно преобладал до середины II тыс. н.э. и продолжал применяться до XIX века включительно (Горелик М.В., 1993, с. 117–125). Начиная с эпохи «великого переселения народов» ламеллярные панцири снова появляются в Западной Азии, но уже как восточноазиатское заимствование. На Алтае пластины ламеллярной структуры фиксируются с VII в. до н.э. по XIV в. н.э.

Ламеллярные пластины длинными сторонами направлены по вертикали (раздел I). Этот признак характерен для многих элементов бронепокрытия гетерогенного состава. Он известен с эпохи неолита (Китай) и господствовал на всем Востоке, начиная с бронзового века и до Нового времени (Горелик М.В., 1993, табл. XLVIII–LVI; Богораз В.Г., 1991, рис. 84,86 и мн. др.).

Вертикальные пластины, снабженные боковыми и угловыми отверстиями (отдел I) известны: у населения Китая в конце II тыс. до н.э. — VII в. до н.э., Приамурья и Монголии в V–III вв. до н.э., Минусы в III–II вв. до н.э., Притоболья в IV–II вв. до н.э. и Южного Урала в IV в. до н.э. (Горелик М.В., 1993, табл. LVI.–15,28; Деревянко Е.И., 1987, табл. VI.–7; Новгородова Э.А., 1989, с. 272–1; Курочкин Г.Н., 1988, рис. 15–10; Генинг В.Ф., 1993, рис. 3.–2–4,6, рис. 4.–1,10; Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х., 1994, рис. 3.–2,3,6). Пластины прямоугольной формы (тип 1) являются самыми древними элементами брони. Они известны на востоке Азии с III тыс. до н.э. (Горелик М.В., 1993, табл. XLVIII–18) и господствовали там все II и большую часть I тыс. до н.э. На западе Азии их начинают применять с IV/III тыс. до н.э. (Горелик М.В., 1993, табл. XLVIII.–1,2), но здесь они были распространены менее широко. Начиная со 2 чет. II тыс. н.э. прямоугольные пластины становятся ведущей формой бронепокрытия по всей Евразии. Экземпляры аналогичные типу 1 на уровне вариантов есть в памятниках польцевской культуры V–III вв. до н.э., в Улангомском могильнике V–III вв. до н.э., в памятниках гороховской культуры IV–II вв. до н.э. и прохоровской культуры IV в. до н.э. (Деревянко Е.И., 1987, табл. VI.–7; Новгородова Э.А., 1989, с. 272–1; Генинг В.Ф., 1993, рис. 3.–3,6, 14; Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х., 1994, рис. 3.–2).

Вертикальные пластины с системой боковых и срединных отверстий (отдел II) появляются в Китае с V в. до н.э. (Горелик М.В., 1987, рис. 4.–2) и активно используются в восточной части Евразии до середины II тыс. н.э., а с середины I тыс. н.э. проникают и в ее западную часть. Пластины овальной формы (тип 2) относятся к довольно редким элементам брони. Они впервые встречаются в Передней Азии в XVIII в. до н.э. и используются во II — перв. пол. I тыс. до н.э. в панцирях гиксосских, эламских, урартских и скифских воинов (Горелик М.В., 1993, табл. LI.–6,12, LIV.–1,30, LVI.–3). В Восточную Азию овальные пластины попадают не ранее середины I тыс. до н.э. и применяются здесь до середины II тыс. н.э. На уровне вариантов типу 2 аналогичны парфянские пластины из Нисы II в. до н.э. — I в. н.э. (Горелик М.В., 1987, рис. 5.–3). Похожи, но не идентичны, приамурские образцы III в. до н.э. и хуннские II в. до н.э. — I в. н.э. (Деревянко А.П., 1976, табл. XVIII–3; Давыдова А.В., 1995, табл. 95.–4, табл. 125–11).

Вторая структура набора костяных пластин нашей серии — чешуйчатая (разряд II). Чешуйчатый доспех появляется в Египте с XV в. до н.э. и к середине I тыс. до н.э. становится господствующим на западе Азии и в степях Восточной Европы (Горелик М.В., 1993, с. 103–108), где его приоритетное применение наблюдается до эпохи «великого переселения народов». В дальнейшем чешуйчатые панцири использовались в западной части Евразии, наряду с другими, до середины II тыс. н.э. На территории к востоку от Урала и Ирана чешуйчатая броня начинает распространяться не ранее V в. до н.э. Она известна в Северной Индии и Приаралье IV в. до н.э., в Приишимье и Среднем Приобье в III–II вв. до н.э., в Приамурье III в. до н.э. и Забайкалье II в. до н.э. — I в. н.э. (Горелик М.В., 1993, с. 113–115; Матвеева Н.П., 1994, рис. 64.–6–11; Чиндина Л.А., 1996, рис. 2.–23,24; Деревянко А.П., 1976, табл. XI.–4; Давыдова А.В., 1995, табл. 183–5). Однако чешуйчатый доспех не получил в Восточной Азии широкого признания и уже для эпохи средневековья достоверные находки его элементов отсутствуют. На Алтае пластины чешуйчатой структуры зафиксированы в памятниках V–II вв. до н.э.

Чешуйчатые пластины всегда имеют вертикальное направление (раздел I).

Экземпляры с верхними отверстиями (отдел III), относятся к самой распространенной системе у чешуйчатых пластин. Они известны практически везде, где применялась данная структура набора (Горелик М.В., 1993, табл. L–LIII). Пластины овально-прямоугольной формы (тип 3) появляются впервые в составе ламеллярных панцирей с XVIII в. до н.э. (Палестина), а с XV в. до н.э. (Египет) известны в составе чешуйчатого доспеха (Горелик М.В., 1993, табл. L.–1, LIV.–1a). Они широко применялись в западной части Евразии, а на восток попадают не ранее середины I тыс. до н.э. двумя путями: от скифов через сарматов и от персов через саков. Перенимались овальнопрямоугольные пластины как элементы чешуйчатой брони и лишь в III в. до н.э. населением Приамурья данная форма была применена для изготовления ламеллярных пластин (Деревянко Е.И., 1987, табл. VII–2,3,7,8, VIII–1–5,7). Такая деталь оформления типа 3, как уступы-плечики по сторонам есть на костяной прямоугольной пластине из Улангомского могильника V–III вв. до н.э. (Новгородова Э.А., 1989, с. 272.–2). На уровне варианта аналогии типу 3 известны в Урарту VIII–VII вв. до н.э., Ахеменидской державе VI–IV вв. до н.э., у скифов в VII–IV вв. до н.э. и сарматов в V–IV вв. до н.э., а также в Приамурье III в. до н.э. (Горелик М.В., 1993, табл. L.–21,22,31,32,36,47–49,61; табл. LI.–1,3,6,7,12,18,19,22,27,28; табл. LII.–10; табл. LIII.–1,3–5,10). Пластины трапецевидной формы (тип 4) встречаются редко. В чешуйчатом доспехе их использовали скифы и сарматы в V–IV вв. до н.э. и население саргатской культуры в III–II вв. до н.э., а в ламеллярном наборе — население гороховской культуры IV–II вв. до н.э., причем западносибирские экземпляры расширялись к нижнему краю пластины в отличие от восточноевропейских и алтайского (Горелик М.В., 1993, табл. LII.–8a; табл. LIII.–9b; Матвеева Н.П., 1994, рис. 64.–6–11; Генинг В.Ф., 1994, рис. 3.–3,4,7,8, рис. 4–1). На уровне варианта тип 4 аналогичен типу 3.

Пластины с системой верхних и нижних отверстий (отдел IV) встречаются почти также широко, как и экземпляры III отдела, и в тех же территориальных и хронологических рамках (Горелик М.В., 1993, табл. L–LIII). По такому признаку как форма пластины — овально-прямоугольная (тип 5) они совпадают с типом 3, отличаясь от него ровными сторонами. На уровне варианта пластине 5 типа точных аналогов не найдено, но наиболее близок ей экземпляр с Иволгинского городища II в. до н.э. — I в. н.э. (Давыдова А.В., 1995, табл. 183–5). Особенностью этих пластин является размещение нижнего отверстия не с боку, как обычно, а по центру, что встречается также у чешуек из Египта 4 чет. II тыс. до н.э., Персеполя VI–IV вв. до н.э. и Нижнего Поволжья V в. до н.э. (Горелик М.В., 1993, табл. L.–11,27; табл. LIII.–116). По нашему мнению нижние отверстия предназначались, не для горизонтального соединения пластин в полосе (Горелик М.В., 1993, с. 102, табл. L.–11a), а для их вертикального крепления между полосами (рис. 2–4). Этот способ предохранял чешуйчатый панцирь от колющего удара снизу, не давая верхним и нижним пластинам далеко расходиться при сгибании подклада и создавая дополнительное препятствие для клинка.

Панцирные пластины из бронзы (группа II) получили наибольшее развитие в Западной Азии. Они появляются в XVIII в. до н.э. в Палестине и являются основным бронирующим материалом гетерогенного доспеха Передней Азии и Среднего Востока, пока с VIII в. до н.э. не начинают вытесняться железом (Горелик М.В., 1993, табл. LIV.–1; табл. LV.–10, 13,14). К востоку от Урала и Ирана бронзовые панцирные пластины практически не используются. Помимо нашего экземпляра можно назвать одну находку (фрагмент) из сакского могильника Приаралья I в. до н.э. — II в. н.э. и остатки панциря в дьянском могильнике Юго-Западного Китая III в. до н.э. (Лоховиц В.А., 1979, табл. IV.–7; Горелик М.В., 1987, рис. 4.–3).

Бронзовая пластина нашей серии относится к ламеллярной структуре набора (разряд I) с вертикальным направлением длинных сторон (раздел I) и прямоугольной формой (тип 6) и по этим признакам аналогична таковым у костяных экземпляров. Она снабжена системой угловых отверстий (отдел V), которая появляется в Китае с III тыс. до н.э. и используется в Восточной Азии до XIV в. н.э. (Горелик М.В., 1993, табл. XLVIII–18; Горюнова О.И., Павлуцкая В.В., 1992, рис. 3.–5; рис. 4.–1,2). В Западной Азии такая система известна в Палестине XIV–XIII вв. до н.э., Иране VII в. до н.э. и Фригии в VI в. до н.э. (Горелик М.В., 1993, табл. LIV.–8; табл. LVI.–8,10,11).

Аналогии, приведенные по каждому из выделенных признаков панцирных пластин, позволяют сделать определенные выводы о датировке, месте формирования и путях развития данных элементов защитного доспеха.

Тип 1 можно датировать V–II вв. до н.э. Его формирование связано с китайской военной традицией восходящей к эпохе неолита. На это указывают материал, структура набора и форма пластин. Система отверстий присущая типу 1 также возникла в Китае в эпоху поздней бронзы, а ее оформление на уровне варианта произошло в регионах Дальнего Востока и Центральной Азии не ранее V в. до н.э. Именно оттуда тип 1 был заимствован населением Алтая, которое способствовало его распространению на земли Зауралья и Южного Урала.

Тип 2 относится к V в. до н.э. — I в. н.э. Происхождение этого типа связано с двумя направлениями: западно-азиатским, основанным на палестинской традиции гиксосского периода (форма пластин) и восточноазиатским, базирующимся на китайской традиции периода Чжаньго (система отверстий). Не исключено, что тип 2 сформировался на Алтае, как в месте возможного сочетания указанных традиций, и отсюда распространился на восток до Приамурья. Вероятно с Алтая пластины 2 типа могли попасть на юго-запад Средней Азии к парфянам заимствовавшим от них систему расположения отверстий.

Типы 3,4 датируются V–III вв. до н.э. и также являются производными военно-культурных контактов. Их материал восходит к китайской неолитической традиции, структура набора — к египетской, а форма — к палестинской традициям эпохи бронзы. В оформлении боковых сторон типа 3 проявляются центрально-азиатские черты, а в форме типа 4 — скифо-сарматское наследие. Число и взаиморасположение отверстий обоих типов связано с урартско-скифо-персидскими традициями. Местом трансформации этих типов был регион Западной Сибири, откуда их распространение, в новом виде, шло на восток до Приамурья и на запад до Северного Причерноморья.

Тип 5 относится к V/IV в. до н.э. — I в. н.э. Его происхождение, в основном, совпадает с предыдущими типами чешуйчатых пластин. С территории Алтая пластины 5 типа распространились до Забайкалья, где были приняты на вооружение хуннами.

Тип 6 датируется VI в. до н.э. — II в. н.э. Все его признаки, кроме материала, характерны для китайской неолитической традиции. Но эти же признаки, включая и материал изготовления, присущи палестинской традиции эпохи бронзы. Учитывая, что последняя возникла самостоятельно появление 6 типа следует связывать именно с ней. Такая деталь, как гладкая поверхность пластины указывает на ее персидское происхождение. На Алтае эти образцы могли появиться уже в VI в. до н.э. и вполне вероятно их влияние, в материале, на Китай и, в полном виде, на саков Приаралья.

Исходя из вышеизложенного, широкое применение панцирной защиты населением Алтая начинается с V в. до н.э. Однако, если верно наше предположение относительно системы и числа отверстий на находке с БЕ-I (рис. 1.–1), то можно говорить о существовании еще одного типа панцирных пластин на Алтае, который аналогичен китайским образцам VIII–VII вв. до н.э. (Горелик М.В., 1993, табл. LVI.–15). Это подтверждают и крупные пропорции нашей пластины: 11,3×4,5 см. Таким образом датировка экземпляра с БЕ-I VII–VI вв. до н.э. вполне оправдана и говорит о том, что панцири китайской традиции были известны алтайским воинам уже в начале раннего железного века.

По отдельным находкам пластин нельзя представить покроя древних панцирей Алтая, но учитывая выявленные военно-культурные связи, можно реконструировать их возможные типы. Так среди китайских материалов V–IV вв. до н.э. есть изображение ламеллярного панциря покроя «кафтан» (Горелик М.В., 1993, с. 126, табл. LVI–23) набранного из коротких и более длинных прямоугольных пластин похожих на алтайские типы 1,6. Известны и реальные находки панцирей такого покроя в китайских погребениях V–IV вв. до н.э. (Горелик М.В., 1993, табл. LVI.–16–18,19). Чешуйчатые панцири аналогичной конструкции есть среди находок и изображений сакского доспеха Средней Азии IV–III вв. до н.э. (Горелик М.В., 1993, с. 113, табл. LIII.–17–21). Исходя из этого можно предположить, что покроем типа «кафтан» мог применяться и воинами древнего Алтая, особенно в китайском исполнении из ламеллярных пластин (рис. 2.–8). Второй наиболее вероятный покроем ламеллярных панцирей Алтая — «кираса». Он был известен как на западе, так и на востоке Евразии, где использовался особенно долго (Горелик М.В., 1993, с. 125). По нашему мнению для «кирасы» лучше всего подходят пластины типа 2 (рис. 2.–6). И наконец элементы чешуйчатого набора — типы 3,4,5 могли нашиваться на панцири различной конструкции. Здесь особенно удобен покроем «пончо» (рис. 2–7) популярный у скифов, персов и сарматов (Горелик М.В., 1993, с. 107,110,112).

Население Алтая уже в раннем железном веке применяло и безусловно умело изготавливать такое сложное средство защиты как панцирь. Его сложение на Алтае проходило под сильным воздействием китайской военной традиции хорошо адаптированной к местным сырьевым и технологическим возможностям. Вторым компонентом повлиявшим на формирование алтайского панциря является скифо-персидская традиция, вобравшая в себя военное наследие Передней Азии. Ее роль проявилась слабее. Главным образом местное население переняло новую структуру брони и формы пластин, применив для их производства традиционный материал — кость и рог.

М.В. Гореликом территория Алтая включается в регион существования «сакского» доспеха, который сложился к IV в. до н.э. под влиянием персидской и китайской традиций (Горелик М.В., 1987, с. 119–121, 129; Горелик М.В., 1993, с. 113, 114), что в общем совпадает с нашими выводами о развитии алтайских панцирных пластин. Главное отличие собственно сакских доспехов от алтайских, состояло в использовании железа для изготовления элементов брони, благодаря близости среднеазиатских оседло-земледельческих центров с высоким уровнем металлургии.

Изучение панцирей древнего Алтая позволяет по иному взглянуть на проблему военных контактов местного населения с кулайскими племенами в последние века I тыс. до н.э. В литературе утвердилось мнение о превосходстве кулайского вооружения, в том числе и оборонительного, над таковым у населения юга Западной Сибири (Троицкая Т.Н., 1979, с. 46; Чиндина Л.А., 1996, с. 107–109). Однако сравнение кулайских и алтайских панцирных пластин говорит о примерно одинаковом уровне защищенности воинов обеих сторон, с некоторым перевесом алтайского доспеха.

Автор выражает благодарность А.Б. Шамшину за разрешение использовать его неопубликованный материал.

Г.Е. Иванов

(с. Черная Курья, Черно-Курьинская
средняя школа, Алтайский государственный университет)

К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ВОЕННОГО ДЕЛА КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

G.E. Ivanov

(Black Kuria, Black Kuria secondary school)

*To the problem of the
Kamenskaya culture war business reconstruction*

Различные аспекты развития военного дела каменской культуры уже рассматривались в работах Т.Н. Троицкой и А.П. Бородовского (1994, с. 81–85), В.А. Могильникова (1984, с. 191–195; 1992, с. 61–63; 1997, с. 35–60), Г.Е. Иванова (1987, с. 6–27; 1990, с. 10–19; 1993, с. 56–62; 1994, с. 102–105; 1995, с. 2–28; 1997, с. 84–90), Н.В. Полосьмак (1987, с. 71–77), Ю.Ф. Кирюшина, Г.Е. Иванова, В.Б. Бородаева (1995, с. 99–103).

Т.Н. Троицкая и А.П. Бородовский, анализируя военное дело «большереченцев» выделяют две группы воинов: всадников с относительно богатым вооружением (21% мужчин, погребенных с инвентарем) и рядовых воинов, захороненных только со стрелами (32%). Не являлись воинами и не погребались с оружием представители культа и наиболее бедные сородичи, составлявшие в целом 47% мужского населения. В качестве специфических черт культуры, не находящихся объяснения, называются отсутствие городищ, малое количество оружия в погребениях и небольшое число воинов. В работе приводятся сведения о 13 бронзовых, 101 костяном наконечниках стрел, 6 чеканах, 3 кинжалах, 1 мече, двух кельтах и двух формах для их отливки, 7 колчанных крючках (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 35–36).

Очень обстоятельному анализу подвергнуто оружие в работе В.А. Могильникова. Тщательно рассмотрев каждую находку оружия ближнего боя и защитного доспеха, охарактеризовав общие закономерности развития лука и стрел, В.А. Могильников приходит к выводу, что комплекс вооружения населения Верхнего Приобья и степного Обь-Иртышского междуречья различался между собой. Полный комплект оружия воина Верхнего Приобья включал лук со стрелами, чекан и кинжал и был аналогичен оружейному набору воинов Саяно-Алтая, междуречья Оби и Енисея, Минусы, что объясняется традиционными связями населения Верхней Оби с Горным Алтаем и Кузнецким Алатау. У воинов степного междуречья Оби и Иртыша полный комплект вооружения состоял из длинного меча, кинжала и лука со стрелами, что делает его подобным вооружению степного населения западных и юго-западных областей. В степях Алтая большую роль играло всадничество, а в войске — кавалерия (Могильников В.А., 1997, с. 59–60). В.А. Могильников так же отмечает малочисленность предметов вооружения и конского снаряжения в погребениях каменной культуры, считая, что «в этом отношении обряд погребения каменной культуры наиболее близок погребальному ритуалу саков Семиречья, Тянь-Шаня и Восточного Казахстана» (Могильников В.А., 1997, с. 28), с чем следует согласиться как с одной из причин данного явления. Воинские погребения В.А. Могильников разделяет на 4 группы: 1) только со стрелами, наиболее многочисленная; 2) со стрелами и кинжалом; 3) со стрелами и чеканом; 4) с полным набором вооружения (стрелы, кинжал, чекан) — единичные (Могильников В.А., 1997, с. 102).

Все авторы рассматривают оружие эпохи раннего железа в целом, без распределения по культурам.

В данной работе нами предпринимается попытка на основе анализа имеющихся источников охарактеризовать военное дело каменной культуры.

Нами проанализированы материалы 65 могильников, в которых раскопано 303 кургана, содержащих около 1500 погребенных. Из них не менее 275 — погребения мужчин, 234 — женщин, 279 — детей. Пол свыше 700 погребенных установить не удалось отчасти из-за отсутствия сведений в публикациях, но, в основном, из-за сильной разграбленности могил, когда не только погребальный инвентарь, но и костяки уничтожены грабителями почти полностью. Подобным образом разграблены практически все ранние (VI–V вв. до н.э.) курганы степного Обь-Иртышья, содержавшие по одному погребению, а так же центральные могилы более поздних курганов, в которых, как показывают редкие случаи их обнаружения неграбленными, часто и были похоронены воины с полным набором вооружения.

За исключением раскопанного Ю.П. Алехиным в Рудном Алтае полностью разграбленного кургана Золотарь (Алехин Ю.П., Дёмин М.А., 1993, с. 235–238; Алехин Ю.П., 1997, с. 126–128), не раскапывались достаточно многочисленные «царские» курганы в алтайских степях (Могильников В.А., 1997а, с. 132–135). Хотя все они подверглись опустошительному разграблению, все же именно в них можно найти хотя бы косвенные подтверждения о существовании комплекса вооружения предводителей союзов племен и вождей племен, которых мы выделяем в воинскую группу 1. Ее представители были, видимо, вооружены луком и снабжены полным колчаном бронзовых стрел, длинным мечом с рукоятями, оформленными в зверином стиле, копьем, кинжалом, металлическим защитным доспехом и снаряжением коня.

Менее масштабные курганы (типа Михайловка-VI, Ключи-III, Нижний Кучук-I) содержали, видимо, погребения выделенных В.А. Могильниковым групп 3 и 4, в которых следует видеть представителей родовой знати, выделившихся к этому времени в когорту профессиональных воинов-дружинников, составлявших постоянный костяк войска, его основную ударную силу (Иванов Г.Е., 1995, с. 25). Поскольку вооружение обеих групп предназначалось для выполнения в бою одной и той же функции — участия в рукопашном бою в составе конного строя, не спешиваясь, их целесообразно объединить в одну группу 2 (воины-дружинники), разделив на две подгруппы: 2а — с луком, длинным мечом, кинжалом и снаряжением коня, т.е. вооружением, характерным для степной и предгорной полосы Обь-Иртышья (Иванов Г.Е., 1995, с. 23–26); и 2б — в которой вместо меча используется чекан, реже — кельт или копье. Существование группы 2 документируется редкими дошедшими до нас неграбленными погребениями в Верхнем Приобье (Новый Шарап-I, кург. 19; Камень-II, кург. 15, мог. 5; Новотроицкое-I, кург. 15, мог. 1; Новотроицкое-II, кург. 15, мог. 3; кург. 18, мог. 9 и др.); комплексом из Новообинки; в степных районах — прослеженным при раскопках грабленых курганов

погребальным обрядом, аналогичным обряду, по которому погребены представители знати у саков и саргатцев; находками длинных мечей (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев В.Б., 1995, с. 99–103).

На наш взгляд, следует так же объединить в одну группу 3 выделенные В.А. Могильниковым группы 1 и 2 поскольку они составляют одну, самую многочисленную часть войска — легковооруженную конницу, основной задачей которой в бою было — путем массированного обстрела из луков расстроить ряды противника и на стадии дальнего боя нанести ему ощутимый урон и, угрожая своей многочисленностью и возможностью фланговых охватов и окружения, заставить врага отступить не принимая рукопашного боя, в котором эта категория воинов была менее всего сильна, поскольку воины, имевшие кинжалы (подгруппа 3а) должны были спешиваться, а не имевшие их (подгруппа 3б) — охранять лошадей и выполнять функции прикрытия. В мирной жизни эта группа была пастухами-общинниками, в теплое время года передвигавшаяся со стадами по степи. В отличие от воинов двух первых групп, у которых оружие было узкоспециализированным для ведения боевых действий (длинный меч, кинжал, чекан) и только лук и копье использовались для спортивной охоты и состязаний, у представителей третьей группы лук и стрелы были повседневно необходимы и в мирные дни для охраны стад и добычи пропитания охотой. Возможно, что и в могилу они помещались всего для выполнения этих функций. Нельзя так же исключать, что в обществе каменной культуры, имевшем достаточно сложную социальную структуру, ношения оружия превратилось уже в прерогативу определенных родовых и социальных групп. Учитывая, что основная масса рядовых курганов к настоящему времени раскопана на периферии каменной культуры — в районах, прилегающих к Оби, где население было смешанным (Дрёмов В.А., 1972, с. 33–37) и, видимо, не только не входило в состав привилегированных родов и племен, но и находилось в определенной экономической и политической зависимости от них (Грязнов М.П., 1992, с. 177–178), небольшой процент погребений с оружием не только объясним, но и закономерен.

Представляется, что в столь крупных общностях, какой являлась каменная культура и на подобной стадии экономического и социального развития процент мужчин, погребенных с оружием, уже не является прямым отражением степени милитаризации общества и его боеспособности. Более важно распределение воинов по выделенным категориям, поскольку оно характеризует структуру войска, а, следовательно, и его тактику.

К сожалению, имеющийся материал позволяет обстоятельно охарактеризовать только группу 3 (легковооруженные воины-ополченцы) и, отчасти группу 2б (профессиональные воины-дружинники Верхнего Приобья). Все данные о военном деле каменной культуры сведены в таблицу 1, в которой все исследованные курганы разделены на 5 хронологических групп, что позволяет проследить эволюцию вооружения. Для получения более объективной картины в таблицу включены находки оружия с поселений и случайные находки с территории культуры и исключены могильники, в которых раскопаны только женские или полностью разграбленные погребения. Не учитывались случайные находки бронзовых кинжалов и чеканов VII–VIII вв. до н.э. (Иванов Г.Е., 1987, рис. 5.–2; рис. 6.–1,2). Они ни разу не встречены на поселениях и в погребениях культуры и более характерны для комплекса вооружения предыдущего периода (вторая половина VIII — первая половина VI в. до н.э.), культура населения которого в степных районах еще недостаточно ясна. Если такое оружие и использовалось в конце VI — начале V в. до н.э., то уже, скорее, как пережиточное явление. Для каменной культуры характерно железное оружие ближнего боя, что является одним из отличий ее от культур Тувы, Минусы, Горного Алтая, и староалейской культуры Верхнего Приобья, где бронзовое оружие использовалось значительно дольше.

Имеющаяся выборка по первым двум периодам слишком мала для реконструкции структуры войска. Можно лишь констатировать, что не менее 56,7% мужчин были воинами, а разнообразный набор оружия свидетельствует о высоком уровне развития военного дела. Среди оружия дальнего боя бронзовые наконечники преобладают над костяными, очень высок процент втульчатых. Все бронзовые наконечники очень близки сакским образцам. В начале периода преобладают трехгранные и трехгранно-трехлопастные формы, что может указывать на то, что каменским лучникам приходилось сталкиваться с защищенным доспехом противником, а в дальнем бою основное значение придавалось прицельной стрельбе со средней дистанции. В V–

Таблица I

Военное дело каменной культуры

Период (в. до н.э.)	Тип памятника	Характеристика погребений										Характеристика оружия														
		Количество могильников	Раскопано курганов	Количество погребенных	из них мужчин	Взрослых не определенных	с оружием	из них не грабленых	Воинская группа					Наконечники стрел						Мечи	Кинжалы	Чеканы	Кельты	Булава	Колчанный крюк	Снаряжение
									2а	3а	3б	Н/оп.	Вул.	Чер.	Железные черешков.	Вул.	Чер.	Наконечники копий								
VI-V	Могильники	6	34	45	14	21	5	3				3	2	2	1	—	—	—	4	—	—	—	—	—	3	+
	Поселения													2	2											
	Случайные находки													11	2					2	1				1	
	Всего:													15	5				4		2	2			3	
V-IV	Могильники	8	38	51	16	10	12	4				4	6	—	3	—	2	18	—	—	1	2	—	—	1	+
	Поселения								2					4	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
	Случайные находки														4					1	1				1	
	Всего:														4	14		2	18		1	2	2			
IV-III	Могильники	12	155	721	204	78	63	30	1	10	17	35	—	3	12	15	19	70	1	1	19	7	1	1	14	+
	Поселения													9	4	1	6	6								
	Случайные находки																			1	1					
	Всего:													12	16	16	25	76	1	2	20	7	1	1	14	
III-II	Могильники	8	34	209	44	20	29	20		2	3	24		4			4	84	1	1	3		1		7	+
	Поселения																			1	1					
	Случайные находки																			1	1					
	Всего:													4			4	84	1	1	4		1		7	
II-I	Могильники	5	10	96	21	13	9	3				9						25							1	
	Итого:	39	271	1122	299	142	118	60	1	14	20	75	8	35	35	16	31	207	2	6	27	9	2	1	26	

IV вв. до н.э. вес и размеры наконечников уменьшаются (длина черешковых 4,5–5 см, вес — 4,0–5,5 г, против наконечников VI–V вв. до н.э., длина которых доходила до 7 см, а вес — до 8,5–9 г); трехгранное сечение сменяется в основном трехлопастным, а черешковые резко преобладают над втульчатыми. Произошедшие изменения объясняются переориентацией боевых акций на слабо защищенного доспехом противника, увеличением дистанции боевого соприкосновения на стадии дальнего боя и роли массированного нецельного удара по крупным скоплениям противника. Преобладание черешковых форм связано с распространением в IV в. до н.э. железных черешковых наконечников у сарматов и саргатцев. Более длительное бытование бронзовых наконечников у каменцев объясняется, видимо, не только доступностью большого количества алтайской меди, но и потребностью в массовом производстве больших серий, а так же является еще одним подтверждением отсутствия у противников каменцев в этот период хорошего защитного доспеха. С последним обстоятельством связано и очень широкое использование костяных наконечников, которые в лесных районах традиционно изготавливались и абсолютно преобладали еще с эпохи бронзы. Уже с самого начала периода все наконечники оптимально приспособлены под лук скифского типа.

В качестве оружия ближнего боя подгруппой 2а использовались длинные мечи с почковидным, сердцевидным и бабочковидным перекрестьем, трехваликовой рукоятью, брусковидным или серповидным навершием (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев В.Б., 1995) и железные кинжалы с бабочковидным перекрестьем, в оформлении которых часто использовались зооморфные мотивы (Иванов Г.Е., 1987, рис. 5.–3,6; 1993, рис. 2.–1, с. 57–58). Эталон комплекс 2а является находка из Новообинки (Иванов Г.Е., Медникова Э.М., 1982, с. 89–95), эталон подгруппы 2б — погребение в кург. 19 могильника Новый Шарап-1 (Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994, с. 117, табл. XIX). Мы считаем, что наличие на вооружении этой подгруппы чеканов и кинжалов не является, как пишет В.А. Могильников, ни свидетельством близости его к южносибирскому комплексу вооружения, ни подтверждением тесных связей с этими территориями (Могильников В.А., 1997, с. 59). Как уже отмечалось нами (Иванов Г.Е., 1995, с. 20) и самим В.А. Могильниковым (1997, с. 51), верхнеобские железные чеканы с длинной втулкой типологически не имеют ничего общего с бронзовыми проушными чеканами Южной Сибири, представляя собой самостоятельную линию развития, связанную с эволюцией длинновтульчатых бронзовых чеканов VIII–VII вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1981, рис. 1) через бронзовые чеканы с широкой втулкой и круглым в сечении бойком (Иванов Г.Е., 1987, рис. 6.–1,2) к железным чеканам Нового Шарапа-I и Новотроицкого (Могильников В.А., 1997, рис. 42). Что касается кинжалов, то ранние, с бабочковидным перекрестьем, уже в VI–V вв. до н.э. изготовлены из железа, украшены изображениями, типичными для алтайского звериного стиля и у каменцев завершают в новом, нерациональном для изготовления металла, развитие типов предшествующего периода и быстро, не позднее V в. до н.э. выходят из употребления, в то время как в Туве, Минусе и в Горном Алтае еще долго отливаются из бронзы и широко используются, эволюционируя под влиянием западных и северо-западных железных образцов. Вторая группа железных кинжалов Верхней Оби, появляющаяся во второй половине VI в. до н.э. и существующая на всем протяжении второй половины I тыс. до н.э. полностью копирует савроматские и сарматские образцы, чуждые южносибирскому комплексу. Все это позволяет сделать вывод, что комплекс 2б, сложившийся на Верхней Оби к концу VI в. до н.э. развивался, как и оружие культуры в целом, на местной основе при постоянном влиянии западных и юго-западных образцов.

Могильники IV–III вв. до н.э. позволяют всесторонне охарактеризовать военное дело. Процент мужчин с оружием составляет 30,9%, из них на подгруппу 2а приходится 1,6%, 2б — 15,9%, 3а — 27%, 3б — 55,6%, что, вероятно, близко к реальной картине.

В колчанном наборе появляются железные черешковые наконечники, бронзовые втульчатые и черешковые наконечники представлены самыми мелкими и легкими (длина черешковых — 3,5–4 см, вес — 4,0–4,5 г, длина втульчатых — 2,5–3 см, вес 1,5–2,7 г) типами трехгранных и трехгранно-трехлопастных форм. Количество черешковых более чем в два раза больше втульчатых, костяных так же в два раза больше металлических. В погребениях количество стрел редко превышает 3–4 экз., полный набор состоит из 10–14 стрел.

Оружие ближнего боя состоит из железных длинных и коротких мечей и кинжалов сарматских типов (Иванов Г.Е., 1987, 1990, 1993, 1995; Могильников В.А., 1997, с. 36–47), максимума достигает количество чеканов, в Приобье единично встречаются наконечники копий и кельты.

В III–II вв. до н.э. процент мужчин, погребенных с оружием составляет 65,9, но в основном это воины группы 3, вооруженные луком и костяными наконечниками стрел. Количество других категорий оружия очень невелико. Во II–I вв. до н.э. мужчины, погребенные с оружием (42,8%) снабжены только костяными черешковыми наконечниками стрел.

А.М. Илюшин, С.А. Ковалевский

(г. Кемерово, Кузбасский технический
государственный университет, педагогический колледж)

**ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КУЗНЕЦКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ**

A.M. Iliushin, S.A. Kovalevsky

(Kemerovo, Kuzbass Technical State University, Pedagogic College)

*The research summary of the ancient things of the early
iron age by Kuznetsk complex archaeology-ethnographic expedition*

Изучение памятников раннего железного века на территории Кузнецкой котловины имеет свою историю. Первым открытым и исследованным памятником этого периода является многослойное городище Маяк расположенное в районе Старокузнецка (Коротаев А.М., 1979, с. 144). К раннему железному веку У.Э. Эрдниев исследовавший это городище отнес остатки одного жилища, часть керамического комплекса, некоторые бронзовые, каменные и костяные изделия (Эрдниев У.Э., 1960, с. 17). В последующие годы был открыт целый ряд поселений содержащих артефакты раннего железного века. Информация об этих открытиях приведена в сводной работе А.М. Кулемзина и Ю.М. Бородкина (Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М., 1989). Однако систематические исследования памятников этого периода велись лишь в 1970–80 годы хоздоговорной группой «Волна» КемГУ под руководством Г.С. Мартыновой. Материалы этих исследований частично введены в научный оборот и использованы для написания одной кандидатской диссертации (Коротаев А.М., 1980, с. 45–53; Окунева И.В., 1990). Кузбасской археологической экспедицией было зафиксировано и опубликовано впускное погребение большереченской культуры в ирменском кургане № 16 могильника Журавлево-IV (Бобров В.В., Чижишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с. 54–55, рис. 41, рис. 42.–1). В последние годы исследования памятников раннего железного века ведутся Ю.В. Шириным (Ширин Ю.В., 1997, с. 180–182), а также коллективом ККАЭЭ (Мга В.В., 1997, с. 20–30). В целом, процесс исследование памятников раннего железного века на территории Кузнецкой котловины можно оценивать как период накопления материалов и первых обобщений. В этой связи можно подвести некоторые итоги изучения членами ККАЭЭ, за последние годы, археологии раннего железного века Кузнецкой котловины.

Динамика этнокультурных процессов на территории Кузнецкой котловине позволяет говорить об отсутствии переходного периода или его скоротечности в истории этого региона и начинать хронологию эпохи железа с VI в. до н.э. Именно эту дату можно считать отправной точкой, когда на смену этнокультурных традиций бронзового века пришли новые традиции связанные с большереченской культурой раннего железного века.

Наиболее ранние признаки начала новой эпохи содержатся ещё в позднебронзовых памятниках датируемых VII в. до н.э. Так в частности, на ирменских памятниках, курганном могильнике Сапогово-I (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996, с. 75) поселениях Красная Горка-I (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 112) и Торопово-V (Мга В.В., 1997, с. 26, рис. 2), расположенных в нижнем и среднем течении р. Касьмы, представлены фрагменты керамики боль-

шереченской археологической культуры (рис. 1.–12–17), которая сложилась в VII–VI вв. до н.э. на территории Верхнего Приобья. Эти находки представлены малым количеством фрагментов посуды баночной формы, которые орнаментированы по венчику рядом «жемчужин» с разделителями в виде ямок или вертикальных насечек, либо «жемчужинами» без разделителей. Эти находки позволяют сделать вывод, что население долины р. Касьмы, продолжая традиции позднебронзового века, контактировало с населением сопредельных территорий, где уже сформировался новый тип культуры раннего железного века. При этом, видимо, уже в VI в. до н.э. в культуре населения Кузнецкой котловины инновационные признаки большереченской культуры начинают преобладать над пережитками позднебронзового века, что и дает нам основание считать эту дату началом эпохи раннего железного века на территории Кузнецкой котловины. Этот факт был отмечен Н.Л. Членовой на материалах поселения Маякова Гора (Членова Н.Л., 1994, с. 70–71,83).

Период существования большереченской культуры на территории Кузнецкой котловины, в настоящее время, определить не представляется возможным. ККАЭЭ были исследованы однослойные поселения большереченской культуры Старочервово-II и Старочервово-IV (рис. 1.–1–11), расположенные в среднем течении р. Томи, но поминально-погребальные комплексы этой культуры обнаружены не были. Не исключено, что уже в V–IV вв. до н.э. на этих землях её сменяет, или сосуществует с ней, тагарская археологическая культура.

Очень интересными и актуальными, в этой связи, являются находки (толстостенная керамика и бронзовый котел) сделанные на поселении Шабаново-VI (рис. 2.–1,3–10), которые имеют близкие аналогии в древностях тагарской археологической культуры. Кроме этих находок, в ходе разведок, на территории Ленинск-Кузнецкого района были выявлены тагарские погребальные памятники (Ракитный, Ракитный-I, Ракитный-III), которые представляют собой три округлых земляных насыпи диаметром до 36 м и высотой до 1,8 м. Курганы располагаются цепочкой, на расстоянии 300–500 м друг от друга, по линии ССЗ–ЮЮВ. В 1960-х годах эта цепочка насчитывала четыре кургана, но один из них, самый южный, был разрушен при строительстве автомагистрали, а сделанные строителями находки попали в Ленинск-Кузнецкий городской краеведческий музей (рис. 2.–2). Обнаруженный и обследованный комплекс памятников тагарской археологической культуры в долине р. Касьмы предварительно можно датировать V–III вв. до н.э. Это позволяет высказать предположение о том, что в период своего расцвета западная граница тагарской археологической культуры достигала территории среднего течения р. Ини и имела ограниченный период бытования на территории Кузнецкой котловины.

В связи с этими находками встает вопрос о том, когда на этой территории возникло первое государство. Ведь известно, что общество носителей тагарской культуры представляло собой раннеклассовое государственное образование о чем свидетельствуют многочисленные факты связанные с изучением археологических памятников датируемых серединой I тыс. до н.э. Эта эпоха ознаменована таким явлением как скифо-сибирское культурно-историческое единство, которое обусловило появление первых раннегосударственных образований на территориях Западной, Южной и Средней Сибири. Эти государства возникли как племенные объединения вокруг саков, юэчжей и динлинов. Именно с последним этнонимом, который упоминается в китайских хрониках, многие исследователи склонны отождествлять население тагарской (динлинской) культуры. Известно, что центр государства динлинов находился на территории Минусинских котловин, а в качестве северной периферии выступали территории Красноярской и Ачинско-Мариинской лесостепи. Открытие комплекса тагарских памятников на Кузнецкой земле позволяет констатировать факт расширения государства динлинов в V–III вв. до н.э. на запад, что и предопределило появление первого государства на территории Кузнецкой котловины.

Можно предположить, что появление тагарского населения на территории Кузнецкой котловины не привело к смене населения в этом регионе. Пришельцы первое время сохраняя свою культурную автономию и в дальнейшем были ассимилированы местными большереченскими племенами. В пользу этой версии свидетельствует и тот факт, что носители тагарской и большереченской археологических культур имели близкое друг к другу, по содержанию, комплексное хозяйство. Основными отраслями хозяйства являлись пастушеское молочное и мясное скотоводство и примитивное мотыжное земледелие. Серьёзным подспорьем являлись охота, рыболовство и собирательство. Однако, вопрос о характере и динамике взаимоотношений тагарского и большереченского населения на территории Кузнецкой котловины остается открытым.

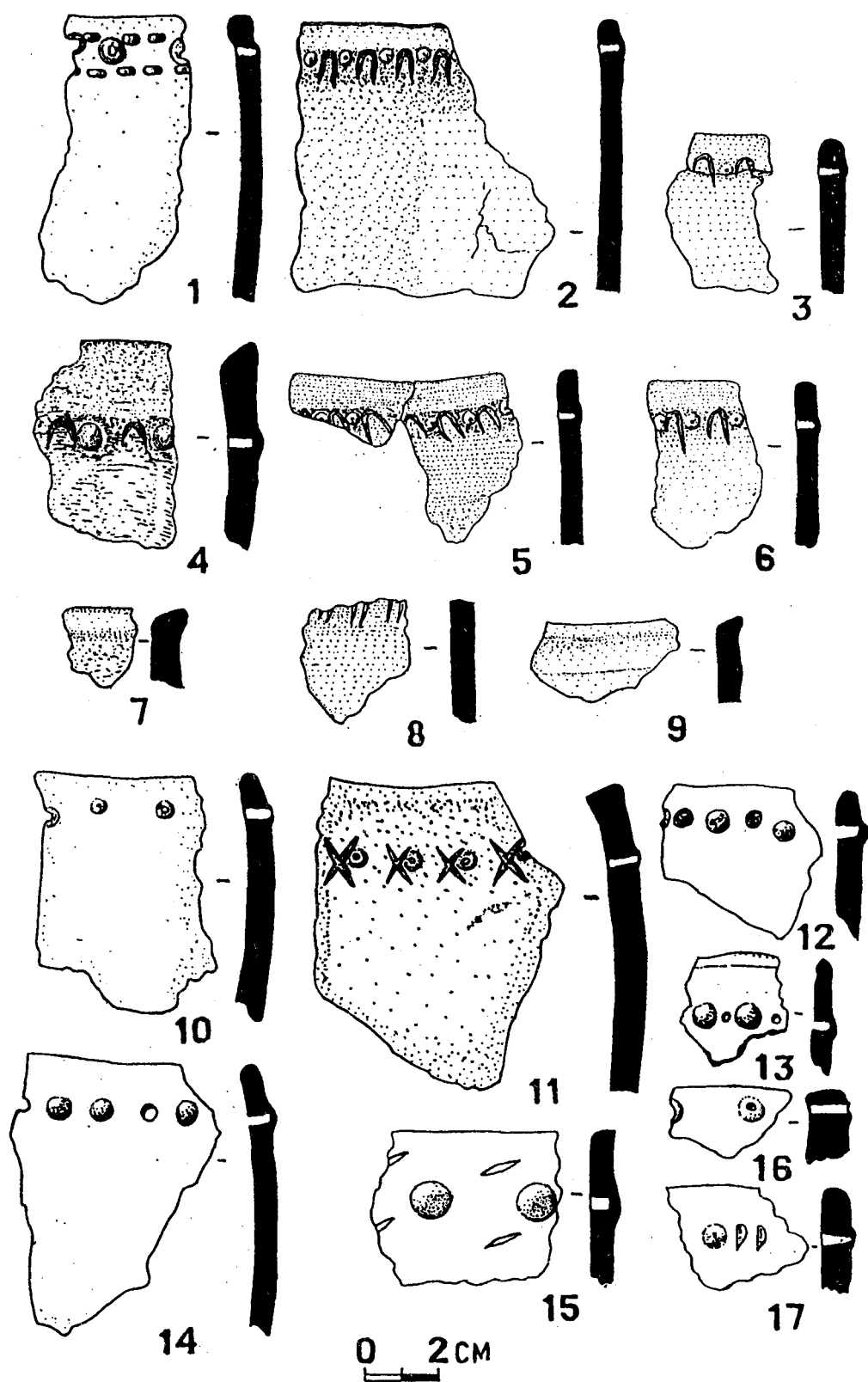

Рис. 1. Материалы к археологии раннего железного века Кузнецкой котловины.
 1–10 — поселение Старочервово-II, 11 — поселение Старочервово-IV,
 12–17 — поселение Красная Горка-I. 1–17 — фрагменты керамической посуды.

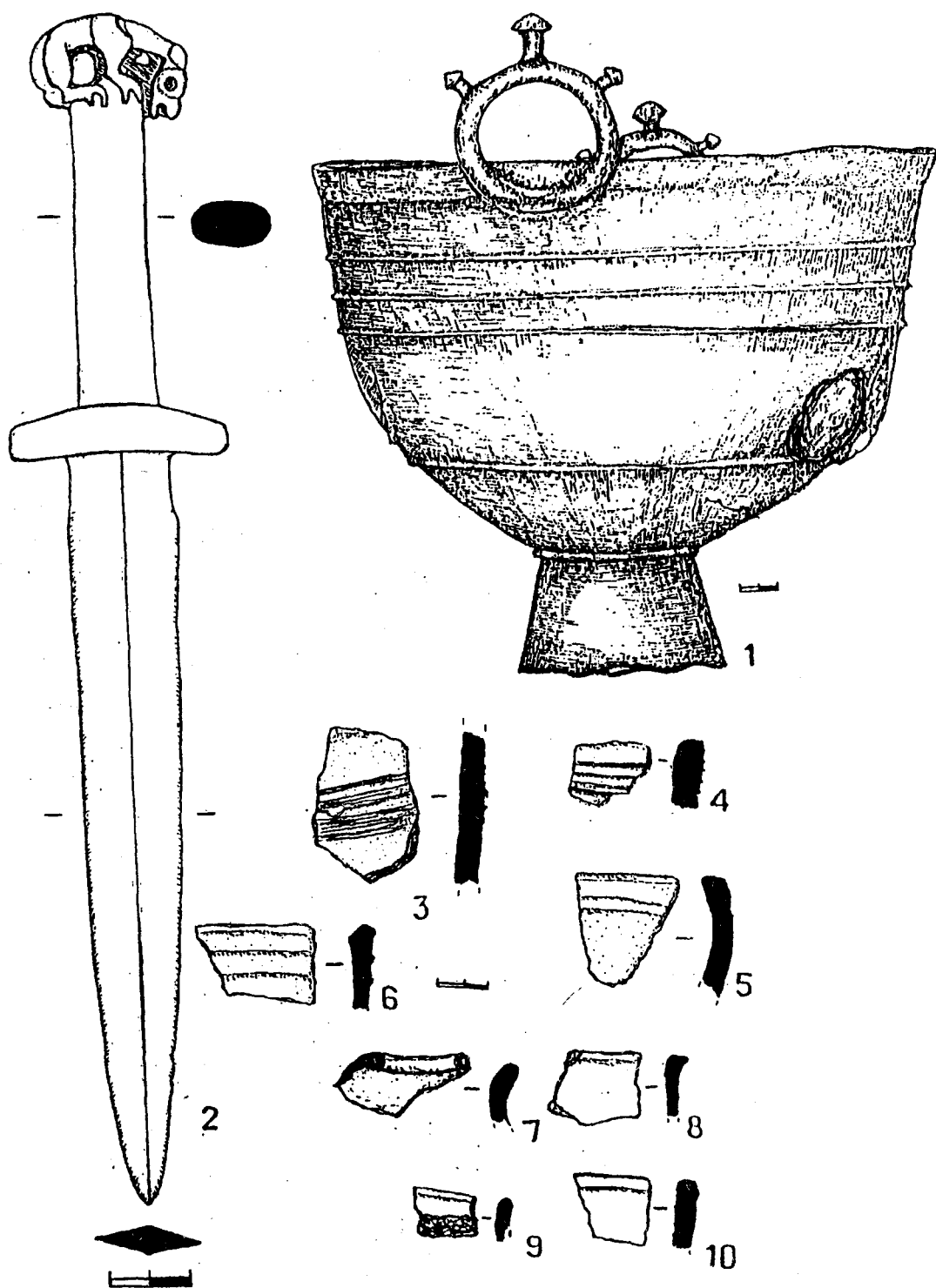

Рис. 2. Материалы к археологии раннего железного века Кузнецкой котловины.
 1,3-10 — поселение Шабаново-VI, 2 — местонахождение Ракитный. 1 — котёл,
 2 — кинжал, 3-10 — фрагменты посуды. 1,2 — бронза, 3-10 — керамика.

В конце I тыс. до н.э. на территории Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины, в частности, происходят существенные изменения вызванные политическими событиями на просторах степей Евразии, в восточной части которых, возникает государство хуннов, а также миграцией на юг племен носителей кулайской археологической культуры с территории Среднего Приобья. В долине реки Ини появляются вещи характерные для кулайской культуры — массивные бронзовые изображения человека-птицы, передающие облик натуры в стилизованном виде. По имеющимся описаниям находки из Егзовского клада, найденного в 1881 году на берегу р. Ини в 1 км от одноименной деревни, можно отнести к историко-культурному наследию этого периода. Известно, что 12 бляшек, размерами от 6 до 14 см, изображали человеческие фигуры, с птичьими головами и руками в виде крыльев. А на девяти фигурках имелись изображения человеческого лица. Сам клад можно интерпретировать как культовое место, так как подобные находки были характерны для жертвенных мест кулайского населения. Кроме этого, на факт присутствия кулайского населения в долине среднего течения р. Ини указывают и единичные подъемные находки фрагментов керамики украшенные «уточкой». Однако, фрагментарность находок не позволяет точно обозначить дату миграции кулайского населения на территорию Кузнецкой котловины.

В отдельных случаях в долине р. Касьмы вблизи сел Сапогово и Торопово были зафиксированы фрагменты керамики указывающие на их происхождение в древностях раннего железного века Ачинско-Красноярской предтаежной зоны. Вероятно, эти находки свидетельствуют об этнокультурных контактах населения этих регионов на рубеже тысячелетий. В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что предметы кулайского бронзового литья имели широкий ареал распространения от Приуралья до Прибайкалья.

K. Jettmar

(Geidelberg, Germany)

A RECENTLY DISCOVERED PROVINCE OF SCYTHIAN ANIMAL STYLE IN THE HINDUKUSH

During my travels in the extreme mountains of Pakistan, I could acquire a typical plaque shaped according to the rules of the animal style (fig. 1). I secured it in the Kandia Valley opposite the entrance to the most difficult part of the track connecting the Tarim basin with Gandhara described by Chinese pilgrims as «Suspended Crossings» (Jettmar K., 1987, p. 95–102). Rock-carvings of the kind were observed in the gorges of the Indus. Recently, graves of the same period with related objects were opened by grave-robbers in some large side-valleys, e.g. in Tangir, Darel and Ishkoman (near Gilgit). The earliest immigrations to such valleys — as well as to Swat and Kashmir — occurred already during the second millennium B.C. (Stacul G., 1993, p. 707–714), in the fourth century B.C. a later wave arrived. A necklace (16 kg of gold!) hidden by immigrants — coming with a last wave during the Sarmatian period — in the Indus Valley near Patan, was discovered by the local population and cut into many pieces, but got finally confiscated by the Pakistani authorities (Jettmar K., 1991, p. 1–20). Apparently, the invaders settled in the fertile side valleys and had their sanctuaries in the gorges of the Indus, where the tracks between the North and the South crossed the large and sacred river (Jettmar K., 1987). My Russian colleagues, especially Prof. Kubarev, have already seen the connections with Southern Siberia.

Photo 10 — Plate 7

In the Kandia valley (Indus Kohistan), a bronze-plaque (45x42 mm), certainly a stray-find, was bought from a local farmer. On the reverse there is a massive button for fixing it. An ibex whose horns are added by the head of a monal pheasant. Besides this detail all essential elements were observed in the Pamirs in graves of the Saka nomads. Now: National Museum Karachi (4th century B.C. or later).

Рис. 1 Случайная находка, бронза (45х42 мм). Хранится в национальном музее в Карачи.

К. Йеттмар

(г. Гейдельберг, Германия)

НОВАЯ ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ В ГИНДУКУШЕ

Во время исследований в горах Пакистана, было обнаружено изделие, оформленное в зверином стиле (рис. 1).

Оно найдено в долине Канди, близ слияния двух рек, в местности, названной китайскими пилигримами «Suspended Crossings» («Висячие Перекрестки»(?)) (Jettmar K., 1987, p. 95–102).

В ущельях Инда были обнаружены наскальные изображения.

Кроме этого, в некоторых больших долинах бугровщиками вскрыты могилы, где обнаружены предметы, оформленные в скифском зверином стиле.

Зафиксированные миграционные процессы на рассматриваемой территории, датируются II тыс. до н.э. (Stacul G., 1993, p. 707–714), а более поздняя волна — IV в. до н.э.

Золотое изделие (весом 16 кг!), спрятанное во время последней миграционной волны (сарматский период) в долине Инда около Патана, было обнаружено местным населением и разделено на множество частей, а затем полностью конфисковано властями Пакистана (Jettmar K., 1991, p. 1–20).

По-видимому, пришлое население проживало в плодородных долинах. Там, где пути между Севером и Югом пересекали большую и священную реку, находились их святилища (Jettmar K., 1987).

Материалы второй половины I тыс. до н.э., полученные из Гиндукуша, имеют связи с Южной Сибирью, что уже отмечал В.Д. Кубарев.

Ю.Ф. Кирюшин, Н.Ф. Степанова

(г. Барнаул, Алтайский государственный университет)

БУСЫ ИЗ СКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ГОРНОГО АЛТАЯ

Yu. F. Kiryushin, N. F. Stepanova

(Barnaul, Altai State University)

The beads from the scythian burials of Mountainous Altai

Бусы — сравнительно редкая находка в скифских захоронениях Горного Алтая. Их исследованию до сих пор не уделялось особого внимания. В настоящее время известно более 50 погребений на 30 могильниках с подобными изделиями. Обычно их бывает по 1–2 штуки и редко больше, в частности, на могильниках Карасу-I, к. 1, п. 1, Юстыд-XII, к. 17,23 и Кызыл-Джар-IV, к. 1,3, Кызыл-Джар-V, к. 1, Бике-I, к. 5, Ороктой-Эке, к. 23, Тыткескень-I, к. 1,2, Тыткескень-VI, к. 2,14,18,33, кроме того в Каракольском кургане и в царских курганах Пазырыка, Втором Башадарском и Втором Туэктинском (Могильников В.А., Елин В.Н., 1995; Руденко С.И., 1953; 1960; Киселев С.В., 1953; Могильников В.А., 1983; Кубарев В.Д., 1991; Кубарев В.Д., Киресв С.М., Черемисин Д.В., 1990; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990). В вышеперечисленных погребениях найдено от четырех экземпляров до нескольких десятков. Наибольшее количество погребений с бусами — на могильниках Пазырык, Юстыд-XII, Тыткескень-VI, I. Около трети всех захоронений с подобными находками исследовано на Средней Катунь.

Бусы и бисер находят как в женских, так и в мужских погребениях. В одних случаях они составляли ожерелье — Карасу-II, к. 2 (Могильников В.А., 1994), Тыткескень-VI, к. 2. В других были нашиты на одежду, например, в Кайнду, к. 16,18 (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990), Тыткескень-VI, к. 54, где найдено по одной бусине, которые, возможно, использовались как пуговицы. В Юстыде-XII, к. 23 стеклянный бисер был нашит на кожаную сумочку (Кубарев В.Д., 1991, табл. LI). В Кызыл-Джаре-V, к. 2 бусина находилась в средней части колчана (Могильников В.А., 1983, с. 55). В Пазырыке-II мелкий бисер нашит на подошвы женской обуви (Руденко С.И., 1953, с. 120). Иногда бусинки находились в подвесках серёг — Кок-Су-I, к. 17 (Сорокин С.С., 1974, с. 69). Находят бусы и в других местах, судя по которым они могли быть нашиты на одежду, пояс или вещи. Однако чаще всего они бывают в районе черепа, например, в Кызыл-Джаре-IV, к. 3 в изголовье рассыпан пастовый бисер (Могильников В.А., 1983, с. 51), что, судя по всему, свидетельствует, что он был нашит на головной убор. На Тыткескене-I, к. 1,2, несмотря на то, что погребения ограблены, бусы найдены в районе черепов, которые смещены с первоначального местоположения. Последний факт позволяет предположить, что могилы были ограблены, когда одежда еще не истлела и черепа были сдвинуты вместе с головными username.

Даже судя по тем не полным данным, что имеются в нашем распоряжении, очевидно, что бусы из скифских погребений Горного Алтая достаточно разнообразны.

Они изготовлены из разного материала. Чаще всего упоминаются стеклянные и пастовые, в частности, в Кызыл-Джаре-V, к. 1; Юстыде-XII, к. 23; Карасу-II, к. 2; Пазырыке-II; Кызыл-Джаре-V, к. 1, Узунтале-V, к. 1, Втором Туэктинском кургане и др., сердоликовые — в Пазырыке, к. 2,6, Втором Туэктинском, Каракольском, Белом Боме-II, к. 61, Кызыл-Джаре-V, к. 1, Кер-Кечу, к. 4, реже бирюзовые — во Втором Башадарском кургане, Кок-Су-I, к. 17, Пазырыке-V; халцедоновые — в Алагайле, п. 19; хрустальные — в Кызыл-Джаре-IV, к. 1; мраморные — в Пазырыке-II, Втором Башадарском; из кристаллов пирита — во Втором Башадарском; нефритовые — в Карасу I, к. 1; из скорлупы кедрового ореха — в Юстыде-XII, к. 23; костяные — в Юстыде-XII, к. 17, Алагайле, п. 19 (Могильников В.А., 1983, с. 50,54; 1988, с. 65; 1994, с. 36–38; 1995, с. 106; Кубарев В.Д., 1991, табл. XXXIX, LI; Руденко С.И., 1953, с. 135; 1960, с. 41, 152–153; Савинов Д.Г., 1993, с. 8; Киселев С.В., 1951, с. 350; Владимиров В.Н., Шульга П.И., 1984, с. 98; Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с. 157). Бусы из сердолика по форме бывают шаровидные, плоские и биконические, из бирюзы — цилиндрические и полусферные продолговатые шестигранные, мраморные — цилиндрические, стеклянные и пастовые — круглые, реже цилиндрические и др.

В целом по форме чаще упоминаются круглые, шаровидные, округлые — в могильниках Кызыл-Джар-I, к. 2, Кызыл-Джар-V, к. 2, Карасу-II, Пазырык-II, Белый Бом-II, к. 1; во Вто-

ром Туэктинском кургане и др. Цилиндрические найдены на Узунтале-I, к. 1, Пазырыке-II, Втором Башадарском, кроме того, упоминаются бочковидные (Пазырык-II), биконические (Второй Туэктинский) и плоские биконические (Пазырык, к. 6), уплощенные граненные и шестигранные продолговатые (Пазырык-II), полушарные (Второй Башадарский), продолговатые с двумя перехватами (Пазырык, к. 6) и др. Цвета — голубые, синие, темно-синие, зеленовато-сиреневатые, розовые, черные и вишневые, бесцветные, белые, желтые, оранжевые, красные и т.д.

Необходимо особо отметить несколько находок глазчатых бус — Кызыл-Джар-IV, к. 1 и Юстыд-I, к. 7, Туэкта, к. 6, Уландрык-I, к. 5, кроме того в Каракольском кургане найдены пастовые со змейчатым узором и с орнаментом из Кальджина-VI (Могильников В.А., 1983, с. 50; Кубарев В.Д., 1987, табл. XII.-16; 1991, табл. XII.-4,5; Киселев, 1951, с. 295, 350; Молодин В.И., Новиков А.В., 1994, с. 34).

Бусы на Средней Катуні найдены на пяти могильниках Бике-I, к. 5, Ороктой-Эке, к. 23, Кайнду, к. 16, 18, Тыткескень-I, к. 1,2,15,18, Тыткескень-VI, к. 2,14,18,27,33,54. Поскольку большая часть находок не опубликована, рассмотрим их подробнее.

Бусы из этого микрорайона также различаются по материалу, форме и цвету, в т.ч. и те, что происходят из одного погребения. Например, на Тыткескене-VI, в к. 14 найдено около 100 бусин. Они разного размера. Изготовлены из сердолика (ромбовидные и шаровидные), стекла (шаровидные), одна шаровидная глазчатая. Она в настоящее время белого цвета, т.к. не сохранила первоначальный цвет, имеет шесть серебристых глазков с обводами (?). Несколько десятков мелких изделий из этого же захоронения изготовлены из известняка или мрамора, а также из створок раковины крупного моллюска. Несколько бусин из раковин оказались приклепанными на окислившуюся железную булавку, которая украшала прическу погребенной женщины. Большинство находок утратило свой первоначальный цвет.

В целом в погребениях найдены бусы из стекла, нефрита (?), сердолика, жемчуга, известняка или мрамора, кости и из створок раковины крупного моллюска (?) и др.

Изделия из нефрита (?) найдены на Тыткескене-VI, к. 33 и Ороктое-Эке, к. 23. В первом случае в одном экземпляре, во втором — в пяти. Они близки по форме. Бусы зеленоватого цвета, плоские подпрямоугольные крупные (размерами 2,3×1,75×0,4 см из Тыткескена-VI). В Горном Алтае аналогии им известны на Карасу-I, к. 1, п. 1, где ожерелье состояло из 7 плоских подквадратных из полированного зеленоватого камня типа нефрита и одной уплощенно-шаровидной стеклянной, покрытой иризацией, бусин. Погребение датировано VI — нач. V вв. до н.э. (Могильников В.А., Елин В.Н., 1995, с. 106,109, рис. 4-7)). Кроме того в раннескифском погребении в Горном Алтае на Бойтыгеме-II, к. 19 в состав ожерелья (более 600 бусин) входили 4 плоские прямоугольные подвески из зеленого камня, 3 более мелкие и 2 удлинено-округлые бусины из того же камня (Абдулганеев М.Т., 1994, с. 37-38, рис. 3.-2).

На сопредельных территориях аналогии известны в лесостепном Алтае на могильниках староалейской культуры Обские Плесы-II, м. 7,8, датированном V — началом IV вв. до н.э. (Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, с. 104, 105,114, рис. 12.-2,6) и Староалейка-II, м. 9 (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, с. 115, рис. 2-4). Кроме того, в Казахстане на могильнике Жол-Кудук, к. 17 найдены 2 прямоугольные бусины из светло-зеленого камня (Агеева Е.И., Максимова А.Г., 1959, с. 41). В Туве прямоугольные плоские бусы, но из бирюзы, найдены в кургане алды-бельской культуры Куйлуг-Хем-I, к. 22 (Грач А.Д., 1980, с. 123,135, рис. 84.-4).

В состав ожерелья из кургана 33 Тыткескена-VI входят 6 подвесок в виде имитации когтей медведя, сделанные из черного камня (рис. 1.-2). Подвески из когтей встречаются, но аналогий в виде их имитаций из камня ни в Горном Алтае, ни на сопредельных территориях нам неизвестно.

Необычны ромбовидные бусы из сердолика красновато-коричневого оттенка. Найдены они на Тыткескене-VI, к. 2,14,18 и Бике-I, к. 5. В целом изделия немного асимметричны, с длинной одной грани 6-7 мм. Они плоские. Грани подработаны с двух сторон каждая, в результате чего выглядят приостренными. Сверление бус из Тыткескена-VI, к. 14,18 двухстороннее станковое, по диагонали. Сверло прямое (определения Н.Ю. Кунгуровой).

Аналогий ромбовидным бусам в Горном Алтае пока нет, если не считать плоские сердоликовые бусы из Каракольского кургана и биконические плоские из Пазырыка, о которых нет более подробной информации (Киселев, 1951, с. 350; Руденко С.И., 1953, с. 135). На сопредельных территориях в качестве аналогии можно упомянуть находку из Староалейки-II, м. 19, кото-

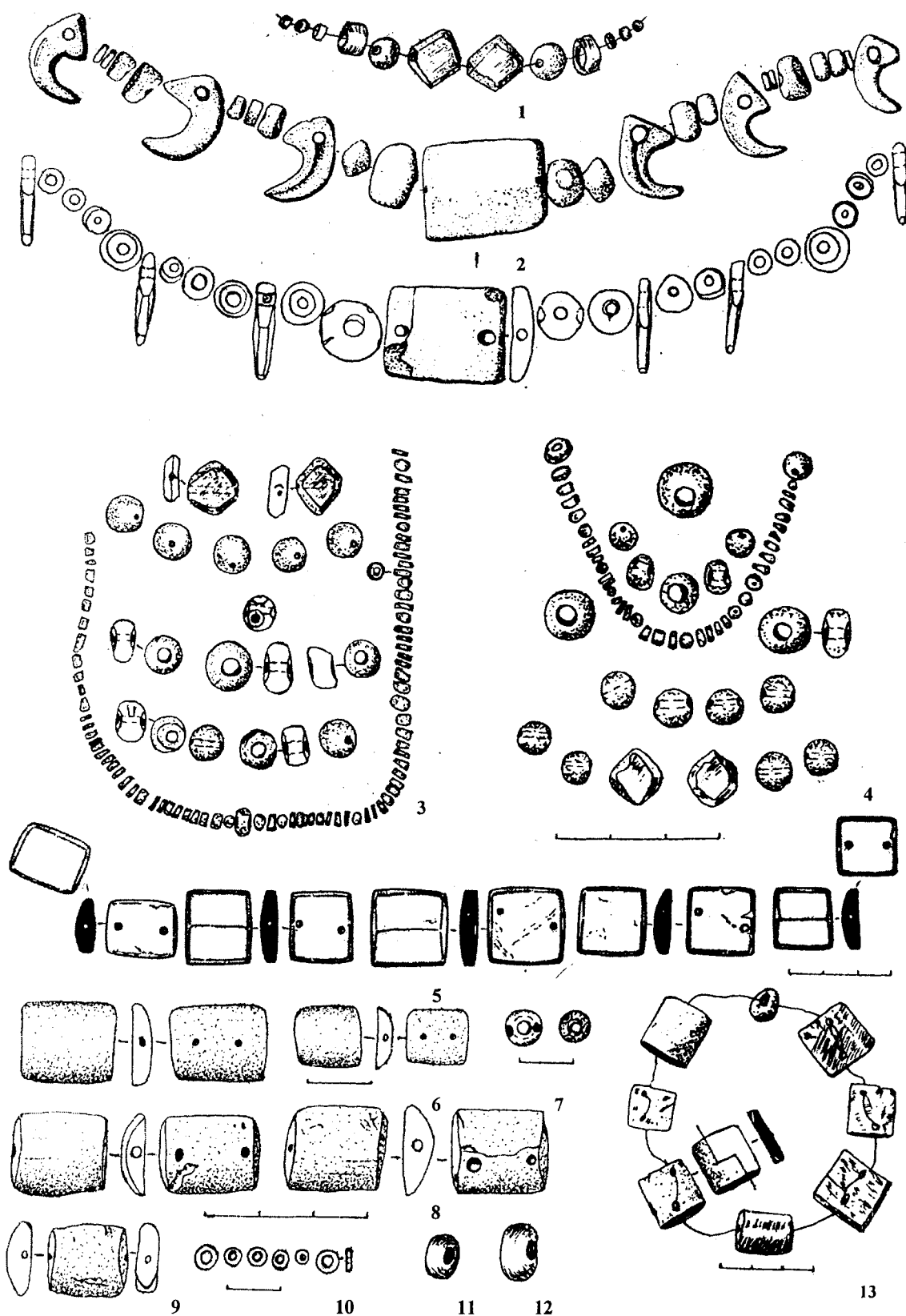

Рис. 1. Бусы из могильников Тыткескень-VI, к. 2 (1), к. 33 (2), к. 14 (3), к. 18 (4), Ороктой-Эке, к. 23 (5), Бойтыгем-II, к. 19 (6), Юстыд-I, к. 7 (7), Обские Плёсы-II, м. 7,8 (8,9), Тыткескень-I, к. 1 (10), Кайнду, к. 16,18 (11,12), Карасу-I, к. 1, п. 1 (13).

рая также ромбовидной формы, с диагональным сверлением, но у нее не подработаны грани (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 4.–10).

Шаровидные сердоликовые бусы красновато-коричневого оттенка с более темными прожилками найдены на Тыткескене-VI, к. 2,14,18,27,54. Они различаются по размерам — их диаметр от 4 до 7 мм, в т.ч. в одной могиле найдены бусы разного диаметра. Обработка их аналогична с ромбовидными, в т.ч. двухстороннее сверление. Любопытно, что бусы из одного погребения просверлены разными сверлами, имеющими разный диаметр. В то же время изделия из курганов 14 и 18 обработаны одними и теми же инструментами. Шаровидные сердоликовые бусы найдены также на Бике I, к. 5.

Аналогии шаровидным бусам известны в Горном Алтае на могильниках Кызыл-Джар-V, к. 1, Белый Бом-II, к. 61 и на сопредельных территориях. Поскольку они достаточно распространены на сопредельных территориях, нет необходимости в перечислении. Более важно другое. Бусы из сердолика найдены и в раннескифских памятниках Горного Алтая, для которых также характерно двухстороннее сверление. Однако они отличаются от наших по форме и размерам (более крупные) (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 90). Наиболее ранние бусы из сердолика Северного Причерноморья античной эпохи датируются концом VI–V вв. до н.э. Они немногочисленны и представлены простыми формами — округлой и цилиндрической (типы 2г, 6б, 7, табл. 38,26,33,38). Для ранних округлых бус характерно двустороннее сверление, вероятно, алмазное: каналы их отверстий состоят из двух соединенных вершинами конусов. Камень, из которого сделаны эти бусы, чист и имеет коричневый оттенок (Алексеева Е.М., 1982, с. 14).

Кроме вышеперечисленных, в погребениях Тыткескена-I и VI найдены стеклянные бусины разного размера. В настоящее время большинство из них беловатого цвета, реже синие. Обе находки из Кайнду первоначально были зеленого цвета, но через некоторое время цвет у них изменился и стал синим. По определениям, сделанным в химической лаборатории «Запсибгеология» в 1989 г., часть бус из Тыткескена-VI, к. 2 из жемчуга.

Необходимо особо отметить, что на Тыткескене-VI, к. 14 и 18 несколько изделий изготовлены одними инструментами и, вероятно, одним мастером. Шаровидные сердоликовые бусы такого же цвета и размеров найдены и в курганах 2, 27 и 54. Судя по тексту и рисунку, аналогичные бусы найдены и на Бике-I, к. 5. Изделия в виде плоского диска диаметром около 3 мм, толщиной около 1 мм из магнетита (?) или барита (?) из Тыткескена I, к. 1 и Тыткескена-VI, к. 18 очень похожи. Фактически они не различимы. Существует большая вероятность поступления их с одной партией. Очень похожи и стеклянные бусы из Тыткескена-VI, к. 2,14,18,33. Вполне можно предположить, что все эти погребения совершены в относительно небольшой промежуток времени и что могильники Тыткескень-I и VI синхронны. Кроме того, по-видимому, близок по времени сооружения им и Бике-I, с которым имеется ряд аналогий в инвентаре и погребальном обряде. Особенно это касается кургана 5, в котором найдены бусы подобные тыткескенским, а также зеркало с ручкой в виде лошади, железные булавки, глиняный сосуд с ушками. Подобный набор получен и на Тыткескене-VI, к. 2 — бусы, сосуд с ушками того же типа, зеркало с ручкой в виде верблюда, железная булавка (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 49–50, рис. 11; Степанова Н.Ф., Кирюшин К.Ю., 1989, с. 65; Кирюшин Ю.Ф., 1989, рис. 1.–2).

Представляют интерес находки плоских подпрямоугольных бус из нефрита (?) на нескольких памятниках, в т.ч. раннескифском (рис. 1.–2,5,6,8,9,13). Большая часть изделий найдена на Средней Катуні. В связи с этим возникает несколько предположений. Возможно, бусы были длительное время в употреблении, т.е. минимум 100–150 лет или длительное время изготавливали совершенно идентичные бусы. Не исключено, что хронологический разрыв между памятниками (Бойтыгем-II, Тыткескень-VI, Карасу-I, Ороктой-Эке, Обские Плесьи-II, Староалейка-II) значительно меньше чем это считается в настоящее время. Последнее предположение заслуживает особого внимания. Между раннескифскими и скифскими памятниками Средней Катуні (Бойтыгем-II, Элекманар-II, Тыткескень-VI) известны и другие очень близкие аналогии в инвентаре, в частности, в конской упряжи. В то же время между Тыткескеном-VI, датировка которого определена к. VI–V вв. до н.э., и памятниками староалейской, каменской, быстринской культур также известны очень близкие аналогии в инвентаре, особенно это касается ранних комплексов. Судя по всему между памятниками существует какая-то связь или преемственность.

В целом сравнивая бусы из Горного Алтая и Средней Катуни необходимо отметить некоторые отличия. На Средней Катуни бусы находят чаще, в т.ч. и по количеству их в одном погребении. Находки из Горного Алтая разнообразнее по формам. На Средней Катуни пока неизвестно цилиндрических, биконических, бочковидных, продолговато шестигранных и некоторых других, но найдены уникальные имитации когтей медведя из черного камня, а также сердоликовые ромбовидные. Только на Средней Катуни найдены бусы из жемчуга, но пока неизвестно бус из бирюзы, халцедона, хрусталя. Чаще находят здесь плоские подпрямоугольные изделия из нефрита (?). Они известны с раннескифского времени. Больше встречается шаровидных сердоликовых. Однако здесь также редки глазчатые бусы. Последний факт отличает коллекцию бус из Горного Алтая от находок с сопредельных территорий, где глазчатые бусы находят сравнительно часто. Вероятно, существующие различия свидетельствуют о разных источниках снабжения бусами населения Горного Алтая и сопредельных территорий, с одной стороны, и Горного Алтая и Средней Катуни, с другой.

В целом, несмотря на то, что бусы все же редкая находка в скифских захоронениях в Горном Алтае, дальнейшее их исследование перспективно.

Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин

(Барнаул, Алтайский государственный университет)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ГОРНОГО АЛТАЯ

Yu.F. Kiryushin, A.A. Tishkin

(Barnaul, Altai State University)

*The fundamental stages
of study Mountainous Altai scythian epoch*

Изучение скифской эпохи Горного Алтая уже имеет свою довольно большую историю. Этому посвящены некоторые научные статьи (Кызласов Л.Р., 1962; Дёмин М.А., 1980; 1986; 1990; Кубарев В.Д., 1990; Тишкин А.А., 1994; и др.), отдельные главы или параграфы монографий (Суразаков А.С., 1988, с. 3–14; Дёмин М.А., 1989; Кубарев В.Д., 1991, с. 6–15; Степная полоса..., 1992, с. 161–162; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 9–30; и др.). В 1996 году вышла небольшая книга Л.С. Марсадолова, в которой приводится подробнейшая периодизация истории исследований археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. и анализируются основные итоги научной деятельности, полученные к началу 80-х годов XX века.

Исходя из того, что каждый исторический период изучения скифской эпохи Горного Алтая должен быть ознаменован определенными качественными изменениями и конкретными событиями, можно выделить три таких основных этапа: 1-ый — дореволюционный (XVII — начало XX века); 2-ой — советский (20-е — начало 80-х годов XX века); 3-ий — современный (от середины 80-х годов до нынешних дней). Следует сразу пояснить, что понятие «скифская эпоха» мы рассматриваем в том широком смысле, который определил для него в одной из своих основополагающих работ М.П. Грязнов (1978, с. 9–18), как период, когда на обширной территории Евразии многочисленные древние племена перешли к кочевому и полукочевому степному скотоводческому хозяйству, создав при этом особый уклад и образ жизни со всеми вытекающими из этого последствиями. Хронологически скифскую эпоху Горного Алтая сейчас можно определить в рамках I тыс. до н.э. следующим образом: с конца IX — начала VIII вв. до н.э. до III–II вв. до н.э.

Открытие археологических памятников на Алтае, в том числе и рассматриваемой эпохи, связаны с поисками полезных ископаемых и развитием горнозаводского дела в данном регионе. Организованные несколько позднее научные экспедиции под руководством известных исследователей внесли значительный вклад в изучение и осмысление прошлого Сибири (Белокобыль-

ский Ю.Г., 1986; Дёмин М.А., 1989; Марсадолов Л.С., 1996; и др.). Заметную роль в собирании древностей Алтая сыграли местные краеведы, любители старины, которые оставили нам ценную и порой единственную информацию о многих замечательных находках. Несомненная заслуга в открытии и изучении петроглифов принадлежит Г.И. Спасскому, который также сформировал большую коллекцию древних предметов и пытался систематизировать памятники прошлого (Дёмин М.А., 1989; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992; Марсадолов Л.С., 1996). С деятельностью В.В. Радлова связаны археологические раскопки «царских» курганов скифской эпохи, давших удивительные находки. Хотя сведения о результатах исследований Катандинского и Берельского курганов неоднократно публиковались, все же, на наш взгляд, необходима более основательная работа над всеми имеющимися материалами с позиций современных научных требований. Археологические изыскания на Алтае проводил в начале XX века А.В. Адрианов (1916). Он раскопал ряд курганов и кольцеобразных выкладок. Полученные находки, в числе которых можно отметить знаменитый Майэмирский клад, послужили основой для выделения своеобразного периода в истории древних племен и для развития идей о начальных этапах скифской культуры.

Таким образом, деятельность многих исследователей в дореволюционное время пробудила интерес к такой историко-культурной области, как Алтай, а также способствовала формированию научных представлений и направлений работ археологов в советское время.

С 1924 года под руководством С.И. Руденко разворачивается планомерная работа по изучению древних памятников Горного Алтая, в которой принял участие М.П. Грязнов. Раскопки Пазырыкских, Башадарских, Туэктинских и других курганов дали колоссальный по объему материал. Удивительные по сохранности и необычные для восприятия находки поразили ученых мира, вызвали оживленную дискуссию по вопросам происхождения, становления и развития своеобразной культуры скифского круга. Ряд исследователей выдвинули свои концепции и культурно-хронологические схемы для решения возникших проблем. Стоит заметить, что многие поставленные вопросы общей для всех культур скифской эпохи темы зачастую решались и развивались преимущественно в рамках Восточной Европы, а затем уже использовались при изучении других регионов и, в частности, Алтая. Такой подход имел свои положительные и отрицательные стороны, что являлось, на наш взгляд, объективно неизбежным в процессе развития научной мысли.

В 1939 году М.П. Грязнов определил археологические памятники скифской эпохи Горного Алтая в три основные группы, соответствующие следующим этапам исторического развития: майэмирский (VII–V вв. до н.э.), пазырыкский (V–III вв. до н.э.) и шибинский (II в. до н.э. — I в. н.э.). Такой же принципиальный подход, конечно же известный М.П. Грязнову, еще в 1918 г. предложил А.А. Спицын, разделив памятники Восточной Европы на три хронологических этапа: старшескифский (в пределах втор. пол. VII–VI вв. до н.э.), среднескифский (конец VI и V вв. до н.э.), позднескифский (IV — перв. пол. III вв. до н.э.) (Степи европейской части..., 1989, с. 49). Позднее М.П. Грязнов в развернутом виде изложил свои основания для выделения наиболее древней (майэмирской) группы памятников (Грязнов М.П., 1947), затем он несколько сузил датировку раннего этапа (Грязнов М.П., 1956, с. 71), а после раскопок кургана Аржан в Туве, пересмотрев свою концепцию (Грязнов М.П., 1978), он ее существенно развил (Грязнов М.П., 1983) (см. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997).

Вопросами терминологии и периодизации интересующей нас эпохи занимались и другие исследователи. Так, С.В. Киселев выделил две стадии «скифообразной» майэмирской культуры — раннюю (VII–VI вв. до н.э.) и позднюю (V–IV вв. до н.э.), а период с III по I вв. до н.э. он называл гунно-сарматским временем включая пазырыкскую эпоху Алтая (Киселев С.В., 1947; 1949; 1951). С.И. Руденко (1960, с. 164) «скифским временем» считал период с VII по IV вв. до н.э. без деления на этапы и был категорически не согласен с термином «ранние кочевники», которым М.П. Грязнов определял горно-алтайские племена, жившие в скифскую эпоху. Опираясь на работы зарубежных ученых (Р. Гиршмана, А. Годара и др.), он полагал, что культура, к которой принадлежали причерноморские скифы и пазырыкцы, формировалась и развивалась в западной Азии уже в IX–VIII вв. до н.э. (Там же, с. 340). Говоря о бесспорном единстве в скифское время культуры племен огромной евразийской зоны степей и предгорий, ученый не исключал наличие местных вариантов. Критикуя периодизацию М.П. Грязнова, а также высказанные в этом плане соображения С.В. Киселева, К. Йеттмара и других исследователей, С.И. Руденко

все же предполагал в дальнейшем выделение определенных разграничений или этапов, но на базе массового материала. На наш взгляд, консервативный подход С.И. Руденко в решении целого ряда культурно-хронологических проблем скифской эпохи Алтая, связан с тем, что он больше всего ориентировался в своих выводах на материалы исследованных памятников Восточной Европы и их интерпретацию. Кроме всего, академически устоявшаяся к тому времени дата VII в. до н.э., как начало скифской культуры, давила над исследователем и не позволяла выйти за ее рамки, особенно при анализе начальных этапов, хотя некоторые предположения на этот счет иногда высказывались (Руденко С.И., 1952, с. 250).

Несмотря на то, что у исследователей Горного Алтая в рассматриваемый период были разногласия и противоречия по ряду вопросов, все же их деятельность и научные труды заслуживают огромного уважения и почитания, т. к. именно они заложили ту основу, на которой развивается современная археологическая наука в Сибири.

Что касается проблемы определения раннего этапа скифской культуры, то она всегда стояла довольно остро. В исторической науке хронологический отрезок между VII и III вв. до н.э. принято называть «скифским», а время, соответствующее началу железного века (с конца IX — нач. VIII по VII вв. до н.э.) — «предскифским». Археологи также выделяют переходный период от бронзового века к железнному, определяя его в рамках VIII — перв. пол. VII вв. до н.э. (Степи европейской части..., 1989, с. 5–7). Однако ряд исследователей (А.А. Иессен, М.П. Грязнов, Г.И. Смирнова и др.) не выделяли предскифский период, а предлагали начинать скифскую эпоху с VIII вв. до н.э., т.е. со времени распространения ранних кочевнических комплексов (Иессен А.А., 1953; Грязнов М.П., 1980; Степи европейской части..., 1989; и др.).

Для решения обозначившихся проблем были необходимы дополнительные археологические раскопки и получение массового материала из курганов рядовых представителей скифской эпохи Алтая. В течение ряда лет обширные исследования проводят С.С. Сорокин, В.Д. Кубарев, А.И. Мартынов, А.М. Кулемзин, Д.Г. Савинов, В.А. Могильников и другие. Казалось, что полученные свидетельства будут способствовать решению части поставленных задач. Однако появлялись все новые и новые вопросы.

Современный этап, определенный нами от середины 80-х годов, характеризуется увеличением объема археологических источников, выдвижением ряда культурно-хронологических концепций существования скифской культуры на Алтае, находящихся в русле прежних разработок ведущих исследователей, но несколько в иной интерпретации (Л.С. Марсадолов, В.А. Могильников и др.). Кроме того, нашли место иные подходы при осмыслении полученных результатов раскопок (Тишкин А.А., 1994; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 23–30). Пополнился объем сведения и находок из северо-западных предгорий Алтая. Увеличилось количество археологов и вырос их профессиональный уровень. Традиционным стал комплексный подход в археологических исследованиях и при интерпретации полученных результатов.

В 1985 году Л.С. Марсадолов памятники Горного Алтая разбил по времени возникновения на два больших культурно-хронологических этапа. Один из них (майэмирский) он тогда предлагал датировать VIII–VII вв., возможно перв. четв. VI вв. до н.э., а другой (пазырыкский) — ограничить VI–IV вв. до н.э. (Марсадолов Л.С., 1985, с. 10–11, 15). Свои выводы исследователь построил на основе данных археологии, дендрохронологии и радиоуглеродного анализа. Кроме этого, Л.С. Марсадолов предложил синхронизировать с известными историческими датами и событиями изменения в формировании и развитии выделенных культурно-хронологических этапов. В 1986 году Н.А. Боковенко начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая рассматривал (по материалам конского снаряжения) в рамках VIII–VII вв. до н.э., или предположительно IX–VII вв. до н.э., т.к. формирование «скифских форм узды», по его мнению, происходило в IX — нач. VIII вв. до н.э. (Боковенко Н.А., 1986, с. 18). В этом же году при выделении пяти вариантов погребального обряда всадников определенных территориально-хронологических рамок ранне-скифского времени исследователь определяет этот этап IX–VI вв. до н.э. (Боковенко Н.А., 1986, с. 47). Появление даты IX в. до н.э., было связано с публикацией С.С. Сорокиным (1966, с. 43–47) материалов могильника Кургу-II, затем со статьей Ф.Х. Арслановой (1974, с. 46–60) и работой по проблемам датирования сакской культуры (Акишев К.А., Акишев А.К., 1979, с. 50). Предложенная столь ранняя дата начала скифской эпохи принимается не всеми исследователями.

В первой половине 80-х годов на базе материалов раскопок курганов раннего железного века А.С. Суразаков (1983, с. 42–48) выделил в Горном Алтае новую культуру — кара-

кобинскую. Позже он разработал для нее и для пазырыкской культуры дробную периодизацию на основе классификации инвентаря. Время бытования обоих культурных образований исследователь определил в пределах VI — нач. II вв. до н.э., а известные к тому времени памятники составили три хронологические группы: конец VI–V вв. до н.э. — V–IV вв. до н.э. и III — нач. II вв. до н.э. (Суразаков А.С., 1988). Кроме того, памятники указанного времени Тувы, Северо-Западной Монголии, Горного Алтая и Восточного Казахстана А.С. Суразаковым были объединены в рамках единой саяно-горноалтайской культурно-исторической общности (Суразаков А.С., 1988, с. 65). Выделение кара-кобинской культуры в отдельную не было поддержано большинством исследователей. В науке утвердился кара-кобинский тип памятников в рамках пазырыкской культуры.

Увеличению интереса к проблемам скифской эпохи способствовала конференция, проводившаяся в 1986 году в г. Барнауле и посвященная 100-летию со дня рождения С.И. Руденко. В тезисах докладов, опубликованных к конференции, Н.Ф. Степанова (1986, с. 79–81), выделяя «особый тип погребений в каменных ящиках», называет его «куюмским», датирует раннескифским периодом (VIII–VI вв. до н.э.) и отмечает его отличие от памятников пазырыкского типа, указав тем самым на две различные культурные традиции. Там же П.И. Шульга (1986, с. 20–23) привел основания для рассматривания пазырыкской культуры как единой (в рамках VI–II вв. до н.э.) для скотоводческой зоны Горного Алтая и включающей в себя несколько типов погребений, а В.А. Могильников (1986, с. 29–30) тезисно наметил новый подход в культурно-хронологическом определении памятников VIII–VI вв. до н.э. Наиболее развернутую схему по данному вопросу исследователь изложил в отдельной статье (Могильников В.А., 1986). Оценка такому пониманию этнокультурного развития племен Горного Алтая в раннем железном веке уже неоднократно давалась в научной литературе (Тишкин А.А., 1994, с. 125; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 25–26, 30, 112; и др.). Периодизацию В.А. Могильникова и его выводы, в целом поддержал А.С. Суразаков (1988, с. 168–171), существенно дополнив их фактическим материалом и обозначив круг археологических источников формирования ранних и последующих этапов скифской культуры.

Значительное увеличение исследованных памятников рассматриваемой эпохи в связи с широкомасштабными раскопками в зоне строительства Катунской ГЭС (Кубарев В.Д., 1990), а также в других районах Горного Алтая (Полосьмак Н.В., 1994; Древние культуры..., 1994; Марсадолов Л.С., 1997; и мн. др.), позволили ученым выйти на новый уровень обобщения археологического материала. Однако возникли противоречия и серьезные проблемы при интерпретации появившихся многочисленных источников. Особенно это касалось раннего периода скифской эпохи. Нагромождение схем и терминов, в которых уже обозначены культуры, локальные варианты, периоды, стадии, территориальные и хронологические привязки, поставили перед исследователями ряд сложностей и дилемм: либо «загонять» материал отдельно взятых курганов в уже существующие теоретические выкладки, либо выдвигать новые концепции, либо ничего не публиковать и ждать прояснения ситуации, либо вводить в научный оборот находки без каких-либо культурных определений, выдвигая лишь предположительную датировку. Наметилась еще и такая тенденция, когда полученные при раскопках материалы или отдельные находки относились к «раннескифскому времени», без указания конкретных дат, но иногда уточняя хронологические рамки такого периода. Подобная ситуация возникла не случайно и, на наш взгляд, являлась следствием того, что за всю историю изучения рассматриваемой эпохи появилось большое количество разных слов и словосочетаний, которые определяют одно и то же время существования культуры населения, проживавшего в горных и предгорных районах Алтая. Из всего имеющегося перечня назовем такие: «майэмирский этап», «майэмирская культура», «ранняя и поздняя стадия майэмирской культуры», «усть-куюмский локальный вариант майэмирской культуры», «куртуско-катонский локальный вариант майэмирской культуры», «начальный этап культуры ранних кочевников», «начальная стадия эпохи раннего железа», «доскифский период», «предскифский период», «куртуский этап», «куртуско-майэмирский этап», «куюмский тип памятников» и т.д.

До сих пор не решен вопрос о хронологических рамках раннескифского времени в целом и отдельно рассматриваемых памятников. Исследователями предлагались такие датировки: VII–V, VII–VI, VIII–VI, IX–VI, IX–VII вв. до н.э., иногда с разделениями внутри представленных

периодов. На наш взгляд, многообразие различных точек зрения отражает не только интерес к проблеме, но и поиск путей культурно-хронологической интерпретации получаемых данных.

Сейчас скифская эпоха Горного Алтая воспринимается исследователями как два хронологически и культурно различаемых пласта: раннескифское и пазырыкское время. Сопоставление результатов исследований памятников этих двух временных отрезков свидетельствует о хорошо заметном перерыве генетического развития одной более ранней культуры и распространении затем другой, что могло произойти не позже второй–третьей четв. VI в. до н.э., так как это синхронизируется с определенными историческими событиями и подтверждается радиоуглеродным датированием.

Теперь совершенно ясно, что в раннескифское время существовала яркая самобытная культура, отличающаяся по целому ряду существенных показателей от пазырыкской. Вопросы происхождения этого явления остаются открытыми. Однако понятно то, что местные корни его не прослеживаются и начало формирования этой культуры раннескифского времени происходило за рамками Горного Алтая. Достаточное количество исследованных археологических памятников позволило наполнить конкретным материалом содержание данное культуры. Именно эта цель была главной при написании нашей совместной монографической работы (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997), в которой специально не было упомянуто или определено название изучаемой культуры раннескифского времени. Дело в том, что наиболее широко применяемое обозначение «майэмирская культура» дискредитировано разным наполнением его содержания и не соответствует современным научным представлениям. Эти обстоятельства затруднили процесс культурно-хронологического осмысления полученных материалов. Поэтому еще раньше одним из авторов был поставлен вопрос о переименовании культуры раннескифского времени Горного Алтая (Тишкин А.А., 1996, с. 53–54), а затем предложены пути изучения и интерпретации памятников рассматриваемого исторического периода (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997).

В данной статье предлагаем на обсуждение новое название культуры населения раннескифского времени Горного Алтая. Трудно отдать какому-либо памятнику предпочтение. Но руководствуясь тем, что курганный могильник Бийке является одним из наиболее изученных и материалы его исследования полностью опубликованы в развернутом виде, на наш взгляд, целесообразно будет назвать культуру «бийкенская». Что касается обозначения этапов ее развития и возможных локальных вариантов, а также более точной датировки, то для этого еще требуется серьезная работа. Предложенная схема условного периодического деления развития культуры на ранний, средний и поздний периоды на основе этапов формирования комплексов элементов конского снаряжения (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 112) на данный момент, на наш взгляд, остается наиболее оптимальной, т.к. эта категория предметов является самой значительной и демонстрирующей какие-либо происходившие изменения. Наиболее трудно разрешимой проблемой остается хронологическое определение рассматриваемой культуры. Исследователи в этом плане разделились как бы на три лагеря. Одни — удревяют памятники раннескифского времени, другие — остаются на позициях традиционных датировок, третьи — склонны омолаживать. Разбить этот узел хронологических противоречий в нынешних условиях вряд ли возможно окончательно. Тем не менее наметившаяся еще раньше тенденция к относительному удревнению памятников раннескифского времени Алтая и сопредельных территорий постепенно приобретает все больших сторонников и предполагает хронологический период с конца IX — нач. VIII до нач. VI вв. до н.э. считать более приемлемым.

Пазырыкская культура в Горном Алтае является одной из самых изученных. По нашим подсчетам археологические раскопки проводились на более 120 могильниках, где было вскрыто свыше 600 курганов с еще большим количеством погребений. Не стоит исключать и значимость поселенческих комплексов этого времени, хотя здесь успехи не столь впечатляющи и на это следует обратить особое внимание нынешним и будущим исследователям. На наш взгляд, не обходима разработка и реализация специальной программы изучения данного вида памятников.

Термин «пазырыкская культура» прочно вошел в научный лексикон и ни у кого из исследователей не вызывает целесообразность его использования. Однако остается проблема выделения этапов развития этой культуры и, конечно, не решены вопросы датировки. То, что население в пазырыкское время в Горном Алтае было неоднородным и все эти племена внесли свой вклад в культуру этого периода, понятно всем. Если говорить о конкретных этапах развития, то наиболее существенным образом (это давно заметили исследователи) выделяется ранний

(башадаро-туэктинский) этап пазырыкской культуры, датируемый VI–V вв. до н.э. Затем следует рассматривать период собственно пазырыкский (V и IV вв. до н.э.), а после него — позднепазырыкский этап (III — нач. II вв. до н.э.). Такое же хронологическое деление памятников пазырыкской культуры в свое время изложил на основе анализа погребального инвентаря А.С. Суразаков (1988) и это подтверждается в ходе других исследований.

Подводя итог рассмотрению основных этапов изучения скифской эпохи Горного Алтая, мы пришли к выводу о том, что накопленного материала сейчас достаточно для того, чтобы не проводить широкомасштабные раскопочные работы, а начать более глубокое и существенное рассмотрение имеющихся данных. По всей видимости что-то сверхнового в культуре пазырыкского времени вряд ли удастся найти. Необходимо все же проведение исследований могильников в наименее изученных районах: Усть-Канский, Усть-Коксинский и предгорные. Как уже было сказано, перспективными следует рассматривать раскопки поселений. Это, в сложившейся ситуации, не вызовет протест местного населения. Что касается реальных перспектив изучения памятников раннескифского времени, то это больше касается погребальных объектов представителей верхушки этих племен, а также памятников Северо-Западной Монголии и предгорий Алтая.

А.А. Ковалев

(Санкт-Петербургский филиал Российского
научно-исследовательского института культурного и природного наследия)

О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ

САЯНО-АЛТАЯ И ОРДОСА В V–III ВЕКАХ ДО Н.Э.

A.A. Kovalev

*(Russian Research Institute of the
Cultural and Natural Heritage, St.-Petersburg Branch)
Concerning the connections between
Sayan-Altai and Ordos tribes in V–III centuries B.C.*

Публикация обнаруженных в 70–80-е годы в Ордосе погребальных комплексов эпохи Чжаньго (V–III вв. до н.э.) позволила ряду исследователей сделать вывод о культурном и, возможно, политическом единстве населения Ордоса и Алтая в позднескифское время. Однако несмотря на то, что этой теме посвящены многие публикации (см. напр. Haskins, 1992, p. 7–8; Bunker, 1989, p. 54; Rawson, Bunker, 1990, p. 297–299; Bunker, 1992, p. 99–104; So, Bunker, 1996, p. 56; Полосьмак, 1994, с. 6–10, рис. 1.–64; Кляшторный, Савинов, 1998, с. 172), сохраняется необходимость в более детальном исследовании форм и направлений культурного взаимодействия культур древних кочевников Ордоса и Саяно-Алтая.

В ряде погребальных комплексов эпохи ранних кочевников Саян и Верхнего Приобья обнаружены бронзовые поясные бляхи с изображением идущего тигра с головой барана в раскрытой пасти: Саглы-Бажи-II, курган 3 (саглынский этап саглынской культуры (V–IV вв. до н.э.)) (Грач, 1980, с. 110–111, рис. 4–6, 7 (1), 8, 9, 32 (7–13, 14, 16, 19–22, 24), 33 (1, 6), 34 (3), 35 (9), 37 (7), 39 (1, 3, 9, 12)); Даган-Тэли-I, курган 3 (озен-ала-белигский этап саглынской культуры (IV–III вв. до н.э.)) (Грач, 1980, с. 117–118, рис. 56, 58 (2), 60 (1), 61 (5), 62 (1)); Джержлиг-Ховузу-I, курган 2 (озен-ала-белигский этап саглынской культуры (IV–III вв. до н.э.)) (Грач, 1980, с. 118–119, рис. 63, 66–69, 70 (1–4)); Березовка-I, курган 14, могила 3 (голова барана (?) обломана, предполагается по аналогии с остальными бляхами) (большереченская культура, бийский этап (V–III вв. до н.э.)) (Полторацкая, 1961, с. 79, рис. 85 (1–4); Могильников В.А., 1997, с. 72, рис. 54, 10); Богданово-I, курган 1 (саргатская культура, III–II вв. до н.э.) (Могильников В.А., 1992, с. 305, табл. 124 (50)). Несколько бляшек с изображением идущего тигра и головы горного барана известны из случайных находок (Завитухина, 1983, с. 72, № 191 (Аскиз, Хакасия), 192 (с. Кемчул, «Красноярский округ»); Членова, 1967, с. 249, табл. 17 (3) (Красноярский край) (она

же — Дэвлет, 1980, с. 9, рис. 4 (1)), 35 (3) (Красноярский край, р. Кежма, приток Каменки), 35 (6) (Семипалатинская губерния); Bunker, 1981, p. 154, № 825–827 (из «Южной Сибири»). (рис. 1–2–8).

Н.Л. Членова причисляет все бляхи с идущим тигром и головой горного козла к «алтайскому» стилю, прежде всего поскольку подобная композиция имеется на деревянной колоде из 2 Башадарского кургана (Членова, 1967, с. 136) (рис. 1.–1). Этот памятник буквально воспроизводит изображения на бляхах (Руденко, 1960, с. 46, рис. 21), однако, как мы видим, распространение таких блях (Саяны, Минуса, Верхнее Приобье) не дает нам оснований считать собственно Алтай центром формирования их сюжета и изобразительного канона. Комплексы с рассматриваемыми композициями не составляют какую-либо особую группу: это типичные погребения тувинских и верхнеобских культур позднескифского периода. В то же время нет возможности связать их с контекстом какой-либо определенной археологической культуры.

В то же время поясные бляхи и пряжки, изображающие фигуру идущего тигра, несущего в пасти либо пожирающего травоядное животное, в большом количестве обнаружены в комплексах V–III вв. до н.э. на территории Ордоса: Уцзягоу 1984 года (уезд Чжэньюань, провинция Ганьсу) (пряжка) (Лю Дэчжэнь, Сюй Цзюньчэнь, 1988, с. 420–421, рис. 12–14, табл. 4 (2,4)); Тагу 1984 года (уезд Цинъян, провинция Ганьсу) (китайского производства) (Лю Дэчжэнь, Сюй Цзюньчэнь, 1988, с. 422, рис. 17 (3–5), табл. 4 (3)); Чэньянчуань 1988 года (волость Синьин, уезд Сицзи, Нинся-Хуэйский Автономный Район) (китайского производства) (Ян Шичжун, Ли Хуайжэнь, 1992, У Энь, 1994, с. 27, рис. 1, Сюй Чэн и др., 1996, с. 69, рис. 8 (1)); Няньфанцюй (волость Талатунь округа Дуншэн, АР Внутренняя Монголия) (одна золотая) (Гао И, 1991, Zhang Lei, 1993, fig. 16); могила M12 могильной группы I (одна) могильника Янлан (уезд Гуюань, Нинся). (Сюй Чэн и др., 1993, с. 53, рис. 16 (6,21), 18 (3), 19 (12), 21 (2), 22 (2,7), 23 (4), 24 (3,4), 26 (3), 27 (2,4,5,9), табл. 1 (10)); могила M4 группы III (две, пряжки) могильника Янлан (Сюй Чэн и др., 1993, с. 55, рис. 16 (7,17), 18 (3,8), 19 (11), 20 (13,15), 21 (9,10), 22 (5,10,13,16), 23 (1), 24 (3,9), 25 (1,4,7), 26 (10), 28 (13,17), табл. 2 (7), 3 (5), 4 (1,6), Сюй Чэн, Ли Цзиньчжэн, 1993, рис. 4 (1)); Шихуйгоу (волость Булян, знамя Ицзиньхоло, АР Внутренняя Монголия) (одна серебряная) (Ван Чжицзе, У Чжаньхай, 1992); Алучайдэн (знамя Ханцзинь, АР Внутренняя Монголия) (три серебряных) (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1980); Чэньянчуань 1985 г. (волость Синьин, уезд Сицзи, Нинся) (две парные бляхи) (Ло Фэн, Хань Кунлэ, 1990, с. 404, рис. 1 (4), 11 (10), 12 (2,3), 13 (9), 14 (9), 15 (2)); Байяньлинь (волость Синьцзи, уезд Пэнъян, Нинся) (одна) (Ло Фэн, Хань Кунлэ, 1990, с. 404, рис. 2 (5), 12 (1), табл. 6 (1)). Помимо этих комплексов, известны ряд мест случайных находок блях искомого типа: район Цинъян провинции Ганьсу (китайского производства) (Лю Дэчжэнь, Сюй Цзюньчэнь, 1988, с. 423, рис. 18 (5), табл. 4 (1)); две бляхи из Пэнбу (уезд Гуюань, Нинся) (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 94–95, рис. 62 (1); Нинся Гуюань..., 1978, с. 86, рис. 1); Яоцзы уезда Лянчэн (АР Внутренняя Монголия) (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 95, рис. 62 (3), табл. 10 (1), 72 (2)); город Сиань (провинция Шэньси) (Ван Чжанци, 1991, с. 6, рис. 2 (12)); кроме того, известно не менее 30 блях указанного типа, происходящих с территории КНР, в том числе 18 определенно китайского производства (рис. 1.–9–19).

Клевец «гэ» из могилы III M4 в могильнике Янлан (известный нам, правда, только по рисунку на плане погребения) может быть датирован V–IV вв. до н.э. (Хаяши Минао, 1972, прил. 2, рис. 91). Китайские псалии из могилы в Чэньянчуань 1988 года по аналогии с находками на Центральной Равнине датируются поздним периодом эпохи Чуньцю (Ян Шичжун, Ли Хуайжэнь, 1992, с. 575). Железные предметы (кинжал, копье, удила), обнаруженные в могиле III M4 могильника Янлан, традиционно считаются свидетельством поздней даты комплекса — начиная с IV вв. до н.э. Биметаллические кинжалы из комплексов Чэньянчуань 1985 года и Янлан IM12 являются импортами из западных районов Сычуани или Юннани, где аналогичные полностью бронзовые предметы появляются в эпоху Чжаньго (см. Kan Yong, 1985, p. 60,62, Orioli, 1994, p. 94). Датировать эти предметы можно по аналогии с биметаллическими кинжалами из Лунбаочжай (поздний период эпохи Чжаньго) (Orioli, 1994, p. 92), а также с биметаллическими кинжалами из хорошо датированного комплекса — могилы M1 в Муту (уезд Маосянь, Сычуань) (средний-поздний период эпохи Чжаньго) (Цай Цин, Сюй Сюэшу, 1994, с. 21, 31–2, рис. 5, 55 (8,9)). Находки, датирующиеся эпохами Цинь и Хань, неизвестны. Таким образом, временем изготовления большинства «ордосских» блях (пряжек) с изображением идущего тигра и копытного животного можно считать середину V— первую половину III вв. до н.э.

Ареал распространения находок этих украшений пояса совпадает с территорией, находившейся по крайней мере в конце IV–II вв. до н.э. под контролем племен, известных нам по китайским источникам под именами «лоуфань». О заселении лоуфанями севера Шаньси, а затем Ордоса говорит Мэн Вэньтун (Мэн Вэньтун, 1958, с. 95). Сопоставление текстов китайских источников и данных о прослеженных на местности «длинных стенах» по границам царств Цинь и Чжао, а также «великой стены Цинь Шихуана» подтвердило этот вывод (доклад автора на 2 сессии Международной научной конференции по древним культурам Северного Китая (Чифэн) в августе 1998 года при поддержке Института «Открытое общество», грант №ТАА87V).

При описании событий, относящихся к VII в. до н.э., Сыма Цянь локализует лоуфаней «на севере» от границы царства Цзинь, проходившей в то время немногим севернее сегодняшней Тайюани (ШЦ, 9, с. 2883, см. Таскин, 1968, с. 36). Имеются два фрагмента, говорящие о том, что в конце IV в. до н.э. лоуфани находились в союзе с царством Янь или подчинены ему (упоминаются даже «лоуфаньские уезды Янь»): в главе 12 «Чжаньго цэ» (ЧГЦ, 1, с. 434) и в словаре «Шоюань» (Сюн Цуньжуй, 1983, с. 112), что могло иметь место только на территории восточнее Датун. Один раз лоуфани помещены «Чжаньго цэ» в конце IV в. до н.э. «на севере» от границ Янь (ЧГЦ, с. 1039, текст полностью воспроизведен в 69 главе «Ши цзи» (ШЦ, 7, с. 2243, см. Сыма Цянь, VII, с. 96) однако, видимо, это ошибка источника. Глава 43 «Ши цзи» при изложении событий конца IV в. до н.э. дважды (ШЦ, 6, 1806, см. Сыма Цянь, VI, с. 61, ШЦ, 6, с. 809, см. Сыма Цянь, VI, с. 64) упоминает лоуфаней на западной границе царства Чжао, к северу от циньского округа Шанцзюнь, т.е. в Ордосе севернее Суйдэ. Один из этих фрагментов воспроизведен и в «Чжаньго цэ» (ЧГЦ, 2, 657, см. Prusek, 1971, р. 224). В другой главе «Ши цзи» упоминается о разгроме лоуфаней вместе с племенем линьху на рубеже IV–III вв. до н.э. чжаоским правителем Улин-ваном «на севере», однако поскольку здесь мы имеем дело не со вставкой, а с авторским текстом Сыма Цяня, неясно, относительно какой точки (границ тогдашнего Чжао или вообще на север от территории китайских государств) определено это направление (ШЦ, 9, с. 2885, см. Таскин, 1968, с. 37). В отличие от племени линьху, которое затем упоминается на северных границах Чжао, лоуфани в дальнейшем размещаются только к западу от него. В 297 году чжаоский Улин-ван встретился с ваном лоуфаней «на западе», в местности «Сихэ» (западный отрезок излучины Хуанхэ севернее Суйдэ) (ШЦ, 6, с. 1813; см. Сыма Цянь, VI, с. 67). В конце III–II вв. до н.э. мы неоднократно встречаемся с неким ваном (правителем) лоуфань и байян (по сообщениям о походе Вэй Цина – двух отдельных племен), находящемся в «Хэнани», то есть в Ордосе, в том числе «в 700 ли» (около 300 км) от Чанъани (нынешней Сиани) (ШЦ, 9, с. 2890, см. Таскин, 1968, с. 39; ШЦ, 8, с. 2719; ШЦ, 9, с. 1906, см. Таскин, 1968, с. 51; ШЦ, 9, с. 2923; см. De Groot, 1921, S. 109–110). К выводу о том, что ордосские памятники IV–III вв. до н.э. должны принадлежать лоуфаням и байян, пришел С.С. Миняев, предпринявший детальный анализ сообщений «Ши цзи» о населении Ордоса ко времени завоевания его Маодунем (Миняев, 1991). В начале эпохи Западная Хань лоуфани принимали активное участие в войнах чжухоу, и, видимо, населяли запад центральной части сегодняшней провинции Шаньси (то есть указанный район «Сихэ»), откуда могло произойти название позднейшего округа и уезда Лоуфань в районе Тайюани (см. ШЦ, 8, с. 2668–2671, 9, 2885). Согласно указанным источникам и сведениям о размещении длинных стен, крайними возможными пределами земель лоуфаней на юго-западе следует считать рубеж в 300 км (700 ли) к северу или северо-западу от Чанъани (сегодняшней Сиани) то есть стену циньского Чжао Сян-вана (см. Пэн Сичжу, 1990), по которой проходила граница Цинь и Хань до похода Вэй Цина 127 г. до н.э., а на северо-востоке — западные границы Янь, восточнее современного Датун, что совпадает с данными о находках поясных украшений указанного типа. Лоуфаньская атрибуция этих украшений подтверждается и тем, что они во множестве изготавливались мастерами-китайцами именно в царстве Чжао, на севере Шаньси, о чем говорят их стилистические особенности, восходящие к цзиньскому стилю (Rawson, Bunker, 1990, р. 297). Довольно большая концентрация находок поясных блях рассматриваемого типа в южных районах Нинся объясняется только лишь беспрецедентными масштабами деятельности археологов округа Гуюань (сотни исследованных погребений против единиц на севере Ордоса); эти украшения здесь сравнительно с количеством известных комплексов редки и встречены в инородном контексте.

Вышеприведенные данные о распространении, датировке и стилистических особенностях поясных украшений, на мой взгляд, свидетельствуют в пользу предположения о происхождении саяно-алтайских изображений идущего тигра с головой барана в пасти (несомненно, местного производства) от подобных изображений на ордосских бляхах, что

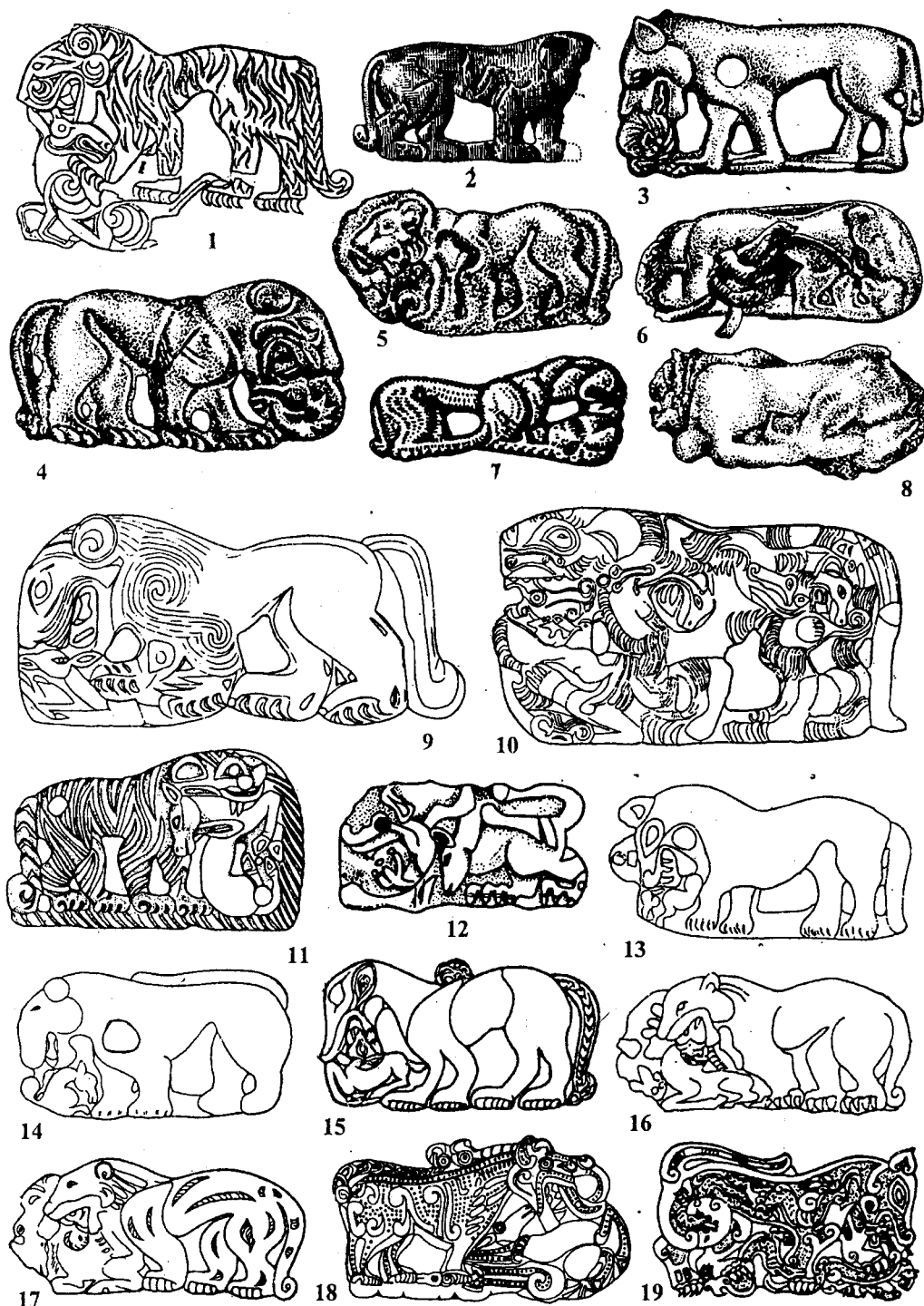

Рис. 1. 1 — 2 Башадарский курган; 2 — Березовка-I, к. 14; 3 — Аскиз; 4 — Кемчул; 5 — Дужерлиг-Ховузу-I, к. 2; 6 — Даган-Тэли-I, к. 3; 7 — Богданово-I, к. 1; 8 — Саглы-Бажи-II, к. 3; 9 — Шихуйгоу; 10 — Няньфаньцой; 11 — Яоцзы; 12 — Алучайдэн; 13 — Ялан-III M4; 14 — Янлан-I M12; 15 — Байянлинь; 16 — Уцзягоу; 17 — Чэньянчуань 1985 г.; 18 — Чэньянчуань 1988 г.; 19 — Тату 1987 г. 1 — дерево; 9 — серебро; 10, 12 — золото; остальные — бронза.

Рис. 2. 1,9 — Налиньгаоту; 2-5,8,13,14 — Сигоупань М2; 6,7,10-12,15,16 — Алучайдэн; 18 — Санбин; 19 — могила Лю Шэна; 20 — могила Лю Чжи; 21,24,25 — 2 Пазырыкский курган; 22 — Дужерглиг-Ховузу-1, к. 2; 23 — 1 Пазырыкский курган; 26 — 2 Башадарский курган; 27 — Ак-Алаха-1, к. 1; 28 — Эрмитажное собрание; 29 — Саглы-Бажи-11, к. 8; 30 — Уландрык-1, к. 12; 31 — Юстыд-111, к. 8; 32 — 1 Туэктинский курган.

1-3,5,7,8,10-12,14,15,18-20 — золото; 4,22 — бронза; 6 — золото, лазурит; 13 — свинец; 9,16,17 — серебро; 21 — татуировка; 23-26 — кожа; 27,28,30-32 — дерево; 29 — рог.

могло явиться следствием перемещения групп населения («лоуфаней»?) из Ордоса в Саяно-Алтай в IV в. до н.э. Особо необходимо подчеркнуть, что только в Ордосе известны подобные поясные украшения из драгоценных металлов, найденные в элитных комплексах, таких, как Шихуйгоу, Алучайдэн, Нянфанцюй.

Прослеженное воздействие «ордосской» культурной традиции на саяно-алтайский регион затронуло, как мы видели, отдельные группы рядовых кочевников и не оказало практически никакого влияния на материальную культуру и идеологию элиты общества. В то же время влияние саяно-алтайских традиций ярчайшим образом проявилось именно в элитных комплексах Ордоса. С IV в. до н.э. здесь появляются предметы из драгоценных металлов с изображениями явно пазырыкского происхождения.

Таковы предметы с изображением фантастического зверя с телом лошади, рогами оленя и грифовой головой, обнаруженные в М2 могильника Сигоупань (знамя Чжунгээр), датированном по изделиям с китайскими надписями не ранее рубежа IV–III вв. до н.э. (Psarras, 1995, p. 126) (золотая обкладка ножен железного меча из золотой фольги, одна накладка из золотой фольги с изображением стоящего зверя и пять — с изображением лежащего, а также бронзовая пряжка, оформленная в виде двух противостоящих зверей) (Тянь Гуаньцин, Го Сусинь, 1986б, с. 354–360, рис. 5 (1,3), 6 (2), 9 (4)) и в комплексе поздне скифского времени из Налингаоту (уезд Шэньму, Шэньси) (золотое скульптурное навершие) (Дай Инсинь, Сунь Цзясян, 1983, с. 24, табл. 4 (1), Дай Инсинь, 1995, с. 121, рис. 2). Золотые бляшки с изображением горного барана, тело которого свернуто в кольцо, обнаружены в комплексе Алучайдэн (5 штук) (Тянь Гуаньцин, Го Сусинь, 1986а, с. 347, рис. 3 (6), табл. 115 (1,2)) и — серебряные — в Налингаоту (1 штука) (Дай Инсинь, Сунь Цзясян, 1983, с. 25, рис. 4 (1), табл. 5 (3), Дай Инсинь, 1995, с. 126, рис. 9). В комплексе Алучайдэн обнаружены три золотые округлые бляшки с изображением петуха, такие же предметы с изображениями грифонов, здесь же найдены две серебряные бляшки с изображением головы хищника семейства кошачьих анфас, а также золотой «костылек», оформленный в виде пламевидного завитка с прорезной «запятой» (Тянь Гуаньцин, Го Сусинь, 1986а, с. 347, рис. 2 (2,3), 3 (5), табл. 82 (1), 115 (5,8)) Семь накладок из золотой фольги в виде птицы с ступенчатой головой, а также 5 похожих свинцовых фигурок найдены в могиле М2 в Сигоупань (Тянь Гуаньцин, Го Сусинь, 1986б, с. 357–358, рис. 5 (6), 8 (7), табл. 88(13), 118(5)); найденные здесь же две золотые обкладки ножен кинжала изображают лошадей с вывернутым крупом (Тянь Гуаньцин, Го Сусинь, 1986б, с. 357, рис. 5 (4,5)). В комплекс Шихуйгоу входили серебряные ажурные «подолы» (Ван Чжицзэ, У Чжаньхай, 1992, рис. 2 (3)). В Нянфанцюй найдены семь накладок из золотой фольги с выдавленным изображением грифонов (Гао И, 1991, с. 405, табл. 4 (5)). В комплекс Алучайдэн входила золотая шейная гривна с противопоставленными изображениями волка, лошади и барана (Тянь Гуаньцин, Го Сусинь, 1980, с. 334, рис. 1 (2), 1986а, рис. 1 (4)) (рис. 2.–1–17).

В частных и государственных собраниях хранится множество «престижных» предметов с изображениями в том же «пазырыкском» стиле. Такие изделия изготавливались для элиты кочевых племен мастерами царства Янь в конце IV–III вв. до н.э., о чем красноречиво свидетельствуют находки из могилы М30 в южной столице царства Янь (Синьчжуаньтоу, Исянь, провинция Хэбэй) (Bunker, 1996, p. 58–59).

В той же традиции оформляются многие престижные изделия II–I (?) века до н.э. Парные золотые прямоугольные бляхи с изображениями горных баранов с завернутым в кольцо телом найдены в погребении Лю Чжи, правителя Ваньцю в период правления Цзин-ди (156–140 гг. до н.э.) (Цян Мэн, Гэн Цзяньцзюнь, 1997, с. 16–18, рис. 37) (рис. 2.–20). Две пятиугольные золотые бляхи с изображениями голов архаров в профиль и головы кошачьего анфас найдены в погребении Лю Шэна в Маньчэне, провинция Хэбэй (конец II в. до н.э.) (Rawson, 1995, p. 33–34, fig. 17) (рис. 2.–19). Изображение конегрифона с вывернутым крупом несут две парные бронзовые позолоченные бляхи из западноханьского погребения в Саньдяньцунь, восточном предместье Сиани, провинция Шэньси (Bunker, 1989, p. 52, fig. 1); такая же золотая прямоугольная бляха обнаружена в коммуне Саньин (уезд Гуяоань, Нинся) (Чжун Кань, Хань Кундун, 1983, с. 208, рис. 4 (11), табл. 12 (2)) (рис. 2.–18); бронзовая посеребренная прямоугольная бляха «из Северного Китая» с фигурами двух противопоставленных конегрифонов того же рода хранится в частном собрании Т. и Э. Харрисов (So, Bunker, 1995, p. 61, 137, 138, pl. 13, № 56); известны еще ряд происходящих с территории Китая таких поясных блях с изображением того же конегрифона с вывернутым крупом (см. напр. Дэвлет, 1980, рис. 3.–2; Bunker, 1989, fig. 4.–11). Тот же персонаж изображен на золотой верхнеудинской пластине

из Сибирской коллекции Петра I (Руденко, 1960, рис. 155). Тело его украшено рельефными изображениями головы горного барана и грифонов.

В качестве аналогий этим предметам можно привести изображения из алтайских и тувинских комплексов позднескифской эпохи: фантастические звери на татуировке «вождя» из 2 Пазырыкского кургана (Руденко, 1953, с. 309–315) и на татуировках мумифицированной женщины из кургана I могильника Ак-Алаха-III (Полосьмак Н.В., 1994а, с. 9), на зеркале из кургана I могильника Мажалык-Ховузу-I (Грач А.Д., 1980, рис. 113.–1), навершия конских уборов в виде головы грифа с оленьими рогами (Руденко С.И., 1953, табл. 84.–4), деревянная статуэтка фантастического зверя с телом копытного, головой грифа и отверстиями для крепления ушей и рогов из Катандинского кургана (Киселев, 1951, с. 342, табл. 31.–1,3), округлые бляшки с изображением свернутого в кольцо барана из Джужерлиг-Ховузу-I, курган 2 (Грач А.Д., 1980, рис. 68) (прямая аналогия, не говоря уже о том, что изображения голов горных баранов в профиль десятками встречены в алтайских и тувинских комплексах), кожаные аппликации на подошвы из 2 Пазырыкского кургана (Руденко С.И., 1953, табл. ХСIII.–3, Bunker, 1992, p. 104, fig. 15), огромное количество изображений пламевидных фигур с прорезью в виде запятой из алтайских курганов (см. напр. Руденко С.И., 1960, с. 252–253, рис. 129, табл. 43–46, 78–81, Полосьмак Н.В., 1994, рис. 66), петухов из пазырыкских курганов (Руденко С.И., 1960, с. 261–262, рис. 135), барельефные изображения голов кошачьего анфас оттуда же (Руденко С.И., 1960, с. 280, рис. 144 (м,ф), табл. 47.–1, 94–95, 113.–7), деревянные изображения водоплавающих птиц из кургана I могильника Ак-Алаха-I (Полосьмак Н.В., 1994, с. 53–54, рис. 64). Изображения зверей с вывернутым крупом являются характернейшей чертой искусства саяно-алтайских культур позднескифского времени (Руденко С.И., 1960, с. 300, Грач А.Д., 1980, с. 82). Навершия, в том числе головных уборов, в виде фигуры птицы (как в Алучайдэне) или копытного (как в Налиньгаоту) известны в материалах алтайских курганов (Руденко С.И., 1953, табл. 79.–1,2, 85.–4,5; Руденко С.И., 1960, с. 285–286, рис. 145(в); Кубарев В.Д., 1987, табл. LXXV.–33; 1991, рис. 32, табл. XXVII.–33; табл. LV.–14). Гривны с изображениями противопоставленных зверей обычны для алтайских памятников, в том числе есть и с изображением волка (Кубарев В.Д., 1987, табл. XXVIII.–10; табл. LXXXVI.–22; 1991, табл. LV.–17–20). (рис. 2.–21–32).

Поскольку находки предметов с подобными изображениями не характерны для «рядовых» ордосских комплексов позднескифской эпохи, в то время как они обычны для Саяно-Алтая, приходится признать их появление следствием влияния с северо-запада. Найденные в Ордосе вещи, оформленные в «алтайском» стиле, изготавливались из престижных и, вероятно, особо значимых в ритуале материалов; многие из них производились на заказ китайскими мастерами. Ордосские комплексы с этими предметами: Алучайдэн, Няньфаньцзюй, Налиньгаоту, Сигуопань М2, Шихуйгоу не имеют себе равных по богатству среди известных погребений кочевников Северного Китая этого времени. С другой стороны, помимо вещей «алтайского» стиля эти комплексы включают выполненные из драгоценных металлов инсигнии собственно ордосского происхождения, бронзовые экземпляры которых обнаружены во множестве «рядовых» погребений: это рассмотренные нами украшения в виде идущего тигра с копытным в пасти (Алучайдэн, Няньфаньцзюй, Шихуйгоу), а также полые фигурки копытных без постамента (Шихуйгоу (2 шт.), Налиньгаоту (5 шт.)). Такие скульптуры копытных не найдены за пределами Ордоса и достаточно надежно связываются с населением района Гуяюани (погребения в катакомбах могильников Янлан, Юцзячжуан и т.д.).

Все вышеизложенное говорит о сложении в позднескифское время определенного религиозно-политического единства населения Ордоса и Саяно-Алтая, проявившегося как в передвижениях групп населения из Ордоса на Саяно-Алтай и Западную Сибирь, так и в формировании на базе саяно-алтайских традиций особой субкультуры высшего слоя ордосского общества. Поскольку изделия китайских мастеров в «алтайском» стиле создавались для ордосских потребителей и не найдены в Саяно-Алтае, необходимо признать, что новая ордосская элита все же действовала независимо от алтайского руководства. В письменных источниках формирование новой элиты могло отразиться как появление в Хэнани руководителя «нового типа»: вана, объединяющего под своей властью два различных народа: лоуфань и байян.

Все ордосские комплексы с явными элементами пазырыкского влияния найдены на севере Ордоса, за пределами не только стены Чжао-сян-вана (см. Пэн Сичжу, 1990), но и стены Цинь Шихуана, захватившего на самом деле отнюдь не весь Ордос, а только лишь узкую полосу земли на западе его, вдоль Хуанхэ. Это обстоятельство, как и датировка комплекса Сигуопань М2 временем не ранее III в. до н.э., а также относительно позднее проникновение ордосского сюжета идущего тигра

с копытным в пасти в Саяны и Приобье, дают основание датировать начало активных алтайско-ордосских контактов концом IV в. до н.э. Если в это время в Ордосе действительно обитали лоуфань, то нет ничего удивительного в том, что они оказались в зависимости от иноземного влияния, будучи отброшены в пустыню после разгрома царством Чжао и утраты пастбищ и торговых путей на севере Шаньси. Находки в Китае престижных поясных блях с изображениями конегрифона и горных баранов, относящихся к западноханьскому времени, т.е. уже к «гунно-сарматской эпохе» свидетельствуют о том, что традиции новой субкультуры высших слоев общества ордосских кочевников переживают нашествие орд Маодуня. Это подтверждает выводы об отнесении памятников Ордоса к наследию племен лоуфань и байян, как известно, окончательно разгромленных только Вэй Цинем в 127 году до н.э.. Точнее говоря, здесь необходимо говорить о изобразительной и идеологической системе, характерной для т.н. «вана» лоуфаней и байян и его ближайшего окружения.

Религиозное и этническое (?) единство верхушки ордосских и алтайских племен могло обеспечить надежные пути доставки на Алтай престижных китайских товаров. К IV–III вв. до н.э. относятся первые случаи находок на Алтае привозных китайских предметов: бронзовое зеркало и фрагменты лаковой чашечки из 6 Пазырыцкого кургана, шелк из 3 и 5 Пазырыцких курганов, китайское зеркало этого времени было обнаружено на западном Алтае, фрагменты зеркала этого типа — в Минусинской котловине (Bunker, 1991).

В то же время пока нет никаких оснований связывать алтайско-ордосские контакты с именем юэчжей, впервые достоверно локализуемых во II в. до н.э. китайскими письменными источниками в Ганьсуйском коридоре, «между Дуньхуаном и горами Цилян». Ни в материалах случайных находок, ни в исследованных здесь погребальных комплексах V–III вв. до н.э. следов непосредственных контактов с Саяно-Алтаем не наблюдается (см. напр.: Пу Чаохуань, Пан Юэсянь, 1990, Заднепровский, 1997).

В.А. Кочеев

(г. Горно-Алтайск, Горно-Алтайский Институт Гуманитарных исследований)

**ПОГРЕБЕНИЕ В С. ЭЛИКМАНАР
И ОРУЖЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС В КУРГАНАХ КАРА-КОБИНСКОГО ТИПА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРНО-АЛТАЙСКИХ КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ)**

V.A. Cocheev

(Gorno-Altaysk, Institute of Humanitarian Investigations)

Burial from Elikmanar and weaponry complex in burials nave kara-koba types

Весной 1985 года в с. Эликманар (Чемальский район, Республики Алтай) во дворе дома № 27 по ул. Советской при рытье погреба было обнаружено древнее захоронение человека. Сотрудники Горно-Алтайского музея, выехав на место находки и осмотрев его, выяснили следующее. Само погребение было обнаружено на глубине 110 см от современной поверхности. Внешнее оформление насыпи отсутствовало, но судя по встреченным в отвале камням, существовала каменная наброска. Раскоп под погреб велся широко, поэтому истинные размеры ямы выяснить не удалось. Само погребение было совершено в каменном ящике из хорошо подогнанных к друг другу шести сланцевых плит. Ящик подпрямоугольной формы, длинной осью ориентирован по линии В–З. Внутренние размеры ящика 180×65 см, в восточной части он несколько шире. С внешней стороны стенки каменного ящика были забутованы камнями. Сверху ящик перекрывался пятью плоскими плитами. В неповрежденном состоянии внутри ящика сохранилась часть человеческого костяка. Погребение было совершено на правом боку с подогнутыми в коленях ногами, головой на восток. Под костяком была прослежена подстилка из травы? Погребальный инвентарь — семь черешковых костяных наконечников стрел, бронзовый однолезвийный черешковый нож, бронзовый колчаный крючок и две бронзовых пронизки. Данное погребение можно связывать с погребениями кара-кобинского типа.

Памятники кара-кобинской культуры скифского времени Горного Алтая впервые были выделены в начале 80-х годов (Суразаков А.С., 1983, с. 48). В качестве основных критериев для выделения данной культуры автор прежде всего отметил наличие в погребениях каменных ящиков, отсутствие сопроводительных захоронений коней, отсутствие поминальников, а также некоторые отличия в погребальном инвентаре, главным образом в керамике (Суразаков А.С., 1983, с. 47). Точку зрения А.С. Суразакова поддержал В.А. Могильников, который отметил, что племена кара-кобинской культуры находились на более низком уровне развития, они находились в подчиненном положении по отношению к племенам пазырыкской культуры. По мнению исследователя кара-кобинцы в основном расселялись на территории Центрального Алтая, проникая в другие районы Горного Алтая. Генезис развития кара-кобинской культуры автор вел от памятников раннескифского времени (майэмирская культура). На протяжении большого промежутка времени с конца VI вв. до н.э. вплоть до II—I вв. до н.э. кара-кобинцы сохраняли свое этническое своеобразие и впоследствии приняли участие в формировании булан-кобинской культуры (Могильников В.А., 1988, с. 75–78). Однако целый ряд исследователей выступают против выделения кара-кобинской культуры, рассматривая погребения в каменных ящиках в рамках единой пазырыкской культуры (Кубарев В.Д., 1985, с. 135; Шульга П.И., 1986, с. 21–23; Полосьмак Н.В., 1994, с. 138). Пазырыкская культура объединяла различные этнические группы населения, в том числе и кара-кобинцев (Кубарев В.Д., 1992, с. 116–117).

Рассматривая оружейный комплекс, обнаруженный в погребениях с каменными ящиками исследователи отмечали, что «снабжение мужских захоронений чеканами и стрелами с костяными наконечниками аналогично ритуалу пазырыкской культуры» (Могильников В.А., 1983, с. 63). Проанализировав известные на сегодняшний день материалы связанные с вооружением, найденным в погребениях с каменными ящиками, мы считаем, что в целом оно ничем не отличается от собственно пазырыкского. В настоящее время на территории Горного Алтая раскопано свыше пятидесяти курганов кара-кобинского типа, оружие найдено в двадцати курганах (табл. I). Примечательно, что ареал распространения курганов кара-кобинцев значительно шире, чем предполагалось раньше (Могильников В.А., 1988, рис. 13), причем их число на «пазырыкских территориях» примерно одинаковое, чем на «кара-кобинских территориях» (Могильников В.А., 1988, с. 76; Суразаков А.С., 1988, с. 131).

На сегодняшний день известны погребения в каменных ящиках с восточной ориентировкой без коней, погребения в ящиках с конями с восточной и западной ориентировкой, погребения в каменных ящиках с западной и северной ориентировкой. Внутри погребений в каменных ящиках с западной и северной ориентировкой. Внутри погребений в каменных ящиках наблюдается пестрая картина, что указывает на неоднородность кара-кобинского населения. Все эти погребения мы условно называем погребения кара-кобинского типа.

Комплекс вооружения кара-кобинцев в целом соответствует пазырыкскому. Основным видом вооружения были луки и стрелы, чеканы и кинжалы. В ряде каменных ящиков были найдены фрагменты сложносоставного деревянного лука (Суразаков А.С., 1983, с. 50, рис. 2А; Кубарев В.Д., 1992, т. XXIV; Кочеев, 1997, с. 147–151). Довольно обычны находки в ящиках костяных наконечников стрел различных типов, число их в погребениях невелико — от 1 до 7 (Кочеев В.А., 1987, с. 55–56). Обычны также находки типично алтайских проушных чеканов (Кочеев В.А., 1988, с. 145–162), а также бронзовых кинжалов. Но комплекс вооружения кара-кобинцев более малочисленный и намного бедней, чем в погребениях в срубах с конями (Кубарев В.Д., 1992, с. 19). Данные факты свидетельствуют о том, что кара-кобинское население находилось в подчиненном положении к пазырыкцам. Обращает на себя внимание тот факт, что среди кара-кобинских погребений практически отсутствуют погребения так называемого среднего слоя общества с богатым инвентарем (Кочеев В.А., 1997, с. 112–114). Особняком стоит погребение из могильника Уландрык-I (Кубарев В.Д., 1987, с. 158–159), которое более близко аналогичным погребением Тувы и ряд погребений могильника Бар-Баргузы, где погребенных в каменных ящиках сопровождали конские захоронения (Кубарев В.Д., 1992, с. 129), которые имеют больше пазырыкских черт, нежели кара-кобинских.

Таблица 1

Могильник	№ кургана	Лук	Стрелы, древки стрел	Чекан	Кинжал	Колчан	Щит
Эликманар	1	—	7 кнс	—	—	—	—
Кызык-Телань-I	3	+	3 кнс	—	—	—	—
Кара-Коба-II	1	—	1 кнс	+	—	—	—
Кара-Коба-II	3	—	—	+	—	—	—
Кара-Коба-II	4	—	1 кнс	—	—	—	—
Кара-Коба-II	5	—	—	+	—	—	—
Коркечу-I	4	—	1 кнс	—	—	—	—
Коркечу-I	9	—	1 кнс	—	—	—	—
Коркечу		—	6 дс	+	+	+	—
Тербедок	1	—	4 кнс	+	—	—	—
Тербедок	2	—	—	+	+	—	—
Талдура-I	5	—	4 кнс	—	—	—	—
Кызыл-Джар-III	5	—	1 кнс	+	—	+	—
Кызыл-Джар-V	2	—	10 дс +				
			2 кнс	+	—	—	—
Уландрык-I	5	+	6 кнс +	+	+	+	+
			1 бнс				
Джолин-I	8	—	дс	—	—	+	—
Бар-Баргузы-I	14	—	дс	—	—	+	—
Бар-Баргузы-I	18	—	дс	+	мод.	+	—
Бар-Баргузы-I	21	+	дс	мод.	+	+	—
Бар-Баргузы-I	23	—	—	мод.	—	—	—
Бар-Баргузы-I	25	—	дс	+	+	+	—

Сокращения: кнс — костяные наконечники стрел; бнс — бронзовые наконечники стрел; дс — древки стрел; мод. — деревянные модели.

В.Д. Кубарев

(г. Новосибирск, Институт Археологии и Этнографии СО РАН)

ПАЗЫРЫКСКИЕ СЮЖЕТЫ В ПЕТРОГЛИФАХ АЛТАЯ

V.D. Kubarev

(Novosibirsk, Russian Academy of Sciences Siberian Division

Institute of Archaeology and Ethnography)

Pazyryk images in petroglyphs of Altai

Динамичное пазырыкское искусство практически не рассматривалось в сравнении с синхронными наскальными изображениями Алтая. Большое число разнообразных сюжетов так называемого алтайского звериного стиля и интенсивные исследования алтайских петроглифов в последние годы позволили начать работу по корреляции, датированию и культурной атрибуции анализируемых материалов.

Как известно, древне-алтайское искусство служило декоративно-прикладным, орнаментальным целям: украшение одежды, оружия, упряжи коней, интерьера погребальных сооружений, различных бытовых и культовых предметов. Но в реалистичных и фантастических изобра-

жениях животных и даже в орнаментах многие исследователи видят мифических существ, представлявшихся древним кочевникам в образе какого-либо зверя. В этих, несомненно, первобытных представлениях, отразилась система понятий человека об окружающем животном мире — своеобразной иерархической классификации, где каждому виду было отведено свое место. Происходящие из алтайских курганов произведения звериного стиля делятся на пять основных групп: 1) *изображения копытных* (олени, маралы, лоси, быки, верблюды, куланы, косули, антилопы, дзерены, бараны, козлы и кабаны); 2) *изображения хищников* (львы, тигры, пантеры, барсы, волки и лисы); 3) *изображения птиц* (орлы, грифы, дрофы, петухи, из водоплавающих — лебеди, гуси и утки); 4) *изображения рыб* (сиговые); 5) *изображения фантастических существ* (грифоны, зооантропоморфные, и др.). То же самое наблюдается и в петроглифах Алтая, относимых к скифскому времени. В них можно также условно выделить пять групп, с теми же видами животных и хищных зверей, исключив конечно изображения львов, пантер и фантастических зооантропоморфных существ, заимствованных в переднеазиатском искусстве. В петроглифах также редко (в количественном отношении к другим животным) встречаются изображения птиц и рыб, которые, однако, более широко представлены в алтайском зверином стиле.

Несмотря на поразительное сходство отдельных образцов мелкой пластики пазырыкской культуры с персонажами петроглифов (см. корреляционные табл. I–VI), последние по художественной выразительности явно уступают находкам из курганов. Такое различие вполне понятно. Техника изготовления и материалы (дерево, кожа, береста, и т.д.) давали древнему художнику почти неограниченные возможности, тогда как выполнение аналогичных изображений на камне было более сложным процессом. Для нанесения рисунков требовался прочный инструмент, гладкая каменная плоскость, ее удобное расположение, а также защищенность места от непогоды. Ведь наскальное искусство, в буквальном смысле, родилось под открытым небом. Немаловажную роль играли также цвет и патина камня, контрастирующие с выбивкой. В петроглифах Алтая, ввиду понятных технических трудностей, чаще всего встречаются копии отдельных персонажей и несложных по структуре сюжетов алтайского звериного стиля. Некоторые из них чрезвычайно утрировались, нередко передавались в упрощенном схематичном виде. Но при выполнении рисунков на камне были и свои преимущества: композиции и сюжеты на плоскости можно было располагать более свободно. Древний художник мог импровизировать уже в процессе работы, дав волю фантазии, в отличие от каноничных изображений зверей, функционально подчиненных определенной форме предметов, связанных с костюмом кочевника, оружием или упряжью коней. Следует заметить, что в наскальных изображениях, почти нет сцен «терзания» (табл. VI.1–3). Здесь, более уместным представляется определение сюжета, как «противостояние» или «преследование» хищниками различных животных (табл. IV.4–17). В горах Алтая этот «вечный» сюжет на протяжении нескольких тысячелетий оставался ведущим мотивом, различаясь только стилистическими особенностями, присущими изобразительной традиции разных эпох и различных этносов.

Уже давно известно, что скифо-сибирский звериный стиль (в том числе и оригинальный алтайский стиль) на протяжении своего существования претерпел определенную эволюцию. Однако она не затронула некоторые архаичные черты и акцентированные элементы, характерные как для ранних изображений (образ оленя, козла, птицы и фантастического хищника) окуневско-каракольского искусства, так и для позднескифских образцов алтайского звериного стиля (Катанда, Уландрык, Сайлюгем и Ак-Алаха). Особенно последовательно и аргументировано развивает это направление в своих последних работах Я.А. Шер, обнаруживая истоки скифо-сибирского звериного стиля в неолитических культурах Северной Азии. Актуальным остается и вопрос о культурно-хронологическом соотношении одинаковых рисунков на оленных камнях и в петроглифах Алтая. Какая изобразительная традиция предшествовала изображениям на оленных камнях, — афанасьевская или окуневско-каракольская (?). А может быть неолитическая (?). К примеру, контурные фигуры оленей Бага-Ойгура (Монгольский Алтай) очень близки по размерам и технике исполнения, неолитическим изображениям оленей на скалах Куюсского грота и Калбакташа (Российский Алтай). Только пропорции фигур, и поза оленей из Бага-Ойгура (табл. I.4) не дают основания провести прямую параллель и датировать их тем же временем. Не исключено, что рисунки из Бага-Ойгура могут относиться к эпохе бронзы, так как они выполнены достаточно реалистично, в отличие от других, более стилизованных фигурок оленей (табл. I.5–13). Еще один значимый и определяющий элемент скифо-сибирской изобразительной системы — поза зверей. Так в пазырыкских древностях одним из самых распространенных

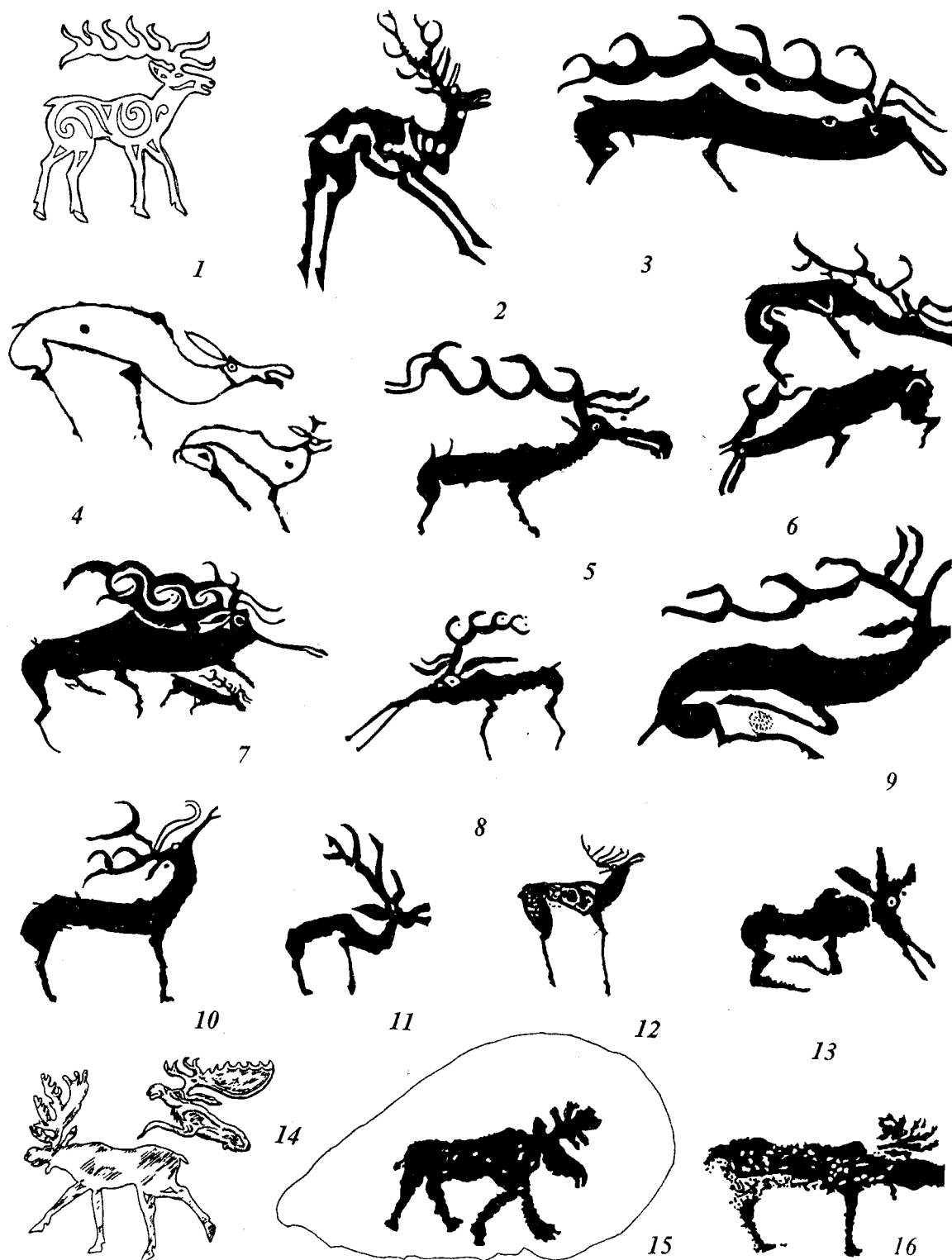

Табл. I. Олени и лоси. 1, 14 пазырыкские курганы (по С.И. Руденко), 2-13, 15, 16 петроглифы Алтая.

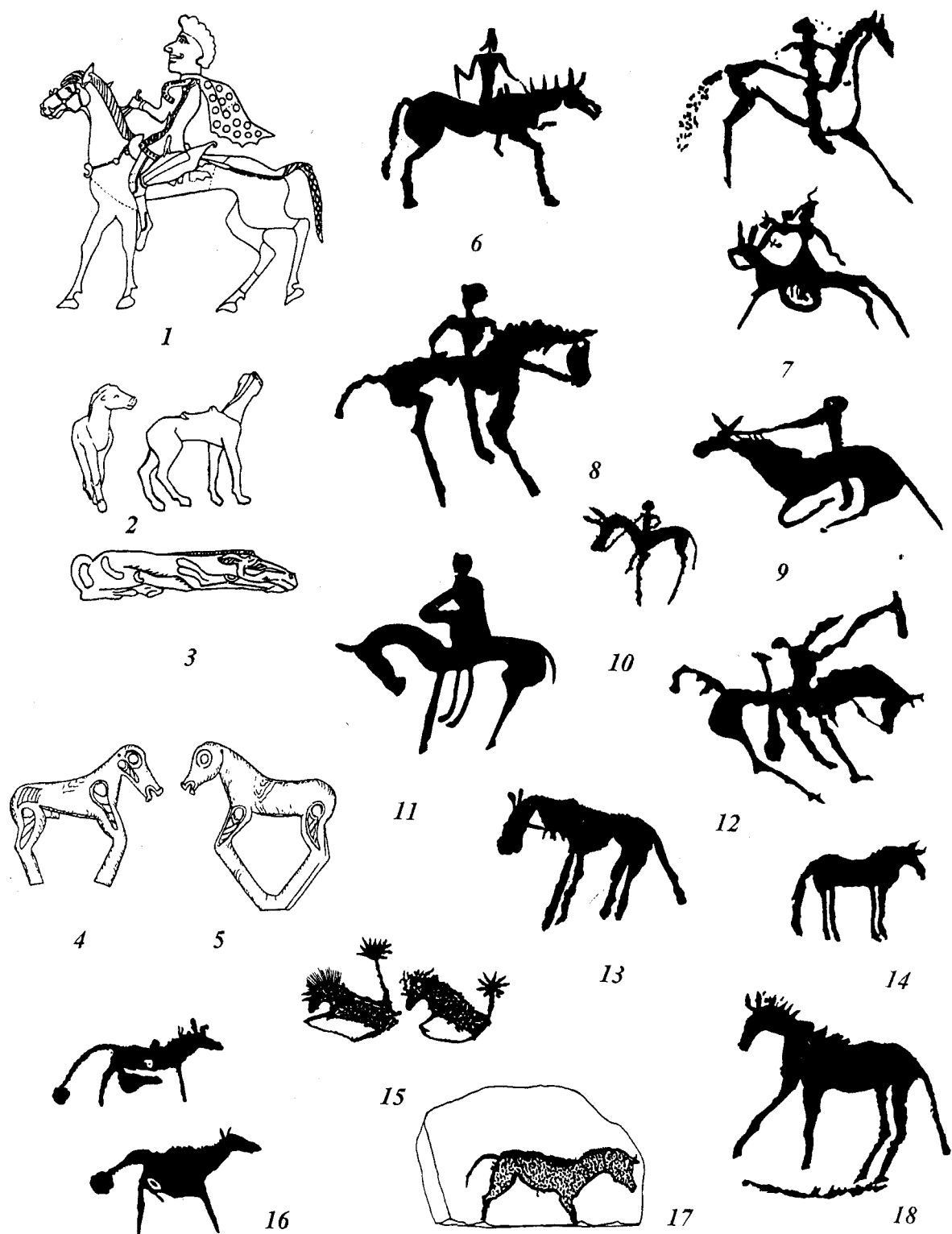

Табл. II. Всадники и лошади. 1-3 пазырыкские и катандинский курганы (по С.И. Руденко), 4-5 сайлюгемские курганы (по В.Д. Кубареву), 6-18 петроглифы Алтая.

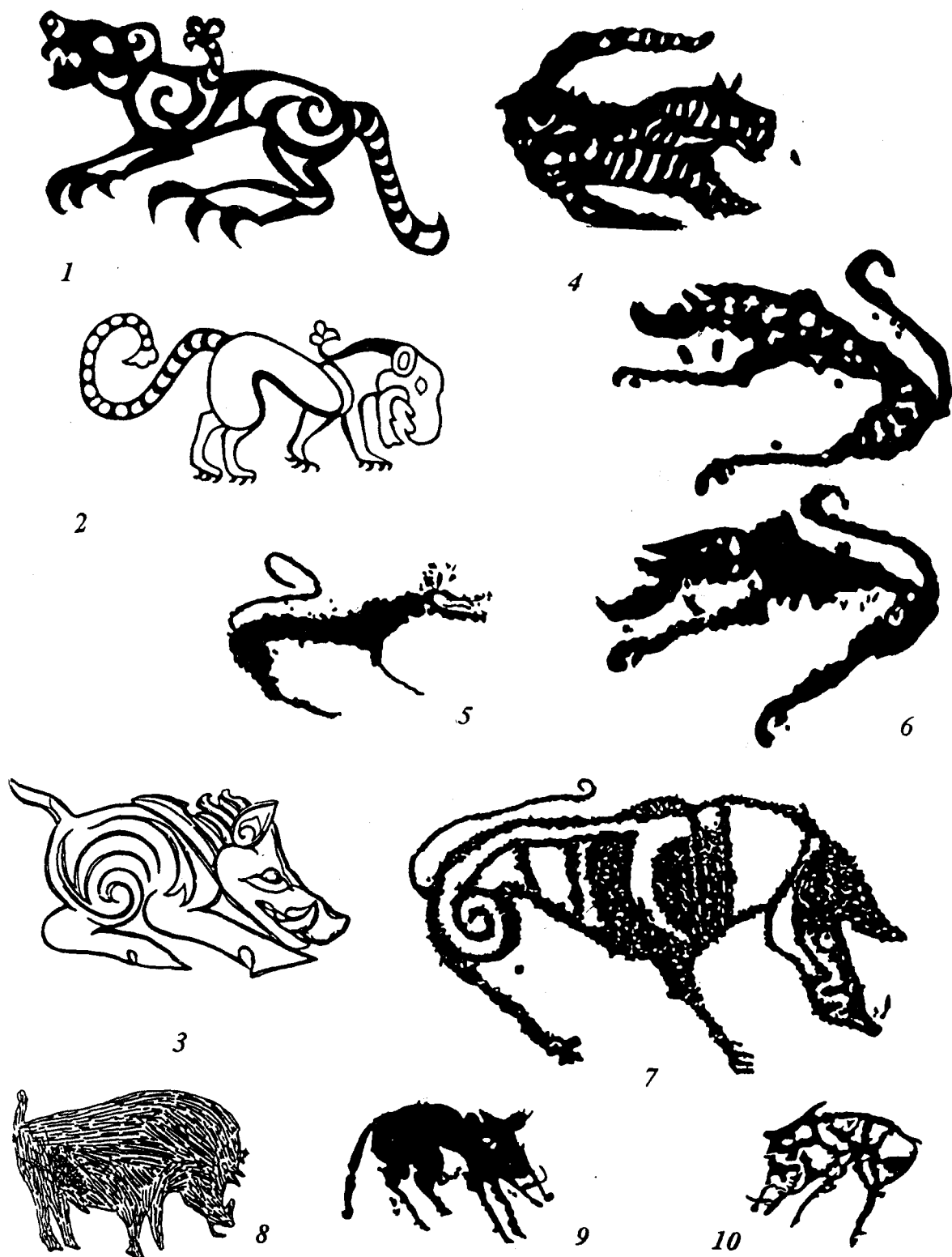

Табл. III. Хищники и кабаны. 1 ташантинские курганы (по В.Д. Кубареву), 2,3 пазырыкские курганы (по С. И. Руденко), 4-10 петроглифы Алтая.

Табл. IV. Бараны, козлы, косули и ослы. 1,5,6 пазырыкские курганы (по С.И. Руденко), 2-4 сайлюгемские курганы (по В.Д. Кубареву), 7-13 петроглифы Алтая.

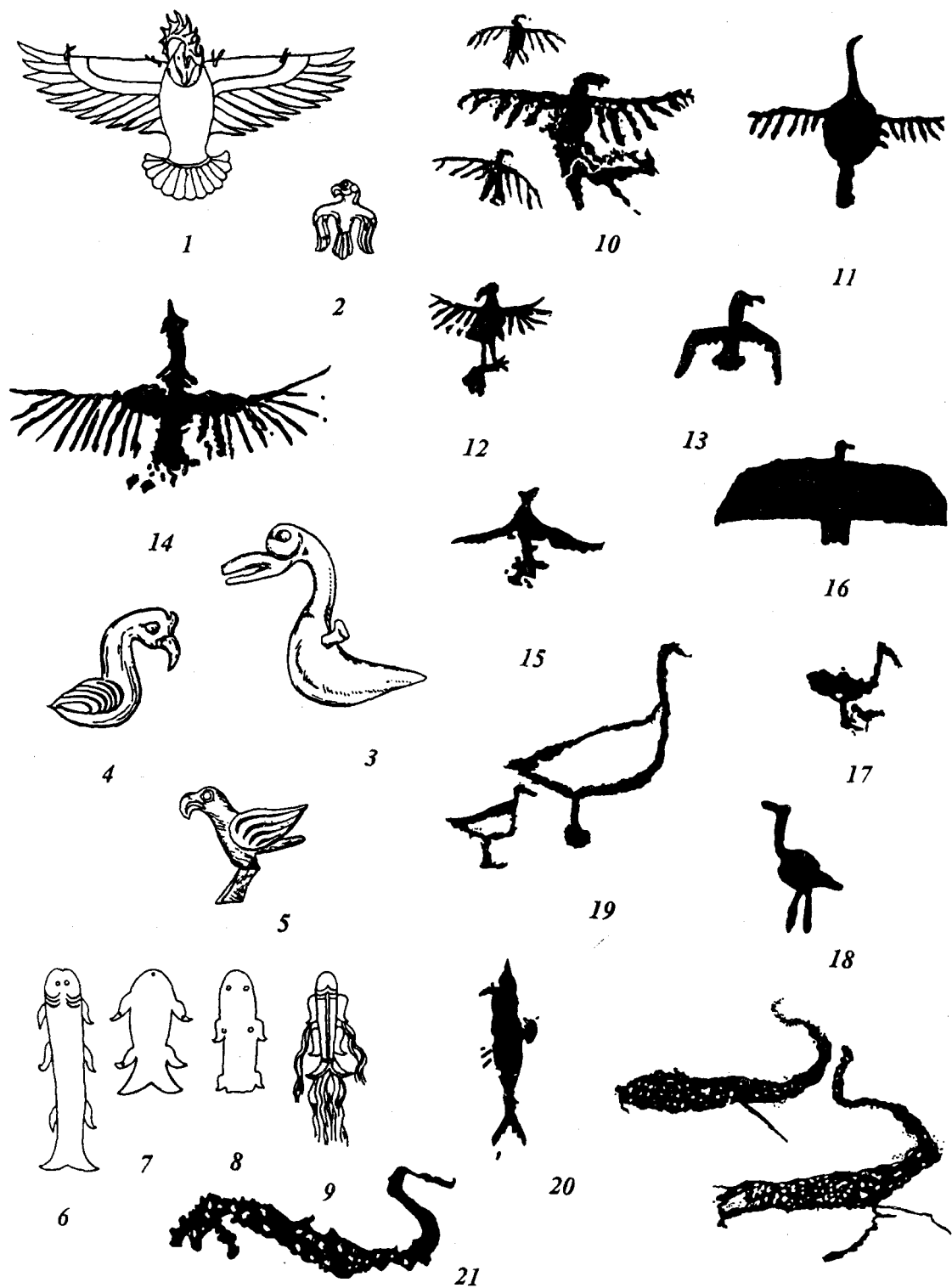

Табл. V. Птицы и рыбы. 1,2,3,6-9 назырыкские курганы (по С.И. Руденко), 4 уландрыкские курганы, 5 юстыдские курганы (по В.Д.Кубареву), 10-22 петроглифы Алтая.

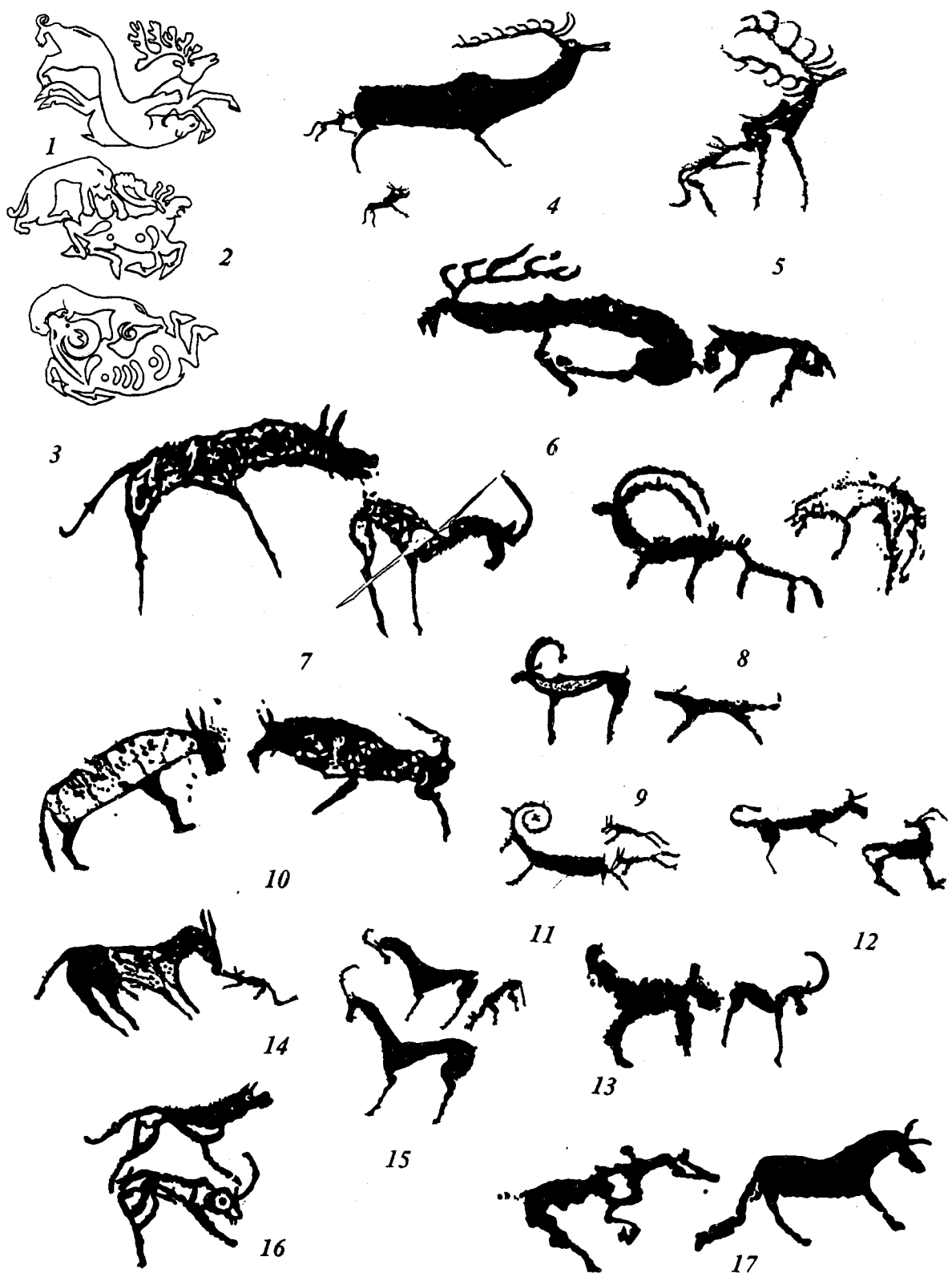

Табл. VI. Сцены нападения и преследования хищниками травоядных животных. 1-3 пазырыкские курганы (по С.И. Руденко), 4-17 петроглифы Алтая.

приемов моделировки тела копытных является показ животного с подогнутыми или прямыми ногами, головой вперед или назад, «перекрученным» на 180°, туловищем (табл. I.—1–6). Идентичные изображения, конечно более схематичные, теперь известны и в петроглифах Алтая (табл. VI.—7–13). При этом любопытно отметить, что и этот прием, возможно, был унаследован от предшествующих древних культур Сибири. Свидетельство тому — недавно опубликованный автором камень, найденный в устье р. Чичкеши (пр. приток Катунь). На нем выбит рисунок барана с «перекрученным» крупом и солярный знак, типичный для окуневских стел Хакасии.

Бинарные оппозиции животных, близнический культ, а также дуализм разнополых животных, прослеженный в алтайском зверином стиле, нашли свое отражение и в наскальных рисунках (табл. I.—4,6; табл. II.—15,16; табл. III.—6; табл. IV.—7,8,9; табл. V.—17,19,22). Орнаменты в виде спиралей, окружностей и запятых на пазырыкских фигурках животных (табл. I.—1; табл. II.—3–5; табл. III.—1,3; табл. IV.—1, 3–5; табл. V.—2,3), ассоциируемых исследователями с солярными знаками, повсеместно встречаются и на подобных изображениях в петроглифах Алтая (табл. I.—2,4,6,12; табл. II.—16; табл. III.—4,6,7,10; табл. IV.—13; табл. VI.—7,16,17).

Таким образом, пазырыкский пласт в наскальном искусстве Алтая представлен наиболее полно, а точные и прямые аналогии из датированных погребальных памятников позволяют проследить динамику развития алтайского звериного стиля, который сохранял свои основные изобразительные принципы на всем протяжении своего существования.

А.Л. Кунгуров

(г. Барнаул, Алтайский государственный университет)

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС

РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ МГК-I В ПРИОБЬЕ

A.L. Kungurov

(Barnaul, Altai State University)

The funeral complex of early scythian time MGK-I in near Ob region

Останец Малый Гоньбинский Кордон (МГК-I) расположен в правобережной пойме р. Обь напротив юго-западной оконечности г. Барнаула. Первые находки там были сделаны в 1977 г. В.Б. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым. Затем раскопки проводил Ю.Ф. Кирюшин (1977–78 гг.), М.Т. Абдулганеев (1987 г.) и А.Л. Кунгуров (с 1988 г.).

К раннескифскому времени относятся погребения могильника I (32 погребения), могильника II (1 могила) и могильника III (13 погребений) (Кунгуров А.Л., 1998; Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1995). Часть (погребений могильников I и II) относятся к более раннему и позднему времени. Они легко вычлениаются, благодаря отличию в погребальном обряде и инвентаре (Кунгуров А.Л., 1993). В свою очередь, рассматриваемый комплекс также разделяется на «курганные» и «грунтовые» могилы, при этом последних — подавляющее большинство. Практически все подкурганные захоронения ограблены (могила № 35 могильника I, могила № 1 могильника II и могилы №№ 1,5,6,7,9,12 могильника 3). Кроме ограбленности эти погребения отличаются большой глубиной (до 3-х м), наличием деревянных конструкций, заплечиков и крупными размерами ям. Стратиграфическая накладка грунтового погребения 2 на пятно могилы № 9 фиксирует более ранний возраст курганов. Вещевой комплекс, в силу ограбленности курганов, беден: бусы из могил № 2 и № 12 (рис. 3.—43) и остатки головного убора (?) в могиле № 9 могильника II (рис. 3.—42), состоящие из пастовых бус и двух золотых штампованных нашивных бляшек в виде львят (рис. 3.—44,45). Грунтовые могилы так же, как и подкурганные, ориентированы, в ЮЗ сектор, но устроены рядами по линии ЮВ–СЗ. Глубина могил от 0,4 до 1,5 м, форма подпрямоугольная. Деревянные конструкции или отсутствуют, или очень плохо сохранились. Фиксируются рамы из досок, поставленных по периметру ямы, и от перекрытия. Умершие уложены вытянуто на спине,

головой на ЮЗ. Материал могильников (прежде всего 1 и 3) очень необычен для лесостепного Приобья по датировке, и культурной принадлежности. Ряд датирующих вещей (зеркала с бортиком, бронзовые наконечники стрел, биметаллический кинжал и т.д.) определяет возраст комплекса как конец VII–VI вв. до н.э., т.е. временем существования на Верхней Оби большереченской культуры переходного от бронзы к железу периода. Вместе с тем и погребальный обряд, и, особенно, облик инвентаря разительно отличаются от большереченского.

Керамика представлена шестью сосудами различных форм: два горшка, крупная и мелкая банки, «бомбовидный» сосуд с округлым дном и небольшой кувшинчик с отверстиями для подвешивания (рис. 2.–25–30). Орнаментация керамики бедна — два ряда ямок по шейке у бомбовидного сосуда (рис. 2.–26), ряд елочки на плечиках горшка (рис. 2.–30) и по венчику крупной банки (рис. 2.–30). Кроме елочки, горшок украшен вертикально прочерченными линиями, а также имеет два сквозных отверстия для починки. В целом раннескифская керамика МГК-I выглядит не только разнородно, но и разновременна, хотя сомнений ее датировка и культурная принадлежность не вызывает. Сосуды находились в комплексе с другими предметами, например, кувшинчик с крупным бронзовым петельчатым зеркалом, имеющим бортик (рис. 1.–2–4), а горшок (рис. 2.–29) с бронзовым ножом (рис. 1.–13). И форма, и орнаментация сосудов характерна прежде всего для более поздних культур раннего железного века — староалейской и каменской. С большереченской керамикой она ничего общего не имеет, хотя ей синхронна.

Пряслица являются наиболее массовым материалом комплекса. Всего их обнаружено 20 шт., при этом не только в погребениях, но и на площади памятников (из разрушенных могил?) (рис. 2.–18). Встречены каменные (рис. 2.–7,8), костяное (рис. 2.–6) и керамические пряслица (рис. 2.–9–24). Восемь керамических пряслиц украшены солярным прочерченным орнаментом (расходящиеся лучи) (рис. 2.–9–16): одно рядом отгисков полого орнамента (трубочки?) (рис. 2.–15), а восемь не орнаментированы (рис. 2.–17–24). Форма сечения очень разнообразна: от плоских тонких изделий до массивных и цилиндрических. В одном из пряслиц сохранились остатки деревянного веретена, т.к. оно находилось в могиле № 33 могильника I на крупном бронзовом зеркале (рис. 2.–5,10). Судя по этим остаткам пряслица размещалось на кончике деревянного веретена орнаментированной стороной «наружу» (рис. 2.–10). Все пряслица (исключая найденные в надмогильном пространстве) происходят из женских захоронений. По их количеству легко сделать вывод в преимущественно «женском» характере изученных некрополей. Этот факт пока разумного объяснения не находит.

Кроме пряслиц в сакральный инвентарь женских могил входили **украшения и бронзовые зеркала**. Наибольшим количеством представлены булавки, изготовленные из бронзы, железа и кости. Бронзовых булавок найдено 14. Три из них имеют навершие-шарик (рис. 3.–1,37,38), одна — ушко, изготовленное методом проковки и загибания кончика бронзовой заготовки (рис. 3.–6). Остальные, видимо, имели какие-то навершия из органического материала или использовались без них (рис. 3.–1–5,7,8,33,37–39). Железные булавки (6 экз.) не все сохранили полную форму (рис. 3.–9). В целом они короче и массивнее. Навершия представлены шариками (рис. 3.–26–28), цилиндром (рис. 3.–30) и, видимо, круглым или цилиндрическим деревянным плохом сохранившимся навершием (рис. 3.–29). Костяная заколка имела ушко для продевания, сохранившееся не полностью (рис. 3.–31). Также обнаружены бронзовые, железная и золотые серьги. Бронзовые имеют вид несомкнутых колечек с приостренными окончаниями (3 экз.) (рис. 3.–10,12,17). Видимо, подобной формы была окислившаяся железная серьга (рис. 3.–24). Золотые (3 экз.) украшения достаточно сложны и состоят из колечка в полтора оборота (рис. 3.–34) с приваренной подвеской-цепочкой или бронзовой «S»-видной серьги с подвешенной золотой цепочкой (рис. 3.–35). В разрушениях могильника I и в могиле № 33 найдены цепочки без серег, которые должны были вдеваться в мочку уха (рис. 3.–36). Полная серьга из мог. № 33 (рис. 3.–35) имеет также подвеску, прикрепленную к цепочке, в виде крестообразно проникающих друг в друга семечковидных пластинок. Достаточно разнообразны бусы из МГК-I, изготовленные из пасты, камня, кости, железа и бронзы (рис. 3.–11,13,16,18–23,32,40,42,43). Представлены также нашивная крестовидная бронзовая бляшка (рис. 3.–25) и ажурная колоколовидная подвеска (рис. 3.–41). Замечательную часть коллекции составляют пять бронзовых зеркал, четыре из которых имеют бортик. Два зеркала (рис. 2.–1,2) найдены в разрушениях на могильном поле. Четыре зеркала петельчатые. При этом фиксируется способ крепления петли к диску. У зеркала, изображенного на рис. 2.–2, петля утеряна и на ее месте видны пятна золота. Видимо

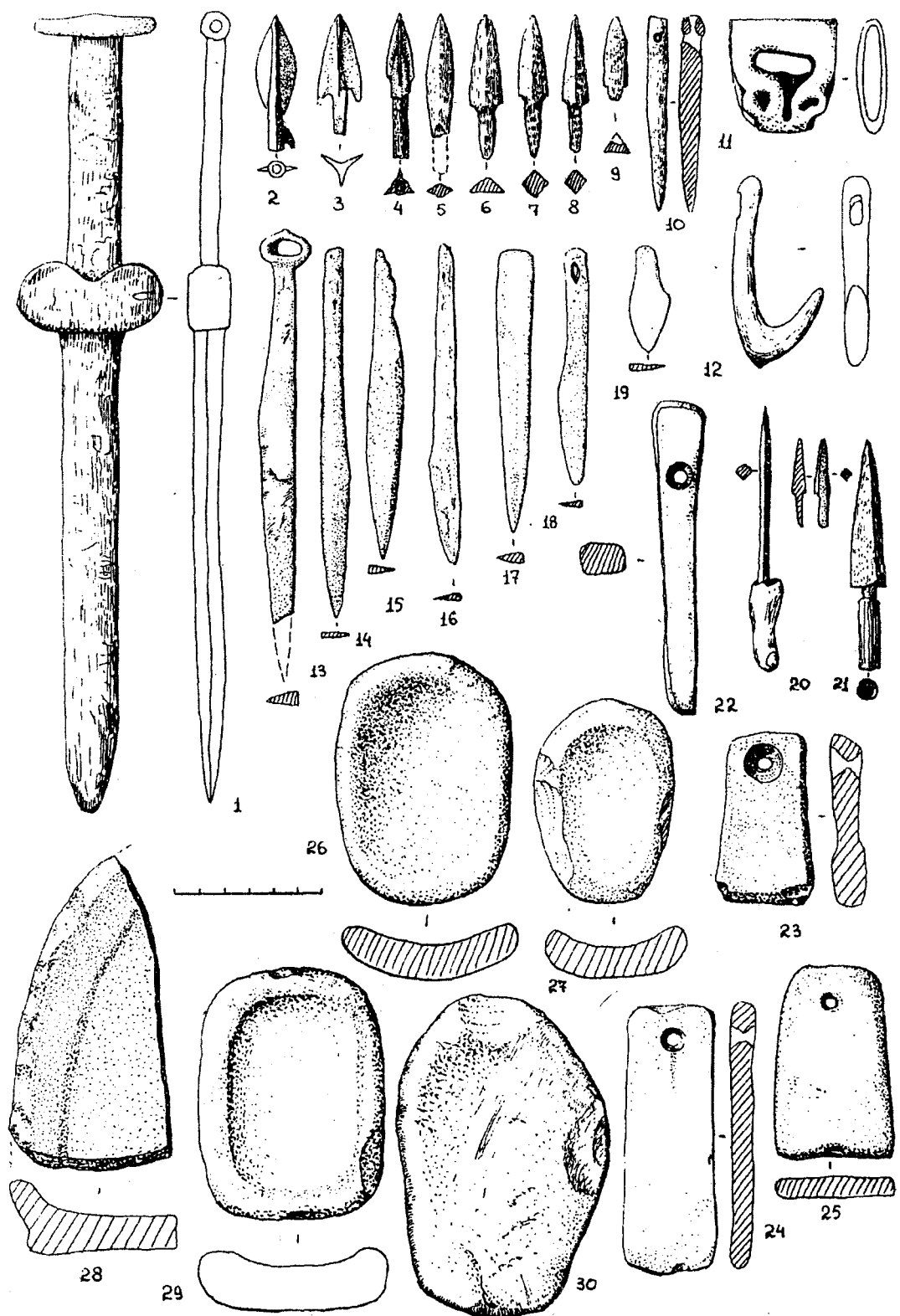

Рис.1 МГК-1. Могильник 1: м.3 (1), м. 7 (29), м. 14 (30), м. 15 (1-3, 11, 12, 15, 20, 22), м. 18 (27), м. 23 (28), м. 25 (26), м. 27 (16, 24), м. 29 (19), м. 31 (18, 23). Могильник 3: м. 6, (7 - 10), м. 10 (17, 21), м. 13 (4 - 6, 15, 25). (1 - бронза, железо; 2, 3, 4, 11, 13-19 - бронза; 20, 21 - бронза, кость, дерево; 5 - 10, 12 - кость, рог; 23 - 30 - камень)

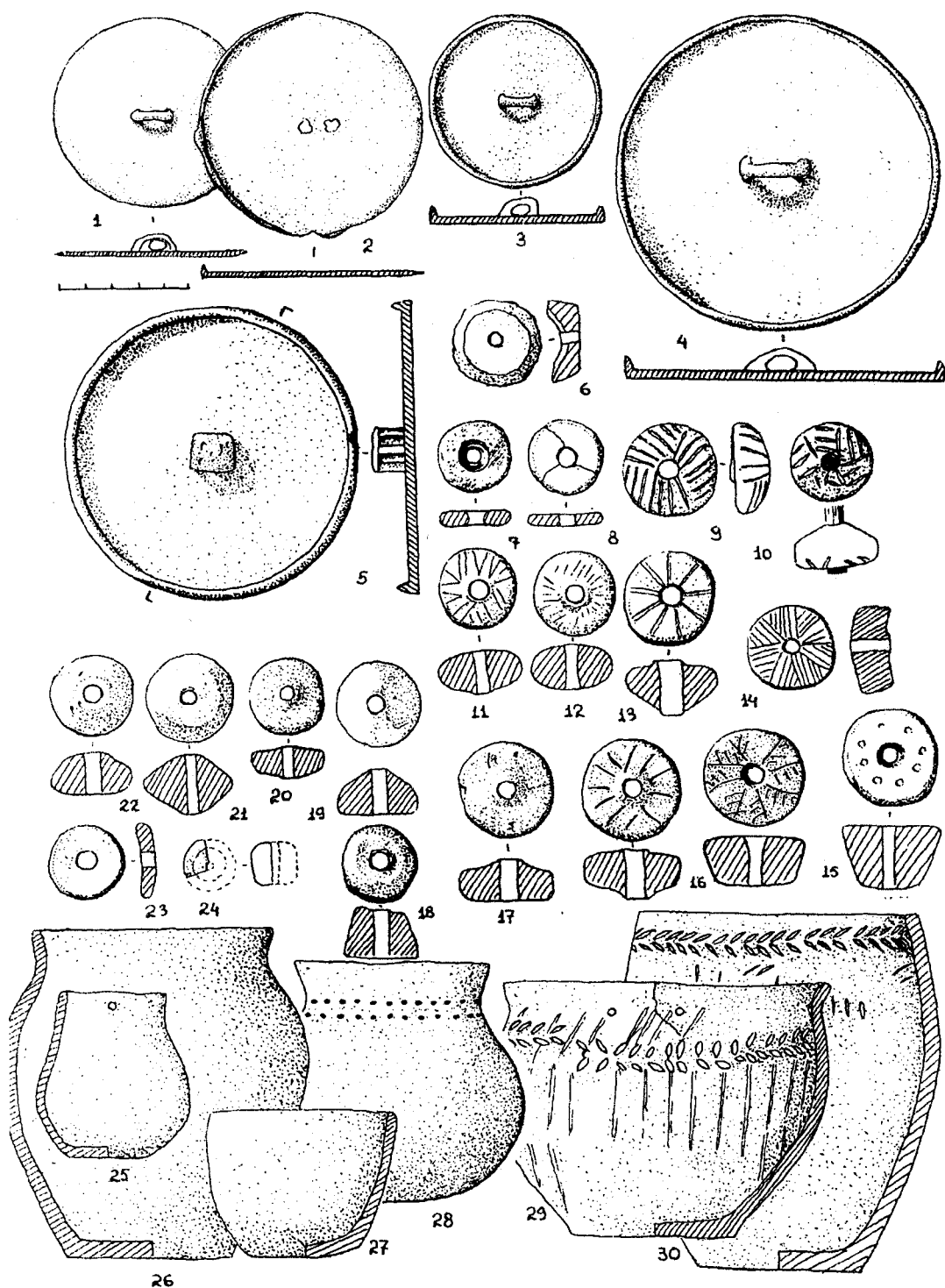

Рис. 2. МГК - 1. Могильник 1: сборки (1, 2, 24, 27), м. 1 (13), м. 2 (12), м. 3 (29), м. 7 (20), м. 14 (23), м. 18 (8), м. 21 (21), м. 22 (6), м. 23 (11), м. 24 (3), м. 25 (14, 28), м. 28 (4, 7), м. 30 (15, 26) м. 33 (19), м. 34 (5, 9, 10). Могильник 2: м. 2 (30), м. 3 (22), м. 8 (15, 16), м. 11 (17) (1-5 - бронза, 6 - кость, 7-8 - камень, остальное - керамика)

припаивание петель происходило при помощи этого драгоценного металла. Одно зеркало вместо петли снабжено подпрямоугольной пластинкой, прикрепленной к плоскости четырьмя круглыми в сечении штырьками (рис. 2.–5). Кроме зеркал и украшений (а также сосудов) в пяти женских могилах найдены небольшие алтарики (рис. 1.–26–30). Три из них являются овальными гранитными плочками с углублением. Еще один, по-видимому, использовался как терочник (рис. 1.–30), а последний предмет является осколком крупного каменного блюда (?) с поддоном, выделенным пикетажем и шлифовкой (рис. 1.–28).

Предметы **вооружения и орудия труда** происходят из мужских захоронений. Наиболее яркий комплекс связан с могилой № 15 могильника I, где на поясе мужчины зафиксирован железный кинжал с бронзовым навершием и обратным почковидным перекрестием (рис. 1.–1), бронзовый нож (рис. 1.–15), роговой колчаный крюк (рис. 1.–12), бронзовая зооморфная обойма (рис. 1.–11), бронзовое шило с рукояткой из фаланги свиньи или кабана (рис. 1.–20), три наконечника стрел — два бронзовых (втульчатый двухлопастной с шипом у основания, и черешковый трехлопастной) (рис. 1.–2,3) и костяной черешковый уплощенно-ромбического сечения очень плохой сохранности. Под ножом и кинжалом находился «узкотелый» брусковидный оселок с отверстием (рис. 1.–22), на поясе — зуб кабана и астрагал барана. Кроме комплекса вооружения из могилы № 15, найден еще один бронзовый наконечник в составе колчана в погребении № 13 могильника III. Втульчатый трехлопастной наконечник с остатком древка стрелы находился вместе с десятком костяных черешковых изделий плохой сохранности (рис. 1.–4–6). Еще три костяных наконечника найдены в разграбленной могиле № 6 могильника III (рис. 1.–7–9) вместе с костяным острием, имеющим пересекающиеся боковое и вертикальное отверстия (рис. 1.–10). В ряде могил обнаружены бронзовые ножи (рис. 1.–13–19) иногда сопровождаемые плоскими оселками (рис. 1.–23–25). В могиле № 10 могильника III на поясе молодого мужчины кроме ножа в кожаных шитых ножнах (рис. 1.–17) находилось бронзовое четырехгранное черешковое шило с деревянной цилиндрической рукояткой и чехлом, напоминающем трехгранный втульчатый наконечник стрелы (рис. 1.–21).

Такова краткая характеристика комплекса раннескифского времени с МГК-I. Анализ датирующих вещей, опубликованный в ряде статей (Кунгуров А.Л., 1993; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1990; Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1995; Кунгуров А.Л., 1998) позволяет отнести этот комплекс к концу VII–VI вв. до н.э. В этнокультурном плане он очень близок и по погребальному обряду и по особенностям староалейской культуре VI–III вв. до н.э. (Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1994; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996). Хотя комплекс раннескифского времени МГК-I отнесен к раннему этапу староалейской культуры, он имеет свои черты, характеризующие его как пришлый, инородный в Верхнем Приобье. Все аналогии вещевому набору уходят в южные и юго-западные области Евразии. По-видимому, переселенцы, имевшие культуру родственную сакской, в VII в. до н.э. столкнулись с автохтонными племенами большереченцев и постепенно оттесняли их в верховья Оби. Именно там сохранился наиболее поздний реликт большереченской культуры — бийский этап (Абдулганеев М.Т., 1993), датирующийся VI — началом V в. до н.э. Исследователи давно обратили внимание на обострение взаимоотношения народов в Верхнем Приобье в VII–VI вв. до н.э. М.П. Грязнов, анализируя погребальный обряд большереченцев на БЕ отмечал, что «третья часть мужчин, погребена с оружием». А поскольку погребальный обряд отчасти отражает события действительности, исследователь приходит к выводу: «Очевидно, и в реальной жизни жители поселка на Ближних Елбанах в это время вынуждены были часто прибегать к оружию» (Грязнов М.П., 1956, с. 84). Если мы обратимся к бронзовым наконечникам стрел большереченцев, то увидим их явную инородность основному, по сути дела, позднебронзовому комплексу. Все бронзовые наконечники стрел происходят или из сборов (Грязнов М.П., 1956, с. 63), или из могил, где они находились в качестве оберегов (БЕ-VII, мог. 22) или ими были убиты похороненные люди (БЕ-XIV, мог. 11). Внешний облик этих наконечников (рис. 3.–51–53) близок таким изделиям раннескифского времени с МГК-I. Следует отметить, что черешковый трехлопастной наконечник из мог. 22 БЕ-VII назван М.П. Грязновым «трехреберчатой бляшкой» (рис. 3.–53). Подобная ситуация присутствует и на другом крупном большереченском некрополе — Бобровском могильнике (Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М., 1996). В могиле № 30 раскопано захоронение двух людей убитых стрелами с тремя бронзовыми трехлопастными наконечниками (рис. 3.–47–49) и одним трехгранным со скрытой втулкой (рис. 3.–50). Еще один наконечник найден на могильном

поле (рис. 3.–46). Вряд ли является случайностью то, что наконечники присутствуют на больше-реченских кладбищах как орудия убийства или обереги (мог. 22 БЕ-VII), а подобные им изделия могильников 1 и 3 МГК-I в колчаных наборах.

Следует упомянуть также и другие находки раннескифского времени из окрестностей Барнаула — бронзовый котел с зооморфными ручками, удила и псалии с навершиями в виде лосей со Штабки, а также обломок звена удила со стремявидным окончанием, найденный около с. Фирсово (рис. 3.–54). Последний предмет опубликован А.Б. Шамшиным (1993) как происходящий с Новоалтайского поселения. На самом деле он происходит с разрушенного могильника, расположенного в километре восточнее. Обломок удила подобран рядом с могилой, сдвинутой ковшом бульдозера. Умерший был, судя по остаткам, похоронен вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ. Больше никаких вещей там не обнаружено.

В заключении хотелось бы отметить, что исследования памятников раннескифского времени на МГК-I открывают новую страницу сложной и интересной истории племен раннего железного века лесостепного Приобья. В частности, получает освещение процесс формирования своеобразной староалейской культуры на основе взаимодействия пришлых племен сакского облика и местных больше-реченских.

А.Л. Куигуров, М.М. Маркин

(г. Барнаул, Алтайский государственный университет)

БЫСТРЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА Р. НЕНЯ

A.L. Kungurov, M.M. Markin

(Barnaul, Altai State University)

The Bistryanka settlements on Nenja-river

Правый приток Бии р. Неня, впадая в Бию около с. Новиково, разделяет два различных орографических региона — Кивдинский массив Салаирского кряжа и юго-западные отроги Горной Шории. Неня протекает по широкой Солтонской впадине, изобилующей старицами, озёрами и болотами. Даже сейчас эта долина представляет собой богатейшие рыбные и охотничьи угодья. Левый борт впадины выше с. Карабинка покрыт тёмнохвойной (черневой) тайгой с преобладанием пихты и лиственницы, правый — остепнён. По логом и долинам Солтонского борта Нени произрастает берёзово-осиновый лес. Северо-восточнее сёл Сузоп и Солтон черневая тайга занимает оба берега Нени. От с. Новиково до с. Сузоп известно 14 быстрианских поселений, расположенных, преимущественно, на правом берегу (рис. 1.–1) (таблица 1).

Таблица 1

№	Наименование памятника	№	Наименование памятника
1	Новиково-II (Казачий Яр)	8	Баулина Гора-II
2	Камешок-I	9	Карабинка-II
3	Камешок-IV	10	Карабинка-II
4	Лог Северин	11	Акатьево-II
5	Пос. Товарищ	12	Долгий Мыс
6	Ненинка-I	13	Солтонское поселение-II
7	Баулина Гора-I	14	Сузопское поселение-II

На левом берегу известно Сузопское поселение-I, открытое В.Д. Славниным в 1977 г. Памятник расположен на 10-метровом мысу левого берега р. Саза на окраине Сузопы и представлен невыразительными сборами керамики РЖВ, поэтому отнесён к быстрианской культуре предварительно. Не совсем ясен характер памятника Новиково-II, расположенного на северной окраине с. Новиково в месте, которое местные жители называют Казачий Яр. В большом овраге,

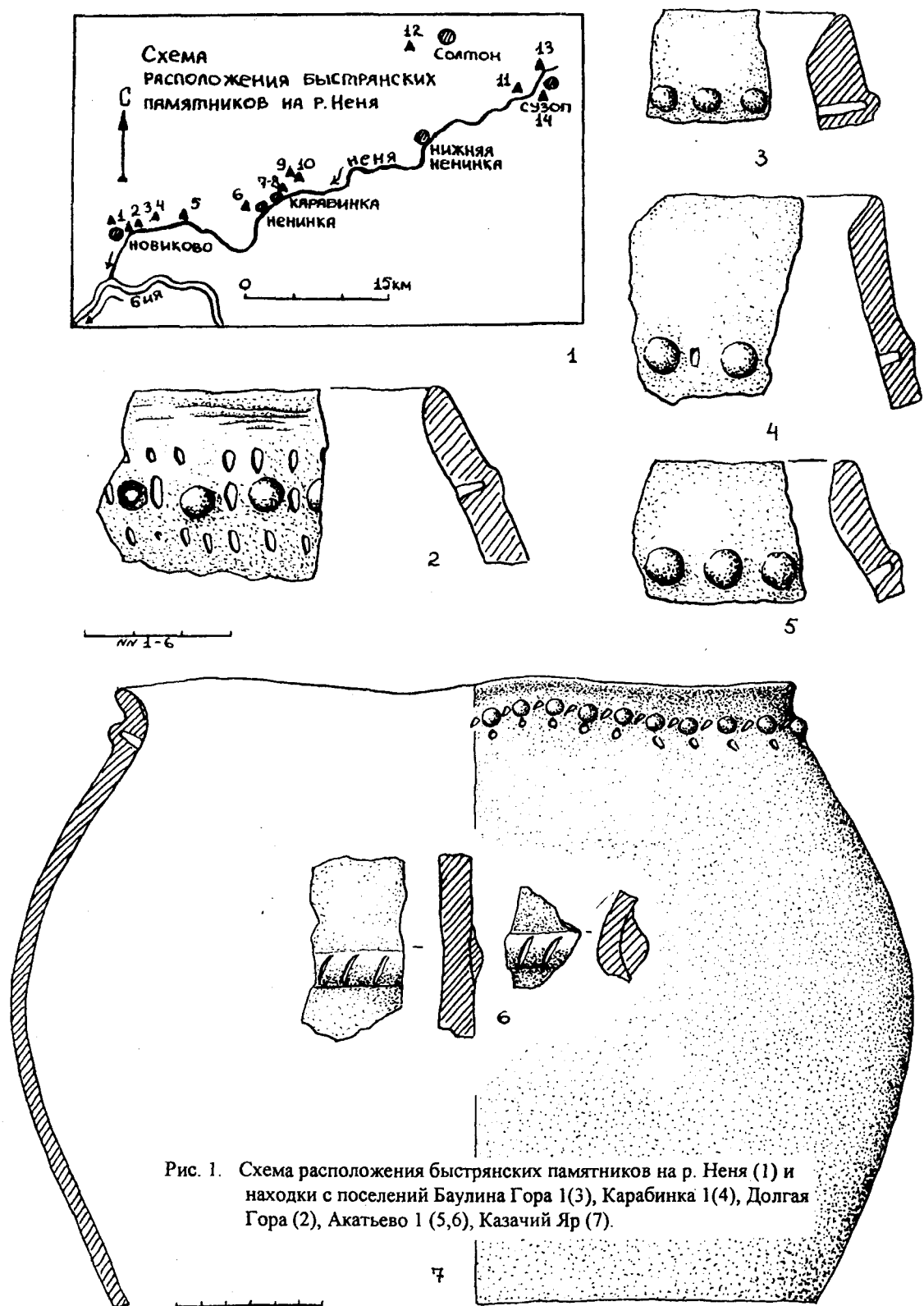

Рис. 1. Схема расположения быстрианских памятников на р. Неня (1) и находки с поселений Баулина Гора 1(3), Карабинка 1(4), Долгая Гора (2), Акатьево 1 (5,6), Казачий Яр (7).

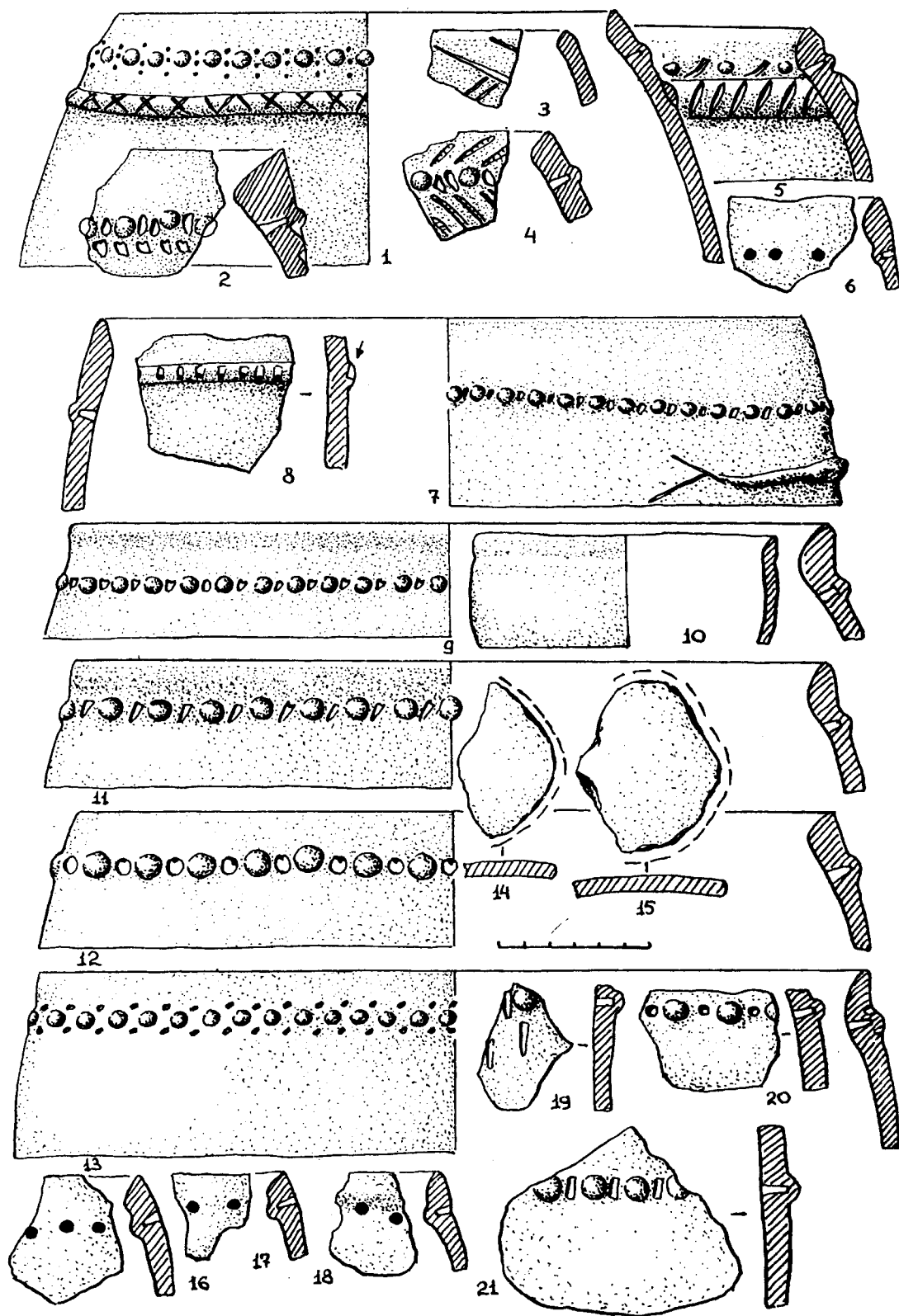

Рис. 2. Керамика с быстрианских поселений р. Неня: Товарищ (1,3-6),
Ненинка 1 (2,8-19), Карабинка 2 (20,21)

врезанном в толщу 20-метрового коренного берега Бии, по словам жителей села, неоднократно находили разрушающиеся «могилы казаков в долблённых колодах». В 1998 г. М.М. Маркину школьники из с. Новиково передали обломки крупного сосуда, украшенного жемчужником, разделённым косыми семечковидными оттисками, образующими двурядную ёлочку (рис. 17). Достаточно большая высота находки может свидетельствовать о наличии в этом месте могильника. Подобные сосуды Чумышской группе быстрианских курганов обнаружены в насыпях как остатки поминок (Кунгуров А.Л., 1995; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1998). Облик керамической коллекции с поселений р. Нени достаточно однороден. Посуда представлена крупными горшковидными слабопрофилированными сосудами закрытой формы украшенными жемчужинами с разделителем, ямками, рассечённым и гладким налёпным валиком (рис. 1,2). К особенностям керамики следует отнести часто встречающееся утолщение стенки по венчику (рис. 1.–5; рис. 2.–2,5,6,7,9,11–13,16–18). Встречается в единичных случаях и чистый жемчужник (рис. 1.–3,5). Разделительные оттиски достаточно разнообразны. Наиболее распространены косые семечковидные (рис. 2.–7,9,11), прямые (рис. 1.–4; рис. 2.–21), круглые (рис. 2.–12,20) отпечатки штампа. На поселении Товарищ присутствует фрагмент сосуда с валиком, на котором жемчужник разделён косым прочерченным оттиском (рис. 2.–5). Другой вариант этого орнамента — разделение жемчужника многорядными оттисками, образующими композицию входящую в орнаментальную строку выше или ниже жемчужин (рис. 1.–2,7; рис. 2.–1,2,13,19). Гораздо реже фиксируется украшение длинными оттисками гладкого или гребенчатого штампа, образующими ёлочку (рис. 2.–3,4). Ямки, расположенные, как правило, по шейке сосуда и имеющие «выпуклины» с обратной стороны, составляют самостоятельный орнаментальный мотив (рис. 2.–6,16–18). На всех поселениях, где коллекция посуды более-менее представительная, имеются сосуды с налёпным валиком. На сосуде с Ненинки-I гладкий валик образовывал какую-то композицию, к сожалению, полностью не прослеженную (рис. 2.–7). В остальных случаях валик просто опоясывал сосуд (там где прослежено — ниже жемчужника), составляя отдельную, хотя и своеобразную орнаментальную строку. Подчеркивало это рассечение налёпа ровными косыми (рис. 1.–6; рис. 2.–5) и широкими прямыми оттисками (рис. 2.–8). Одним случаем представлено «комбинированное» рассечение пересекающимися и косыми отпечатками штампа (рис. 2.–1). И форма сосудов, по-видимому унаследованная от крупных горшков бийского этапа большереченской культуры (Абдулганеев М.Т., 1991; 1993), и орнаментация типичны для поселенческих керамических комплексов быстрианской культуры раннего железного века (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997; Кунгуров А.Л., 1997). К сожалению, никаких орудий труда, позволяющих уточнить хронологию поселений р. Нени не обнаружено, за исключением «керамических скребков» (рис. 2.–14,15) и нескольких обломков зернотёрок или образцов с Ненинки-I.

Рассмотренный комплекс поселений занимает территорию Кивдинского массива Салаирского края, вдающегося в занятую темнохвойной тайгой восточную зону Алтайского края. Племена освоившие этот регион, видимо, являлись своеобразным восточным форпостом быстрианской культуры на границе лесостепи и лесных массивов. Природно-климатические условия Кивдинского Присалаирья позволяли успешно сочетать скотоводческое хозяйство (возможно, и земледелие) с эксплуатацией богатейших ресурсов долины р. Нени и Горной Шории.

Ю.Т. Мамадаков

(г. Барнаул, Алтайский государственный университет)

СОСУДЫ С РОСПИСЬЮ С МОГИЛЬНИКА КЫРЛЫК-II

Yu. T. Mamadakov

(Barnaul, Altai State University)

The vessels with paintings from Kirlik-II cemetery

Курганный могильник Кырлык-II, расположенный на правом берегу р. Кырлык в 4 км к ЮЮВ от с. Кырлык Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области (в настоящее время — Республика Алтай), был исследован в период полевых работ 1983 года и представлял

собой комплекс разновременных объектов. Соответственно хронологическим, этнокультурным различиям исследовались полученные материалы древнетюркских, скифских погребений и определенным итогом явился ввод их в научный оборот (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 51–88; Мамадаков Ю.Т., 1995, с. 81–87). Известно, что погребальный инвентарь подавляющего большинства захоронений древнего населения пазырыкской культуры включал также керамические сосуды, среди которых встречались редкие сосуды с росписями (Сорокин С.С., 1966, с. 39–60; Сорокин С.С., 1974, с. 62–91; Суразаков А.С., 1982, с. 121–136; Кубарев В.Д., Слюсаренко И.Ю., 1990, с. 185–192; Кубарев В.Д., 1990, с. 31–55; и др.). Число последних дополнили ещё один целый сосуд и горло с незначительными прилегающими стенками от второго с курганов № 6 и 8 могильника Кырлык-II (рис. 1.–1–2), восстановленные благодаря Н.Ф. Степановой (мы признательны ей). Данный памятник находится, по физико-географическому районированию Горного Алтая, в его северо-западной части (Горный Алтай, 1971, с. 52). С этого региона уже известен один росписной сосуд (Суразаков А.С., 1982, с. 129), к которому присоединяются новые кырлыкские находки (рис. 1).

Сосуд с росписью с кургана № 6 (рис. 1.–1) сопровождал погребенного с двумя конями и находился на глубине 300 см у восточной стенки ямы. Фрагменты росписного сосуда с кургана № 8 обнаружены на глубине 220 см рядом с левой лопаткой коня, погребенного в одной яме с умершим (Мамадаков Ю.Т., 1995, с. 81–87). Оба сосуда, видимо, имеют близкие пропорции и размеры, ибо обо всех параметрах изделия из кургана № 8 в полной мере не можем судить из-за его фрагментарности. Тулово их раздуто, горло длинное и узкое, края венчика слегка отогнуты наружу, дно плоское. Оба сосуда светло-красноватого цвета с черными пятнами. Сосуд из кургана № 6 имеет следующие размеры: высота — 34,3 см, наибольший диаметр тулова — 21,3 см, диаметр и высота горла соответственно — 9,6 и 15,5 см; высота горла второго сосуда — 17,5 см, его диаметр — 9 см; толщина стенок обоих изделий составляет 0,7–0,9 см. По всем внешним признакам, как видно из вышеизложенного, их нужно относить к категории высоких узкогорлых кувшинов, довольно широко представленных в погребальных комплексах пазырыкского населения Горного Алтая, к которым относятся и курганы № 6, 8 могильника Кырлык-II. Последние могут быть датированы IV–III вв. до н.э. (Мамадаков Ю.Т., 1995, с. 86). И рассматриваемые сосуды этого времени обращают на себя внимание прежде всего благодаря росписям, нанесённым черной минеральной краской. Они представляют собой вертикально расположенные изображения зигзагообразных (змееподобных, волнистых) линий различной ширины и сохранности, выполненных сверху-вниз практически по всей высоте сосуда. При этом полосы как бы прерываются в «районе» перехода горла в тулово и создается впечатление об их «двух-уровневом» расположении прежде всего из-за формы изделия. В то же время нельзя исключать, на наш взгляд, подобного реального расположения линий из-за определенной смысловой нагрузки росписи.

На целом сосуде 12 зигзагообразных линий: шесть на горле, шесть на тулове. На горле сосуда из кургана 8 пять аналогичных линий. На горле обоих сосудов нанесены довольно чёткие знаки в виде «птички», «Х», «запятой» (рис. 1.–1–2). Придонная часть целого сосуда, данная особенность достоверно установлена непосредственно в период полевых работ, полностью покрыта охрой, что свидетельствует о её нанесении на внешние стенки изделия непосредственно перед помещением в погребальной камере умершего. Видимо, подчеркнуто культовое назначение росписных сосудов, содержавших загробную пищу покойника, лишней раз подкрепляется нанесением охры, ибо известна одна из главных её функций — очистительная. Если так, то подобные вещи не применялись в повседневном быту и линии различной конфигурации выполнялись перед помещением изделий в погребения. Данное мнение, на наш взгляд, в значительной степени подтверждается тем, что в росписи преобладают тёмные краски, ассоциируемые у многих народов с подземным миром, населённым различными персонажами. К тому же об их особой ритуальной роли в погребальном обряде пазырыкского населения, вероятно, косвенно свидетельствует сравнительно малое количество известных к настоящему времени росписных сосудов при хорошо представленной керамической посуде данной культуры (в Горном Алтае, судя по публикациям, всего 15 сосудов с росписью, — в общее число включены и фрагменты).

Видимо, различные росписные фигуры на керамических сосудах могут символизировать не только змей. Это тем более вероятно, если обратимся к фольклору и мифологии мно-

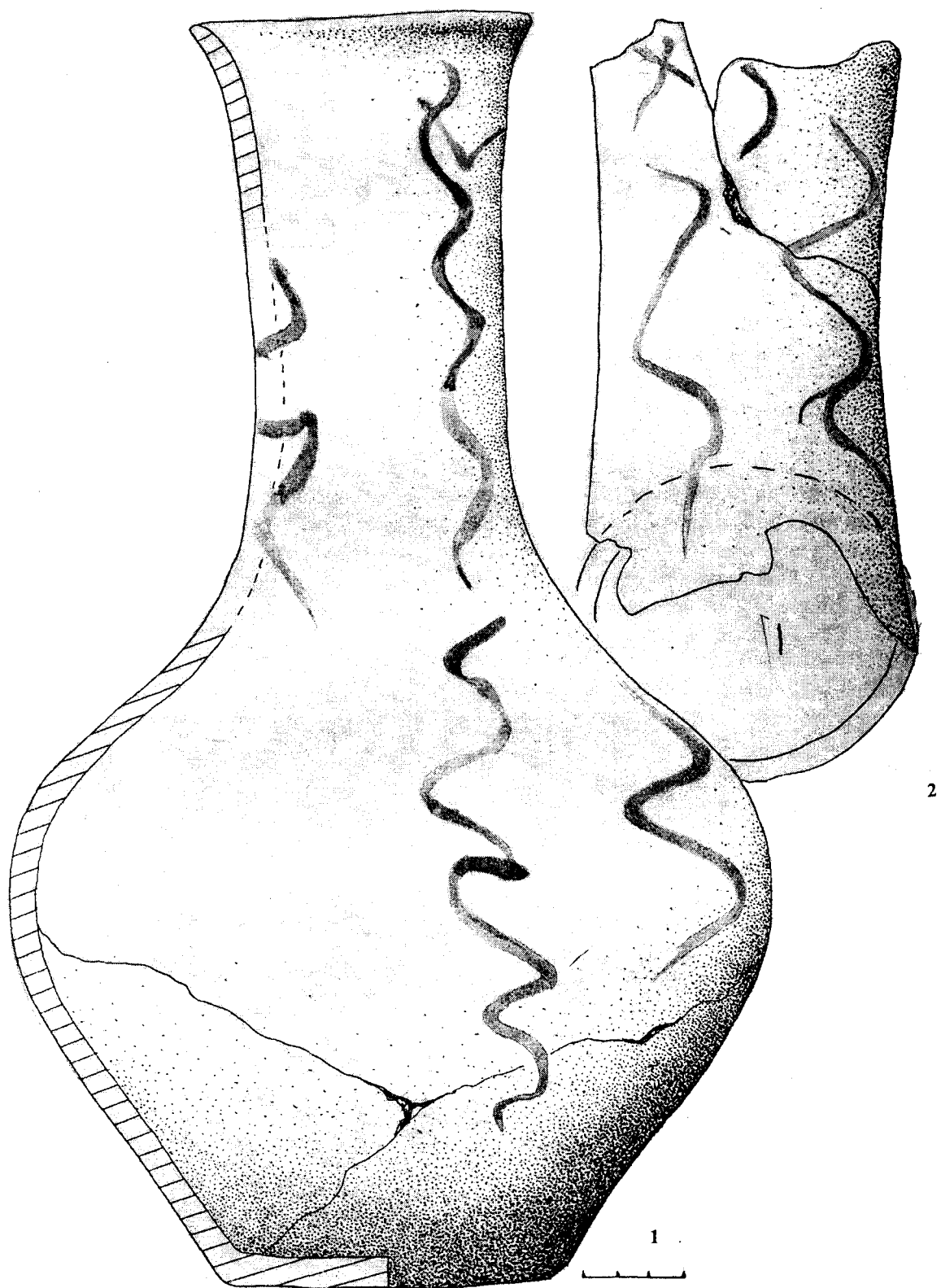

Рис. 1. Курганный могильник Кырлык-II.

1 — сосуд из кургана № 6; 2 — горло сосуда из кургана № 8.

гих южносибирских и центрально-азиатских народов. По представлениям алтайцев, например, подземный мир состоит из девяти труднопроходимых слоев (пунктов) и он доступен для проникновения прежде всего лицам, обладающим определенными качествами. Такие качества присущи не только шаманам, но и другим, немногочисленным группам людей, в частности — космокчи, — способным в первую очередь видеть, а затем при желании общаться только с персонажами тёмного, черного мира. Причем все категории подобных людей в социальном плане ничем не выделялись от основной массы населения и практически не выполняли никаких культовых функций среди сородичей в общепринятом смысле. По пути в подземное царство они преодолевают реки, обширные болота, озеро, грязь и другие значительные препятствия. И все это видится в тёмных, черных красках в соответствии с дуалистической концепцией: вверх-вниз, белое-чёрное, добро-зло. Допускались, как видно из вышеизложенного, и иные состояния, качественно отличные от земной жизни. Она не была единственной реальностью и не могла просто так исчезнуть, ибо подобное представление означало бы тупик в мировоззрении любого этноса, алтайцев в частности. С нечто похожим явлением, видимо, сталкиваемся при исследовании вопросов мировоззрения пазырыкского населения Горного Алтая.

Разумеется, данное мнение высказано в качестве одной из рабочих версий, следовательно не исчерпывается вопрос о назначении керамических росписных сосудов, семантики самых росписей, тем более что рассматриваемый период, судя по археологическим источникам, был временем интенсивных этнокультурных контактов в Южной Сибири и Центральной Азии. А это значит, что сохраняется «простор для новых интерпретаций по мере накопления материала» (Кубарев В.Д., Слюсаренко И.Ю., 1990, с. 191).

Л.С. Марсадолов

(г. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж)

ПАЗЫРЫКСКИЙ ФЕНОМЕН И ПОПЫТКИ ЕГО ОБЪЯСНЕНИЯ

L.S. Marsadolov

(Sankt-Petersburg, The State Hermitage Museum)

The Pazyryk culture phenomenon and variants of its interpretation

Проблема объяснения особенностей перехода от одной археологической культуры к другой — наиболее сложная в археологии.

Важной задачей археологии Алтая I тыс. до н.э. является объяснение феномена резкого, внезапного изменения в начале VI в. до н.э. облика пазырыкской археологической культуры по сравнению с предшествовавшей майэмирской культурой.

Если С.И. Руденко (1960, с. 163–164), не видел резких изменений в единой культуре алтайских кочевников VII–IV вв. до н.э., то М.П. Грязнов выделял два этапа их развития (майэмирский и пазырыкский), а переход между ними связывал с изменениями в социально-экономических условиях жизни кочевников на Алтае, переходом от небольших курганов к большим, от бронзовых изделий к железным и т. д. (Грязнов М.П., 1939, 1941, 1947, 1950, 1992)

С.В. Киселев (1951, с. 391) хотя и выделял майэмирскую и пазырыкскую культуры, но включал в поздний майэмирский этап типичные пазырыкские курганы в Тузкте, Черновое и др., а начало пазырыкского этапа объяснял синхронностью «с хуннским преобладанием в Центральной Азии» — с III в. до н.э.

С историческими событиями около 585 г. до н.э. (или немного раньше) — разгромом Ассирии мидийцами и лидийцами, их борьбой со скифами и киммерийцами, уходом последних из Передней Азии, появлением нового этноса на Алтае (возможно, передовых отрядов киммерийцев), их сложными взаимоотношениями с предшествующими майэмирскими племенами, объясняет Л.С. Марсадолов (1985, 1996, 1997, 1998) довольно резкий переход от майэмирского к пазырыкскому этапу (археологической культуре).

Д.Г. Савинов (1991, с. 93–94) считает, что начальный (башадарский) этап пазырыкской культуры можно синхронизовать со временем создания Ахеменидской империи (около 550 г. до н.э.) и походами персидского царя Кира II против массагетских племен Средней Азии в 530 г. до н.э.

Качественное отличие майэмирской и пазырыкской археологических культур отмечают В.А. Могильников (1986), А.С. Суразаков (1988), Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин (1997) и другие археологи.

«Дальнейшей эволюцией раннескифской культуры» и традиционными «связями с сакским населением Казахстана и, вероятно, Восточного Туркестана» объясняет происхождение и ранний этап развития пазырыкской культуры П.И. Шульга (1998). Эта точка зрения в какой-то степени является дальнейшим развитием вышеуказанной концепции С.И. Руденко.

Да, в памятниках раннепазырыкского времени известно много «эволюционных» майэмирских прототипов различных категорий предметов узды, вооружения и «звериного стиля». Но археологи ещё в 1930–80-е годы довольно убедительно обосновали тезис «об единой скифо-сибирской триаде», широко распространенной по евразийскому поясу степей, отдельные предметы которой часто могут служить сомнительными критериями в вопросах происхождения и миграции археологических культур или этносов.

При рассмотрении вопросов этногенеза древних племен в конечном итоге решающее значение приобретают проблемы сходства таких традиционно-консервативных элементов как погребальный обряд, керамика, антропологический тип и др.

Археологические культуры и этапы — служебные понятия археологов, которые часто теряют свой смысл и значение при рассмотрении исторических событий с точностью до 1 года или десятилетия. Л.Н. Гумилев устно в своих докладах и в работах неоднократно подчеркивал, что писать историю можно как угодно, но нельзя написать историю без дат. После новых раскопок на Алтае в 1970–90-е годы и уточнения абсолютной хронологии памятников, проблема перехода от майэмирской к пазырыкской культуре должна быть рассмотрена на качественно новом этапе исследований.

Абсолютные даты и археологические материалы свидетельствуют о крупных качественных и количественных изменениях на Алтае — своеобразном «пазырыкском скачке» во всех сторонах жизнедеятельности общества — в политике (расширение территориальных границ по сравнению с предшествующим временем на восток и север), в социальной сфере (резкая дифференциация общественных структур, отразившаяся и в погребальном обряде — большие, средние и малые курганы); изменения в экономике, демографии (резкий рост населения), мировоззренческой картине мира (перестали функционировать старые ритуальные центры, исчезает традиция сооружения оленных камней, значительно сокращается наскальное творчество, наземные ритуалы в большей степени стали подземными) и т.д.

Ещё раз подчеркнем выделенные ранее (Марсадолов Л.С., 1985, 1987, 1996, 1997) такие инновации в культуре кочевников пазырыкского времени, которых не было в предшествующее майэмирское время. Погребальный обряд — вместо майэмирских «скорченных» или «вытянутых» погребений с преобладающей СЗ ориентировкой людей, лежащих в разнотипных сооружениях на уровне древней поверхности или в неглубокой яме; у пазырыкцев — глубокая могильная яма, положение человека (ориентированного в основном на восток) в срубе в южной части ямы, а коня в северной.

Наличие керамики у майэмирцев долгое время отрицалось (Грязнов М.П., 1939, 1947 и др.). После раскопок Г.П. Сосновского в Усть-Куюме, Л.С. Марсадолова в Семисарте-1, В.А. Посредникова и М.Т. Абдулганеева в Нижнем Тумечине автором был поставлен вопрос о майэмирской керамике на Алтае (Марсадолов Л.С., 1987). В дальнейшем майэмирская керамика была найдена в могильниках Бийке (Тишкин А.А., 1996), Усть-Куюм (Степанова Н.Ф., 1996) и др.

Пазырыкская керамика известна давно, начиная с XIX века, и относительно хорошо изучена (работы В.В. Радлова, М.П. Грязнова, С.И. Руденко, С.В. Киселева, В.Д. Кубарева, Д.Г. Савинова, Л.С. Марсадолова, А.С. Суразакова, В.И. Молодина, Н.В. Полосьмак, Н.Ф. Степановой, П.И. Шульги и др.).

Вместо майэмирских грубых невысоких горшков с орнаментом в виде «жемчужин», находимых в верхней части наземной погребальной конструкции, в пазырыкское время рядом с человеком на дно ямы стали ставить высокохудожественные кувшины с лощеной поверхностью,

изготовленные из тонкоотмученной глины, иногда расписанные красной или черной краской.

Узкогорлые кувшины не известны в предшествующих культурах Алтая III–II тыс. до н.э. Нет таких форм и в синхронных майэмирским или пазырыкским памятниках соседней тасмолинской культуры Казахстана и в ближайших регионах в VIII–VII вв. до н.э.

Была высказана даже точка зрения, что кувшины являются имитацией «дорожного кожного или рогового сосуда», «имели сакральное значение и изготавливались специально для погребений» (Шульга П.И., 1997, с. 74). Но эта версия однозначно не объясняет — как появилась такая форма неизвестная ранее, высокий технологический уровень изготовления сосудов. Близкая к алтайским форма глиняных кувшинов известна в памятниках VIII–VII вв. до н.э. в Гордионе на территории древней Фригии (совр. Турция). Там такие кувшины всегда обособляли от других многочисленных сосудов и ставили рядом с человеком (Kohler E.L., 1995; Марсадолов Л.С., 1997).

Майэмирская форма горшков продолжала свое бытование и в пазырыкское время, но отмечены и гибридные формы горшков с кувшинами, сохранялся «старый» орнамент на новых формах сосудов. В кургане Башадар-2, сооруженном в первой половине VI в. до н.э., под насыпью нашли фрагменты именно горшков, а на дне ямы, рядом с человеком — два кувшина, что, возможно, свидетельствует о двух разных традициях — майэмирской и пазырыкской или о двух (или нескольких) этносах присутствовавших при погребении вождя племени (Марсадолов Л.С., 1987, 1996; Шульга П.И., 1996 и др.).

Элементы узды не только «эволюционируют», но и резко меняются — на смену аржанской конструкции узды (со стремечковидным окончанием удил или с небольшими кольцами на концах, с трехдырчатыми псалиями, привязывающимися к окончаниям удил) приходит новый тип узды — с большими кольчатыми окончаниями (Грязнов М.П., 1939, 1947, 1980) переднеазиатско-кавказского типа с не привязывающимися, а продеваемыми двухдырчатыми псалиями (Марсадолов Л.С., 1985, 1998). В позднемайэмирское и раннепазырыкское время рождаются новые, нежизнеспособные гибридные формы псалиев — с «У» и «Т»-образными центральными отростками, «слепым» третьим отверстием в центре, как попытки соединить принципиально разные варианты соединения удил с псалиями. Новое всегда порождает гибридные и переходные формы, нашедшие отражение, как в погребальном обряде, так и в других сторонах жизни — мировоззрении, ритуальном искусстве и т.п.

Понять изменения в материальной и духовной культуре Алтая на рубеже VII–VI вв. до н.э., (т. е. в какой-то степени понять причину перехода от майэмирской к пазырыкской культуре на Алтае), возможно, позволяет синхронизация событий на Алтае с данными письменных источников, сопоставление алтайских памятников с тумулусами Гордиона в Турции (Марсадолов Л.С., 1987, 1996, 1997), выявление инноваций в традиционной культуре.

История киммерийцев и скифов в Передней Азии подробно изложена в работах Геродота, И.М. Дьяконова (1956, 1981), Б.Б. Пиотровского (1959), М.И. Артамонова (1974), Л.А. Ельницкого (1977), А.Ю. Алексеева (1992), А.Ю. Алексеева, Н.К. Качаловой, С.Р. Тохтасьева (1993), И.Н. Медведской (1992), А.И. Иванчика (1996), Э.А. Грантовского (1998) и многих других авторов, на исследования которых основывается нижеследующая последовательность исторических событий VIII–VI вв. до н.э.

Во второй половине VIII — первой половине VII вв. до н.э. на территории Малой и Передней Азии сложилось несколько самостоятельных государств — Ассирия, Вавилония, Урарту, Фригия, Лидия, Сирия, Финикия, Палестина, Иудея, Элам, Мана, Мидия и др., постоянно воевавших между собой. Центральное положение занимала самая могущественная супердержава — Ассирия.

Наряду с постоянно проживавшими в этом регионе народами, с конца VIII до начала VII вв. до н.э. большую роль играли и сравнительно небольшие подвижные отряды евразийских кочевников вначале киммерийцев, а затем с 70-х годов VII в. до н.э. и скифов. Реальность существования киммерийцев и скифов как самостоятельных этнических групп подтверждается как ассирийскими письменными источниками (Иванчик А.И., 1996, с. 92), так и греческими (Геродот, IV, 11–12). Более того Геродот пишет о киммерийцах и скифах, как о народах воевавших между собой и вытеснявших друг друга.

Кочевники использовались древневосточными властями (а позднее и греками), как высококлассные и смелые воины-наемники, в качестве охраны правителей и правопорядка, как пограничные отряды, как союзники небольших держав и с другими целями. Но, главное, вероятно, бы-

ло в другом — киммерийцы и скифы придерживались личных целей — обогащения за счет более богатых восточных владык.

Жестокость Ассирии по отношению к покоренным народам, постоянные территориальные претензии и поборы, не могли не вызывать протеста среди подвластных и соседних с нею народностей. Свободолюбивые кочевники поддерживали и национально-освободительное движение малых народов Передней Азии, вероятно, в первую очередь близкородственных народностей горных регионов (типа современных военных конфликтов в Афганистане, Таджикистане, Боснии и Чечне). Киммерийцы поддерживали горные племена мушков в конце VIII в. до н.э., а скифы в 673–672 гг. до н.э. мидян, поднявших восстание против ассирийцев.

К середине VII в. до н.э. киммерийцы и скифы занимали в Малой Азии разные регионы, конфликтовали между собой. Киммерийцы, в основном, обитали в западных районах — на территории Фригии (совр. Турция), выступали против ее врагов — на востоке против Ассирии (679 г. до н.э.), а на западе против Лидии (начало VII в. до н.э., затем в 658–644 гг. до н.э.), откуда и были изгнаны лидийским царем Алиатом.

Скифы, базировавшиеся восточнее киммерийцев в районе озера Урмия (территория совр. Ирана), наиболее часто вступали в союзнические соглашения с другими переднеазиатскими державами Маной и Мидией, хотя иногда поддерживали и Ассирию.

Ассирийские правители старались не допустить создания коалиции независимых государств, направленных против ассирийского влияния. В начале VII в. до н.э. фригийское войско потерпело от киммерийцев, выступавших, по-видимому, совместно с урартами, сокрушительное поражение. Вероятно, после этих событий или немного ранее киммерийцы начинают играть активную роль в судьбе Фригийского государства. Не исключено, что обосновавшись на окраине города Гордиона, киммерийцы, как и фригийские правители, стали погребать своих вождей в больших курганах-тумулусах, используя при этом как фригийские и ассирийские предметы, так и привлекая фригийских мастеров-строителей для сооружения погребальных конструкций.

Конец VII в. до н.э. характеризуется становлением в Малой и Передней Азии новых супердержав — Мидии на востоке и Лидии на западе, вместо побежденной обширной Ассирии и ее колоний. Мидия и Лидия считали себя достаточно сильными для поддержания нового порядка и поэтому они постарались освободиться от мешающих им воинственных кочевых племен — киммерийцев и скифов, своих бывших союзников или врагов. Мидийцы выступили против скифов (пир Киаксара), а лидийцы против киммерийцев. В конце VII или начале VI вв. до н.э. (точная дата не известна) царь Лидии Алиатт «изгнал киммерийцев из Азии» (Геродот, I, 16). Слово «изгнал» не свидетельствует о том, что киммерийцы были полностью уничтожены. Скорее это значит, что они куда-то ушли из Передней Азии. Поэтому, вероятно, археологические материалы могут помочь в решении проблемы дальнейшей судьбы киммерийцев после их изгнания. Европейские археологи отмечают сокращение числа скифских археологических памятников в первой четверти VI в. до н.э. (Алексеев А.Ю., 1992, с. 92–93).

Это же самое время характеризуется на Алтае резким возрастанием числа новых объектов — не просто малых курганов, а больших курганов вождей и их приближенных (Туэкта-I, Башадар-II и др.). По своему конструктивному решению, объему трудозатрат большие алтайские курганы не имеют аналогов в предшествующее время на этой территории. Появление нового военизированного этноса способствовало формированию многоэтнической общности в VI–V вв. до н.э. в разных районах Алтая — пазырыкцев, каракобинцев, саглынцеv, кулажургинцев, бийцев (Суразаков А.С., 1988; Марсаdолов Л.С., 1996 и др.), даже потомков тасмолинцев (принявших местные и пазырыкские традиции — VI в. до н.э. — могильник Кызыл-Таш, к-ны № 1, 20–22 и др., см. Соёнов В.И., Эбель А.В., 1998; середина V в. до н.э. — могильник Сибирка, к-н № 1, см. Полосьмак Н.В., 1990) и др.

Конечно, реальная политическая, экономическая и идеологическая жизнь кочевых племен Алтая в I тыс. до н.э. была гораздо сложнее, чем это отражено в археологических памятниках. Вероятно, были далекие походы союзов кочевых племен в разные регионы Евразии в IX–III вв. до н.э., в которых принимали участие и представители племен Алтая. Поэтому проблемы правильной расстановки археологических объектов во времени, поиск связей между отдельными синхронными этническими группами и разными регионами, приобретают в настоящее время всё большую актуальность.

Л.С. Марсадолов, Г.И. Зайцева
(г. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж,
Институт истории материальной культуры РАН)

**СООТНОШЕНИЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАТИРОВОК ДЛЯ МАЛЫХ
И СРЕДНИХ КУРГАНОВ САЯНО-АЛТАЯ I ТЫС. ДО Н.Э.**

L.S. Marsadolov, G.I. Zaitseva
(*Sankt-Petersburg, The State Hermitage Museum,
The Institute of the History of Material Culture of Russian Academy of Science*)
**The correlation of radiocarbon and archaeological dates
for the little and middle barrows of Sayan-Altai (i millennium B.C.)**

1960–90-е годы в археологии Саяно-Алтая «скифского» времени характеризуются неизвестным ранее подъемом уровня полевых и камеральных исследований. В это время изучались малые курганы на Алтае археологами С.С. Сорокиным, А.И. Мартыновым, А.М. Кулемзиным, Д.Г. Савиновым, В.Д. Кубаревым, В.А. Могильниковым, А.С. Суразаковым, Л.С. Марсадоловым и др. Проведены широкомасштабные исследования в зоне затопления Катунской ГЭС (Ю.Ф. Кирюшиным, Ю.С. Худяковым, А.А. Тишкиным, В.Д. Кубаревым, М.Т. Абдулганеевым, Н.Ф. Степановой, Ю.Т. Мамадаковым, М.А. Дёминым, В.Б. Бородаевым, А.С. Суразаковым, В.А. Кочеевым, О.В. Лариным, С.В. Неверовым, и др.), раскапывались поселения (А.П. Погожевой, В.И. Молодиным, П.И. Шульгой), исследовались курганы на плато Укок в могильниках Ак-Алахи и Кутургунтаса (Н.В. Полосьмак), в Бертекской долине (В.И. Молодиным, Д.Г. Савиновым, В.П. Мыльниковым, Д.В. Черемисиным, И.Ю. Слюсаренко) и др. Обширные исследования велись в Восточном Казахстане (С.С. Черниковым, Ф.Х. Арслановой, З.С. Самашевым, Ю.И. Трифоновым, Я.А. Шером, Н.А. Боковенко, А.С. Ермолаевой, Ж.К. Курманкуловым, А.П. Франкфорт, Ю.П. Алехиным, М.А. Дёминым, Л.С. Марсадоловым, Г.С. Жумабековой, Ж.М. Жетибаевым, Г.К. Омаровым и др.). Большие по объёму работы на памятниках Тувы I тыс. до н.э. в это же время проведены археологами А.Д. Грачом, Л.Р. Кызласовым, С.И. Вайнштейном, М.Х. Маннай-оолом, М.П. Грязновым, И.У. Самбу, Д.Г. Савиновым, Ю.И. Трифоновым, А.М. Мандельштамом, Э.У. Стамбульником, А.В. Виноградовым, В.Т. Монгуш, Н.А. Боковенко, Л.С. Марсадоловым, В.А. Семёновым, М.Е. Килуновской, К.В. Чугуновым и другими археологами.

Не менее значимы и результаты в датировании археологических памятников. На древесных материалах «скифского» времени Алтая, в 1950–60-е годы под общим руководством С.И. Руденко, впервые в археологии России отрабатывались методики дендрохронологического (И.М. Замоторин) и радиоуглеродного (далее сокр. р/у) анализов (С.В. Бутомо), затем широко внедрённые в практику археологических исследований. В последние годы получены серии откалиброванных р/у дат для больших курганов Саяно-Алтая (Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Семенцов А.А., Лебедева Л.М., 1996; Марсадолов Л.С., 1997), ключевых скифских памятников Восточной Европы (Зайцева Г.И., Посснерт Й., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Семенцов А.А., 1997), курганов Тувы и Хакасии (Семенцов А.А., Зайцева Г.И., Герсдорф Й., Боковенко Н.А., Парцингер Г., Наглер А., Чугунов К.В., Лебедева Л.М., 1997), Сибири и Дальнего Востока (Орлова Л.А., 1995) и др.

Археологи обычно датируют вновь раскопанные курганы по аналогии с ранее исследованными памятниками довольно «широко» — в пределах двух столетий, иногда допуская еще дополнительные сдвиги в одно–два столетия. Об этом ярко свидетельствует история определения возраста даже сравнительно хорошо изученных курганов (Пазырык, Аржан и др.) в 1930–90-е годы. Комплексное применение археологического, радиоуглеродного и дендрохронологического методов в 1950–80-е годы позволило уточнить абсолютный возраст больших алтайских курганов VI–V вв. до н.э. вначале с точностью до 50 лет (Руденко С.И., 1960; Марсадолов Л.С., 1985, 1988), а затем нескольких лет (Марсадолов Л.С., 1996, 1997). К дендродатам больших курганов Саяно-Алтая — Пазырык, Туэкта-II, Аржан (определения И.М. Замоторина, Е.И. Захариевой и

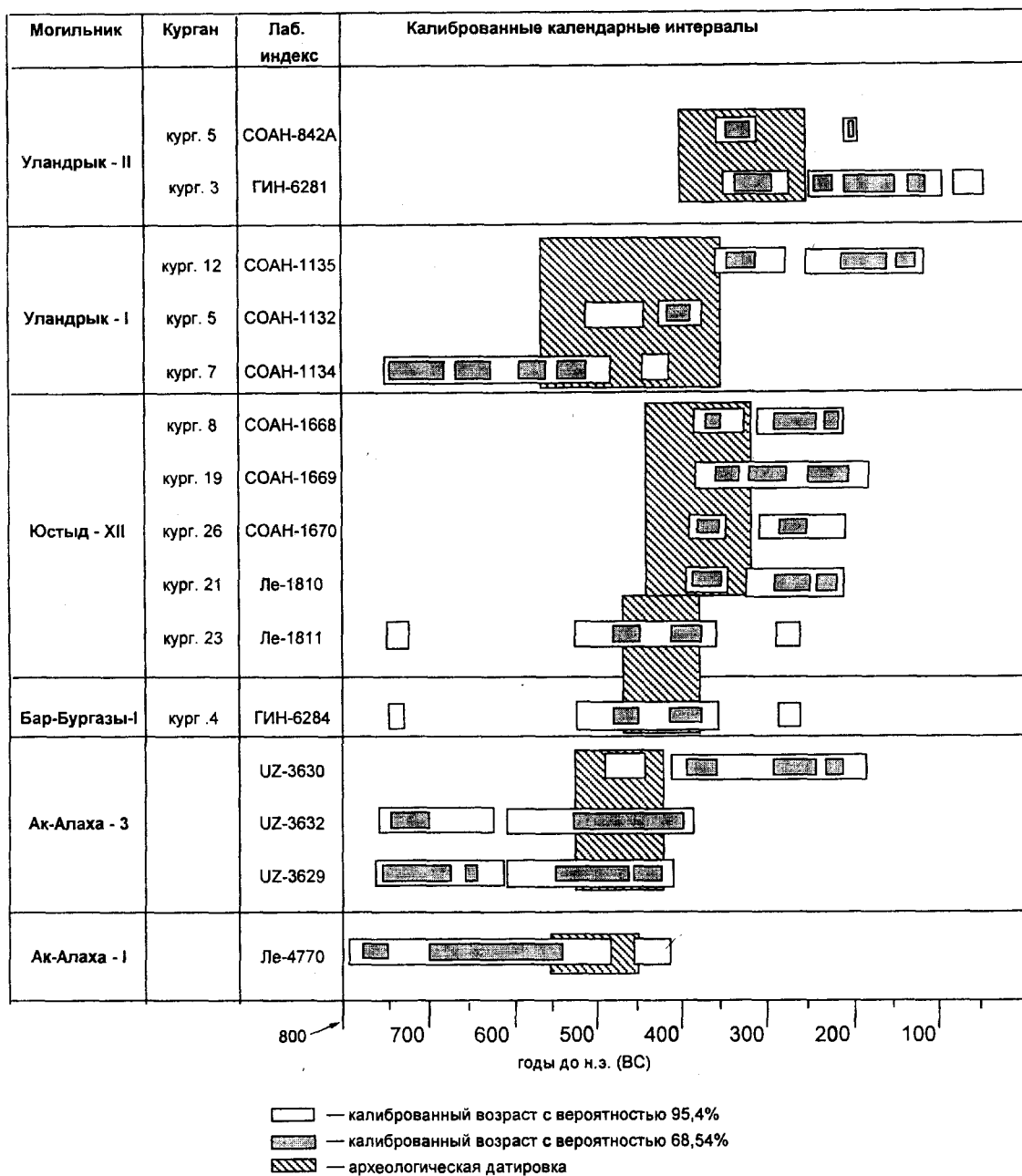

Рис.1. Интервалы калиброванного календарного возраста и предполагаемые археологические датировки для малых и средних курганов Алтая

Таблица 1

Радиоуглеродные даты для образцов дерева и костных останков
из средних и малых курганов Саяно-Алтая

№ п/п	Лабораторный №	Могильник Курган	Материал или кол-во годовых колец на ^{14}C (№ дендро- образца)	^{14}C дата (лет тому назад) (BP)	Интервалы калиброванного календарного возраста, (лет до н.э.) (cal. BC)	
					1 σ	2 σ
1	2	3	4	5	6	7
Малые курганы около поселка Аржан (раскопки Л.С.Марсадолова)						
1	Ле-4772	Аржан II, курган № 7	бревно сруба (средние го- дич. кольца)	2680 $\pm$ 50	896-878, 850-802	912-792
2	Ле-5143	Аржан IV, курган № 12	бревно сруба (средние го- дич. кольца)	2660 $\pm$ 50	892-884 844-794	906-778
3	Ле-4769	Аржан IV, курган № 12	бревно сруба (средние го- дич. кольца)	2610 $\pm$ 40	812-776	836-760, 674-664, 630-592, 580-554
4	Ле-4773	Аржан IV, курган № 12	угли (грабитель- ский ход)	2210 $\pm$ 50	362 -282 256 -196	388- 156 140 -120
Каменная выкладка около кургана Улуг-Хорум, в 6-ти км к западу от поселка Саглы (раскопки Л.С.Марсадолова)						
5	Ле-4917	Саглы	кости коня	2890 $\pm$ 60	1160-1147 1128-986 960- 938	1258- 1236 1216- 910
Средние курганы плато Укок (раскопки Н.В.Полосьмак)						
6	Ле-4770	Ак-Алаха-1	30 внешних годич.колец	2510 $\pm$ 50	780 - 752 700 - 530	796- 482 448-416
7	UZ-3629	Ак-Алаха-3	1 г. к. (44064)	2460 $\pm$ 60	760- 678 658- 634 552- 468 462- 412	766 612 610-406
8	UZ-3632	Ак-Алаха-3	10 г. к. (44064)	2405 $\pm$ 60	752 - 700 530-396	764-622 604-386
9	UZ-3630	Ак-Алаха-3	11 г. к. (44063)	2290 $\pm$ 60	398-354 296-240 238-208	486-446 416-182
10	UZ-3631	Кутургун- тас	8 г. к. (44056)	3555 $\pm$ 65	2004-1692 гг. до н.э. (явная ошибка)	

Малые курганы Юго-Восточного Алтая (раскопки В.Д.Кубарева)						
11	СОАН - 1132	Уландрык I курган № 5	перекрытие мог. ямы	2360± 30	412-386	510-442 420-378
12	СОАН-1134	Уландрык I курган № 7	бревна сруба (поперечина венца)	2475± 30	762- 670 668- 628 596- 576 558- 518	766- 480 450- 414
13	СОАН-1135	Уландрык I курган № 12	плаха перекрытия	2170± 30	352-310 206-160 134-124	360-286 254-110
14	ГИН 6281	Уландрык II курган № 3	кости человека	2170± 40	354-294 242-234 208-156 142-118	364-278 262-94 84-66
15	СОАН-842А	Уландрык II курган № 5	перекрытие сруба	2190± 10	342-324 201-196	349-316 204-193
16	СОАН-1131	Уландрык II курган № 5	кости ног коня	1630± 40	398-452 н.э. 478-506 520-532	340-364 н.э. 374-542
17	СОАН-1284	Уландрык II курган № 11	бревно от сруба (кенотаф-?)	1980± 30	10-68 н.э.	38 до н.э.- 82 н.э.; 108-110 н.э.
18	СОАН-842	Уландрык II - ?	неизвестно	2100± 25	156 - 140 128-56	176- 46
19	СОАН-1667	Юстыд XII курган № 7	обломок доски настила на дне ямы	1990± 25	6 -62 н.э.	34-12; 10 до н.э. - 72 н.э.
20	СОАН-1668	Юстыд XII курган № 8	доска настила	2245± 25	372-356 294-242 234-208	382-344 320-202
21	СОАН-1669	Юстыд XII курган № 19	плаха стенки сруба	2215± 40	360-336 330-284 254-200	380-182
22	СОАН-1670	Юстыд XII курган № 26	бревно сруба	2270± 25	380-358 286-254	392-354 304-206
23	Ле-1810	Юстыд XII курган № 21	бревно сруба	2270± 40	390-356 292-246 230-208	396-342 324-202
24	Ле-1811	Юстыд XII курган № 23	бревно сруба	2350± 40	480-452 414-374	750-734 526-360 284-256
25	ГИН 6284	Бар-Бургазы I курган № 4	кости человека	2350± 40	480-452 414-374	750-734 526-360 284-256

Малый курган из Центрального Алтая (раскопки В.Д.Кубарева)						
26	ГИН	Каракол курган № 1	костные остатки ?	2400±50	750-732 528-396	762-670 666-628 594-576 558-386
Малые курганы у пос. Майэмир (раскопки З.С.Самашева и др.)						
27	ГИН 9117	Майемер II курган № 3	кости коня	2790± 160	1200-1190 1170-1140 1130-800	1400-750 710-530
28	ГИН 9115	Майемер II группа 2 курган № 2	кости человека	2200± 40	358-286 252-222 214-192	378-160 134-126
29	ГИН 9116	Майемер II разборка погребения	кости человека	2230± 100	390-160	520 до н.э.- 0 н.э.

Пояснения к таблице 1

Лабораторные шифры и авторы радиоуглеродных определений:

Ле - г. Санкт-Петербург, ИИМК РАН (Г.И.Зайцева, Л.М.Лебедева, А.А.Семенцов, С.Г.Попов и Ю.С.Свеженцев)

ГИН - г. Москва, Геологический институт (Л.Д.Сулержицкий)

СОАН - г. Новосибирск, Сибирское отделение АН, Объединенный институт геологии, геофизики и минералогии (Л.В.Фирсов, В.А.Панычев, Л.А.Орлова)

UZ - г. Цюрих, Швейцария, университет (М.Зейферт) .

Калибровка радиоуглеродных дат произведена с использованием компьютерной программы CAL 20 (van der Plicht J., 1993).

Отбор образцов дерева и кости для радиоуглеродных определений

в большинстве случаев производился авторами раскопок

(указаны в подзаголовках)

Л.С. Марсадолова) добавились новые «плавающие» дендрошкалы М. Зейферта для средних курганов из Ак-Алахи I и III и Кутургунтаса, раскопанных Н.В. Полосьмак, а также малых курганов Верх-Кальджина, раскопанных В.И. Молодиным и курганов Чуйской степи, раскопанных В.Д. Кубаревым (определения И.Ю. Слюсаренко и М. Зейферта). Получены p/u даты для курганов Уландрыка, Юстыда, Ак-Алахи и Кутургунтаса (определения Л.В. Фирсова, Л.А. Орловой, Г.И. Зайцевой, Л.С. Марсадолова, С.Г. Попова, М. Зейферта).

Вначале независимые p/u и дендрохронологические исследования в последнее время слились в единое целое, дополняя и корректируя друг друга. В дендрохронологии все шире внедряются многолетние шкалы, которые в Северной Америке и Западной Европе имеют протяженность до 10000 лет и более. Они послужили основой для перевода p/u возраста в календарную временную шкалу. Дело в том, что p/u возраст измеряется через определение концентрации радиоуглерода в атмосфере прошлого, которая не является постоянной во времени. Учеными многих стран мира была проведена большая работа по корреляции дендро и p/u шкал, т.е. соотношению календарного и p/u возраста. Основным итогом этих работ является вывод, что как и другим природным явлениям, уровню концентрации углерода в атмосфере присущи ритмы разной продолжительности и мощности (Ловелиус Н.В., Васильев С.С., Дергачев В.А., Захариева Е.И., Марсадолов Л.С., 1996). Колебания концентрации радиоуглерода связаны с нестабильностью природных процессов в прошлом, обусловленных многими причинами, в том числе, например, интенсивностью космических лучей, солнечной активностью, напряженностью магнитного поля Земли и др. Как и в других природных явлениях, здесь выделяются ритмы различной амплитуды и продолжительности. Все это приводит к тому, что зависимость между p/u и календарным возрастом не однозначна.

Для перевода p/u возраста в календарный широко используются калибровочные кривые, построенные на измерениях концентрации радиоуглерода в образцах из 10–20 годовичных колец известного дендровозраста (Stuiver M., Becker B., 1993, Stuiver M., Pearson G., 1993). Для более доступного использования этих кривых созданы компьютерные программы (van der Plicht J., 1993). Калибровочные кривые широко применяются в мировой практике для хронологических исследований, для реконструкций природной среды, позволяют по новому оценить абсолютный возраст не только новых, но и старых p/u дат памятников.

Следует отметить, что характер взаимосвязи между p/u и календарным возрастом неоднозначен для различных периодов. Временной интервал, на который приходится становление и развитие культур «скифского» периода (IX–IV вв. до н.э.), характеризуется значительными изменениями природной среды, выраженными в больших колебаниях концентрации радиоуглерода. Это, в свою очередь, вызывает и некоторую неопределенность между p/u и календарным возрастом, когда узкому значению p/u возраста соответствует возможный довольно широкий диапазон календарного. Но совершенствуются методы высокоточного p/u датирования образцов по 1 годовичному кольцу и математический анализ полученных данных. Кроме того, калибровочные кривые и p/u даты, основанные на измерениях, имеют статистические ошибки, что тоже влияет на однозначную интерпретацию. Серия откалиброванных p/u дат с 95% вероятностью (2 сигмы) расширяет возможные интервалы абсолютного возраста изучаемых археологических памятников. Для уточнения календарного интервала в данном случае необходимо привлечение археологических методов и подходов, комплексный подход к анализу p/u определений.

Прогресс как в области дендрохронологии, так и p/u датирования, проявившийся в 1980–90-е годы, связанный как с усовершенствованием методики и техники датирования, так и с использованием калибровочных кривых, привел к необходимости корректировки ранее сделанных хронологических заключений для памятников Саяно-Алтая (Марсадолов Л.С., 1996, 1997). В настоящее время в p/u датировании памятников «скифского» времени Саяно-Алтая принимают активное участие как отечественные, так и зарубежные p/u лаборатории. Для малых курганов Саяно-Алтая получена серия p/u дат лабораториями Геологического института РАН (ГИН), Сибирского отделения РАН (СОАН) и Института истории материальной культуры РАН (Ле). Было отмечено, что при радиоуглеродном датировании «для голоценовых комплексов...погрешность даже в полвека может быть некорректной», поэтому для привязки к абсолютной дате образцы из Ак-Алахи-III и Кутургунтаса были переданы в «высокорейтинговую» лабораторию г. Цюриха (Швейцария — UZ, табл. 1, см. Молодин В.И., 1998, с. 224).

Кратко проанализируем р/у и археологические даты для малых и средних курганов Саяно-Алтая, «рассеянные» по разным изданиям (иногда трудно доступным в наши дни) и частично публикуемые впервые (табл. 1, №№ 1–5 и др.). Для калибровки р/у дат использована компьютерная программа CAL 20 (van der Plicht J, 1993). Многие ранее полученные датировки не были откалиброваны по единой программе, поэтому их калиброванные интервалы приведены в табл. 1 и на рис. 1. Следует еще раз подчеркнуть, что по С-14 датируются образцы органического материала, а не сами курганы или предметы, даты которых могут быть моложе или древнее.

Каменная выкладка в Саглы (1989 г.). Взятые на р/у анализ кости коня указывают на XI–IX вв. до н.э. Не исключено, что эта выкладка была сооружена в монгун-тайгинский период, так как недалеко находятся курганы этого времени. Конструкция этой выкладки (с ритуальным захоронением части коня) отличается от кольцевидных выкладок севернее расположенного кургана-храма Улуг-Хорум (VIII–VII вв. до н.э., раскопанного А.Д. Грачом в 1968 г.).

Малые курганы около поселка Аржан. Дерево в этих курганах сохранилось плохо, т.к. они были ограблены в древности, поэтому на р/у датирование взяты образцы не последних годовичных колец, а из средней части бревен. Р/у определения отражают период роста дерева, а не дату сооружения курганов. Угли из грабительского хода свидетельствуют, что, вероятно, курган № 12 был потревожен в хуннский период (II–I вв. до н.э.), хотя сами курганы по археологическим данным были сооружены в VI–V вв. до н.э. (Марсадилов Л.С., 1991, 1998).

Могильники Ак-Алахи. Р/у дата Ак-Алахи-I ранее дат для Ак-Алахи-III, что подтверждается как калиброванными р/у интервалами, так и дендрохронологическими определениями — между ними всего 35 лет (Polos'mak N.V., Seifert M., 1996; Слюсаренко И.Ю., 1997). Комплексная археолого-радиоуглеродно-дендро дата для этих курганов 510–470 гг. до н.э. (Марсадилов Л.С., 1996, с. 56; Марсадилов Л.С., Зайцева Г.И., Попов С.Г., 1998).

Полученная р/у дата для кургана Кутургунтас не соответствует времени сооружения этого кургана, т.к. в пределах даже некалиброванного р/у возраста она указывает на XVII–XV вв. до н.э. (табл. 1; Polos'mak N.V., Seifert M., 1996, p. 108; см. Молодин В.И., 1998, с. 224), хотя этот курган по данным Н.В. Полосьмак (1994, с. 90) датируется «началом IV в. до н.э.». По дендрохронологическим определениям М. Зейферта и И.Ю. Слюсаренко (1997, с. 279) курган Кутургунтас сооружен ранее Ак-Алахи-I всего на 2 года и на 37 лет ранее Ак-Алахи-III. По археологическим аналогиям (с учетом данных дендрохронологии) наиболее вероятная дата кургана Кутургунтас — конец VI — начало V в. до н.э. (Марсадилов Л.С., 1996, с. 56).

Могильник Юстыд-XII. Р/у даты позволяют предварительно наметить относительную последовательность курганов. Вероятно, курганы №№ 23, 21, сооружены ранее курганов №№ 19 и 8. К близким выводам ранее пришёл В.Д. Кубарев (1991), датировавший эти курганы IV в. до н.э. Новая комплексная дата для вышеотмеченных курганов — 450–340 гг. до н.э. Следует отметить, что в могильнике есть и более ранние объекты (для которых нет р/у дат), например, курган № 25.

Бар-Бургазы-I. Образец из кургана № 4 из этого могильника близок по р/у датам к образцам из к-на № 23 могильника Юстыд-XII и к-на № 7 Уландрыка-I.

Могильники Уландрык-I и II. В целом могильник Уландрык-I, вероятно, датируется более ранним временем чем Уландрык-II.

В связи с раскопками курганов хуннского времени во многих могильниках Алтая в настоящее время нет необходимости «растягивать» датировки отдельных курганов Уландрыка до III–I вв. до н.э. (Кубарев В.Д., 1987, с. 132). Например, курган № 12 Уландрыка-I и могильник Уландрык-IV В.Д. Кубарев (1987, с. 132) датировал III в. до н.э. Наиболее вероятная дата для трех курганов Уландрыка-IV — 1-я пол. V в. до н.э. (немного ранее Пазырыка-2). По археологическим аналогиям курган № 12 Уландрыка-I, возможно, датируется VI в. до н.э. (что подтверждается и данными дендрохронологии — см. Слюсаренко И.Ю., 1997, с. 279), хотя р/у дата для этого кургана указывает на более поздний возраст.

Труднообъяснимо расхождение более чем на 500 лет между двумя р/у датами образцов дерева и кости для кургана № 5 Уландрыка-II. Для полученной в 1970-е годы поздней р/у даты Уландрыка (СОАН-842) неизвестно местонахождение образца в кургане-? (см. Орлова Л.А., 1995, с. 208). Остается неясным вопрос — является ли «кенотафом» курган № 11 Уландрыка-II (Кубарев В.Д., 1987, с. 30) или, судя по р/у дате, этот курган был разграблен в хуннское время?

В насыпи отмечены кости, а в заполнении ямы «часто встречались обломки дерева и крупные угли с золой» (Кубарев В.Д., 1987, с. 175). Случаи ограбления в хуннское время известны по материалам кургана № 2 в Узунтале-I (Савинов Д.Г., 1978, с. 53–54) на Алтае, а также в Туве — курган № 12 в Аржане-IV (см. табл. 1) и в других памятниках.

Могильник Каракол. Р/у дата из кургана № 1, по мнению автора раскопок, относится к 570 г. до н.э. и подтверждает археологическую дату — VI в. до н.э. (Кубарев В.Д., 1998, с. 75–77). Но р/у дата без калибровки и с калибровкой указывает на более «широкие» интервалы. Наиболее вероятная дата по археологическим и р/у определениям — 650–550-е годы до н.э. или, возможно, 590–570-е годы до н.э., что связано с приходом нового этноса на Алтай (Марсадилов Л.С., 1996 и др.).

Могильное поле у пос. Майемер (ранее Майэмир) На обширной площади раскопаны разновременные объекты (табл. 1). Наиболее ранним является курган № 3 в Майемере II, относящийся по археологическим данным к VIII–VII вв. до н.э. (Самашев З., Жумабекова Г., Ермолаева А., Омаров Г., 1998), а другие объекты датируются более поздним временем (Марсадилов Л.С., Самашев З.С., Шер Я.А., Ермолаева А.С., Курманкулов Ж.К., Жетибаев Ж.М., 1998).

В заключение отметим, что расширение и пополнение банка радиоуглеродных дат является одной из важнейших задач при уточнении абсолютной хронологии археологических памятников Саяно-Алтая.

А.И. Мартынов

(г. Кемерово, Кемеровский государственный университет)

ПЕРВИЧНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И СКИФО-СИБИРСКИЙ МИР (СИСТЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ)

A. Martynov

(Kemerovo, Kemerovo State University)

The primary civilizations and scytho-Siberian world (the system of the interrelations)

В отечественной историографии взаимоотношения обществ Древнего мира и степной Евразии не рассматривались как система отношений двух исторических систем, двух параллельно развивающихся миров (Мартынов А.И., 1989, с. 148–157).

Рассматриваются, как правило, отдельные события, как, например, переднеазиатские походы скифов, походы Персов в эпоху Кира и Дария I, восточный поход греко-македонской армии. Такой односторонний подход имеет определенные причины. Думается, основная среди них состоит в том, что общества Древнего мира — явление историческое, а степная Евразия, первого тысячелетия до н.э., как явление, исключительно, археологическое. Надо признать, что роль степной Евразии в мировой истории естественно принижалась, а сами эти общества, несмотря на накопленный колоссальный материал, в основном археологический, не рассматривались как противостоящая древним обществам зона исторического развития. Очевидно, это произошло потому, что скифо-сибирский мир не воспринимался как активное историческое образование, как историческое единство, как цивилизация охватывающая степное евразийское пространство от Придунавья на западе до Центральной Азии и Ордоса на востоке.

Рассматривая эту проблему как взаимоотношения двух миров, фактически двух цивилизаций, мы должны обратить внимание, прежде всего на наличие прямых контактных зон: на западе скифы и греки, в центральной части этой территории — саки и персы, а позднее эллинистические общества, на востоке — общества скифской эпохи Центральной Азии и Китая.

Можно выделить несколько периодов взаимоотношений этих двух миров Евразии. Первый период, на наш взгляд, охватывает первую половину I тыс. до н.э., точнее, время до конца VI в. до н.э. — до сложения скифо-сибирского исторического единства. Второй период — рубеж VI–V вв. до н.э. и до начала II в. до н.э. Третий период охватывает последние два века

I тыс. до н.э. и первые века н.э., характеризуется усилением роли кочевнических обществ гунно-сарматской эпохи, их активным влиянием на события евразийской истории (Мартынов А.И., 1989, с. 149).

Первый период отмечен событиями, прямо не связанными друг с другом. Это походы сначала киммерийцев, потом скифов в Переднюю Азию; начало греческой колонизации Причерноморья и включение Персии в сферу своего влияния части районов Средней Азии (Артамонов М.И., 1974). В степной евразийской зоне в это время шло сложение культурно-исторического единства (Грязнов М.П., 1983).

В результате, к VII в. до н.э. сложились два параллельно существовавших на территории Евразии мира, которые находились в постоянных контактах. К семидесятым годам VII в. относится упоминание в ассирийских источниках сначала о киммерийцах, потом о скифах, которые, обосновавшись где-то в Мильской степи, в союзе с маннейцами и мидянами выступают против Ассирии. Не без участия скифов часть Мидии освободилась от власти Ассирии, и было основано независимое Мидийское царство (Артамонов М.И., 1974, с. 2).

В последней четверти VII в. скифы вновь появляются на исторической арене. Тогда руководящая роль в политической истории Древнего Востока определенно переходит от Ассирии к Вавилону. В 627 г. до н.э. произошло восстание в Вавилоне, который находился в подчинении Ассирии. С событий войны мидян и Ассирии начинается отмеченный Геродотом 28-летний период господства скифов в Азии, когда они, словно ураган прошли через Месопотамию, Сирию, Палестину и достигли границ Египта. Новое обострение борьбы между противниками, в которой участвуют скифы, относится к концу VII в. до н.э. В 614–613 гг. до н.э. мидяне и скифы двинулись на Ассирию, осадили Ниневию и штурмом овладели Ассирийской столицей.

В 609–607 гг. до н.э. скифы участвуют в военных действиях в Ванском государстве. Между 605–600 гг. до н.э. скифы вместе с вавилонянами упоминаются в Палестине, а потом в Египте. Упомянутое Геродотом 28-летнее господство скифов в Азии соответствует времени между падением Ниневии в 612 г. до н.э. и заключением мира между Мидией и Лидией в 585 г. до н.э. Таким образом, в период образования государства в степном Причерноморье скифы в Передней Азии были силой, которая имела определенное военное и политическое положение.

После этого начинается период относительно спокойных и устойчивых экономических и политических отношений с греческими полисами Северного Причерноморья, которые достаточно широко освещены в исторической литературе.

Другая устойчивая линия взаимоотношений — это скифо-сибирский мир и Персидская держава. К середине VI в. до н.э. персы сокрушили владычество мидян и основали огромную мировую державу. В 539 г. до н.э. была захвачена Вавилония, а потом Сирия, Палестина и Финикия подчинились персам. Однако основной зоной исторических контактов складывающегося скифо-сибирского мира и Персии в этот период были районы Средней Азии с их традиционно сложившимися двумя направлениями развития хозяйства: оседлого орошаемого земледелия и горного яллагного скотоводства.

В царствования Кира II (558–530 гг. до н.э.) относится начало покорения Средней Азии персами. Первой пала Бактрия, потом Кир вел войну с саками и взял в плен царя Аморга, который возглавлял племенной союз амюргиев, или саков хаумаварта. Кир не смог подчинить саков и, по сведениям Геродота, сам погиб в Средней Азии в 530 г. до н.э. В дальнейшем, при Дарии I (522–486 гг.) значительная часть Средней Азии уже входила в сферу влияния Ахеменидской державы, что закреплено в надписях на дворцах Дария в Персеполе и Экбатане.

Третьей зоной исторических взаимовлияний степного мира и древних цивилизаций были восточные территории: Китай и горнодолинные районы Центральной Азии. Восточным пределом этих контактов был Ордос первой половины I тыс. до н.э. контакты отмечены, в основном, распространением археологических материалов, которые дают некоторое историко-картографическое представление о границах двух миров.

Памятники скифской эпохи уходят далеко на юг, охватывая огромную территорию, включая степную часть Маньчжурии, всю Внутреннюю, Восточную и Центральную Монголию, Синьцзянь.

В первой половине первого тыс. до н.э. развитие двух миров шло почти безболезненно вширь как с одной, так и с другой стороны. В результате две зоны исторического развития приходят в непосредственное соприкосновение на огромном протяжении.

С рубежа VI–V вв. до н.э. складывается качественно новая ситуация. Она характеризуется тем, что сложился скифо-сибирский мир как определенное культурно-историческое единство, как степная скотоводческая цивилизация со своим набором исторических ценностей. Качественно иной стала обстановка и в мире первичных цивилизаций. К тому же эти две цивилизации стали соприкасаться на значительной территории Европы и Азии.

В контактных зонах сложились разные отношения. Устойчивыми, экономически и политически сбалансированными они были между эллинским и скифским мирами в Причерноморье. По-другому складывались отношения с Персией. К концу VI в. до н.э. границы Персидской империи при Дарии простирались от Фракии на западе до Северной Индии на востоке. Контакты двух миров были значительными: Причерноморье, Прикаспий, Аральское море и далее на восток. При такой исторической ситуации у Персидской империи были только две противостоящие ей силы: союз греческих полисов и скифо-сибирский мир Евразии.

С V в. до н.э. меняется система отношений этих двух миров. Если в предшествующий период кочевники использовались разными политическими силами в своих интересах (Вавилон, Лидия, Персия и др.), то теперь, со сложением скифо-сибирского мира возникает реальная опасность со стороны этого мира. Именно этим продиктованы походы персов и их стремление ослабить, отгеснить, подчинить скотоводов евразийских степей.

В Бехистунской надписи говорится о политически важном походе Дария в 519 г. до н.э. на саков с острыми шапками (вероятно на саков-тарадарайя). Как важное политическое событие в борьбе трех основных мировых сил была война Дария I со скифами в 514–513 гг. до н.э. Однако поход нельзя рассматривать в отрыве от всей евразийской ситуации того времени. Территория Средней Азии была уже подчинена Персией, т.е. юго-восточная часть скифо-сибирского мира входила в сферу влияния персов, самостоятельной оставалась его западная часть. Очевидно, этим и диктовалась необходимость похода. Началась принципиально важная в истории борьба двух миров: наследника древневосточной цивилизации и греческих полисов классического рабовладения.

С севера лежал третий мир — скифо-сибирский, которому суждено было вступить в политическую борьбу позже, во время Восточного похода Александра Македонского. Восточный поход греко-македонской армии был фактически продолжением тех отношений, которые были основными в V–IV вв. до н.э. Еще в 335 г. до н.э. Александр Македонский совершил поход на север: его армия дошла до Дуная, проникла в Скифию. Этому походу предшествовал в 339 г. до н.э. поход Филиппа II Македонского на север. В борьбе погиб скифский царь Атей. Вслед за этими событиями в 331 г. до н.э. Запирион, наместник Александра Македонского во Фракии, вторгся в западные владения Скифии, осадил Ольвию, но войско его потерпело поражение. Все это свидетельствует о том, что и персы, и греко-македонцы ранней поры эллинистической эпохи неизменно стремились расширить свои владения за счет частей скифо-сибирского мира (Доманский А. В., 1985, с. 239).

На востоке напряженные события развернулись уже после 330 г. до н.э., когда Македонская армия заняла Парфию, Арию и Араходию (Афганистан) и оттуда в 329 г. до н.э. двинулась на север, в области Окса и Яксарта (Амударья и Сырдарья).

В то же время складываются новые исторические отношения между земледельческим Китаем и кочевниками. Здесь выделяется период V–III вв. до н.э. В Китае, с распространением железа, начиная с эпохи борющихся царств и в период Цинь-Хань, определенный экономический интерес стали представлять степные земли как объект земледелия. Поэтому северные земли, заселенные скотоводами, входящими в ареал скифо-сибирского мира приобретают определенную хозяйственную ценность.

В это время складываются отношения между китайскими княжествами и скотоводческим миром, как отношения двух различных экономик и культур. По своей сути и характеру эти отношения были похожи на те, которые сложились между миром Древнего Востока, киммерийцами и скифами в раннюю пору истории, а позже — между персами, греко-македонцами и скифами. Один из приближенных Цинь Шихуана отговаривал его воевать с кочевниками: «Они кочуют с места на место, поднимаясь словно птицы, а поэтому их трудно прибрать к рукам и

управлять ими... Приобретение принадлежащих им земель не принесет нам пользы, а присоединение народа не создаст возможности подчинить его и удержать под контролем» (Таскин В.С., 1968, с. 112).

С конца III в. до н.э. наступает новый этап в отношениях скифо-сибирского мира с древними цивилизациями, он характеризуется усилением подвижности населения внутри степного мира, сложением иной военной системы, новой политической ситуации, в которой основными силами становятся не скифы, саки и другие народы скифо-сибирского мира, а хунны (сюнну) и сарматы (Крюков М.В., Переломов Л.С., 1983, с. 111; Смирнов К.Ф., 1983).

Борьба обостряется после 209 г. до н.э., когда Маодунь, приняв титул шаньюя, объединил хунну, консолидировал власть. Известно, что в 193 г. до н.э. Маодунь с 300-тысячной армией вторгся и подчинил северные районы Китая. Неудачно окончился для китайцев поход против хунну в 129 г. до н.э. Войны с хунну продолжались почти все годы правления императора У-ди.

Особым событием истории стал Великий шелковый путь, главная трасса, которого шла на запад вдоль коридора Ганьсу, пересекая бассейн Тарима и горы Памира, проходила через Туркестан, затем через территорию современного Ирака, Ирана, Сирии к Средиземному морю. Во II–I вв. до н.э. шелковый путь связывал общества первичных цивилизаций и евразийских скотоводов.

На рубеже и в первые века нашей эры опять наблюдается активизация скотоводческих народов. На западе реально в это время были две коалиции: римляне, которых поддерживали даки, бастарны, и противостоящие им сарматы, роксоланы и скифы. В 69 г. роксоланские катафрактарии вторглись на Балканы. В конце I — нач. II вв. наблюдаются волны сарматского нашествия в Придунавье. Обостряются в это время отношения степняков с причерноморскими городами. Однако, это особая тема исследования. В данном случае только по Ольвии отмечается в декрете в честь Протогена одновременная угроза городу со стороны галатов, скифов, саев сарматской принадлежности. (Смирнов К.Ф., 1983). Не менее тревожными были отношения в других пограничных районах.

Н.П. Матвеева

(г. Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН)

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИОБЬЯ

N.P. Matveyeva

(Tyumen, Institute of northern development, Russian Academy of science, SD RA)

Social evolution of ancient population of near Ob region

Вопросы социального развития этнической принадлежности западносибирского лесостепного населения раннего железного века неоднократно ставились в литературе. При этом разброс мнений чрезвычайно велик: от признания социальной стратификации, не зашедшей далее отношений военной демократии (Алёхин Ю.А., 1989; Матющенко В.И., 1991; Могильников В.А., 1997; Полосьмак Н.В., 1987; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994), до зарождения государственных образований (Корякова Л.Н., 1988; Мартынов А.И., 1986; 1987). В большинстве своем исследователи, отмечая либо стадийное сходство основных явлений культуры, либо конкретную обусловленность социально-экономических явлений в западносибирской лесостепи влиянием кочевников Казахстана, указывали на сходный с ними (Могильников В.А., 1980; Матвеева Н.П., 1993; 1994) или более низкий уровень социального развития (Корякова Л.Н., 1988; Чернецов В.Н., 1953). Дискуссионны вопросы сочетания хозяйственно-культурных типов их динамики (Абдулганеев М.Т., 1996; Могильников В.А., 1997; Сидоров Е.А., 1988; 1989; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994). Зато исследователи почти единодушны в перенесении на каменскую культуру традиционной для сарматоведения интерпрета-

ции выполнения жреческих функций женщинами (Могильников В.А., 1997; Ширин Ю.В., 1997; Шульга П.И., 1997); а также в определении уровня и роли военного дела в социальной жизни лесостепных народов как адекватных сарматскому на западе и сакскому на востоке (Иванов Г.Е., 1987; 1995; Могильников В.А., 1997). Этническая интерпретация каменской культуры представлена тремя точками зрения: как ираноязычной общности (Молодин В.И., 1995), состоящей из иранского суперстрата и самодийского субстрата (Могильников В.А., 1986; 1997), многокомпонентной вследствие разнообразия расового состава и наличия локальных вариантов (Полосьмак Н.В., 1987).

Учитывая дискуссионность основных проблем социогенеза, мы предприняли исследование материалов Приобья, обобщив данные почти 70 поселений и 60 некрополей и введя в базу данных 1229 погребений из 29 могильников, используя все опубликованные и большую часть архивных материалов (благодарю исследователей, предоставивших в мое распоряжение неопубликованные материалы могильников: С.Ю. Лузина, Ю.Ф. Кирюшина, В.И. Матющенко, В.А. Могильникова, А.Н. Телегина, В.С. Удодова, А.П. Уманского, А.Б. Шамшина) Каменская культура понимается нами в трактовке В.А. Могильникова и алтайских археологов (Абдуганеев М.Т., 1995; Уманский А.П., 1986), но с делением на бийский и березовский этапы по периодизации, предложенной М.П. Грязновым (1956), так как новые варианты пока недостаточно аргументированы. Критериями отбора для базы данных служили наличие половозрастных и палеозоологических определений (использованы палеоантропологические определения А.Н. Багашева, В.А. Дремова, А.Р. Кима, М.П. Рыкун, С.С. Тур, палеозоологические — А.В. Гальченко), степень сохранности могильных ям и инвентаря.

Для системы расселения реконструируется прочное освоение микрорайонов в приустьевых участках малых рек и озерных систем. Поселения первоначально существовали в течение нескольких десятилетий, далее переносились на несколько километров в сходные экологические условия. Позднее образ жизни стал более подвижным, поселения — сезонными, могильники — с малыми по числу насыпей. Население вело комплексное производящее хозяйство с некоторой долей присваивающих отраслей. Отмечена специализация отдельных районов: в долине Оби она состояла в большем развитии земледелия, в придомном скотоводстве с высокой долей крупного рогатого скота, гончарстве, медеобработке, ткачестве; в предгорных районах и западном Алтае — добыче руд и цветной металлургии, полукочевом скотоводстве, в Кулунде — кочевом скотоводстве и производстве связанных с ним ремесленных изделий. Поэтому натуральное хозяйство в пределах отдельных общин дополнялось регулярными внутрикультурными связями. Потребности элитарного сословия диктовали необходимость получения предметов вооружения передовых форм, модных украшений и предметов престижного потребления. Обмен товарами велся прежде всего с саками Восточного Казахстана, пазырыкцами Центрального Алтая, тагарцами Присалаирья, но высокого развития он не достиг, в силу общего упадка культуры к рубежу эр.

Для бийского периода в Новосибирском и Барнаульском Приобье реконструируется хозяйственный комплекс оседлых скотоводов и земледельцев, для березовского — полукочевых скотоводов, в Кулунде — кочевых и полукочевых скотоводов, со специализацией на овцеводстве и коневодстве. Интенсификация скотоводства и упадок земледелия, вероятно, произошли в связи с изменениями климата, а также под военно-политическим давлением саков и саргатов. Отсутствие городищ, плановости в распределении поселений на местности, активной торговли в регионе указывают либо на более низкий, чем у западного населения, уровень социально-экономического развития, либо на подчинение носителей каменской культуры другому социальному образованию, контролировавшему военную сферу и изымавшему излишки продуктов.

При проведении локального и хронологического анализа некрополей получены новые доказательства в пользу выделения новосибирского, барнаульского и кулундинского вариантов каменской культуры. Содержанием различий можно считать специфику этнокультурного состава населения этих районов. Статистически значимые признаки погребальных памятников не показывают значительного возрастания общественного богатства в инвентаре и масштабах курганного строительства со временем. Наоборот, в преобладающей многомогильности отразилось стремление к сокращению затрат на похоронные обряды и монументальное зодчество. Хронологическая недетерминированность основных признаков категорий ритуала, инвентаря и пред-

метов роскоши может служить основанием для гипотезы о стабильности, если не реальной, то сакрально-мифологической структуры общества. Некоторые тенденции к возрастанию доли погребений с сосудами, ножами, пряслицами и костяками животных в поздних могильниках являются, очевидно, отражением развития производства, роста потребления у населения в целом, а также стадийным явлением в раннем железном веке лесостепной Евразии.

Половозрастное деление с градацией у взрослых на юных, возмужалых и зрелых совпадает с таковым предшествующей эпохи (Бобров В.В., Михайлов Ю.А., 1992). Дети не были вполне полноправными, но захоронениям младенцев придавалось большее значение, чем детям младшего возраста и тем более подростков. Вероятное объяснение состоит в стремлении из-за их беспомощности гарантировать различными оберегами, культовыми веществами и церемониями благополучное путешествие в загробный мир, а также быструю реинкарнацию. Подростки, вероятно, уже лет в 12–14 проходили инициации и рассматривались как взрослые низкого ранга. Наиболее высоким был статус возмужалых и зрелых мужчин и женщин: больше размеры камер, инвентаря, в том числе украшений, предметов роскоши. Женщины, за исключением юных, осуществляли ритуальные функции. Старики не пользовались особым общественным почетом и привилегиями, у них мало инвентаря и сосудов, нет мяса, доля их погребений в центре курганов ниже, чем у других групп. Первоначально общественное положение полов было более равным, затем проявляется усиление патриархальной тенденции при повышении статуса молодых и юных мужчин.

Выраженной динамики в характере социальных структур, отразившихся в изученных некрополях, не заметно. Содержанием общественно-политической жизни каменцев могло быть самосохранение этноса и социума в условиях ожесточенной борьбы за земли предгорьев Алтая, Кулунды и левобережья Оби с саргатскими, сакскими, позднее кулайскими племенами, обусловившее большую консервативность и меньшую стратифицированность относительно других этнополитических образований раннего железного века. Для проверки этой гипотезы отдельно проанализированы диахронные серии захоронений, а затем сопоставлены модели идеальных погребений. Моделирование производилось по матрицам корреляции признаков с опорой в качестве ведущих градаций на размеры камер (получены следующие размерные группы: 0,1–3,7 куб.м — малые; 3,8–18 куб.м — средние; 22–39 куб.м — большие; 51–65 куб.м — очень большие; 80–97 куб.м — грандиозные), дополнительных — ассортимента инвентаря и заупокойной пищи. Единый для всех стандарт составляло малое периферийное погребение без вещей, а на березовском — с горшком.

Для младенцев и детей младшего возраста выделено по три модели для каждого этапа, при этом можно констатировать, что серьезных изменений их статуса не произошло. Стандарт составляло периферийное погребение в малой яме, с одним сосудом. Безынвентарные и с одним горшком могилы, а также редкие погребения с инвентарем, далеко выходящим по ценности и разнообразию за рамки стандартов, все же указывают на различный социальный статус семей, к которым принадлежали дети. Как исключение, захоронения детей и младенцев могли быть в отдельных очень маленьких курганах. Характеристики и число моделей по подростковым могилам совпадают с таковыми категории взрослых, а также демонстрируют некоторый общекультурный рост доли погребений с горшками и заупокойной пищей. Это позволяет предполагать, что уже с возраста 14–16 лет, дети выполняли все функции взрослых, даже, возможно, могли вступать в браки. При этом социальное положение мальчиков было несколько выше.

Для взрослых бийского этапа выделено 4 и 6 моделей, для березовского — 4 (сравнительно малое число страт обусловлено разграбленностью и общим недостатком в источниках элитарных могил). Отмечается несовпадение числа моделей по женским и мужским захоронениям. Последних больше, они отражают более развитую ранговую структуру мужской части социума внутри основных групп. Социальная классификация отражает основную тенденцию в группировке погребений, но ряд могил составляют исключения, например, безынвентарные захоронения в ямах средних размеров, в чем можно усматривать выражение общественных затрат в чистом виде, отражающих статус личности. Имеются центральные безынвентарные могилы в малых ямах, а вводные с инвентарем — в средних.

Проведенный анализ и его интерпретация позволяют в качестве основных социальных групп предположить сосуществование сословий, обозначив их как рядовое население и знать. В пользу формирующегося сословного деления общества можно привести примеры курганов,

где все усыпальницы больших и средних размеров. Ранговое деление подкрепляется примерами курганов со свободным центром, в которых таким образом, заранее отводились места для погребения умерших согласно их месту в коллективе. Ведущую роль при определении статуса человека, видимо, играли положение его семьи, при этом личным заслугам и профессиональной специализации отдавалось второстепенное значение. Некоторые захоронения носят явный инокультурный характер, что позволяет говорить о проживании в каменных общинах чужестранцев (сарматов, саков, саргатцев), например, мясо на перекрытии, диагональное положение скелета, саргатский горшок, ориентировка головой на север, северо-запад.

Статистические расчеты показывают связь предметов культа с женскими погребениями, особенно курильниц и жертвенников, а также с украшениями и предметами роскоши, заупокойной пищей, что подчеркивает общественную ценность культовой функции. Со временем доля следов ритуальных церемоний в погребальной практике возрастает, она становится доступной всем половозрастным группам. Для березовского этапа можно говорить о выделении социальной роли отправителей культов, преимущественно женщин, как дополнительной функции наиболее значимых лиц. Предполагаем их некоторое обособление и превращение в особый ранг, проявившееся в частности в захоронениях, где присутствуют только предметы культа.

Проверка гипотезы, что орудия труда отражают прижизненный характер занятий умершего или полагавшийся ему по полу и возрасту, показала что на бийском этапе находки проколов, оселков, игольников единичны (3%), на березовском доля погребений и ассортимент орудий труда в них возрастают (9,9%), причем треть их них — проколки, пятая часть — оселки, восьмая — точила. Инструменты ремесленной специализации исключительно редки: гончарного дела встречены в 0,66% всех погребений, швейного — в 0,52%, металлургического — в 0,26%. Несмотря на распространение изделий, украшенных резьбой по кости, в орудиях косторезное дело отражения практически не находит. Это позволяет заключить, что все ремесла у каменцев были домашнего характера, специализация отдельных лиц была исключением и не закрепились еще в погребальном обряде.

Сравнительно с другими культурами раннего железного века каменная культура кажется демилитаризованной. Среди погребений бийского этапа насчитывается лишь 4,5% с костяными наконечниками стрел, с чеканами и панцирными пластинами, кинжалами — по 1,5%, с колчанными крючками — 2,3%, единичны мечи, кельты. В некрополях березовского этапа доля погребений с предметами вооружения не на много выше: с металлическими стрелами — 1,8% от общего числа погребенных, костяными — 8%, кинжалами — 3,2%, колчанными крючками — 2,8%, чеканами — 0,92%, остальные виды единичны. Наборы оружия присущи только одной группе модели 3 позднего периода или являются исключениями, в число которых входят несколько рядовых могил, но не более одной на курган, большинство некрополей его не имеют. Наиболее существенна доля могил с оружием в Рогозихе, Новотроицких-II и I могильниках и Масляхе-I. Но только два последних из-за высокой мужской смертности (Рыкун М.П., 1997) можно определять как оставленные населением, ведущим войны.

Как показано Г.Е. Ивановым (1987) и В.А. Могильниковым (1992; 1997), приобское население более тяготело к саяно-алтайскому типу вооружения, а население Кулунды и степного Алтая — к сакскому. Полагаем, что превосходство в снаряжении и тактике (преобладание кавалерии в военных дружинах) обусловило военное, политическое и экономическое господство вторых над первыми. В социальном плане характерна вооруженность элитарных и безоружность рядовых групп. Мирный характер каменной культуры нам видится следствием зависимости от более сильных соседей: саков и саргатцев, позднее кулайцев. В дальнейшем, видимо, возникло ополчение, ведущее неудачные оборонительные действия, так как в тех же Новотроицких могильниках и Масляхе-I имеются погребения мигрантов и прослеживается саргатское влияние на погребальный обряд.

Рядовое население мы связываем с иранизированными самодийцами, а элитарное — с иранцам сакского круга. Каменское общество было менее стратифицированным и ранжированным, нежели саргатское или гороховское. Оно представляется двухсословным, с делением на 5–6 прослоек. Семантика погребальной архитектуры и всей обрядности обусловлена ведущей ролью культа вождей и предков. В ней явно чувствуется намеренная архаизация общественных отношений с подчеркиванием высокого светского и сакрального статуса предводителей. Имущественная дифференциация незначительна и выражена в различиях рядового и аристократического сословий. Основой

социума была патриархальная расширенная семья (Троицкая Т.Н., 1989) с некоторыми матриархальными пережитками. Территориальное устройство базировалось на родоплеменном делении. Специфику общественных отношений составляли военно-кастовая привилегированность знати, женское шаманство с заимствованиями зороастрийского толка.

Демографический анализ популяций показывает постепенное истощение людских ресурсов общности. Наблюдается рост женской смертности в юном и зрелом, а мужской — в юном и возмужалом возрасте с общим падением числа доживающих до зрелости и старости. Разница средних возрастов смерти составляла первоначально 3 года, потом 5 лет в пользу мужчин. Каменные племена жили в обстановке все возрастающей военной опасности и несли постоянные людские потери в войнах, свидетельством чего является высокая смертность подростков и молодых мужчин во всех популяциях березовского этапа, а также большое количество захоронений со следами тяжелых переломов и смертельных ранений.

Таким образом, каменная культура демонстрирует самобытную динамику, обусловленную этнополитической ситуацией в Приобье и Кулунде. Со временем возрастает социальная сегментация, увеличивается расстояние на шкале рангов при сохранении двухсословности и роли патриархальной общины. Прослеженные нами снижение общественного богатства, архитектурно-строительных работ, искажение популяционной структуры, разрушение ядра этнической культуры в виде многочисленных инноваций в погребальном обряде явились предпосылками исчезновения каменной культуры. Предполагаем, что это было связано с общим ослаблением ее в постоянной внутренней межэтнической борьбе, а также участием в хунно-юечжийских и хунно-усуньских конфликтах, в результате чего она к первым векам н.э. была ассимилирована кулайской.

Е.П. Маточкин

(г. Горно-Алтайск, Краеведческий музей)

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В СКИФСКОМ ИСКУССТВЕ ГОРНОГО АЛТАЯ

E.P. Matochkin

(Gorno-Altai, Museum)

Archetipical images of the scythian art of the mountainous Altai

Искусствоведы, пытавшиеся проанализировать включённость скифского искусства Горного Алтая в его общий историко-художественный процесс, всегда наталкивались на непреодолимые трудности. Известные на весь мир произведения из Пазырыкских курганов не находили себе преемственных связей ни с предыдущими, ни с последующими стадиями развития искусства. Происходило это прежде всего потому, что скифское искусство рассматривалось, в основном, на материале блистательных изделий скифо-сибирского звериного стиля, обнаруженных при раскопках. Однако представление о скифском искусстве значительно расширится, если в него включить и петроглифические памятники. В таком случае появляется возможность проследить стилистические и семантические параллели с произведениями как более раннего, так и последующего времени.

В настоящей статье предпринимается попытка обнаружить бытование определённых архетипических образов в скифском изобразительном искусстве Горного Алтая. В общем историко-художественном процессе выделяются три периода: доскифский, скифский и послескифский. В каждом из них выявляются примеры воплощения в образах искусства некоторых архетипов. Проявление архетипов в современном народном, профессиональном и детском творчестве нами также исследовалось; выводы эти дополняют поставленную задачу, однако здесь они не обсуждаются.

Проблема изучения архетипических образов на материале искусства народов России, насколько нам известно, ещё не ставилась современными исследователями. Сам Юнг отмечал, что «архетипический материал является по большей части чем-то неизвестным и требуются

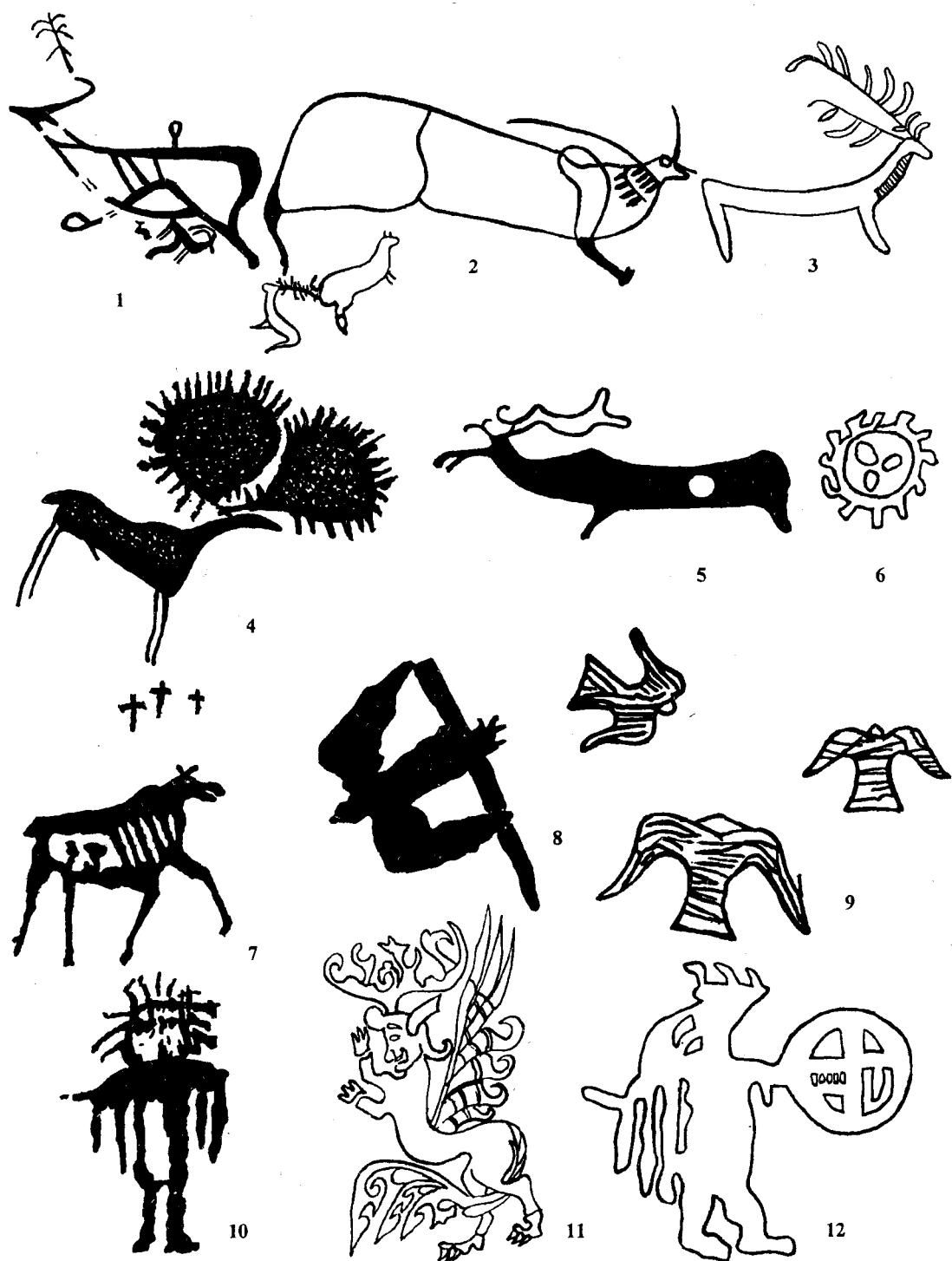

Рис. 1. Архетипические образы в изобразительном искусстве Горного Алтая. Левая колонка — доскифское время. Средняя колонка — скифское время. Правая колонка — новая эра. Первый ряд — архетип Великой Матери. 1 — грот Куйлю, 2 — Теке-Туру, 3 — Карбан. Второй ряд — архетип Солнца: 4, 5 — Карагем, 6 — рис. на шаманском бубне. Третий ряд — архетип Неба (Верхнего мира): 7 — Турочакская писаница, 8 — Карагем, 9 — Бош-Туу. Четвёртый ряд — архетип Колдовского демона: 10 — Карбан, 11 — Пазырык, кург. 5, 12 — рис. на шаманском бубне. 1–5, 7–10 — по Е.П. Маточкину. 6, 12 — по С.В. Иванову, 11 — по С.И. Руденко.

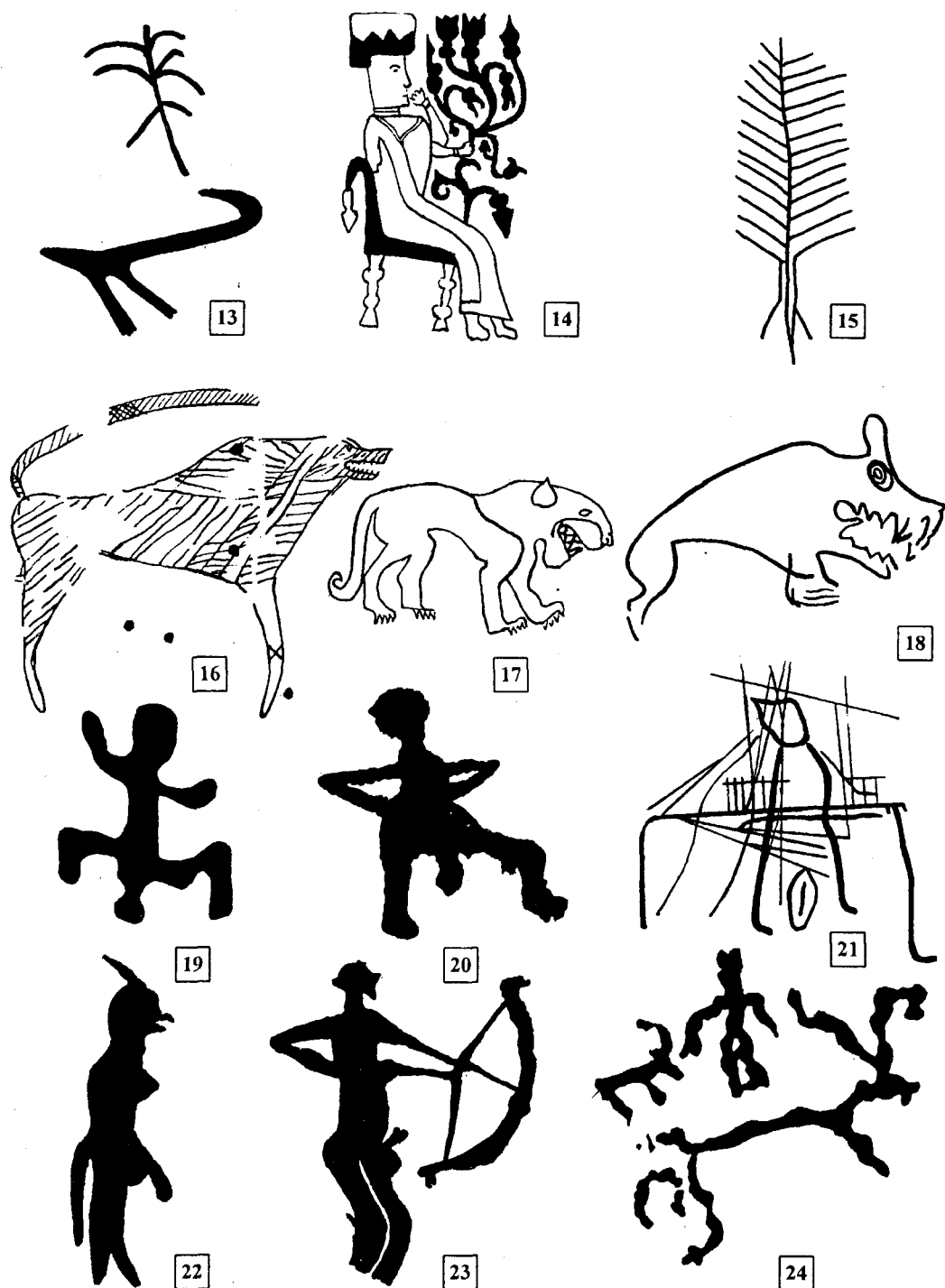

Рис. 2. Архетипические образы в изобразительном искусстве Горного Алтая. Левая колонка — доскифское время. Средняя колонка — скифское время. Правая колонка — новая эра. Первый ряд — архетип Мирового дерева: 13 — грот Куйлю, 14 — Пазырык, кург. 5, 15 — Карбан. Второй ряд — архетип Страха: 16 — Бешозёк, 17 — 2-й Башадарский кург., 18 — Бичикту-Бом. Третий ряд — архетип Фертильной (рожающей) женщины: 19 — Озёрное, 20 — Карагем, 21 — Карбан. Четвёртый ряд — архетип Культурного героя: 22 — грот Куйлю, 23 — Карагем, 24 — Чич-Кеши.

13, 15, 20–24 — по Е.П. Маточкину, 14, 17 — по С.И. Руденко, 16, 19 — по В.Д. Кубареву, 18 — по А.И. Минорскому.

специальные штудии и подготовка, чтобы такой материал вообще можно было собрать» (Юнг К.Г., 1996, с. 77). Кроме того, задача осложняется тем, что наскальные рисунки в большей своей части остаются нерасшифрованными и только в редких случаях им удаётся предложить более или менее обоснованную интерпретацию. Когда же семантика образа остаётся неизвестной или многозначной, мы исходим из того, что символическая нагрузка изображения могла иметь смысл, в какой-то мере близкий к тому, который она имела у подобного же изображения, созданного ранее или позднее. В таких случаях наша задача вообще сводится к достаточно формальному пути — найти созданный в тот или иной период времени образ, который бы вписывался в определённый художественный и смысловой ряд. Нередко этот ряд в изобразительном отношении однороден и каждый его член соответствует одному иконографическому решению. Однако чаще временная линия архетипического образа, обладая неким семантическим единством, представлена разными иконографическими вариантами.

Для каждого архетипа мы стремились обнаружить его самые древние истоки на Алтае, начиная с эпохи камня. Далее для доказательства его перманентного существования находилось его продолжение в каждом из следующих исторических периодов — в эпоху раннего железа и в течение двух тысячелетий новой эры. Для каждого периода могло быть несколько примеров, однако мы для иллюстрации ограничивались одним. Во всяком случае мы использовали весь имеющийся к настоящему времени археологический и искусствоведческий материал, в том числе и наши, ещё неопубликованные полевые исследования. Думается, что будущее внесёт здесь свои необходимые коррективы. Более того, будет уточняться семантика образов, включённых нами в определённый архетипический ряд.

Юнг не определял строго, какие и сколько архетипов должны быть выделены в культуре того или иного народа. В принципе он считал, что архетипов существует столь же много, как и типичных ситуаций жизни (Юнг К.Г. и др., 1997, с. 343). Для целей нашего исследования важны архетипы, имеющие отношение к коллективному бессознательному этноса. Принято считать, что первичный и неизменный язык архетипических моделей — это метафорический язык мифов (Самуэлс Э., 1997, с. 381). Именно эта метафоричность мифов органично претворяется в произведениях искусства и во многом определяет содержательный строй архетипических образов. В данной статье будут рассмотрены цепочки изобразительных образов, относящихся к наиболее известным и распространённым архетипам, о которых писал Юнг.

АРХЕТИП ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ. Одно из ранних изображений Великой Матери в образе маралухи находится в гроте Куйлю. Под её животом показаны рождённые ею козлик и птица (Маточкин Е.П., 1988, рис. 1). Возможно, в предскифское время в Теке-Туру рождающее божество показано в виде синкретичного существа. Около его плодородного места выбито несколько небольших рогатых животных (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, рис. 50.—1). На скалах Карбана нами обнаружен рисунок древнетюркского времени, который можно интерпретировать как воплощение представлений о рождающем божестве. Оно предстаёт в образе оленя с древовидными рогами в окружении четырёх деревьев (Маточкин Е.П., 1990, рис. 3.—3).

АРХЕТИП СОЛНЦА. Олень-солнце обнаружен среди петроглифов Карагема, датировку которых можно отнести к эпохе бронзы. Его рога аккуратно выбиты в форме двух кругов с лучами-отростками. Здесь же, на скалах Карагема находится рисунок птицеголового оленя с длинными рогами в стиле оленных камней Центральной Азии. На крупе животного оставлен невыбитым круглый диск солнца. В этнографическое время солнце рисовали на шаманских бубнах (Иванов С.В., 1954, гл. IV, рис. 86).

АРХЕТИП НЕБА (ВЕРХНЕГО МИРА). Лёсиха открытой нами новой Турочакской писаницы, вероятно, мыслилась древними пробегающей по небосклону (Маточкин Е.П., 1986, с. 21). Птица из композиции с лучником со скал Карагема скифского времени интерпретируется нами как птица-солнце из верхнего мира (Маточкин Е.П., 1992, рис. 49). Три резные птицы из Бош-Туу могли наглядно ассоциироваться с небом.

АРХЕТИП КОЛДОВСКОГО ДЕМОНА. В древнем искусстве Алтая он проходит в образе шамана. Возле ручья Карбан изображён антропоморф в костюме, имитирующем птицу. Время этого петроглифического памятника датируется эпохой энеолита. Получеловек-полулев представлен на войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана. Известны изображения камлающих шаманов в древнетюркских граффити и в рисунках алтайцев этнографического времени на бубнах и скалах, опубликованных С.В. Ивановым (Иванов С.В., 1954, гл. IV, рис. 89).

АРХЕТИП МИРОВОГО ДРЕВА. Древнее изображение дерева обнаружено нами в гроте Куйлю (Маточкин Е.П., 1988, рис. 1). Оно выбито там рядом с маралухой-прародительницей и как бы является продолжением её древовидного рога. В скифское время мировое дерево держит в руках богиня на войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана. На скалах Карбана вырезаны граффити с изображением деревьев древнетюркского и этнографического времени (Маточкин Е.П., 1990, рис. 1.–3).

АРХЕТИП СТРАХА. Страшный зубастый зверь, выполненный в технике граффити, обнаружен на плите из погребального сооружения в селе Бешозёк. В эпоху раннего железа в искусстве алтайских скифов фантастические образы хищников были необычайно популярны. Это, например, тигры на колоде-саркофаге из второго Башадарского кургана. В древнетюркское время был вырезан страшный зубастый зверь на скалах Бичикту-Бома.

АРХЕТИП ФЕРТИЛЬНОЙ (РОЖАЮЩЕЙ) ЖЕНЩИНЫ. Раннее изображение рожавшей женщины можно увидеть среди изображений из села Озёрное. На скалах Карагема в композиции с животными, изображёнными в скифо-сибирском зверином стиле, выбита рожавшая женщина с плодом. В древнетюркское время схематичное изображение женщины с подчеркнутым признаком пола было вырезано на камне у речки Карбан (Кляшторный С.Г., Маточкин Е.П., 1991, рис. 1).

АРХЕТИП ГЕРОЯ. На скалах грота Куйлю находится гермофрадитическое существо, сочетающее в себе ещё и звериные и птичьи черты. Это, по-видимому, древнейшее божество Азии — громовник (Маточкин Е.П., 1990б, рис. 1). В скифское время архетипическим образом героя можно считать лучника, стреляющего в птицу (Маточкин Е.П., 1997, рис. 1). Подобный стрелок широко известен в Евразии как сказочный персонаж — жених, пускающий стрелу в свою будущую невесту. В наскальном искусстве Алтая широко распространён один мифологический сюжет — богатырь, стоящий или летящий на олене. Подобная композиция, по-видимому, средневекового времени находится в ущелье Чичкеши (Маточкин Е.П., 1995, рис. 1).

Итак, на материале изобразительного искусства Горного Алтая показано, что и в скифском искусстве живут и воплощаются наиболее известные и распространённые архетипы.

В.С. Миронов

(г. Новосибирск)

КОЛЛЕКЦИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА КОК-ЭДИГАН

V.S. Mironov

(Novosibirsk)

The collection of scythian time ceramic vessels from the Coc-Edigan cemetery

В полевые сезоны 1995–1997 гг. Южно-Сибирским археологическим отрядом САКЭ ИАЭ СО РАН под руководством Ю.С. Худякова был исследован курганный могильник скифского времени Кок-Эдиган, расположенный в правобережной части долины средней Катунь, в 2 км к западу от с. Эдиган. Его 11 раскопанных погребений были предварительно датированы IV–III вв. до н.э. В составе погребального инвентаря были обнаружены 18 керамических сосудов различной формы и степени сохранности. После камеральной обработки удалось в общих чертах восстановить их первоначальный облик.

Все сосуды лепные. Обжиг, проводившийся, видимо, на костре, неравномерный. Поэтому керамика чаще имеет красно-коричневый цвет с характерными черными или серыми пятнами из-за неравномерного прокаливания. Вся керамика красноглиняная, за исключением одного сосуда из кургана 4, который вылеплен из черно-серой глины невысокого качества. Сама глина, судя по встречающимся вкраплениям слюды, бралась из местных источников.

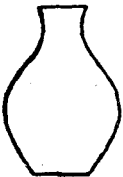
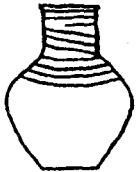
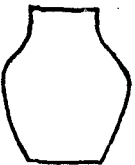
	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип
кувшины		 	 	
кранки	 			
горшки				

Рис. 1. Основные типы керамических сосудов из курганов Кок-Эдигана.

Коллекция сосудов из курганов Кок-Эдигана отличается достаточным разнообразием форм. Поэтому в типологии керамики главным критерием была форма сосудов. Орнаментация являлась вспомогательным источником, т.к. большая часть керамической посуды оказалась неорнаментированной. Анализ отдельных параметров сосудов (размеры, форма и т.д.) позволяет выделить три группы, назначение и применение которых в быту носило различный характер.

Первая группа — кувшины (12 сосудов). По многим признакам их имеет смысл поделить на четыре основных типа:

1 тип. Кувшины, названный В.Д. Кубаревым (1991, с. 59) «классическим образцом типично пазырыкской керамики». Этот три сосуда из курганов 2 и 15 — стройные, высокие кувшины значительного объема с биконическим туловом, малых размеров донцем и высоким горлом, узким в основании и расширяющимся к устью. Выделяются тщательностью изготовления, лощением, отсутствием орнаментации и более высоким качеством обжига. Размеры сосудов: высота 34–37 см, максимальный диаметр тулова 21–22 см, диаметр горла 12 см, диаметр дна 9–12 см, толщина стенок 0,6–0,9 см.

2 тип. Пять сосудов из курганов 12, 13 и 14/2 — достаточно высокие кувшины с овальным или округлым туловом и высоким, узким, расширяющимся к устью горлом. Размеры: высота 27–33,5 см, максимальный диаметр тулова 18–21 см, диаметр горла 8–9,5 см, диаметр дна 10–11 см, толщина стенок 0,5–0,8 см.

3 тип. Три сосуда из курганов 10 и 14/1 — довольно высокие бутылеобразные кувшины с выпирающими плечиками, малых размеров донцем и очень узким, высоким, расширяющимся к устью или прямым горлом с отогнутым венчиком. Один из них был украшен орнаментом в виде налепного валика с косой насечкой, который опоясывал горло сразу под венчиком. Сочетание такого орнамента с подобной формой сосуда встречено впервые. Размеры: высота 27–30 см, максимальный диаметр тулова 16,5–19 см, диаметр горла 6,5–9,5 см, диаметр дна 7–8 см, толщина стенок 0,5–0,8 см.

4 тип. Один сосуд из кургана 10 — кувшин с округлым, сильно расширенным туловом, высоким, прямым и широким горлом, отделенным от тулова уступом, и отогнутым венчиком. Горло и прилегающая к нему часть тулова покрыта орнаментом в виде опоясывающей сосуд вдавленной спирали — каннелюры. Размеры сосуда: высота 29 см, максимальный диаметр тулова 24 см, диаметр горла 10 см, диаметр дна 10 см, толщина стенок 0,6–0,9 см. Сосуд близок к кувшинам IV типа по классификации В.Д. Кубарева (1991, с. 55).

Вторая группа — объединяет сосуды, сочетающие в себе признаки как кувшинов (высота, вытянутое тулово, качество изготовления), так и горшков (приземистость, простота форм, широкое горло и дно, небольшие размеры), и названные мною условно крынками. Среди них также можно выделить два типа:

1 тип. Три сосуда из курганов 2, 5 и 6 — отличающиеся несколько продолговатым туловом, средних размеров донцем и широким, коротким, расширяющимся к устью горлом. Два из них имели орнамент в виде нарисованных черной краской зигзагообразных вертикальных полос, у одного дополненных еще и косой сеткой линий. Размеры: высота 21–35 см, максимальный диаметр тулова 17–25 см, диаметр горла 11–15 см, диаметр дна 8–11 см, толщина стенок 0,6–1 см.

2 тип. Один сосуд из кургана 7 — довольно значительного объема, с широким туловом и донцем, выделяющимися плечиками и прямым, средней высоты, широким горлом. Его размеры: высота 28 см, максимальный диаметр тулова 23 см, диаметр горла 13 см, диаметр дна 13,5 см, толщина стенок 0,6–1 см.

Третья группа — горшки. Эта группа представлена всего двумя экземплярами, которые принадлежат к двум типам:

1 тип. Сосуд из кургана 2 — приземистый толстостенный, с широким округлым туловом и невысоким широким горлом с отогнутым венчиком. Размеры: высота 19 см, наибольший диаметр тулова 18 см, диаметр горла 11 см, диаметр дна 12 см, толщина стенок 0,8–1 см.

2 тип. Сосуд из кургана 4 — баночного типа, со слабо выраженными плечиками и горлом. Размеры: высота 19 см, максимальный диаметр тулова 15 см, диаметр горла 11,5 см, диаметр дна 10 см, толщина стенок 0,9–1 см.

Кувшины использовались для хранения воды или молочных продуктов (Кубарев В.Д., 1991, с. 59). Горшки же соответственно применялись для приготовления пищи. Крынки, скорее всего, сочетали функции тех и других. Но, видимо, это правило соблюдалось не всегда.

На внутренних стенках не только горшков, но и крынок, и даже некоторых кувшинов обнаружены остатки накали, что может свидетельствовать о том, что в этих сосудах хотя бы один раз готовилась на огне пища (возможно, специальная заупокойная, погребальная).

Близкие по типу сосуды находились либо в одной могиле (например, в курганах 12,13,14/1 и 15), либо во входящих в одну цепочку погребениях (в курганах 12,13 и 14/2). Подобное сходство наталкивает на мысль об изготовлении их одним мастером. Выявленная закономерность еще раз подчеркивает родственный, семейный характер захоронений в курганных цепочках.

Д.А. Михайлов

(г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

СУММАРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОГИЛЬНИКОВ БЕРЕЗОВСКОГО ЭТАПА НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ

D.A. Mihailov

(Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogic University)

*The summary characteristic and comparative analysis of the Novosibirsk near Ob region
beruozovsky stage time cemeteries*

За последние десятилетия в ходе интенсивных работ по исследованию могильников раннего железного века был накоплен значительный фактический материал, который позволяет делать интерпретационные выводы относительно различных аспектов жизни населения берёзовского этапа Новосибирского Приобья. Тем не менее, на данный момент остаются спорными ряд вопросов, в частности, актуальны проблемы относительно генетической преемственности различных хронологических этапов, а также характера взаимовлияний различных этно-территориальных групп в рамках этого этапа. Матвеева Н.П. отмечала то, что основным элементом характеризующим культуру можно считать керамический материал (Матвеева Н.П., 1994, с. 62). В данном случае мы можем говорить о том, что это не совсем так, подтверждением тому является работа В.Ф. Генинга посвященная использованию данных изменчивости погребального обряда при изучении процессов развития общественных систем (Генинг В.Ф., 1991, с. 136–141). Погребальный обряд является не менее информативным для характеристики той или иной культуры и ее взаимодействия с другими культурами, однако на данном этапе не совсем четко разработаны методические аспекты этой проблемы.

В качестве методической основы для прояснения ситуации в этой области оправданно на наш взгляд использовать сравнительную характеристику могильников. Сравнительная характеристика позволяет выявить общие и отличительные черты памятников, степень их культурного сходства, осмыслить отличия в погребальном обряде и их причины (Бунятян Е.П., 1985). Кроме того, любопытно было проследить динамику развития погребального обряда, сопоставив курганы согласно хронологии. В исследовании были учтены данные по десяти могильникам Новосибирского Приобья: Быстровка-I, Быстровка-III, Масляха-I, Почта-III, Милованово-II, Милованово-VIII, Раздумье-IV, Раздумье-VI, Высокий Борок-VI, Новый Шаран-II. Всего 310 погребений, охарактеризованных по 49 признакам. При составлении списка признаков мы попытались максимально точно отразить особенности погребального обряда (Михайлов Д.А., 1997) Учитывая достаточно высокую степень разграбленности, представляется необоснованной детальная фиксация инвентаря погребений, поскольку эти данные явно не являются репрезентативными.

Предварительно имеет смысл остановиться на общестатистической характеристике погребальных комплексов. Количественная представительность источника не позволяет нам де-

тально останавливаться на описании каждого кургана, каждого погребения, эта информация доступна благодаря созданной по ходу работы информационно-поисковой системе. Кратко отметим лишь самые общие черты большереченского погребального обряда, как он предстает по данным анализируемых могильников.

Все исследуемые могильники были курганными. В основной массе преобладают курганы средних размеров (59,16%) с диаметром от 8 до 18 метров. Ров фиксировался в половине курганов (49,52%), из них наиболее часто встречается с одним перерывом-входом, и только в 23,15% во рву встречены останки животных. Курганы с одним погребением встречены лишь в 19 случаях. Можно говорить о том, что одним из самых характерных признаков погребального обряда большереченской культуры в исследуемый период является круговое расположение могил (86,82%). Ярусно-впускные, впускные погребения, а также подбои в общей сложности были встречены лишь в 14 случаях. Различные формы могильного пятна встречаются примерно в одинаковых количествах, можно лишь отметить два щелевидных погребения и незначительное количество могил с овальной формой пятна (5,79%). Перекрытие встречено в 38% случаев, как правило очень плохой сохранности, как и внутримогильные конструкции, среди которых в равном количестве имеют место сруб и рама-обкладка (по 11,58%), в большинстве же случаев внутримогильная конструкция либо отсутствовала, либо не сохранилась в достаточной степени для того, чтобы говорить о ее характере. В подавляющем большинстве случаев костяк располагался вытянуто на спине (74,28%, при условии, что в 23,15% труположение установить не удалось). При учете ориентации погребенного в многомогильных курганах в случае расположения могил по кругу использовались признаки «по часовой стрелке» и «против часовой стрелки», ориентация погребенных в одномогильных курганах, курганах где погребения располагались рядами и центральных погребениях учитывалась по широтам. Погребений ориентированных по часовой стрелке, оказалось в два раза больше, чем против. Среди широтных ориентаций преобладают северо-восточная (5,47%) и юго-западная (5,14%). Мел встречен в 15 погребениях, что составляет 4,82% от общего числа, уголь в 17 (5,47%), охра в 12 (3,86%). Заупокойная пища встречена в 30,23% погребений, как правило это кости МРС (22,51%), реже встречается КРС (5,79%). Наличие сопроводительного инвентаря характерно для 76,67% погребений. Чаще всего встречаются сосуды 47,27%, украшения встречаются в 26,05% погребений, наконечники 13,38%, значительно реже встречаются каменные алтарики, пряслица, предметы вооружения и конской упряжи. В таком виде предстают основные, самые общие характеристики погребального обряда большереченского населения в IV в. н.э. — I в. до н.э.

Сравнение памятников начинается с сопоставления каждого памятника с другим. Его можно проводить как по отдельным признакам, так и по совокупностям признаков или категориям совокупностей. В нашем случае проводился сравнительный анализ по совокупностям признаков, а затем вычислялся среднеарифметический показатель сходства как каждого памятника с другим, так и для всех памятников.

Проанализируем сначала общую степень сходства всех памятников (таблица 1). Средняя степень сходства десяти анализируемых могильников по представленному списку признаков составляет 83,15%. Степень сходства отдельных пар могильников колеблется от 75 до 93%. При этом сходство отдельных пар, как правило, превышает 85%. Значительно понижает показатель средней степени сходства могильник Раздумье-IV, средний показатель которого равен 76,44%. Если исключить из расчетов данные могильника Раздумье-IV, то степень сходства между могильниками повысится и будет приближаться к 86%. Нужно заметить, что в исследовании скифских рядовых могильников у Е.П. Бунятян средняя степень сходства между ними была равна 74,7% (Бунятян Е.П., 1985, с. 50).

Таким образом, можно говорить о том, что степень сходства между могильниками позволяет рассматривать их как единую в культурном плане общность. То, что могильник Раздумье-IV, выпадает из общей сетки, скорее всего объясняется тем, что в нем фиксировалось только три погребения и это не позволяет с достаточной точностью учитывать его особенности, чтобы сопоставлять с другими могильниками.

По результатам сравнительной характеристики можно отметить следующие. Наибольшее сходство наблюдается между могильниками Милованово-II и Милованово-VIII (93%),

Милованово-VIII и Новый Шарап-II (92%), Быстровка-I и Быстровка-3 (90%), Новый Шарап-II и Милованово-II (90%). Наименьшее сходство, как уже отмечалось, наблюдается между могильником Раздумье-IV и всеми остальными. Помимо этого относительно слабая связь отмечается между могильником Масляха-I и могильниками находящимися в Колыванском районе Почта-III, Высокий Борок (77% и 78%), средние показатели степени сходства этих могильников также не велики и составляют 82,44%, 81,44%, 82,55% соответственно. В то же время степень сходства между могильниками Высокий Борок и Почта-III достаточно высока — 88%. Нужно также учесть и то, что выборка по этим могильникам менее представительна, чем по другим. Наибольшую схожесть могильник Масляха-I демонстрирует с могильником Милованово-II — 88%.

Что касается соотношения могильников датируемых одним временем можно сказать следующее. Каких-либо закономерностей позволяющих говорить о том, что степень сходства могильников сооруженных в одно время выше, чем между могильниками разновременными выявлено не было. По всей видимости такую информацию будет возможно получить при работе с отдельными признаками, либо категориями признаков.

Таким образом важно отметить тот факт, что степень схожести могильников на прямую зависит от расстояния на котором они расположены друг от друга. Наибольшую степень схожести дали могильники составляющие единые территориальные группы, Быстровка-I и III, Милованово-II и VIII, к которым тяготеет Новый Шарап-II, Высокий Борок и Почта-III, могильник Масляха-I менее всего схож с находящимися от него на самом большом расстоянии памятниками Высокий Борок и Почта-III.

Таблица 1

Сравнительная характеристика могильников
Новосибирского Приобья IV в. до н.э. — I в. н.э.

	Быс- тров- ка-I	Быс- тров- ка-III	Мило- вано- во- VIII	Новый Ша- рап-II	Ми- ло- вано- во-II	Раз- ду- мье- IV	Раз- ду- мье- VI	Мас- ля- ха-I	Поч- та- III	Высо- кий Бо- рок-VI
Быстровка-I		90	89	87	89	76	83	85	81	84
Быстровка-III			89	88	86	75	82	85	80	84
Милованово-VIII				92	93	76	85	84	82	84
Новый Шарап-II					90	75	84	85	79	83
Милованово-II						76	85	88	81	83
Раздумье-IV							77	79	79	75
Раздумье-VI								81	86	84
Масляха-I									77	78
Почта-III										88
Высокий Борок-VI										

В могильнике Раздумье-IV учитывалось 3 погребения.

По результатам сравнительной характеристики можно сказать, что в рамках берёзовского этапа, существовали отдельные достаточно замкнутые этно-территориальные группы, погребальный обряд которых сохранялся на протяжении исследуемого периода достаточно стабильным о чем свидетельствуют данные по разновременным могильникам Милованово-2, Милованово-VIII и Быстровка-I, Быстровка-III. Это особенно интересно в связи с тем, что инокультурный элемент (кулайский и саргатский) с III в. до н.э. в могильниках большереченской культуры усиливается (Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994; Дураков И.А., Мжельская Т.В., 1995). На основании этого можно сделать вывод о том, что первичным элементом интерпретации различных сторон жизни древних обществ, в частности социальных структур необходимо считать именно такие географически замкнутые группы памятников, а не локальные варианты или культуры в целом.

Ю.И. Михайлов

(г. Кемерово)

**СЕМАНТИКА ЗЕРНОТЕРОК И ПЕСТОВ
В ПОГРЕБАЛЬНЫХ И РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ
IX–VII ВВ. ДО Н.Э. САЯНО-АЛТАЙСКОГО НАГОРЬЯ**

Yu.I. Mihailov

(Kemerovo, Kemerovo State University)

*The semantic of the grave-graters and pists in the IX–VII a.
Sayano-Altai on-mountain region funeral and ritual complexes*

Анализ отдельных категорий предметов в составе сопроводительного инвентаря погребальных комплексов — многократно апробированная научная процедура. Ее выбор применительно к интересующей нас теме обусловлен спецификой комплексов, которые демонстрируют кардинальные изменения в материальной культуре населения Саяно-Алтайского нагорья в начале I тыс. до н.э. Суть происходивших трансформаций традиционно связывали с содержанием понятия «ранние кочевники». Оставляя в стороне вопрос о корректности его использования, отметим, что отчетливо выраженная скотоводческая ориентация экономического уклада контрастно выделяет «зернотерки» именно в составе погребального инвентаря в силу их формального несоответствия общей идеологической доктрине.

Зернотерки или орудия со сходной функцией обнаружены в раннескифских могильниках Семисарт-I, Большой Яломан-I, Кор-Кобы-I (Марсадолов Л.С., 1992, с. 115; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 39; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1998, с. 58). На территории Тувы зернотерка обнаружена в погребальном комплексе из могильника Аргалыкты-ХIII (Савинов Д.Г., 1994, с. 155). Источниковая база исследования может быть увеличена за счет привлечения материалов из ирменских погребений могильников Титово и Журавлево-IV, где обнаружены зернотерки и обломок камня ручной мельницы (Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1981, с. 124; Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, рис. 5). Ирменские комплексы традиционно рассматриваются в рамках эпохи поздней бронзы, однако хронологически и, что еще важнее, по ряду культурных черт они вполне сопоставимы с раннескифскими. Судя по последним сводкам в ирменском погребальном обряде широко практиковалось помещение черепов и частей туш лошадей (Зах В.А., 1997, с. 86; Бобров В.В., Горяев В.С., 1998, с. 182–186). Камни-обелиски в могильниках Журавлево-IV и Танай-VII по своему культовому назначению близки стелам из могильников Бийке и Тыткескень-VI (Тишкин А.А., 1996, рис. 17.–32; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 166).

Анализ материалов ирменских могильников позволил установить, что камни-обелиски в курганном пространстве маркировали, как правило, три мужских погребения, которые до возведения общей насыпи определяли структуру всего ряда могил. В могильнике Журавлево-IV из трех цепочек курганов эти вертикальные «знаки» были установлены только в двух и следовательно являлись зримым воплощением не только социальных, но и культурных установок. Погребения третьей цепочки, лишенные этих отличительных знаков по целому ряду обрядовых черт, и по составу сопроводительного инвентаря обнаруживают близость к культурным традициям населения Среднеенисейского региона. Можно предполагать, что в составе журавлевской ассоциации одна из трех составляющих частей отличалась смешанным культурным обликом и не обладала всей полнотой социальных прав и возможностей. Этнически (?) разнородный состав ирменских объединений прослеживается и по материалам поселенческих комплексов. Так, судя по исследованиям последних лет, на Тамбарском поселении проживало смешанное ирменско-лугавское население (Членова Н.Л., Бобров В.В., 1991, с. 160), а на поселениях Новосибирского Приобья зафиксирован механизм инкорпорации и интеграции групп населения, не связанного родством (Матвеев А.В., 1995, с. 39).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что процесс формирования коллективных связей по территориально-производственному признаку, который фиксируется уже в андроновскую эпоху (Бобров В.В., Михайлов Ю.И., 1997, с. 56–59) у ирменцев становится преоблада-

ющим. Сопоставление накопленного материала позволяет предположить, что в Кузнецкой котловине ирменские могильники демонстрируют определенную иерархию. Могильники, представленные одной цепочкой курганов (Титово, Журавлево-I и др.), являлись местом захоронения представителей одного территориально-производственного коллектива. Крупные могильники, представленные тремя цепочками курганов (Журавлево-IV, Танай-VII) служили местом захоронения лидеров локальных объединений и ассоциаций более высокого порядка, а также лиц, связанных с ними клановыми узами. Не случайно именно там зафиксированы сопроводительные захоронения коней и камни-обелиски, которые отразили новые культурные нормы, принятые в среде ирменской знати. В связи с этим возникает необходимость выяснить, каким образом манифестировались коммуникативные связи между рядовыми членами ирменских коллективов, которые, предположительно, составляли трехчастные ассоциации.

Природа таких социальных объединений как триба и фила, и связанных с принципом трехчастной организации, изучена достаточно глубоко, хотя единой точки зрения не существует (см. Маяк И.Л., 1983, с. 90–119). Согласно традиции, которая идет от Плутарха (Ромул, XX, 1–2), формирование одной из трех триб связано с этнически гетерогенным населением. Высказано также мнение, что слово «триба» этимологически восходит к понятию совместного проживания и семантически близко к греческому термину «фила», означающему группу людей по признаку совместного возрастания (Яйленко В.П., 1993, с. 93). Причем термин «фила» восходит к глаголу со значением «расти, рождать», а римская «триба» в конечном итоге выводится из реконструированной и.-е. основы с корнем *ter — (*trei-, *tri — etc.) «тереть», производные от которой передавали ее смысловое продолжение «дробить, делить» (там же, 1993, с. 36). С и.-е. *ter связаны также и славянские слова для обозначения тризны и трех (Топоров В.Н., 1990, с. 42).

Привлечение данных из области и.-е. лингвистических реконструкций позволяет с известной долей вероятности предположить, что в начале I тыс. до н.э. в среде населения Саяно-Алтайского нагорья актуализируется древний способ манифестации социальных связей, который на содержательном уровне в контексте погребального обряда символизировал единство всего общества. В свете этого зернотерка выступала как сакральный инструмент для общественного воспроизводства. Вместе с тем, ее символика амбивалентна по причине использования этого инструмента в сакральной и мирской сферах (ср. изменницы — рабыни в хозяйстве Одиссея, занимавшиеся помолом зерна, и римские весталки, готовившие ритуально чистую солёную муку). Очевидно, что в конструктивно сложном архитектурном сооружении с оленным камнем из мог. Аргалыкты-XIII зернотерка символически наделялась высоким сакральным смыслом, в то время как обломок верхнего камня ручной мельницы в мог. Журавлево 4 указывал на низкий социальный статус умершего. Эта ситуация имеет выразительную обрядовую параллель в Большом Салбыкском кургане, где рядом с угловой северо-восточной стелой было обнаружено захоронение насильственно умерщвленного человека, а рядом между стелой и плитой северной стены, частично поврежденный, нижний жернов ручной мельницы (Дэвлет М.А., 1976, с. 148; Кызласов Л.Р., 1985, с. 68). На семантическом уровне фрагментом разрушенного, измельченного целого противопоставлялась крепость и цельность каменной стелы-изваяния.

Справедливость последнего положения, на наш взгляд, подтверждает комплект из обломка зернотерки и пестов в основании оленного камня из комплекса Юстыд (Кубарев В.Д., 1979, с. 18–20, рис. 11), а также песты в комплексе с оленными камнями в Дагаан дель (Волков В.В., 1981, с. 80). Отсутствие убедительно доказанной связи оленных камней с какой-либо археологической культурой не мешает исследователям предлагать гипотезы о возможной этнической принадлежности их создателей. Согласно одной из них оленные камни связаны с киммерийцами (Членова Н.Л., 1984), согласно другой они — свидетельства деятельности древних китайских кочевников жун и ди (Ковалев А.А., 1987, с. 96). Не возражая против предложенных гипотез, отметим, что опубликованы лингвистические исследования, не позволяющие видеть в этих обозначениях этническое содержание. В частности этноним киммерийцы этимологически интерпретируется со значением «подвижный отряд» (Дьяконов И.М., 1981, с. 90), а первоначальное значение иероглифа жун определяется как «воин, воинственный» (Васильев К.В., 1998, с. 157).

Отдельно следует отметить гипотезу о военных столкновениях населения культуры плиточных могил (исседоны) и культуры оленных камней (скифов), причем для этнонима исседон определяется скифское происхождение и предлагается сближение с осетинским глаголом со значением «топтать», «крошить», «попирать», «угнетать» (Исмагилов Р.Б., 1989, с. 283). В от-

ношении обозначения «киммерийцев» автор допускает трактовку И.М. Дьяконова, но не исключает его бытования как самоназвания, поскольку оно было известно народам, не говорившим на иранских языках, что отражено, например, в образе великана-людоеда Корморана в английской (гесп. кельтской) сказке (Там же, 1989, с. 272). Опора на кельтскую традицию нам представляется верной и продуктивной. В битве при Сентиуме (295 г. до н.э.) галлы ринулись на римлян, стоя на колесницах и телегах. Оглушительный топот копыт и грохот колес напугал римских коней (Тит Ливий, X, 28). На континенте уже во времена Цезаря в Галлии ведение боя на колесницах исчезло из военной практики. Вместе с тем на островах этот боевой прием сохранился в кельтской среде. Там существовали *essedarii*, которые сражались на *essedae* — особом типе боевых колесниц, причем в Ирландии одно из названий героя, воина — *éirg* означает «едущий на колеснице» (Михайлова Т. А., 1989, с. 136).

В связи с вышеизложенным особый интерес представляют изображения колесницы на оленем камне из Дарви сомона (Дорж Д., Новгородова Э.А., 1975, с. 77) и предположение о ираноязычности колесничих и создателей звериного стиля (Новгородова Э.А., 1991, с. 80). Если свидетельства из осетинской и кельтской традиции верны, то ритуальное дробление, измельчение (песты, молот из мог. Шанчиг) в представлениях раннескифского населения Саяно-Алтайского нагорья могло ассоциироваться с грохотом колесниц, сметавших вражеские ряды. Вероятно, в нач. I тыс. до н.э. они продолжали использоваться в евразийских степях наряду с новой военной силой — конницей и могут быть предположительно связаны с населением которое скрывается у Геродота за этнонимом «исседоны». Связь конкретных археологических комплексов с этим населением в настоящий момент не может быть удовлетворительно обоснована, но свидетельства его генетической истории запечатлены в карасукских и бегазы-дандыбаевских комплексах. Если последнее предположение верно, то исседоны были в числе тех кто использовал каменные изваяния — оленные камни в своей культовой практике.

В.А. Могильников

(г. Москва, Институт археологии РАН)

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ

РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ

V.A. Mogilnykov

(Moscow, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences)

To the characteristic of the early iron age of the north-west foothills of the Altai

Изучение скифской эпохи Алтая и приалтайских степей в последние два десятилетия достигло больших успехов. В научный оборот введен обширный круг новых источников, полученных в результате широких полевых работ, вышел ряд сборников и монографических исследований (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Абдулгансеев М.Т., Владимиров В.В., 1997; Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994; Могильников В.А., 1997) с обобщением накопленного материала. При этом наибольшие успехи в изучении этнокультурных процессов достигнуты применительно к районам Верхнего Приобья, благодаря чему удалось определить своеобразие большереченской культуры переходной эпохи от бронзового века к железному, наметить ее периодизацию и генезис, выявлена специфика культур скифского времени — быстринской в северных предгорьях Алтая, староалейской — в основном на правобережье Оби между устьями Чарыша и Чемровки, каменной — в Каменско-Барнаульском и Новосибирском Приобье, а также — в степном междуречье Оби и Иртыша до Павлодарского Прииртышья. На этом фоне значительно менее изучены районы северо-западных предгорий Алтая, верховий Чарыша, Алая, граничащие со степным Верхним Прииртышьем, открытым для широких контактов с саками Семиречья и Центрального Казахстана. Такая локализация в пограничье различных экологи-

ческих и культурно-этнических ареалов обусловила синкретичный облик культур, сочетавший различные элементы на одной и той же или смежной территориях с раннескифского времени.

К VII–VI вв. до н.э. в рассматриваемом нами регионе северо-западных предгорий Алтая относятся Корболиха-Х, курган 10, Карамышево, курган 3, клад Вакулиха, — все на правобережье Алая и его притоке р. Корболиха (Могильников В.А., 1991, с. 97–98; Тишкин А.А., 1996, с. 119–123; Бородаев В.Б., 1993, с. 150–155), Чесноково-I, курган 2 конца VII — первой половины VI в. на Чарыше (Шульга П.И. и др., 1997, с. 126–127). При этом конструкции погребальных сооружений существенно различались. В кургане 10 Корболихи-Х захоронение находилось в большой прямоугольной яме под каменной насыпью. В кургане 3 Карамышево погребение в сопровождении коня находилось в каменном ящике под каменно-земляной насыпью с кольцевидной выкладкой. В кургане 2 Чесноково-I в яме глубиной 3 м был погребен мужчина, уложенный на спине, вытянуто, головой на СВ в сопровождении шкур двух коней, уложенных на приступке высотой 0,2 м вдоль ЮВ стенки могилы. На одной из них были подпружная пряжка и блок, у другой — детали уздечки — бронзовые налобная бляха, чумбурный блок и ворворка, костяные подвески и обломки трехдырчатого псалия. В инвентаре мужчины представлены 5 костяных черешковых наконечников стрел, бронзовая и костяная застёжки в виде стилизованных головок хищной птицы, обоймочки, 3 пронизки от узды, а среди камней заполнения были захоронены две женщины, уложенные ничком с подогнутыми ногами головами на СЗ и СВ. У черепа одной из них помещался сосуд сако-усуньского типа, а в верхней части заполнения — черепа двух коз, обломки черепов и фрагменты костей крупных копытных животных (Шульга П.И. и др., 1997, с. 126–127). При наличии общего элемента в виде сопроводительных захоронений коня (Корболиха, Карамышево) или его шкуры (Чесноково-I) различие в ряде других деталей ритуала весьма выражено. Погребение кургана 10 Корболихи-Х сближается с майэмирскими погребениями в ямах под каменно-земляными курганами или оградами юго-западного Алтая (Могильников В.А., 1986, с. 51–52). Погребение в каменном ящике кургана 3 Карамышево имеет аналогии среди весьма многочисленных курганов куюмского типа, распространенных преимущественно в северо-восточных и центральных районах Алтая (Могильников В.А., 1986, с. 41–42, 53; Степанова, 1986, с. 79–81; 1996, с. 54–69). На связь данного региона с Саяно-Алтаем указывают также удила с У-образными псалиями из клада Вакулихи-I, основной ареал которых определен В.Б. Бородаевым (1993, с. 152, 155) на участке протяженностью около 700 км от района Змеиногорска до верховий Енисея, Улуг-Хема, предполагавшим возможность миграции группа населения с Западного Алтая на восток. Последнее заключение согласуется с начальным периодом миграции саков на восток, но нуждается еще в дополнительном подкреплении конкретным археологическим материалом. Во всяком случае это согласуется с ходом процесса формирования пазырыкской культуры к середине VI в. до н.э. при, вероятно, определяющем воздействии пришельцев с запада. Погребение кургана 2 Чесноковки-I выделяется своим своеобразием и в то же время также соотносится по отдельным элементам с памятниками майэмирского этапа Горного Алтая. Погребения в сопровождении шкуры, головы и конечностей коня, представлены в памятниках куюмского типа, наряду с захоронениями целого остова коня. Захоронение головы и конечностей лошади встречены также в кургане 42 с кольцевидной выкладкой на юго-западе Алтая (Сорокин С.С., 1974, рис. 2.–1–6), где найдены также бронзовые стремячковые удила, пронизка-столбик со спиральным орнаментом и подобные чесноковским трочные пряжки, датирующие погребение VII — первой половиной VI в. до н.э. Расположение останков коней на приступке сопоставимо с захоронением пары коней в кургане 5 Карбана-I, а укладывание целого коня или его шкуры в южной части могильной ямы или с южной стороны от каменного ящика встречено в ряде курганов Алтая конца VIII — первой половины VI вв. до н.э., в т.ч. и в Карбана (Дёмин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992, с. 28, 29, 32–33) и в Чесноково-I. Выделяющие погребение кургана 2 Чесноково-I большая глубина могильной ямы и вытянутое положение погребенного обусловлено его высоким социальным статусом и в то же время является поздним признаком, присущим погребениям знати в больших курганах пазырыкской и, отчасти, каменной культур (Могильников В.А., 1997, с. 17, 27), а также — большая глубина ям представлена в курганах быстринской культуры. Примечательно, что расположение останков коня в южной части могильной ямы в Чесноково-I и ряде майэмирских курганов Алтая как бы предшествует генетически подобному расположению коней преимущественно в южной части могильных ям, с приступкой или без нее, в курганах

быстрянской культуры (Киреев С.М., 1992, с. 57–58), указывая на один из компонентов формирования последней и ее синкретичный (синтетический) характер, включавший также больше-реченский субстрат и пришлый сакский элемент.

Отмеченные различия погребального ритуала в курганах предгорий объясняются неоднородностью этнического состава Алтая в VII–VI вв. до н.э., когда интеграционные процессы уже имели место, но еще не привели к стабилизации и нивелировке облика культуры. Впрочем, неоднородность этнического состава у населения Алтая сохранялась и в скифское время, проявлением чего было существование в составе этноса пазырыкской культуры этнокультурной группы, характеризующейся памятниками кара-кобинского типа, генетически восходящей к аборигенному куюмскому пласту раннескифского времени. Миграция в Горный Алтай в первой половине VI в. до н.э. группы, вероятно, ираноязычных кочевников, приведшая к формированию пазырыкской культуры, в материале северо-западных предгорий Алтая пока не прослеживается. По-видимому, она явилась результатом быстрого, кратковременного, как это считает Л.С. Марсадолов (1997, с. 24), похода, от которого на пути движения не осталось значительных следов. Значительно больше данных для суждения о миграциях групп саков на восток и северо-восток в степные районы Алтайского края, что прослеживается также с первой половины VI в. до н.э. и было обусловлено как внешнеполитическими факторами, давлением кочевников Южного Приуралья, войнами саков с ахеменидским Ираном, так и стремлением к овладению новыми пастбищами в связи с ростом населения и количества скота. Сочетание этих факторов обусловило неоднократный приток сакского населения различного происхождения в степное и лесостепное Обь-Иртышское междуречье и в меньшей мере — на правобережье Оби. Находки фигурок кошачьих хищников и кабана, штампованных из золотой фольги, в курганах 2,3 Ключи-III VI–V вв. до н.э. и дромосные конструкции могильных ям (Телегин А.Н., 1996, с. 138–141, рис. 1; 1997, с. 140–142, рис. 1.–1,2) указывают на контакты с саками Казахстана и, по-видимому, даже маркируют путь миграции саков, скорее всего из района Приаралья в Кулунду. Именно в Приаралье представлено сочетание захоронений с дромосами, фигурок кошачьих, выполненных в аналогичном стиле, и грушевидных кувшинов, типичных для каменной культуры Кулунды (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, рис. 12, 2, 21, 22, 5, 29, 1–4, 41, 44, 1, 2, 48, 50, 54, 56, 57, 1, 64, 66, 78; Вишневская О.А., 1973, табл. 1.–6, 22, 22–25). Наиболее вероятно определять время этой миграции первой половиной VI в. до н.э. и, возможно, что она была не одномоментной, а тянулась импульсами на протяжении нескольких десятков лет и проходила параллельно с отступлением тасмолинцев из Южного Приуралья на восток под давлением кочевников Южного Приуралья (савроматов). Саков Приаралья и каменцев Кулунды объединяет также ориентировка погребенных головой на запад, что в меньшей степени свойственно сакам тасмолинской культуры, укладывавших погребенных головой на С и СЗ. Появление у тасмолинцев штампованных из золотой фольги фигурок кошачьих хищников скорее всего объясняется их контактами с саками Приаралья. Такое заключение следует уже из рассмотрения самого сюжета, предусматривающего распространение его с юга на север, а не наоборот. Из сказанного отнюдь не следует, что тасмолинцы не участвовали в развитии этнокультурных явлений в степном междуречьи Иртыша и Обь, но в свете современной изученности источников их роль в этом процессе представляется небольшой и ограничивавшейся районами, тяготевшими к Иртышу. Курганы с усами известны на правобережье Верхнего Прииртышья в Зевакино, Шемонаихинского р-на, у с. Ленинка в могильнике Кызылтас и у с. Точка Уланского р-на Восточно-Казахстанской области, всего 9 курганов, пять из которых раскопаны и датированы Ф.Х. Арслановой (1975, с. 129) III–V вв. Курганы с усами выявлены на Алтае близ с. Локоть на верхнем Алее (Ситников С.М., Шульга П.И., 1995, с. 59). Судя по длине каменных дуг, отходящих к востоку на 95–110 м, вероятно, эти курганы относятся к середине I тыс. до н.э. У поздних курганов с усами, исследованных в Верхнем Прииртышье, дуги относительно короткие (Арсланова Ф.Х.; 1975, рис. 1, 2) и появление их здесь, возможно, связано уже с перемещениями племен в эпоху великого переселения народов. Близость тасмолинской культуре Центрального Казахстана усматривают П.И. Шульга с соавторами в деталях погребального ритуала к. 2 Чесноковки-I на Чарыше (Шульга П.И. и др., 1997, с. 127), делая вывод, что здесь погребены выходцы из казахстанских степей. Это вполне возможно, но в то же время черты формирующегося пазырыка, отмеченные и авторами публикации, не менее выражены. Можно добавить, что черепа коз встречены также в отдельных ранних пазырыкских курганах (Могильников В.А., 1988, с. 73–74), хотя в целом эта черта ритуала для пазырыкцев нехарактерна. Проникновение небольшой группы кочевников

Южного Приуралья (савромат) в Обь-Иртышское степное и лесостепное междуречье в V–IV вв. до н.э., констатируемое появлением диагональных и, отчасти, подбойных захоронений, а также, вероятно, прямоугольных каменных алтариков на ножках (Кирилловка-III, Андроновое, Камень-II и др. (Могильников В.А., 1997, с. 23–25, рис. 64), проходило скорее всего по пограничью ареалов саргатской и тасмолинской культур, что нашло отражение в материале данных культур (Могильников В.А., 1997, с. 87, 104; Хабдулина М.К., 1994, с. 82), а также — в антропологическом облике населения, фиксирующем присутствие сарматского компонента в памятниках гороховской и саргатской культур (Багашев А.Н., 1996, с. 27; Дрёмов В.А., 1978, с. 179). Принимая во внимание связанные с этой миграцией савромато-саргатские контакты, можно полагать, что появление ранних саргатцев в ареале каменной культуры было, вероятно, связано с этим далеким проникновением на восток савромат, увлекших с собой также небольшую группу саргатцев. Отмечаемое М.Т. Абдулганеевым и В.Н. Владимировым (1997, с. 66) отсутствие сарматского влияния в поселенческом материале легко объяснимо отсутствием поселений на основной территории расселения савромат, что обусловлено их кочевым КХТ. Вместе с тем мы также считаем, что савроматское проникновение V–IV вв. до н.э. было небольшим, захватило северную часть Кулунды до района Камня-на-Оби. В более южных районах сарматское влияние прослеживается в комплексе вооружения — формах мечей, наконечников стрел и, возможно, — в распространении прямоугольных алтариков и четырех ножек, продолжавших савроматскую традицию, исчезнувшую с IV в. до н.э. в основном сарматском ареале.

Гораздо большее и, пожалуй, даже определяющее влияние на развитие этнокультурных процессов в Обь-Иртышском степном и лесостепном междуречье с середины VI в. до н.э. сыграла миграция на СВ саков Семиречья и Притяньшанья, имевшая, очевидно, несколько импульсов, подпитывавших сакский компонент на вновь освоенной территории и достигшая пределов Ачинско-Мариинской лесостепи (Мартынов А.И., 1979, с. 151, табл. 39). Неоднократность миграций саков Семиречья в приалтайские степи подтверждается открытием в к. 9 могильника Локоть-IVа погребения мужчины V–IV вв. до н.э., одежда которого по покрою и украшению золотыми бляшками была подобна костюму вождя из погребения в кургане Иссык под Алма-Атой (Гельмель Ю.И., Ситников С.М., Шульга П.И., Шульга Н.Ф., 1996, с. 102–103). К сакской керамике данного региона восходят в каменной культуре кувшиновидные формы глиняных сосудов, особенно, грушевидные, подлощенность их поверхности, высокий процент неорнаментированной посуды. Орнамент каменной керамики восходит в основном к местному компоненту, а также — к влиянию, особенно на позднем периоде развития, декора саргатской посуды. Распространение сакской манеры имитации швов кожаной посуды, по-видимому, приходится в основном на последнюю треть IV в. до н.э. и, очевидно, было привнесено новой волной сакской миграции, толчком к которой явились завоевания в Средней Азии Александра Македонского. В трансформированном виде манера имитации швов на сосудах сохраняется в III–II вв. до н.э. (Могильников В.А., Уманский А.П., 1992, рис. 1.–7; рис. 2.–8; рис. 8.–8). По-видимому, швы имитировали также часть валиков, особенно вертикальные, на сосудах быстринской культуры предгорий, но происхождение их отлично и восходит к валикам на посуде пазырыкской культуры, хотя сакские элементы в генезисе населения предгорий также участвовали (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с. 66).

В северо-западных предгорьях Алтая взаимодействие пазырыкцев и саков хорошо прослеживается на материале курганов 1, 2 Гилево-X, где представлены специфичные для саков каменно-земляные насыпи с кольцом из наброски камней или развалившейся оградки по периметру с погребениями в грунтовых ямах, но сопровождавшиеся по пазырыкскому ритуалу захоронениями коней, а также — устройство погребальной камеры в виде бревенчатой обкладки или сруба. В погребениях представлены свойственный пазырыкцам кувшин с узким горлом и более характерный для каменной культуры стакановидный сосуд (Могильников В.А., 1990, с. 78–83, рис. 1). Установленная здесь западная ориентировка погребенных присуща сакам, населению каменной и быстринской культур, а захоронение коней на приступ — вдоль южной стенки могилы — ритуалу быстринцев. Курганы датируются находкой рукояти кинжала со сломанным под углом, близким к бабочковидному, перекрестием и серповидным или рожковидным навершием, а также костяными втульчатыми наконечниками стрел со сводчатой головкой V–IV вв. до н.э. Такое сочетание разнотипных элементов обусловлено локализацией региона в

зоне контакта саков Казахстана, пазырыкцев Алтая, многокомпонентных по генезису этносов каменной и быстринской культур. Выраженные пазырыкские черты — ориентировка на восток, черная краска в изголовье, с элементами своеобразия представлены в кургане IV–III вв. до н.э. Покровский Лог-V на Чарыше (Гельмелъ Ю.И., Дёмин М.А., Шульга П.И., Шульга Н.Ф., 1996, с. 110–113). При этом следует отметить, что пазырыкцы нигде далеко не углублялись в степь, чем можно объяснить слабое влияние их на население каменной и староалейской культур. У первой оно наиболее выражено в материале курганов V–IV вв. до н.э. Рогозиха-I (Уманский А.П., 1987, с. 40–43, рис. 6; 1992, с. 58; Могильников В.А., 1997, с. 104). В IV–III вв. до н.э. влияние пазырыкцев на население предгорий по верхнему Алею, видимо, ослабевает. Об этом свидетельствует материал курганов 3,6 Корболихи-X, в которых представлены каменно-земляные насыпи с кольцевой оградой, подобные сакским и кувшиновидные сосуды, близкие керамики каменной и кулажургинской культур (Могильников В.А., 1981, с. 98–99, 101, рис. 2, 1, 3–6). Подобный сосуд встречен в к. 2 Щепчихи-I (Тишкин А.А., 1993, с. 91, 92, рис. 1–8). Погребенные лежали головами на В и ЗЮЗ. В III–I вв. до н.э. район верхнего Алея втягивается в ареал кулажургинской культуры. В микрорайоне Гилево-Корболиха распространяются каменно-земляные курганы (Гилево-IX, XIII) с узкими глубокими ямами и захоронениями на спине, вытянуто, головой на З, без коня, с крынковидными сосудами, подобными вышеуказанным, что присуще этой культуре.

В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак
(г. Новосибирск, Институт археологии
и этнографии Сибирского отделения РАН)

**ПАЗЫРЫКСКАЯ КУЛЬТУРА
НА ПЛОСКОГОРЬЕ УКОК — ПЕРВЫЕ ИТОГИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

V. Molodin, N. Polos'mak
(*Novosibirsk, Institute Archaeology and Ethnography SD RAS*)
The Pazyrick culture on the Ukok-plateau —
the first sums and scientific researches perspectives

В 1990 году специалистами Института археологии и этнографии СО РАН были начаты планомерные исследования на плоскогорье Укок (Республика Алтай, Россия). За семь полевых сезонов накоплен значительный материал, касающийся различных исторических периодов обитания здесь человека (Molodin V., 1995; Молодин В.И., 1997б). Весьма представительный объем источников, полученный на плоскогорье, относится к пазырыкской культуре раннего железного века. Этот уникальный материал оказался в высшей степени информативным, что позволяет видеть в пазырыкских древностях Укока оригинальные источники для историко-культурных, этнических, палеоэкологических и палеосоциологических реконструкций истории древних популяций, обитавших в этом районе Центральной Азии в эпоху эллинизма.

Авторы видят свою задачу в том, чтобы познакомить научное сообщество (хотя бы в конспективном изложении) с некоторыми результатами, которые уже удалось получить в ходе работы над пазырыкскими коллекциями, а также обсудить перспективы дальнейшего научного поиска.

Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье представлены в весьма значительном количестве. Это несколько десятков могильников, насчитывающих сотни курганов. По размерам надмогильных сооружений они довольно отчетливо подразделяются на две группы. Большинство объектов представлено сооружениями до 15 м в диаметре, принадлежавших, вероятно, рядовым членам пазырыкского сообщества. Исследования проведены на 13 таких

памятниках, где раскопан 21 курган (Молодин В.И., 1992а,б; Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994 а,б; Молодин В.И., Мыльников В.П., 1994; Полосьмак Н.В., 1994 а,б; Молодин В.И., Новиков А.В., 1994; Молодин В.И., Каен-Девайте А., Массар К., Мыльников В.П., Хохлова О.Н., 1993).

Единично на плоскогорье представлены курганы диаметром около 30 м. Два таких памятника — Кутургунтас и Ак-Алаха-IV, были раскопаны (Полосьмак Н.В., 1992; Polos'mak N., 1994). Эти курганы, вероятно, принадлежали среднему социальному слою пазырыкского общества.

Еще два комплекса (Ак-Алаха-I, к. № 1 и Ак-Алаха-III, к. № 1) не отличались значительными в диаметре размерами, тем не менее они содержали захоронения явно не рядовых по своему социальному статусу членов пазырыкского сообщества (Полосьмак Н.В., 1991, 1995; Polos'mak N., 1991, 1994).

Пазырыкские погребальные памятники Укока выгодно отличают два обстоятельства. Во-первых, большинство объектов не подвергалось антропогенному воздействию, в связи с чем не менее 90% исследованных погребальных комплексов оказались непо потревоженными грабителями (к сожалению, этого нельзя сказать о больших курганах, которые были ограблены). Во-вторых, шесть исследованных на плоскогорье курганов содержали «замерзшие» могилы, что позволило получить принципиально новые данные по материальной и духовной культуре пазырыкцев. Следует особо подчеркнуть, что впервые были исследованы два непо потревоженных комплекса, принадлежавших особому социальному слою пазырыкского общества (Полосьмак Н.В., 1991, 1995; Polos'mak N., 1991, 1994). Таким образом, оба выше обозначенных фактора позволили получить в пазырыкских погребениях Укока качественно новую информацию по проблемам пазырыкской культуры. Особенно, замечательными оказались погребальные комплексы с мерзлотой, на которых следует остановиться особо.

Открытие и исследование замерзших захоронений на Алтае, начатые академиком Радловым В.В. (1889) и блестяще продолженные Грязновым М.П. (1950), Руденко С.И. (1952, 1953, 1960), а затем Кубаревым В.Д. (1987, 1991, 1992), получило на Укоке дальнейшее развитие. Их качественное отличие от любых других древних погребений заключается, во первых, в наличии значительного количества предметов, изготовленных из ткани, кожи, меха, войлока и дерева, в других условиях не сохраняющихся. Чрезвычайно важно, что эти предметы не только существенно дополняют как качественно, так и количественно все без исключения категории погребального инвентаря носителей пазырыкской культуры, но, в ряде случаев, являются по существу единственными образцами определенных видов изделий (речь идет прежде всего об одежде, обуви, головных уборах). Во-вторых, обнаружение укокских комплексов *in situ* позволяет реконструировать отдельные нюансы погребального обряда на новой, по существу этнографической основе. В третьих, в ряде пазырыкских захоронений были обнаружены остатки мягких тканей человека и лошади, а также два мумифицированных тела женщины и мужчины (Polos'mak N., 1994, Молодин В.И., 1995), позволяющие на принципиально новой основе рассматривать проблему этногенеза коренных жителей Сибири вообще и носителей пазырыкской культуры — в частности.

Следует подчеркнуть еще одно чрезвычайно значимое обстоятельство. Помимо собственно пазырыкских древностей, на Укоке открыты и исследованы памятники, синхронной ей караобинской культуры (Молодин В.И., Мыльников В.П., 1994 б; Polos'mak N., 1994), а также предшествующего периода раннескифского времени, где особенно замечателен погребальный комплекс в сочетании с оленными камнями Ак-Алаха-II (Полосьмак Н.В., 1993) и погребальное сооружение периода развитой или поздней бронзы Бертек-56 (Молодин В.И., 1993). Вместе с тем открыты и исследованы ритуальные и погребальные комплексы последующего за пазырыкским гунно-сарматского времени (Молодин В.И., 1994, 1997; Савинов Д.Г., 1994). Все это имеет чрезвычайно важное значение для изучения генезиса культуры, формирования антропологического типа и исторических судеб ее населения (Чикишева Т.А., 1994, 1997).

Прежде чем приступить к изложению некоторых выводов, уже полученных при аналитической работе над материалом, хотелось бы особо подчеркнуть проблему полевой методики изучения замерзших захоронений. Здесь, помимо уже испытанных нашими предше-

ственников методов, были разработаны и внедрены некоторые новации (например, создание в камере «парникового эффекта»), позволившие исследовать комплексы без каких-либо потерь.

Научные результаты, полученные при изучении пазырыкских древностей Укока, нашли отражение в десятках статей и трех монографических исследованиях (Древние культуры..., 1994; Полосьмак Н.В., 1994, 1997). Широкое использование мультидисциплинарного подхода, с помощью привлечения широкого круга специалистов естественных и точных наук, позволило в предельно короткий срок написать коллективную монографию «Феномен алтайских мумий», которая находится в стадии редподготовки. Учитывая ее скорое появление, в настоящем докладе мы затронем лишь отдельные выводы, получившие отражение в печати. Хотелось бы особо подчеркнуть, что уже на стадии разработки международной программы «Пазырык» (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1992; Derev'anko A., Molodin V., 1994) нами предусматривалась реализация принципа максимально широкой международной и междисциплинарной интеграции, что позволило уже сегодня получить принципиально новые научные знания и сделать важные выводы.

1. Раскопки пазырыкских памятников Укока позволили выявить некоторые, ранее не зафиксированные, черты погребальной обрядности, связанные с конструктивными особенностями надмогильных сооружений (Молодин В.И., 1992), самих могил и погребальных камер, устройством внутримогильного пространства, положением и экипировкой умерших. Многие детали погребального обряда, сохраненные только благодаря льду, позволяют говорить об этнографических особенностях культуры (Полосьмак Н.В., 1997).

2. В результате совместных исследований со специалистами Института цитологии и генетики СО РАН по изучению генофонда древних популяций в настоящее время получены цепочки ископаемого ДНК, принадлежащие нескольким популяциям укокских пазырыкцев (Воевода М.И., Ситникова В.В., Чикишева Т.А., Полосьмак Н.В., Молодин В.И., Деревянко А.П., Шумный В.К., 1998). Более того, удалось установить, что наиболее близким по обнаруженному набору вариантов митохондриальной ДНК пазырыкцев по своему структурному составу оказался митохондриальному генофонду самодийцев, что открывает новые перспективы в оценке эволюционных взаимоотношений различных этнических групп Северной и Центральной Евразии (Молодин В.И., Ромащенко А.Г., Воевода М.И., Ситникова В.В., Чикишева Т.А., 1998).

3. В результате физико-химических исследований артефактов из укокских погребальных комплексов был выяснен состав красителей, используемых пазырыкцами для нанесения татуировок, в косметических и ритуальных целях; установлено вещество, применяемое ими при бальзамировании тел умерших; определены состав и происхождение металлов, из которых приготавливались разнообразные предметы, а также способы получения золотой фольги; выявлена особая роль олова в материальной культуре пазырыкцев, выяснен состав формообразующей массы — основы женских причесок-париков; и т.д. Результаты проведенных исследований подробно изложены в серии статей (Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Малахов В.В. и др., 1996; Полосьмак Н.В., 1996; Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Малахов В.В. и др., 1997; Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Малахов В.В., Власов А.А., 1998).

Новые данные, полученные с помощью современных физико-химических методов исследования, позволили с большой долей достоверности аргументированно реконструировать столь важные в пазырыкском обществе ритуалы бальзамирования и татуирования. Кажется надежно установленный факт, что эти ритуалы касались всех пазырыкцев, а не только их правящей верхушки, как это представлялось до сих пор. Чрезвычайно информативным для воссоздания определенных мировоззренческих и мифологических представлений оказалось определение состава формообразующей массы женских причесок — париков и наполнителя мумий, установление видов плодов и растений, обнаруженных в погребениях Укока и используемых в различных ритуалах, историко-культурный и физико-химический анализ образцов одежды и тканей, войлоков и посуды, украшений и конской упряжи и других категорий погребального инвентаря (Полосьмак Н.В., 1997). По результатам этих исследований одним из авторов подготовлена монография, посвященная реконструкции мировоззренческих и мифологических представлений пазырыкцев.

К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет нам даже перечислить все те новейшие выводы, которые получены в результате исследований пазырыкских древностей Укока. Основной массив результатов скоро увидит свет в выше указанной монографии.

В заключение нам хотелось бы особенно подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, несмотря на впечатляющие научные результаты, осуществление мультидисциплинарного подхода к источникам позволяет в будущем надеяться на получение принципиально новых научных данных. К примеру, в настоящее время мы совместно с генетиками Института цитологии и генетики СО РАН и Аризонского университета (США) приступили к реализации совместного проекта, главной целью которого является использование Y-хромосомы как генеологического и демографического инструмента для разработки модели происхождения и миграции древних и современных популяций Алтая и установление генетических связей между этими популяциями с точки зрения мужской наследственности. Во-вторых, нам представляется недопустимым запрещением на плоскогорье Укок научных (в том числе и археологических) исследований. Речь идет о том, что по существу из-за прихоти небольшой группы далеких от науки людей мы теряем возможность получения принципиально новых научных знаний. В условиях же процесса глобального потепления климата на планете имеет место реальная опасность утраты для науки и человечества (Молодин В.И., 1998) бесценных материалов, сохранившихся в мерзлоте. Поэтому речь должна вестись по существу об охранных раскопках на плоскогорье.

Д.В. Папин, А.Б. Шамшин

(г. Барнаул, Алтайский государственный университет)

МАТЕРИАЛЫ

ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ

К ЭПОХЕ ЖЕЛЕЗА В ЛЕСОСТЕПНОМ АЛТАЙСКОМ ПРИОБЬЕ

D.V. Papin, A.B. Shamshin

(Barnaul, Altai State University)

*The materials of the transition time from
the bronze to iron epoch in the Altai forest-steppe
near Ob region.*

В (IX) VIII вв. до н.э. в горах Саяно-Алтая формируются раннескифские культуры с единообразным набором конского снаряжения, вооружения, предметов быта и искусства. В это время, к северу от Горного Алтая, в лесостепи, возникают культуры переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа: позднейрменская, завьяловская и большереченская. В этих комплексах обнаружены вещи раннескифского типа, прежде всего бронзовые наконечники стрел и детали узды. Наибольшее их количество найдено в ареале распространения большереченской культуры, в лесостепном Алтайском Приобье. В настоящее время здесь известно более 30 поселений и пять могильников, относящихся к этой культуре (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998 и др.). Несмотря на наличие здесь таких важных элементов скифской триады как типы оружия и конской упряжи, вряд ли эти культуры можно отнести к раннескифскому кругу. Во-первых, не известны предметы искусства в раннескифском зверином стиле. Во-вторых, в погребальном обряде не выделяется роль лошади, как, например, в Горном Алтае, где в могилу помещается лошадь или её часть, либо детали конского снаряжения (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 59). В-третьих, особенности керамического комплекса, несут в себе яркие черты предшествующей эпохи поздней бронзы (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, с. 91). Таким образом, позднебронзовая культурная традиция продолжает развиваться в лесостепном Алтае вплоть до VI в. до н.э., когда эти территории окончательно осваиваются носителями круга скифских культур.

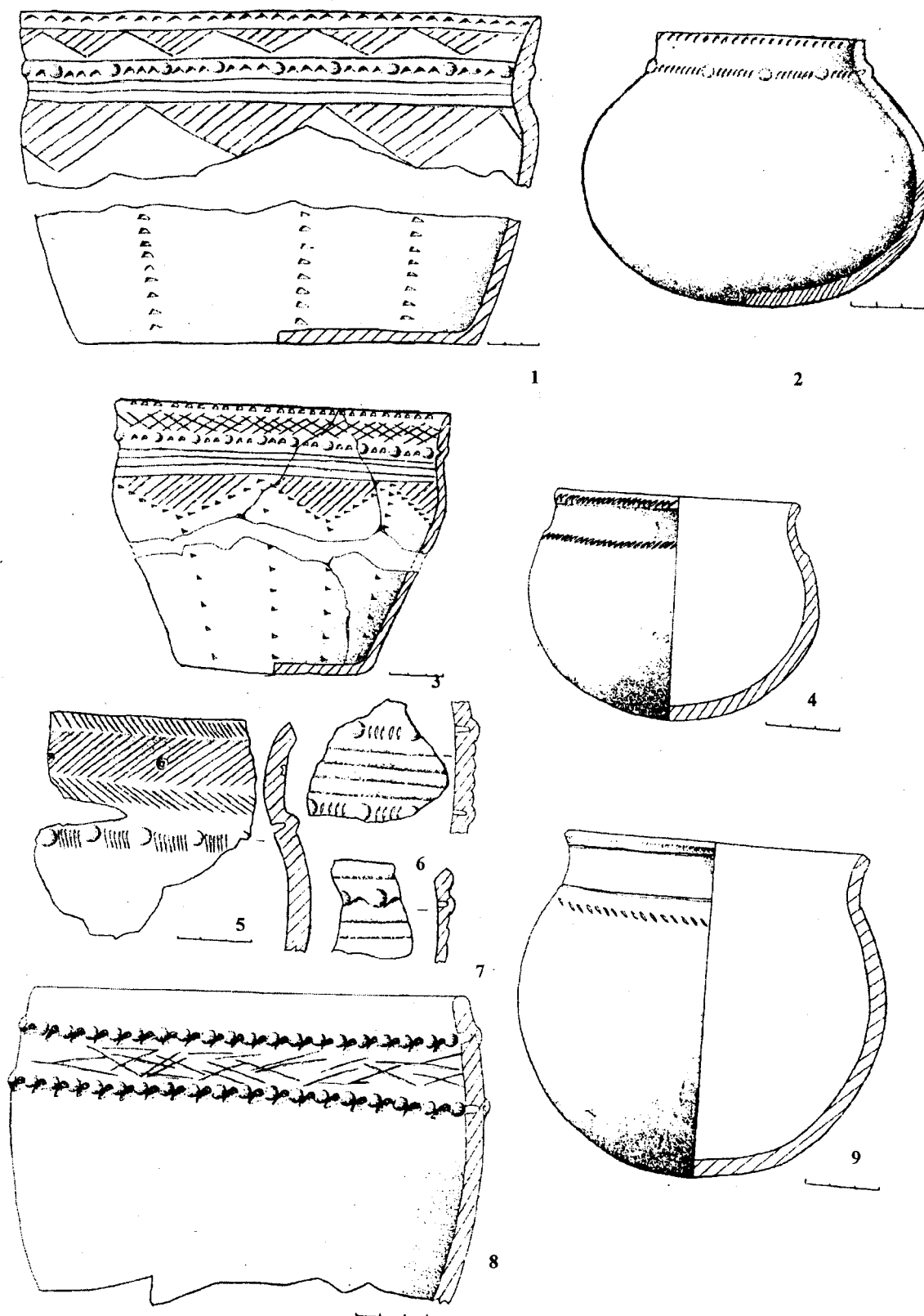

Рис. 1. Могильник Фирсово-XIV. Керамический комплекс переходного времени.

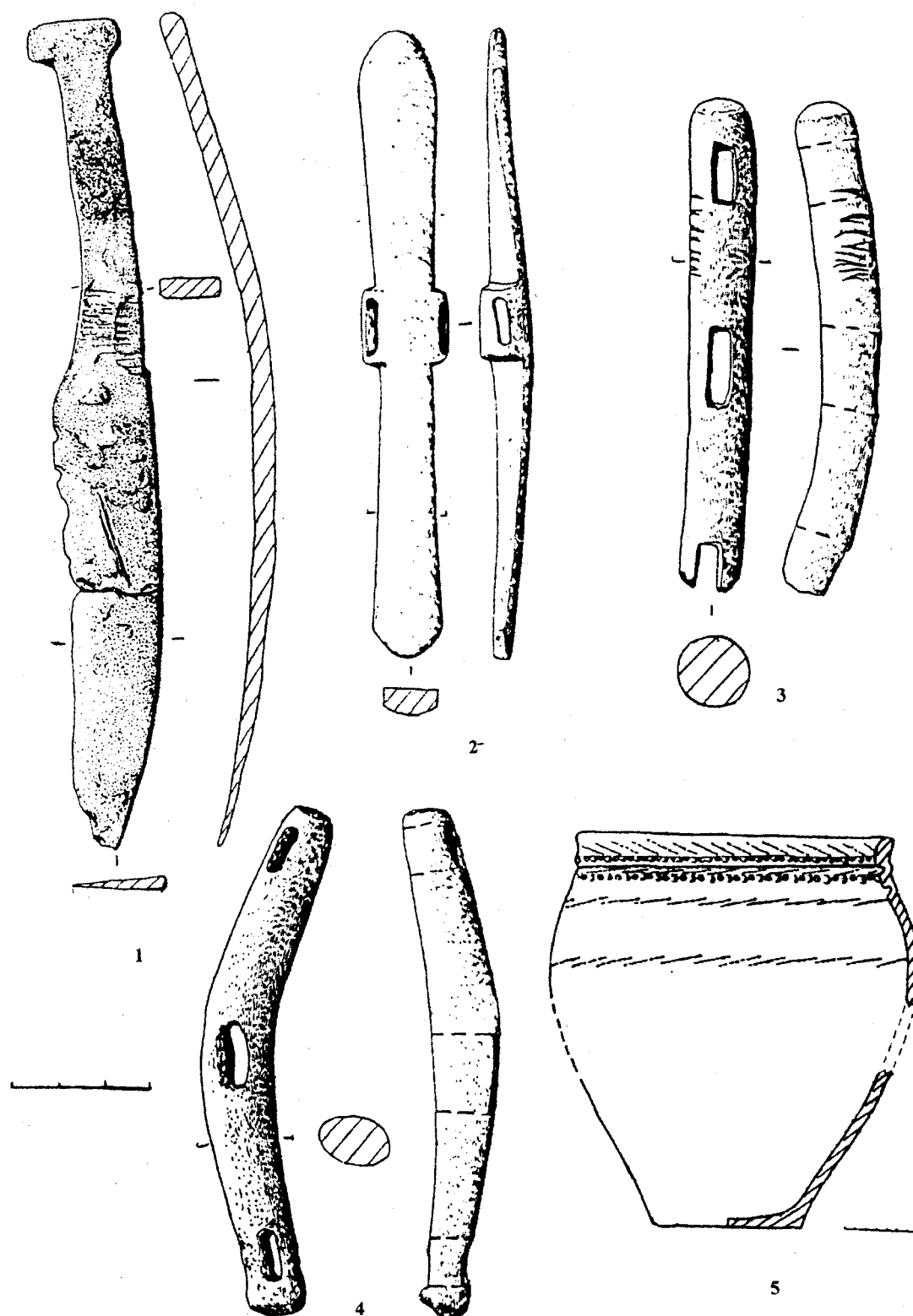

Рис. 2. Поселение Фирсово-XVIII. Материалы переходного времени.
1 — бронза; 2-4 — кость; 5 — глина.

Наиболее сложной остаётся проблема генезиса культур переходного времени. Участие в нем ирменского компонента признаётся всеми исследователями, но роль его различна. Для районов Барабы он является ведущим (Молодин В.И., 1985), для Новосибирского Приобья — определяющим развитие завьяловской культуры (Троицкая Т.Н., 1985). В лесостепном Алтае большереченская культура возникает как синтез ирменской и корчажкинской, при участии носителей «валиковой» и «крестовой» керамики. Это чётко прослеживается при анализе керамического комплекса — внутри единой большереченской культуры существуют памятники, локальные особенности которых восходят к тому субстрату, на основе которого началось формирование комплекса (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, с. 94).

Кроме того, известны находки деталей конской упряжи на ирменских поселениях. Это трёхдырчатые костяные псалии. Они найдены на поселениях Цыганкова Сопка-I, Ирмень-I, Фирсово-XVIII. С последнего памятника происходят два предмета. Это слабоизогнутые, роговые псалии с тремя отверстиями подовальной формы (рис. 2.-3,4). На одном изделии отверстия параллельны широкой плоскости тела предмета, на втором — перпендикулярны. Одно отверстие прорезано. Как элемент конской упряжи — наносник трактуется нами, третье костяное изделие, имеющее по центру приспособление для его горизонтального закрепления (рис. 2.-2). Само поселение Фирсово-XVIII сложный объект, наряду с материалами ирменской культуры здесь найдена керамика корчажкинского облика и раннего железного века, но кроме упомянутых костяных изделий к интересующему нас периоду можно отнести бронзовый, пластинчатый, дугообушковый нож с подпрямоугольным навершием (рис. 2.-1). Ножи подобных форм с навершием широко распространены в (IX) VIII–VI вв. до н.э. (Арсланова Ф.Х., 1974, табл. I; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1998, рис. 58). Оттуда же происходит реконструированный горшок, оформленный по горлу сопряжённым двойным рядом жемчужника. Подобная орнаментация встречена на сосуде, происходящем с позднеирменского поселения МГК-I/3, исследуемого одним из авторов.

Важно так же нахождение большереченских материалов на могильнике Фирсово-XIV, расположенном в 400 м от поселения Фирсово-XVIII. В культурном слое этого погребально-поминального комплекса найдено несколько скоплений керамики и целых сосудов, относимых нами к большереченской культуре. В квадрате 505 были обнаружены развалы двух сосудов позднеирменского облика (рис. 1.-1,3), а вместе с ними типичная керамика с большереченской орнаментацией (рис. 1.-5). Ещё два сосуда стояли вверх дном, один в другом (рис. 1.-2,9). Подобная практика зафиксирована на Алтае для этой эпохи в могильнике Осинки (Савинов Д.Г., 1975; Членова Н.Л., 1994) и на поселении Малый Гоньбинский Кордон-I/3. Сосуды подобных форм (рис. 1.-2,4,9) соответствуют погребальной керамике большереченской культуры (Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М., 1997, рис. 8,9; Грязнов М.П., 1956, табл. XIX-16-19). Последний сосуд баночной формы, с неорнаментированной верхней зоной венчика (рис. 1.-8) характерен для керамики раннего железного века, но двойной ряд жемчужника является надёжным диагностирующим признаком керамики переходного времени. Можно сказать, что на могильнике Фирсово-XIV представлена эволюция керамических форм от позднеирменского облика к раннему железному веку, в рамках большереченской культуры.

Определяя место рассмотренных выше материалов из Фирсовского микрорайона (Шамшин А.Б., 1997, с. 330), отметим, что они характеризуются сильным пережиточным влиянием ирменской культуры. При этом надо сказать, что хозяйство большереченской культуры характеризуется как многоотраслевое, где развитое скотоводство сочеталось со значительной долей охоты и рыболовства (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, с. 92), а ирменское имеет ярко выраженную скотоводческую направленность (Шамшин А.Б., Гальченко А.В., 1997, с. 101-104) и наиболее схоже с хозяйством населения раннескифского времени Горного Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1996, с. 105). Повышение роли лошади в обществе ирменцев фиксируется по находкам на поселениях такого важного элемента как детали конской упряжи, а в погребально-поминальной практике по костным остаткам лошадей в насыпях ирменских курганов (Папин Д.В., Тишкин А.А., 1998, с. 331; Бобров В.В., Горяев В., 1998, с. 182-186). Как показывают материалы Фирсовского микрорайона, отдельные группы позднеирменского населения существуют в рамках раннего этапа большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа.

Л.М. Плетнева, Ф.И. Мец
(г. Северск, музей,
г. Томск, Томский государственный университет)

РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ТОМСКОМ ПРИОБЬЕ

L.M. Pletniova, F.I. Metz
(Seversk, Muzeum of Local Lore, Tomsk State University)
Ritual complex of early iron age in Tomsk near Ob region

1. Во время раскопок курганного могильника у устья М. Киргизки XII–XIV вв. в насыпях курганов, в грабительских ямах и межкурганном пространстве было обнаружено несколько бронзовых предметов: полое навершие, бляшка с изображением двух грифонов с оленьими рогами, четырехлепестковая бляшка, кинжал с почковидным перекрестьем и овальным навершием и развал сосуда баночной формы, украшенный рядом бугорков и прочерченных крестов между ними.

В межкурганном пространстве центральной части могильника, в самом высоком месте гривы зафиксирована площадка размером 1,3×1,8 м. В северо-восточной части ее была вырыта яма диаметром 30 см в верхней части и сужающаяся книзу до 22 см, глубиной 15 см. В нее был поставлен бронзовый котел на поддоне с носиком и двумя ручками. Котел обращен носиком на восток. Вокруг котла зафиксировано 18 ямок, вертикальных в разрезе диаметром до 8 см и глубиной 6–14 см. К юго-западу от котла лежал миниатюрный сосуд на поддоне, к югу от него найдено бронзовое прорезное навершие с петелькой на конце. К северу и западу от котла выявлены два фрагмента керамики без орнамента. Кроме того, обнаружены плоские гальки и камни. Котел был заполнен углистой землей, как и яма вокруг него. При расчистке этого сооружения фиксировались мелкие пережженные кости.

2. Датировать этот комплекс можно бронзовыми предметами и керамическим сосудом. В целом дата комплекса укладывается в V–III вв. до н.э. Сложнее определить культурную принадлежность. Бронзовые предметы, происходящие как из комплекса, так и из насыпей курганов, скорее всего тагарского происхождения. Однако присутствие керамического сосуда (если он был связан с ритуальным комплексом) не позволяет однозначно решить этот вопрос, так как такие сосуды и, в основном, орнаментация, характерны как для шеломокской культуры, так и для лесостепного Алтая и южной части Новосибирского Приобья (Плетнева Л.М., 1977; Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997).

3. Ритуальные действия на Малой Киргизке связаны были, видимо, с идеей благополучия какого-то коллектива. В индо-иранской мифологии, характерной для скифо-сибирского мира (Раевский Д.С., 1983; Переводчикова Е.В., Раевский Д.С., 1981) расположение ритуального места на самом высоком месте окружающей территории олицетворяет связь с Мировой Горой. Вертикально поставленные шесты — с Мировым Деревом. Котел (очаг) мыслился как центр освоенного и защищенного пространства, как символ благополучия, в нем преподносили напитки богам. Огонь осуществлял в данном случае связь с Верхним Миром. Наличие кинжала и пережженных костей, возможно, говорит о жертвоприношении. Бляшка с двумя грифонами с оленьими рогами может быть трактована как космограмма (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 90). Таким образом, все обнаруженные предметы, как и ямы от шестов, засыпка котла и ямы вокруг него углистой землей, указывают на существование на Малой Киргизке ритуального комплекса.

Ритуалы, известные у индо-иранского населения скифского времени, сохраняются в традиционном мировоззрении тюрков Южной Сибири почти до настоящего времени (Львова Э.Л. и др., 1989). Не исключено, что они бытовали у населения XII–XIV вв., оставившего могильник у устья Малой Киргизки, где задолго до него располагался ритуальный комплекс V–III вв. до н.э.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ-97 0100067А.

Л.Н. Подленко

(г. Новосибирск, Новосибирский
государственный педагогический университет)

СЛЕДЫ ОГНЯ

НА ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ

ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИОБЬЯ

L.N. Podlenko

(Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogic University)

Traces of the fire on burial

of the early iron age in forest-steppe of near ob region

Носители скифо-сибирских культур свое мифологическое понимание огня выражали в погребальном обряде. Наиболее ярко это проявлялось у восточных соседей жителей Приобья — саргатцев (Полосьмак Н.В., 1987, с. 13) и сарматов (Смирнов К.Ф., 1975, с. 156). Как же обстоит дело с населением Лесостепного Приобья? Население приобской лесостепи является типичным представителем скифо-сибирского культурно-исторического единства (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 71). Сейчас известно более сорока погребальных памятников скифского времени на указанной территории.

Один из следов наиболее частого использования огня — угольки в заполнении могил. На грунтовом могильнике Староалейка-II (V–IV вв. до н.э.), в курганном могильнике Рогозиха (IV–III вв. до н.э.), в курганном могильнике Быстровка-I (III–II вв. до н.э.), на Ново-троицких курганах (II–I вв. до н.э.), в курганном могильнике Быстровка-III в некоторых могильных ямах найдены угольки. Последний могильник датируют временем не ранее II в. до н.э., а возможно и более поздними веками. Обожжение перекрытий могил также встречается относительно часто. В Староалейке-II, в курганном могильнике Новый Шарап-II (IV–III вв. до н.э.), на перекрытиях могильника Рогозиха-I, в курганах могильника Камень-II (III–II вв. до н.э.) прослеживается обожжение перекрытий. Кроме того, в курганном могильнике Быстровка-III наряду с обожжением перекрытий могил встречается частичное обожжение умерших — костер разводили над грудной клеткой покойного (Дураков И.А., Мжельская Т.В., 1995, с. 47). В двух случаях, на могильниках Ордынское-I и Быстровка-III встречаются обожжения на уровне материка. В насыпи кургана 3 могильника Быстровка-III найдены жженные косточки и пепел.

Итак, только в десяти случаях на могильниках отмечены следы огня. Они являются очень незначительными и на указанных памятниках встречаются эпизодически. Исключением является курган 5 могильника Быстровка-III, в котором из 30 погребений 8 носят следы частичного обожжения (Дураков И.А., Мжельская Т.В., 1995, рис. 2). Но этот могильник поздний и единственный случай не позволяет сделать выводы. Нельзя выделить и хронологическую закономерность использования огня в погребальном обряде. На всех этапах использование огня незначительно.

Многие исследователи связывают с поклонением огню наличие мела и охры в погребениях. В исследованных могильниках также известны случаи использования этих материалов. Иногда встречается меловая подсыпка, но все это не частое явление. Редкое использование мела и охры позволяет предположить, что они, как и огонь, не являются определяющей частью погребального обряда исследуемых народов.

Несмотря на обширные связи с западными и юго-западными соседями огонь в погребальном обряде большереченских племен не получил такого же широкого распространения. Чтобы понять причины этого явления, следует обратиться к проблеме происхождения большереченской культуры. Этот вопрос в наше время является дискуссионным. По мнению Т.Н. Троицкой, «большереченская культура генетически восходит местным культурам бронзы и переходного периода. Наряду с этим, значительную роль в ее сложении сыграло включение культурных элементов и отдельных групп населения Казахстана и Средней Азии» (Троицкая Т.Н., 1983, с. 45). А.П. Уманский же предполагает миграцию в Приобье насе-

ния Приаралья, которое и ассимилировало местных жителей в IV–III вв. до н.э. (Уманский А.П., 1980, с. 53). Если исходить из последнего, то погребальный обряд в это время должен был значительно измениться, причем огонь в нем использовался бы намного чаще. Между тем этого не происходит.

Если взглянуть в исторически более отдаленные периоды, то можно заметить, что первое значительное использование огня относится к моменту проникновения в Западную Сибирь андроновских племен. Жившие здесь до этого носители кротовской и самусьской культур были тесно связаны с таежной зоной, огня в погребениях практически не использовали и относились, скорее всего, к угорской языковой группе (Косарев М.Ф., 1984). Для собственно таежных мифологических представлений вообще не характерно такое отношение к огню, как у индоиранских народов. После андроновской миграции в Западной Сибири складывается ирменская культура, население которой использовало сожжение и частичное обожжение умерших. В большереченской же культуре подобного практически не известно. Со временем приближения переходного периода андроновский индоиранский импульс слабеет под воздействием северных таежных культур. В переходный период VIII–VII вв. до н.э. прослеживается широкое движение по Оби на юг северных лесных племен, в результате чего на территории Лесостепного Приобья складывается завьяловская культура. О большей роли именно этих северных элементов в сложении большереченской культуры свидетельствует слабое проявление роли огня в погребальном обряде. Следовательно, именно эти элементы, а не собственно ирменские, сыграли основную роль в сложении культур скифо-сибирского облика Лесостепного Приобья.

Таким образом, мифологические представления населения раннего железного века Лесостепного Приобья складывается из двух компонентов: угорского и иранского; носителями последнего были проникавшие на эту территорию жители Казахстана и Средней Азии. Очевидно, именно эти группы населения и принесли с собой все известные способы использования огня большереченцами в погребальном обряде.

Остановимся на другом элементе погребального ритуала: меле, меловой подсыпке и охре. Использование меловой подсыпки засвидетельствовано также в саргатской культуре (Полосьмак Н.В., 1987, с. 15), у саков и сарматов (Смирнов К.Ф., 1975, с. 156). На наш взгляд, это явление связано не с культом огня, а с представлениями, схожими с зороастризмом (Подленко Л.Н., 1998, с. 64). По вере последователей Заратуштры, земля, вода и огонь — священные стихии, и их не должен касаться дэв осквернения Друхш-йа-Насу, заключенный в мертвой плоти. Поэтому погребальный обряд зороастрийцев очень сложен. Тело помещалось на специальное сооружение из кирпича или камней, где должно было быть очищено от мягких тканей собаками или птицами. Но если погодные условия не позволяли похоронить поклонника Мазды с соблюдением всех установлений, использовались временные могилы: «...глубиной полноги в твердой, в полчеловека в мягкой, на это место пусть принесут золы или (сухого) навоза, а сверху пусть нанесут кирпича или камня, или сухой глины, или сора...» (Авеста, 1997, с. 98). После того, как станет возможным выставить тело: «...двое мужчин должны, закрепив труп на глиняном кирпиче, положить его на известь (возможен перевод «мел», «алебастр»)» (Авеста, 1997, с. 99). Существует мнение, что при большом количестве трупов (война, эпидемия) был предусмотрен или даже импровизировался компромиссный вариант: убитых клали в землю, изолировав мертвую плоть от священной стихии, засыпав дно ямы известью или сухой глиной. Саки некоторое время входили в состав Персидской империи, и, возможно, принесли некоторые схожие с зороастризмом представления о земле в Приобье. Поэтому, наличие меловой подсыпки в могилах большереченцев следует связывать скорее не с представлениями об огне, а со способом изоляции гниющей плоти от священной стихии.

Подводя итог, следует сказать, что использование огня в погребальном обряде населения Лесостепного Приобья раннего железного века является незначительным, фрагментарным и не носит какой-либо культурно-определяющий характер. Это может быть вызвано как наличием большого субстрата угорского этноса, так и влиянием представлений, схожих с зороастризмом. Мел и меловую подсыпку следует относить не к культу огня, а к способу изоляции трупа от священной стихии — земли.

Н.В. Полосьмак
(г. Новосибирск, ИАиЭ СО РАН)

ВОИНСКИЕ ШЛЕМЫ ПАЗЫРЫКЦЕВ

N.V. Polosmak
(Novosibirsk, Institute
of Archaeology and Ethnography SD RAS)
Warrior's helmet of pazyryk

Впервые за более чем столетнюю историю изучения пазырыкской культуры в «замерзших» могилах Укока были обнаружены войлочные головные уборы воинов-всадников. До сих пор в погребениях иногда находили лишь их деревянные украшения (Кубарев В.Д., 1987, с. 169–171), поэтому ни покрой шапки, ни расположение на ней фигурок животных не были достоверно известны. К настоящему времени на Укоке найдено три целых войлочных шлема и три войлочных мужских головных убора других фасонов.

Войлочные шлемы пазырыкцев сшивались из двух одинаковых деталей, выкроенных по меркам конкретного человека, так как должны были плотно облегать голову, прикрывая уши. Навершие войлочных головных уборов были вырезаны в виде птичьей головы (в погребениях рядовых пазырыкцев в курганах 1 и 3 могильника Верх-Кальджин-II — табл. 1, рис. 1,4) или, в более сложном варианте, (в погребении знатных воинов в кургане 1 могильника Ак-Алаха-I), венчались такими же деревянными, покрытыми золотой фольгой, изображениями (табл. 1, рис. 2.–3). Наиболее крупные и мастерски выполненные навершия шлемов в виде грифоньих морд с головой оленя в пасти были найдены во Втором Пазырыкском кургане (Руденко С.И., 1953, табл. LXXIII.–1, 3, 4; LXXXIV.–4) (табл. 1.–5).

Внешний вид этих головных уборов близок к колпакам известным по разнообразным изображениям, от скифской торевтики и персепольских барельефов до монет первых Аршакидов. Хорошо заметны и принципиальные различия между ними: скифский колпак не такой высокий и у него нет удлиненных «ушей»-завязок пазырыкских шлемов (табл. 1.–6), у сакских шлемов, изображенных на персепольских барельефах (ападана, восточная часть) есть отсутствующая у пазырыкских лопасть, сзади прикрывающая шею (табл. 1.–11). Отличаются пазырыкские шлемы и от кулахов воинов и жрецов, изображенных на votивных золотых пластинах из Амударьинскогоклада: их навершие не стоит прямо, а мягко свисает назад, есть так же лопасть сзади (табл. 1.–7). Наиболее близки по крою пазырыкскому шлему колпаки, надетые на головах сакских т.н. «воинов в трауре», изображенных на одном из персепольских барельефов (табл. 1.–8), но они лишены всяких украшений.

Аналоги пазырыкским воинским шлемам обнаружены благодаря удивительной сохранности вещей из органических материалов в погребениях северо-западного Синьцзяна. В могильнике эпохи бронзы Гу му гоу на головах мумий европеоидных людей были найдены невысокие войлочные колпаки, сшитые из двух деталей (табл. 1.–10), которые можно интерпретировать как прототипы войлочным колпакам-шлемам евразийских кочевников: скифов, саков и юэчжей (пазырыкцев) в том числе. Они были украшены птичьими перьями, что перекликается с ярко выраженной птичьей символикой пазырыкских шлемов (Wang B-H., 1996, p. 64). Позднее их сменили более близкие к пазырыкским войлочные шлемы с длинными ушами-завязками. В шов, соединяющий обе половины этого головного убора, были вшиты вырезанные из войлока «перья» (могильник Wupu) (Hami Ancient Civilization, 1997, p. 25, fig. 053) (табл. 1.–9), мотив, повторенный в известном сакском бронзовом шлеме кубанского типа (случайная находка, хранится в музее Самарканда).

Как видно, шлемовидная форма головных уборов достаточно близкая, хотя и не идентичная форме пазырыкских войлочных шлемов, была довольно распространенной в среде евразийских кочевников-скотоводов. Уникальность пазырыкских шлемов в том, что их высокие навершия «стояли прямо», благодаря специальным деревянным каркасам, имели форму птичьей головы и были украшены деревянными фигурками животных — лошадок и оленей с рогами козерога. Этот набор, как правило, находят в головах мужских погребений (Кубарев В.Д., 1987, с. 97–100; 1991, с. 107–109; 1992, с. 95–96). Находки головных уборов в «замерзших» могилах

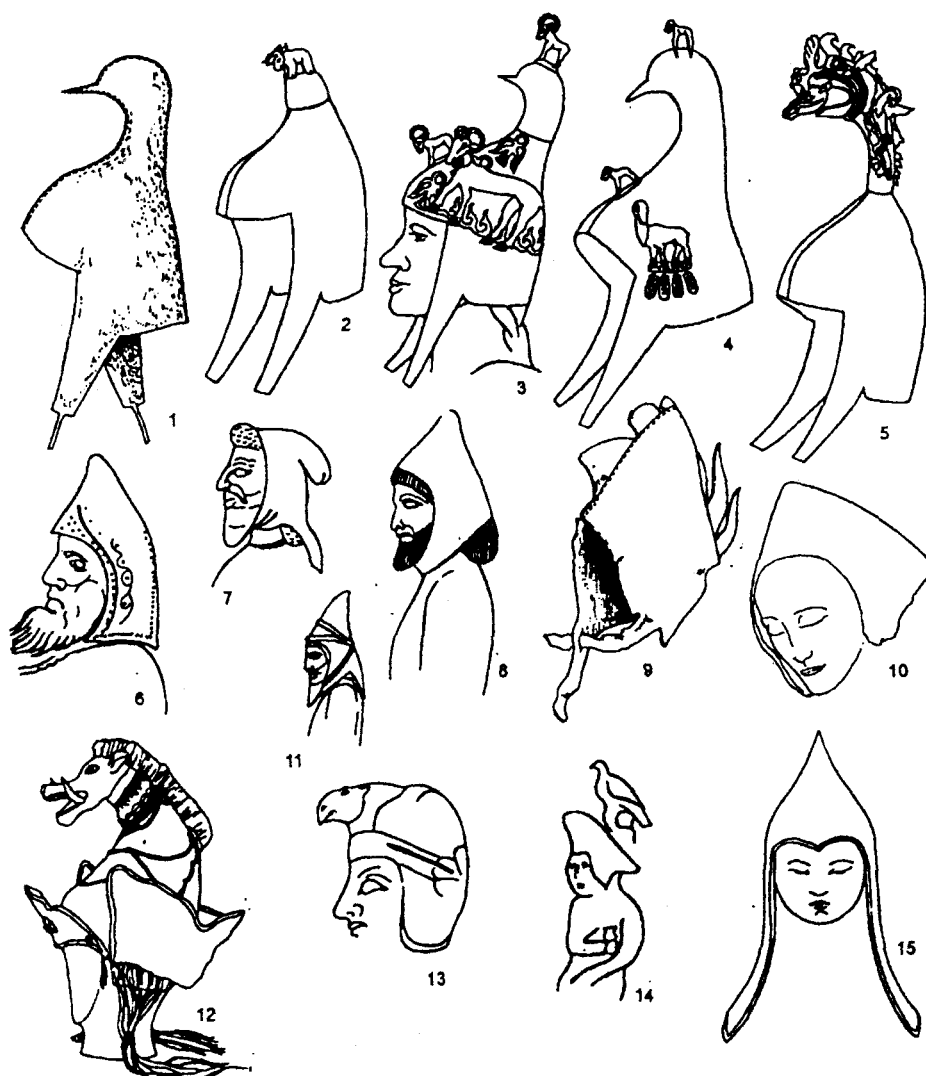

Таблица 1. Исторические параллели пазырыкским воинским шлемам. Головные уборы-шлемы: 1–4 — из курганов пазырыкской культуры Укока (1 — курган 1, могильник Верх-Кальджин 2, погребение мужчины; 2 — курган 2, могильник Ак-Алаха-I, погребение ребенка; 3 — курган 1, могильник Ак-Алаха-I, погребение девушки; 4 — курган 3, могильник Верх-Кальджин-II, погребение мужчины); 5 — Второй Пазырыкский курган, погребение мужчины; 6 — скифский колпак; 7 — головной убор зороастрийских жрецов и воинов, изображенных на votивных золотых пластинах из Амударьинского клада; 8 — сакский шлем, изображенный на «воинах в трауре» на персепольском барельефе; 9 — войлочный колпак из погребения с мумией в могильнике Уири (Синьцзян); 10 — войлочный колпак из погребения в могильнике Гу-му-гоу (Синьцзян); 11 — сакский шлем, изображенный на воинах, несущих дань (Ападана, восточная сторона); 12 — шапка тибетского монаха (фонды Государственного музея г. Мюнхена); 13 — изображение сасанидской шапки на монете; 14 — головной убор с изображением на рельефе тюркской гробницы в Асхате (Монголия); 15 — изображение головного убора основателя ламаизма Цзонхавы.

Укока позволили реконструировать расположение этих фигурок на войлочных шлемах. Одна из лошадок крепилась на навершии — на голове птицы, другая — на макушке; олень прикреплялся с левой стороны головного убора (табл. I–3,4). Все деревянные фигурки были покрыты золотой фольгой. Из нее же были вырезаны аппликации, наклеенные на войлочный шлем (как в кургане I могильника Ак-Алаха-I). На головных уборах мужчин были сосредоточены основные персонажи пазырыкского бестиария, маркирующие сакральные «верх»: птица, олень и лошади с рогами козерога. Рога козерога, как символ животного, часто используются пазырыкцами как самостоятельный элемент. И не только пазырыкцами. Золотые кони с рогами козерога украшали головной убор молодого мужчины из кургана Иссык (Акишев К.А., 1978, с. 18–19). Похоже, что этот синкретический образ (как козерог и лошадь в отдельности) был универсальным символом солнца и верхнего мира для всех центрально-азиатских кочевников. Олень-козерог и конь-козерог, вероятно, взаимозаменяемые священные образы пазырыкцев. Как и у других индоевропейских народов, они сопровождали умерших в иной мир. Так, например, настоящие кони, с деревянными имитациями рогов козерога, были захоронены во втором Туэктинском и Втором Башадарском курганах.

Абрис войлочного шлема воинов-пазырыкцев представляет собой птицу. Этот головной убор должен был, очевидно, придавать «птичьи» черты тем, кто их носил. Е.Д. Прокофьева считает, что алтае-саянский шаманский костюм (как впрочем и костюм у монголов, бурят, якутов и др.) олицетворяет птицу (Прокофьева Е.Д., 1971, с. 62). По данным Л.П. Потапова, у шаманов была своеобразная «шапка птицы», которая представляла собой шкурку филина с головой и крыльями. «Едва ли можно сомневаться в том, что эти данные служат свидетельством глубокой древности представления о шаманском костюме как символе птицы» (Потапов Л.П., 1991, с. 210,217). Как справедливо отмечает Е.С. Новик, функции, наиболее полно сохранившиеся в особенностях шаманского облачения, были присущи и обычной, не шаманской одежде» (Новик Е.С., 1984, с. 68). Головные уборы пазырыкцев — это их племенной символ. На них расположены духи-помощники, олицетворяющие верхний, светлый мир, в который они возможно «улетали» после смерти. Слово «улетел» в значении «умер» отражает целый комплекс религиозных представлений, связанных как с путешествием умерших на небо у древних тюрков, так и с путешествием шаманов у современных алтае-саянских народов... (Потапов Л.П., 1991, с. 151). Интересно, что и на каменном изваянии головы Кюль-Тегина, обнаруженном в 1957 г. в Хошо-Цайдаме (Монголия), изображен высокий головной убор, всю переднюю часть которого занимает фигура птицы с раскрытыми для полета крыльями (Novgorodova E., 1980, с. 204). Вся положительная символика связана с главным в костюме — головным убором. Именно ему принадлежит охранительная функция. Так, например, у алтайцев существовало представление «о том, что если приснится, что человек потерял шапку, то он умрет» (Ситникова Е.Е., 1986, с. 90).

Шапки с навершием в виде головы кабана или вороньей головы, внешне похожие на пазырыкские, носили некоторые тибетские монахи-странники, практикующие обряд «хё». Одна из них (всего известно несколько, точное число не указано) с навершием в виде головы кабана хранится в фондах Государственного музея этнографии города Мюнхена (Musche B., 1987, band 20, в. 20,29,1,2) (табл. 1–12). В. Musche обратила внимание на поразительное сходство тибетской шапки с сасанидскими, известными по изображениям на монетах, печатях, наскальных рельефах (Musche B., 1987, в. 20). Сасанидские шапки и шлемы венчались головами кабанов, грифонов, лошадей, орлов, львов, леопардов, тигров. Самой известной, по мнению В. Musche, была шапка с головой кабана или грифона (не всегда два образа можно разделить на нечетких изображениях) (табл. 1–13). Она была, вероятно, женская, так как, судя по монетам, надета на женские или кажущиеся женскими фигуры, изображающие либо саму богиню (Анахиту), либо царицу. Шапки с головами кошачьих хищников были предназначены для правящих князей и вице-королей, а с головами быков и лошадей — для королевских принцев (Musche B., 1987, в. 20,282,287). Пазырыкские войлочные шлемы со сложным птичье-лошадиным навершием реально, а не гипотетически представляют самый древний из известных прототипов сасанидских, а затем и известных тибетских головных уборов. Они являлись атрибутами всех воинов-всадников Горного Алтая. У племенных вождей навершия отличались величиной, мастерством изображения: грифон с головой оленя в пасти — поистине царственный символ. Можно предположить, что между этой фантастической птицей и человеком, чью голову венчало ее изображение, существовала эмоциональная мистическая связь.

Шапки с головой животного или птицы в таком специфическом исполнении, как признают, являются особенностью восточно-иранских кочевых народов. Широко распространенный у кочевников (мужчин и женщин-воинов) Горного Алтая столь специфический головной убор, имеющий воплощение в сасанидскую эпоху в шапках и шлемах иранских богов, богинь и владык, может быть одним из свидетельств иранских корней пазырыкской культуры.

Нельзя не отметить и другую линию бытования подобных шлемов. Это головные уборы, изображенные на головах юношей, чьи фигуры высечены на плите тюркской гробницы в Асхате (Монголия). Причем и здесь присутствует образ птицы, которая изображена над головой одного из юношей (табл. 1.–14). Очень похожи на пазырыкские шлемы шапки, традиционно связываемые с основателем ламаизма Цзонхавой. «Они имеют вид небольшого, плотно одеваемого на голову башлычка, прикрывающего уши...» (Викторова Л.Л., 1977, с. 190). Их можно увидеть на всех изображениях Цзонхава, его учеников и последователей (Буддийская живопись Бурятии, 1995, с. 23–34; и др.), (табл. 1.–15). Вероятно, подобного рода головные уборы являются иранским наследием скифского времени в культурах тюркских и монгольских народов. Избрание служителями культа воинских шлемов в качестве головных уборов явление не редкое. Так, зороастрийские жрецы использовали в качестве профессионального одеяния удобного для них костюмы всадников, в том числе, шлемы, и продолжали носить эту одежду на протяжении многих столетий. (Бойс М., 1988, с. 83–84).

Войлочный шлем был парадным (он же погребальный) головным убором, о чем могут свидетельствовать находки в «замерзших» захоронениях мужчин на Укоке и других, более простых шапок. Их обычно укладывали у плеча. Для высоких головных уборов пазырыкских мужчин и женщин в погребениях было отведено до 1/3 длины погребальной камеры, ложа или колоды. В погребениях саглынской и улангомской культур (соседей пазырыкцев) погребенные располагались головой почти вплотную к стенке камеры, что может являться косвенным свидетельством отсутствия у них высоких головных уборов.

Пазырыкские воинские шлемы — один из важных маркеров, указывающий исследователям на культурную принадлежность их владельцев и их социальный статус. А для самих пазырыкцев их насыщенные символами шлемы, были знаком принадлежности к единой общности, показателем их положения в обществе, оберегами и помощниками.

М.П. Рыкун

(г. Томск. Томский госуниверситет)

**О ХАРАКТЕРЕ ТРАВМАТИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ
МУЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА НОВОТРОИЦКОЕ-I)**

M.P. Rikun

(Tomsk, Tomsk State University)

***About the character of the Kamenskaya culture masculine
population traumatic damages (by the materials of Novotroitskoe-I cemetery)***

Вопрос о характере, степени и особенностях травматических повреждений костных останков древних людей представляется важным не только для реконструкции биологических особенностей населения, но интересен и в плане исторических реконструкций.

Анализируя повреждения (форму отверстий, степень разрушения их краев, наличие трещин и отколов внутренней и внешней компакты), а также локализацию их на костях; можно с достаточной долей вероятности определить тип оружия нападения и ситуацию, при которой они были получены.

Поэтому, обострившийся в последнее время интерес антропологов к специфике травматических повреждений у населения древних эпох и их классификации, привел к появлению ра-

бот, в которых проявились специфические подходы к методике их исследования (Мамонова Н.Н., 1997; Медникова М.Б., 1997 и др.).

На данный момент классификация таких повреждений ведется с применением методик судебно-медицинской травматологии. Методика их определения на палеоантропологическом материале чрезвычайно сложна, так как травматические повреждения относятся к разряду редко варьирующих признаков, оценка которых производится не количественными, а описательными способами, и данные разных исследователей объективно сопоставить довольно сложно. Тем более в случае, когда отсутствует разработанная, унифицированная программа обработки палеоантропологических материалов на предмет травматических повреждений (боевых ранений, трепанаций).

В плане накопления базы данных по указанному вопросу представляют интерес дефекты, обнаруженные в части краниологической серии из могильника Новотроицкое-I. Раскопки курганного могильника Новотроицкое-I (Тальменский район Алтайского края) проводились совместными усилиями Института археологии РАН и Барнаульского пединститута (рук. В.А. Могильников, А.П. Уманский) в течении нескольких полевых сезонов (1980–1987 гг.), палеоантропологические материалы из которого были переданы в кабинет антропологии Томского госуниверситета. По археологическим данным могильник Новотроицкое-I датируется IV–III и III–II вв. до н.э. и относится к кругу памятников каменной культуры (Уманский А.П., 1991; Могильников В.А., 1997) Верхнего Приобья.

Краниологическая серия из этого могильника, исследование которой проводится сейчас автором, состоит из 49 мужских, 42 женских и 10 детских черепов, разной степени сохранности. При проведении измерений были отмечены некоторые специфические повреждения на мужских черепах серии. Факты распространения такого типа повреждений как результата ранений или ритуальных действий известны в эпоху раннего железа на территории Алтая и сопредельных территорий Южной Сибири и Центральной Азии (Медникова М.Б., 1997).

Описание повреждений

Курган 28, могила 1, скелет 2 (инв. № 5088 КА ТГУ; рис. 1.–А). Череп принадлежал мужчине зрелого возраста. На левой теменной кости имеется два повреждения — дырчатые переломы овальной формы. Края переломов острые, не несут следов облитерации, что свидетельствует о том, что индивид скончался после получения травм.

Первое отверстие овальной формы (13×15 мм) находится возле сагиттального шва на 20 мм ниже венечного. Края отверстия острые, с отслоением внутренней компакты по всему радиусу.

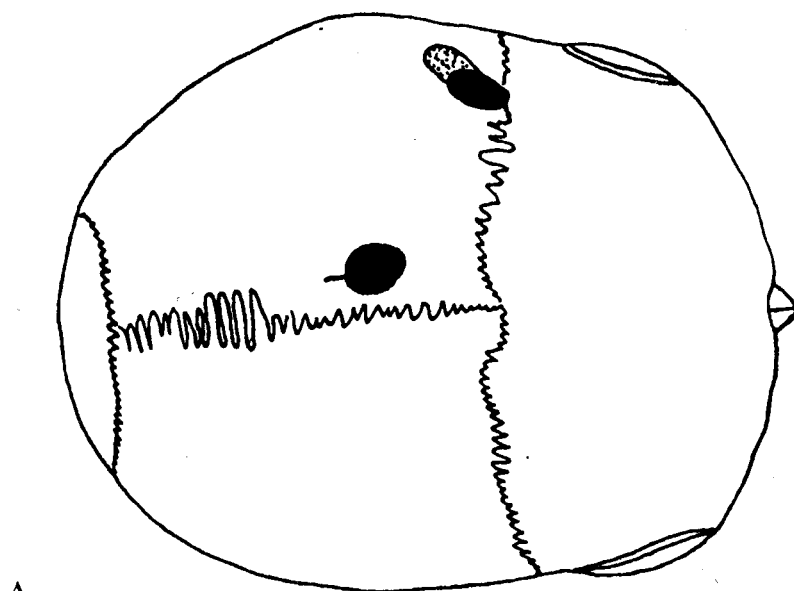
Второе отверстие (14×19 мм) расположено на венечном шве на 55 мм от брегмы. Как и в предыдущем случае наблюдается отслоение внутреннего компактного слоя по всему радиусу отверстия. Наружный компактный слой имеет следы отлома прилегающей части кости, что могло произойти при изъятии оружия.

Ни в том, ни в другом случае линейных переломов кости не обнаружено. Скорее всего, два сквозных дырчатых перелома были получены в результате удара значительной силы (сверху вниз), твердым, овальным предметом, конусовидной формы (диаметром 13–19 мм) оружием типа чекана.

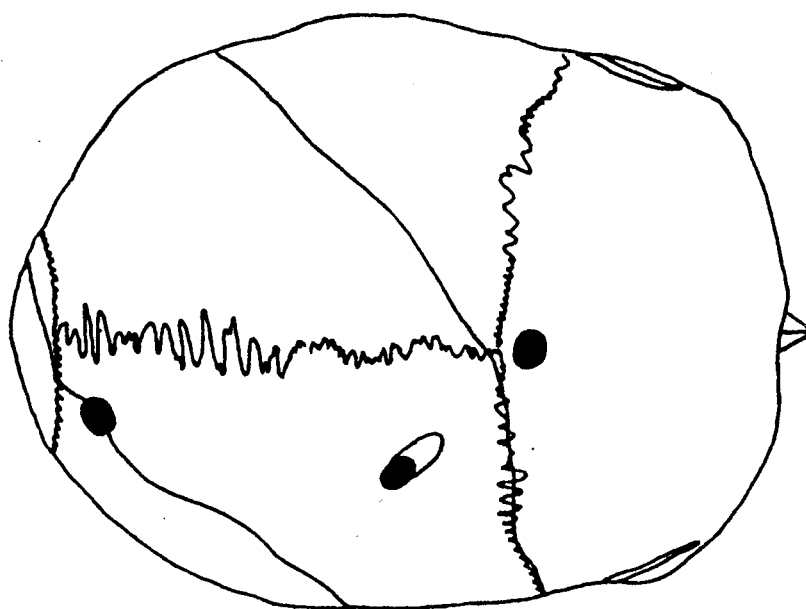
Курган 30, могила 1, скелет 1 (инв. № 5089 КА ТГУ; рис. 1.–Б). Скелет принадлежал мужчине зрелого возраста. На поверхности черепа зафиксировано три повреждения — два на правой теменной и одно на лобной костях, нанесенных одним предметом.

Правая теменная кость. На данной кости обнаружено два дефекта. Один — округлой формы (12×15 мм) расположен в нижнем медиальном углу теменной кости на расстоянии 10 мм от затылочного шва. Края переломов острые, что свидетельствует о том, что человек погиб сразу после получения травм. Внутренняя компакта по радиусу отверстия отколота, внешняя имеет небольшой отлом в нижней части справа. Через все отверстие идет линейный перелом теменной кости с продолжением на затылочную. Удар был нанесен сверху вниз, почти под прямым углом, тупым оружием с ограниченно действующей поверхностью, круглым в сечении (диаметр ударной части 12 мм).

Второй дефект обнаружен ниже на 20 мм венечного шва и правее сагиттального (25 мм) и относится также к типу сквозных дырчатых переломов. Перелом имеет овальную форму (25×13 мм), медиальный край (15 мм) которого вдавлен, что говорит о том, что удар был нанесен почти по касательной к черепному своду с неглубоким проникновением ударной части оружия (диаметр открытого отверстия 6 мм). Вернее всего удар был нанесен пешим воином по всаднику.

А

Б

Рис. 1. Схема расположения дефектов на черепах из могильника Новотроицкое-1 (А — № 5088 КА ТГУ; Б — № 5089 КА ТГУ).

Лобная кость. На лобной кости в области брегмы имеется отверстие идеально круглой формы диаметром 8 мм. На внешней компакте заметно небольшое отслоение кортикального слоя, на внутренней — фиксируются отломы по всему радиусу отверстия. Характер повреждений свидетельствует о том, что удар, нанесенный почти под прямым углом, был сильным, стремительным, но проникновение оружия оказалось неглубоким.

Таким образом, в описанных дефектах обнаруживается определенное сходство по их характеру, форме, величине. Это позволяет предположить, что они были нанесены одним типом оружия с ограниченно действующей поверхностью. Оружие имело конусовидную форму, было круглым в сечении, со слегка заостренной ударной частью. Таким оружием скорее всего был чекан — один из основных видов оружия ближнего боя у скифоидных племен Южной Сибири. Похожие дефекты, вызванные действием чекана, описаны на палеоантропологическом материале Улангомского могильника V–III вв. до н.э., а способ его применения документально зафиксирован на петроглифах (см.: Мамонова Н.Н., 1997). Все отверстия как на первом, так и на втором черепе не несут следов заживления. Это говорит о том, что полученные травмы оказались смертельными.

Высокая смертность мужчин в зрелом возрасте (*adultus, maturus*) характерна для населения каменной культуры (это видно по материалам могильников Масляха-I и II и Новотроицкое-I (Рыкун М.П., 1997; Могильников В.А., 1997) также, как и для всего круга скифских культур (Мартьянов А.И., Алексеев В.П., 1986). Известно, что в период зрелости наблюдается социальная активность мужской части населения, в том числе участие в военных действиях.

Такие действия по свидетельству авторов, изучающих проблемы скифо-сибирского мира (Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994; Могильников В.А., 1997 и др.) имели место на территории Верхнего Приобья. Для периода с конца III в. до н.э. они могли быть связаны с проникновением в этот регион кулайского населения (Чиндина Л.А., 1984). И не исключено, что захороненный в могиле 1 кургана 30 из могильника Новотроицкое-I, был убит в стычке с пешим противником, а кулайцы, как известно, не были всадниками.

Для более точного определения характера взаимодействия носителей культур Верхнего Приобья и этногенетических взаимосвязей между племенами необходимо дальнейшее детальное исследование палеоантропологических материалов указанных могильников с привлечением данных по травматическим повреждениям.

Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого РФФИ, № 98-06-80131.

По некоторым вопросам специфики повреждений была получена консультация у А.Г. Малофиенко — судмедэксперта медико-криминалистического отделения Бюро судмедэкспертизы Томского областного управления здравоохранения.

Д.Г. Савинов

(г. Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный университет)

ПЕРВИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И СТИЛЬ САЯНО-АЛТАЙСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

D. G. Savinov

(St. Petersburg, St. Petersburg State University)

***Original materials and style of the
Sayano-Altai depictions belonging to the early-scythian period***

Вопрос о первичных материалах, в которых могли возникнуть изображения скифо-сибирского звериного стиля, самым тесным образом связан с проблемой его происхождения. Сторонники местных истоков искусства звериного стиля (Г.О. Боровка, Д.Н. Эдинг) предполагали, что это были, в первую очередь, зооморфные изображения из кости и дерева,

характерные для предшествующих культур Урала и Сибири. Одним из аргументов при этом служило наличие резких граней при моделировке туловища животных на некоторых изображениях звериного стиля, ассоциируемые с техникой резьбы по дереву. По мнению М.И. Артамонова, создателя переднеазиатской теории происхождения звериного стиля, основной круг составляющих его образов был заимствован из искусства Древнего Востока; однако, отмеченные выше стилистические особенности — моделировка туловища животного широкими плоскостями с четкими, как бы вырезанными гранями — были свойственны для собственно скифского искусства. «Рог и в особенности дерево, вероятно, наиболее широко применялись скифами для изготовления разнообразных украшений» (Артамонов М.И., 1968, с. 30). Точка зрения о сибирских истоках звериного стиля была подвергнута критике со стороны Н.Л. Членовой, убедительно показавшей, что изобразительные памятники Северной Азии и скифо-сибирского звериного стиля не могут быть связаны друг с другом, что костяные изображения тагарской культуры дублируют бронзовые изделия, а что касается наличия резких граней при моделировке туловища животных, то они, по мнению Н.Л. Членовой, связаны с приемами изготовления деревянных матриц (или моделей для глиняных форм), репродуцированными при отливке бронзовых предметов. Другие стили — стилистические особенности архаического звериного стиля — изображения глаз в виде концентрических кружков, туловища и головы в виде цилиндров — через карасукскую традицию, по Н.Л. Членовой, восходят к приемам резьбы по стеатиту (или другому мягкому камню) в искусстве Древнего Востока, затем перенесенным в бронзу (Членова Н.Л., 1971, с. 208–217).

В приведенном перечне возможных исходных материалов (рог, кость, дерево, камень) отсутствует один, который, несомненно, имел широкое применение в древности, особенно в среде скотоводческих обществ. Это — кожа, использовавшаяся, конечно, не только для изготовления бытовых и хозяйственных предметов, но и (в силу своей доступности, пластичности и способности давать плавные четкие силуэты) для создания художественных изделий в ритуальной практике древнего населения. О том, что это было именно так, свидетельствуют находки Пазырыкских курганов, где в условиях мерзлоты сохранились многочисленные изображения из кожи: резные фигурки петухов и бегущих оленей, украшавшие борта колод; кожаное покрывало со сценой терзания лося грифоном, покрывавшее курительницу в кургане 2 (Руденко С.И., 1953, рис. 17, 18, 44 и др.); ажурная фигура рогатого тигра из второго Туэктинского кургана (Руденко С.И., 1961, рис. 51) и т.д. Резные кожаные изделия (или их фрагменты) представлены и во многих других алтайских курганах скифского времени — на Укоке (Полосьмак Н.В., 1994, рис. 99, 101, 104) и Юстыде (Кубарев В.Д., 1991, табл. XXXVIII.–14); в погребениях могильников Узунтал (Савинов Д.Г., 1993, рис. 7), Уландрык (Кубарев В.Д., 1987, рис. 17, 29, 30) и др. Иногда один и тот же образ мог быть выполнен в различных материалах. Так, аналогичны изображения рыб с распластанными плавниками, сделанные из кожи (Узунтал, Уландрык), войлока (Ак-Алаха-1) или в виде татуировки на теле вождя, погребенного во втором Пазырыкском кургане. Соответственно, стилистические приемы, выработанные на одном материале (например, кожа или войлок) могли переноситься на другой (татуировка).

Как известно, памятники пазырыкской культуры относятся уже к эпохе развитого звериного стиля; однако, вряд ли есть основания сомневаться, что искусство художественной обработки кожи у ранних кочевников уходит своими корнями в глубокую древность, также как и сами истоки звериного стиля.

Наиболее показательны в этом отношении изображения оленей на оленных камнях монголо-забайкальского типа, выполненные в весьма своеобразной и очень устойчивой стилистической манере (Волков В.В., 1981, табл. 1–18 и сл.). Основная область их распространения — территории Северной и Восточной Монголии, Забайкалья; в меньшей степени они встречаются в Туве и на Алтае; в более западных районах случаи находок их пока единичны. Судя по изображениям на этих же камнях предметов вооружения карасукского облика, они являются одними из самых ранних образцов скифо-сибирского звериного стиля.

Туловища оленей, изображенных на оленных камнях монголо-забайкальского типа, плавно очерчены, ноги подогнуты (но не сомкнуты) или переданы в виде трапециевидных выступов (обрезаны), голова вытянута вперед; показаны треугольный выступ на месте лопаток, длинная как бы клювообразная морда, закинута на спину ветвистые рога. Одинако-

вые (или почти одинаковые) фигуры «летающих» оленей расположены очень компактно, как бы «вписаны» друг в друга. Изысканные ритмически повторяющиеся очертания вытянутых тел оленей, разделенных ажурной сеткой рогов, создают впечатление легкости и декоративности, скрадывающее монументальные формы каменных обелисков (рис. 1.–1–2). Иногда встречаются случаи отступления от данной иконографической схемы, различного рода варианты при изображении ног оленей (рис. 1.–4–9), но в целом стилистика их очень устойчива и свидетельствует о накоплении и передаче традиционного опыта в создании подобного рода изображений.

Истоки этого своеобразного стилистического канона — самого раннего воплощения образа знаменитого скифского оленя — до сих остаются неясными. Непосредственных предшественников подобных изображений, с которыми можно было бы связывать начало такой своеобразной стилизации, в предметных сериях Центральной Азии и Южной Сибири не обнаружено. Э.А. Новгородова видела истоки этого своеобразного стиля в так называемом «декоративном» стиле петроглифов Монголии эпохи бронзы, от которого, по ее мнению, происходит стиль оленных камней (Новгородова Э.А., 1984, с. 90–109). Это интересное предположение, но его нельзя считать доказанным, так как все аналогии элементам «оленного стиля» в петроглифах Монголии выделяются по сходству с изображениями на оленных камнях, которые могут быть, таким образом, не связаны генетически, но и оказаться одновременными, отражая единый для этой эпохи художественный стиль, характерный как для петроглифов, так и для оленных камней. Ближе к истине, на наш взгляд, реконструкция костюма центральноазиатского воина раннескифского времени, украшенного подобными изображениями, в немецком издании книги Э.А. Новгородовой (Nowgorodowa E., 1980, s. 130), но это скорее указывает на характер использования, а не происхождение данного вида изображений (рис. 1.–3). Другое объяснение предложил М.П. Грязнов, по мнению которого приемы подобной стилизации могли сложиться первоначально в иной технике, а именно при нанесении красочных изображений на круглых деревянных столбах, которые затем воспроизводились в камне. При этом «все изображаемое на них детали также рисовались краской и уже выбивались углубленным рельефом» (Грязнов М.П., 1984, с. 81). Приведенные при этом схемы «предполагаемой последовательности рисования кистью» производят действительно весьма убедительное впечатление (Грязнов М.П. 1984, рис. 3,4). Однако, такое живописное искусство в принципе не было характерно для кочевников!

Другое дело, если предположить, что фигуры оленей первоначально вырезались из кожи (или каких-то иных органических материалов). Тогда получают свое объяснение многие изобразительные элементы, присущие этим изображениям: несомкнутые или как бы обрезанные ноги, треугольный выступ на спине, листовидной формы ухо, характерный рисунок выходящих рогов с загнутыми отростками. Рассматривая рисунки оленей на оленных камнях монголо-забайкальского типа, можно проследить как уверенно и последовательно — одним движением — вырезались округлый круп с коротким торчащим хвостиком, изогнутая посередине линия спины, длинная плавно очерченная шея, глаза миндалевидной формы, клювообразная морда, рога (не отсюда ли идет «S»-видная форма отростков рогов на предметах скифской торевтики?). Каждая вырезанная таким образом фигура представляла собой, по сути дела, матрицу (а материал, из которого она вырезалась — трафарет) для последующего воспроизведения подобных изображений.

Изготовленные таким образом матрицы (или трафареты) могли накладываться (или наклеиваться) на деревянную или каменную основу, с учетом смыслового содержания и приемов декоративного оформления памятников. После этого они могли обводиться по контуру, чем обеспечивались удивительная четкость и повторяемость силуэтов, нанесенных при такой «разметке» изображений. Показательно, что фигуры оленей часто переходят с одной плоскости на другую — следствие того, что матрицы накладывались на смежные плоскости камня (рис. 1.–2). Тела более крупных фигур иногда пересекает поперечная полоса: не исключено, что это свидетельство того, что сама матрица в этих случаях была изготовлена из двух частей, соединенных уже на каменной плоскости (рис. 1.–5). В зависимости от необходимости, ноги животных могли вырезаться полностью, быть обрезаны в виде коротких выступов или отсутствовать вовсе. Плоскость изображения внутри выделенного контура равномерно

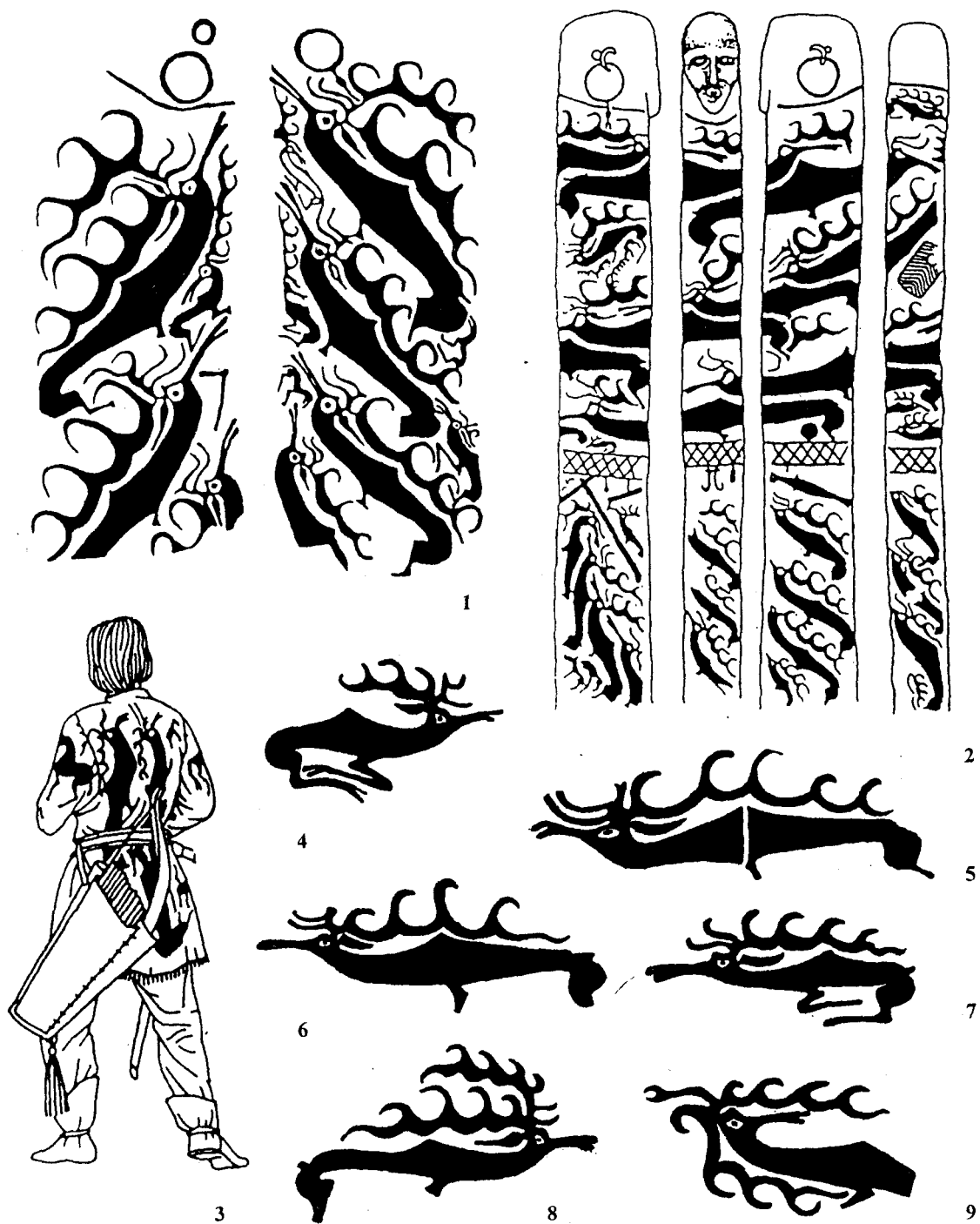

Рис. 1. Изображения на оленних камнях монголо-забайкальского типа.

1 — Иволгинский камень (по А.П. Окладникову; 2 — Ушкийн-Увэр (по В.В. Волкову, Э.А. Новгородовой); 3 — реконструкция костюма воина с изображениями типа оленних камней (по Э.А. Новгородовой); 4–9 — некоторые изобразительные варианты фигур оленей на оленних камнях монголо-забайкальского типа (по В.В. Волкову). 1 — Забайкалье; 2–9 — Монголия.

выбивалась и подшлифовывалась. Вместе с тем, для многих оленных камней этого типа характерна своеобразная техника контррельефа, когда оставалась нетронутой плоскость изображений, а слегка углублялась вся окружающая поверхность камня. И в этом случае наше объяснение является наиболее рациональным: оставались необработанными именно покрытые (кожаными ?) матрицами участки камня и таким образом изображение «выступало» благодаря углублению фона. Такое взаимодействие изобразительных возможностей плоскости рисунка и фона, по сути дела, соответствует приемам аппликации, наиболее характерной для декоративно-прикладного искусства кочевников.

Можно предполагать, что у каждого мастера, высекавшего подобные изображения, имелся определенный набор таких матриц, которые (при соблюдении содержательной схемы всех композиции (могли использоваться достаточно свободно; при этом незаполненные части изобразительного поля дополнялись более мелкими рисунками, чем достигалась художественная выразительность произведения в целом.

Выработанный таким образом «стиль оленных камней» в это же время (или несколько позже) был перенесен в петроглифику. При этом произошло явное нарушение канона (устойчивое расположение друг над другом или по «спирали» однотипных фигур), но сохранялись основные стилистические элементы данного вида изображений — вытянутая клювообразная морда, удлинённые пропорции туловища, треугольный выступ на спине, таким же образом стилизованные рога и т.д. (Савинов Д.Г., 1990, рис. 1; Черемисин Д.В., 1998, рис. 1,2). В этой связи следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. В горно-степных районах Центральной Азии и Южной Сибири достаточно часто встречаются статуарные памятники, по общему облику напоминающие оленные камни, но без изображений. Вполне вероятно, что изображения на них все же были нанесены (наклеены ?), но последующая их выбивка по тем или иным причинам не производилась. Естественно, что такие изображения, сделанные из кожи (или других мягких материалов), не сохранились.

Имеются основания полагать, что кожанные модели использовались и при производстве бронзовых изделий. Так, по наблюдениям О.Б. Варламова, фигурка свернувшегося хищника на одном из бронзовых топоров раннескифского времени, найденном в Прибайкалье, первоначально (в виде модели) была сделана из кожи «путем последовательного наложения одних плоских элементов на другие». Этот художественно-технический прием, который автор определяет как «накладной барельеф» (Варламов О.Б., 1995, с. 151), по существу близок тому, что говорилось выше об изображениях на оленных камнях монголо-байкальского типа.

Можно привести и другие примеры влияния художественной обработки кожи на формирование стилистических особенностей изображений раннескифского времени. Из них наиболее выразительны изящная трактовка как бы вырезанных копытц в рисунках оленей и кабанов на оленных камнях саяно-алтайского типа, а, возможно, и сама известная поза стоящего «на цыпочках» животного. В этом отношении, например, ощутимо стилистическое различие между наверхами с фигурками горных баранов из Аржана (карасукская традиция художественного литья) и более легкими, как бы подвешенными изображениями майэмирского типа (Савинов Д.Г., 1998, рис. 1), чаще всего встречающимися на оленных камнях и уже отсюда, возможно, перенесенными в бронзу (Бухтарминское зеркало, фигурка из Уйгарака). Вполне вероятно, что и удивительно пластичная передача подогнутых, но не соединенных, ног лежащих животных, представляющая одну из наиболее характерных стилистических особенностей изображений раннескифского времени, независимо от материала (камень — оленные камни и петроглифы Тувы, кость — жаботинские пластинки, бронза — зеркало из Жиланды в Казахстане, золото — Келермес, Тагискен), первоначально была «найдена» при работе с кожаными изделиями. Позже, при отливке, например, бронзовых оленных блях в тагарской культуре, ноги животных всегда показаны соединенными.

Таким образом, использование кожи как одного из основных поделочных материалов, что отнюдь не исключает художественной обработки кости, рога, дерева и т.д., во-первых, определило многие стилистические особенности изображений начального этапа развития скифо-сибирского звериного стиля; во-вторых, еще раз указывает на истоки его происхождения в среде скотоводческих обществ степной части Азии, а не земледельческих цивилизаций Ближнего Востока или лесных культур населения древней Сибири.

З.С. Самашев, Г.С. Жумабекова, С. Сунгатай

(Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Национальной Академии Наук, Министерства науки
и высшего образования Республики Казахстан)

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ БЕРЕЛЬ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

Z.S. Samashev, G.S. Jumabekova, y. S. Sungata

*(The A.H. Margulan institute of archaeology,
National Academy of sciences, The Ministry of science
and higher education Kazakhstan Republick)*

The new researches on the Beriele cemetery in the East Kazakhstan

В 1998 г. Казахско-Французская экспедиция Института археологии им. А.Х. Маргулана Национальной Академии наук, Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан продолжила исследование погребально-поминальных памятников эпохи ранних кочевников в пределах Казахстанского Алтая (Катонкарагайский р-н Восточно-Казахстанской обл.). Основные работы были сосредоточены на могильнике Берель, расположенном в 7 км юго-западнее одноименного села, в высокогорной долине (1100 м над уровнем моря) на правом берегу р. Бухтарма.

Могильник Берель образован 31 курганами с каменными насыпями различного размера. Основу его составляют несколько параллельных цепочек курганов, вытянутых в направлении СЗ–ЮВ. Одна из них, юго-западная, состоит из 8 крупных курганов и примыкающих к ним 5 малых. Курган № 11 (нумерация по С.С. Сорокину), исследование которого начато в 1998 г., является самым крупным в этом ряду и замыкает его с северо-западной стороны. Вторая цепочка, северо-восточная, образована тремя примыкающими друг к другу курганами. Средний и наименьший из них — курган № 18 — являлся объектом исследования в 1998 г. Эту цепочку замыкает Большой Берельский курган, отстоящий от остальных и расположенный на юго-восточном краю террасы. Он известен по раскопкам В.В. Радлова (1865 г.) и С.С. Сорокина (1959 г.). Между цепочками и вокруг крупных курганов «рассыпаны» мелкие объекты. Ещё три кургана отстоят к югу от основной группы на второй террасе. Каменные насыпи курганов нарушены: фиксируются воронки «бугровщиков», следы современной выборки камней.

Курган 18, диаметр средний — 15,5 м (фиксируемый на поверхности до зачистки полов кургана), высота максимальная — 1,05 м. Он соединяется с помощью выложенной на уровне древней дневной поверхности каменной «дорожки» с Ю–В соседним курганом. Наземное сооружение памятника, округлое в плане, возведено поэтапно на слегка наклонном участке из разновеликих плит темно-серо-зеленоватого сланца. В результате археологического исследования удалось проследить некоторые конструктивные элементы сооружения. Верхний открытый слой насыпи кургана состоит из плотно уложенных мелкоколотых камней и галечника мелких размеров. Этот слой насыпи выполнял, скорее, функцию своеобразного панциря, покрывающего нижележащие камни и пустоты, т.е. основного терморегулирующего компонента сложной наземной конструкции памятника. Края панциря соприкасаются с лепесткообразной внешней крепидой кургана, состоящей из наклонно врытых широких плит, и укреплены каменным поясом шириной 1,5–1,7 м с заметно выпуклой поверхностью. Пояс, сооруженный поверх нижнего края панциря из более мелких камней, выполнял, возможно, функцию дополнительной крепиды, удерживающей склоны насыпи кургана от расползания. Концы его уложены с напуском друг на друга в ССВ секторе и образуют своеобразный «узел», который в семантическом плане мог выражать идею ограничения, замыкания сакрализованного пространства, символизировать завершение создания границы между мирами, окончание какого-то этапа погребальной обрядности. Этот пояс — единственный элемент наземной конструкции сооружения, который был покрыт слоем дёрна, и, следовательно, не играл никакой роли в процессе термо- и влагорегуляции. Следую-

ший слой насыпи состоит из плашмя положенных плит и брусковидных камней крупного и среднего размера, среди которых изредка попадается галечник. Этот слой также покрывает все наземное сооружение вплоть до «лепестков» крепицы. Под ним расположен главный конструктивный элемент наземного сооружения — широкая околмогильная ограда с высокой внутренней и пологой внешней стенками. Она возведена из крупных брусковидных камней и плит, лучше сохранившийся ее фрагмент в ЮВ секторе насчитывает 8 блоков в высоту. Большая их часть уложена в радиальном направлении. Эта ограда, по-видимому, выложена на предварительно выровненную поверхность погребенной почвы. Внутреннее пространство ограды плотно заполнено доверху брусками и плитами различного размера. Могильная яма в центре ограды фиксировалась по скоплению «ощетинившихся» камней (в основном, мелких), имеющему куполообразное очертание. Поверх него прослеживался незначительный слой суглинка. Площадка внутри ограды, вокруг могильной ямы, была углублена наклонно к середине и затем покрыта слоем желтого суглинистого могильного выкида, имевшем наибольшую мощность в восточной части площадки. Внешняя сторона околмогильной ограды как бы «облицована» плитами и брусковидными камнями среднего и крупного размера, находящимися в наклонном положении и повторяющими профиль наклона насыпи кургана. Нижний ряд этих плит упирается в «лепестки» упоминавшейся внешней крепицы. Верхний ряд — уложен почти горизонтально по гребню пояса. Наземное сооружение памятника полностью еще не исследовано.

Погребальная камера размерами 3,25×3,90 м, глубиной 3,90 м находилась в центре. Она была вырублена в толще желтой глины, но вода, стекавшая сверху через каменную наброску и прослойку чернозема в погребальную камеру, окрашивала ее стены до дна в черный цвет и создавала дополнительный, местами неровный, слой. Заполнение могильной ямы составлял глинистый грунт различной плотности. На стенках могилы зафиксированы отпечатки веток и коры березы, ближе к дну — вертикально поставленные плахи. Доски, которыми была перекрыта погребальная камера, просела под тяжестью камней и грунта, и зафиксированы лежащими на крупных камнях и конских скелетах у пола камеры на глубине 3,25–3,65 м. На глубине 3,60 м вдоль С–З стены на каменной приступке были уложены трупы 4-х коней, скелет только одной из которых обнаружен в не потревоженном виде (головой на ЮЗ). Они были умерщвлены ударом чекана в голову. Вдоль ЮВ стены камеры сохранились остатки деревянной конструкции, сложенной из горбылей (плах ?) в 2 венца. В этой же части могилы зафиксирован грабительский лаз. Именно в районе лаза обнаружены остатки погребального инвентаря: фрагменты орнаментированного керамического сосуда, обрывки листового золота и витой золотой проволоки, костяной наконечник стрелы. В районе одного из черепов коней выявлен обломок железных удиц. У С–В, торцовой, стенки деревянной конструкции, под плахами на глинистом полу зафиксировано донце сосуда *in situ*.

После полного изучения конструкции погребального сооружения, безусловно, будет предпринята попытка определения последовательности этапов возведения памятника и реконструкции обряда погребения.

Упомянутый костяной наконечник стрелы, трехгранный, со скрытой втулкой и шипами — характеризуется широким диапазоном бытования и не используется для датировки памятника.

Фрагменты керамического сосуда позволяют археологически восстановить его форму и получить технологические характеристики. Сосуд представляет собой кувшин с прямым высоким горлом, слегка отогнутым венчиком. Тулово его сильно несимметричное, донце плоское (рис. 1). Высота кувшина — 54 см, диаметр дна — 14,5 см.

Сосуд орнаментирован четырьмя орнаментальными поясами, составленными из прочерченных по сырой глине линий. Первый пояс, расположенный под венчиком, образован тремя рядами. Верхний — представлен косыми линиями, нанесенными в противоположном направлении друг к другу. Второй ряд, примыкающий к верхнему, образован треугольниками с опущенными вниз вершинами, заполненными косой штриховкой. Третий ряд состоит из аналогичных фигур, помещенных между упомянутыми треугольниками. Вторым орнаментальным поясом расположен на месте перехода горловины в тулово кувшина, он образован треугольниками, опущенными вершинами вниз и заполненными косой сеткой. Третий ряд, состоящий из таких же треугольников, тянется по округлым плечикам сосуда. И последний, нижний ряд орнамента,

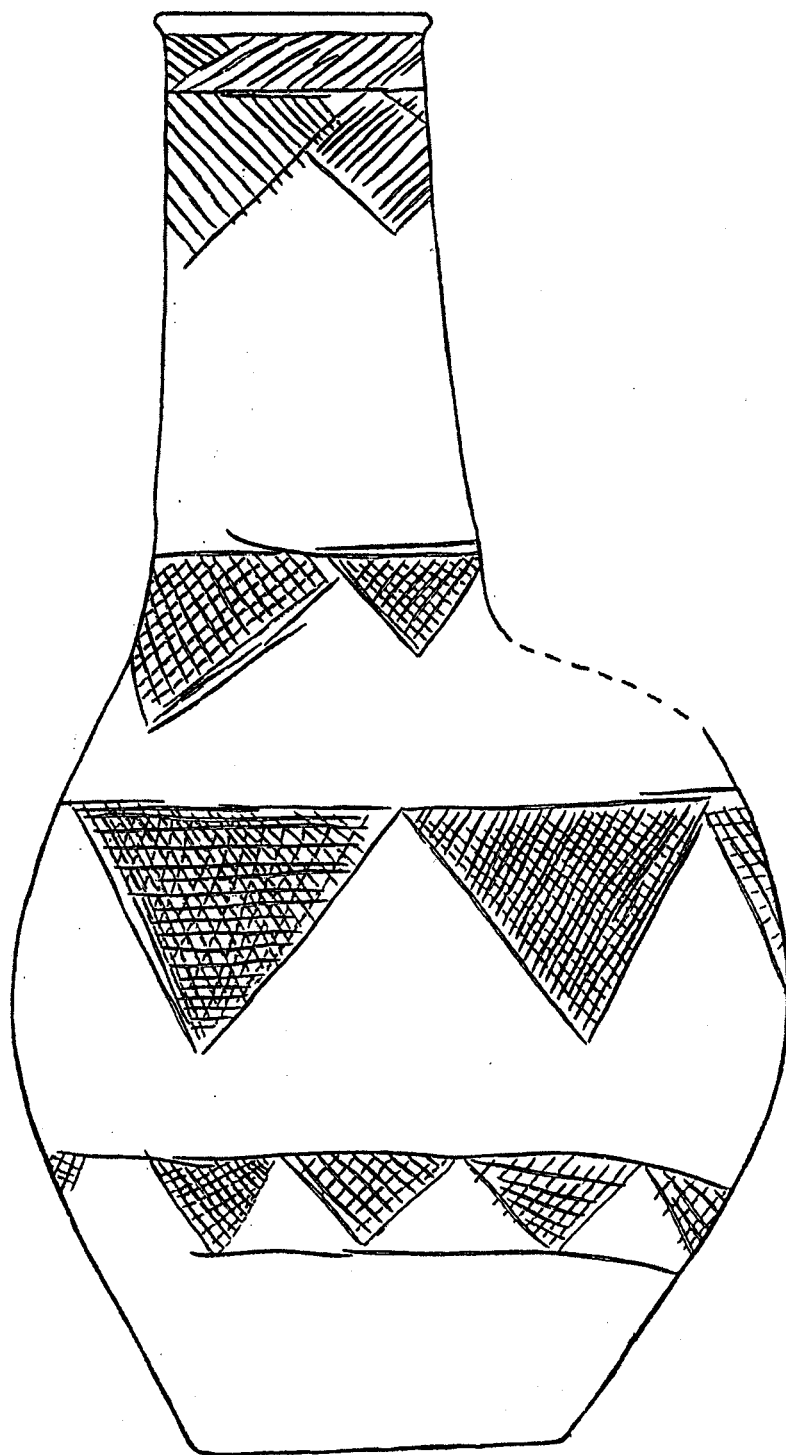

Рис. 1

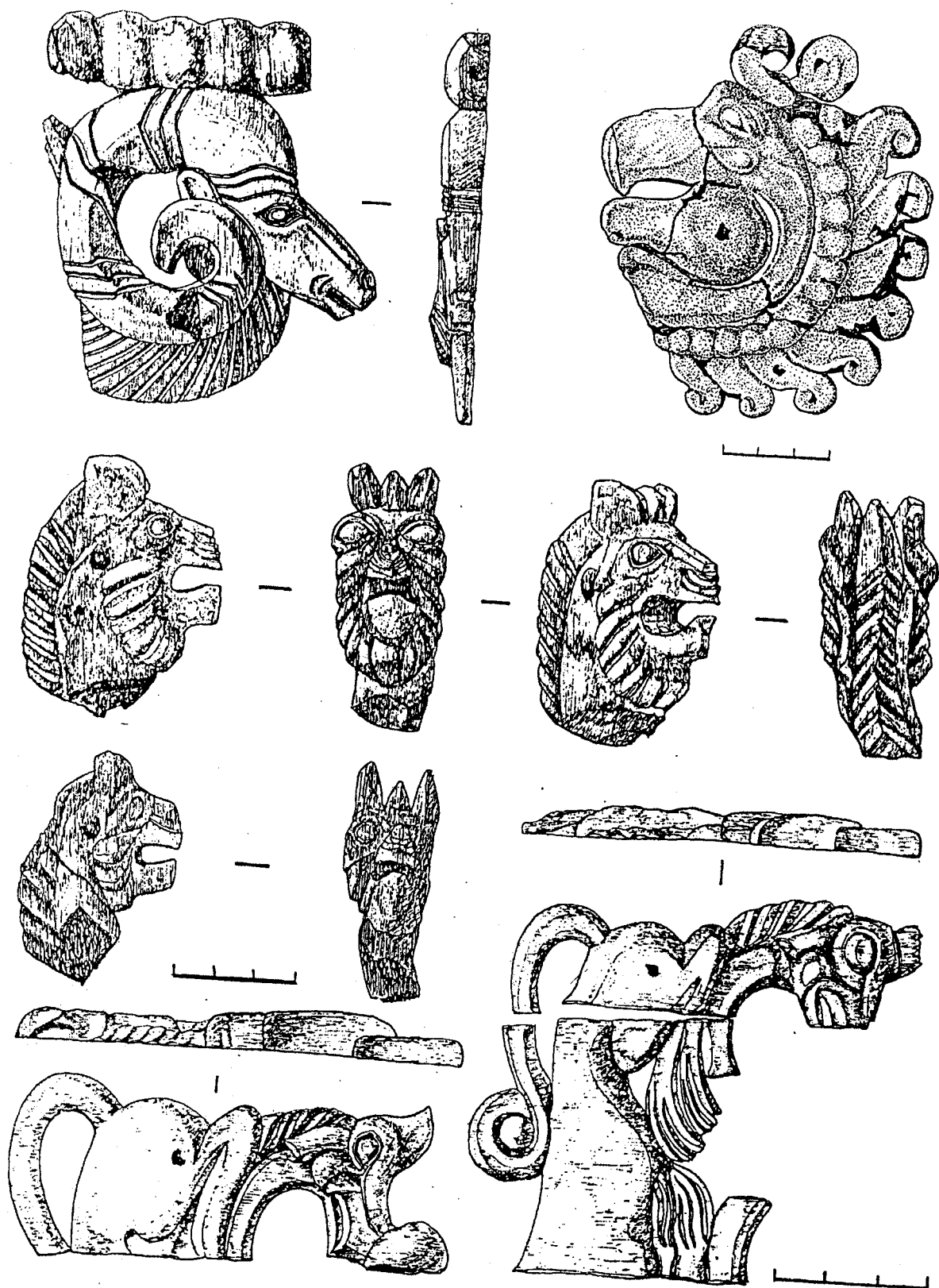

Рис. 2.

образованный треугольниками с более редкой сеткой, проходит по тулову. Прочерченные линии орнамента сохранили остатки красной краски. Тесто сосуда, в изломе серо-черного цвета, рыхлое, с примесью дресвы, шамота и органики, поверхность — оранжевого цвета с характерными серыми, коричневыми пятнами, свидетельствующими о слабом, неравномерном обжиге. Снаружи стенки кувшина закопчены, изнутри — сохранили остатки пищи в виде черно-коричневого налета. Технологически сосуд характеризуется комбинированным способом формовки. Донце его — спирально-витое, прилеплялось к тулову сосуда с наружной стороны и заходило на придонную часть стенок. Тулово сосуда формовалось лоскутным налепом на твердом шаблоне. Придонная часть стенок сосуда с внутренней стороны примазывалась к внутренней поверхности донца. Горловина кувшина выполнена лоскутным налепом. Верхняя часть горловины (устье) выполнена спиральным налепом. Венчик подлеплен с обеих сторон, утолщён (определение с помощью компьютерного томографа выполнено Киргизбаевым С., бинокулярное — Тепловодской Т.М.).

По форме сосуд возможно отнести к I группе сосудов, типу II кувшинов (с оговорками), выделенных В.Д. Кубаревым на основе анализа керамики, выявленной в памятниках пазырыкской культуры (Кубарев В.Д., 1987, с. 42–44; 1991, с. 54–55; 1992, с. 39), или I отделу 2 типу по А.С. Суразакову (Суразаков А.С., 1988, с. 65; и др.). Но в большей степени он напоминает кожаный сосуд, которого, вероятно, имитирует.

По наблюдениям исследователей, присутствие в погребениях по одному керамическому сосуду на каждого погребенного, преобладание кувшинов — характерная особенность погребальных памятников пазырыкской культуры. Отличительной чертой керамической посуды из пазырыкских курганов является ее хрупкость. Не случайно создается впечатление о ее специальном изготовлении в качестве погребального инвентаря (Полосьмак Н.В., 1987, с. 39). По мнению С.И. Руденко, сравнительно низкий уровень изготовления керамической посуды из пазырыкских курганов может объясняться ее второстепенным значением по сравнению с деревянной и металлической (Руденко С.И., 1953, с. 249–250). В оформлении нашего сосуда наблюдается некоторое своеобразие. Здесь отсутствуют столь обычные для пазырыкской керамики налепы, кожаная аппликация, роспись черной минеральной краской. Орнаментация из прочерченных по сырой глине элементов также имеет нетипичные для ранних кочевников Алтая мотивы. Так, три горизонтальных ряда треугольников, отмеченные на сосуде из мог. Кок-су (Сорокин С.С., 1974, с. 80, 84, рис. 12.–1), справедливо связываются с архаическим орнаментом, характерным для эпохи бронзы (Кубарев В.Д., 1991, с. 62). Такие орнаментальные элементы характерны для сосудов андроновской эпохи, эпохи поздней бронзы (Косарев М.Ф., 1981, рис. 52, 54, 56, 68, 69, 74 и др.). Но, может быть в большей степени, для керамики карасукской культуры (Членова Н.Л., 1972, табл. 15, 16). Керамика низкого качества, ее орнамент предстает как реминисценция более архаической эпохи, но вполне вписывается в общий набор регламентированного погребального инвентаря пазырыкской культуры, который допускает использование в практике погребальной обрядности предметов-символов, вотивов и макетов. В качестве примера можно привести наблюдения исследователей пазырыкской культуры: чеканы, специально изготовленные для погребения и имеющие культовое назначение; имитации кинжалов и модели ножен кинжалов; уменьшенные и миниатюрные зеркала; деревянные модели поясных пластинчатых пряжек и др. (Кубарев В.Д., 1987, с. 56, 62, 66–67, 76–78, 129–130; 1991, с. 73, 78–79, 98, 105; 1992, с. 57–58, 65). Часто бронзовые модели не подвергались окончательной доработке и представляли собой довольно грубо выполненные предметы. Хотя, С.И. Руденко, например, отмечая невысокое качество глиняной посуды, отрицал замену «подлинный вещей какими-то специально изготовленными» (Руденко С.И., 1953, с. 171–172). Эта деталь интересна как составляющая одного ряда явлений. Быть может, здесь уместно упомянуть параллели, наблюдаемые исследователями в погребальных памятниках ранних кочевников Алтая. В.Д. Кубарев и Н.Л. Членова предметы более раннего периода, обнаруженные в погребениях IV–II вв. до н.э. Горного Алтая, объясняют несколькими причинами: существованием особой этнической группы людей, сохранившей архаические типы вещей; проникновением таких вещей с соседней территории (Членова Н.Л., Кубарев В.Д., 1990, с. 53–54). Кроме того, в пазырыкских погребениях зафиксирован обычай

использования в качестве моделей кинжалов бронзовых ножей карасукской эпохи и карасукских кинжалов в позднескифских комплексах Монголии (Кубарев В.Д., 1987, с. 59).

Таким образом, сосуд можно связывать с предметами, специально изготовленными для погребения с использованием элементов архаики. Примеры диахронии инвентаря погребальных комплексов зафиксированы и в памятниках других культур и регионов.

Орнамент можно рассмотреть и с другой точки зрения.

Керамика с похожим орнаментом встречается в памятниках ранних кочевников в различных регионах. В курганах скифо-сакского времени Алтая отмечена орнаментация в виде прочерченных по устью горловины и месту перехода к тулову зигзагов с ямками-наколами (мог. Барбургазы, Кок-су, Бийск-II) (Кубарев В.Д., 1992, с. 47 рис. 15.–7; Суразаков А.С., 1988, с. 66, рис. 28.–8). В соседней культуре ранних кочевников Верхнего Приобья с III–II вв. до н.э. распространяются характерные для саргатской культуры приемы орнаментации в виде горизонтальной елочкой вдоль венчика и рядов треугольных фестонов на плечиках сосудов (Могильников В.А., 1997, с. 35, рис. 29.–1,4–6; рис. 30). Но в данном случае фестоны не заполнены дополнительной штриховкой. Для керамики саргатской культуры характерны орнаментальные мотивы: «ёлочка», зигзаг, треугольники. В V–III вв. до н.э. преобладают резные узоры, иногда в сочетании с ямками и наколами. Треугольные фестоны отмечены и в керамике саргатской культуры более позднего времени (до первых веков н.э.). В комплексах Гороховской культуры преобладают горшки с высокой шейкой и шаровидным, яйцевидным или грушевидным туловом. Орнамент, нанесенный по плечу и шейке сосудов, представлен горизонтальной «ёлочкой», наклонными нарезками, решеткой, зигзагом, треугольными фестонами, иногда заполненными ямочными наколами или заштрихованными. Резной орнамент в виде спиралей, заштрихованных треугольников, насечек, линий и т.д. характерен для керамических сосудов таштыкской культуры Южной Сибири.

Треугольники, изображенные вершинами вверх и заполненные косой штриховкой или решеткой, встречаются на керамических сосудах из погребальных комплексов саков Средней Азии (Кетмень-Тюбе). Таким образом, в орнаменте на керамике из комплексов ранних кочевников Сибири и Зауралья встречаются близкие мотивы, имеющие довольно широкий хронологический диапазон. Относительно орнаментальных мотивов можно предположить как влияние других культур, так и отголоски более ранних времен.

Кувшины типов II и III, по мнению В.Д. Кубарева, на территории Ю–В Алтая встречаются с V–IV вв. до н.э., в то время как в памятниках соседних регионов — не ранее III в. до н.э. (Кубарев В.Д., 1991, с. 60).

Предположительное существование у носителей пазырыкской культуры ритуала изготовления специальной глиняной посуды в качестве погребальной и помещение в них молочных напитков, к которым существовало особое отношение (Н.В. Полосьмак, 1997, с. 37–41), вполне согласуется с возможностью нанесения архаических орнаментальных мотивов и использованием архаических предметов в погребальных комплексах. Вероятно, это с особенностями погребального обряда и мифологических представлений древних кочевников. Замеченное некоторыми исследователями несоответствие керамики с синхронных поселений и могильников эпохи бронзы (в частности, в системе орнаментации, качестве обжига), проявляет древние истоки такой традиции, основанные на принципиально схожих представлениях о «загробном» мире.

В 1998 г. экспедицией проводились исследования также на кургане 11 мог. Берель (диаметр — 31,4×28,6 м; высота — 1,7 м). Работы на этом объекте не завершены. Из находок можно отметить трупы лошадей рыжей масти в северной части сруба; несколько пар составных деревянных рогов горного козла и деревянная скульптура рогатого орлиноголового грифона от конских масок; деревянный псалий с окончаниями в виде тигрогрифона и другие предметы конского снаряжения (рис. 6.–11), а также фрагмент ярмарогатки (?) повозки.

Дальнейшие археологические исследования на могильнике Берель, безусловно, будут перспективными в плане хронологической и этнокультурной атрибуции памятников древних кочевников Казахстанского Алтая.

Вл.А. Семенов
(г. Санкт-Петербург, ИИМК РАН)

СИНХРОНИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ АЛДЫ-БЕЛЬСКОГО ТИПА В ТУВЕ

VI. Semenov
(*St-Petersburg, Institute of the History of Material Culture*)
The synchronize and chronology of monuments Aldy-Bel type in Tuva

Хронология скифских археологических памятников Тувы и Южной Сибири является частью общей проблемы хронологии скифо-сибирского евразийского единства. Метод перекрестного датирования между тагарскими (подгорновскими), алды-бельскими и майэмирскими памятниками с опорой на Аржан фактически исчерпал себя, но и датировки методом С-14 также дают определенные сбои, часто не согласующиеся с данными археологии. В этих условиях единственно приемлемым путем определения более или менее удовлетворительных временных рамок остается синхронизация отдельных памятников степной зоны Евразии с дальнейшей работой по уточнению их хронологии. В данной работе предлагается синхронизация комплексов с золотыми серьгами, имеющими конусовидный колпачок, и комплексов с сегментовидными бронзовыми плетевидными подвесками, которые демонстрируют западные и восточные линии связей алды-бельской культуры Тувы, что позволяет привязать алды-бельскую культуру к более широкому кругу памятников скифо-сибирского типа.

Всего учтено 14 таких комплексов: 6 — в Туве, 4 — на Горном Алтае, 3 — в Казахстане, 1 — в Астраханской области в дельте Волги (рис. 1). В Туве серьги с конусовидной подвеской были встречены в могильниках: 1) Бегире, курган 40; 2) Ортаа-Хем-III, курган 1, погребение 2; 3) Куйлуг-Хем-I, курган 9; 4) Хемчик-Бом-III, курган 1/2, погребение 9; 5) Ангор-Хову, курган 1; 6) Сарыг-Булун, курган 1, погребение 1. На Алтае это Быстрянский могильник курганы 8 и 14 (комплексы № 7 и 8). Комплекс № 9 — погребение в каменном ящике на могильнике Коо-I в низовьях Чулышмана (Алтай). Комплекс № 10 происходит с Бойтыгема-II курган 19. Комплекс № 11 — могильник Жиланда курган 2 в Центральном Казахстане (среднее течение реки Нуры). Комплексы № 12 и 13 — из савроматского кургана Бес-Оба и кургана 2 могильника Покровка-II. Эти серьги также не вполне идентичны тувинским. Последний комплекс № 14 происходит из савроматского погребения из Красноярского района Астраханской области поселок Комсомольский.

Комплекс № 1 с реки Бегире включает в себя изогнутую золотую пластинку, железный пластинчатый нож, бронзовый трехлопастной черешковый наконечник стрелы, бронзовое подковообразное украшение с двумя заклепками, золотую серьгу с конусом, украшенным четырьмя запятыми и зернью. На кургане, согласно свидетельству А.В. Адрианова, был установлен оленный камень. В заполнении могильной ямы встречены обломки трех сосудов. Погребальная камера деревянная плохой сохранности. В камере кости одного человека и кости барана. Л.Р. Кызласов датирует этот курган на основании найденной здесь золотой серьги V в. до н.э. (Кызласов Л.Р., 1979, с. 76).

Второй комплекс из могильника Ортаа-Хем-III курган 1 погребение 2 происходит из раскопок И.У. Самбу (отчет И.У. Самбу, ф. 35 1968 г., № 31, архив ИИМК РАН). Под курганом алды-бельского типа было исследовано два погребения. Центральное (№ 1) разграблено и в нем обнаружено только зеркало с кнопкой на четырех ножках. Погребение № 2 находилась к северу от первого в глубокой 1,8 м яме и небольшом деревянном срубе размером 1,6×2,5 м. В срубе была найдена серьга с гладкой конусовидной подвеской. Зернь напаяна только на соединении кольца и конуса. Золотая пектораль, бронзовые обоймы, бусы, железный предмет. Сам автор раскопок воздерживается от каких-либо датировок этого памятника, но согласно хронологии алды-бельской культуры, предложенной А.Д. Грачом, он должен датироваться VII–VI вв. до н.э.

Комплекс № 3 из Куйлуг-Хема 1 (курган 9) включает серьгу и 27 наконечников стрел. Из них 22 черешковых трехлопастных, в основном стандартных пропорций со средней длины черешком и средней по высоте головкой и 5 втульчатых, из них две башневидных со сводчатой

головкой и опущенными вниз жальцами, четырех бронзовых накладок в виде головок антилоп, двух накладок в виде протом антилоп, фигурных бронзовых накладок, золотых фигурных в виде хищников украшений одежды, каменного оселка, нескольких золотых полосок и нашивок (Грач А.Д., 1980, рис. 86–88).

Комплекс № 4 (Хемчик-Бом-III, курган 1/2, погребение 9) является классически алды-бельским. Помимо серьги в погребении, совершенном в каменном ящике находились: гребень роговой, декорированный в орнаментальном зверином стиле, зеркало с бортиком и петлей в центре, шило с гвоздевидной головкой, каменный оселок, бронзовый нож с треугольным вырезом в трапециевидно расширяющейся рукояти. Конусовидный колпачок на серьге имеет гладкую (без зерни) поверхность, также как на куйлуг-хемской и ортаа-хемской серьгах (Грач А.Д., 1980, рис. 109–110).

Пятый комплекс из кургана 5 на могильнике Ангор-Хову включает в себя собственно только серьгу, найденную в разграбленном центральном погребении (каменный ящик в яме с уступом на глубине 1,2 м). На разрушенном перекрытии ящика и в заполнении ямы найдены фрагменты толстостенного сосуда с грубым текстильным (полосчатым?) орнаментом.

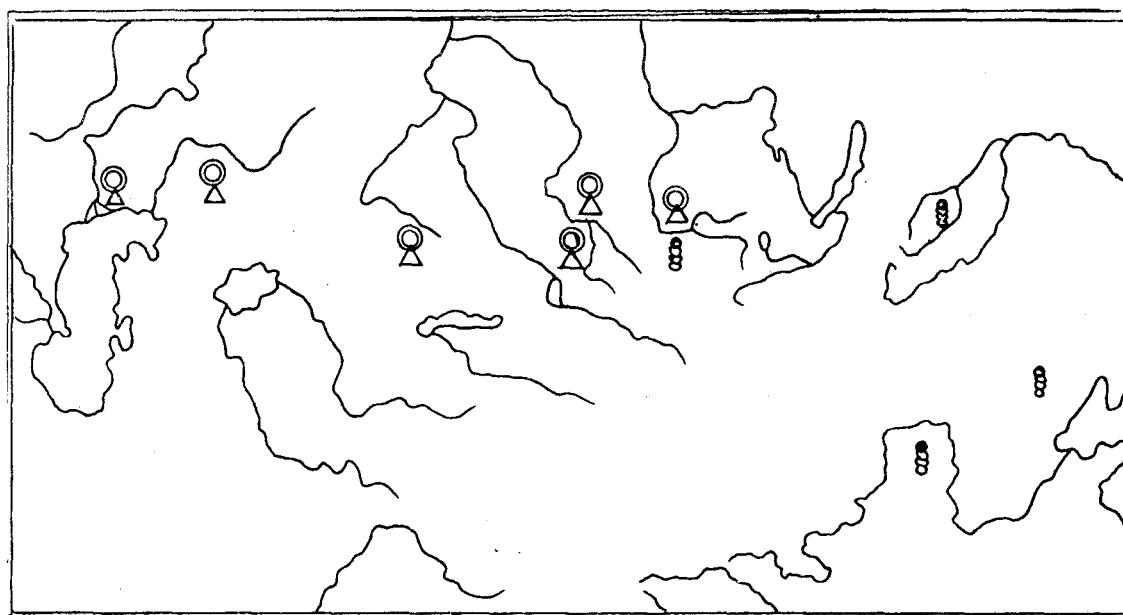
Последний — шестой комплекс из Тувы (Сарыг-Булун, курган 1, могила 1) включает три серьги с конусовидной подвеской и зернью на них. Именно по этим серьгам удалось установить, что «запятые» инкрустировались пастовыми вставками, и отверстия в «донце» конуса служили для подвешивания мелкого зеленого бисера. В этот комплекс входила еще одна серьга с шаровидной подвеской, бронзовое зеркало с кнопкой на четырех ножках, электрическая (?) пектораль, стеклянные содовые бусы средиземноморского происхождения, глазчатые бусы, два костяных пулевидных наконечника стрел, оселок, железный нож, клык кабарги, клык марала, костяная ворворка. Надо сказать, что могила была разграблена и перечисленные предметы являются лишь остатками первоначального, вероятно, богатого погребения (Килуновская М.Е., Семенов Вл.А., 1990, с. 36–47). Датируется VI–V вв. до н.э.

Следующие 4 комплекса происходят с Алтая. Комплекс № 7 — курган 14 Быстрянского могильника. Погребение совершенно в яме на глубине 2,1 м с остатками деревянной конструкции. Сопровождающий инвентарь включает в себя серьгу с зернью, бляшку золотую с изображением хищника, имитация клыка кабарги, бронзовый четырехгранный наконечник стрелы, обойма с протомами ланей, обшлаговы поясные бронзовые, фрагменты железного ножа. Под этим же курганом находилось захоронение лошади, в уздечный набор которой входили бронзовые плоские кольца, золотая пластинка, фрагменты железа (Завитухина М.П., 1966, с. 61–64).

Комплекс из кургана 8 включает в себя серьгу с витым кольцом и гладким конусовидным колпачком, в который по мнению М.П. Завитухиной могла крепиться бирюзовая вставка. Возможно, это и так, но в Туве известны серьги с подобным перевитым кольцом и биконической «подвеской», как бы там не было серьга из комплекса 8 существенно отличается от остальных, рассматриваемых здесь изделий этого типа. Тем не менее не вызывает сомнений синхронность курганов 8 и 14 Быстрянского могильника. Трехгранно-трехлопастные втульчатые наконечники стрел со сводчатой головкой, бронзовые наконечники с длинным черешком, золотая пектораль, костяные наконечники, включая пулевидный, находят аналогии среди материалов алды-бельской культуры Тувы. Также сближает оба кургана отсутствие керамики в числе погребального инвентаря. Железные орудия (акинак и чекан) не вносят здесь никакого противоречия так как уже было показано, что в пяти из семи комплексов, рассмотренных выше, встречались фрагменты или целые изделия из железа (как правило ножи).

Комплекс № 9 из могильника Коо-I — опубликована одна серьга с гладким без зерни конусом (Васютин А.С., 1992, с. 34–37). Некоторые аналогии, привлеченные А.С. Васютиным, не вполне соответствуют данному типу серег. К таковым относятся серьги из кургана 126 у Турана, из Новотроицких могильников и из Сибирской коллекции Петра I.

Комплекс № 10 происходит из кургана 19 могильника Бойтыгем-II. Здесь также как и в 14 Быстрянском кургане под одной насыпью находились захоронения человека и коня. Конское снаряжение включало в себя 2 трочные пряжки, две бронзовые желобчатые пронизки, бронзовая уздечная бляха со шпеньком в центре, бронзовая застежка со шпеньком и рифленным щитком, костяные обоймы, бронзовая зооморфная бляшка со шпеньком. В женском погребении

- — комплекс с серьгами (1, 2...)
 — комплексы с плетевидными подвесками (I, II...)

1 — Бегире; 2 — Ортаа-Хем-III; 3 — Куйлуг-Хем-I; 4 — Хемчик-Бом-III; 5 — Ангор-Хову; 6 — Сарыг-Булун; 7, 8 — Быстрынские курганы; 9 — Коо-I; 10 — Бойтыгем; 11 — Жиланда; 12 — Бес-Оба; 13 — Покровка-II; 14 — Астраханская обл.

I — Чичге-II; II — Атпак; III — Оловянная; IV — Луанпинь; V — Ордос.

кургана находилось бронзовое петельчатое зеркало, ожерелье из крупных и мелких пастовых бусин, плоские округлые бусины из того же камня, 2 золотые серьги с коническими подвесками с зернью. Авторы раскопок датируют могильник Бойтыгем-II VIII–VII вв. до н.э. (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994, с. 30–40; Абдулганеев М.Т., 1994, с. 37–43).

Одиннадцатый из интересующих нас комплексов происходит из кургана 2 могильника Жиланды. Здесь в женском захоронении найден каменный овальной формы жертвенник, ожерелье из бирюзы и пасты, сланцевое пряслице, серьга с конусовидным колпачком, сплошь украшенным зернью. Сакские курганы из Жиланды (в первом из них найдено зеркало с бортиком и рисунками кабана и оленя), датируются VII–V вв. до н.э. на основании аналогий в памятниках первого этапа тасмолинской культуры (Кадырбаев М.К., 1974, с. 41–45).

Серьга из могильника Бес-Оба курган 3 (комплекс № 12) имеет плоский в сечении ободок кольца, сделанного из расплющенной проволоки и полый конус с полосками зерни, покрывающими вертикальный шов конуса, его основание и место соединения с кольцом. В этом погребении, как явствует из остального инвентаря, жрицы была обнаружена керамика, 95 электровых полушаровидных нашивок, красная и зеленая краска, краскотерка, оселок, железный нож, многочисленные украшения из золота, а также стеклянные бусы (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1978, с. 65–70), а также бронзовое зеркало и каменный жертвенник на трех ножках, вырезанных в виде головы волка. Авторы раскопок предлагают датировать курган VI–V вв. до н.э.

Пара серег аналогичных бесобинским происходит из кургана 3 могильника Покровка-II (комплекс № 13). Под курганной насыпью находилось два погребения. Интересующие нас вещи были обнаружены в женском погребении 2, которое считается впускным. В число сопроводительного инвентаря входила помимо серег керамика (2 сосуда), каменный алтарь-жертвенник, бронзовое зеркало, бирюзовые и сердоликовые бусы, меловые бусы, стеклянный бисер, золотые пронизки, 3 золотые нашивки в виде волка, бронзовая пряжка с торчащим вверх и загнутым шпеньком, костяная подвеска (остатки железа) и др. (Яблонский Л.Г., Трунаева Т.Н., Веддер Дж. и др., с. 32–35, 155, 156, рис. 76–77).

Последний 14 комплекс происходит из Астраханской области. Здесь при раскопках средневекового мавзолея (гурханы) было обнаружено 2 погребения, датирующихся скифским временем. Если большинство выше описанных погребений было женскими, то в последнем случае серьга находилась в мужском захоронении, под черепом погребенного в области виска. В этом же погребении находился меч в деревянных ножнах с железным наконечником с навершием рукояти в виде двух волют и массивным почковидным перекрестием. Под рукоятью меча лежал железный крюк и железная обойма, ниже перекрестья меча — железная плоская бляха с фигурной головкой грифона, севернее меча — горит с набором наконечников стрел (102 штуки), 2 из которых железные, 1 костяной, остальные бронзовые. Здесь также были найдены лезвия железных ножей, 2 каменных оселка, 3 бронзовые бляхи с изображением свернувшегося хищника с заклепками для крепления к ремню, фалары железные со следами тонких золотых пластинок. Из оружия помимо меча в погребении находился железный акинак с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Керамика представлена курительницей, черноглиняными сосудами — один с яйцевидным туловом, другой котловидной формы. В погребении также находились кости овцы, жеребенка и, возможно, собаки (Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, с. 127–140). По ряду признаков могила датируется авторами второй половиной VI — началом V вв. до н.э. Это самые ранние савроматские погребения в нижнем Поволжье, связанные с восточным ареалом евразийских степей, о чем свидетельствуют бляхи со свернувшимся хищником, некоторые типы наконечников стрел, железная пластина инкрустированная золотом, золотая серьга в виде конуса и др. (Дворниченко В.В., 1997, с. 139). Эта общая характеристика может быть конкретизирована и подкреплена аналогиями из памятников алды-бельской культуры.

Восточная линия синхронизации между алды-бельскими памятниками и культурой плиточных могил и далее с массивом «застенных» степных культур на Северо-востоке Китая и Ордоса намечается по «петлевидным» подвескам из бронзы (рис. 1). Эти стержневидные подвески длиной 5–8 см и не более 0,8 см в диаметре имеют сегментовидное членение и круглое отверстие в верхней части. В Туве подобные подвески встречены дважды. В могильнике Чинге-II курган 24 (раскопки И.У. Самбу) и на могильнике Аtpак курган 2 могила 1 на р. Устю-Сор, притоке Верхнего Ишкина (раскопки А.Н. Рябцева, К.В. Чугунова). В восточном Забайкалье (Читинская обл.) подобные подвески найдены *in situ* в плиточной ограде № 3 у ст. Оловянная (Ступников Р.Н., 1974, с. 104–109). Далее на юго-восток подобные изделия представлены среди материалов грабительски раскопанных могильников в уезде Луаньпине (провинция Хэбэй), опубликованных Т. Арне (Arne T.Y., 1993, s. 155–175, т. 1–VIII).

Первый комплекс происходит из кургана алды-бельского типа, под насыпью которого обнаружены 2 могилы. В погребении 1 сохранилось только 2 наконечника стрел (бронзовый черешковый трехлопастной и костяной черешковый уплощенный). Погребение 2 в яме с

остатками деревянного сруба из тонких жердей и костяком, ориентированным головой на 3–СЗ. Сопроводительный инвентарь включал каменную застежку аржанского типа, бирюзовые цилиндрические бусы (23 шт.), 2 астрагала, костяное шило и бронзовую «плетевидную» подвеску. Под насыпью кургана обнаружено конское снаряжение: 2 трочные пряжки и удила со стремевидными окончаниями. Предварительная дата всего комплекса укладывается в промежуток с VII по V вв. до н.э.

Курган на могильнике Атапак также алды-бельский — с 4 захоронениями под общим каменным сооружением. Вокруг кургана прослежен ровик. «Плетевидная» подвеска происходит из погребения №1. Вместе с ней, как и на Чинге находились 2 бараньих астрагала. В целом сохранившийся инвентарь беден и единственным датирующим предметом является упомянутая подвеска. По аналогии с курганом 24 Чинге-2 Атапак может датироваться VI–V вв. до н.э.

Две петлевидные подвески обнаружены в числе украшений нагрудника у станции Оловянной. Нагрудник реконструирован. Он включал 1069 мелких украшений из камня и меди. Автор раскопок этого уникального памятника Р.Н. Ступников датировал его X–VIII вв. до н.э. (Ступников Р.Н., 1974, с. 109). Ю.С. Гришин передатировал это погребение V в. до н.э. Основанием для пересмотра возраста могилы послужило найденное в ней бронзовое медалевидное зеркало размером 7,6×7,4 см и соединенная с ним бронзовая пряжка со шпеньком. Ю.С. Гришин отметил, что спаренные или многоярусные бляшки карасукского типа, представленные в этой могиле, бытуют в Забайкалье пережиточно и встречаются в более поздних бархотуйских погребениях (Гришин Ю.С., 1975, с. 57–59). В интересующем нас погребении на уровне бедренных костей покойника лежали две медно-бронзовые планки, концы одной из которых были украшены спирально расходящимися лучеобразными отростками, а у другой такими же отростками, расходящимися от голов козлов (Ступников Р.Н., 1974, с. 108–109). Аналогичные изделия происходят из Монголии (Волков В.В., 1967, рис. 20, 12). Шу Такахама и Тея Хатакеяма датируют монгольские находки периодом «Весен и Осеней», т.е. VII–VI вв. до н.э. (Takahama, Hatakeyama, 1997, p. 176, fig. 150. List of Exhibits IX N 150). Но Н.Л. Членова придерживается датировки, предложенной Ю.С. Гришиным — V в. до н.э. (Членова Н.Л., 1993, с. 60). По-видимому, нет оснований датировать могилу 3 у ст. Оловянной более поздним временем чем курган 24 Чинге-II, т.е. их можно синхронизировать в рамках VI–V вв. до н.э. Что же касается изделий из Луаньпиня, то они пока что могут быть использованы как наиболее отдаленные аналогии тувинским находкам, свидетельствующие о наличии восточной линии связей, протянувшейся от Верхнего Енисея до территории Северо-восточных провинций Китая.

Синхронизация раннескифских комплексов Тувы с памятниками Горного Алтая, Казахстана и Нижнего Поволжья и еще двух с плиточными могилами Восточного Забайкалья, позволяет датировать алды-бельские курганы, из которых эти комплексы были извлечены в границах VII–V вв. до н.э.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 98–06–80472.

В.И. Соёнов

(г. Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет)

**К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ
СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ГОРНОГО АЛТАЯ**

V. Soyonov

(Gorno-Altai, Gorno-Altai State University)

*To the question about the typology
of scythian funeral sites in the mountainous Altai*

Археологическое исследование могильников скифского времени Горного Алтая имеет длительную историю, которая за последнее десятилетие уже не раз становилась предметом изучения. Данному вопросу посвящена недавно изданная специальная историографическая работа Л.С. Марсадолова (1996), а также соответствующие разделы монографий В.Д. Кубарева (1987), А.С. Суразакова (1989), Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина (1997). Если не вдаваться в подробности, то можно отметить, что сегодня скифскую эпоху Горного Алтая исследователи делят на «раннескифское» и, собственно, «скифское» или «пазырыкское» время. Относительно хронологических границ этих периодов и их этапов разброс мнений довольно большой, но, в основном, раннескифское время датируется от IX–VIII вв. до н.э. до VI в. до н.э., а скифское, т.е. пазырыкское — от VI–V вв. до н.э. до III–I вв. до н.э. Вопрос о культурной принадлежности памятников, датированных в пределах этих двух периодов, решается исследователями тоже неоднозначно. Эта ситуация, видимо, неслучайна. Поэтому, в данном случае, нас интересует не решение больших проблем, а только лишь один источниковедческий вопрос, который лежит в их основе: вопрос о типологической принадлежности погребальных памятников.

По устоявшимся сегодня мнениям, совокупность горно-алтайских курганов скифского времени относится: 1) только к пазырыкской археологической культуре (Кубарев В.Д., 1992, с. 114–117); 2) подразделяется на памятники пазырыкской культуры и кара-кобинской «группы» (Суразаков А.С., 1989, с. 118–131). На севере Алтая выделяется «чумышско-ишинская группа» (Суразаков А.С., 1989, с. 131–137), которая в последнее время интерпретировалась как «предгорная контактная археологическая культура» (Тишкин А.А., 1996, с. 25–28) или «быстрянская культура» (Киреев С.М., 1992, с. 54–58). Если не касаться территории северных предгорий Алтая (где ситуация представляется иной, чем в Горном Алтае), то, по большому счету, получается, что мы имеем максимум два типа погребальных памятников: пазырыкский и кара-кобинский. Сегодня вряд ли можно согласиться с мнением о принадлежности всех курганов скифского времени Горного Алтая только к пазырыкской археологической культуре, поскольку многокомпонентность состава населения этого периода несомненна. Но в то же время нельзя согласиться с методикой выделения кара-кобинской культуры (Суразаков А.С., 1983, с. 42–52). Это тема для совершенно отдельного разговора и поэтому хотелось бы отметить только то, что ситуация с выделением этой культуры (теперь «группы») и ее неоднозначной оценкой была вызвана вовсе не отсутствием или скудностью материалов, а, прежде всего, не совсем корректным решением задач этапа исследования, предшествующего интерпретации. Методически правильнее было бы выдержать логическую последовательность процедуры выделения культуры (или типа памятников), где этап формального анализа исторически и методически предшествует этапу интерпретации (Клейн Л.С., 1991, с. 152).

Насколько мы можем судить по литературе, как бы это парадоксально не выглядело, но до сих пор нет ни одной убедительной попытки типологии погребальных памятников пазырыкского времени. Авторы единственной работы, посвященной детальной классификации погребальных сооружений, ограничились выделением 40 типов (т.е. единиц классификации) сооружений, объявив темой дальнейшего исследования выяснение причин разнообразия выделенных единиц (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997, с. 19–24). О типологии погребальных памятников пазырыкского времени в упомянутой работе, к сожалению, речь не идет, хотя она была бы очень к месту. Ведь при осуществлении процедуры типологии были бы выделены и обоснова-

ны на источниковедческом уровне не только пазырыкский и кара-кобинский типы памятников, но и другие типы, которые до сих пор фигурируют лишь как «нестандартные» погребения пазырыкского времени. Мы имеем в виду, например курганы Кызыл-Джара-V, Кара-Кобы-II, Карасу-II (Могильников В.А., 1983а, с. 53–54; 1983б, с. 55–56; 1994, с. 35–39), Яконура (Грязнов М.П., 1940, с. 17–18), где обнаружены погребения в подбоях, а также курганы Елангаша (Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В., 1975, с. 70), Кер-Кечу (Могильников В.А., 1988, с. 67–68), Кызыл-Таша (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1997, с. 88–89), Чесноково-I (Шульга П.И., 1997, с. 58), где раскопаны погребения, преимущественно, в каменных ящиках с черепами животных в восточном секторе ямы. Оснований для выделения хотя бы этих двух типов погребальных сооружений достаточно. По крайней мере, не меньше, чем при выделении кара-кобинского типа, когда единственным убедительным отличием пазырыкского и кара-кобинского «вариантов» был материал, из которого сооружена та или иная внутримогильная конструкция. Между тем, антропологический состав (Дремов В.А., 1990, с. 134) и основные признаки погребальных памятников пазырыкцев и кара-кобинцев демонстрировали определенную близость: меридиональное расположение курганов на могильниках (в том числе смешанных), круглые в плане насыпи, четырехугольные могильные ямы, сопроводительные захоронения коней, восточная ориентировка человеческих костяков, положение погребенных на правом боку с подогнутыми ногами, схожий состав инвентаря и т.д.

Таким образом, существующее сегодня деление памятников скифского времени Алтая только на пазырыкские и кара-кобинские, а, тем более, отнесение всех памятников только к пазырыкской археологической культуре не отражает всего разнообразия известных памятников, что, в свою очередь значительно упрощает наши представления об этнокультурной ситуации этого периода. Только осуществив формально-типологический анализ известных погребальных памятников, выделив типы памятников (пусть первоначально в рамках пазырыкской культуры и кара-кобинской «группы») и соотнеся их с синхронными типами памятников других территорий, мы можем обоснованно решать проблемы выделения культур (-ы); происхождения компонентов, составивших население Горного Алтая; расселения и миграции населения; эволюции погребального обряда и инвентаря и т.д.

А.С. Суразаков

(г. Горно-Алтайск, Горно-Алтайский
институт гуманитарных исследований)

О ТРАДИЦИЯХ НАРУШЕНИЯ ДРЕВНИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

A.S. Surazakov

*(Gorno-Altaiisk, Gorno-Altaiisk institute of the humanitarian researches)
About the traditions of ancient funeral construction violation*

Во многих исследовательских работах содержится масса сведений о тех традициях прошлых обществ, которые были направлены на сохранение погребений усопших сородичей и прос-тирались от мировоззренческой сферы с ее табуированными установками до практических дей-ствий, ориентированных на то, чтобы скрыть захоронения от посторонних или по крайней мере затруднить им доступ к их содержимому. В то же время обширные археологические изыскания показывают, что доля древних погребальных сооружений, дошедших до нашего времени в не-потревоженном человеком виде во многом уступает тому их количеству, что были нарушены в прошлые времена (Руденко С.И., 1960). Иными словами, явление это столь обширно, что его трудно обойти вниманием.

Здесь же надо заметить, что само по себе явление это весьма разнопланово и в нем можно выделить несколько параллельных традиций. Начнем с уже устоявшихся в исследовательской

среде представлений, выразившихся в общепринятом понятии «ограбление». Все верно, легенды о «могильных» сокровищах, надо полагать, уходят в глубокую древность, причем это имело в прошлых веках вполне реальное основание. Здесь стоит вспомнить хотя бы о тех драгоценностях, что обнаружены археологами в непо потревоженных погребениях древних вождей и царей вообще или о тех коллекциях, что разными путями составили «сокровищницы» современных музеев. Легенды эти скорее всего имели в прошлом хождение по всей Евразии и о них знали в каждом из отдельно взятых ее регионов.

В общем, здесь мы имеем дело с универсальной и широко распространенной в пространстве и времени «традицией кладоискательства», в основе которой лежал вполне определенный, т.е. материальный интерес о чем уже достаточно много написано как в научной, так и в другого вида литературе.

В то же время археологическая практика показывает, что мотивы нарушения погребальных памятников отнюдь не ограничивались одним лишь стремлением поживиться за счет их содержимого. Анализ характера нарушений, в частности, памятников Горного Алтая, свидетельствует о том, что здесь имели место и другие обычаи. К примеру, «традиция осквернения» захоронений. Одним из ведущих в этом случае выступало стремление отомстить либо конкретному ушедшему в мир иной человеку, либо здравствующему его клану. В этом отношении весьма показателен курган № 46 мог. Курата-II, исследованный автором в 1979 г. Человеческое захоронение в нем древнетюркского времени вместе с сопроводительным конским было существенно потревожено. Вместе с тем разрушители не тронули погребальный инвентарь, среди которого имелось и ценное, т.е. прекрасно выполненное китайское металлическое зеркало. Кроме того, после нарушения погребения они сбросили в яму труп собаки (Суразаков А.С., 1990).

Иными словами, в данном случае мы имеем дело с явным проявлением традиции осквернения, что могло также иметь место и по отношению к другим находимым ныне разрушенными памятникам, причем самых разных эпох. Надо сказать, что сведения об этом обычае содержатся в древних китайских летописях, рассказывающих, допустим, о действиях ухуаньцев относительно захоронений гуннских вождей.

Третьим типом традиций в рамках интересующей нас темы выступает «обычай приобщения». Начать здесь, видимо, надо с того всем известного факта, что курганы, судя по контексту древних представлений, выступали как своеобразный символ связи соорудивших их коллективов с данной территорией. В общем, они выступали как своеобразный знак собственности на территорию, означавший приоритетное право владения этим пространством. Вспомним хотя бы такое и ныне расхожее понятие, как «земля предков». Отсюда вполне естественным выглядит стремление более поздних мигрантов со стороны тем или иным способом приобщиться к этому символу, т.е. сооружениям, оставленным более ранними их предшественниками.

В данном случае они либо сооружали свои, т.е. новые памятники рядом с более ранними, отчего, собственно, археолог зачастую имеет дело с разновременными могильниками, либо погребали своих усопших в структуре более ранних сооружений, однако не тревожа при этом сами более ранние захоронения. В практике автора подобный обычай наиболее ярко проявился в процессе раскопок в 1995 г. кургана № 3 мог. Кызыл, где над основным погребением скифского времени было совершено два дополнительных захоронения уже в гунно-сарматскую эпоху, причем первое, т.е. основное осталось нетронутым.

Наконец, в сфере интересующих нас традиций можно выделить «обычай замещения», когда мигранты, придя на новую территорию, не сооружали новых памятников, а использовали более ранние, но, в отличие от предыдущей традиции, стремились заместить в них прошлых усопших на своих. Наиболее яркое отражение этого обычая в Горном Алтае выявлено в процессе раскопок автором мог. Ябоган-III. В курганы скифского времени здесь были сделаны захоронения более поздней гунно-сарматской эпохи, причем с нарушением основных, т.е. пазырыкских погребений.

В данном случае привлекает внимание сам характер упомянутых нарушений. Дело в том, что пришельцы, раскопав могильные ямы и дойдя до основных захоронений, отнюдь не стремились перевернуть их полностью. Они нарушали лишь верхние части костяков, расположенные выше таза, тогда как тазовые кости и кости ног оставались в непо потревоженном состоянии, причем вместе с теми предметами, которые сочетались с этой частью туловища, допустим, кинжалами. После этого ямы частично засыпались и в них совершались подхоронения.

В связи с этим открывается не только одна из форм «перетягивания» сакрального места на себя со стороны пришлых групп гуннского времени, поскольку действия совершались ими, но и их представление о локализации души в человеческом теле. Разрушенное ее вместилище (верхняя часть туловища) обрывало ее связь с костяком, что в свою очередь не позволяло ей вернуться обратно и тем самым потревожить того, кто «занял» памятник позже. В целом же обряд замещения чужих на своих был направлен на то, чтобы нарушить коллективную связь ушедших из этих мест иноплеменников с землей их усопших предков, а стало быть с этой территорией и «перетянуть» эту связь на себя.

Впрочем, это только одно из возможных толкований, тогда как их может быть множество. Кстати, проявление подобного обычая было зафиксировано также в процессе раскопок автором в 1978 г. кургана № 24 мог. Сары-Кобы (Суразаков А.С., 1982). Здесь надо отметить, что обычай этот в отдельных случаях мог иметь место и в предыдущем случае, т.е. когда рядом с нарушенными погребениями мигрантами возводились свои собственные, т.е. уже новые сооружения.

А.Д. Таиров

(г. Челябинск, Челябинский государственный университет)

**СРЕДНЯЯ АЗИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
VI В. ДО Н.Э. И КОЧЕВОЙ МИР ЮЖНОГО УРАЛА**

A.D. Tairov

(Chelyabinsk, Chelyabinsk State University)

*Central Asia and the South Urals nomads'
world in the second half of the 6th century B.C.*

Южный Урал включает два достаточно четко очерченных естественно-географических и историко-культурных региона — Южное Приуралье и Южное Зауралье. В Южном Приуралье памятники VII — первой половины VI вв. до н.э. практически полностью отсутствуют, а археологическая культура ранних кочевников появляется в «готовом сложившемся виде» не ранее второй половины VI в. до н.э. (Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х., 1994, с. 5–6). В Южном Зауралье начало раннего железа (VII–VI вв. до н.э.) представлено памятниками бобровского этапа, входящими в тасмолинскую историко-этнографическую общность (Таиров А.Д., 1991, с. 11–15; 1993, с. 200–201). Анализ же погребального обряда памятников VII–VI и второй половины VI–V вв. до н.э. свидетельствует о несомненной культурно-генетической преемственности населения этого региона.

Вместе с тем некоторые черты погребального ритуала периода второй половины VI–V вв. до н.э. не имеют местных корней. К ним относятся: трупосожжения на месте или по дожжение деревянной надмогильной конструкции; обширные квадратные могильные ямы с длинным коридором-дромосом; трупосожжения на грунте и деревянные конструкции над ними; сожжение перекрытия могильных ям; погребения на горизонте в прямоугольных или овальных деревянных постройках, от которых сохранились столбовые ямки; парные и коллективные погребения и некоторые другие. Поиски их истоков заставляют обратить внимание на области, лежащие к югу от Зауралья — Среднюю Азию, и прежде всего на Южное Приуралье, на племена историко-этнографической общности саков низовий Аму- и Сырдарьи (Яблонский Л.Т., 1988, с. 189). Большинство вышеназванных черт здесь присутствуют уже в комплексах VII–VI вв. до н.э., т.е. в более ранних памятниках по сравнению с аналогичными на Южном Урале, и восходят они к эпохе бронзы Средней Азии (Вишневская О.А., 1973, с. 60–69, 127–128; Яблонский Л.Т., 1996, с. 18–29; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997).

Во второй половине VI — начале V вв. до н.э. в Южном Зауралье появляются и новые типы погребального инвентаря, которые также по своему происхождению связаны со Средней Азией и Ближним Востоком. Это сосуды с трубчатым носиком-сливом, плоскодонные керамические горшки с грушевидным туловом, плоскодонные сосуды с маленькими петлевидными ручками, бронзовые зеркала — с плоским диском и боковой ручкой, с закраиной без ручки. Каменные алтари-жертвенники на ножках и другие.

Одновременное появление во второй половине VI — начале V вв. до н.э. и комплекса черт погребального обряда, и инвентаря, характерных для саков Аму- и Сырдарьи, наводят на мысль о возможной миграции части этих племен на Южный Урал и последующем включении их в состав аборигенного населения. Причиной миграции, по-видимому, могла послужить историческая ситуация, сложившаяся в Средней Азии в конце VI в. до н.э. в результате активной завоевательной политики ахеменидской Персии в этом регионе (Пьянков И.В., 1964, с. 115–130; 1972, с. 19, 20; Дандамаев М.А., 1985, с. 52–53, 100–103).

К концу царствования Кира II из рода Ахеменидов, создателя одной из крупнейших «мировых империй» древности, Персия (Ахеменидская держава) подчинила огромную территорию от берегов Средиземного моря до Инда и от Хорезма на севере до Индийского океана на юге. Между 545 и 539 гг. до н.э. были присоединены к державе Кира II или покорены им земледельческие государства Средней Азии — Парфия, Согдиана, Бактрия и Маргиана, Хорезм и часть сакских кочевых племен, в частности прикаспийские и амурьские саки. Здесь были созданы сатрапии, управляемые назначенными из центра наместниками. Покоренные области обязаны были платить подати, поставлять воинские контингенты в персидскую армию. Последние несли гарнизонную службу в различных концах империи, участвовали в завоевательных походах (Ставиский Б.Я., 1971, с. 156).

После покорения части Средней Азии и взятия Вавилона Кир II готовился захватить и Египет. Однако предварительно он решил обезопасить северо-восточные границы своего государства в Средней Азии от набегов кочевых племен массагетов, наносивших значительный ущерб оседлым иранским народам, подданным Ахеменидской державы. Чтобы ликвидировать опасность вторжения массагетов, Кир создал в Средней Азии, на крайнем северо-востоке государства, ряд пограничных укрепленных поселений, обычно называемых античными историками городами. Одно из таких поселений было основано в бассейне Яксарта (Сырдарьи) в Согдиане, на месте нынешнего Ура-Тюбе, и носило название Кирополь. Однако для обеспечения полной безопасности границ необходимо было покорить или хотя бы утратить массагетов. Массагеты занимали территорию где-то к востоку от Каспия, находившуюся в непосредственной близости к Хорезму и Согду. Именно сюда Кир II в 530 году до н.э. отправился в свой последний поход. Во время битвы на восточной стороне Амударьи Кир II потерпел полное поражение и погиб сам.

Разгром ахеменидского войска и гибель основателя государства не привели, однако, к освобождению среднеазиатских областей от власти Персии. Политику Кира II в этом регионе продолжил Дарий I Гистасп. В 519 г. до н.э. он совершил большой поход против массагетов, зафиксированных в персидских источниках под именем саков-тиграхауда (саков, носящих остроконечные шапки). Об этом сообщает V столбец Бехистунской надписи Дария I: «Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился против страны саков. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать битву. Когда я прибыл к реке (? — Амударье), на ту сторону ее со всем войском я перешел. Затем я наголову разбил часть саков, а другую (часть) захватил в плен... Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого назначил (их) вождем, как (на то) было мое желание. Затем страна стала моей» (Дандамаев М.А., 1985, с. 100–101).

Таким образом, в последней трети VI в. до н.э. Ахемениды дважды совершали походы против кочевых и полукочевых племен Средней Азии. Причем второй поход, поход Дария I, закончился для персов успешно — удалось подчинить ряд кочевых племен Южного Приаралья.

Эти события привели к перемещениям и перегруппировкам среднеазиатских кочевых племен, оттоку отдельных их групп за пределы региона (Членова Н.Л., 1967, с. 219–220; Иванов Г.Е., 1987, с. 29). Часть кочевых и полукочевых племен среднеазиатского междуречья и равнин к востоку от Каспия вынуждена была покинуть свои прежние места обитания и мигри-

ровать на север, в степи Южного Урала, а также в зауральскую лесостепь и прилегающие к ней районы Западной Сибири. Вероятно, эти же события вынудили кочевников, кочевавших между западными отрогами гор Южного Урала и Приаральем, перенести центр своего племенного объединения и родовые могильники с юга на север, в степи Южного Приуралья. Именно этим объясняется, по нашему мнению, появление во второй половине VI в. до н.э. культуры ранних кочевников Южного Приуралья в «готовом» сложившемся виде (Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х., 1994, с. 5–6; Железчиков Б.Ф., 1997, с. 23).

Передвижение части среднеазиатского населения на север имело огромное значение для дальнейшей истории кочевников Южного Урала. Во-первых, в период миграций чаще всего наблюдаются процессы раскола и распада одних популяций и формирование иных, уже совершенно своеобразных культурных объединений. Во-вторых, миграции и переселения способствуют социальной дифференциации общества, выделению в нем военной прослойки, возрастанию роли военных вождей. В-третьих, в результате миграций деформируются основные структуры нормативного фактора, закреплявших положение отдельных этносоциальных группировок, а трансформация производственных стереотипов нередко сопровождается взлетом производства и развитием принципиально новых идей (Черных Е.Н., 1987, с. 247–248; 1989, с. 18, 22–23).

Кроме того, необходимо учитывать и постоянную военную угрозу со стороны державы Ахеменидов и подвластных ей земледельческих центров Средней Азии, которая стимулировала политическое объединение этнически близких коллективов в целях совместной самообороны, усиливала социально-имущественную стратификацию, способствовала более четкому обособлению военной знати (Павленко Ю.В., 1989, с. 115–116).

Следует отметить, что уход части среднеазиатских кочевников с прежних мест обитания на Южный Урал не повлек за собой разрыва их традиционных экономических и культурных связей с земледельческими областями, особенно Хорезмом. Именно с этого времени фиксируются устойчивые взаимосвязи кочевников Южного Урала с земледельческими государствами Средней Азии и Ближним Востоком.

Значительное влияние на сложение особенностей культуры кочевников Южного Урала конца VI–V вв. до н.э. оказало, вероятно, население западных районов Евразии. Со второй половины VI в. до н.э. начинает активно функционировать «торговый путь Геродота». Этот торговый канал связывал степи Северного Причерноморья, лесостепные районы Поднепровья и Подонья с Южным Приуральем и Восточным Оренбуржьем.

По-видимому, под влиянием скифского мира в среде южноуральских кочевников распространились железные петельчатые удила и двудырчатые псалии, некоторые детали украшения узды, образцы скифского оружия (мечи с когтевидным навершием и без навершия) трехгранные, трехгранно-трехлопастные и трехлопастные, с острыми концами граней, втульчатые наконечники стрел (Смирнов К.Ф., 1964, с. 261; Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993; Таиров А.Д., 1992, с. 97). А уже отсюда они широко распространяются по всему востоку Евразии, быстро вытеснив все прочие типы наконечников стрел (Медведская И.Н., 1972, с. 81, 88–89).

Наличие же на Южном Урале антропоморфных изваяний, несущих на себе явные следы влияния скифской изобразительной традиции, фиксирует, по-видимому, присутствие в данном регионе и скифского этнического компонента.

Результатом всех этих процессов явилось сложение на Южном Урале двух крупных объединений кочевников: в Южном Приуралье с центром на Илеке и в Южном Зауралье с центром в южных районах нынешних Челябинской области и Северо-Восточном Оренбуржье. Эти два объединения развивались в тесном взаимодействии друг с другом, составляя, вероятно, этнопотестарную общность типа племенного союза с иерархической структурой.

Военно-жреческая верхушка этого объединения в качестве одного из способов маркировки своего элитарного статуса широко использовала в погребальной обрядности комплекс социально престижных символов, ставших в последствии общесарматскими (Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988, с. 143–145). Кочевники Южного Зауралья и Илека являлись той средой, в которой уже со второй половины VI в. до н.э. происходило становление раннесарматской (прохоровской) археологической культуры (Пшеничнюк А.Х., 1995, с. 96; Таиров А.Д., 1998).

Л.В. Татаурова, И.В. Толпеко

(г. Омск, Филиал Объединенного института истории,
филологии и философии СО РАН, Омский государственный университет)

САРГАТСКАЯ И КУЛАЙСКАЯ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

L.V. Tataurova, I.V. Tolpeko

*(Omsk, Division of United Institute of history, philology and philosophy
of Siberian Department of Russian Academy of Sciences, Omsk State University)*

Sargat and Kulaiy Cultures: problems of interaction

Саргатскую культуру раннего железного века исследователи относят к северной периферии скифо-сибирской культурной общности. Среди культур этого времени в Западной Сибири ее можно считать наиболее изученной. Однако осталось много вопросов в разрешении проблемы связей с культурами таежной зоны, например, с кулайской. Мы уже высказывались о том, что это контакты были более глубокие и тесные, чем соседские или брачные. Ведь такое мощное и развитое общественное образование предгосударственного типа с налаженными связями со Средней Азией и Китаем вряд ли ограничилось бы поверхностными отношениями с населением создавшим высокоразвитое бронзолитейное производство и занимающимся охотой в том числе и на пушного зверя. На данный момент трудно говорить с уверенностью о характере этих взаимоотношений — были они мирные или военные, но ясно одно, это способствовало обогащению обеих культур. Кулайцы проявляли больший интерес к предметам роскоши, которые их соседи получали в результате обмена и торговли, в военных походах. Саргатцы больше использовали кулайскую посуду, реже предметы вооружения (наконечники стрел) и фигурное литье. Естественно, что наиболее ярко это прослеживается в пограничной зоне обеих культур. Так, если в лесостепном Прииртышье кулайские материалы сравнительно редки, то в междуречье рек Тары и Иртыша, соотношение кулайских и саргатских черт примерно одинаково. Особенно наглядно это прослеживается в Нижнетарском археологическом микрорайоне — АМР (Муромцевский район Омской области).

Археологически микрорайон изучен неравномерно, в Танатовском АМР раскопан лишь один сохранившийся курган на могильнике Танатово-V (раскопки С.Ф. Татаурова, 1992 г.), где в погребении, рядом с саргатской посудой, был положен кулайский votivный нож. В урочище Темеряк исследована часть кулайского городища Алексеевка-XIX (раскопки С.Ф. Татаурова, 1998 г.), которое видимо было южным форпостом, и на нем пока не обнаружено саргатских материалов. Наиболее информативен в этом плане Окуневский АМР, расположенный на 15 км к юго-востоку от Темеряка.

Здесь исследовано: саргатские могильники Окунево-I,II (раскопки В.А. Могильникова), поселение Окунево-IX, культовое место Окунево-V. На всех этих объектах зафиксированы кулайская и саргатская керамика залегающая в слоях совместно. Керамика обеих культур обнаружена В.А. Могильниковым в кургане 3 на могильнике Окунево-II (1978, с. 89). Такая картина наблюдается на поселении Юрт-Бергамак-IV, расположенном в 3 км к югу от Окуневского АМР (раскопки А.В. Полеводова, 1993). Культовое место Окунево-V содержало кроме этого новочекинскую и богочановскую керамику и являлось, видимо, важным центром для нескольких культур (Татаурова Л.В., 1998).

Рассмотрим более подробно поселение Окунево-IX. Оно приурочено к высокому берегу левобережной старицы реки Тары близ д. Окунево (Муромцевский район Омской Области). На поверхности хорошо заметны западины одно и двухкамерных жилищ, расположенных по самому краю террасы. Границы поселения определены ландшафтом: с одной стороны крутым берегом, с другой переходом террасы в увал, с третьей — понижением террасы.

В ходе работ 1994 года исследовано наземное жилище и часть постройки полуземляночного типа. Первое имело подпрямоугольную форму, ориентировано по сторонам света. Зафиксировано по неглубоким канавкам и ямкам от вертикальных столбов. Северо-восточная граница прослеживалась слабо. Стена жилища со стороны берега старицы была укреплена

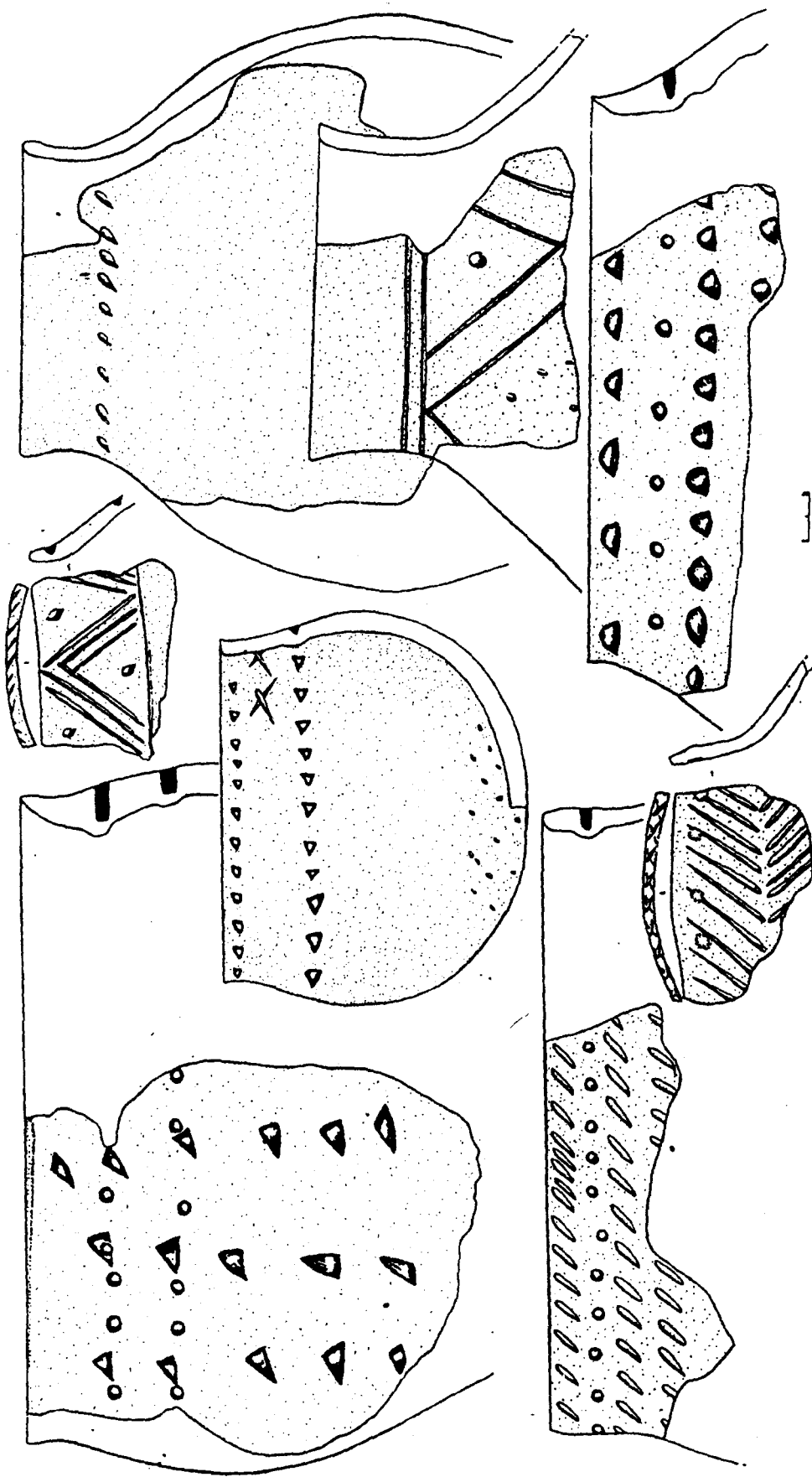

Рис. 1. Саргатская керамика поселения Окунево-IX.

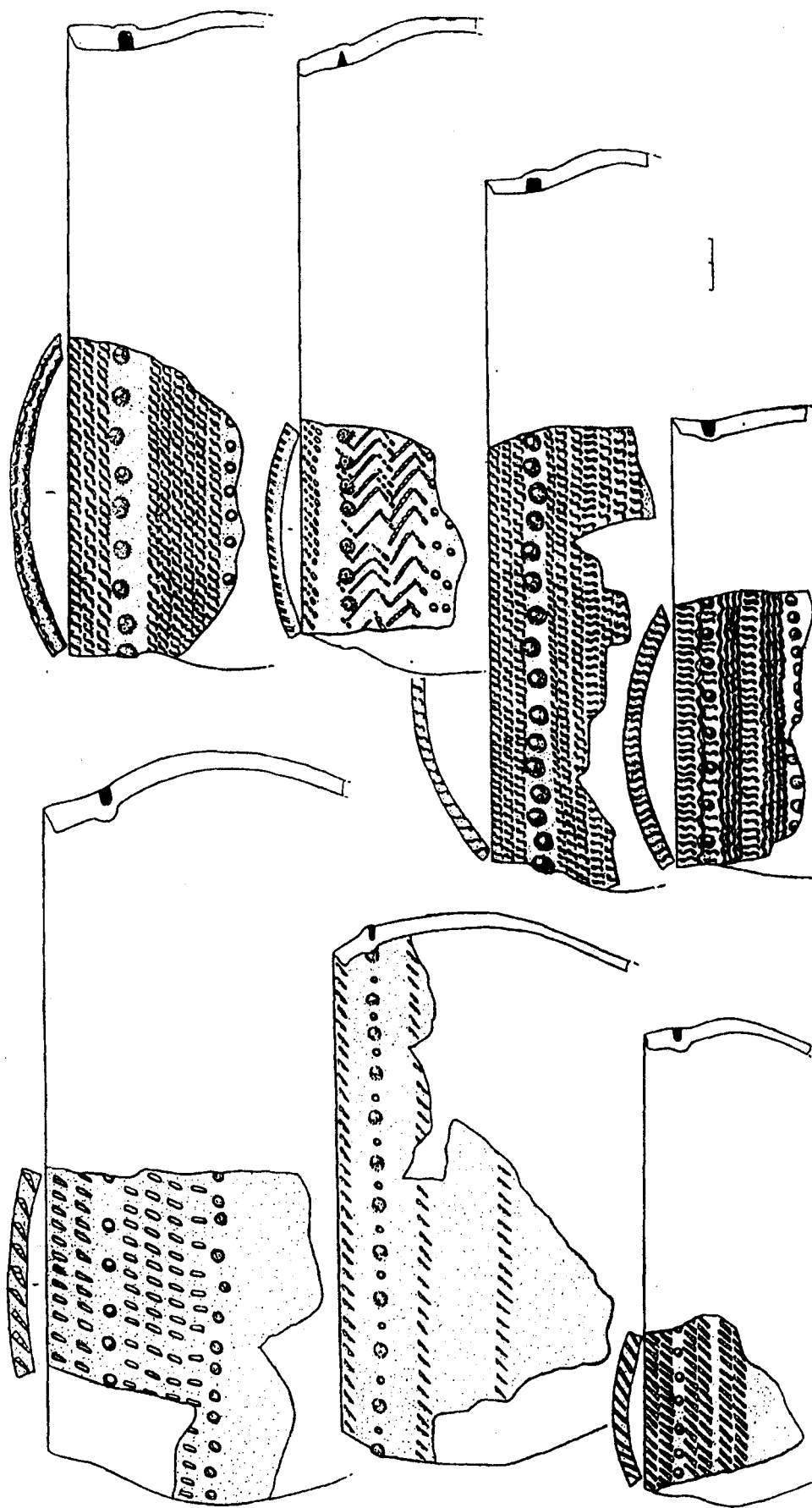

Рис. 2. Кулайская керамика поселения Окунево-IX.

глиняным валиком. Пол жилища ровный, на уровне материка. Очаг зафиксирован в ЮЮВ углу и устроен прямо на полу. Планиграфически и стратиграфически прослеживалось, что он был обложен вкопанными в материк дерновыми кирпичами и имел квадратную форму размером 180×180 см. Стороны очага совпадают по ориентации со стенами жилища. Вход в жилище находился с южной стороны в виде коридора шириной в 100 см, ведущего в тамбур шириной 180 см, вытянутого вдоль всей стены жилища. Вероятно тамбур использовался и как кладовая. Пол в нем частично был перекрыт настилом из дерева под которым весь материк оказался источен мышинными норами.

Второе жилище было исследовано частично. В отличие от первого оно углублено в материк на 25 см. Заполнение котлована представлено сильно гумусированной землей, у дна насыщенной спрессованной мелкой травой и навозом. Как и первое, оно ориентировано по сторонам света, вход с южной стороны с маленьким, 120×80 см, коридором (пол на уровне материка). Очаг не обнаружен, вероятно он остался за пределами исследованной части.

Вокруг жилищ было зафиксировано несколько хозяйственных ям с обломками керамики и костями животных.

Расположение поселения, его планиграфия, размеры и конструкции жилищ типичны для саргатской культуры (Матвеева Н.П., 1994, с. 108–109; Корякова Л.Н., 1988, с. 20–29). Судя по всему жилищные сооружения и хозяйственные ямы можно считать одновременными. Культурный слой не подвергался каким либо нарушениям, поэтому стратиграфия памятника однообразна. Помимо керамики обнаружено много костей животных. Более поздних культурных напластований на памятнике нет.

Вещевой комплекс представлен обломками трех цилиндрических, частью и целым биконическим пряслицами, три изделия орнаментированы ямками и фестонами. Кроме них найдены глиняная бусина половина маленького железного ножа, фрагменты изделий из глины.

Керамика поселения представлена двумя культурными типами: саргатским и кулайским, ни стратиграфически, ни планиграфически разделить их не представляется возможным. Численно преобладает саргатская посуда.

Саргатская посуда по форме делится на кувшины, горшки и банки с округлым дном (встречено лишь одно уплощенное доньшко), от очень крупных емкостей (диаметр устья более 30 см) до крошечных (диаметр 3,4 см, высота 2,5 см). Керамика в плане технологии сделана очень грубо. Стенки больших сосудов толщиной более сантиметра. Глиняное тесто с добавлением крупного шамота, плохо промешано из-за чего черепки расслаиваются. Внутреннюю и наружную стороны сосудов, где нет орнамента, заглаживали травой, либо щепой, в следствии чего на поверхности видны многочисленные штрихи и задиры глины. Орнаменты, несмотря на разнообразие мотивов, выполнены преимущественно в одной накольчатой технике, это крупные овальные, округлые или подтреугольные вдавления, чередующиеся с ямками или без них (рис. 1). Меньше встречаются елочка в сочетании с ямками или жемчугом и треугольники и фестоны, столь характерные для погребальной посуды. Декор расположен, в основном, в верхней трети сосудов и орнаментировано дно, реже покрывает всю поверхность. Нередко орнаментирован срез венчика.

Кулайская керамика представлена горшками и банками с округлым дном, крупных (диаметр до 30 см) и средних (до 20 см) размеров. Технология изготовления несколько выше, чем у саргатской, посуда тонкостенная (0,5–0,7 см), глиняное тесто хорошо промешано, иногда в него добавлялся мелкий шамот, однако поверхности заглажены небрежно травой или щепой. Орнамент штампованный, плотный, покрывает верхнюю половину сосудов и срез венчика (рис. 2). Мотивы классические для кулая — это вертикальная или горизонтальная уточка в сочетании с ямками, приплюснутым или округлым жемчугом, неглубокими овальными вдавлениями, реже гребенчатый наклонный штамп или елочка вместе с ямками или жемчужником.

Подводя итог анализу рассмотренных материалов хотелось бы заострить внимание на том, что несмотря на яркие свидетельства взаимодействия обеих культур между собой, их влияние друг на друга выразилось прежде всего в обмене вещевыми комплексами, то есть в появлении отдельных или серийных инокультурных предметов в погребениях или на поселениях. Но генетические связи в материальной культуре, например, преемственность в формах керамических сосудов и орнаментации, которые могли появиться в процессе совместного проживания, так и не возникли. Единственно, в чем они выражаются, так это в технологии изготовления ке-

рамики, а именно в составе формовочных масс. Кулайская керамика из саргатских памятников сделана с добавлением шамота, что характерно для саргатской посуды, кроме того «шамотная стратегия» в приготовлении глиняного теста считается чисто Прииртышской традицией. Однако нельзя утверждать, что это было обусловлено преемственностью, так как технологический процесс зависит прежде всего от сырьевой базы.

На наш взгляд глубину взаимоотношений этих культур продуктивнее будет искать в соционормативной сфере, ведь не случайно в кургане 3 могильника Окунево-II, находящимся в 400 м от поселения Окунево-IX, в погребении обнаружены вместе саргатский и кулайский сосуды. Есть такие сведения и по лесостепному Прииртышью. Можно также заметить, что кулайские наконечники стрел встречаются не часто и в относительно богатых захоронениях. Особое значение в этом плане у культового места Окунево-V, где присутствуют подобные изделия. Видимо они имели либо какой-то социальный статус, либо более высокую «себестоимость», поэтому редко попадали в погребения и употреблялись для культовых целей.

Продвинуть нас к решению поставленной проблемы поможет дальнейшее изучение археологических микрорайонов, причем таких как Нижнетарский, который находится в пограничной зоне лесостепи и тайги, и дальнейшие исследования обеих культур.

А.Н. Телегин

(г. Барнаул, Барнаульский
государственный педагогический университет)

**ПОЛОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
ПОГРЕБЕНИЙ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(ОПЫТ ВЫДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ)**

A.N. Telegin

(Barnaul, Barnaul State Pedagogic University)

*Gender features of Kamensky culture burials
(the experience of archaeological features extraction)*

В исследовательской практике нередки случаи, когда, в силу ряда причин (плохая сохранность костей либо утрата таковых в результате ограбления), некоторые антропологические определения становятся невозможными. В подобных ситуациях половая принадлежность захоронений определяется, как правило, по составу их вещевых комплексов. Продуктивность данного метода достаточно высока, чего нельзя сказать о достоверности результатов его применения поскольку специальных исследований, посвящённых выделению соответствующих археологических признаков до сих пор не осуществлялось (в отношении памятников каменной культуры). Настоящая работа являет собой попытку хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Источниковую базу раннего исследования составили сто двенадцать погребений взрослых из двух полностью раскопанных курганных групп Масляха-I и Камень-II. Шестьдесят семь погребений нашей выборки определены антропологами как мужские, сорок пять — как женские. Сравнительный анализ осуществлялся по программе В.Ф. Генинга—В.А. Борзунова (Геннинг В.Ф., Борзунов В.А., 1975).

Полученная картина расчленения признаков, характеризующих погребальный обряд сравниваемых захоронений, на всеобщие и частные отражает степень сходства и различия разнородных погребений.

Самой многочисленной (55,3%) оказалась группа всеобщих признаков. Данное обстоятельство означает, что мужские и женские захоронения обнаруживают достаточно большую степень близости и по большинству признаков дифференцированы быть не могут.

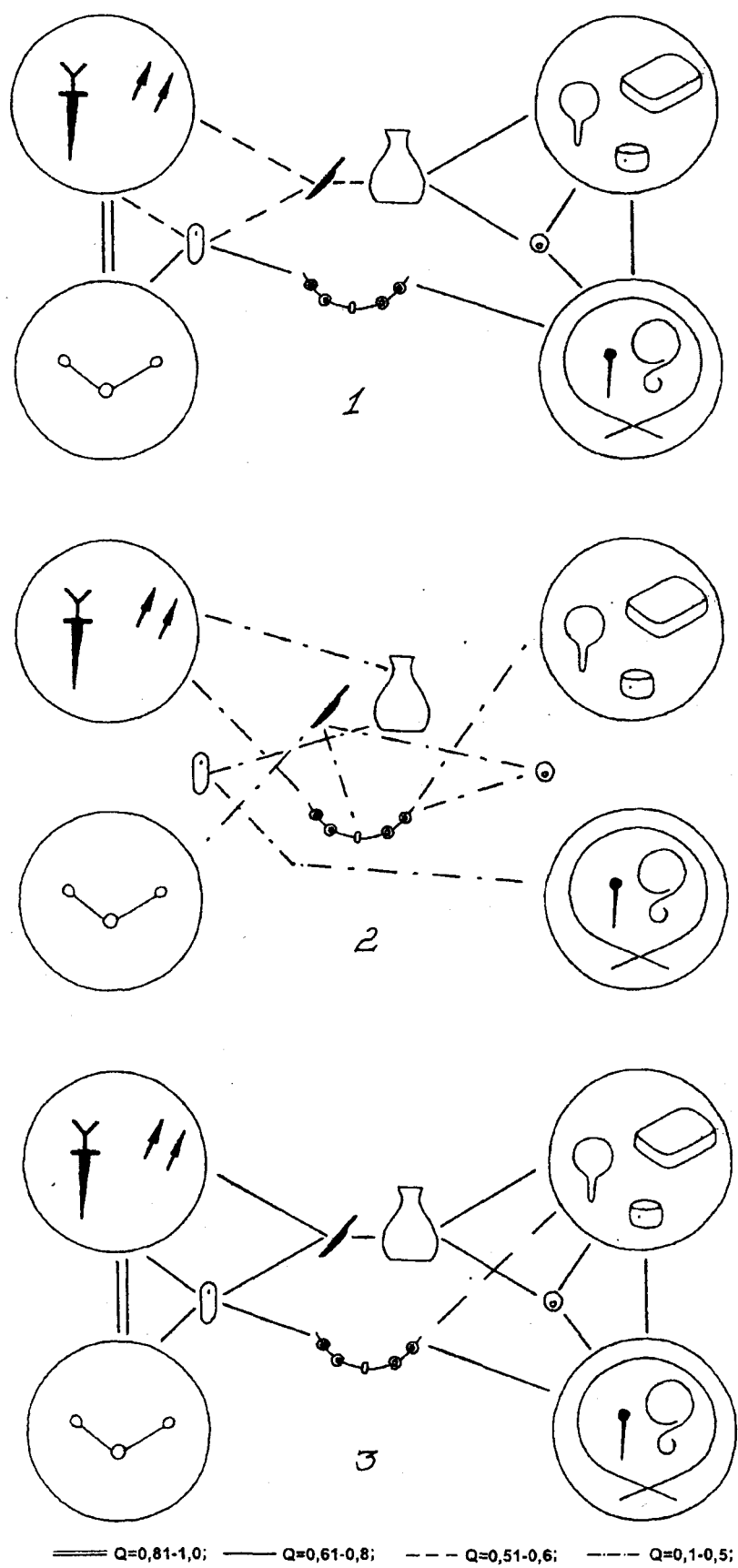

Рис. 1. Взаимовстречаемость предметов в погребениях каменной культуры.

Следующая категория признаков — частные по тенденции (18,4 5) — отражает те черты обряда, которые, хотя и в разной степени, но тем не менее, присущи мужским и женским погребениям и, следовательно, как и всеобщие, в большинстве своём не являются дифференцирующими.

Основные отличия сравниваемых захоронений отражены в группе частных чистых признаков. Их немало — 30,3%, однако явно доминирующее здесь положение единичных признаков (97%) несколько снижает степень достоверности последних, так как при увеличении выборки они (по крайней мере некоторые из них) могут переключаться в группу всеобщих.

Перейдём теперь к содержательной стороне анализа.

Большое сходство погребений прослеживается в оформлении могил. Так, вне зависимости от пола умершего, труп чаще всего укладывался в подпрямоугольные могильные ямы. Однако, если для мужских захоронений такая форма могил является единственной, то среди женских погребений встречены овальные (6,1%) и трапециевидные ямы (3%). Показатели встречаемости материковых уступов (64,3% в мужских могилах и 48,6% в женских) позволяют предположить, что их сооружение не зависело от того, умершего какого пола предполагалось хоронить.

Не влияла, судя по всему, половая принадлежность покойника и на то, в могилу каких размеров он помещался. В пользу этого говорит тот факт, что для мужских и женских погребений практически в равной мере характерны ямы основных интервальных групп.

Характеризуя нашу выборку погребений по показателям их глубины, необходимо отметить, что наибольшую близость они обнаруживают по данным, вошедшим в третью и четвертую интервальные группы (101–150 и 151–200 см соответственно) — на их долю приходится от 40 до 47% могил. В остальных трёх группах такого сходства не обнаруживается. Так, показатели глубины превышающие двухметровую отметку зафиксированы в 10% мужских и в 2,8% женских захоронений. В то же время самые мелкие могилы (0–50 см) в большей степени присущи женским погребениям (33,3), нежели мужским (10%). Вполне возможно, что с привлечением более представительной выборки, соотношение захоронений в группах претерпит некоторые изменения, а пока можно заключить, что мужские могилы в целом несколько глубже женских.

Исходя из показателей встречаемости в могилах деревянных рам (63,6% в мужских и 48,6% в женских), крепления их кольями (3,4 и 8,6%), можно сделать вывод, что сооружение либо не сооружение внутримогильных конструкций не зависело от пола умершего. Факт наличия в одном из мужских погребений столбовой конструкции ничего в данном случае не меняет. Учёт присутствия в могилах перекрытий, места их расположения и материала из которого они изготовлялись, показывает, что практика их возведения, равно как и материал используемый для этого, не определялись половой принадлежностью покойника.

Единственным способом захоронения взрослых обоего пола является ингумация. При этом, явное большинство мужчин (94%) и женщин (86,7%) ингумировано в одноярусных погребениях, остальные — в двухъярусных. Стоит однако отметить, что останки мужчин встречены только в нижних ярусах, а вот женские — как в нижних, так и в верхних.

Характер захоронения усопших также не зависел от их пола. То обстоятельство, что 89,6% мужских и 80% женских скелетов находилось в индивидуальных могилах, а оставшиеся — в парных и коллективных, разрешает утверждать, что в том и другом случае предпочтение отдавалось одиночным погребениям. При этом стоит указать, что в парных захоронениях наличествуют только разнополые скелеты.

Сопоставляя погребения по признакам, характеризующим позы умерших, нельзя не отметить, что мужские скелеты демонстрируют в этом отношении несколько большее разнообразие чем женские. Только для них, например, характерно согнутое ромбом положение ног, согнутые в локтях руки. Однако ведущей позой, как для женских (81%), так и для мужских (74,1%) скелетов является положение на спине с вытянутыми конечностями.

Вполне сопоставимы захоронения мужчин и женщин по такому признаку как расположение костяка могиле — и те и другие почти всегда (более 90%) размещались вдоль продольной оси могильной ямы.

Показатели встречаемости в могилах сосудов, их количества и местоположения показывают, что эта деталь обряда не зависела от половой принадлежности умершего. То же самое можно сказать и об орудиях труда, в частности о ножах. В меньшей степени это от-

носятся к пряслицам, находки которых в мужских могилах более редки, чем в женских (6 и 22,9%). Украшения видимо не относятся к числу чисто женских аксессуаров, хотя и встречаются в их могилах чаще чем в женских (37,2% против 17,5%). В большей мере это относится к таким видам украшений как бусы и заколки, а вот серьги наличествовали только в захоронениях женщин. Атрибутами исключительно мужских погребений следует считать оселки, удила и оружие. Сложнее обстоит дело с предметами культа. Большинство из них (блюда-алтарики, курильницы) находились в могилах с останками представителей обоего пола, однако, то обстоятельство, что половая принадлежность некоторых из них определена антропологами как «мужской?», не позволяет нам однозначное интерпретирование этих данных.

Находки костей животных, равно как и их местоположение в могилах, свидетельствуют, что снабжение покойника мясной пищей зависело от причин, отличных от той, кем он был при жизни — мужчиной или женщиной.

Остатки проявления культа огня в виде углей, прокалов, охры, обожжённых камней в равной мере характерны для мужских и женских захоронений.

Результаты проведённого анализа позволяют сделать вывод о том, что основные различия мужских и женских погребений следует видеть в распределении сопроводительного инвентаря. Однако, именно эта часть анализа оказалась у нас наименее доказательной. Тому есть две причины. Во-первых, некоторые категории вещей (зеркала, удила, пряслица и др.) представлены в нашей выборке небольшим количеством экземпляров, а это, естественно, снижает достоверность полученных результатов. Во-вторых, в ряде случаев половая принадлежность скелетов определена антропологами со знаком «?», что конечно же исключает однозначное толкование фактов наличия в таких погребениях соответствующих предметов. Таким образом, если принять во внимание приведённые доводы, то необходимость проверки результатов этой части анализа становится очевидной.

Для решения этой задачи исследована взаимовстречаемость предметов в погребениях. Сила связи между парами предметов устанавливалась с помощью коэффициента Q , а достоверность коэффициента связи оценивалась использованием критерия χ^2 (Корякова Л.Н., 1988, с. 52–54; Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с. 91–98). Для упрощения вычислений, часть предметов, половая принадлежность которых обозначилась ране, была объединена в три группы: «оружие», «предметы культа», «украшения». Исключение составили лишь бусы, зафиксированные как в мужских, так и в женских захоронениях.

Из полученных в ходе вычислений результатов была составлена матрица данных о взаимовстречаемости предметов, затем, используя только наиболее сильные связи (Q более 0,5), она была преобразована в граф (рис. 1.–1). Легко заметить, что предметы оказались сгруппированными в две плеяды, одна из которых — «оружие», «удила», «оселки», а другая — «пряслица», «предметы культа», «украшения». Группы эти, однако, не изолированы друг от друга, но напротив, обнаруживают между собой достаточно сильные связи. Причём, связи эти — опосредованные, осуществляющиеся через «нейтральные» предметы — бусы, ножи, сосуды.

Весьма примечательную картину демонстрирует граф, отражающий слабые (Q менее 0,5) связи, — плеяды и на этом уровне, в большинстве случаев, контактируют между собой через «нейтральные» предметы (рис. 1.–2).

Совершенно очевидно, что выделенные группы предметов представляют собой «мужской» и «женский» наборы. Перечень вещей первой группы (оружие, оселки, удила) полностью согласуется с тем, который был определён в ходе проделанного выше сравнительного анализа. То же самое относится и к «нейтральным» предметам (ножи, сосуды, бусы) — показатели встречаемости их, как было выяснено ранее, в разнополых захоронениях очень близки. Что же касается второй группы, то некоторые из вошедших в неё предметов (пряслица, курильницы, алтарики) были зафиксированы не только в женских, но и в мужских погребениях. Объяснить данную ситуацию можно двояко: либо определение пола интересующих нас скелетов сделано ошибочно (напомню, что половая принадлежность некоторых костяков определена антропологами со знаком «?») либо сопровождение умерших мужчин этими предметами было явлением редким, не типичным (случаи транссексуализма, например и т.п.). В любом случае, очевидно одно — надёжным указателем пола погребённого может служить не отдельная вещь, а лишь группа предметов.

В заключение взаимовстречаемость предметов была исследована ещё раз. При этом выборка была доведена до двухсот тридцати шести погребений за счёт включения в неё захоронений детей и подростков из тех же памятников.

Полученный граф оказался аналогичным первому, с той лишь разницей, что некоторые связи стали более сильными чем прежде. Из этого явствует, что выявленные признаки достаточно отчётливо маркируют половую принадлежность не только погребений взрослых, но также детей и подростков.

А.А. Тишкин

(г. Барнаул, Алтайский государственный университет)

УКРАШЕНИЯ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ГОРНОГО АЛТАЯ

A.A. Tishkin

(Barnaul, Altai state university)

The decorations of early scythian time from the Mountainous Altai

Цель данной работы — привлечь внимание исследователей к более тщательному и всестороннему изучению различных видов украшений скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий.

Понятие «украшения» широко используется археологами при характеристике культуры того или иного древнего населения, однако четкого и объективного определения они ему пока не дали. В Большой советской энциклопедии статья под таким названием вообще отсутствует, а украшения рассматриваются с комплексом ювелирных изделий (Гамзатова П.Р., 1996, с. 8). В. Даль (1995, с. 484) определяет слово «украшение» как производное от глагола «украшать» и связывает его со всем, что красит, украшает и что делается с этой целью: отделка, наряд, убор и прочее. Аналогичное, но более конкретное, значение в рассматриваемый термин вкладывает другой знаток русского языка С.И. Ожегов (1990, с. 828): украшение — предмет, украшающий собой кого-что-нибудь; например, украшение человека, украшение одежды, т.е. украсить, придать кому-чему-нибудь красивый вид, сделать нарядным. Таким образом, в основе современного понимания смысла украшений лежит сформировавшаяся эстетическая потребность людей к прекрасному. Это и в самом деле так. Но, кроме всего сказанного выше, имеются и другие значения рассматриваемой категории предметов, о которых в приведенных определениях ничего не говорится. Например, когда украшения выступают в роли охранителей и оберегов, сопровождающих человека от рождения до смерти (Марголина Н.Б., 1996, с. 32), являются символами, отражением эмоционального состояния людей, используются в лечебных целях, передают закодированную информацию, свидетельствуют об изменениях в обществе, культуре, идеологии, производстве и о многом другом. В этой связи, интересующее нас понятие приобретает более глубокий смысл, т.к. проявляется его многогранность, что требует серьезного комплексного изучения гуманитарными и естественными науками.

Украшения как исторический источник имеют свою специфику, так как они демонстрируют консервацию и устойчивость традиционной культуры (Заднепровская А.Ю., 1996, с. 20), показывают этническую принадлежность людей, их социальное положение и половозрастную стратификацию, выражают мировоззренческие взгляды, говорят об уровне развития ремесла и ювелирного дела, определяют контакты и миграции племен, характеризуют преемственность поколений, эстетические принципы какой-либо эпохи и т.д.

Украшения являются обязательной частью традиционного костюма любого народа, они тесно связаны с анатомическими особенностями людей (форма и конструкция их указывают на существовавшую в обществе систему представлений о семантике строения человеческого тела), отражают особенности пластического поведения, формируют личность, структурируют физическую и духовную сущность человека, пространство и мир в целом (Гамзатова П.Р., 1996, с. 9).

Необходимо рассмотрение украшений еще и как возможность получения данных для реконструкции технологии изготовления подобных предметов на определенном этапе исторического развития человечества. При таком подходе указывается использование конкретных материалов и их сочетание, восстанавливается процесс создания изделия и особенности его оформления. Разработка и реализация этого направления достаточно сложное дело, но полученные результаты, как правило, всегда являются одной из наиболее существенных частей наших представлений о том или ином древнем населении.

Можно было бы продолжить выявление важных и менее содержательных сторон значений научного анализа украшений, но указанное уже позволяет увидеть реальную перспективу изучения многочисленных таких предметов, найденных при раскопках памятников скифской эпохи на Алтае и сопредельных территориях. Тем не менее они пока не сделались объектом отдельного исследования, хотя это могло бы прояснить некоторые имеющиеся вопросы и решить ряд существующих проблем. Реальным началом изучения украшений должно стать составление свода разных изделий рассматриваемой категории древних вещей, создание более или менее универсальной классификационной системы анализа предметов, составляющих этот вид источников, а также картографирование имеющихся находок. Подобная работа в свое время уже предпринималась в нашей науке для территории Восточной Европы (Петренко В.Г., 1978) и стоит рационально использовать данный опыт. В дальнейшем следует определить места и способы добычи сырья, необходимого для изготовления украшений, попытаться, не смотря на то, что каждый мастер в древности шел своим путем, имел свои секреты и свою технологию (Минжулин А.И., 1990, с. 239), реконструировать процессы создания изделий, выявляя при этом характерные закономерности для исследуемого региона и изучаемого периода времени. Эффективность такой деятельности зависит от продуманной и хорошо разработанной методики поэтапного исследования, которая должна включать в себя следующие направления (Енисова Н.В., Сарачева Т.Г., 1997):

I. Трасологическое изучение. С помощью увеличительных приборов выявляются следы технологических операций и инструментов, сохранившиеся на предметах. Благодаря такому подходу в конечном итоге становится реальным определение всего производственного цикла в его последовательности. В этом плане также эффективно применение фотосъемки с сильным увеличением.

II. Комплексное изучение процесса обработки металла, камня и других материалов, используемых при создании украшений. Это направление включает в себя ряд необходимых анализов (металлографический, петрографический, минералогический, химический и т.д.) изделий и привлекаемых для их изготовления материалов, инструментов, приспособлений. Полученные результаты дают большой объем информации: делают реальным выявление сырьевой базы, определяют компоненты древних сплавов, расшифровывают технологические тонкости создания вещи, указывают на уровень развития ремесла и т.д.

III. Изучение письменных источников, специальных трактатов по различным видам производственной деятельности. Там имеются описания некоторых рецептов, технических приемов и операций, а также сведения об организации процесса изготовления предметов, об инструментах, указываются традиционные центры ювелирного искусства, места добычи сырья и многое другое.

IV. Экспериментальные исследования. Они проясняют спорные технологические вопросы, позволяют оценивать затраты материала, труда и времени, необходимые в производстве какого-либо изделия, подтверждают или опровергают выдвинутые предположения. При этом, конечно же, следует знать древние и современные операции изготовления украшений (литье,ковка, тиснение, волочение, зернь и т.д.), а также иметь набор используемых для их выполнения инструментов.

Отдельной стороной изучения украшений должна стать реконструкция мировоззрения древних мастеров. Важно выявить в изготовленных ими изделиях реализованные религиозные представления, взгляды на общество, знания о мире.

Намеченная программа будет способствовать получению более существенных научных результатов, необходимых для детального восстановления различных сфер культуры населения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Реконструкция внешнего облика людей указанного периода, их одежды, причесок при опоре на сравнительный анализ с образцами, полу-

ченными при раскопках «замерзших» могил пазырыкского времени, с привлечением данных письменных сообщений и имеющихся изображений — это также один из итогов изучения украшений. В настоящее время для этого накоплено значительное число сведений и находок, чтобы начать реализацию более глубокого исследования на качественно новом уровне.

В обобщающих работах археологов по скифской эпохе Евразии украшения всегда выделяются при описании находок и рассматриваются как отдельная категория вещей исследуемой культуры. Они имеют отношение к человеку и, как правило, представляются серьгами, гривнами, браслетами, кольцами, перстнями, бусами и условно относимыми к ним деталями одежды, заколками для волос, украшениями головных уборов (Петренко В.Г., 1978; Кубарев В.Д., 1987; 1991; 1992; Могильников В.А., 1997, с. 71; и др.). Вполне ясно, что существует необходимость более точного распределения различных таких предметов на характерные группы, которые, например, крепятся на человеческом теле или на отдельных частях одежды. Некоторые изделия могут выступать и как украшения, и как функционально значимые детали традиционного костюма. Отдельные группы составят предметы, относящиеся к украшениям конского снаряжения, предметов быта, жилищ и т.д. Они также являются отражением общего уровня развития культуры древнего народа и требуют качественного изучения.

Изделия, украшавшие внешний облик человека и найденные при раскопках погребений в курганах раннескифского времени Горного Алтая, пока немногочисленны и их трудно будет назвать:

1. Бусы зафиксированы на могильниках Бийке (к. 15; Тишкин А.А., 1996, с. 44, рис. 4.–4), Усть-Куюм (к. 9; Марсадолов Л.С., 1981; с. 19–21, рис. 4.–3) и Чесноково-I (Шульга П.И., 1998). Они состоят из низки, как правило, однообразных бусин не очень значительного количества. Разновидностью бус является такое шейное украшение, как ожерелье, состоящее из большого числа специально подобранных (по форме, цвету, размерам и другим показателям), чередующихся бусин, часто собранных в несколько низок и имеющих подвески. Идея магической защитной функции ожерелья в рамках раннескифского времени пока не рассматривалась. Интересующие изделия найдены на следующих памятниках: Карбан-I (к. 5; Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992, с. 30–31, рис. на с. 175), Бойтыгем-II (к. 19; Абдулганеев М.Т., 1994, с. 37–38, рис. 3.–2,3), Чесноково-I (объект № 4а; Шульга П.И., 1998, с. 281, рис. 2), Бийке (к. 7; Тишкин А.А., 1996, рис. 14.–3). Что касается ожерелья из Бийке, то это украшение было составлено из разных по размеру бусин, которые по составу можно разделить на три группы (часть приводимых здесь визуальных определений сделаны к.г.-м.н. Б.Н. Лузгиным):

1-ая — представлена халцедоновидными кварцами янтарного и красноватого цвета. Сырье для изготовления этих бусин дисковидной формы имеется на Алтае. Хотя изделия отполированы, все же на некоторых из них хорошо видны следы сколов, выпцербленности, трещины. Следует еще раз обратить внимание на однообразное сверление у крупных (диаметром около 1,1 см, толщиной — 0,7 см) бусин, а также на своеобразный способ продельвания отверстий у несколько меньших по размеру (диаметром около 0,8 см, толщиной около 0,5 см) красноватых изделий (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 90). У первых — сверление двустороннее и сделано по-разному: одно — толстым сверлом (?) на конус с небольшим проникновением, другое — почти насквозь режущим инструментом, диаметр которого был около 4 мм. В результате обеих операций было получено отверстие диаметром до 2 мм. У вторых — в качестве заготовки брали минерал с инородным вкраплением, которое затем выкрашивалось, а полученное отверстие использовали для подвешивания.

2-ая группа представлена гидротермальными образованиями, изобилующими мелкими розетками (радиально-лучистыми сростаниями — Б.Л.) белых, с перламутровым отливом, слюдистых скоплений (типа маргарита (?)). На многих бусинах этой группы имеются выделяющиеся «глазчатые» формы, а также черные пятна, расплывы, напоминающие марганцевые гидроокислы, под которыми находится одинаковая белесая масса. Форма таких бусин неодинаковая, т.е. лишена какого-либо точного стандартна, и может быть охарактеризована как вытянуто-бочковидная. Диаметры таких изделий — 0,9–1,0 см, толщина — 0,5–0,7 см. Сверление производилось с одной стороны насквозь. Диаметр полученного отверстия практически одинаковый у всех бусин этой группы — 3 мм. Исключение составляют дефектные образцы.

3-я группа состоит из тонкозернистого агрегата кристаллов сульфатов (?), возможно ангидритового (?) состава. Мелкие бусинки почти однообразной белесой массы имеют разную форму: от цилиндрической (диаметром 0,3 см, толщиной 0,15 см и таким же диаметром отвер-

стия) до вытянуто-бочковидной (диаметром 0,35 см, толщиной около 0,1 см, с диаметром отверстия около 1,5 мм). На некоторых изделиях этой группы фиксируется зеленоватый оттенок, что, по-видимому, является результатом окисла разложившейся медной серьги.

Имеющиеся предварительные определения отражают первый шаг в изучении технологии изготовления бус раннескифского времени. Для продолжения такой работы требуются специальные анализы: спектральный, химический, рентгено-структурный и другие.

2. Бронзовый наборный браслет, состоящий из 9 звеньев, найден в к. 10 могильника Элекмонар-II (Степанова Н.Ф., 1996, с. 64,66, рис. 7.-IV).

3. Гривна в виде незамкнутого конического обруча с бортиками, изготовленная из золотой фольги толщиной до 0,6 мм, обнаружена при раскопках курганного могильника Карбан-I (Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992, с. 30, рис. на с. 175). По мнению Е.Ф. Корольковой (1996, с. 26) и некоторых других исследователей (например, Петренко В.Г., 1978, с. 41), гривны представляют собой категорию украшений, имевших особый статус, и они связаны своим происхождением с Передней Азией. Такое изделие пока найдено на территории Горного Алтая в единственном экземпляре.

4. Бронзовая бляха с лучеобразными отростками происходит из к. 4 памятника Элекмонар-II (Степанова Н.Ф., 1996, с. 64,67, рис. 6.-12). Эту находку следует рассматривать как обломок планки, у которой было два подобных окончания. На наш взгляд, такие изделия, обнаруженные еще в Забайкалье (Ступников Р.Н., 1974; Гришин Ю.С., 1975) и Монголии (Волков В.В., 1967), являлись не только украшениями, но и были функционально значимыми деталями одежды раннескифского времени.

5. Подвески из зубов марала найдены при исследовании курганного могильника Элекмонар-II (Степанова Н.Ф., 1996, рис. 6.-5,6).

6. Бронзовые колечки-пронизы довольно часто находят на Алтае в курганах раннескифского времени (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997). Как правило, они относятся к украшениям конского снаряжения. Однако, судя по находкам в кургане 26 могильника Тыткескень-VI, такие изделия могли использоваться и в других целях: например, как украшение одежды (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 165,170, рис. 2.-5,6).

7. Бронзовая закладка и пронизка из намотанной плотно виток к витку золотой проволоки, обнаруженные в кургане 5 могильника Карбан-I под черепом погребенной женщины (Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992, с. 30, рис. на с. 175), являются деталями и украшением прически.

8. Серьги, вероятно, были бы одной из многочисленных категорий украшений рассматриваемого периода, но значительная часть погребений разрушена или ограблена. Причем порой грабительский лаз целенаправленно сооружался для проникновения к верхней части скелета захороненного человека, где, по-видимому, находились драгоценные украшения. Такой способ хорошо фиксировался при исследовании кургана 26 могильника Тыткескень-VI (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 2.-2). Серьга, обнаруженная в кургане 7 на Бийке (Тишкин А.А., 1996, рис. 14.-2), была в единственном экземпляре. Несмотря на очень плохую сохранность изделия, удалось в Лаборатории минералогии и геохимии ТГУ получить результаты полуколичественного спектрального анализа (в весовых процентах) (исполнитель Е.Д. Агапова): Cu (>5), Ag (0.005), Sn (0.005), Co (0.005), Ca (0.003), Pb (0.0012), Mb (0.001), Si (0.001), Nb (0.001), Fe (0.0005), Bi (0.0003), Ge (<0.0003). Серьги из золота найдены на могильнике Бойтыгем-II (к. 19; Абдулганеев М.Т., 1994, рис. 3.-4,5) и Коо-I (Васютин А.С., 1992, с. 34-37, рис. см. в наст. сборнике). Аналогий этим украшениям в нынешнее время можно найти предостаточное количество (см. статью Вл.А. Семенова в наст. сб.) и хронологически они определяются в рамках VII-V вв. до н.э. Следует сразу уточнить, что датировка VIII-VII вв. до н.э. могильника раннескифского времени Бойтыгем-II, предложенная М.Т. Абдулганеевым (1994, с. 38), несколько удревлена и не согласуется со всем комплексом полученных из этого памятника данных. Наиболее приемлемой датой раскопанных там курганов может является вторая половина VII в. до н.э. — начало VI в. до н.э., основанная не только на анализе элементов конского снаряжения (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Марсадоллов Л.С., 1998, с. 9,13), но и с учетом рассмотрения круга аналогий золотым серьгам, которые можно считать в комплексе с другими находками своеобразными хронологическими индикаторами. Однако в данной публикации нас больше интересует технология изготовления, а не хронология существования найденных в кургане 19 могильника Бойтыгем-II золотых изделий, которые ныне хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая при АГУ: одна серьга (рис. 1.-1)

весом 4,25 г имеет инв. № 313, обозначена как «сломанная»; другая (рис. 1.–2) — весом 3,06 г под № 314 определена как «целая». В Лаборатории минералогии и геохимии ТГУ получены такие результаты полуколичественного спектрального анализа (в весовых процентах) (исполнитель Е.Д. Азапова) первого изделия: Au (>0.1), Si (0.03), Cu (0.01), Fe (0.01), Ag (0.005), Mg (0.003), Al (0.003), Na (0.003), Sn (0.001), Ca (0.001), Bi (0.0003) и второго: Au (> 0.1), Cu (0.001), Ag (0.002), Mn (0.001), Ca (0.001).

Целая серьга выполнена очень изящно и искусно. Она без сомнения может занимать одно из первых мест в ряду шедевров ювелирного искусства скифской эпохи, найденных на Алтае. Судя по результатам спектрального анализа, для изготовления этого украшения использовалось почти чистое золото. На это указывает и ярко-желтый цвет драгоценного металла, из которого сделана вся серьга. Можно предположить о том, что в рассматриваемый период времени ювелиры знали и владели эффективным способом очистки золота. Не исключена в данном случае и возможность использования самородного драгоценного металла, которого было достаточно в долине Катунь. Стоит заметить, что чистое — червонное — золото чрезвычайно легко истирается, поэтому чаще всего мастера применяли в своей работе сплав (лигатурное золото).

Рассматриваемая серьга состоит из двух частей («кольцо» и «конус»), сделанных отдельно, а затем соединенных друг с другом с помощью пайки. Несущая часть изделия — «кольцо» — имеет рельефную поверхность и местами ромбическую форму поперечного сечения. Не смотря на четко оформленные грани, наблюдаются и оплывы. Кроме этого видны следы раскаты, вытянутости и зажимов, которые получились, возможно, во время придания проволоке сначала граненого вида, а затем — формы кольца. Разные способы получения проволоки, которая служила заготовкой и основой для многочисленных золотых и других металлических изделий, были известны с древности: волоченная проволока, свободная ковка, ковка на наковальне с желобком, скручивание тонкой полоски в прут и др. (Минжули А.И., 1990, с. 236; Енисова Н.В., Сарачева Т.Г., 1997, с. 299–300). Для того, чтобы проволока была ровной по толщине и с гладкой поверхностью, её катали между каменными, металлическими, деревянными и другими приспособлениями, а затем полировали. Каким образом делалась граненность на серьге из Бойтыгема-II, однозначно пока, при визуальном осмотре, определить трудно. Возможно, это была проковка по кругу или чередование двустороннего зажима специальными щипцами. Так или иначе, но эффект использованного приема поразителен: многочисленные своеобразно выстроенные грани отливаются блеском при различной степени освещенности и оживают в движении, непроизвольно привлекая к себе внимание. «Кольцо» серьги, естественно, несомкнутое, имеет диаметр около 2,0 см. Толщина на концах согнутой проволоки — чуть больше 1 мм. Что касается размеров полого «конуса», достаточно прочно припаянного с помощью зерни к «кольцу», то высота его и диаметр основания почти одинаковы — 1,15 см. Факт такого соотношения отмечается и у некоторых других аналогичных изделий (см. например, Кадырбаев М.К., 1974, с. 45). Можно установить последовательность изготовления второй части серьги — украшенного конуса. Сначала из листа тонкой золотой фольги вырезалась, вероятно спирально размеченная, полоска, которой затем придавалась необходимая конусовидная форма. Технология изготовления пластин индивидуальным методом с древних времен и до наших дней не претерпела существенных изменений (Минжулин А.И., 1990, с. 235–236, рис. 3). Затем из тонкой же фольги вырезался кружок для основания «конуса», но он прикреплялся, скорее всего, в самом конце процесса изготовления изделия. Гладкая поверхность свернутой в конус фольги украшалась сначала с помощью «декорированной» проволоки, а затем по кругу, снизу вверх, — зернью. Производство так называемой «декорированной» проволоки, которая имеет несколько видов (бусинная, спиральная, в виде волнистой ленты и др.) и использовалась при создании филигранных изделий, уже привлекло внимание исследователей, что отражено в научной литературе (Енисова Н.В., Сарачева Т.Г., 1997, с. 300). В древности не существовало единой технологии изготовления зерни и скани. Каждый мастер выбирал свой путь. В нашем случае орнамент был оформлен зернью, а также в виде равномерно расположенных и припаянных к поверхности «конуса» пяти одинаковых элементов, сделанных из «декорированной» проволоки, которая заранее была аккуратно скручена из отдельных полосок тонкой фольги. Вид имеющегося на золотой серьге из Бойтыгема-II орнаментального мотива встречается на Алтае и сопредельных территориях в изделиях раннескифского времени (см. например, отверстие на бронзовом зеркале из

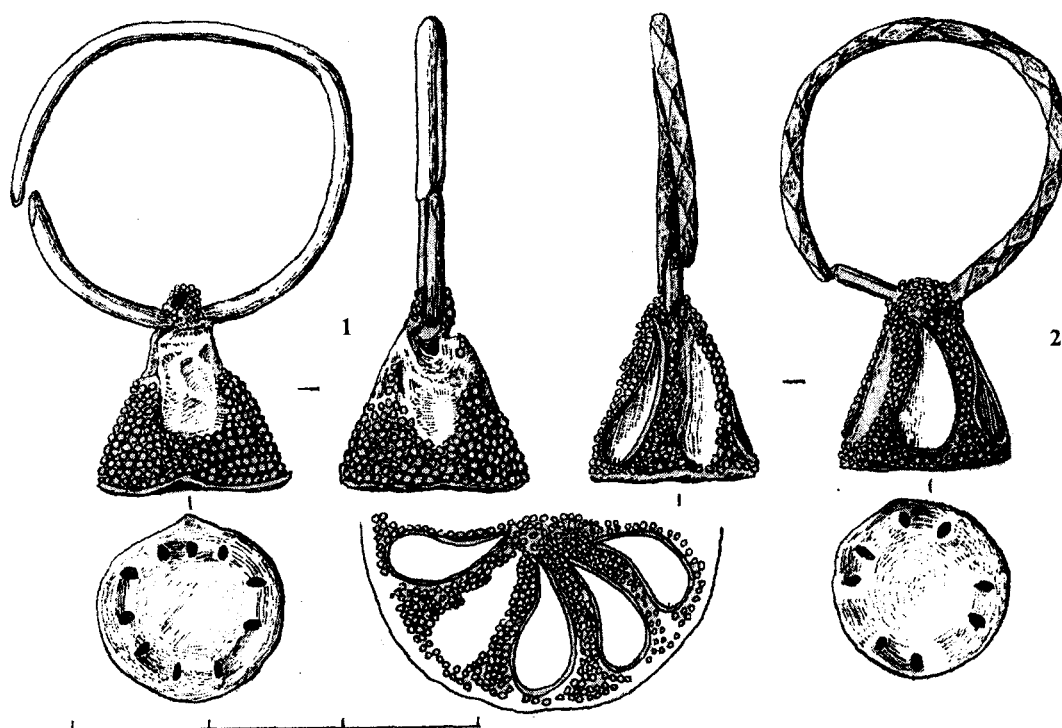

Рис. 1. Золотые серьги из кургана 19 могильника Бойтыгем-II (по: Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 69.–1,2; художник А.Л. Кунгуров).

к. 26 могильника Тыткескен-VI (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 66.–4), немного позже (Завитухина М.П., 1966, рис. 3.–3; Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 6.–9; и др.) и определяется по-разному: в виде «запятой», капли, листочка или стилизованной головы птицы.

Зернь — это один из древних приемов художественной обработки изделий из металла, который осуществляется вручную и был давно известен в Месопотамии, Египте, Греции и других исторических областях. Его сущность заключается в том, что изделие украшается мельчайшими металлическими шариками, уложенными и прикрепленными к поверхности и друг к другу в виде каких-либо узоров или сплошным покрытием, что создает эффектную фактуру, придает предметам необычайную изящность и неповторимую игру светотени (Минжулин А.И., 1990, с. 231; СЭС, 1990, с. 467). Хотя каждый древний мастер имел свои маленькие секреты при изготовлении зерни, но все же этот процесс считается несложным. Он неоднократно описывался в литературе и подтверждался экспериментальным путем (Минжулин А.И., 1990; Этруски..., 1990, с. 52–53): вначале ювелир нарезал из тонкой проволоки крошечные сегменты, которые затем смешивались с угольной пылью и нагревались в глиняных тиглях до 1110°C (при этой температуре частицы золота начинают приобретать сферическую форму); в древних трактатах рекомендовалось тигель нагревать равномерно и периодически его затем встряхивать; после охлаждения содержимое тигля высыпалось, зернь отделялась от угля, промывалась, сушилась и сортировалась по размеру. Главная трудность при производстве зерненных изделий заключается не в изготовлении деталей, а в последовательности технологических приемов, процессе монтажа и способе пайки (Минжулин А.И., 1997, с. 236). Эти же проблемы возникают и при изучении древних ювелирных изделий. Для более точного ответа на вопрос о том, как и с помощью чего крепилась зернь на золотом украшении, нужно проведение микроструктурного анализа и

других специальных лабораторных исследований. На основе визуального наблюдения можно лишь предположить, что зернь и «декорированная» проволока присоединялись к поверхности конуса и между собой с помощью припоя из высокопробного золота. Следы этого хорошо видны на месте отпавшего элемента орнамента (рис. 1–2). При пайке «декорированную» проволоку в некоторых местах немного повело. Зернь на рассматриваемом изделии из Бойтыгема-II в большинстве своем почти одинаковая и укладывалась плотно друг к другу. Кое-где шарики отпали или вовсе не были прикреплены.

Основание «конуса» также припаивалось, а для более прочного закрепления выступающие края фольги загибались, закрывая при этом в некоторых местах ряд зерен, уложенных у основания. В этой части «конуса» имеется восемь отверстий (см. рис. 1), которые расположены попарно, перпендикулярно и соответственно друг другу. Эти отверстия диаметром около 1 мм были сделаны уже после того, как пластинку припаяли и окончательно закрепили. Они наколоты шилом примерно под углом 30° и в паре направлены друг к другу, чтобы в них можно было продеть цветную нитку, шнурок, волосы или более сложную составную подвеску. В этом виде серьга была готова к применению.

Вторая, «сломанная», серьга является явным подражанием рассмотренному выше изделию. Она отличается не только по данным результата спектрального анализа, но и размерами, весом, цветом, техникой исполнения, деталями общего внешнего вида, а также расположением и количеством отверстий, устроенных в основании «конуса», для использования всевозможных подвесок (их там по кругу — 10 шт., т.е. пять пар). «Кольцо» немного большего диаметра было сделано из гладкой, толщиной около 1 мм, проволоки светло-желтого цвета, к которой пытались припаять полый из тонкой фольги «конус» (высота — 1,4 см, диаметр основания — 1,2–1,3 см), украшенный разнокалиберной зернью и грубо выполненной с ее помощью имитацией орнамента. В связи с тем, что мастер оказался не столь искусным, а это хорошо заметно по некачественной пайке, владельцу пришлось проделать сквозное отверстие в отпавшем «конусе» и использовать украшение в таком немного деформированном виде. Эта часть изделия отличается по цвету от «кольца» и имеет красноватый оттенок, который появился, вероятнее всего, в ходе монтажа и припаивания зерни. Местами металлические шарики расплавились, часть изменили начальную форму, а некоторые просто отпали. В «конусе» после его оформления были сделаны еще дополнительные отверстия диаметром менее 1 мм: одно — фиксируется сверху, а два — внизу. Нижние почти совпадают с отверстиями, сделанными в основании и, возможно, были друг с другом как-то связаны.

Сравнивая две серьги из Бойтыгема нетрудно установить, что их изготовили мастера разной квалификации. Наиболее близкими аналогиями рассмотренным изделиям из золота являются украшения, найденные при раскопках кургана № 8 и № 14 у с. Быстрянского на правом берегу Катуня (Завитухина М.П., 1966, с. 62–64). Этот факт, конечно же, неслучаен. Он, наряду с зафиксированными в этих археологических объектах элементами погребального обряда, указывает на продвижение в VI в. до н.э. части населения с культурой раннескифского времени из Центрального Алтая в предгорные районы и, вероятно, еще дальше на СЗ, о чем уже неоднократно высказывалось (Тишкин А.А., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Тишкин А.А., 1998), однако для этого необходимо более развернутое обоснование. В данном случае важность бойтыгемских находок следует рассматривать прежде всего как возможность для дальнейшего более детального и сравнительного анализа имеющегося количества подобных изделий в рамках намеченной программы исследования.

Изображения некоторых выше названных видов украшений раннескифского времени зафиксированы на оленных камнях: серьги, подвески из клыков животных, гривны, ожерелья (Кубарев В.Д., 1979; Савинов Д.Г., 1994, с. 104–109). Эти антропоморфные стелы также являются источниками для изучения украшений и могут использоваться при реконструкции одежды населения той давней эпохи.

В заключении хотелось бы отметить то, что сейчас настало время, когда следует направить усилия научного поиска не на массовые раскопки памятников скифской эпохи, а на более качественное изучение уже полученных в предыдущие годы многочисленных результатов. Полностью отказаться от полевых археологических исследований, требующих значительных физических, материальных и финансовых затрат, невозможно и не нужно, иначе аварийные объекты будут уничтожены, в науке наступит информационный сбой и т.д. Тем не менее опыт показывает что указанные подходы дают более существенные результаты.

Т.В. Тишкина

(г. Барнаул, Алтайский государственный университет)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АО РГО В 1924–25 ГОДАХ В СВЯЗИ
С ПРИЕЗДОМ НА АЛТАЙ С.И. РУДЕНКО И М.П. ГРЯЗНОВА**

T.V. Tishkina

(Barnaul, Altai State University)

***The work of AO RGS in 1924–25 years because
of S.I. Rudenko and M.P. Gryaznov arrival to Altai***

Впервые С.И. Руденко прибыл на Алтай в 1924 году во главе Алтайской экспедиции Этнографического отдела Русского музея, члены которой предполагали заниматься изучением быта коренного населения Алтая, обследованием археологических памятников этого региона (Руденко С.И., 1952, с. 5–6), а также хотели «...предпринять...пробные раскопки Больше-Реченского городища, являющегося памятником бронзового века» (ЦХАФ АК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 12. Л. 76). В связи с последним планируемым мероприятием С.И. Руденко обратился к Совету Алтайского отдела Русского географического общества (в дальнейшем АО РГО) с предложением принять участие в его археологических исследованиях. Очевидно, испытывая нужду в средствах, он просил выделить 100 рублей для работ на памятнике в 1924 году, а со своей стороны обязывался передать для коллекции Барнаульского музея часть археологических находок, которые надеялся там обнаружить. В зависимости от результативности исследования предполагалось организовать специальную экспедицию для более значительных раскопок на памятнике и в 1925 году.

Экстренное заседание членов Совета АО РГО, на котором обсуждалось предложение С.И. Руденко, состоялось 17 июля 1924 года. Собственных средств организация не имела, однако по общему мнению всё же было бы «...крайне желательным воспользоваться настоящим случаем для пополнения музея ископаемыми из времен бронзового века, в чем музей испытывает острый недостаток...» (Там же). Члены Совета поручили И.М. Залесскому обратиться с ходатайством к Председателю Губисполкома «...об отпуске 100 рублей для оплаты части расходов по раскопке Больше-Реченского городища в текущем году...» (ЦХАФ АК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 26). В составленном документе подчеркивался научный интерес предполагаемого исследования, как способствующего выяснению жизнедеятельности первобытных обитателей Алтая и получению новых экспонатов для пополнения коллекции Барнаульского музея. Кроме того, Совет АО РГО предложил С.И. Руденко подготовить смету расходов для планируемой в 1925 году археологической экспедиции с тем, чтобы заранее обратиться в Губоно об её увеличении на 1200–1500 рублей «...для оплаты доли участия Алтайского отдела в экспедиции профессора Руденко и представлении отделу части найденного при раскопках материала» (Там же).

По-видимому предполагалось и непосредственное участие членов АО РГО в экспедициях 1924–25 годов. Так, сохранилось обращение И.М. Залесского о выдаче ему командировочного свидетельства для участия в экспедиции С.И. Руденко по Горному Алтаю в качестве орнитолога. Просьба его была удовлетворена, но пока не обнаружено документов, свидетельствующих о реализации такой поездки.

Отряд под руководством С.И. Руденко предполагал возвратиться из Горного Алтая в Барнаул в первых числах сентября 1924 года. Согласно сделанному ранее предложению Совета АО РГО, ученый собирался выступить перед жителями Барнаула с докладами на темы: «Задачи краевого музея и его связь с научной деятельностью местного общества» и «Научные результаты Алтайской экспедиции» (ЦХАФ АК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 12. Л. 80а). Документы, подтверждающие или опровергающие последнюю информацию, не зафиксированы.

В октябре 1924 года по запросу Западно-Сибирского отдела РГО был составлен отчет об экспедициях Алтайского отдела за последние годы. В этом источнике сведения о сотруд-

ничестве с С.И. Руденко не указаны (ЦХАФ АК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 33). Вероятно, планируемые мероприятия не осуществились из-за отсутствия для этого финансовых средств. Тем не менее, приезд С.И. Руденко на Алтай вызвал оживление в деятельности местной краеведческой организации и способствовал обращению внимания на необходимость пополнения археологической коллекции Барнаульского музея, «...имеющему большое значение..., как единственный наглядный источник исторических знаний...» (ЦХАФ АК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 12. Л. 76).

В АО РГО поступили два обращения Российской Академии истории материальной культуры (АИМК), датированные 14 июля 1924 года. Одно из них содержало информацию о деятельности учреждения по приведению в известность всех памятников материальной культуры на территории республики и о действенных мерах по их сохранению. Для этого Академия запрашивала сведения о проводимых археологических изысканиях, о местонахождениях случайных находок, о состоянии местных музеев и пополнении их коллекций древностями (ЦХАФ АК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 10. Л. 99). В другом документе за № 2550 сообщалось, что с 1919 года АИМК является правопреемницей бывшей Археологической комиссии и занимается регистрацией археологических находок, полученных как в результате научных раскопок, разведок, так и случайно обнаруженных частными лицами при проведении земляных работ. Одновременно с этим производился учет ранее обнаруженных древностей, но по различным причинам не вошедших в научный оборот. Отмечалось, что все эти находки будут фиксироваться на специальных археологических картах, разработанных сотрудниками Академии. Ввиду того, что указанная регистрационная работа напрямую зависела от точности и полноты получаемых сведений, АИМК обращалась за содействием к местным краеведческим организациям (Там же. Л. 100).

На заседании Совета АО РГО 31 мая 1925 года И.М. Залесский доложил о полученном от С.И. Руденко письме, в котором сообщалось о предстоящей поездке на Алтай и о возможности прочесть платную лекцию на тему «Восточный Алтай и теленгиты», при условии, если члены организации возьмут на себя заботы по её устройству. Ученый просил обеспечить большую аудиторию слушателей, чтобы полученный доход использовать для проведения археологических раскопок (ЦХАФ АК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 60). Члены Совета согласились заняться устройством лекции. Срочно были приняты все необходимые действия по подготовке мероприятия: А.П. Велижанину поручалось договориться об услугах электромонтера, И.М. Залесскому — подготовить помещение и заказать афишу, Б.С. Быкову требовалось получить разрешение для проведения лекции от городского административного отдела, а также заняться доставкой экрана и волшебного фонаря. Для успеха намеченного дела решили поместить в местном органе печати информацию о приезде С.И. Руденко в Барнаул. Это задание получил П.А. Казанский.

В газете «Красный Алтай» № 123 за 2 июня 1925 года была опубликована заметка, в которой говорилось, что 4 июня АО РГО устраивает публичную лекцию профессора Ленинградского университета С.И. Руденко, а чистый сбор от продажи билетов «...пойдет на производство...раскопок на Алтае, с тем, что найденные при них предметы поступят в местный музей». Позже, в № 125 этой же газеты, в рубрике «Новости дня», сообщалось о прибытии научной экспедиции под руководством С.И. Руденко и уточнялось, что лекция состоится в 8 часов вечера в помещении курсов коммерческих знаний. В № 129 за 9 июня появилась статья неизвестного автора «Лекция профессора Руденко». В ней передавалось краткое содержание доклада, основанного на результатах научной экспедиции 1924 года. При этом отмечены дополнительные сообщения лектора о геологическом строении Горного Алтая и о Телецком озере. Особо было сказано, что «лекция иллюстрировалась картинками волшебного фонаря, где перед слушателями-зрителями проходили картины быта и нравов теленгетов, красот природы и памятников старины».

На заседании Совета АО РГО И.М. Залесский сообщил о получении за лекцию сбора в 23 руб. 50 коп. Из них С.И. Руденко выдали 10 руб., а расходы по организации мероприятия составили 8 руб. 50 коп (ЦХАФ АК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 60–61). В дальнейшем в протоколах заседаний Совета за 1925 год нет сведений о взаимодействии С.И. Руденко и членов отдела. Вероятно, местная краеведческая организация не имела реальной возможности участвовать в подготовке и проведении научных исследований по археологии и этно-

графии, на том уровне, который предполагал ученый.

Летом 1925 года на Алтае проводил археологические исследования М.П. Грязнов (1956, с. 5). В протоколе заседания Совета АО РГО за 5 августа среди присутствующих он указан как «сотрудник института Археологической технологии». Осмотрев в Барнаульском музее коллекцию археологических предметов, М.П. Грязнов обнаружил, что все экспонаты по мере поступления просто прикреплялись к картону для обозрения. Имея возможность между работами бывать наездами в Барнауле, он предложил свои услуги по приведению коллекции в надлежащий вид: перенумеровав экспонаты и снабдив каждый соответствующей этикеткой, расположить их в систематическом порядке. В связи с этим в протоколе заседания отмечено, что «...случай, когда можно воспользоваться услугой специалиста по приведению археологической коллекции в должный порядок является в Барнауле редким, Совет с глубокой признательностью принимает предложение Михаила Петровича с тем, чтобы вся техническая работа была выполнена сотрудниками Музея» (ЦХАФ АК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 11. Л. 66). М.П. Грязнов заверил, что предстоящие расходы по данной работе будут незначительными. Свои услуги он предлагал бесплатно. Так же в библиотеку АО РГО исследователь передал несколько изданий новой серии «Материалы по методологии археологической технологии»: Вып. 1. Сбор органических остатков при палеознотграфических и археологических раскопках (под редакцией М.И. Тихого). Л., 1924. 16 с.; Вып. 2. Очистка и сохранение металлических предметов древности. Составлено Н.Н. Курнаковым и В.А. Унковской (под редакцией В.А. Шавинского). Л., 1924. 36 с.; Вып. 5. Инструкции для измерения черепа и костей человека. Составлено профессором С.И. Руденко и М.П. Грязновым. Л., 1925. 40 с. и 39 рис. Позже в библиотеке отдела появились другие выпуски указанной серии (Там же. Л. 65–66; ЦХАФ АК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 15. Л. 93; Д. 21. Л. 49).

Члены АО РГО имели возможность получать от М.П. Грязнова консультации по любым археологическим вопросам. В августе 1925 года от В.Е. Буторина пришло письмо, в котором сообщалось, что в окрестностях с. Шелаболихи местными жителями был раскопан курган и из него извлечены «...человеческий череп, глиняная посуда и другие предметы» (ЦХАФ АК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 15. Л. 86). Это известие своевременно передали М.П. Грязнову, а агроному Высоцкому, проживавшему в селе Шелаболиха, Совет АО РГО направил письмо с рекомендацией принять необходимые меры к сохранению находок и передачи их в Барнаульский государственный музей. При этом предписывалось, чтобы к каждому найденному предмету обязательно был бы прикреплен ярлык с указанием места и обстоятельства, при которых он обнаружен, а также «...фамилию лица, его представляющего, на случай если бы понадобились какие-либо дополнительные сведения». Кроме этого требовалось составить описание месторасположения кургана, его размеров и полного комплекса встреченных предметов. Пояснялось, что все археологические находки считаются государственной собственностью и «...у частных лиц могут быть взяты без вознаграждения и препровождены в музей», а раскопки курганов возможны только при наличии разрешения от Академии наук и лицами со специальной подготовкой (Там же. Л. 87).

Пребывание на Алтае в 1924–25 годах С.И. Руденко и М.П. Грязнова оказало благотворное влияние на деятельность АО РГО. Впервые этой организации была оказана действенная профессиональная поддержка специалистов-археологов, оценены по достоинству древнейшие памятники Алтая, систематизирована и приведена в порядок археологическая коллекция Барнаульского музея. Отдел получил необходимые инструкции и рекомендации по сохранению археологических объектов.

Благодаря этому члены Совета АО РГО своими силами пытались решать возникающие проблемы в связи с обнаружением древних памятников. В ноябре 1925 года из публикации в газете «Советская Сибирь» (№ 251) стало известно о том, что на территории коммуны «Ливадия» Кашкарогаинского района был разрыт курган, а часть извлеченных археологических предметов нашла употребление в домашнем обиходе. Совет письменно обратился к председателю коммуны с просьбой «...собрать всё, что возможно и доставить в государственный музей» (ЦХАФ АК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 19. Л. 3).

А.А. Ткачёв, А.А. Тишкин

(г. Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН;
г. Барнаул Алтайский государственный университет)

**КУРГАНЫ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
НА МОГИЛЬНИКЕ ГЕРАСИМОВКА В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ**

A.A. Tkachov, A.A. Tishkin

*(Tyumen, The Institute of the North experience problem SD RAS,
Barnaul, Altai State University)*

***The barrows of early scythian time
on the Gerasimovka cemetery in the East Kazakhstan***

В 1998 году Верхне-Иртышской археологической экспедицией Восточно-Казахстанского государственного университета проводились археологические раскопки на курганном могильнике Герасимовка, расположенном в 13 км к северо-западу от г. Усть-Каменогорска на первой надпойменной террасе левого берега Иртыша (рис. 1.–1). Исследованные объекты оказались пострадавшими от грабителей. Однако по данным, зафиксированным при раскопках (рис. 1), можно реконструировать основные элементы реализованного погребального обряда.

Курган № 22 распахивался. Первоначально земляная насыпь этого объекта была сооружена из желтого суглинка (привезенного, вероятно, со стороны), имела диаметр около 6–7 м и высоту не более 0,2 м. Под ней, на уровне древнего горизонта, находилась ограда диаметром около 5 м из крупных камней белого кварца. В центре этого надмогильного сооружения обнаружена могильная яма, ориентированная по линии ЮВ–СЗ, размерами 3,05×1,25 м (рис. 1.–5). На фоне светло-серого песчаного заполнения могилы хорошо фиксировался овальный вход грабительского лаза. Отдельные обломки гранитных плит отмечены при выборке ямы. Как выяснилось, они составляли верхнее перекрытие, которое было обложено крупной речной галькой и засыпано серым крупнозернистым песком. На глубине 1,1 м обнаружены четыре плиты, лежавшие горизонтально на материковых уступчиках (рис. 1.–5). Под ними найден составной каменный ящик (рис. 2.–1), ориентированный по линии ЮВ–СЗ и впущенный в яму размерами 2,45×0,8 м, глубиной 0,5 м (рис. 1.–5,6; рис. 2.–1). Погребение нарушено. Судя по неповрежденным костям, умерший человек лежал вытянуто на спине, головой на СЗ (рис. 2.–1). В северном углу ящика исследована округлая ямка диаметром 20 см, глубиной 15 см, в которой обнаружены хорошо сохранившиеся бронзовые удила и псалии (рис. 2.–1,2,3).

Курган № 28 имел земляную насыпь округлой формы, диаметром 6 м, высотой 0,1 м, сооруженную из желто-серого гумусированного суглинка. Под ней прослежена подквадратная оградка размерами 4,5×4,5 м с округлыми углами (рис. 1.–2). На восточную стенку этой каменной конструкции опирался наклонно лежащий стеловидный камень длиной 1,3 м, шириной 0,3 м, толщиной до 0,2 м, с уплощенной нижней частью и немного сколотым с одной стороны верхом. В центре ограды фиксировалась кладка из небольших плоских сланцевых плит, под которой обнаружена могильная яма, ориентированная по линии ЗЮЗ–ВЗВ и имевшая такие размеры: 2,0×1,2×1,65 м. Каменное перекрытие в западной части нарушено. При выборке заполнения грабительского лаза встречены кусочки дерева от перекрытия, а ближе ко дну — отдельные кости лошади. В южной стенке могильной ямы зафиксирована ниша высотой от дна 0,7 м и шириной около 0,5 м (рис. 1.–3). Там найдены разрозненные кости человеческого скелета (рис. 1.–4).

Исследованные курганы на могильнике Герасимовка относятся к верхнеиртышской группе памятников раннескифского времени. Особенности устройства этих погребальных сооружений, положение и ориентация погребенного характерны для Восточного Казахстана (Степная полоса..., 1992, с. 141–143; Марсадилов Л.С., 1996, с. 64–66; и др.).

Обнаруженные удила с псалиями в кургане № 22 продолжают серию находок элементов конского снаряжения раннескифского времени в предгорьях Алтая (Киришин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 63–76). Такой комплект является механизмом в виде кинематической цепи, состоящей из четырех звеньев (Тишкин А.А., 1998, с. 87). Бронзовые псалии (рис. 2.–3,4) относятся к категории дырчато-шпенокковых и представляют характерный тип таких изделий: слабо

изогнутый стержень имеет в центре Т-образный выступ для соединения с удилами, а по краям — своеобразно оформленные окончания с двумя подовальными отверстиями, которые связывали «удильный аппарат» (по А.В. Адрианову, 1916, с. 27) с ремнями оголовья. Круг аналогий этим предметам весьма ограничен:

1. Два идентичных экземпляра из кургана № 33 могильника Уйгарак в низовьях Сырдарьи также найдены в соединении с удилами (Вишневская О.А., 1973, с. 29, табл. IX.—17–19). Однако эти изделия, не смотря на конструктивную схожесть с другими подобными находками, имеют свои особенности. Так окончания псалиев оформлены в виде цилиндрических трубочек с отверстиями внутри, а удила снабжены по краям двумя проемами, из которых большие, подтрапцевидной формы, предназначены для того, чтобы вставлять в них Т-образный «крючок» и привязывать поводья, а малые, дополнительные, по мнению О.А. Вишневской, служили для закрепления среднего конца разрезанного натрое нащёчного ремня. Комплект из удил с псалиями был обнаружен в ногах погребенного, у восточной стенки могилы вместе с набором других элементов конского снаряжения и датирован VII–VI вв. до н.э. (Там же, с. 101).

2. Два одинаковых экземпляра, соединенные с удилами, внешние стремевидные окончания которых имеют отверстия колокольчиковидной формы, происходят из кургана № 42 могильника Кок-Су–I (Горный Алтай) (Сорокин С.С., 1974, рис. 2.–1–6, с. 75, 79). Они обнаружены в юго-восточной части ямы, где не было погребения человека, вместе с остатками черепа и костями лошади, другими деталями рассматриваемого снаряжения и зольным пятном (Сорокин С.С., 1969). Псалии представляют собой слегка изогнутые, круглые в сечении стержни с двумя овальными отверстиями по краям, в которых сохранились остатки ремней узды, и с «...пуговкой на невысокой стойке в центре» (Сорокин С.С., 1974, рис. 2.–3, с. 79). Датирован исследованный объект VII–VI вв. до н.э. (Сорокин С.С., 1969, с. 251).

3. Три схожих между собой экземпляра из памятника Вакулиха–I найдены в верховьях Алея (Алтайский край) (Бородаев В.Б., 1998, с. 56, 58, рис. 3.–3; рис. 3.–5). Два из них составляли комплект с удилами, внешние стремевидные окончания которых имели подпрямоугольные отверстия. Вакулихинский «клад» датирован VII в. до н.э. (Там же, с. 73) и, судя по всему, не связан с погребением человека. Бронзовые псалии представляют собой следующий тип изделий: стержень слабо изогнутой формы имеет немного смещенный от центра шпенек в виде Т-образного выступа, а по краям — два отверстия, вокруг которых сделаны небольшие утолщения; окончания его разные по длине (одно короче, другое примерно в три раза длиннее) и похожи на цилиндры с куполоподобными завершениями (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 66).

4. Два разных по оформлению бронзовых псалия с Т-образным выступом и двумя отверстиями известны науке с прошлого века, т.к. они были опубликованы И.-Р. Аспелиным еще в 1877 году как бронзовые вещи, обнаруженные близ Змеиногорска на Алтае (Aspelin J.R., 1877). Затем их же при обосновании майэмурского этапа перепубликовал М.П. Грязнов (1947, с. 10, рис. 3.–6, 11), представив при этом фрагмент реконструкции в месте соединения псалия с внешним стремевидным окончанием удил и ремнями оголовья (Там же, рис. 3.–2). Каждый из этих изделий выделен по своим особенностям в отдельный тип (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 67, рис. 38.–7; рис. 50.–5): один, достаточно массивный, сильно изогнутой формы имеет несколько смещенный от центра шпенек в виде Т-образного выступа и два отверстия по краям, вокруг которых оформлены утолщения (по некоторым данным этот предмет происходит из коллекции М.П. Погодина (Степная полоса..., 1992, табл. 61.–8) и хранится в ГИМе: инв. № 54746 (Марсадолов Л.С., 1998, с. 8)), другой псалий — клюшковидной формы с некоторыми специфическими чертами.

5. Случайные находки из Северного Казахстана представлены двумя экземплярами бронзовых псалий из Омского музея и опубликованы М.П. Грязновым (1956, с. 13, рис. 3.–9, 10). Судя по схематичным рисункам эти изделия немного отличаются друг от друга и можно предположить, что один похож на вакулихинские вещи, а другой — на аналогичные предметы из Герасимовки.

6. По сведениям Н.А. Боковенко в ГИМе хранятся еще два псалия (№№ 85/366–3474, 3476), которые являются случайными находками из Минусинской котловины (Бородаев В.Б., 1998, с. 73). Более подробной информацией о них мы не располагаем.

Таким образом, сейчас нам известно 15 экземпляров бронзовых псалиев, у которых, не смотря на явное сходство, фиксируемое, главным образом, по наличию Т-образного выступа и двух отверстий по краям, имеется ряд своеобразных отличий, заключающихся, например, в

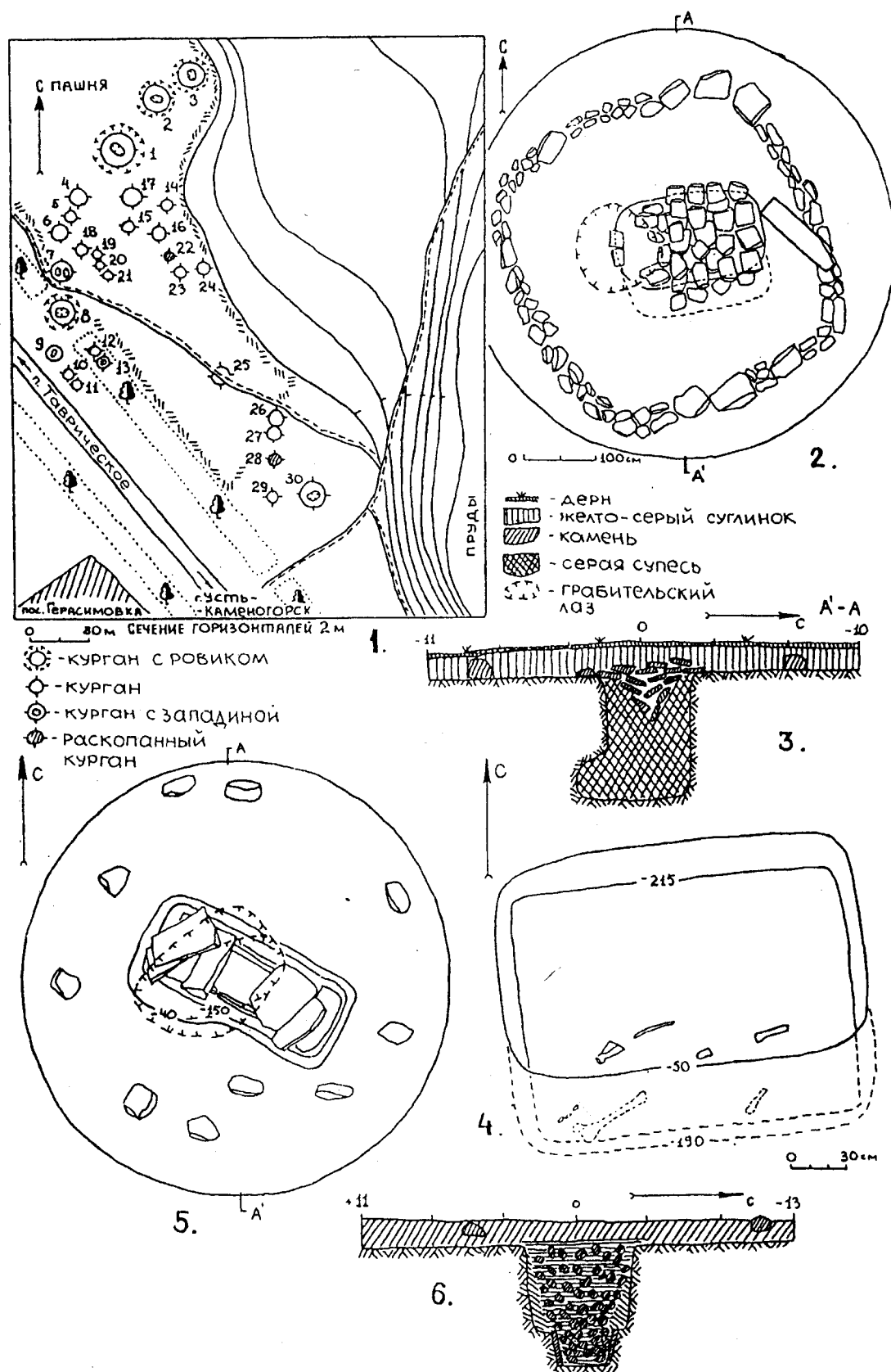

Рис. 1. Курганный могильник Герасимовка.
1 — план памятника; 2,3,4 — курган 28; 5,6 — курган 22.

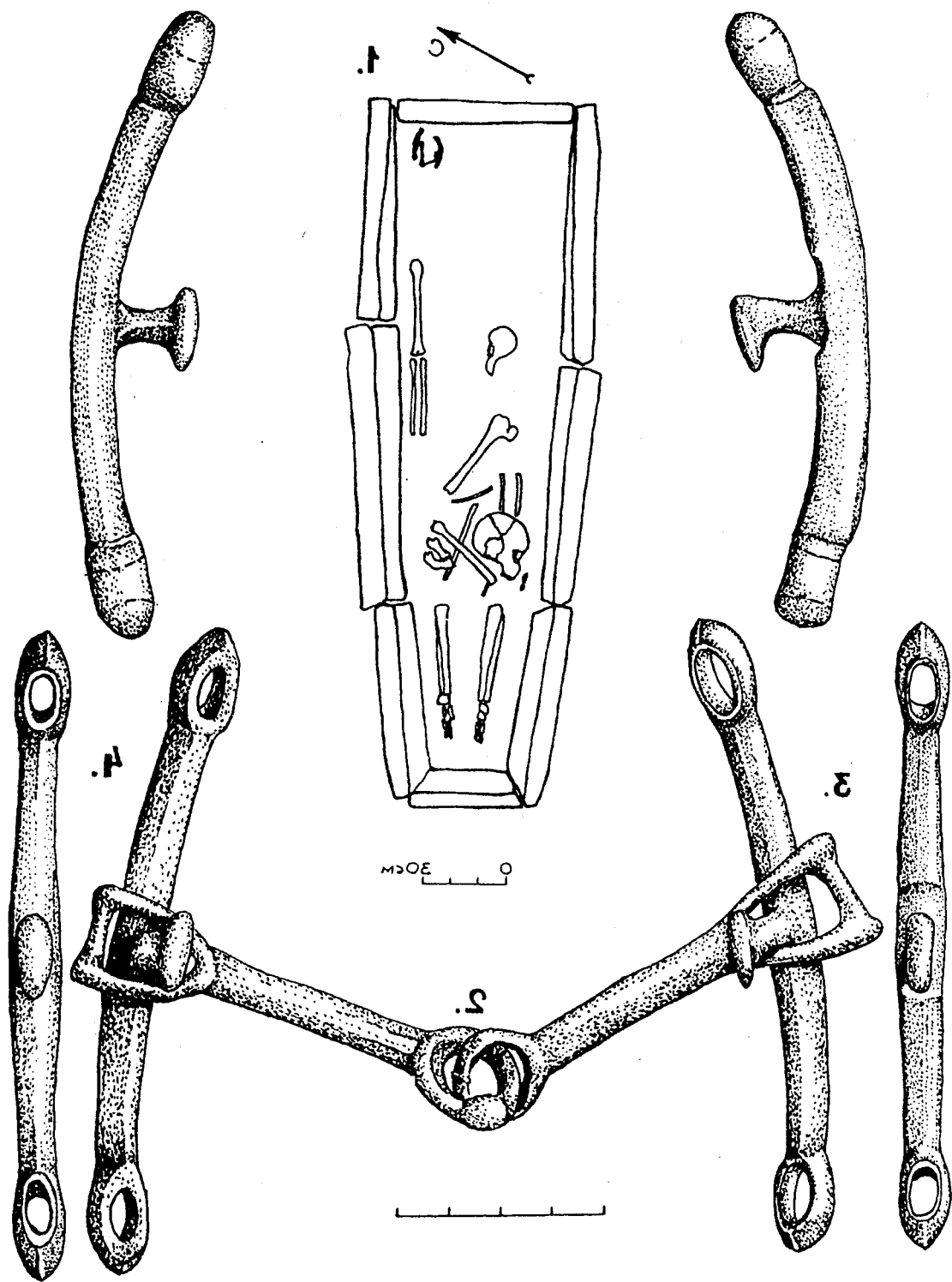

Рис. 2. Лёвьяновская Купель 22.
1 — полбегеня в каменном мотке; 2, 3, 4 — бронзовые детали с плавильни.

степени и в виде изогнутости, в месте расположения шпенька (в центре или несколько смещенный от него), в оформлении окончаний и отверстий, по размерам стержня (толщине, длине), форме его поперечного сечения и т.д. Отмеченные идентичные парные экземпляры, вероятнее всего, отлиты в одной форме или по одному образцу, что свидетельствует об ограниченном серийном производстве и демонстрирует, таким образом, вариабельность имеющихся деталей общей конструктивной формы, используемой для соединения ремней оголовья с удилами.

Происхождение, точное время существования, территория распространения таких псалиев и другие проблемы еще предстоит решить при накоплении массового материала. Сейчас мы лишь наметим возможные пути научного поиска.

М.П. Грязнов (1956, с. 9,13), представляя находки из Омского музея отметил их сибирско-казастанское происхождение, указав, что на Енисее, среди многих десятков псалий, таких форм нет. Для Восточной Европы такие изделия не характерны (Марсадолов Л.С., 1998, с. 9). Не обнаружены они пока в Туве, Монголии и других регионах. Поэтому наиболее вероятной территорией возникновения и существования рассмотренной формы псалиев являются западные и северо-западные предгорья Алтая. Находки в других указанных районах являются отражением обычных процессов распространения предметов и заимствования оптимальных конструктивных форм.

В.Б. Бородаев (1998, с. 72) считает, что двудырчатые псалии с Т-образным выступом посредине стержня являются исходной моделью для получения использовавшихся, по его мнению, позднее У-образных изделий. На этой же основе П.И. Шульга (1998, рис. 10.–4–6) выстроил «вероятную схему развития конструктивной мысли в VII — нач. VI вв. до н.э.». При этом исследователи не объясняют, почему была заменена одна деталь на другую, не совсем, на наш взгляд, эффективную. Традиционно считается, что это результат поиска оптимальных форм конской узды в раннескифское время (Марсадолов Л.С., 1998, с. 11). Однако, если исходить из логики зафиксированной исследователями тенденции, когда бронзовые предметы являются усовершенствованием таких же изделий, но из менее прочных материалов (Тишкин А.А., 1998, с. 87), то выстраивается несколько иная гипотетическая цепочка, в начале которой находятся У-образные псалии, созданные на основе деревянных или роговых образцов (Марсадолов Л.С., 1998, рис. 1). Если это так, то имеющееся ответвление являлось своеобразным атавизмом первоначальной природной модели, не имевшим особо значимого функционального назначения. Поэтому более совершенные и универсальные псалии стали иметь два отверстия и шпенок различной формы, но без дальнейшего отростка (Тишкин А.А., 1999, с. 87–88). Судя по вакулихинским находкам две рассматриваемые формы сосуществовали на определенном этапе (Бородаев В.Б., 1998). Универсальность Т-образного выступа бронзовых псалиев косвенно подтверждают найденные вместе с ними удила, у которых по разному оформлены внешние окончания. Форма У-образного псалия, вероятно, послужила также основой для появления двудырчатого S-видного псалия, о чем уже ранее указывалось (Степная полоса..., 1992, с. 165; Шульга П.И., 1998, с. 49). Однако данное предположение, на наш взгляд, менее логично, чем допустимый вариант появления такого типа изделия от S-видных трёхдырчатых псалиев (Марсадолов Л.С., 1998, рис. 1). Не исключено, что у каждого из рассмотренных выше типов бронзовых изделий конской узды были свои отдельные линии развития, в основе которых лежали формы трёхдырчатых псалиев, сделанных из рога, кости, дерева.

В заключении необходимо обратить внимание на то, где был найден комплект бронзовых вещей в могиле: слева от головы погребенного, в северном углу каменного ящика. Такое расположение элементов конской узды, на первый взгляд, кажется необычным для раннескифского времени, т.к. место подобных прикладов порой зависит от того, где должна была бы располагаться лошадь: в восточной или южной стороне от погребенного человека (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 59; Кубарев В.Д., 1998, рис. 1; Боковенко Н.А., 1998, с. 50; и др.). В зафиксированном случае противоречия нет. Удила с псалиями лежат там, где они должны быть, потому что в VII — нач. VI вв. до н.э. появился и существовал наряду с другими несколько иной обряд погребения умершего с лошадью (см. Шульга П.И., 1998, рис. 3).

Опираясь на выше сказанное, раннескифские курганы могильника Герасимовка следует датировать, вероятно, серединой VII в. до н.э.

Т.Н. Троицкая, О.Е. Назарова

(г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

ЕЩЕ РАЗ О КИЖИРОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

T.N. Troitskaya, O.E. Nazarova

(Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogic University)

Once more about Kizhirov culture

Первое исследование этой культуры (точнее — ее керамики) было произведено Л.М. Плетневой (Плетнева Л.М., 1973, с. 129–151). Позже она дала более подробную характеристику всего материала (Плетнева Л.М., 1997, с. 7–28; 35–68). В своих работах она не решала вопроса о культурной принадлежности памятников и осторожно называла их томскими. В 1978 г. Т.Н. Троицкая предложила назвать эту культуру кижировской по памятнику Кижирово, давшему обширный материал V–IV вв. до н.э., и дала описание памятников этой культуры в Новосибирском Приобье (Троицкая Т.Н., 1978, с. 45–55). Термин «кижировская культура» был употреблен в монографии о большереченской культуре (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 71) и в ряде других работ. Под этим же названием она фигурирует и в «Археологической карте Томской области» (Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожереждов Ю.Г., 1990, с. 36, 37). В течение 16 лет эта культура называлась кижировской. Но в 1994 г. Л.М. Плетнева предложила назвать ее шеломокской, поскольку в отличие от многослойного городища Кижирово поселение Шеломок-II является однослойным, и под этим названием описала ряд памятников (Очерки культурогенеза..., Томск, 1994, с. 310–312). Однако мы предлагаем оставить за этой культурой ее первое название, как наиболее длительно употреблявшееся — кижировская.

Л.М. Плетнева справедливо датирует эту культуру на основании бронзовых изделий из Кижирова и Шеломка V–III вв. до н.э. (Плетнева Л.М., 1997, с. 35–45). Однако дату можно несколько уточнить: скорее нужно говорить о V–IV и, возможно, лишь о самом начале III в. до н.э. Кижировская культура входит в состав скифо-сибирского круга и в пределах Приобья является самой северной. Судя по опубликованному материалу, в Томском Приобье к этой культуре относятся поселения Шеломок-I и II, многослойные городища Басандайка, Кижировское, Козюлинское, Лагерный Сад, Нагорный Иштан и отдельные находки в ряде пунктов. В Новосибирском Приобье к ней относятся однослойные городища Каменный Мыс, Батурино-II и поселение Дубровинский Борок-I, два из которых очень хорошо датируются бронзовыми изделиями V–IV вв. (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 41, рис. 3). Кижировские могильники пока неизвестны. Северные границы культуры остаются неясными. Во всяком случае она включает Томское Приобье и северную часть Новосибирского Приобья.

Одной из особенностей этой культуры является сочетание в ее памятниках двух типов керамики (кижировской и большереченской), резко отличающихся друг от друга техникой изготовления, формой венчика и в некоторой степени орнаментацией (рис. 1). Тесто керамики обеих культур содержит примесь дресвы, причем в кижировских сосудах кусочки дробленых камней крупные и местами видны на поверхности, четче прослеживается примесь органики. Примесь в большереченских сосудах мельче, тесто хорошо отмучено, поверхность ангобирована, иногда подлощена. У кижировских сосудов ангоб слабо прослеживается или отсутствует, иногда поверхность затерта пучком травы. В целом кижировская керамика выглядит грубее большереченской. Форма ее сосудов — слабо профилированные горшки, которые резко сужаются ко дну, плечики высокие. Резко отличаются друг от друга венчики сосудов. У большереченских они прямые или чуть загнутые внутрь, край чаще всего округлый, в поселениях преобладают сосуды баночной формы. У кижировских край может быть зауженным, отогнутым, с бортиком, косо срезанным и т.д., иногда по нему наносят насечки. Сосуды слабо профилированы, плечики высокие. Мотив орнаментации у обеих культур однотипен: это жемчужины, разделенные наклонными линиями, круглыми ямками, углом палочки и т.д. Но исполнение этого мотива различно. На кижировских сосудах орнамент расположен сразу же под венчиком одним, двумя, реже тремя поясами, на большереченских — на значительном расстоянии от края, одним, редко двумя поясами. В отличие от большереченских сосудов на кижировских орнамент чаще выполняется гребенкой, причем крупной.

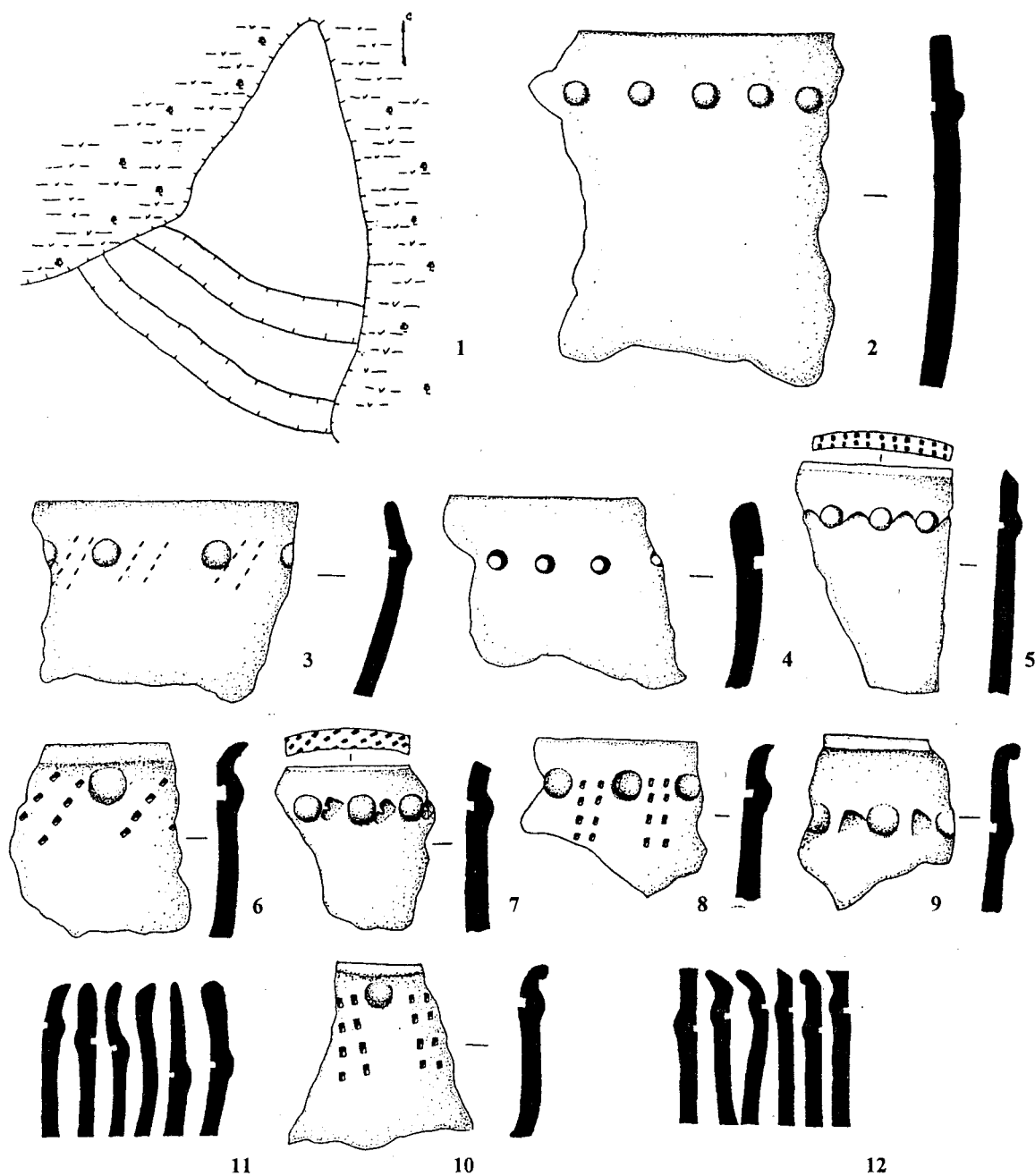

Рис. 1. Городище Батурино-II.

1 — план городища Батурино-II; 2-4 — керамика большереченского типа; 5-10 — керамика кижировского типа; 11 — профили сосудов большереченского типа; 12 — профили сосудов кижировского типа.

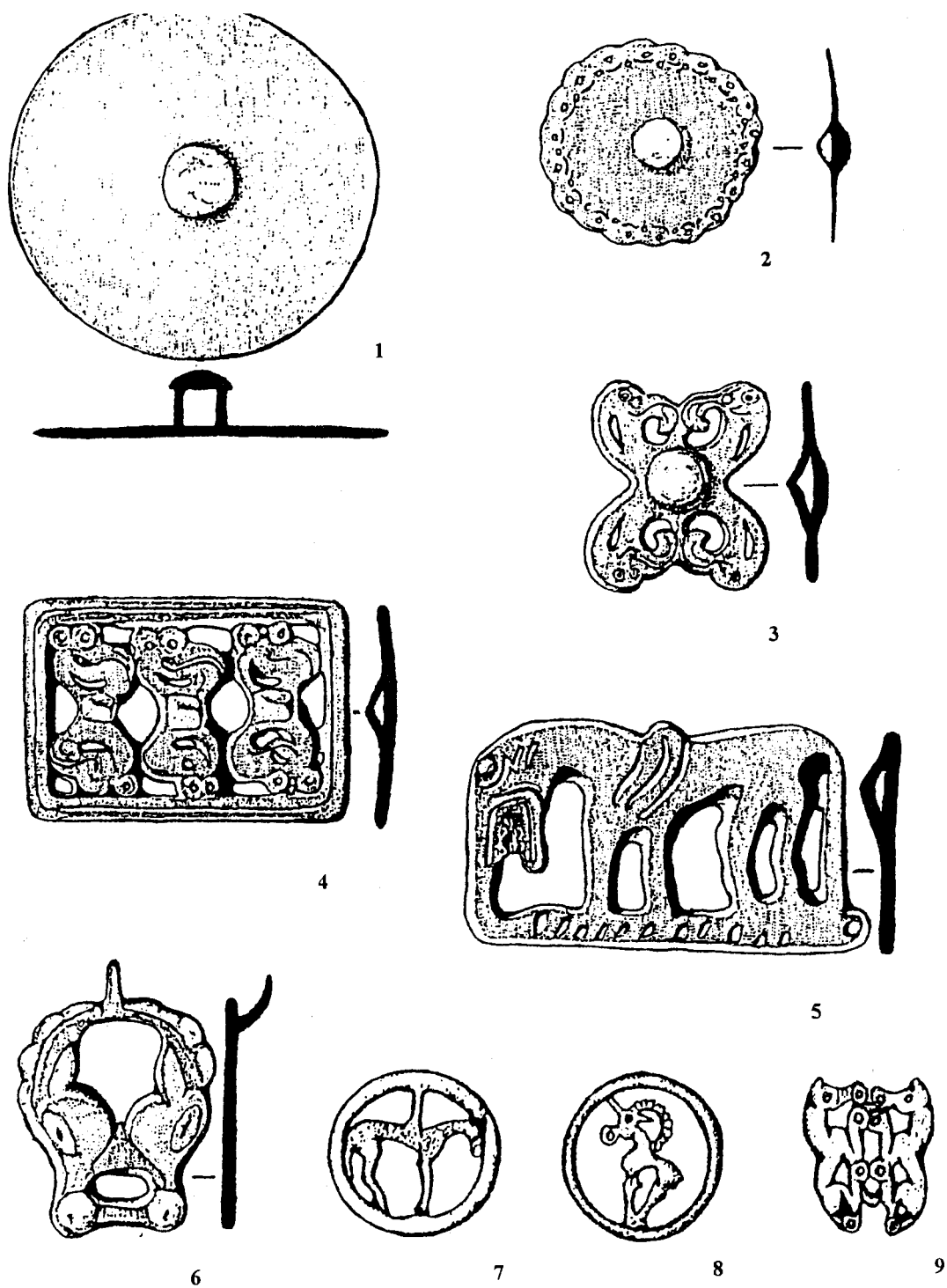

Рис. 2. Бронзовые изделия.

1-6 — Бурбинские находки; 7-9 — Шеломок-II (по Л.М. Плетневой, 1977).

Такие отличия керамики говорят о том, что она изготовлялась различными группами населения, сохраняющими свои традиции, но эти группы были родственные друг с другом, о чем говорят одинаковые мотивы орнаментации и сосуществование на каждом поселении обеих групп керамики. Видимо, в одном поселении могли жить носители каждой из этих культур. И между ними могли заключаться браки. Отличие лишь в том, где какая керамика преобладала. В Томском Приобье и на севере Новосибирского числа кижировской керамики в каждом комплексе достигает 82–88% а, в большереченском поселении Ордынское-9 ее только 12%. На поселение Крохоловка-11а их было примерно поровну. Видимо, где-то здесь, чуть севернее современного Новосибирска и проходила граница между этими культурами. Необходимо отметить, что в комплексах всегда встречаются отдельные сосуды, культурную принадлежность которых трудно определить: на сосудах с кижировским тестом может быть нанесен большереченский орнамент и наоборот.

В IV–III вв. до н.э. на севере Новосибирского Приобья падает роль кижировских племен и усиливается роль большереченских: в имеющихся на этой территории могильниках с обрядом, характерном для большереченской культуры, встречены единичные кижировские сосуды. Так в могильнике Почта (Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н., 1996, рис. 115) встречены четыре баночных большереченских сосуда и один кижировский, в могильнике Высокий Борок (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 16) найдено пять большереченских и три кижировских сосуда, в могильнике Крохоловка-V — четыре большереченских и один кижировский сосуд. На юге Новосибирского Приобья в Милованово-II, типичном большереченском могильнике IV–III вв. с кольцевым рвом и круговым расположением могил, выявлено 15 большереченских и один кижировский сосуд. Поскольку три первых могильника находятся в предполагаемой зоне обитания кижировских племен, подобное соотношение сосудов можно объяснить либо начавшейся ассимиляцией кижировцев, либо чересполосным проживанием носителей этих культур.

Отличаются большереченская и кижировская культуры и характером поселений. В настоящее время известно более 50 большереченских поселений, все они не имеют укреплений. Судя по публикациям, к кижировской культуре относятся 10 поселений, из них два являются городищами: мысовое городище Батурино-II укреплено двумя рядами рвов и валом между ними (рис. 1), а Каменный Мыс — двумя рядами валов и рвом между ними. Жилища большереченской культуры полуназемные, состоят из одной или двух камер, в последнем случае второе помещение небольшое, имевшее подсобное хозяйственное назначение. Кижировские жилища однокамерные, полуназемные. Основным занятием населения этих культур было скотоводство, но, судя по публикациям, доля охоты и рыбной ловли у кижировцев была несколько выше. Бронзолитейное производство получило достаточно высокое развитие в поселениях этих культур. На территории поселений четко выражены производственные участки, обломки тиглей, льячек, остатки плавильных печей (Дураков И.А., Назарова О.Е., 1998, с. 22, 23; Плетнева Л.М., 1977, с. 23). Различаются и внешние связи населения этих культур. Бронзовые изделия, найденные в Томском Приобье, выполнены в скифо-сибирском зверином стиле, датируются в пределах V–IV вв. (Плетнева Л.М., 1976, с. 235–241; Она же. 1977, рис. 7, 10, 11, 12, 21). Часть из них найдена в слоях поселений Шеломок-II, Басандайка, Самусь-II, некоторые являются случайными находками. К тому же кругу изделий относятся ряд предметов из Степановской коллекции. Отмечаются тесные связи найденных изделий с тагарской культурой. Очень близки им Бурбинские находки из северного Причумылья (Бородовский А.П., Троицкая Т.Н., 1992, с. 57–63), хранившиеся в Томском краеведческом музее, а затем утерянные (рис. 2). Весь комплекс хорошо датируется V–IV вв. до н.э. Вероятно, вещи также проникли из зоны распространения тагарской культурой. Эти связи являются одной из черт кижировской культуры, поскольку основные аналогии большереченским изделиям ведут на территорию Алтая, Казахстана и Средней Азии. Кижировская культура прекращает свое существование в начале — середине III в. до н.э., когда на территории Томского Приобья появляются кулайские племена, в Новосибирском Приобье ее вытеснили большереченцы.

Таким образом, на севере Верхнего Приобья в V–IV вв. до н.э. прослеживаются очень близкие между собой кижировская и большереченская культуры. Они отличаются друг от друга некоторыми особенностями керамики, соотношением присваивающего и производящего хозяйства и ориентацией внешних связей: кижировцами они осуществлялись по Томи и Чулыму, а большереченцами — по Оби и ее притокам. Решить вопрос о том являются ли эти культуры самостоятельными или вариантами одной культуры, можно будет лишь тогда, когда будут исследованы кижировские могильники.

С.С. Тур

(г. Барнаул, Научно-исследовательский Институт
Гуманитарных Исследований при Алтайском госуниверситете)

**ОБ УРАЛОИДНОМ КОМПОНЕНТЕ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ
СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ**

S.S. Tur

*(Barnaul, Scientific Research Institute of Humanitarian Investigations
attached to the Altai State University)*

About the uraloid component in the scythian structure of Mountainous Altai

Краниологическая серия скифского времени, включающая 27 мужских и 19 женских черепов из трех могильников Средней Катунь (Тыткескень-I, VI, Верхняя Еланда-II, Кайнду раскопки Ю.Ф. Кирюшина и Н.Ф. Степановой), позволяет охарактеризовать население северной периферии пазырыкской культуры как антропологически неоднородное. В составе его выделяются несколько морфологических типов, неодинаково представленных в разных локальных группах, а также среди мужской и женской части популяции.

Среди мужских черепов из Тыткескени и Еланды преобладает брахикранный вариант с короткой, широкой, низкой мозговой коробкой, среднешироким, слабонаклонным, выпуклым в сагитальном и плоским в поперечном сечении лбом. Ширина лица его на нижней границе больших, а высота — на нижней границе средних величин, пропорции эурипрозопные. Горизонтальная уплощенность лицевого скелета на уровне орбит выражена сильно, на уровне скуловых дуг — умеренно. Вертикальный профиль по общему углу мезоортогнатный, по указателю выступания — мезогнатный, с тенденцией к прогнатизму в альвеолярной части. Орбиты при средней ширине низкие, хамакконных пропорций. Нос средних размеров, хамеринный. Угол его выступания над линией лицевого профиля незначительно меньше среднего. Переносье невысокое. В целом данный морфологический вариант характеризуется промежуточным монголоидно-европеоидным обликом, при этом по уплощенности лицевого скелета и выступанию носа он больше сближается с монголоидными типами, а по фациоцеребральным соотношениям обнаруживает существенный сдвиг в сторону европеоидов. Условная доля монголоидного элемента (УДМЭ), рассчитанная на основе индекса уплощенности лицевого скелета (УЛС=68,7), составляет 83,1%, а на основе преаурикулярного фациоцеребрального индекса (ПФЦ=93,1) — всего лишь 40,3% (Дрёмов В.А., 1997, с. 22–24).

Сходное сочетание низкой мезобрахикранной черепной коробки с умеренно уплощенным лицевым скелетом при небольшой его высоте характерно для антропологического типа целого ряда современных популяций средней полосы Западной Сибири — представителей обско-иртышского варианта уральской расы, к которому относятся самодийские и тюркские группы — нарымские селькупы, чулымцы, кызыльцы, томские, тоболо-иртышские и барабинские татары. С некоторыми оговорками в обско-иртышский вариант уральской расы включают и ненцев, уклоняющихся в направлении особенностей южно-сибирской расы. Угорская группа Северо-Западной Сибири (ханты, манси) демонстрирует значительное своеобразие и выделяется в собственно уральский или, по другой терминологии, угорский вариант уральской расы (Багашев А.Н., 1993, с. 125). Основу антропологического типа обско-иртышского варианта уральской расы составляет компонент, широко представленный у населения южно-таежной полосы Обь-Иртышского междуречья в I тыс. н.э. (Багашев А.Н., 1993, с. 142).

Обобщенные таксономические расстояния Л. Пенроза (в модификации А.Г. Козинцева), рассчитанные по 21 наиболее важному расодиагностическому признаку, объективно подтверждают значительную близость морфологического варианта, преобладающего в составе мужских черепов из Тыткескени-Еланды, и современных тюрко-самодийских популяций Западной Сибири как по «форме», так и по «размеру». Наиболее короткие расстояния (C_R^2) отделяют пазырыкцев Тыткескени-Еланды от селькупов (0,142), чулымцев (0,181), томских татар (0,190). Достаточно близки к ним ненцы (0,209) и кеты (0,260). Расхождения их с угорскими группами уральской расы заметно больше, однако тоже невелики (с хантами — 0,369, с манси — 0,444).

Основу данного сходства помогает выявить межгрупповой анализ главных компонент, проведенный на широком географическом, хронологическом и расовом фоне. Помимо черепов современных тюрко-самодийских популяций Западной Сибири и их средневековых предшественников, а также кетов в анализ были включены краниологические серии, представляющие основные группы населения Западной и Южной Сибири на протяжении от неолита до скифского времени. Кроме того, привлечены краниологические материалы неолита-бронзы Прибайкалья, Забайкалья, Монголии и Средней Азии, хуннов Монголии и Забайкалья, саков Средней Азии и Казахстана и некоторые другие, в общей сложности 84 группы.

В трехмерном пространстве, образованном положительными осями I–II компонент и отрицательной осью III компоненты (64,9% общей дисперсии 20 переменных) обособляется группировка, включающая следующие краниологические серии (приводятся в обратном хронологическом порядке): селькупов (Дрёмов В.А., 1984, с. 109–110), чулымцев (Дрёмов В.А., 1991, с. 186–187), томских (Дрёмов В.А., 1990) и тоболо-иртышских татар (Багашев А.Н., 1993, с. 36–37), кетов (Дрёмов В.А., 1984, с. 127), лесостепного Прииртышья середины II тыс. н.э., южно-таежного Прииртышья рубежа I–II тыс. н.э. (Багашев А.Н., 1988, с. 23–25, 34–36), Нижнего Притомья IX–XIV вв. н.э. (Багашев А.Н., 1993, с. 128–129), Среднего Приобья (р. Уень) VII–X вв. н.э. (Дрёмов В.А., 1967), Тыткескения-Еланды, Луговского могильника ананьинской культуры (Трофимова Т.А., 1968, с. 70–72), могильника Байдаг-III (эпохи поздней бронзы) в Туве (Гохман И.А., 1980, с. 24–27), неолита Барнаульско-Новосибирского и Кузнецкого районов (Дрёмов В.А., 1997, с. 38–39). В эту же группировку в плоскости I–II компонент (56,6% дисперсии) включаются черепа (в порядке удаления по III компоненте): Черноозерья-I (эпохи бронзы) Омского Прииртышья (Дрёмов В.А., 1997, с. 78), Красноярско-Канского неолита (Алексеев В.П., 1961; Герасимова М.М., 1964), окуневцев Минусинской котловины (Громов А.В., 1997, с. 303); в плоскости I–III компонент (46,8% дисперсии) — черепа ненцев (Дрёмов В.А., 1984); в плоскости II–III компонент (24,6% дисперсии) при незначительном отклонении по I компоненте — черепа из Еловского могильника II андроновского времени (Дрёмов В.А., 1997, с. 102).

Различия между группами, локализованными в пределах выделенного пространства трех первых компонент, могут быть весьма существенными, однако все они представляют определенное единство, морфологической основой которого является низколицый монголоидный тип, в более или менее явном виде присутствующий в каждой группе.

Нельзя не заметить также, что все эти серии, иногда значительно удаленные друг от друга во времени, происходят с единой территории — от Иртыша на западе до Енисея на востоке, Горного Алтая и Тувы на юге. Единственное исключение — Луговской могильник в Прикамье, да и тот расположен в зоне формирования уральской расы, что выглядит не менее симптоматичным.

Внутренняя структура выделенной группировки неоднородна. Наиболее близкие таксономические расстояния отмечаются между селькупам, чулымцами, томскими и тоболо-иртышскими татарами, т.е. внутри тюрко-южносамодийской группы — в среднем 0,088, а также между кетами и ненцами (0,161). Усредненные расстояния тюркоюжносамодийской группы с пазырыкцами Тыткескения-Еланды — 0,186, кетами — 0,258, ненцами — 0,272, кетов и ненцев с пазырыкцами — 0,260 и 0,209. Примерно так же черепа тюрко-южносамодийской группы и пазырыкцев Тыткескения-Еланды отстоят от средневековых серий Обь-Иртышского междуречья (0,244 и 0,269), внутренняя дифференциация которых выражена существенно (0,312). Черепа кетов и ненцев удалены от средневековых серий Обь-Иртышского междуречья еще больше (0,374 и 0,417), однако и в этом случае таксономические расстояния лишь незначительно выходят за пределы категории близких величин. Близкие расстояния порядка 0,25–0,40 связывают также краниологические серии: селькупов, чулымцев, томских, тоболо-иртышских татар, с одной стороны, и неолита Барнаульско-Новосибирско-Кузнецкого района, Черноозерья-I, ЕК-II, с другой; ненцев и Красноярско-Канского неолита; южно-таежного Прииртышья рубежа I–II тыс. н.э. — неолита Барнаульско-Новосибирско-Кузнецкого района, ЕК-II; Нижнего Притомья IX–XIV вв. н.э. — Черноозерья-I и окуневцев; Среднего Приобья (р. Уень) VII–X вв. н.э. — Барнаульско-Новосибирско-Кузнецкого и Красноярско-Канского неолита, окуневцев, ЕК-II; Тыткескения-Еланды — Красноярско-Канского неолита, окуневцев; Барнаульско-Новосибирско-Кузнецкого неолита — Черноозерья-I, ЕК-II; Черноозерья-I — окуневцев, ЕК-II; Красноярско-Канского неолита — окуневцев; окуневцев — ЕК-II. Черепа Луговского могильника близки только с более поздними сериями — Тыткескения-Еланды, Нижнего Притомья IX–XIV вв. н.э., селькупов, чулымцев, тоболо-иртышских татар, кетов и ненцев.

И, наконец, значительно удалена от всех группа Байдаг-III, в какой-то мере сближающаяся лишь с пазырыкцами Тыткескена-Еланды (0,40) и окуневцами (0,52). В совокупности же близкие таксономические расстояния — синхронные и диахронные — связывают все эти группы (за исключением Байдаг-III) в сложно дифференцированный, но единый генетический пласт.

Таким образом, результаты компонентного анализа и анализа таксономических расстояний позволяют заключить, что сходство черепов из Тыткескена-Еланды и современных тюрко-самодийских групп Западной Сибири и кетов базируется на общей генетической основе, корни которой уходят в энеолит-неолит, а морфологическое своеобразие определяется низколихим монголоидным типом. Это, в свою очередь, избавляет нас от необходимости принимать допущение, что потомки пазырыкцев вошли в состав самодийского этноса, возникшее в связи с появлением данных о близости набора митохондриальной ДНК пазырыкских мумий, северных селькупов и кетов (Молодин В.И. и др., 1998, с. 315–316).

Наряду со сходством между черепами Тыткескена-Еланды и черепами уральских групп Западной Сибири (современных и средневековых), выявляются некоторые различия. У пазырыкцев Тыткескена-Еланды более высокий черепной указатель за счет меньшей длины и (или) большей ширины мозговой коробки, более прямой лоб, меньше размеры орбит при одинаковых размерах лицевой части. По таким суммарным показателям как УЛС и ПФЦ, характеризующим долю монголоидной примеси, они попадают в пределы вариаций обско-иртышского варианта уральской расы, но отличаются иным соотношением компонентов УЛС. При одинаковой, если не более низкой высоте переноса у пазырыкцев Тыткескена-Еланды больше угол выступания носа и общая уплощенность лицевого скелета ($77 + \angle Zm'$), которая к тому же на разных уровнях выражена более неравномерно ($\angle Zm'/77$). Различия эти незначительны по величине, однако достаточно устойчивы и определяются, по-видимому, длительной дивергенцией соответствующих линий развития. Можно заметить, что по ряду признаков, разграничивающих уральские группы и пазырыкцев Тыткескена-Еланды, последние уклоняются в направлении особенностей монголоидов Байдага-III. Еще более сходен в этом отношении с пазырыкскими черепами Тыткескена-Еланды неолитический череп из Нижнетыткескенской пещеры-I (Ким А.Р., Чикишева Т.А., 1995), который в предыдущий статистический анализ не включался. Если учесть также, что сочетание слабо выступающего носа и умеренной профилировки лица — особенность, в той или иной мере присущая всем уральским группам, а в некоторых из них достигающая крайней степени выраженности (как у чулымцев Рубежа), то следует признать, что пазырыкцы Тыткескена-Еланды конечно не «настоящие» уральцы, а только уралоиды.

Помимо уралоидного компонента автохтонного происхождения в составе мужских черепов Средней Катунь выделяется североазиатский монголоидный тип, удельный вес которого несравненно меньше. Генетические истоки его связаны с Восточной Сибирью и Монголией, а ближайшие и более многочисленные аналогии ему дают краниологические материалы из царских курганов Шибе, Туэжты, Пазырыка. В морфологическом облике женских черепов Средней Катунь уралоидный и североазиатский монголоидный компоненты выявляются лишь в виде небольшой дисперсной примеси, основу их антропологического типа составляет брахикранный европеоидный, в общих чертах сходный с типом Среднеазиатского междуречья. Брахикранный европеоидный компонент в небольшом числе случаев отмечен и среди мужских черепов. В предскифское и скифское время этот морфологический вариант имел широкое распространение как к востоку, так и к западу от ареала пазырыкской культуры. И, наконец, среди женских черепов фиксируются достаточно отчетливые, но малочисленные включения восточносредиземноморского типа, грацильного и гиперморфного. Слабую примесь его гиперморфного варианта можно допустить также в составе мужских черепов. Более широко гиперморфный восточносредиземноморский тип был распространен в других районах пазырыкской культуры. В частности, он характеризует черепа из могильников Кызыл-Джар-I и II в долине р. Чуи (по индивидуальным измерениям В.А. Дрёмова, бланки которых хранятся в кабинете антропологии АГУ).

Таким образом, несмотря на интенсивное смешение, как механическое, так и биологическое, группы различного происхождения в составе населения пазырыкской культуры в какой-то мере не утратили свою былую обособленность и локализуются преимущественно в разных районах. Уралоидный компонент в наиболее чистом виде сохранился в северной части Горного Алтая, а по некоторым предварительным данным (Майма, III в. до н.э.) ареал его охватывал и северные предгорья.

А.П. Уманский

(г. Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ЗЕРКАЛА ИЗ РОГОЗИХИ

A.P. Umansky

(Barnaul, Barnaul State Pedagogic Institute)

To the question about mirror semantic from the Rogozih

В 1985 году в ходе аварийных раскопок курганной группы Рогозиха-I (Павловский район Алтайского края) в могиле 1 кургана 5 нами было найдено уникальное зеркало-погремушка.

Могила была ограблена, видимо, еще в древности. На дне её были рассеяны кости человека и животного, отдельные предметы, в частности, крупная бронзовая ворворка в форме усечённого конуса с круглой бляшкой, закрывавшей верхнее отверстие ворворки, роговая пронизка, втульчатый костяной трёхгранный наконечник стрелы, ручка железного ножа; в южном углу лицевой стороной вниз лежали зеркало и недалеко от него и чуть повыше — алтарик из серого гранита на четырёх круглых в сечении ножках: в центре ямы были найдены две синие пастовые бусины; в грабительском перекопе оказался обломок другого алтарика с ножкой в виде небольшой выпуклости.

Самой замечательной вещью в этом комплексе является, конечно, зеркало (рис. 1; рис. 2; прорисовка выполнена П.И. Шульгой) явно восточного происхождения.

Описание конструкции зеркала и изобразительной композиции на его тыльном диске уже даны были мною (Уманский А.П., 1992, с. 56–57), а также мною и П.И. Шульгой (Уманский А.П., Шульга П.И., 1999, с. 62–66); поэтому в этой работе мы ограничимся краткими замечками.

Зеркало состоит из двух круглых дисков, цельно вырезанных из листов высокооловянистой позолоченной бронзы и скреплённых семью заклёпами. Треугольные стержни обоих дисков, на которые была насажена роговая или костяная ручка, обломлены, а сама ручка не сохранилась.

Лицевой диск (его диаметр равен 152 мм) отполирован до блеска и почти не тронут коррозией. Тыльный диск богато орнаментирован, в нескольких местах поверхность его покрыта зеленовато-черными пятнами окислов и повреждена коррозией, к счастью не испортившей сколько-нибудь существенно орнаментацию. Тыльный диск в отличие от лицевого рельефный: этот рельеф образуют конический выступ в центре диска и два концентрически расположенных полых шестигранных в сечении валика. По краю диска пуансоном нанесен орнаментальный пояс из 106 солярных значков с точками в центре (ср. алтайский «кось»). Поле между этим поясом и внешним валиком орнаментировано тремя концентрическими окружностями, пространство между которыми заполнено насечками в виде «елочки» «вершиной» по движению солнца. Между конусом и внутренним валиком четко просматриваются еще две концентрических окружности, а между ними два орнаментальных пояса — один в виде зигзага, а другой из косых насечек. Между этими окружностями и внутренним валиком есть еще один, правда, слабо выраженный валик.

Орнаментация тыльного диска производилась чеканкой уже позолоченного диска, мастер пользовался при этом циркулем, резцом, пуансоном и другими инструментами.

Всё плоское поле между валиками занято изображением сложной сцены религиозно-мифологического содержания, символику и семантику которой еще предстоит разгадать специалистам.

Здесь мы ограничимся только описанием этой сцены и робкими попытками проникнуть в семантику, то есть в смысл, значение этой сцены.

В верхней части зеркала, напротив обломанной ручки, то есть в центре, в профиль изображен слон: у него большие полукруглые уши, толстый, но короткий хобот, из которого как бы растут маленькие бивни, длинный шерстистый хвост, большой миндалевидный глаз, сравнительно тонкое туловище и задние ноги (передние ноги не видны, они «уходят» под внутренний валик). Голова, включая хобот, покрыта мелкими кружочками, уши — шерстью. Круп слона, видимо, закрыт яркой попной, шея и задние ноги его, вероятно, частично прикрыты броневыми пластинами. На спине слона — низкое седло (?), прикреплённое к крупу широкой и, видимо, нарядной подпругой. На седле не то стоит, не то сидит невзрачная на вид птица, изображённая, как и слон, в профиль (пуансоном обозначена лишь расцветка перьев на шейке, на крыле и на хвостике).

Перед слоном в полный рост изображено антропоморфное существо, условно названное нами «женщиной»: в отличие от реальной женщины лицо у неё лишено нижней челюсти и в

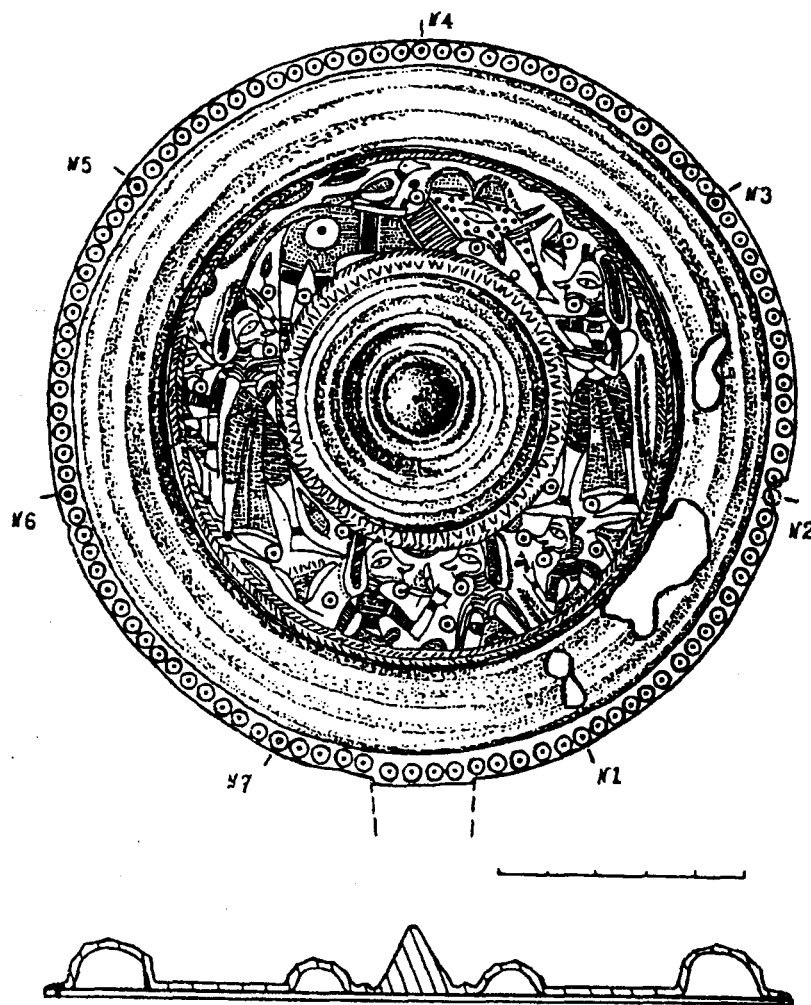

Рис. 1. Могильник Рогозиха-I. Зеркало из могилы 1 кургана № 5.

Рис. 2. Могильник Рогозиха-I.
Изображения на зеркале из могилы 1 кургана № 5.

сочетании с длинным и острым носом в чём-то напоминает головку рыбы (?). Руки «женщины» согнуты в локтях, левой она придерживает музыкальный щипковый инструмент (видно четыре струны) вроде лютни (?), пальцы обеих рук как бы перебирают струны; на шее её, видимо, богатое ожерелье, на открытой груди — вероятно, дорогая подвеска. Это — явно «музыкантша» (на ногах её, скорее всего, бубенчики или колокольчики).

Сзади слона, напротив «музыкантши», лицом к ней изображена подобная ей фигура и также в полный рост: левая рука её согнута в локте и поднята вверх, правая — опущена вниз; ступни ног поставлены под углом (пятки выше пальцев), причем пальцы левой руки вытянуты, а правой — сжаты в кулачок: мы полагаем, что «женщина» изображена в танцевальной позе (возможно, в позе адорации). Мы назвали эту фигуру «танцовщицей»: на руках у неё браслеты, на ногах, видимо, также бубенчики или колокольчики. За спиной «танцовщицы» видна передняя часть второй «танцовщицы» в аналогичной позе с бубенчиками (?) на ноге и браслетами на руке. На головах «музыкантши» и «танцовщиц» — сложные прически, прикрытые высокими головными уборами, несколько напоминающими головной убор богини, оживляющей павшего в битве богатыря на поясной бляхе из Сибирской коллекции Петра I (кстати, на «древе жизни» этой бляхи можно видеть струнный щипковый инструмент: видны 3 или 4 струны) (Грязнов М.П., 1958, рис. 1).

Все три «женщины» изображены, вероятно, в ярких одеяниях, перехваченных по узким талиям поясами, с рукавами до локтей и вырезами на груди; ниже пояса они одеты в «шаровары» чуть ниже колен, а талия каждой обернута широким шарфом или кушаком, завязанным спереди простым узлом так, что длинные концы его спускаются до самых щиколоток ног, перед ними.

Ниже описанной сцены изображены еще три «женщины», аналогичные «музыкантше» и «танцовщицам», правда, уже не во весь рост, а потому их можно для удобства именовать «полуфигурами». У них такие же яркие одеяния, тонкие талии, огромные глаза под тонкими бровями, длинные и острые носы, головные уборы или причёски. Одна из них (левая) обращена лицом к двум другим (правым). Левая полуфигура в согнутой руке держит цветок лотоса, как бы обоняя его, у крайней справа рука согнута в локте и поднята вверх. Любопытно, что «музыкантша» как бы подпирает правой ступней голову крайней справа полуфигуры, а первая «танцовщица» — пальцами правой ноги — головной убор левой; совершенно очевидно, что нижняя сцена связана с верхней, а точнее они составляют единое полотно.

Всё поле вокруг описываемой композиции обрамлено ветвями пальм и др. растений, по нему разбросаны цветы лотоса (у бивня, под ногами «музыкантши» и «танцовщицы») и нераскрывшиеся его бутоны (например перед левой голенью «танцовщицы», между хвостом и задней ногой слона, между птицей и ушами слона).

По всему полю, на первый взгляд произвольно, размещены 20 солярных знаков: самый крупный — на крупе слона, что, по нашему мнению, имеет особое значение; меньшие по размерам значки строго «привязаны» к ногам слона и «женщинам», а именно «музыкантши» и «танцовщицы», к рукам (плечам) нижний полуфигур; кроме того, солярные знаки с точкой в середине располагаются под головами всех без исключения «женщин», под нижней губой слона, под шейкой птицы, ими снабжены отдельные бутоны и листики. «Лишний значок изображен лишь у кончика носа крайней правой полуфигуры, что, по-видимому, также не случайно. Под хоботом слона нанесен солярный значок без точки в центре, меньших, чем описанные, размером; ещё 24–25 мелких кружков, также без точек в центре, украшают морду и хобот слона. Используя чеканы разных типов и размеров, искусный мастер стремился показать разнообразие узоров на тканях одежды, попоны, подпруги, и надо признать, добился высокого эффекта экспрессии.

Мы не будем подробно останавливаться на датировке зеркала: уже в первой публикации рогозинских материалов по аналогии с зеркалами из Пазырыка-V и Мечет-Сая мы датировали его IV–III вв. до н.э., то есть второй половиной пазырыкского времени (Уманский А.П., 1992, с. 57–58). В последней работе, написанной с П.И. Шульгой, мы приходим к выводу о том, что зеркала-погремушки, появившись в VI–V вв. до н.э. бытовали до IV вв. до н.э. (Уманский А.П., Шульга П.И., 1999, с. 74–75). Подтверждением этой даты является находка ещё одного зеркала-погремушки П.И. Шульгой в кургане I курганного могильника Локоть-IV (Локтевский район Алтайского края) (Уманский А.П., Шульга П.И., 1999, с. 76).

В восточном происхождении зеркала из Рогозики едва ли может быть сомнение: изображение слона, характерная переднеазиатская (южноазиатская) манера изображения больших миндалевидных глаз, вид одежды со спускающимися от пояса длинными концами шарфа, цве-

ты и бутоны лотоса, тип головного «ярусного» убора и др. убедительно доказывают это. Вместе с тем, нельзя не отметить того, что безусловно индийский слон (большие, широкие уши и пр.) на рисунке имеет реальные маленькие бивни, которые не из черепа растут, а как бы приклеены к хоботу — либо мастер не знал натуры, либо сознательно таким образом подчеркивал, что имеет ввиду не реального, а священного слона; добавим к этому, что туловище и ноги слона неправдоподобно тонкие — может быть, изображён слон после мады (течки), во время которой они заметно худеют? Но скорее это **благый** слон (см. Ниже).

Из этого следует, что зеркало скорее всего сделано за пределами Индии. Однако мы убеждены, что сюжетную основу орнаментации рогозихинского зеркала надо искать в религиозной мифологии этой страны.

Прежде всего, по нашему мнению, мастер изобразил праздничное шествие, о чём говорит убранство слона и яркопёстрые одежды «женщин»: идёт нарядный слон, а перед ним — «музыкантша» и за ним, сзади — «танцовщицы». Торжественные шествия с участием слонов известны в Индии с глубокой древности. Одно из них — парад войск султана — описал знаменитый русский путешественник, тверской купец Афанасий Никитин. Сначала с султаном прошли 300 слонов «наряженных в доспехах булатных и з городки», в которых сидели по 12 воинов («на великих слонах») и по 6 (на простых). После султана шествовал «благый слон да за ним же благый слон, наряжен весь в камке» с железной цепью «во рте», ... «а перед ним певцы да плясцов много» (Никитин А., 1948, с. 63). «Благый» слон в переводе книги значит — «наряженный» (Там же, с. 84), на самом деле «благый» — это умеренный в пище, а потому нетолстый, поджарый (Мокшадхарма, 1961, с. 212). Возможно, как сказано выше, в нашем случае ноги и шея слона частично прикрыта булатными доспехами, а сам он «весь в камке», перед ним «музыкантша», за ним — плясуньи. Явно, что это не парад, а праздничное шествие.

На первый взгляд доминантой всей сцены является фигура слона. Однако радостно, с песнями и плясками приветствуют не собственно слона, а птицу, которую он везёт. Что же это за птица? Аф. Никитин пишет, что в Индии есть «птица гукук, летает ночи, а кличет «гукук». А на которой хоромине сидит, то тут человек умрёт, а кто ея хочет убить, ино у нея изо рта огонь выйдет» (Никитин А., 1948, с. 16).

Мы считаем, что птица гукук — это всем известная кукушка. Известно более 100 видов только азиатской кукушки, широко распространённой как в Азии, так и в Европе. Эти серенькие, невзрачные птички обратили на себя внимание людей тем, что около 50 видов из них гнёзд не строят, подкладывая яйца в чужие гнёзда, сами не кормят и не воспитывают птенцов. В народных поверьях индоевропейских племён и народностей кукушка считается вещей птицей: она якобы может своим криком «ку-ку» (она не относится к певчим птицам и способна лишь произносить единственный звук «ку-ку») предсказать, сколько лет осталось жить человеку. Не случайно в древней Индии кукушка наряду с ветрами, облаками, горами, реками, лебедями, к которым индусы обращались с различными вопросами и просьбами (Лал Л.Д., 1957, с. 451). У индо-европейских народов кукушка считается предвестником несчастья, горя, потому люди не любят её и опасаются её пророчеств. Внешний вид и окраска оперенья реальных обыкновенных кукушек идентичны расцветке её оперенья на рогозихинском зеркале.

Таким образом, в некоторой степени семантика изображения на зеркале может быть понята из реалий жизни индусов (празднества с участием слонов, поверья, связанные с почитанием кукушки).

Однако этого недостаточно: для более полного объяснения смысловой нагрузки сюжетной основы изображения необходимо привлечь эпос и в частности «Махабхарату».

Мы отнюдь не претендуем на решение поставленной проблемы на базе этого замечательного эпического произведения Индии: для этого необходим глубокий и всесторонний анализ содержания этого великого творения. Но нам хотелось бы обратить внимание на некоторые сюжеты «Махабхараты», на отдельных её героев и действующих лиц дабы привлечь к решению названной проблемы высококлассных специалистов по эпосу.

В религиозной мифологии индуизма наряду с описанием небесных сфер и небожителей определённое внимание уделяется подземному царству, где главенствует бог Яма. Вход в царство Ямы находится в дебрях тропического леса, где-то у подножия Гималаев, он имеет вид ямы или колодца, накрытого крышкой, на которой якобы стоит слон. В «Махабхарате» есть описание водоема (на это место в книге обратил внимание П. Метелёв, за что я ему благодарен), посредине ужасного леса, полного диких зверей, опутанного тенётами; скрытого рослыми жёсткими

травы колодца, внутри которого некто «дваждырожденный» заметил огромного сильного змея, «огромного слона он увидел на краю крышки колодца» (в индийском эпосе «змей» и «слон» однозначно обозначают время (Махабхарата, 1963).

Таким образом, возможно тыльный диск зеркала является эквивалентом крышки колодца Ямы: здесь мы видим слона, ветви пальм и др. растений, символизирующие заросли и др. Священный характер самого места вокруг колодца иллюстрируется 106 солярными знаками, расположенными по самому краю диска. О религиозно-мифологическом содержании всего сюжета свидетельствуют такие же значки под «лицами» «женщин», у хобота слона, у ног и на его крупе и др.

Нам представляется, что все действующие в этой сцене персонажи — и слон, и «женщины», и птица — это небожители, что сюжетом её является праздничная торжественная процессия, в центре которой находятся слон и птица. Именно их приветствуют музыкой и танцами «женщины» (вероятно, апсары — «райские красавицы, нередко по велению богов соблазнявшие отшельников, искусные плясуны») (иными словами гетеры — А.У.) (Хождение по криницам, 1962, с. 571; Мокшадхарма, 1961, с. 341). Сверху шествие осыпают цветами и бутонами лотоса. Кого же так приветствуют? Возможно, вещую птицу кукушку, везущую известие о смерти (владелицы зеркала?). Но, возможно, так встречают верховное божество — Индру, который перевоплотился в кукушку (Индра, кстати, обычно ездил на слоне). Но не менее вероятно, что в седле восседает Великая Мать, которая могла, по поверью кельтов, превращаться в кошку или в птицу. В таком случае в качестве Слона выступал сам Индра. Не это ли обстоятельство подчеркивается крупным солярным знаком на его задней ноге и ещё двумя знаками — между задних ног и под мордой? Видимо, не случайно и сравнительное обилие цветов лотоса, служившего украшением богинь, особенно Великой Матери.

Три «женских» полуфигуры, вероятно, божества подземного царства, напоминающие либо греческих парок-богинь судьбы, либо триаду богинь у племён Северной Европы римской эпохи и, по-видимому, олицетворяющими рождение (юность), жизнь (зрелость) и смерть (старость).

Конечно, наша гипотеза, видимо, достаточно далека от разгадки семантики рогозихинского сюжета: очевидно, разгадку его надо искать в дебрях индийской религии, мифологии, философии, эпоса, и это потребует усилий может быть не одного поколения специалистов разного профиля.

Заданный объём статьи вынуждает нас пока ограничиться сказанным выше, в надежде ещё вернуться к этой теме.

Я.В. Фролов

(г. Барнаул, Алтайский государственный университет)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ПАМЯТНИКОВ, ДАТИРУЕМЫХ VI–V ВВ. ДО Н.Э. В БАРНАУЛЬСКО-БИЙСКОМ ПРИОБЬЕ

Ya. V. Frolov

(Barnaul, Altai State University)

*Some problems in study of the VI–V centuries B.C. sites
in the Barnaul-Biisk near Ob region*

На сегодняшний день на территории Барнаульского Приобья известно несколько групп памятников датирующихся VI–V вв. до н.э.

Первая, это — поздние памятники большереченской культуры переходного времени, относящиеся к бийскому этапу (VI — начало V вв. до н.э. по М.Т. Абдулганееву): Ближние Елбаны-V, VII, XI, XV; Боровое-III; Енисейское-II; Бийск-Скотобойня; Ольгинка-I; Понтонный Мост и т.д. (Грязнов М.П., 1956, с. 85–92, рис. 16, табл. XXII–1–5; Абдулганеев М.Т., 1992; Абдулганеев М.Т., 1993, с. 51–56; Фролов Я.В., 1989, с. 69–70; Троицкая Т.Н., 1997, с. 143–144). Памятники бийского этапа представлены в основном поселенческими комплексами. Существует только одно потревоженное захоронение на поселении Костенкова Избушка, которое М.Т. Абдулганеев предположительно отнес к этому периоду (Абдулганеев М.Т., 1993, с. 51–52). На большинстве поселений прово-

дились только сборы подъёмного материала. Лишь на двух из них, где представлены чистые комплексы бийского типа (Енисейское-II, Кукушкин-Елбан), были проведены раскопки. Так же, на поселении Боровое-III был обнаружен комплекс этого времени связанный с литейным производством (Абдулганеев М.Т., 1993, с. 51–56; Абдулганеев М.Т., 1992, с. 93–98).

Керамика с памятников этого типа представлена в своей массе двумя типами сосудов: крупными плоскодонными, банками и небольшими круглодонными чашками. Наличие двух этих групп сосудов черта всего керамического комплекса большереченской культуры переходного времени. Отличия бийской посуды заключается в том, что если в материалах ближнеелбанского и мыльниковского типов преобладают слабопрофилированные сосуды горшковидных форм или банки с отогнутым наружу венчиком, то здесь представлены открытые или закрытые банки (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, с. 94, рис. 4–14). Также, особенностью керамики этого типа является скошенный вовнутрь или прямой край венчика сосуда. Орнамент на сосудах бийского типа представлен двойным рядом жемчужника с разделением в виде отпечатков уголка лопаточки. Другим распространенным мотивом являются горизонтальные линии, которые подчеркивают (ограничивают) ряд элементов декора и разделяют верхнюю часть сосуда на орнаментальные зоны. Из других элементов орнамента следует отметить сеточки и ряды наклонных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 2.–1–6, 11–13). Из инвентаря, прежде всего, обращают на себя внимание наконечники стрел с поселения Боровое-III и бронзовый нож (рис. 2.–7–10) (Абдулганеев М.Т., 1993, с. 51–56, рис. 2.–3; Абдулганеев М.Т., 1992, с. 93–98, рис. 2.–3; Фролов Я.В., 1989, с. 69–70).

Вторая группа — памятники староалейской культуры: Малый Гоньбинский Кордон-I, могильники 1,2,4 (далее МГК-I, мог. 1,2,4); Фирсово-XIV (Ф.-XIV); Обские Плёсы-II (ОП-II); Староалейка-II (Ст.-II) (весь комплекс); Ближние Елбаны-VII (БЕ-VII); Клепиково-I и т.д. В данной работе не учитываются поселения, так как по их материалам довольно трудно дать узкую дату (Грязнов М.П., 1956, с. 57–64; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1994, с. 52–55; Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1995, с. 96–97, 99; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996; Фролов Я.В., 1996; Шамшин А.Б., Фролов Я.В., 1994; Фролов Я.В., 1995; Кунгуров А.Л., 1998).

Подавляющее большинство могильников этой культуры датируется в пределах VI–V вв. до н.э. Все эти памятники образуют довольно компактную группу. Они расположены узкой цепочкой вдоль реки Оби на протяжении 150 км, которая начинается несколько севернее г. Барнаула (МГК-I, мог. 1–3) и заканчиваясь севернее г. Бийска (Клепиково-I) (Кунгуров А.Л., 1998; Фролов Я.В., 1996). Максимальное расстояние между двумя пунктами в среднем составляет около 20 км. Почти все эти некрополи, кроме мог. Ст.-II, находятся на правом берегу реки Оби, на границе ее поймы и Приобского бора. Все вышеперечисленные памятники являются грунтовыми могильниками с довольно однородным погребальным обрядом. Захоронения на могильном поле располагаются рядами, ориентированными по линиям ЮЗ–СВ и СЗ–ЮВ. В неглубоких (до 1,5 м глубиной) могилах умершие уложены вытянуто на спине головой на ЮЗ. Деревянные конструкции в погребениях представлены в основном обкладками — рамами из поставленных на ребро досок и перекрытием из одного продольного или двух — поперечного и продольного рядов досок. Очень редко встречается бревенчатый накат из одного–двух рядов бревен. Подавляющее большинство могил одиночные. В редких случаях обнаружены парные захоронения женщины и ребенка. Как в мужских, так и в женских погребениях обычной находкой являются керамические сосуды. Обычно это закрытая банка или широкая чашка с уплощенным или круглым дном, украшенная одним рядом жемчужника, реже это кувшиновидный сосуд (рис. 1.–1–3). Обращает на себя внимание отсутствие костей животных в погребениях. Они присутствуют в двух–трех захоронениях на могильнике. И в мужских и в женских погребениях встречаются бронзовые ножи. Железные обнаружены в редких случаях (рис. 1.–5,6). Распространенной находкой являются бронзовые бляхи, которые обнаружены как в поясных наборах, так и отдельно как украшения одежды (рис. 1.–4,5,6,23,27). Для мужских погребений характерно наличие вооружения: наконечников стрел, составляющих колчаные наборы; бронзовых кельтов с лобным ушком; бронзовых и железных кинжалов. В одном случае обнаружен проушной топор-клевец (рис. 1.–17–22). Для женских захоронений обязательным атрибутом является керамическое пряслице с характерным орнаментом из заштрихованных треугольников или трапеций (рис. 1.–25,26). Наиболее типичные украшения встречены в

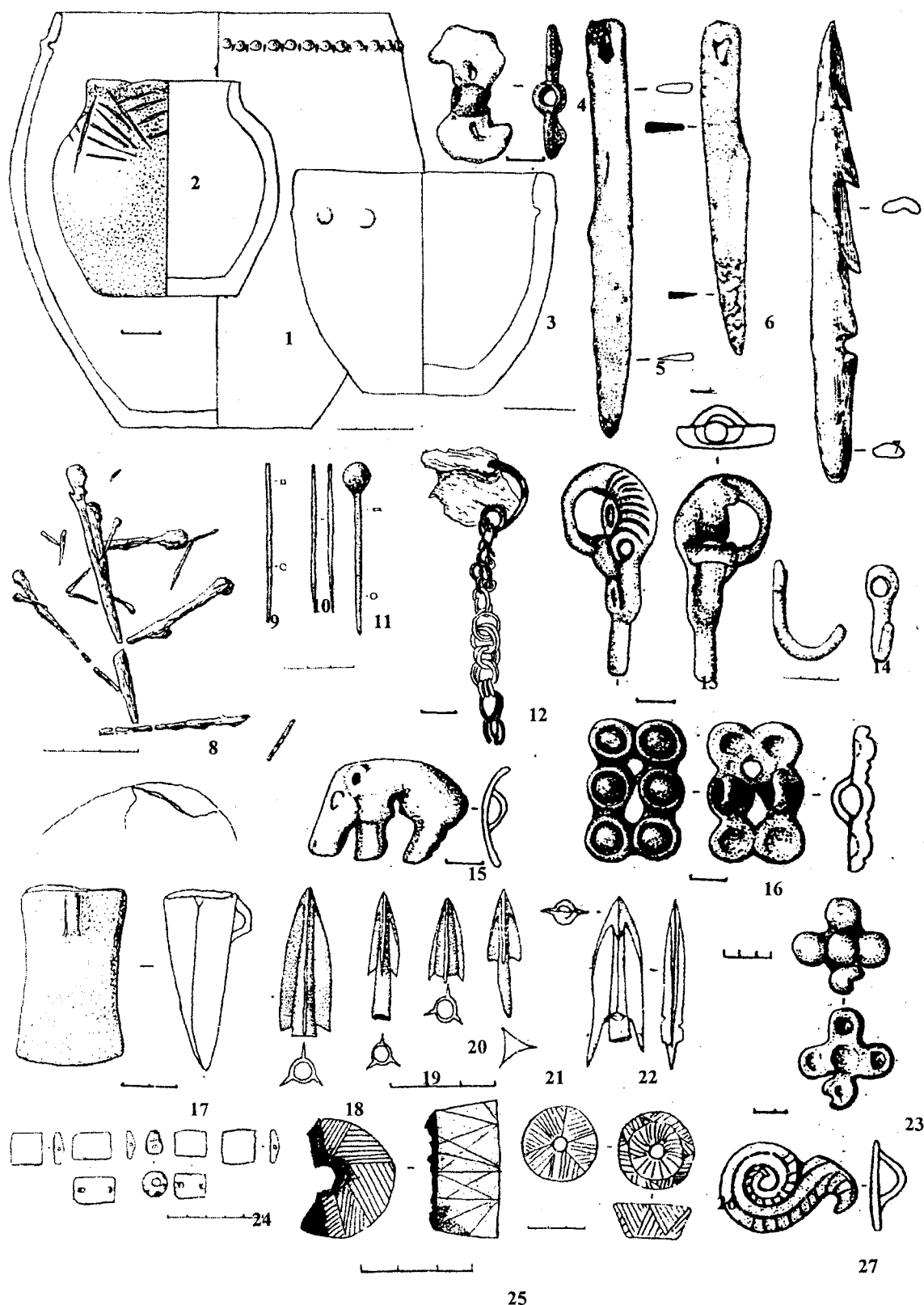

Рис. 1. Могильники староалейской культуры: 1, 8 — Староалейка-II, м. 10; 2, 4, 9-11 — Фирсово-XIV, м. 56; 3 — Фирсово-XIV, м. 24; 5 — Фирсово-XIV, м. 26; 6 — Фирсово-XIV, м. 23; 7 — Фирсово-XIV, м. 30; 12, 14, 26 — Староалейка-II, м. 36; 13, 16 — Обские Плесь-II, м. 30; 15, 27 — Обские Плесь-II, м. 1; 17 — Староалейка-II, м. 48; 18-21 — Клепиково-I; 22 — Обские Плесь II, м. 32; 23 — Обские Плесь-II, м. 17; 24 — Староалейка-II, м. 9; 25 — пос. Фирсово-X. 1-3, 25, 26 — керамика; 7 — кость; 8 — железо; 12 — бронза, золото, кожа; 24 — камень, стекло; остальное — бронза.

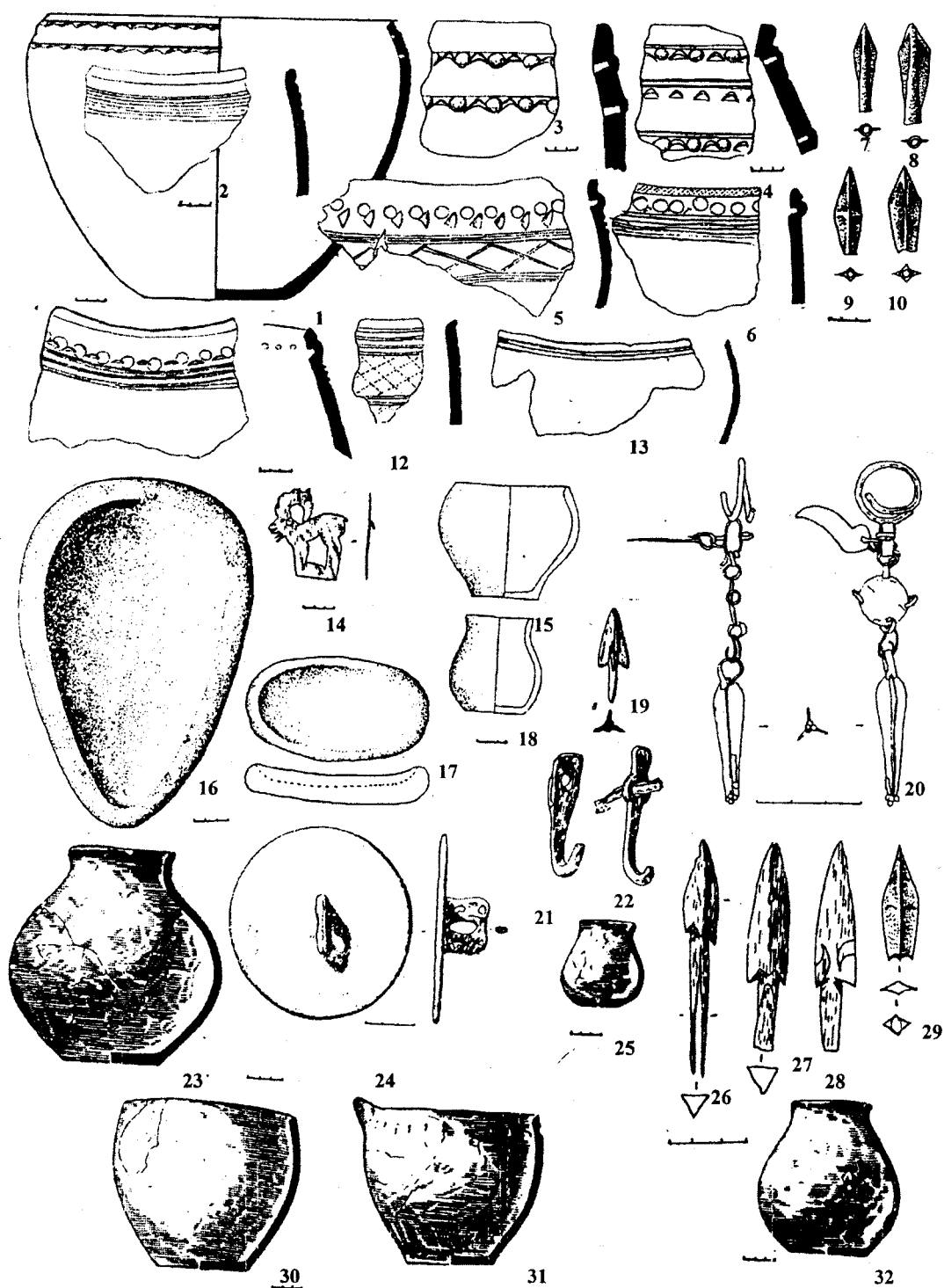

Рис. 2. Поселения бийского типа: 1 — Понтонный Мост; 3,4 — Бийск-Скотобойня; 2,5,6,11-13 — Мыльниково-1; 7-10 — Боровое-III. Могильники каменной культуры: 14,16 — Шелаболиха-III; 15,17 — Кучук-I, к. 1, м. 3; 18 — Кучук-I, к. 3; 20 — Елупинский курганный могильник-II, к. 1; 26-28 — Кучук-I, к. 4; 29 — Кучук-I, к. 2; 19,21-23,25, 30-32 — Ордынское-I (по Завитухиной М.П., 1968); 24 — Новотроицкое-I, к. 15, м. 1 (по Могильникову В.А., 1997). 7-10,19,21,22, 24,29 — бронза; 14,20 — золото; 16,17 — камень; 26-29 — кость; остальное — керамика.

женских могилах, это: ожерелья из пастовых бус, нефритовых прямоугольных бусин пронизей, серьги с подвеской в виде цепочки, остатки высоких причесок, представленные скоплениями бронзовых и железных заколок (рис. 1.–8–11). Встречаются петельчатые зеркала.

И третья группа памятников VI–V вв. до н.э. — ранние могильники каменной культуры: Кучук-I; Елунинский курганный могильник-II (далее ЕКМ-II); Шелаболиха-I; Новоалтайский могильник; Рогозиха-I к. 2,4,5 возможно и ряд погребений на могильниках Новотроицкое-I,II (Н-тр-I,II) и Новый Шарап-I. К ним близки и могильники VI–V вв. до н.э. из Новосибирского Приобья, такие как: Ордынское-I; Новый Шарап-I (далее НШ-I) (Уманский А.П., 1992; 1997; Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Лузин С.Ю., Неверов С.В., 1998; Шамшин А.Б., 1998; Могильников В.А., 1997; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994; Завитухина М.П., 1968; Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998). Определенное сходство обнаруживают и некоторые памятники из Кулунды: Ключи-III, Нижний Кучук-I (Телегин А.Н., 1996; 1997; Шамшин А.Б., Язовская А.Н., 1998). Каменные поселения нами, также, здесь не учитываются, так как датируются в широких пределах. В основном некрополи этого типа находятся на левобережье р. Оби, кроме мог. Новотроицкое-I,II и Новоалтайского могильника. Памятники этой группы расположены в остепненных районах Приобья или на границе степей и приобских сосновых боров. Над всеми ранними захоронениями этой культуры прослежены курганные насыпи. Выделяется два типа могильников — состоящие из крупных курганов диаметром 20 и более метров (Кучук-I, ЕКМ-II) и небольших курганов в среднем 10–15 м в диаметре (Ордынское-I, НШ-I, Н-тр-I,II). Погребальный обряд каменных памятников варьирует в гораздо большей степени, чем в староалейских могильниках. Под насыпью кургана размещено обычно одно, реже два погребения. Круговое расположение могил вокруг центральной появляется несколько позднее в IV в. до н.э., а, возможно и в конце V в. до н.э. (мог. Шелаболиха-I). Большинство погребений одиночные. Реже встречаются парные могилы. Есть и коллективные захоронения по три–четыре человека. Их основная масса концентрируется на могильнике Новотроицкое-I. Одно погребение такого типа найдено на могильнике Ордынское-I к. 4 м. 2 (Завитухина М.П., 1968, рис. 2.–7). Умершие в могилах уложены вытянуто на спине головой на З, ЮЗ, ЮВ. Деревянные конструкции в погребениях представлены многослойными перекрытиями, состоящими из нескольких продольных рядов бревен и обычно одного нижнего, поперечного из досок или горбылей. Они опирались на сруб или заплечики по краям могилы. Также как и в староалейских памятниках наиболее частой находкой в захоронениях является керамика. Здесь преобладают кувшиновидные сосуды (рис. 2.–18,23,25,32). Реже встречены открытые банки, украшенные рядом ямочных вдавлений или насечек (рис. 2.–15,30,31). Обязательным атрибутом в погребениях являются кости животных. В редких мужских могилах частой находкой являются предметы вооружения. Это — костяные наконечники стрел, железные кинжалы, железные и бронзовый чекан, колчаные крюки (рис. 2.–19,21,22,26–29). Кроме того, в ряде погребений встречены предметы конской упряжи, чего нет в староалейских памятниках. В женских захоронениях представлены керамические пряслица без орнамента, ожерелья из пастовых или стеклянных бус, бронзовые восьмерковидные серьги, одна–две бронзовые или железные заколки, каменные курильницы, бронзовые зеркала с длинной ручкой, петельчатое зеркало (рис. 2.–24) (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1993, с. 13–16; Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998, с. 124–125; Шамшин А.Б., Лузин С.Ю., Неверов С.В., Изоткин С.Л., 1998, с. 48–55).

На наш взгляд, наличие на такой небольшой территории как Барнаульско-Бийское Приобье столь разнородных памятников в один хронологический период отражает довольно сложную картину этнических процессов, протекавших здесь в VI–V вв. до н.э. — время коренной смены культурного развития региона. Здесь возникают сложности при соотнесении этих групп памятников между собой и, прежде всего при реконструкции взаимоотношений различных групп населения, оставившего эти памятники.

Первая проблема — это определение места памятников бийского типа в процессе культурного развития региона. В последнее время в большереченской культуре переходного времени исследователями вычленяется несколько хронологических периодов. Так А.Б. Шамшин выделяет мыльниковский (VIII–VII вв. до н.э.) и ближнеелбанский (VII–VI вв. до н.э.) этапы (Шамшин А.Б., 1989). М.Т. Абдулганеев памятники бийского типа рассматривает как заключительный этап большереченской культуры и датирует его VI — началом V вв. до н.э. (Абдулганеев М.Т., 1993, с. 52,56). Это деление, в основном, сделано на основе типологического анализа орнаментации и форм керамики. Здесь хотелось обратить внимание на тот факт, что

орнамент на сосудах, обнаруженных почти на всех поселениях большереченской культуры переходного времени имеет те или иные особенности. Так, например, отличительной чертой декоративного оформления посуды на поселении Мыльниково является преобладание резной техники в нанесении орнамента и более богатая орнаментальная схема, а на пос. Ближние Елбаны-I — это наличие налепных валиков и довольно высокий процент сосудов украшенных гребенчатым штампом и т.д. (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, с. 94, рис. 4.–14). Кроме того, выделяются локальные группы памятников со сходной орнаментацией, в частности, бийская группа. Наиболее характерная черта керамики поселений большереченской культуры в районе г. Бийска — жемчужник с разделениями в виде отпечатков уголка лопаточки (рис. 2.–1,3–6,11). Что прослеживается по материалам как ранних поселений (Пикет, Солонцы-III, Усть-Иша-II), так и более поздних (Понтонный мост, Бийск скотобойня и т.д.) (Абдулганеев М.Т., 1997, рис. III,IV; Абдулганеев М.Т., 1993, с. 52,54). Поэтому, на наш взгляд, различия между поселениями большереченской культуры следует рассматривать не только в диахронном, но и в синхронном плане.

Кроме того, с удревлением даты появления памятников староалейского типа до VI в. до н.э. не остается места для бийского этапа. М.Т. Абдулганеев выдвинул гипотезу о том, в результате постепенного проникновения на территорию Барнаульско-Бийского Приобья пришельцев с запада (носителей традиций культур сакского круга) часть населения большереченской культуры была вытеснена в южные районы Приобья и предгорья Алтая, где и проживало в течение одного–двух веков. В целом, не отрицая данной версии, хотелось бы обратить внимание на следующие моменты. Так, во-первых, в предгорьях Алтая так же существует ряд памятников быстринской культуры датирующихся VI–V вв. до н.э. и могильник Точиленский Елбан-I, имеющий сходные черты с памятниками староалейской культуры и группой могильников VI–V вв. до н.э. на Средней Катунь (Кайнду, Карбан-II, Верх-Еланда, Усть-Эдиган) (Киреев С.М., 1992, с. 46–47; Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990). Во-вторых, отдельные находки керамики «бийского облика» известны и в районе Новосибирского Приобья и около г. Барнаула (рис. 2.–5,6,11–13) (Троицкая Т.Н., 1997, с. 143–144, Абдулганеев М.Т., 1993, рис. 1). И сейчас не совсем ясно, если исходить из гипотезы М.Т. Абдулганеева, как эта керамика могла оказаться в районах уже занятых новым населением в VI–V вв. до н.э. Кроме того, пока нет надежно датированных памятников бийского типа. Единственным памятником, где обнаружены датирующие вещи (бронзовые, двухлопастные наконечники стрел) является пос. Боровое-III (рис. 2.–7–10). И как отмечает сам автор публикации они датируются не позднее VIII–VI вв. до н.э. (Абдулганеев М.Т., 1993, с. 52, рис. 3.–1–20).

На наш взгляд, памятники бийского типа относятся к заключительной стадии большереченской культуры переходного времени. Но в них, во многом, отражается и локальное своеобразие Бийского и Предгорного районов Верхнего Приобья. Находки сосудов бийского типа в районе г. Барнаула, Новосибирском Приобье на таких крупных поселениях как Мыльниково-I, Ближние Елбаны-I (основной комплекс керамики на которых, относится к мыльниковскому и ближнеелбанскому типам), возможно, свидетельствуют о каких либо внутренних контактах между населением большереченской культуры переходного времени. Верхнюю границу памятников бийского облика, на наш взгляд, следует относить к более раннему времени — VII–VI вв. до н.э. на что уже обращала внимание Т.Н. Троицкая (1997, с. 143).

Следующая проблема связана с происхождением культур скифского типа (каменской и староалейской) в верхнем Приобье. Большинство исследователей считают, что эти культурные группы сформировались на основе населения, эпохи переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку при участии саков Приаралья, Центрального и Восточного Казахстана. Различаются только оценки степени участия в сложении культуры местного и пришлого компонентов (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 74–77,106; Могильников В.А., 1997, с. 16,104–104,108–109; Абдулганеев М.Т., 1993, с. 52, 56; Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1995, 96–97,99).

По устоявшемуся мнению в формировании староалейской культуры преобладающая роль отводится большереченскому населению переходного времени от поздней бронзы к раннему железу, на культуру которого влияли пришельцы из районов Казахстана, носители традиций скифского мира. (Могильников В.А., 1997, с. 108–109; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, с. 133; Абдулганеев М.Т., 1993, с. 52, 56).

Здесь хотелось бы отметить ряд сложностей, возникающих при подобном рассмотрении истоков староалейской культуры. Так, прослеживается лишь слабая преемственность в погребаль-

ном обряде и керамике большереченской и староалейской культур. В большинстве случаев, отмечаются такие сходные черты как: наличие грунтовых могильников (довольно универсальная деталь погребального обряда) и близость орнаментации керамики — это, прежде всего один ряд жемчужника, проходящий по краю венчика (рис. 1.—1,2). Но хотя по сравнению с другими культурами (прежде всего каменской) некоторая преемственность все же прослеживаются, в целом керамика староалейской культуры имеет несколько другие формы. Это закрытые с уплощенным дном или плоскодонные банки, крупные круглодонные, так же закрытые чашки, кувшиновидные сосуды (рис. 1.—1–3). Кроме того, жемчужник это распространенная орнаментальная деталь, характерная для широкого круга памятников VIII–V вв. до н.э. Западной Сибири и, прежде всего для культур южно-таежной зоны (кижировской, богочановской, раннего этапа кулайской культуры и т.д.), поселенческих комплексов Горного Алтая (Плетнева Л.М., 1977, рис. 5,6, 8,10,11,15, 17,18; Чиндина Л.А., 1984, рис. 39,40,41; Данченко Е.М., 1996, рис. 18,19,31,33,35; Шульга П.И., 1990; 1996). Так же, нам пока неизвестно каких-либо памятников отражающих переходные (смешанные) черты большереченской и староалейской культур. И даже, наоборот, по материалам могильников наблюдается довольно значительное изменение погребальных традиций. Здесь можно привести такой пример. В 500 м от могильника староалейской культуры Обские Плесы-II (VI–V вв. до н.э.) расположен Бобровский грунтовый могильник, относящийся к большереченской культуре переходного времени (VIII–VII вв. до н.э.). Погребения этого памятника перекрыты слоем староалейского поселения Обские плесы I, нижнюю дату которого можно определить по бронзовому наконечнику стрелы VI–V вв. до н.э. (Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М., 1996). Если предположить, что староалейцы это потомки большереченцев, то становится непонятным почему они через небольшой промежуток времени забывают свое старое кладбище и располагают здесь поселение.

На наш взгляд, процесс сложения культур скифского времени в Верхнем Приобье был несколько сложнее чем, предлагаемые сейчас реконструкции. По-видимому, какая-то часть большереченского населения действительно участвовала в, формировании староалейской культуры, но доля мигрантов так же была довольно весомой.

Привнесенные элементы в староалейской культуре обнаруживают большое сходство с материалами памятников VI–V вв. до н.э. Казахстана и, прежде всего саков Приаралья (Вишневская О.А., 1973; Яблонский Л.Т., 1996; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997). Но, следует отметить, что ряд сходных предметов, как в лесостепном Алтае, так и в памятниках Приаралья появляются в одно и тоже время в VI–V вв. до н.э. Например, это такие изделия как золотые бляшки с изображениями стоящих львят, длинные железные мечи и т.д. (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с. 70–71). Вполне возможно, что на население, оставившее памятники староалейской культуры, влияли не только сакские племена Казахстана, но и ряд других групп кочевников — носителей традиций скифского мира. Так, наиболее близки к памятникам староалейской культуры материалы группы могильников на Средней Катунь, датирующихся VI–V вв. до н.э. (мог. Кайнду, Верх-Еланда, Карбан-II, Кумуртук, Усть-Эдиган и т.д.). Здесь представлен сходный инвентарь (керамика, украшения, предметы вооружения). Некоторую общность можно проследить и в погребальном обряде. Это одиночные захоронения, где умерший уложен вытянуто на спине. В могилах имеются деревянные конструкции сходные со староалейскими и т.д. (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Киселев С.В., 1949, табл. XXX.—1–11). Определенную близость обнаруживает и инвентарь могильников Тувы и Ордоса это наборные пояса из бронзовых бабочковидных блях, некоторые другие предметы выполненные в зверином стиле и т.д. (Грач А.Д., 1980; Полторацкая В.Н., 1966; Мандельштам А.М., 1983; Семёнов В.А., 1994; So J.F., Bunker E.C., 1995; Bunker E.C., 1997; Hollman T.O., Kossak G.W., Jettmar K., Kovalev A. u.a., 1992).

Возможно, в сложении староалейской культуры приняли участие и какие-то группы северного, южно-таежного населения. Определенное сходство наблюдается в керамике кижировской культуры в материалах Степановского клада и ряда случайных находок происходящих из районов Томского Приобья. На это уже обращал внимание В.А. Могильников (Могильников В.А., 1997, с. 127–128). Похожий инвентарь и обряд захоронения обнаружен в Усть-Шилкинском могильнике (подтаежная зона Среднего Енисея) (Мандрыка П.В., 1998). Бронзовое литье близких форм найдено в памятниках новочекинского типа и эпаньской культуры (Полосьмак Н.В., 1987, рис. 60.–2,3,5; рис. 71.–5; рис. 76.–2; Привалихин В.И., 1993).

Таким образом, наряду с западными районами контактов культур Верхнего Приобья VI–V вв. до н.э., с выявлением новых памятников этого времени в Горном Алтае, Туве, Ордосе и южно-таежных районах Западной Сибири, мы можем более конкретно говорить о южных, юго-восточных и северных регионах, где прослеживаются некоторые культурные связи с населением лесостепного Алтая.

Довольно значительные разногласия сейчас существуют в вопросах происхождения каменной (большереченской по Т.Н. Троицкой) культуры. Так Т.Н. Троицкая и А.П. Бородовский считают, что она сложилась на местной основе (памятники переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку) при незначительном участии пришлого населения из районов Казахстана (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1993, с. 104). В.А. Могильников говорит о проникновении саков в Кулунду и Верхнее Приобье в VI–V вв. до н.э. и о смешении их здесь с местным больше-реченским субстратом, что и привело, по его мнению, к оформлению нового этноса, новой культуры (Могильников В.А., 1997, с. 103–104). Как отмечалось выше, если уже в материалах старолейской культуры прослеживается лишь отдаленное сходство с предшествующим временем, то в каменных памятниках местных традиций выявить почти не удастся. И погребальный обряд (подкурганное захоронение; положение костяка вытянуто на спине; юго-восточная, северо-западная, западная ориентация умерших в могиле), и керамика совершенно иных типов, говорят скорее о том, что каменное население в своей основе, скорее всего, было *пришлым*. И если оно и включало в свой состав местный компонент, то он оказал лишь минимальное воздействие на сложение культуры. Возможно, районы формирования каменной культуры следует искать на западе, в Центральном, Восточном Казахстане и юго-западных районах лесостепного Алтая. Так, керамика памятников конца эпохи поздней бронзы из этих регионов имеет довольно существенное сходство с каменскими материалами. Это баночные сосуды украшенные рядом ямочных вдавлений, наколов, одним или двумя рядами елочки и т.д. (Хабдулина М.К., 1994, табл. 65, 68–72; Арсланова Ф.Х., 1976, рис. 1, табл. III–8).

О сложном составе населения на территории Лесостепного Алтая говорит наличие двух типов могильников VI–V вв. до н.э. каменной культуры, состоящих из небольших курганов (менее 20 м в диаметре) и некрополей, имеющих насыпи крупных размеров (20–40 м в диаметре). Могильники первой группы тяготеют к степным районам, граничащим с лесными массивами приобских боров (Ордынское-I; Новый Шарап-I; Почта-III; возможно, ряд погребений на мог. Новотроицкое-I;II; Новоалтайский могильник). В инвентаре этих памятников прослеживаются некоторые черты южно-таежных культур, например, чеканы с обушком, на котором изображены стоящие друг над другом медведи, бляха из мог. Поста-III в виде стоящего медведя и т.д. О влиянии северных племен говорит и довольно значительная примесь низколицых таежных монголоидов обнаруженная по материалам могильника Новый Шарап-II (Дрёмов В.А., 1970, 1973). Могильники этого типа датируются несколько позднее, чем группа крупных курганов, V–IV вв. до н.э. и возможно отражают процессы смешения двух культурных компонентов пришлого и местного.

Памятники второго типа расположены в степных районах левобережья реки Оби и Кулунды (мог. Шелоболиха-I, Кучук-I, ЕКМ-II и т.д.). Следует еще раз отметить, что все раскопанные могильники этой группы состоят из очень крупных курганов. Создание погребальных сооружений таких размеров требовало больших трудозатрат. Не для каждого рядового члена общества можно было возвести подобный курган. Обращают на себя внимание локальные особенности в расположении могильников этих двух типов. Практически все рядовые погребения этого времени сосредоточены на правобережье или в лесных районах левобережья р. Оби, (Ордынское-I, Новый Шарап-I, Почта-III). Возможно, мы пока не нашли рядовые захоронения VI–V вв. до н.э. в степных районах левобережья, но также можно предположить, что вышеописанные крупные курганы оставлены какой-то обособленной этнической группировкой, господствовавшей над территорией лесостепного Алтая в VI–V вв. до н.э. и подчинившей остальное население. Эта группа может в этнокультурном плане сильно отличаться от рядовых членов общества. Подобные случаи известны для более позднего времени, например, кыргызы в Хакасии (Кызласов Л.Р., 1984, с. 52–53). Близкая картина наблюдается в скифское время в Горном Алтае, в саргатской культуре и ряде других районов скифского мира, где захоронения знати довольно сильно отличается от погребений рядового населения.

Возможно, наличие в Верхнем Приобье в VI–V вв. до н.э. нескольких групп разнородных памятников отражает довольно сложные этнокультурные процессы интеграции различных этнических образований в одно целое. К IV–III вв. до н.э. по археологическим материалам прослеживается нивелировка большинства черт культуры населения Верхнего Приобья. Возможно, это связано с новым притоком мигрантов в этот регион. Именно к этому времени относится большинство могильников каменной культуры. По всей видимости, население оставившее эти памятники ассимилировало другие этнические образования. Особенно ярко это проявляется в материалах староалейской культуры, которая к IV–III вв. до н.э. во многом утрачивает свои самобытные черты. Не исключено, что, начиная с IV–III вв. до н.э. или с III–II вв. до н.э. все памятники в Барнаульском Приобье можно рассматривать в рамках одной каменной культуры. Хотя некоторое своеобразие могильников на правобережье Оби сохраняется, это грунтовые погребения, некоторые типы керамики. В литературе они получили название позднестароалейских. (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, с. 133–134).

С выявлением новых памятников VI–V вв. до н.э. в Верхнем Приобье, в других регионах Сибири и Центральной Азии появляется возможность более детально рассматривать некоторые этнические процессы протекавшие здесь в этот период. Дальнейшее расширение круга источников и прежде всего привлечение антропологических материалов позволят археологам реконструировать на более обоснованном уровне картину формирования и развития культур скифского времени в Верхнем Приобье.

Я.В. Фролов, А.Б. Шамшин

(г. Барнаул, Алтайский государственный университет)

МОГИЛЬНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ФИРСОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА (ФИРСОВО-III, XI, XIV)

Ya. V. Frolov, A. B. Shamshin

(Barnaul, Altai State University)

The cemeteries of early iron age from the Firsovo archaeologic microdistrict

Фирсовский археологический микрорайон представляет собой группу памятников, концентрирующуюся на правом, коренном берегу реки Оби. Сейчас здесь насчитывается более 30 археологических памятников. Они тянутся вдоль края первой, современной надпойменной террасы реки от г. Новоалтайска до с. Бобровка. Внутри микрорайона выделяется несколько компактных «кустов» могильников и поселений, один из которых локализуется в районе выхода р. Лосихи в Обскую пойму. Здесь в середине восьмидесятых — девяностых годы под руководством А.Б. Шамшина были начаты широкомасштабные раскопки (Шамшин А.Б., 1993; 1997). Среди этой группы памятников выделяются несколько грунтовых могильников, на которых обнаружены комплексы, относящиеся к раннему железному веку. Это: мог. Фирсово-III, XI, XIV (Шамшин А.Б., Фролов Я.В., 1994; Шамшин А.Б., Фролов Я.В., 1994а; Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1997).

Наиболее крупные работы были проведены на грунтовом могильнике Фирсово-XIV. Все обнаруженные погребения раннего железного века на этом памятнике, по-видимому, представляют собой единый комплекс. Здесь было раскопано 109 могил, которые относятся к староалейской культуре. Это самый крупный могильник из памятников этого типа. Некрополь расположен на небольшом мысовидном выступе коренного берега р. Оби и занимает площадь около 5000 кв.м. Погребения на могильнике размещены параллельными рядами, ориентированными по линии ЮЗ–СВ, образуя своеобразную планировочную сетку могильного поля. Расстояние между могилами в ряду 3–4 м, между рядами 3–6 м. Расположение некоторых погребений выбивается из общей схемы. В двух случаях захоронения перекрывают одно другое. На площади могильника также было зафиксировано несколько скоплений различных ям, относящихся к этому времени. Вероятно, они представляют собой какие-то поминальные ком-

плексы. Все погребения на могильнике являются грунтовыми. Каких-либо насыпей над захоронениями не зафиксировано. По-видимому, их не было и в древности. Об этом говорит наличие четких рядов погребений и небольшое расстояние между могилами (3–4 м), то есть насыпь не должна была бы превышать четырех метров в диаметре, а таких курганов этого времени нам в лесостепном Алтае неизвестно. В одном случае вокруг погребения был прослежен ровик с разрывами с юго-запада и северо-востока. Зачастую наличие ровика связывают с курганной насыпью. Здесь следует отметить, что и на грунтовых могильниках фиксируются круговые ровики вокруг захоронений (Кульчар В., 1997).

Глубина погребений на могильнике небольшая. Она варьирует в пределах 0,25–1,2 м, в среднем 0,8 м. Умершие уложены в обычных грунтовых ямах с вертикальными стенками без уступов. Размеры погребений взрослых людей: длина от 1,6 до 2,3 м; ширина от 0,6 до 0,9 м. Деревянные конструкции в захоронениях представлены рамами из поставленных на ребро досок (25 могил). На нее опиралось перекрытие, состоящее обычно из одного ряда плашек, уложенных вдоль или поперек могилы (16 и 11 могил). В пяти захоронениях зафиксированы два слоя дощатого перекрытия: поперечный и продольный. Продольный ряд из тонких бревен или жердей встречен в четырех могилах. Во многих погребениях деревянные сооружения вообще не сохранились, но вполне вероятно, что они существовали. В заполнении ряда захоронений встречен древесный тлен, мелкие кусочки дерева. Лишь в шести могилах зафиксированы следы огня. Обычно костер разводился на перекрытии. Подавляющее большинство погребений на могильнике одиночные. Раскопано только три парных захоронения (одно — женщины и ребенка, и два — мужчины и женщины). В двух случаях обнаружено три погребенных в могиле (женщина и два ребенка и три взрослых человека). Все умершие уложены вытянуто на спине. Наблюдаются только некоторые отличия в положении ног. В шести могилах ноги костяка были подогнуты. Колени первоначально находились в вертикальном положении, но затем они упали или в одну или в разные стороны (поза всадника). Ориентация умерших в могилах также довольно стабильна. Погребенного обычно укладывали головой на юго-запад. В семи случаях зафиксирована западная ориентация, в двух южная, в четырех северо-западная, в трех северная и в одном северо-восточная. Двадцать семь погребений ограблено в древности. Лишь в пяти могилах присутствовали кости животных. Если в трех случаях это кости барана, которые размещены в головах костяка, то в двух других это скопления челюстей к.р.с. Как в мужских, так и в женских погребениях встречены сосуды, стоящие или в ногах или в головах умершего (36 могил). Четыре сосуда обнаружены попарно. В двух случаях они находились друг в друге. И у женщин и у мужчин в могилах найдены ножи (двенадцать бронзовых и три железных). В мужских захоронениях характерной находкой являются предметы вооружения. Наиболее часто встречаются костяные наконечники стрел, обычно они составляют колчаный набор. К поясу колчан крепился с помощью колчанного крюка (6 могил). Из других предметов вооружения следует отметить бронзовые кельт с лобным ушком и проушной топор. В женских погребениях нередко встречаются пряслица с орнаментом в виде резных линий, которые часто образуют заштрихованные треугольники неправильной формы. Широко представлены и украшения: бронзовые и железные шпильки (18 захоронений), которые иногда выявляются в виде скопления около черепа — остатки высокой прически (4 могилы); бронзовые серьги, из которых выделяются изделия с подвеской в виде цепочки (4 погребения); бусы различных типов (из бронзы, кости, камня, стекловидной пасты), в двух погребениях обнаружены нефритовые бусины прямоугольной формы. Из предметов культа в редких случаях в женских погребениях представлены каменные подовальные курительницы и одно зеркало с центральной ручкой на четырех ножках. Из других изделий следует отметить поясные наборы из бронзовых блях, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле и отдельные находки бронзовых бабочковидных блях. Интересны и находки в некоторых погребениях астрагалов барана (8 могил). Часто они имеют отверстие по центру. В детских погребениях обнаружены обычно скопления этих предметов, а в захоронениях взрослых встречены только единичные экземпляры.

В целом могильник Фирсово-XIV представляет классический образец погребальной обрядности староалейской культуры (Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1994; Фролов Я.В., 1996). Ближайшие аналогии нам дают могильники: Обские Плесы-II; Староалейка II; Малый Гоньбинский Кордон-I мог. 1,2,4, которые датируются в пределах VI–V вв. до н.э. (Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1995, с. 96–97,99; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л.,

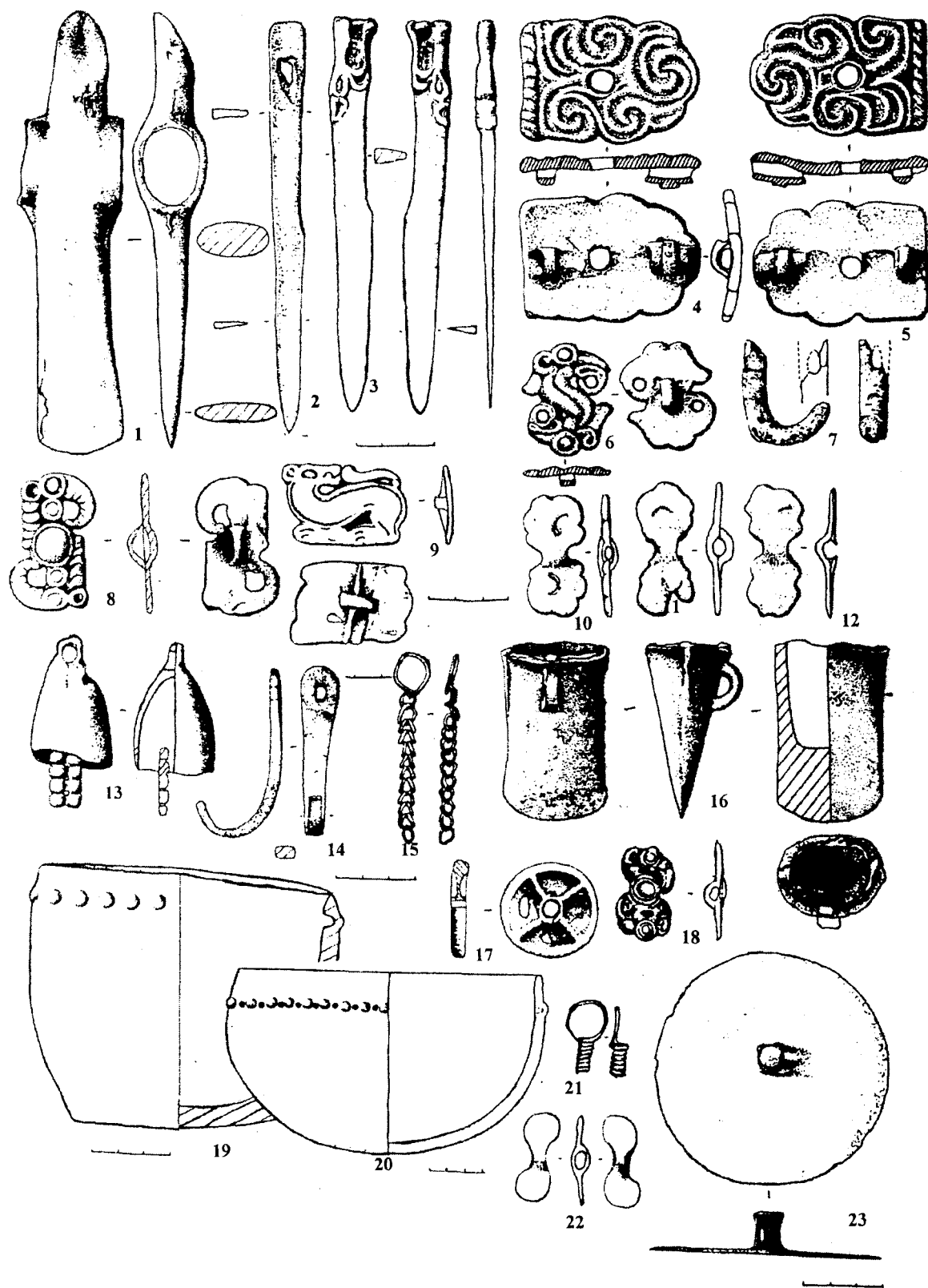

Рис. 1. Инвентарь могильника Фирсово-XIV. 1 — мог. 319; 2, 20 — мог. 46; 3 — мог. 296; 4-7, 10-12 — мог. 184; 8, 13, 17, 22 — мог. 307; 9 — мог. 262; 14, 16 — мог. 276; 15 — мог. 60; 18 — мог. 205; 19 — мог. 833; 21 — мог. 223; 23 — мог. 58. 1-6, 8-18, 21-23 — бронза; 7 — кость; 19, 20 — глина.

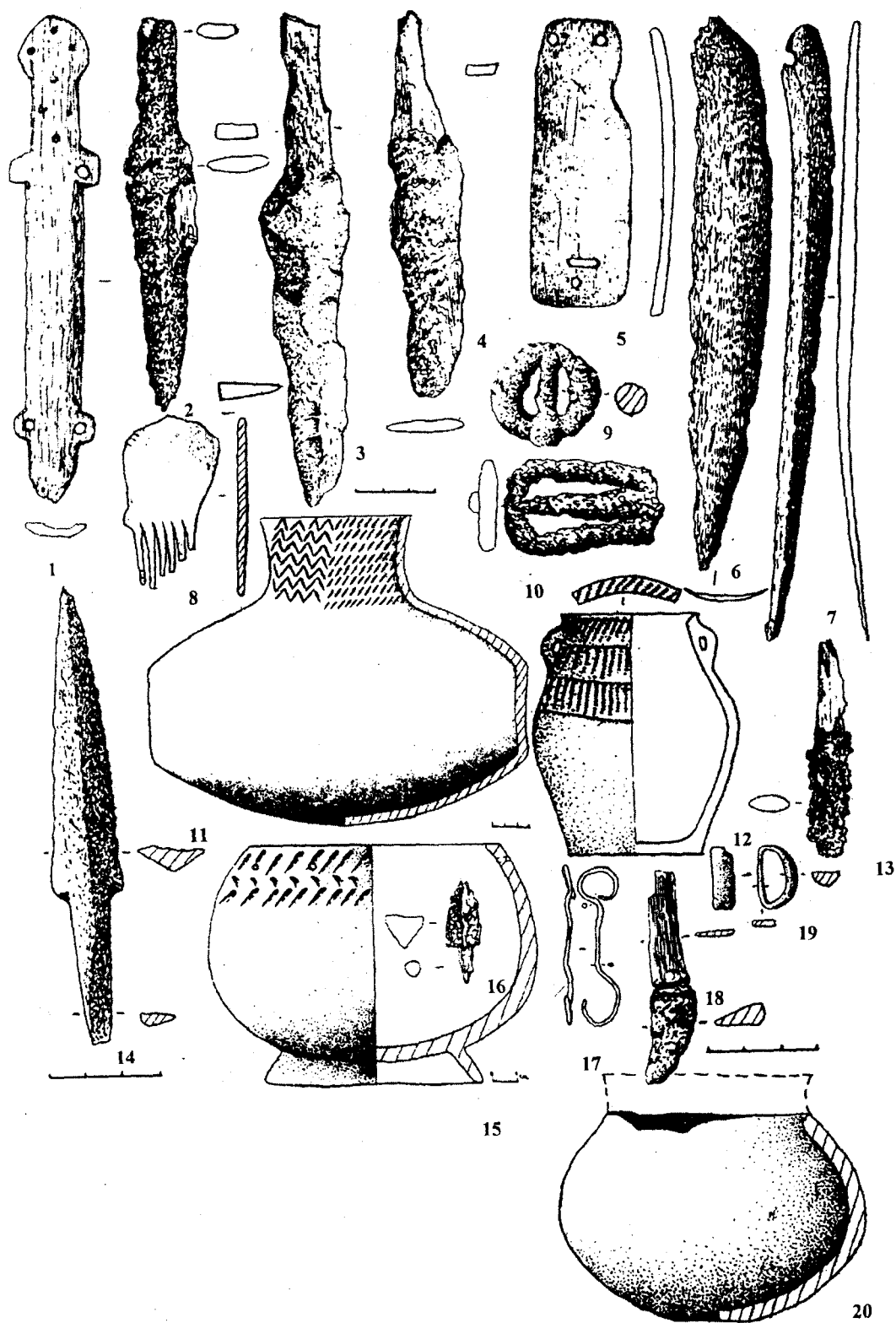

Рис. 2. Инвентарь могильников Фирсово-ХІ (1-17) и Фирсово-ІІІ (18-20).
 1, 13 — мог. 23; 2, 10, 16 — мог. 26; 3 — мог. 25; 4 — мог. 27; 5 — мог. 21; 6, 7 — мог. 30; 8, 11, 17 —
 межмогильное пространство; 9 — мог. 36; 12 — мог. 34; 14 — мог. 3; 15 — мог. 13; 18-20 — мог. 2. 1, 5-
 8, 14 — кость; 2-4, 9, 10, 13, 16, 18 — железо; 11, 12, 15, 20 — глина; 17, 19 — бронза.

1996; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996; Кунгуров А.Л., 1998). О довольно близком культурном сходстве населения, оставившего эти памятники, говорит и наличие некоторых категорий инвентаря, характерных именно для этих могильников: сосудов баночного типа и круглодонных мисок, украшенных одним рядом жемчужника по краю венчика; керамических пряслиц с характерным только для староалейской культуры орнаментом; бронзовых серег с подвеской в виде цепочки; скоплений булавок — остатков высоких причесок; прямоугольных нефритовых бусин и т.д.

Следует остановиться на некоторых датирующих предметах с могильника Фирсово-XIV. Наиболее выразителен в данном плане бронзовый проушной топор с узким лезвием и округлым, коротким обушком (рис. 1.-1). Он имеет переходные формы от проушных топоров к клевцам и чеканам. Близкой аналогией этому изделию является топор с Ближних Елбанов, который происходит из недокументированных раскопок 1903 г. Н.С. Гуляева. М.П. Грязнов отнес этот предмет к майэмирскому этапу (VII-VI вв. до н.э.) (Грязнов М.П., 1947; Фролов Я.В., Папин Д.В., 1995, рис. 1-3). Н.Л. Членова подобные вещи датирует в пределах VII-V вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1967, с. 30-31).

Из других предметов вооружения представляет интерес бронзовый короткий, асимметричный, подпрямоугольный в плане кельт с лобным ушком (рис. 1.-16). Еще три подобных изделия встречены на памятниках староалейской культуры — могильниках Ближние Елбаны-VII; Староалейка-II; Тузовские Бугры (Грязнов М.П., 1956, табл. XVI-9; Фролов Я.В., 1995, с. 80-81; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 13.-4). Возможно, с Ближних Елбанов происходят и подобные изделия, хранящиеся в Горно-Алтайском музее (Абдулганеев М.Т., 1996, рис. 1.-2,3,4). Из северных регионов следует выделить кельт из Усть-Шилкинского могильника, который найден в комплексе инвентаря близкого староалейскому (Мандрыка П.В., 1998). Как отмечает М.Т. Абдулганеев, кельты с лобным ушком датируются в пределах V-III вв. до н.э. (Абдулганеев М.Т., 1996, рис. 1.-2,3,4). Здесь следует отметить, что практически все известные нам кельты подобного типа из закрытых комплексов происходят из памятников староалейской культуры или из погребальных комплексов саков Приаралья VII-V вв. до н.э. и их нет в погребениях, датирующихся IV-III вв. до н.э. (Вишневская О.А., 1973, табл. IX-20; XXVII-14; Яблонский Л.Т., 1996, рис. 19.-16).

По всей видимости, VI-V вв. до н.э. датируется зеркало — массивный диск с центральной ручкой в виде округлой шляпки «кнопки» на четырех ножках (рис. 1.-23). Наиболее близкими аналогиями этому изделию являются бронзовые зеркала из группы могильников на средней Катунь, где они датируются VI-IV вв. до н.э. (Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, рис. 8.-1, рис. 11.-1; Сорокин С.С., 1974, с. 74,75,79). Н.Л. Членова подобные изделия относит также к VI-V вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1967, с. 84-86).

Так же в пределах VI-V вв. до н.э. бытуют бронзовые прямоугольные поясные пряжки с орнаментом в виде завитков и отверстием по центру, которые находят ближайшие аналогии в комплексе предметов VI-V вв. до н.э., найденном близ с. Кумуртук (Горный Алтай) (рис. 1.-) (Киселев С.В., 1949, табл. XXX-1-11; Суразаков А.С., 1979, с. 176).

Остальные предметы датируются в более широких пределах — VI-III вв. до н.э. В целом, могильник раннего железного века Фирсово-XIV может быть отнесен к VI-V вв. до н.э. В материалах этого памятника проявляются черты уже сложившихся традиций староалейской культуры. Таким образом, памятник относится к стадии стабилизации культуры и является одновременным с могильниками Обские Плесы-II и Староалейка-II. Кладбища на МГК-I-1,2,4, возможно, были сооружены несколько раньше и отражают момент формирования культуры.

Несколько слов следует здесь сказать и о предметах, отражающих культурные связи населения староалейской культуры. Так, бронзовый нож, конец рукояти которого оформлен в виде головы волка имеет практически полную аналогию в Семиречье, где он также относится к VI-V вв. до н.э. (рис. 1.-3) (Максимова А.Г., 1969, рис. 8, с. 142,143). Бронзовая поясная пряжка, щиток которой оформлен в виде кошачьего хищника с подогнутыми ногами и повернутой назад головой (рис. 1.-9), имеет очень близкую аналогию в могильнике Карбан-II (долина средней Катунь) (раскопки А.П. Уманского и М.А. Дёмина). Этот курган относится к группе концентрирующихся здесь могильников VI-V вв. до н.э., в материалах которых прослеживаются значительные параллели с культурами лесостепного Алтая и Казахстана. Похожие изделия происходят и из Ордоса (Bunker E.C., 1997, No. F12). Поясные бабочковидные бляхи из могильников VI-V вв. до н.э.

Верхнего Приобья составляют, наверное, самую крупную их коллекцию в Сибири (Фролов Я.В., 1997, с. 164). В других сибирских регионах они известны гораздо в меньшей степени и концентрируются в большинстве случаев в южно-таежных районах (Плетнева Л.М., 1977, рис. 28.–6–10, рис. 22.–5; Окладников А.П., 1955, с. 160, рис. 50; Мандрыка П.В., 1998; Привалихин В.И., 1993). Обращает на себя внимание большое количество подобных изделий в памятниках скифского времени в Ордосе (Bunker E.C., 1997; So J.F., Bunker E.C., 1995; Hollman T.O., Kossak G.W., Jettmar K., Kovalev A. u.a., 1992). И если сравнивать их с бабочковидными бляхами из Фирсово XIV, то последние, несомненно, более выразительны и самобытны (рис. 1.–10–12).

Таким образом, изделия, выполненные в традициях скифо-сибирского звериного стиля с этого могильника, свидетельствуют о довольно широких связях староалейского населения и маркируют как их западное направление с саками Казахстана, так и северное и юго-восточное с населением южно-таежных регионов Сибири и племенами Горного Алтая, Тувы и Ордоса.

Другой этап в развитии культур раннего железного века отражают материалы грунтового могильника Фирсово XI. Он расположен в 900 м к северу от Фирсово XIV. Памятник приурочен к самой высокой точке в этом микрорайоне. К настоящему времени здесь раскопано 36 могил, которые относятся к раннему железному веку. На площади памятника выделяется два комплекса погребений. Первый, это — несколько захоронений с юго-западной ориентацией, расположенных вдоль края террасы, которые, возможно, были грунтовыми и второй — два скопления могил, которые, вероятно, находились под курганными насыпями. В одной из таких групп погребения образуют несколько дуг вокруг центрального. Подавляющее большинство захоронений раннего железного века на этом памятнике ограблено (26 из 36). Глубина могильных ям небольшая, в среднем 0,7 м (минимальная 0,4 м и максимальная 1,6 м). Деревянные конструкции в них представлены в 11 случаях обкладкой — рамой из поставленных на ребро досок, в двух срубом в один венец. В 17 могилах зафиксировано продольное или поперечное дощатое перекрытие. В одной прослежен один слой продольно уложенных бревен. Следы огня обнаружены в 9 захоронениях. Обычно это мелкие угольки, встреченные в заполнении погребений. Умершие в могилах уложены вытянуто на спине. Большинство захоронений одиночные. Обнаружены шесть парных погребений женщины и ребенка, одно — женщины и двух детей и одно коллективное семи человек — двух мужчин и пятерых детей. Кроме того, на могильнике раскопано одно ярусное захоронение. Как в могилах мужчин, так и женщин представлены керамические сосуды и предметы вооружения: железные кинжалы, накладки на лук гуннского типа, наконечники стрел. Для женских погребений характерно наличие пряслиц. Из других деталей погребального обряда следует отметить присутствие на могильнике очень узких щелевидных ям и ям трапециевидной в плане формы (с более широким торцом могилы в головах у костяка), которые характерны для погребений Южной Сибири гунно-сарматского времени.

Комплекс инвентаря позволяет датировать этот памятник рубежом эр — I–II вв. н.э. Это железные кинжалы без навершия и перекрестия (рис. 2.–2–4). Изделия подобных типов бытуют у сарматов, племен саргатской культуры, Горного Алтая, начиная с I в. н.э. (Хазанов А.М., 1971, с. 20–23; Могильников В.А., 1992, табл. 122,16; Матвеева Н.М., 1993, с. 103–104, рис. 24.–3; Она же, 1994, рис. 32.–18, 47–11; Худяков Ю.С., 1997, рис. III). Костяные накладки на лук в памятниках лесостепи встречаются со II в. до н.э. — рубежа эр (рис. 2.–5,6) (Матвеева Н.П., 1994, рис. 21.–21,32–1; Булдашев В.А., Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Косинцев П.А. и др., 1997, рис. 18.–15–18, с. 52). Начиная с I в. до н.э. — I в. н.э., датируется бронзовая серьга (рис. 2.–17) (Троицкая Т.Н., 1979, табл. XXV–1,2). Крупные костяные черешковые наконечники стрел в памятниках раннего железного века лесостепного Приобья появляются с III–II вв. до н.э. (рис. 2.–14) (Могильников В.А., Уманский А.П., 1992, рис. 3.–14, 6.–14,15,16, с. 91; Троицкая Т.Н., 1979, табл. VII). Близка по форме к таштыкским костяная накладка на ножны из могилы 23 (рис. 2.–1). Изделия подобных типов широко распространены в Минусинской котловине и датируются I в. до н.э. — III в. н.э. (Вадецкая Э.Б., 1992, табл. 97–24–27).

Керамика, найденная на этом памятнике, обнаруживает определенное сходство с материалами могильников гунно-сарматского времени из Новосибирского Приобья, таких как: Каменный Мыс; Быстровка-III; Масляха-I (рис. 2.–11,12,15) (Троицкая Т.Н., 1979, табл. XVII,XXI; Дураков И.А., Мжельская Т.В., 1995, рис. 7,8; Могильников В.А., Уманский А.П., 1992, рис. 2.–2,3–3, 7–1,2). По форме и орнаментации некоторых сосудов прослеживается смешение местных лесостепных, каменных традиций с северными, кулайскими (рис. 2.–12), но по сравнению с памятни-

ками этого времени в Новосибирском Приобье, кулайское влияние здесь заметно гораздо в меньшей степени.

В целом, могильник Фирсово-ХІ, на наш взгляд, следует датировать в пределах I в. до н.э. — I в. н.э. Наиболее близок к этому памятнику комплекс поздних погребений на могильнике Быстровка-III. Авторы данной статьи в предварительной публикации отнесли могильник Фирсово-ХІ к староалейской культуре (Шамшин А.Б., Фролов Я.В., 1994). Связано это было с тем, что первоначально на могильнике было раскопано несколько грунтовых погребений, которые действительно обнаруживают некоторое сходство со староалейскими захоронениями. Раскопки двух курганных комплексов на этом памятнике позволяют, на наш взгляд, рассматривать его в рамках каменной культуры. Не исключено, что ряд грунтовых захоронений с юго-западной ориентацией был сооружен несколько ранее (во II–I вв. до н.э. или даже в III–II вв. до н.э.), чем подкурганные погребения.

Следует отметить, что до раскопок могильника Фирсово-ХІ памятников этого времени в Барнаульском Приобье обнаружено не было. В картине развития культур раннего железного века этого региона существовала значительная лакуна. Материалы этого некрополя позволяют уже более обосновано говорить, что население каменной культуры проживало в Барнаульском Приобье, по крайней мере, до рубежа эр и было подвержено кулайскому влиянию в этот период лишь в незначительной степени.

Третьим погребальным памятником, который относится к раннему железному веку в Фирсовском археологическом микрорайоне, является грунтовый могильник Фирсово-III. Здесь обнаружено два погребения, в которых умершие лежали в скорченном положении. Инвентарь присутствовал только в одном из них. Это: бронзовая пронизь полукруглой формы, железный нож небольших размеров и круглодонный сосуд кувшиновидной формы с отбитой горловиной. После того как верхняя часть сосуда была отбита, этот предмет еще долго использовали, острые грани обломанного края основательно заглажены (рис. 2.–18–20). Все эти предметы бытуют на территории лесостепного Алтая, начиная с VI–V вв. до н.э., то есть, этот памятник хронологически близок находящемуся в 400 м западнее могильнику Фирсово-ХІV, но здесь выявлены «скорченные» погребения, что не характерно для погребального обряда населения Барнаульского Приобья этого времени. Известно только одно погребение, относящееся к староалейской культуре, на могильнике Обские Плосы-II, где умерший был уложен в скорченном положении (Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1997). Сейчас довольно трудно объяснить существование отдельного могильника раннего железного века, в котором обнаружены скорченники. Возможно, он является более ранним по сравнению с памятниками староалейской культуры, и в его материалах проявляются традиции погребальной обрядности предшествующей, большебереченской культуры. Но может быть и другое объяснение. Не исключено, что этот памятник оставлен какой-то обособленной группой населения, связанной со скифскими культурами Горного Алтая и Тувы, где захоронения людей в скорченном положении сохраняются до конца эпохи раннего железа (Грач А.Д., 1980, с. 170–171).

Материалы могильников Фирсовского археологического микрорайона отражают как самый ранний этап существования культур раннего железного века в Барнаульском Приобье (памятники VI–V вв. до н.э. староалейской культуры), так и самый поздний (могильники рубежа эр каменной культуры). О сложности этнокультурных процессов, протекавших в этом регионе в скифское время, говорит наличие в 4 км к северу от Фирсово-ХІV Новоалтайского могильника, который относится к каменной культуре и датируется V–IV вв. до н.э. В одном из погребений на этом памятнике была обнаружена бляха полностью аналогичная поясной пластине из могильника Новый Шарап-I, щиток которой был оформлен в виде стоящего рогатого хищника (Троицкая Т.Н., Боровиковский А.П., 1994, табл. XVIII–1). Начиная с V–IV вв. до н.э., и еще в большей степени в IV–III вв. до н.э., население каменной культуры осваивает лесостепные районы Алтая. Видимо, какое-то время племена староалейской культуры сосуществовали с каменскими. В дальнейшем постоянные контакты между этими двумя группами привели к тому, что культура населения, оставившего староалейские памятники, постепенно утрачивает свои самобытные черты. Так, в материалах могильников IV–III вв. до н.э. и более позднего времени Барнаульского обского правобережья (БЕ-III, XII; Фирсово-ХІ) прослеживаются лишь незначительные черты староалейской обрядности, такие, как традиция сооружения грунтовых погребений и юго-западная ориентация умерших (Грязнов М.П., 1956, с. 93–95). Таким образом, не исключено, что хронологически предшествующее на этой территории каменскому, население староалейской культуры к IV–III вв.

до н.э. было частично вытеснено из некоторых районов Барнаульского Приобья, а, частично, ассимилировано каменским.

В заключение следует отметить, что в Фирсовском археологическом микрорайоне проведены большие работы также на поселениях раннего железного века: Фирсово-IV, IX, X, XI, XIV, XV, XVII, XVIII, с которых получен представительный материал. Анализ данных источников и сопоставление их с погребальными комплексами этого района позволят гораздо полнее воссоздать картину развития культур раннего железного века в Верхнем Приобье.

Ю.С. Худяков, А.Ю. Борисенко

(г. Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирский государственный университет)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Г.В. ДЕ ГЕННИНА ИЗ ПРИИРТЫШЬЯ

Y.S. Khudiakov, A.Y. Borisenko

*(Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SD RAS,
Novosibirsk State University)*

Archaeological materials from G.V. de Gennin's collection from near Irtysh region

Археологические памятники скифского времени с территории Прииртышья и Рудного Алтая сыграли выдающуюся роль в формировании археологической науки в России. Впервые эти материалы привлекли внимание ученых и любителей древностей в конце XVII — начале XVIII вв. Находки предметов прикладного искусства из разграбленных бугровщиками древних курганов нашли отражение в научных изданиях и вдохновили Петра I на создание первого российского музей-Кунсткамеры, на издание специальных указов о сборе древностей и запрете грабительских раскопок, на организацию научных экспедиций в Сибирь, одной из задач которых был сбор и изучение «куриозных вещей».

Наряду с учеными и путешественниками, интерес к древностям проявляли администраторы, военные, предприниматели, горные инженеры и другие образованные люди, представители разных сословий Российской империи.

Среди любителей древностей XVIII в., внесших определенный вклад в изучение археологических памятников скифской эпохи в Прииртышье и на Рудном Алтае заслуживает особого внимания генерал-лейтенант Георг Вильгельм Де Геннин. Он был крупным в области горного дела, фортификации и артиллерии, управляющим Уральскими и Сибирскими казенными металлургическими заводами в 1722–1734 гг. Г.В. Де Геннин был приглашен на российскую службу из Голландии в 1697 г. генералом А. Лефортом, по рекомендации бургомистра Амстердама, Н.К. фон Витзена, дипломата и ученого, собирателя сибирских древностей, автора фундаментального труда о Сибири, в которой были впервые опубликованы археологические находки скифского и хунносарматского времени из Прииртышья. Во время своей службы, Г.В. Де Геннин занимался не только организацией металлургического производства, но и научной деятельностью, собирал материалы для своей книги об уральских и сибирских горных заводах, интересовался древностями, собирал коллекцию «куриозных вещей», которую привез с собой в столицу Российской империи. В составе этой коллекции, большая часть которой происходит из Прииртышья, имеются предметы прикладного искусства, относящиеся к скифскому времени. Рукопись книги была подготовлена Г.В. Де Генниным в 1735 г. но оставалась не изданной более двухсот лет. Материалами из этой книги, в том числе и археологическими, активно пользовались другие авторы XVIII и XIX вв. Впервые книга Г.В. Де Геннина была опубликована в 1937 г. В разделе о «старых рудных копиях» с территории Рудного Алтая, автор описал развалины джунгарских ламаистских монастырей на Иртыше, упомянул находки буддийских скульптур и рукописей, охарактеризовал находки из древних курганов, указал, что многие из них разрыты бугровщиками, а найденные в них вещи свободно прода-

ются. Особое внимание было уделено им описанию могилы «Пудовик» с погребениями на золотых досках, накрытыми золотой фольгой (Де Геннин В., 1937, с. 546–548).

При издании книги Г.В. Де Геннина остались не опубликованными рисунки раскопанного кургана и древних вещей. Они были специально рассмотрены Е.Н. Дмитриевой и В.П. Левашовой (Дмитриева Е.Н., Левашова В.П., 1965, с. 225–236). Однако, рисунки археологических находок были опубликованы ими не факсимильно, а в довольно неточных, схематичных прорисовках. Отдельные вещи остались не опубликованными. Некоторые находки получили неточную атрибуцию позднее рисунки находок из рукописи книги Г.В. Де Геннина были изданы в качестве примера графической документации XVIII в. в книге А.А. Формозова без всяких комментариев (Формозов А.А., 1986, с. 24–25, 127). Благодаря этой публикации, материалы из коллекции Г.В. Де Геннина стали доступны для изучения и атрибуции.

Среди находок в его коллекции имеются вещи скифского времени. Большая часть этих находок получила достаточно точную атрибуцию в статье Е.Н. Дмитриевой и В.П. Левашовой.

К скифскому времени относится бронзовый светильник на трех ножках с фигурками вер-блюд и кошачьих хищников (Дмитриева Е.Н., Левашова В.П., 1965, рис. 2,4). Подобные светильники с изображениями животных найдены в составе кладов на оз. Иссык-Куль и Зайсан и в Семиречье. Они датируются второй половиной I тыс. до н.э. К позднему этапу скифской эпохи должно относиться золотое изображение хищной птицы с распростертыми крыльями и поднятым вверх павлиньим хвостом. Очень близкая по характеру оформленная бляха, изображающая хищную птицу с телом козла в когтях, имеется в «Сибирской коллекции» Петра I. Эта бляха изготовлена из золота со вставками из цветных камней, т.е. с элементами полихромного стиля, характерного для культур сарматского круга (Завитухина М.П., 1977, рис. 3.–14).

К числу предметов, выполненных в скифском зверином стиле, относится плоскостная оленя бляшка, в виде фигуры оленя с подогнутыми ногами и декоративно оформленными, ветвистыми, вычурными рогами. Подобный ажурный стиль в исполнении оленных бляшек характерен для позднего этапа скифской эпохи, когда изображения животных становятся очень стилизованными, не реалистичными. Наиболее близкие аналогии данной бляшке имеются в материалах поздних этапов тагарской культуры (Мартынов А.И., 1979, табл. 39–42).

К скифскому времени относится в Прииртышской коллекции Г.В. Де Геннина витой браслет с фигурами животных, вероятно, кошачьих хищников. Подобные браслеты имеются в составе «Сибирской коллекции» Петра I (Завитухина В.Д., 1977, рис. 2.–8). К этой эпохе должна относиться и бронзовая шпилька с навершием в виде фигуры коня. Близкие по форме предметы характерны для пазырыкской культуры (Кубарев В.Д., 1987, рис. 37).

Ряд вещей из состава Прииртышской коллекции был ошибочно отнесен Е.Н. Дмитриевой и В.П. Левашовой к скифскому времени. Они отнесли к скифскому времени выпуклую бронзовую бляшку с прямой петлей-перемычкой на оборотной стороне и рельефным изображением «антропоморфной и в то же время львинообразной личины» с торчащими сверху ушами, которую сравнили с бляшками из первого Пазырыкского кургана (Дмитриева Е.Н., Левашова В.П., 1965, с. 228).

Подобные бляшки с устрашающими личинами характерны для южно-сибирской торевтики конца I тыс. н.э. Они известны в культурах кыргызов и кимаков (Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, табл. XXXII).

Трудно согласиться с мнением этих авторов, отнесших скульптуру копытного животного, похожего на осла с попоной на спине, на прямоугольной подставке, к кругу тагарских древностей (Дмитриева Е.Н., Левашова В.П., 1965, с. 228). Рисунок очень похожей скульптуры осла, только повернувшего назад голову, имеется в материалах экспедиции Г.Ф. Миллера среди предметов, найденных «между Обью и Иртышом» (Миллер Г.Ф., 1937, рис. 24).

Бронзовое навершие с шестью головами животным и тремя антропоморфными личинами также не относятся к скифским древностям (Дмитриева Е.Н., Левашова В.П., 1965, с. 230). Вероятнее всего, оно может относиться к кулайскому бронзовому литью (Чиндина Л.А., 1984, рис. 18).

К этому же кругу авторы отнесли «бронзовый стерженек с плоской фигурной головкой, в завитках которой улавливаются очертания стилизованных грифонов» (Дмитриева Е.Н., Ле-

вашова В.П., 1965, с. 230). Более вероятно, что на рисунке Г.В. Де Геннина изображена подвеска, напоминающая подвески таштышской культуры.

Украшение с шумящими подвесками на четырех цепочках должно относиться к культурам Приуралья (Дмитриева Е.Н., Левашова В.П., 1965, с. 321).

Судя по этим материалам предметы, относящиеся к раннему железному веку собирались Г.В. Де Генниным не только в Прииртышье, но и в других районах Западной Сибири и Урала.

Хотя круг аналогий вещам скифского облика из коллекции Г.В. Де Геннина достаточно широк, большинство из них имеют сходство с материалами «Сибирской коллекции» Петра I, большая часть находок которой также происходит из Прииртышья и относится к концу I тыс. до н.э. (Курочкин Г.Н., 1985, с. 12).

В отличие от многочисленных находок раннесредневековой торевтики, вещи скифского времени в коллекции Г.В. Де Геннина немногочисленны, что может быть свидетельством в пользу того, что он не раскапывал трудоемких больших земляных курганов раннего железного века, а получил эти предметы от бугровщиков.

Сбор этих материалов Г.В. Де Генниным способствовал росту интереса к сибирским древностям в XVIII в., сведения о которых попали в сочинения российских и европейских ученых. Эти данные необходимо учитывать при анализе основных событий истории изучения скифских древностей в Южной Сибири.

Д.В. Черемисин, А.В. Запорожченко

(г. Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)

«САКРАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ» ЕВРАЗИИ НА АЛТАЕ, НА ЕНИСЕЕ И ЛЕГЕНДА ОБ АРИМАСПАХ И ГРИФАХ В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

D.V. Cheremisin, A.V. Zaporojchenko

*(Novosibirsk, The Institute of archaeology and ethnography SD RAS)
The Euroasiatic «sacrificial centres» on Altai, Yenisei and the legend
about arimasps and grifs in modern interpretations*

Много веков назад Петрарка, говоря о целях и границах научного знания, среди постулатов сколь популярных среди ученых, «изучающих природу», столь и бесполезных для блага общества, среди других примеров привел легенду об аримаспах, поражающих мечом грифона. Минули столетия; мыслители, следуя призывам гуманиста, не раз обращались не к курьезам античности, а к человеку; не раз концентрировались на вопросах «для чего мы существуем, откуда идем и куда направляемся». Однако сегодня общественная гармония остается лишь идеалом, а легенда об аримаспах сохраняет обаяние неразгаданного.

Античной традиции об аримаспах, восходящей к Аристее Проконесскому и ставшей общим местом историко-географических сочинений, посвящена необъятная литература. Существование в античном и «греко-скифском» искусстве сюжета противоборства человека и фантастического грифона вызывает обращение к этой теме археологов. Все изобразительные памятники с этим сюжетом (килик из Вульчи, Келермесское зеркало, калаф из Большой Близины и др.) подчеркивают его «скифский» характер (одежда, головные уборы, оружие варваров), что позволяет видеть в нем отражение скифской легенды, сохраненной античными авторами. По Д. Болтону, сюжет восходит к скифскому эпосу (легендам исседонов), с которыми греков познакомил Аристей (Bolton, 1962).

В исторических интерпретациях традиционно принимается во внимание связка Рипейские горы — стерегущие золото грифы и борющиеся с ними за золото одноглазые аримаспы. С аримаспами гипотетически отождествляются носители различных археологических культур эпохи бронзы и скифского времени, однако этногеографические определения исследователей противоречивы и недостоверны (с традицией о Рипейских горах на краю земли соотно-

сили практически все значительные горные системы Евразии; характеристика аримаспов как конных воинов, вызвавших подвижку кочевников, применима к широкой кочевнической среде и т.д.) (Черемисин Д.В., 1987).

В последнее время новые подходы к проблеме предложил Д.А. Мачинский. По его мнению, с традицией представлять аримаспов одноглазыми можно соотнести «трехглазые» каменные изваяния окуневской культуры Минусинской котловины, где располагался древний «сакральный центр», который был «важнейшим фактом предыстории религиозной жизни Скифии» (Мачинский Д.А., 1989, 1995; 1996, с. 3). Возникновение этого центра связано с афанасьевской культурой, а в эпоху раннего железа он «переместился» на Алтай.

Наиболее подробно концепция Д.А. Мачинского изложена в работе «Уникальный сакральный центр III — середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине», хотя автор называет ее «системой ассоциаций» (Мачинский Д.А., 1997, с. 3). Ассоциациями соединяются данные античной традиции о восточных областях Скифии и авторский анализ изобразительного комплекса окуневской культуры. Изучив «развитие окуневской изобразительной традиции» и ее содержание, Д.А. Мачинский считает возможным сопоставить античные сведения об аримасах и гиперборейцах с особенностями каменных изваяний Хакасско-Минусинской котловины (Мачинский Д.А., 1997, с. 270–273, 275–277). Под содержанием понимается воспроизведение на окуневских стелах эзотерического знания о «многослойном энергетическом поле человека», которое отражено также в индо-тибетской эзотерической традиции.

«Единственный глаз на челе аримаспов», населявших в эпоху Аристея «северо-восточную треть Казахстана», но пришедших туда с востока (Мачинский Д.А., 1996, с. 4) — ни что иное как «чакра аджна», орган экстрасенсорного зрения (Там же, с. 5), воспроизведенный на минусинских изваяниях. Таким образом, по Д.А. Мачинскому, античные авторы зафиксировали традиции эзотерических знаний обитателей уникального южно-сибирского сакрального центра эпохи бронзы, «переместившегося» в скифскую эпоху с берегов Енисея в район Алтая.

На наш взгляд, данные выводы сделаны на основе интуитивного, эзотерического подхода к трактовке археологических артефактов и письменных источников путем проецирования в диахронию достижений современной теософии и мистицизма. Идеи северного буддизма — ваджраяны некритически соотносятся с ведийскими, что задается древностью археологических (афанасьевско-окуневских) реалий. Показательно, что обоснованию этих аллюзий служат не капитальные труды индологов — Я. Гонды и Л. Рену, а работы современных мистиков и теософов. При этом, в принципе, сам метод откровений и интуитивных ассоциаций не верифицируется, а аксиоматическое знание не подвергается сомнению путем рациональных суждений. Например, выделение Д.А. Мачинским «сакрализованного слоя общества аримаспов» — одноглазых ясновидящих (Мачинский Д.А., 1996, с. 5) представляется авторской интерпретацией, основанной исключительно на экстрасенсорном прочтении источников.

Между тем подобные ассоциации лежат в основе соединения многочисленных фактов культурной истории Евразии от Средиземноморья до Южной Сибири в диапазоне от III до I тыс. до н.э., хотя вопрос о природе «эзотерического эксгибиционизма» окуневцев не поднимается. Блуждающая между Енисеем и Алтаем география «интенсивной сакрализации» определяется и по картографированию археологических реалий, и по элементам древнеиранской картины мира. Любопытно, что основываясь на других данных (изучение генезиса шаманизма по археологическим материалам, не вдаваясь в детали методики подобного исследования), Н.Ю. Кузьмин также заставил пропутешествовать евразийский «сакральный центр», но в обратном направлении, т.е. с Алтая на Енисей (Кузьмин Н.Ю., 1992, с. 128–129).

Д.А. Мачинский, правда, отмечает, что афанасьевцы, побывав на плато Укок, не могли не заметить вершин горных массивов Алтая (Мачинский Д.А., 1996, с. 8–11), и «сакральный центр, судя по всему, перемещается с VI в. до н.э. в Горный Алтай», где в матерналах погребений, относящихся к «корпорации» «верховных жрецов-шаманов» (по Г.Н. Курочкину — Д.Ч., А.З.) «прослеживается развитие многих «тем» афанасьевско-окуневской религиозной традиции» (Мачинский Д.А., 1997, с. 280). В частности, в налоб-

никах «особо богато украшенных коней» Д.А. Мачинский видит не только солярные знаки, но и «знаки третьего глаза» (Мачинский Д.А., 1997, с. 280). Конская «чакра аджна» — ассоциация смелая даже для Кундалини-йоги, но в рамках аксиоматического знания, основанного на экстрасенсорных способностях, возможно, вполне существенная. Однако как археологический факт, круглая форма налобных конских блях кажется нам недостаточно весомым аргументом в пользу переживания и развития «афанасьевско-окуневских религиозных тем» у пазырыкцев.

Постулируемое «шаманистическое» содержание пазырыкской культуры, выделение «центров сакральности» в Евразии, восстановление истории перемещений этих центров, введение «эзотерических» прочтений археологических реалий в исторические реконструкции «ранней истории религиозной жизни Скифии» (Мачинский Д.А., 1995, с. 57–60; 1996, с. 3), на наш взгляд, не дают основания для территориального определения «земли аримаспов» и вызывают возражения (Черемисин Д.В., Запороженко А.В., 1996).

При этом обращение к «предыстории» самого сюжета о борьбе аримаспов с грифами, или, в терминах эзотерики, к его «прошлой жизни», представляет несомненный интерес. Прежде всего, на наш взгляд, с точки зрения отражения в нем мифологических представлений его создателей.

Разделяя мнение Г.М. Бонгард-Левина и Э.А. Грантовского о том, что легенда об аримаспах и грифах восходит к общеарийским представлениям о загробном мире, прямую параллель «скифскому мифу» мы предлагаем видеть в античном сюжете о борьбе пигмеев с журавлями (Гомер, Илиада, III.–5–7). На основании сравнительного анализа многочисленных вариантов подобного сюжета о борьбе фантастических персонажей, великанов или карликов, с птицами (данные иранской и индийской мифологической традиции), можно сделать вывод о том, что в основе всех версий лежит индоевропейская мифологема.

Она реконструируется в виде следующей схемы: на границе миров, в порубежном локусе обитают тератологические существа — стражи входа в потусторонний мир — одноглазые великаны, безносые карлики, пигмеи, змеи и другие чудовища. В «иной мир» могут проникать лишь фантастические птицы, вступающие в жестокие схватки с его охранниками и доставляющие «туда» души умерших, а «оттуда» — новую жизнь (напиток бессмертия, в поздних версиях — золото).

Свидетельством архаичности исходной мифологемы могут являться, с одной стороны, сходные мотивы в мифологии дардов и кафиров Гиндукуша, а с другой — данные скандинавской мифологии (сюжет о похищении меда поэзии Одином, по Ж. Дюмезилю — общеиндоевропейский, или миф о похищении золотых яблок орлиноподобным великаном Тьяцци, причем в отместку Один лишает Тьяцци зрения).

И «скифская», и античная версии сохраняют исходный текст в инвертированном виде — грифоны превратились в охранников золота, а аримаспы стали его похитителями. Античная традиция сохраняет несколько версий изначального мифа, контаминировавших между собой и ставших благодаря Аристее и Геродоту общим местом позднейших историко-географических сочинений. Актуализации варианта грифономахии греки, видимо, обязаны скифам. Материалами археологических памятников Евразии (Пятый Пазырыкский курган, саркофаги из Вульчи) подтверждается идея М.И. Ростовцева о возможной связи данного сюжета, в частности, изображений сцен гераноманий в росписях «склепа пигмеев» в Керчи, с погребальным культом (Запороженко А.В., Черемисин Д.В., 1997, с. 83–90).

В отношении альтернативного подхода нам представляется, что мистико-интуитивный метод постижения евразийских культурных реалий дает богатые возможности сопрягать экстрасенсорно воспринимаемое сегодня с фрагментами свидетельств иначе воспринявших эти реалии античных авторов. В блестящем приложении Д.А. Мачинского данный метод позволяет раскрывать сущность феноменов истории и культуры Евразии не только в стиле «новой простоты» (доходчиво о загадочном), но и в известном смысле создавать новый гиперборейский миф. Уровень достоверности данных построений, основанных на «тонкочувственных» ассоциациях, помещенных в евразийский археологический контекст нескольких тысячелетий (мировое яйцо и лики окуневских изваяний, экстрасенсорно воспринимаемые формы чакр и курильницы, конские налобные бляхи как знаки «третьего глаза» и т.п.) также определен методологией подобных реконструкций.

Н.Л. Членова

(г. Москва, Институт археологии РАН)

СЛЕДЫ КОПЫТ «СКИФСКИХ» КОНЕЙ

N.L. Chlenova

(Moscow, Institute of Archaeology of Russian, Academy of Sciences)

Signs of hoofs of «skythian» horses

В восточной части «скифского мира», от Северного Кавказа до Монголии бронзовые и иногда костяные предметы конской узда (псалии, подпружные или трочные пряжки) и другие предметы довольно часто бывают украшены особыми значками — следами конских копыт. Они бытуют на протяжении VII–V вв. до н.э. и ни раньше, ни позже этой даты на перечисленных предметах неизвестны. Преобладают они на предметах конского снаряжения (за исключением Минусинской котловины в тагарскую эпоху, где большинство их украшает уступы между ручкой и клинком бронзовых ножей, известен также кинжал с концами перекрестья в виде таких «конских копыт» и бронзовые наконечники луков с такими значками; есть даже такой значок на «кнопке» зеркала (Членова Н.Л., 1967, табл. 15.–6, 7; табл. 27.–13, 13-а; табл. 37.–13; табл. 39.–27), но есть там и обломок трехдырчатого псалия с конским копытом на сохранившемся конце (Членова Н.Л., 1967, табл. 16.–27). Известно, что носители тагарской культуры хоронили своих покойников не только без коня, но и без предметов конского убора и кочевниками не были. Что же касается других регионов, то там значки «следы конских копыт» украшают исключительно подпружные или трочные пряжки и бляхи и часто найдены в конских погребениях. Население этих регионов часто называют «ранними кочевниками» (термин М.П. Грязнова). Они известны в Горном Алтае, в памятнике Карбан-I, курган 5 (рис. 1.–1), содержавшем погребения человека и двух коней, в хорошем комплексе VII–VI вв. до н.э., где были удила со стремевидными концами, простыми и с внутренним колечком, пронизки для перекрестья ремней в виде кубика (одна из них — с солярным значком) и изогнутые трехдырчатые псалии с шишечками на конце (рис. 1.–1; Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992; Членова Н.Л., 1997, рис. 43.–13 и рис. 42–43), а также в могильнике Электмонар-II, курган 1, в комплексе с удилами со стремевидными концами, трехдырчатыми, слабо изогнутыми роговыми псалиями, бляхами от перекрестья ремней с выпуклыми шляпками (в погребении лошади) и бронзовым прямым ножом с навершьем-кольцом (в погребении человека) (Степанова Н.Ф., 1996, рис. 2.–11–16; рис. 6.–1; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 51.–1–5, см. наш рис. 1.–2). Комплекс может быть датирован VII–VI вв. до н.э. Такие пряжки с копытообразными значками бытовали в Горном Алтае и позже (Бойтыгем-II, курган 19, погребение человека с конем, в комплексе с пряжкой без значка, медалевидным зеркалом, золотыми серьгами с конусовидными подвесками и бляхой в виде головки хищной птицы, превращенной в растительный орнамент (рис. 1.–3; Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994, рис. 4; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 52.–7). Последние находки в этом погребении являются датирующими (см. Могильников В.А., 1997, с. 73, рис. 55.–14) и позволяют отнести комплекс к VI, если не к VI–V вв. до н.э., поскольку превращение головки птицы в растительный орнамент (в различных вариантах) характерно для 2-ой половины скифской эпохи (в восточных областях «скифского мира»). Самый яркий пример — «растительные» птицы пазырыкской культуры (см. Руденко С.И., 1960, рис. 129, особенно рис. 129-е), но они известны и в других местах Сибири того же и еще более позднего времени (см. Могильников В.А., 1997, рис. 49.–1; рис. 55.–5, 8, 11, 12, 14 и многие другие).

Также и серьги с подвеской — широким конусом известны от Тувы и Алтая (могильник Быстрянского) до совр. Оренбургской области и Нижнего Поволжья в хороших комплексах VI–V вв. до н.э. и позже (сводку см.: Членова Н.Л., 1998, с. 156).

Приведенные примеры показывают, что по крайней мере на Алтае (а скорее всего и в других местах) появление значков в виде конских копыт непосредственно связано с верховым конем. Подпружные или трочные пряжки с копытообразными значками известны и в тасмолинской культуре Казахстана (Тасмола-V, курганы 3 и 6; Нурманбет-II, курган 4. Рис. 1.–4–6) в комплексах VII–VI вв. до н.э., с удилами со стремевидными концами (один раз в

«стремени» — маленькое колечко) и с зеркалами с петелькой или кнопкой на обороте (Кадырбаев М.К., 1966, рис. 24, 26). В тасмолинских курганах конских погребений не было, но в ногах покойника лежали черепа и лопатки коней (и баранов); на черепах коней были предметы узды (Кадырбаев М.К., 1966, с. 319, 323–325, 329, рис. 20.–2,4). Очевидно, эти кости коня с уздой заменяли конские захоронения.

Далее на запад трочные пряжки описанного типа с изображением копыт в большом числе найдены в могильнике Уйгарак в низовьях Сырдарьи (курганы 12, 22, 26, 38, 47, 60). VII и главным образом VI в. до н.э. (рис. 1.–7,8; Вишневская О.А., 1973, табл. I, V, VIII, XV, XVII) и единично — в могильнике Южный Тагискен (рис. 1.–9; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, рис. 27.–76 — внизу, слева). О.А. Вишневская отметила, что конская сбруя в курганах Уйгарака заменяла захоронения коней, причем в курганах 22, 27, 83 сбруя лежала в ямках по углам dna могилы или над этими ямками (Вишневская О.А., 1973; с. 60,66). В кургане 44 могильника Южный Тагискен предметы конской сбруи были найдены в северном углу могилы, *in situ* (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с. 18).

Еще западнее подобные пряжки найдены в бассейне р. Илек, притока р. Урал, в могильниках Мечетсай, курган 2 и Пятимары-I, курган 8 (рис. 1.–10). Оба кургана по наконецникам стрел и другим предметам датируются концом VI–V вв. до н.э. В мечетсайском кургане коней не было, а в кургане 8 могильника Пятимары-I было погребено 5 боевых коней в соответствии с погребенными там пятью воинами (Смирнов К.Ф., 1964, с. 49,50; рис. 21, 28, 11, 14). И еще западнее, в низовьях Волги, в могильнике Кривая Лука-VIII, курган 5, погребение 16 была найдена пряжка с копытообразным значком в комплексе V в. до н.э. (раскопки В.В. Дворниченко и Г.А. Федорова-Давыдова, 1974) (Благодарю В.В. Дворниченко за разрешение сослаться на эту находку).

И, наконец, близкой формы пряжка с копытообразным значком была найдена в Предкавказье, в скифском кургане VII в. до н.э. могильника Новозаведенное-II (рис. 1.–11; Petrenko V.G., 1994, fig. 1.–7).

Наряду с такими простыми пряжками, распространенными от Кавказа до Горного Алтая, имеются и фигурные пряжки или бляхи, также украшенные значком — следом копыта лошади. Они локализованы более узко: Южное Предуралье — низовья Сырдарьи. Наремненная бляха в виде двугорбого верблюда-бактриана найдена в кургане 9 могильника Бесоба в верховьях р. Илек (рис. 1.–12), в прекрасном комплексе VI–V вв. до н.э. (Кадырбаев М.К., 1984, с. 89–91, рис. 5.–2). Под ногами верблюда изображен след конского копыта. В кургане 41 упомянутого выше могильника Уйгарак в низовьях Сырдарьи найдена подпружная пряжка в виде оленя, стоящего на кончиках копыт («на цыпочках» — рис. 1.–13; Вишневская О.А., 1973, табл. XIV.–7) VII–VI вв. до н.э.; между копыт оленя — след копыта лошади. И, наконец, в могильнике Южный Тагискен, в кургане 55, в ногах погребенного были найдены две пряжки в виде парных конских головок, мордами врозь, затылками друг к другу. На одной из пряжек внизу, между шеями коней помещено конское копыто (рис. 1.–14). Пряжки найдены в богатом комплексе, включавшем удила отлитые вместе с псалиями, крестообразную пронизку и бляху с солярными значками и комплекс бронзовых стрел скифского типа, скорее VII, чем VII–VI вв. до н.э. (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с. 67, рис. 46; рис. 47). Такое положение голов и шей коней свидетельствует о том, что на пряжках изображена передняя часть колесницы. Бесчисленные пароконные колесницы эпохи бронзы из Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Монголии изображены на наскальных рисунках, причем в плане, кони — затылками и спинами друг к другу, головами врозь (см., например, сводную таблицу в книге: Новгородова Э.А., 1984, рис. 24). Такие колесницы бытовали в эпоху железа (кроме стран Древнего Востока также и на территории евразийской степной и горной зон: пароконная упряжка ассирийского типа в раннескифском кургане 1 могильника Красное Знамя в Предкавказье (Петренко В.Г., 1980, с. 15–18); колесница-квадрига из кургана Уашхиту в Адыгее и другие колесницы на Северном Кавказе (см., например, Эрлих В.Р., 1994, с. 36–47), наконец, знаменитая колесница из пятого Пазырыкского кургана (Руденко С.И., 1953, с. 232–235; Грязнов М.П., 1955, с. 30–32) и — наиболее интересное для нашей темы — изображение пароконной двухколесной повозки на оленем камне «саяно-алтайского» типа, около VI в. до н.э. из Западной Монголии (Кобдосский аймак. Дарви сомон. Волков В.В., 1981, рис. 103.–2). Повозка на этом камне изображена, как обычно, в плане, кони — в профиль, мордами врозь, спинами друг к другу. Кони

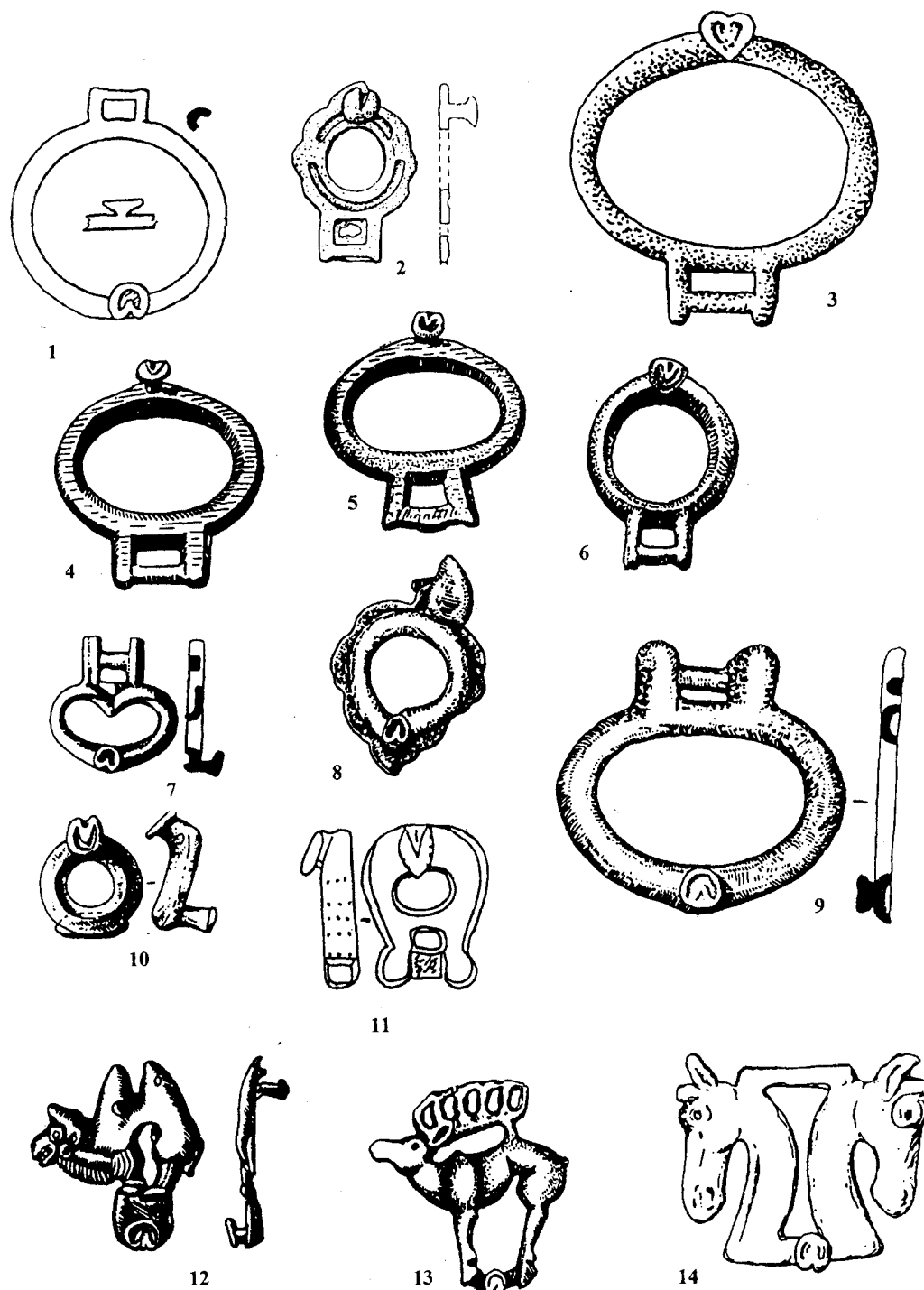

Рис. 1. Подпружные, трочные пряжки и бляхи с изображением конского копыта в различных районах Евразии.

1–3 — Горный Алтай (1 — Карбан-I, к. 5 по: Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992; 2 — Электонар-II, к. 1. По: Степанова Н.Ф., 1996; 3 — Бойтыгем-II, к. 19 (по: Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994); 4–6 — Центральный Казахстан (4 — Тасмола-VI, к. 3; 5 — Тасмола-V, к. 6; 6 — Нурманбет-II, к. 4. По: Кадырбаев М.К., 1966); 7–9, 13, 14 — Низовья р. Сырдарья (7 — Уйгарак, к. 16; 8 — Уйгарак, к. 22; 13 — Уйгарак, к. 41; по: Вишневская О.А., 1973; 9, 14 — Южный Тагискен, к. 36,55. По: Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997; 10 — Южное Приуралье, Мечет-сай, к. 2. По: Смирнов К.Ф., 1964); 11 — верховья р. Илек. Бесоба, к. 9. По: Кадырбаев М.К., 1984). 1–14 — бронза. Масштабы изображений различны.

высокопородные, и верхняя часть рисунка — головы и шеи коней очень похожи на парноголовые конские пряжки из Южного Тагискена. Есть много оснований думать, что эти парноголовые конные пряжки из Тагискена символизируют колесницу. Обратим внимание и на то, что высокие, «лебединые» шеи этих коней и их узкие длинные морды говорят о том, что они — высокопородные (как и на оленнем камне из Монголии). Но появилась эта повозка на Нижней Сырдарье не из Монголии: там такие высокопородные кони не водились, их ввозили из Средней Азии и очень высоко ценили. Тагискенские высокопородные кони по всей вероятности также среднеазиатского происхождения, скорее всего из Ферганы, которая славилась такими конями, что стало известно из китайских источников со II—I вв. до н.э. (Бичурин Н.Я., 1950, с. 149, 187; Кюннер Н.В., 1961, с. 104; Yetts W.P., 1934, p. 231 и сл. и др.). Но в Приаралье, на Алтае, в Туве и в Монголии такие высокопородные кони стали известны еще с VII–VI и в V–IV вв. до н.э., о чем свидетельствуют кони Аржана, пазырыкских курганов и ряд изображений на оленных камнях Монголии. Во все эти районы высокопородные кони попали вероятно из Ферганы. В самой Фергане известны наскальные изображения таких высокопородных коней из Аравана и Айрымач-тау (Заднепровский Ю.А., 1962, рис. 41.–1–4), а композиция, изображающая такого коня, кобылу с жеребенком и двух оленей с клювовидными мордами (как на камнях «монгольско-забайкальского» типа) известна в Фергане близ г. Ош (Шер Я.А., 1980, рис. 27).

Итак, можно сделать вывод, что следы копыт верховых и колесничных коней скифской эпохи ведут из Средней Азии (в том числе Ферганы) как на северо-запад, по правому берегу Сырдарьи, вплоть до Приаралья (Уйгарак, Тагискен) и Предкавказья (Новозаведенное-II), так и на восток, в Монголию, с ответвлением на север, в Горный Алтай. Это — один из путей, которыми передвигались люди «скифского мира». Были и другие пути.

К.В. Чугунов

(Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия. Санкт-Петербургский филиал)

ПЕРИОДИЗАЦИЯ АЛДЫ-БЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТУВЫ И ЕЕ ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП

K. V. Chugunov

*(Russian Research Institute for the Cultural and Natural Heritage,
St.-Petersburg Branch)*

Periodization of Aldy-Bel culture in Tuva and its final stage

Центрально-Азиатской экспедицией СПб филиала РосНИИ культурного и природного наследия в 1996 году исследован памятник на могильнике Копто, состоящий из трех, последовательно возведенных курганов, перекрывающих друг друга. Исследования показали, что все курганы относятся к алды-бельской культуре. Таким образом, на памятнике были получены уникальные данные по относительной хронологии развития погребального обряда этой культуры, основанные на стратиграфических наблюдениях. Материалы этого комплекса полностью опубликованы (Chugunov K.V., 1998, с. 273–308), поэтому позволю себе лишь кратко остановиться на его описании. Наиболее ранний курган 2 располагался в северной части комплекса, вытянутого меридианально, имел каменную вымостку по всей площади и содержал пять индивидуальных захоронений. Инвентарь — трехжелобчатые застежки, зеркало с центральной рукоятью без бортика, гребень с костяной орнаментированной накладкой, бронзовый нож с навершием в виде двух птичьих голов, колоколовидные и копытовидные костяные подвески, бронзовая пектораль, костяные шпильки, бирюзовые бусы. В могиле 5 на помещенной там колоде с младенцем лежала продолговатая галька саблевидной формы с выбитой полосой и подработанными краями. Перекрывающий его курган 3 имел вымостку только к западу от центрального захоронения и содержал четыре индивидуальных могилы. Инвентарь — бронзовые пектораль и нож в комплекте с железным шилом, серебряная фигур-

ная нашивка, плоское золотое кольцо, бронзовая шпилька с железным навершием, бронзовое шило, сердоликовая и бирюзовые бусы, пастовый бисер, подвески из зубов животных. Эти два кургана, хотя и отвечают всем канонам алды-бельской погребальной традиции, не могут быть датированы ранее VI в. до н.э., так как их комплексы включают сравнительно поздние типы вещей. Для нескольких могил в лаборатории ИИМК получены радиоуглеродные даты (Семенцов А.А. и др., 1997, с. 93). Все пять дат при калибровке дают очень большой разброс интервалов календарного возраста. Тем не менее, наиболее узкая дата (Ле-5217) по углю из могилы 1 кургана 3 — V в. — начало IV в. до н.э. — может служить определенной хронологической привязкой для всего комплекса в целом.

Наиболее поздний курган 4, замыкающий комплекс с юга, отличался от предыдущих хорошей сохранностью овальной ограды и линейным расположением могил по центральной оси сооружения. Могилы кургана 4 содержали коллективные погребения, причем размеры некоторых ям не позволяют предположить одноактность захоронения найденных в них останков (могила 1 — 8 погребенных; могила 5 — 3 погребенных). Здесь следует отметить, что одним из основных отличий алды-бельских и уюкско-саглыньских памятников являются индивидуальные (реже — парные) захоронения в одной культуре и коллективные — в другой (Грач А.Д., 1971, с. 97, 98). Однако, курган 4 могильника Копто не вписывается в рамки саглыньской культуры А.Д. Грача — здесь нет глубоких ям и погребальных камер в виде квадратных листовидных срубов. Кроме того, для уюкско-саглыньских памятников не характерно помещение под одним сооружением нескольких коллективных могил. Напротив, здесь гораздо больше признаков алды-бельского погребального канона более ранних курганов этого комплекса — глубина могильных ям, не превышающая 1,5 м, структура наземного сооружения и каменная вымостка к западу от центральной могилы. Некоторые параллели в вещевом комплексе тоже присутствуют — в центральных могилах курганов 3 и 4 найдены аналогичные плоские кольца, откованные из золота. Из кургана 4 происходят два набора наконечников стрел: в могиле 1 — 11 бронзовых трехлопастных и трехграннолопастных с длинным клиновидным черешком и один деревянный; в могиле 3 — 7 бронзовых трехлопастных с клиновидным черешком и два деревянных. Бронзовые стрелы отличаются массивностью и большими размерами. Черешковые трехлопастные бронзовые наконечники были распространены в Туве на протяжении всего скифского времени, однако некоторые тенденции типологического развития этой категории вооружения отмечались исследователями (Мандельштам А.М., 1983, с. 30). В частности, длинный клиновидный черешок, которым снабжены наконечники из могилы 1, может рассматриваться как ранний признак. Крупные размеры наконечников стрел из могилы 3 также говорят о ранней традиции их изготовления, хотя пропорции их уже далеки от раннескифских. Обращает внимание уникальный экземпляр наконечника из колчана, найденного в могиле 1, все три грани которого имели индивидуальный рисунок. Наконечники с криволинейным литым орнаментом известны в позднем алды-бельском комплексе Сарыг-Булун (Семенов В.А., Килуновская М.Е., 1990, рис. 4.–6,8,9). Железные ножи, аналогичные найденному в могиле 4, более характерны для уюкско-саглыньской культуры, но известны и в алды-бельских памятниках. Они обнаружены в одном из погребений комплекса Сарыг-Булун (могила 1) и из могильника Ортаа-Хем-III (курган 4, могила 2 — раскопки И.У. Самбу, 1969 г.). Бронзовая обойма с орнаментом в виде «витого шнура», происходящая из могилы 3, возможно, являлась деталью наборного пояса — редкого, но характерного атрибута воинских алды-бельских погребений. Подобный орнамент известен на обоймах из могильника Усть-Хадынныг-I (Виноградов А.В., 1980, с. 63, рис. 1.–13).

Суммировав сделанные наблюдения, можно обозначить ряд признаков, присущих позднейшим алды-бельским памятникам. Они характеризуются коллективными погребениями в неглубоких (до 2 м) ямах, расположением этих могил (если их несколько) по центральной оси кургана (часто С–Ю) и детских погребений — как в общих могилах с взрослыми, так и на периферии. Характерно также перекрытие могил бревенчатым накатом и отсутствие мощных внутримогильных сооружений, размещение погребенных в могилах обычно поперек длинной оси ямы. Комплектность сопроводительного инвентаря погребений — характерная для алды-бельской традиции, но появляются типологически поздние предметы, в колчаных наборах как компонент присутствуют раннескифские формы наконечников стрел.

Памятники, отвечающие всем перечисленным признакам давно известны в Туве. К ним относятся некоторые курганы в могильниках на правом берегу Енисея — Ортаа-Хем-II-III,

Темирсуг-II (раскопки И.У. Самбу, 1967–1970 гг.), а также исследованные в Западной Туве курган 9 в могильнике Чазы, курган 1 в могильнике Элдик-Кежик-Аксы (раскопки М.Х. Маннай-оола, 1969 г.) и курган 1 в могильнике Усть-Хадынныг-I (раскопки А.В. Виноградова, 1980 г.). Интересно, что в последнем случае сооружение с коллективным погребением в неглубокой яме замыкало «цепочку» алды-бельских курганов. Сам могильник, по-видимому, формировался от края террасы р. Устю-Ишкин, вдоль впадающего в него ручья Усту-Хадынныг, то есть с С на Ю как и на Копто, что может указывать на относительную хронологию исследованных здесь комплексов. В этом случае могила, содержащая известное погребение воина с чеканом, колчаном и наборным поясом попадает в относительно позднюю часть могильника.

На могильнике Усть-Хадынныг-I необходимо остановиться подробнее, так как он занимает в историографии алды-бельской культуры особое место. А.Д. Грач, впервые выделивший и описавший эти памятники, датировал ее VIII–VI вв до н.э. (Грач А.Д., 1980, с. 24–30). В ранний аржанский этап VIII–VII вв. до н.э. им были включены два памятника — курган Аржан и могильник Усть-Хадынныг-I, исследованный А.В. Виноградовым в бассейне Хемчика (Виноградов А.В., 1980, с. 60–64). Остальные алды-бельские могильники отнесены им к усть-хемчикскому этапу, датированному соответственно VII–VI вв. до н.э.

В последней периодизации алды-бельской культуры Д.Г. Савиновым выделены три этапа (Савинов Д.Г., 1994, с. 76–92). Основанием для отнесения серии могильников к первому этапу, куда им отнесены могильники Усть-Хадынныг-I, Хаданых-2, Бедиг-Хорум и погребения в Зубовке (кург. 96) и у г. Бош-Даг (кург. 1), он считает аржанские параллели в вещевом комплексе и искусстве, которое несет на себе «отпечаток реализма, характерного для искусства эпохи бронзы». Что касается аржанских аналогий, то, как показала Н.Л. Членова, их можно найти и среди позднего материала (Членова Н.Л., 1996, с. 181–190). Произведения искусства из могильника Усть-Хадынныг-I, приводимые в качестве примера архаичного стиля, имеют аналогии в тагарских древностях и датируются подгорновским и сарагашенским этапами этой культуры. Так, костяное навершие из мог. 1 кургана 4 в виде головы лошади больше всего напоминает окончания предметов неизвестного назначения и навершия некоторых ножей из Минусинской котловины (Членова Н.Л., 1967, табл. 25). Могильник Усть-Хадынныг-I — типичный алды-бельский памятник, и его соответствия с Аржаном не более выражены, чем в других могильниках раннескифского времени, что указывает на участие аржанских традиций в качестве компонента этой культуры. Датироваться он должен не раньше середины VII в. до н.э., а возможно и более поздним временем, о чем говорят бронзовые зажимные наконечники стрел, имеющие аналогии в могильнике Сарыг-Булун — позднем алды-бельском памятнике. Авторами раскопок он обоснованно датируется V в до н.э. (Семенов В.А., Килуновская М.Е., 1990, с. 46, рис. 2; рис. 4). Кроме того, в кургане 3 могильника Усть-Хадынныг-I найден фрагмент двудырчатого псаля, датирующегося не ранее рубежа VII–VI вв до н.э. Кстати, только в одном памятнике алды-бельской культуры найдена узда, включающая трехдырчатые псалии. Это могильник Сыпучий Яр, исследованный В.А. Семеновым в Центральной Туве (Семенов В.А., 1997, с. 31–33, рис. 3–5,6). Найденные там псалии напоминают единичный псалий из камеры 34а Аржана, отличаясь от него отсутствием биконического отростка (Грязнов М.П., 1980, с. 39,41, рис. 28.–1). Тип псаля из могильника Бедиг-Хорум не представлен в многочисленных уздечных комплексах Аржана, а сопоставим с находками из Центрального Казахстана (Кадырбаев М.К., 1966, табл. 37) и Алтая (Шульга П.И., 1998, с. 47; Бородаев В.Б., 1998, с. 61, 63). Тем не менее, это безусловно ранний алды-бельский памятник, о чем говорит прослеженная здесь тесная взаимосвязь курганов раннескифского времени с сооружениями монгун-тайгинской культуры. То же можно сказать и могильниках Сыпучий Яр и Куйлуг-Хем-I. Полагаю, что в периодизации Д.Г. Савинова нет достаточных оснований для разделения первого и второго этапов, так как все эти памятники могут быть датированы в рамках Усть-Хемчикского этапа А.Д. Грача — VII–VI вв. до н.э.

В третий этап Д.Г. Савиновым объединены могильники, алды-бельские по обряду (с некоторыми особенностями), но содержащие в составе инвентаря поздние типы вещей (например — зеркала без бортика с центральной ручкой). К этому этапу можно отнести курганы 2 и 3 могильника Копто. Ярким примером этой категории памятников является уже упоминавшийся

комплекс Сарыг-Булун в Центральной Туве, где так же зафиксирован случай перекрытия одного кургана другим.

Таким образом, периодизация Д.Г. Савинова, в целом отражающая развитие памятников раннескифского времени, разделяет алды-бельскую культуру на два этапа. В связи с исследованием стратифицированного комплекса Копто можно дополнить ее финальным этапом этой культуры. К нему относится курган 4 могильника Копто и все соотносимые с ним выше памятники. Отметим, что зачастую это отдельные курганы, включенные в могильники раннескифского времени. Как справедливо отметил Д.Г. Савинов, развитие алды-бельской культуры происходило довольно быстрыми темпами. Погребальные сооружения сознательно перекрывали более древние места захоронений, символизируя таким образом связь с предками. По-видимому это относится и к случаям перекрытия алды-бельскими курганами памятников монгун-тайгинской культуры.

Кстати можно заметить, что Саяно-Алтайский регион с его горно-степными ландшафтами и труднодоступными долинами чрезвычайно удобен для сосуществования различных культурных образований. Вероятно, носители более древних традиций на каком то этапе уступали главенство в регионе, но продолжали существовать, воздействуя в свою очередь на доминирующую культуру. Можно полностью согласиться с Вл.А. Семеновым, который в своей последней монографии отметил длительное переживание монгун-тайгинского погребального обряда на юго-западе Тувы (Семенов В.А., 1997, с. 33). Та же картина наблюдается на Алтае, где носители майэмирских традиций — кара-кобинцы — сосуществуют с пазырыкцами.

Финальный этап алды-бельской культуры — это период трансформации традиций раннескифского времени под воздействием доминирующего пришлого компонента. В то же время, субстратное влияние на формирование уюкско-саглынской культуры также было очень значительным. В ранних уюкско-саглыньских памятниках можно встретить и «реализм» в искусстве, и типологически ранние формы вещей, и даже некоторые параллели в погребальном обряде.

Работа выполняется при поддержке гранта РГНФ–ИНТАС «Сравнительная хронология скифских культур лесостепной и степной зон Евразии на основе радиоуглеродных и археологических данных».

Ю.В. Ширин

(г. Новокузнецк, Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость»)

ПОГРЕБЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ

Y.V. Shirin

(Novokuznetsk, Historic and architectural museum «Kuznetsk fortress»)

The burials of scythian time in the Kuznetsk valley

Проблема раннего железа в Кузнецкой котловине долгое время практически не ставилась и не разрабатывалась. В литературе можно встретить лишь краткую характеристику поселенческих материалов, единичных впускных погребений и отдельных случайных находок скифского времени с этой территории (Эрдниев У.Э., 1957, 1958, 1960; Мартынов А.И., 1961, 1979; Бобров В.В., Добжанский В.Н., 1986; Мартынова Г.С., Новгородченкова И.В., 1986; Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М., 1989, с. 111; Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с. 54; Ширин Ю.В., 1997, с. 180–182). Только в последние годы стали изучаться первые погребальные памятники.

К переходному времени от эпохи бронзы к эпохе железа, синхронному раннескифским памятникам, можно отнести 7 погребений на могильнике Кузнецк-I (Ширин Ю.В., 1993, с. 23). Большая часть их ограблена. Могильник исследован частично. Погребенные находились в неглубоких грунтовых ямах в скорченной позе (когда установлено — в двух случаях — на правом боку),

головой ориентированы на 3. Есть два трупосожжения. Вокруг 4 могил прослежены кольцевые оградки из вертикально поставленных плит. Погребальный обряд этого могильника и проволоочная серьга с витым конусом, найденная в одном из погребений аналогичны некоторым алтайским материалам раннескифского времени (Кубарев В.Д., 1991, рис. 3,6,7).

Курганная группа скифского времени Казанково-Х была исследована в устье р. Уската левого притока р. Томи. Курганы располагались на краю коренной террасы левого берега р. Томи высотой более 40 м от уреза воды. Ранее этот участок многократно распахивался. В настоящее время он застроен жилыми домами с. Казанково. В ходе аварийных раскопок 1995–96 гг. удалось выявить насыпи только 4 курганов. Они расположены цепочкой с С на Ю на значительном удалении друг от друга (от 25 до 85 м). Высота курганов 0,2–0,4 м, диаметр 10–12 м. Ровики, или какие либо иные ямы по краям насыпей не прослежены.

На подкурганных площадках располагалось по одной могиле. Все могилы несут следы неоднократных ограблений, которые начались в эпоху совершения захоронений. В заполнении разрушенной могилы кургана № 4 собраны только зубы и мелкие обломки черепа взрослого человека. Во всех исследованных курганах погребения располагались в простых прямоугольных ямах шириной 0,7–1 м и глубиной от 0,7 до 1,2 м (от уровня погребенной поверхности). Длина могильных ям не установлена, так как они разрушены грабительскими шурфами. Стенки могил почти отвесные, дно ровное. В придонной части могилы кургана № 2, на уровне 10 см от дна, вдоль стен, были уступчики. Длинная ось всех могил была ориентирована на С с незначительными отклонениями на СВ и СЗ. Судя по косвенным признакам, все погребения ориентированы головой в северный сектор.

В южной части насыпи кургана № 1 на уровне погребенной почвы попадались единичные кусочки жженных костей. На глинистом выбросе к востоку от могильной ямы в кургане № 1 прослежен прокал от костра, а в нижней части заполнения могильной ямы было много древесных углей. Видимо, костер, горевший на площадке к В от могилы, был сброшен в яму. Кроме этого, на дне могилы найдены кусочки и крошки мела. К С от могилы, на уровне выброса, найдены, лежащие компактно, вместе с кусочками бересты, бронзовое зеркало и бронзовая обойма. У зеркала массивное центральное петлевое ушко с приостренным верхом. Диаметр зеркала не менее 5 см (кромки зеркала обколоты), в центре диск более толстый (рис. 1.–7). Обойма имеет крестообразную форму с равновеликими лучами из полых трубок. Ее размеры 3×3×1,3 см. Обойма отлита в двусторчатой форме. На оборотной стороне обоймы, в центре, есть неровное технологическое отверстие. На лицевой стороне, в центре, отлит декоративный бугорок (рис. 1.–6). Сходные крестовидные бронзовые обоймы встречаются в курганах Алтайского края. Они найдены в погребениях, которые датируют IV–III вв. до н.э. (Уманский А.П., 1990, рис. 6.–2). Возможно, обойма и зеркало перемещены грабителями из могильной ямы, но могли составлять и отдельный комплекс (Фролов Я.В., 1997, с. 163–166).

В заполнении могильной ямы кургана № 1 найдены: ключица взрослого человека и несколько предметов (серьга, алтарик, пест и железный стержень из прутка диаметром 3 мм и длиной 15 мм (рис. 1.–3)). Серьга представляла собой несомкнутое кольцо диаметром 13 мм из круглой в сечении золотой проволоки. К кольцу вершиной припаян конус из зерни, основание которого закрыто диском с 4 парами отверстий. Через эти отверстия были продеты нити, на которых крепилась подвеска из 31 бирюзовой бусины, имитирующая гроздь винограда (рис. 1.–2). Форму подвески удалось проследить при расчистке серьги в могиле. Серьги сходные с найденной в могиле кургана-1 встречаются в погребениях Тувы, где датируются VII–VI вв. до н.э. (Грач А.Д., 1980, рис. 110.–6). В этих же погребениях найдены и бронзовые зеркала со сходным массивным петлевым центральным ушком. Аналогичные серьги найдены в могильниках Алтая и Алтайского края VIII–VI вв. до н.э. (Абдулганеев М.Т., 1994, рис. 3.–4,5; Завитухина М.П., 1966, рис. 2.–3; рис. 3.–3). От приведенных аналогий серьга из Казанково-Х отличается мелкими размерами и грубостью исполнения. Алтарик имеет простую овальную форму, без ножек (12,3×6,8×2,3 см). Он сделан из плитки мелкозернистого песка. Его внешняя поверхность и мелкая полость обработаны с использованием точечной выбивки (рис. 1.–4). В качестве пестика использована простая галька размером 9×4,5×2,8 см (рис. 1.–1).

В 5 м к СЗ от центра насыпи кургана № 2, на уровне погребенной почвы, найдена круглая выпуклая бляшка из металла белого цвета с тремя крепежными дырочками в бортике.

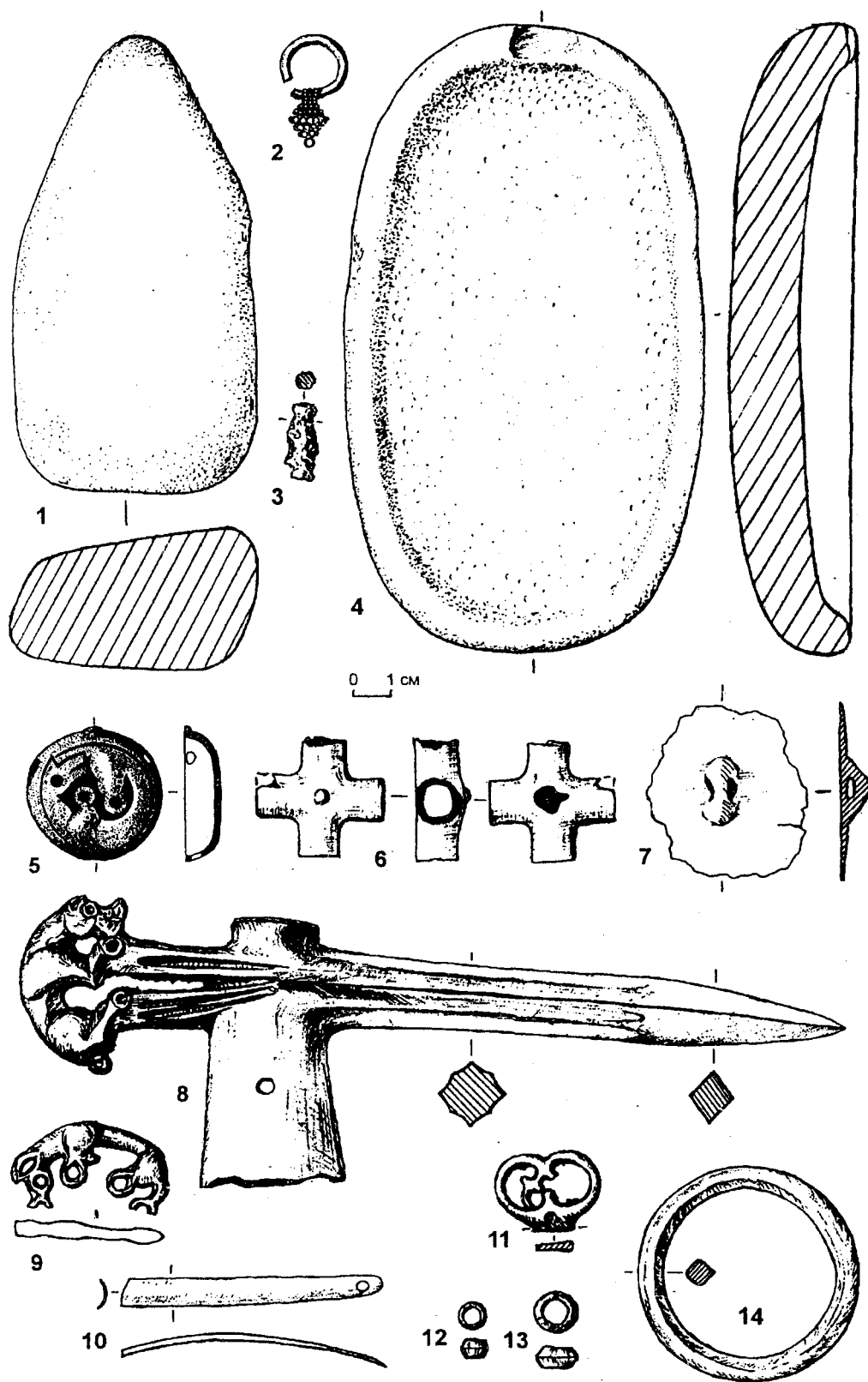

Рис. 1. Курганная группа Казанково-Х. 1-4, 6, 7 — курган 1; 5 — курган 2; 8-13 — курган 3; 14 — межкурганное пространство.
1, 4 — камень; 2 — золото, бирюза; 3 — железо; 5, 10 — серебро; 6-9, 11-14 — бронза.

Возможно, этот предмет перемещен грабителями из могильной ямы. Диаметр бляшки 3 см. Ее лицевая сторона украшена рельефным изображением свернувшегося в кольцо хищного зверя (рис. 1.–5). У хищника крупная голова, поджарое туловище, массивные грудь и круп. Треугольное ухо зверя направлено вперед. Глаз обозначен крупной лункой. Короткие лапы имеют кольцеобразное завершение. Узкий хвост расположен над мордой хищника. Подобные взаиморасположения лап и хвоста, степень свернутости животного и другие признаки композиционной схемы, по мнению Ю.Б. Полидович, наиболее характерны для ранних изображений из «восточных» провинций скифо-сибирского звериного стиля (1994, с. 76). Исходя из стилистических признаков, можно предполагать, что на бляшке изображен волк. Полные аналогии бляшке из Казанково-Х встречены в материалах раннего железного века Минусинской котловины VII в. до н.э. (Завитухина М.П., 1983, с. 157) и Томского Приобья, где их датируют VI–V вв. до н.э. (Плетнева Л.М., 1977, с. 79). Образ свернувшегося хищника, наделенный чертами волка или собаки, распространяется во всех основных локальных вариантах скифо-сибирского звериного стиля в V в. до н.э. (Ильинская В.А., 1971, с. 84). В заполнении могилы кургана № 2 встречались кусочки гнилого дерева и найдена часть бедренной кости взрослого человека. Остатков сопроводительного инвентаря в могиле не было.

В кургане № 3, в заполнении грабительского шурфа, найдены кости коровы (бедро и плечо с лопаткой). В 4 м к СЗ от центра кургана, на уровне погребенной почвы, был найден бронзовый чекан. Его максимальные размеры — 19×6,4×3 см. Боек чекана почти на треть полый со стороны втулки. Он в сечении восьмигранный, а острие — ромбическое. В тонкостенной длинной втулке есть отверстие для фиксации рукоятки. Прорезной обух чекана отлит в виде стилизованной фигуры стоящего волка с выгнутой спиной, маленьким крючковатым хвостом, опущенной массивной головой с оскаленной пастью и кольцевыми завершениями коротких полусогнутых лап (рис. 1.–8). Сходные чеканы известны на Среднем Енисее, где датированы VII–VI вв. до н.э. (Завитухина М.П., 1983, с. 156). Стилистически близкие изображения волков есть на раннескифских наскальных рисунках Алтая (Окладникова Е.А., 1988, рис. 2.–1).

В грабительском шурфе в могиле кургана № 3 был найден бронзовый ажурный предмет, видимо, — отломанное навершие небольшого ножика с плохо отлитыми волютообразными завитками (рис. 1.–11). В северной половине могилы вскрыты кости взрослого человека не в анатомическом порядке. Среди костей найдено несколько мелких украшений: обломок продольно выгнутой серебряной пластинки 6,3×0,6×0,1 см с отверстием на скругленном конце (вероятно, обломок шейного или головного украшения) (рис. 1.–10), две биконические бусины диаметром 1 и 0,6 см (рис. 1.–12,13) и бронзовая стилизованная фигурка зверя 4×2,2×0,3 см (рис. 1.–9). У фигурки длинное узкое туловище с выгнутой спиной, приостренное направленное вперед ажурное ухо, круглое отверстие на месте глаза и кольцевые завершения коротких полусогнутых лап. Кольцевые завершения морды и длинного хвоста в древности были повреждены, края сломов заполированы. Вероятно, фигурка первоначально была навершием какого-то орудия, например, ножа. С орудием фигурка могла соединяться кончиками морды и хвоста. В 11 м к ЮВ от центра насыпи кургана № 3, в межкурганном пространстве, вскрыто скопление жженных костей животного. Среди них было найдено бронзовое кольцо диаметром 5,6 см (рис. 1.–14).

Судя по планиграфии, погребальному обряду и инвентарю, курганная группа Казанково-Х имеет однородный культурно-хронологический состав. Она может быть связана с ранним проникновением в степные предгорья Северного Алтая кочевников сакского круга, которые положили начало формированию скифских культур этого региона (Могильников В.А., 1995; 1998). Погребения могут быть датированы VI–V вв. до н.э.

Следует отметить, что приток населения в Кузнецкую котловину из Казахстанского Прииртышья в дальнейшем становится традиционным. Он отмечается по погребениям гунно-сарматского времени в могильнике Кузнецк-1/4 и позднее, вплоть до предмонгольского времени.

А.С. Шишкин

(г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

**ЖИВОТНЫЕ В ИДЕОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ
НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА**

A.S. Shishkin

(Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogic University)

Animals in ideology of Novosibirsk near Ob region, in habitants of early iron age

В конце I тыс. до н.э. в Новосибирском Приобье проходили сложные этногенетические процессы, обусловленные тесными контактами носителей большереченской культуры, распространенной здесь с VI–V вв. до н.э. с мигрирующими сюда кулайцами и слияние степной и таежной идеологий. Это проявилось и в учащении случаев использования большереченцами животных в ритуальных целях.

Находки костей животных на памятниках большереченской культуры связаны, в первую очередь, с могильниками. В видовом отношении преобладают черепа и полные скелеты коней. Мы располагаем целой серией следов одного ритуала: на дне рва, как правило у входа, лежат 1–2 конских черепа: Новый Шарап-II; Быстровка-I (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 25) и Быстровка-III (Дураков И.А., Мжельская Т.В., 1995, с. 48). В последнее время открыты два захоронения коней на памятнике Быстровка-III (Там же, с. 49). В первом случае полный скелет жеребенка лежал поперек скелетов двух взрослых людей, в головах которых найден скелет ребенка. Погребение животного совершено несколько позже, чем основное захоронение. Во втором случае полный скелет лошади был найден в насыпи, лежащим поперек одной из могил, слегка углубляясь ниже кромки ямы. Между ребер лошади найден скелет жеребенка и травяной тлен. В могиле 13 к. I могильника Быстровка-II обнаружен скелет собаки, лежащий в анатомическом порядке (Новиков А.В., 1996, с. 207). Могила полностью ограблена. Над перекрытием могилы 5 к. 3 могильника Милованово-VIII найден скелет утки (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 128).

Конские черепа, обнаруженные во рвах большереченских курганов, Т.Н. Троицкая первоначально объясняла как остатки тризны, во время которых съедались один или несколько коней, а голова сохранялась как вместилище жизненной силы, для воскрешения коня на том свете (Троицкая Т.Н., 1983, с. 33). Она же предположила, что первоначально головы устанавливались на шестах у входа на площадку с погребениями. Позже экспериментальным путем было доказано, что шесты с конскими черепами устанавливались после окончательного формирования насыпи кургана и имели отношение к поминально-охранительным действиям и ритуалам (Бородовский А.П., 1996, с. 61). С нашей точки зрения, интерпретировать этот ритуал следует исходя из индоиранских представлений, где семантическая нагрузка шеста и коня весьма разнообразна. Шест — это и жертвенный столб, воздвигавшийся почти при каждом ритуале, и образ мирового дерева, и дорога, связующая все сферы Космоса. Функции жертвенного столба сходны с функциями огня: доставка молений и жертв богам (РВ, III; 8,6). Основное значение шеста в индоевропейской мифологии описано Вяч. Вс. Ивановым: «путь, соединяющий мир людей и богов (или предков, отцов) в Индии обычно связывается с мировым деревом или эквивалентным ему в ритуалах мировым столбом» (Иванов Вяч. Вс., 1974, с. 118). Конь в индоиранской и, шире, в индоевропейской ритуальной практике является одним из основных жертвенных животных. Особое внимание в ритуале отводилось голове коня, которая соотносилась с «духовной энергией» (там же с. 96). Можно выделить две основные составляющие, определяющие значение этого животного в рассматриваемом ритуале. Это транспортировка умерших (не случайно конь является одним из хтонических существ индоевропейских мифологий) и конь как образ Космоса; жертвоприношение коня — акт творения. Последнее особенно значимо для индийской традиции. Характерной деталью большереченского ритуала является парность голов коней. Этот мотив распространен в искусстве и мифологии племен индоиранского мира и справедливо связывается исследователями с культом близнецов, парами полубожественных всадников — Ашвинов, Диоскуров и пр. (Кубарев В.Д., 1981, с. 89–90; Кузьмина Е.Е., 1977, с. 102–104). Важен мотив, ярко выраженный в культе Ашвинов — целительство, способность возвращать жизнь умершим (РВ, I, 116, 23,24; I,117, 7; X, 65,12). Таким образом, ритуал выставления конских черепов на курганах большере-

ченцев соотносится с тремя темами: воздвижение столба и жертвоприношение коня — моделирование Вселенной, столб — дорога в верхний мир, парность черепов — воскрешение, возрождение к новой жизни. Жертвоприношения коней были широко распространены в эпоху раннего железа по всей территории степной Евразии. Совершались они и в среде таяжских племен. Так, скопления конских черепов обнаружены при исследовании кулайского могильника Каменный Мыс (Троицкая Т.Н., 1979, с. 58–59). Однако, хотя использование коня в ритуалах среди праугро-самодийцев связывается с влиянием степных индоиранских культур, смысл этого ритуала следует искать в мифологии и обрядности таяжских народов.

Захоронения лошади и жеребенка в материалах Быстровки-III по характеру находки очень близки с захоронением собаки из Быстровки-III, причем оба памятника довольно близки в хронологическом отношении. По-видимому, мы имеем дело с одним и тем же ритуалом, в котором собака и конь взаимозаменяемы. Ритуал, по-видимому, совершался сразу после нарушения первичного захоронения. В таком случае, главным моментом в раскрытии смысла ритуала являются представления о смерти. О хтонической сути образа коня говорилось выше. Связь собаки, имеющей функции пожирателя-погребателя, с представлениями о смерти изучена достаточно подробно (Иванов Вяч. Вс., 1975; Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984; Мошинская В.И., Лукина Н.В., 1982). Аналогией этого ритуала в рамках эпохи раннего железа являются частые находки полных скелетов или костей собак в грабительских лазах на могильниках Южной Сибири (Кузнецов Н.А., Худяков Ю.С., 1989, с. 49–50). На наш взгляд, захоронение этих животных в данном случае носило апотропейный характер. Собака и конь часто выступают в роли стражей пути в царство мертвых и их убийство должно было закрыть умершему дорогу в мир живых.

Аналогии захоронению утки над перекрытием одной из могил могильника Милованово-VIII следует искать в материалах таяжских культур. Захоронения отдельных костей птиц в насыпях курганов известны в материалах могильника Каменный Мыс. Здесь же найдены захоронения водоплавающих птиц, носящих явно сопроводительный характер по отношению к человеческим погребениям (Троицкая Т.Н., 1979, с. 9, 79 и далее). Кости птиц зафиксированы над могилой подростка в жилище № 6 Саровского городища (Чиндина Л.А., 1984, с. 53). Образ водоплавающей птицы, связанный с представлениями о душе и погребально-поминальными ритуалами обских угров известен в этнографии с XIX в. (Гондатти Л.Н., 1888, с. 41; Чернецов В.Н., 1959, с. 151; и др.). В контексте поминальной обрядности жертвоприношение утки символизирует отправление души умершего в загробный мир. Этот обряд означал окончательное прощание с покойным.

Следы ритуального использования животных на поселениях большереченской культуры практически не известны. Единственным исключением является находка скелета барана без черепа под полом жилища № 6 поселения Ордынское-IX, рядом с одним из очагов (Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994, с. 8). Очаг, судя по найденным рядом кускам шлака и каплям пролитой бронзы, носил производственное значение. Аналогичный обряд зафиксирован в Западной Сибири уже в материалах эпохи бронзы (Киришин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979, с. 36, 169). Следы жертвоприношения животных у очага, носившего производственное значение обнаружены в жилище № 1 кулайского городища Дубровинский Борок-III (Троицкая Т.Н., 1979, с. 26). Итак, животное приносят в жертву у производственного очага. Говоря о традиционных обществах «процесс изготовления бронзовых изображений можно и должно рассматривать не только как реальную ситуацию, в результате которой появляется металлическое изделие, но и как ритуальную» (Балакин Ю.В., 1985, с. 23). Процесс изготовления бронзовых предметов в угорской традиции моделировал мифологическую ситуацию перехода от хаоса к космосу. Миф об «огненном потопе», после которого мир обрел нынешние очертания, манси рассказывали и в текущем столетии. При его изложении перед глазами держали металлическое изделие. Скорее всего баран был принесен в жертву во время бронзолитейных работ или перед их началом. Вид животного в данном случае не имел особого значения.

Итак, нами рассмотрены все имеющиеся на настоящее время факты использования животных в ритуальной практике носителями большереченской культуры. В хронологическом отношении большинство этих фактов относится к последней трети I тыс. до н.э. — I в. н.э., то есть на период усилившихся контактов с таяжскими племенами, для которых характерен развитый культ животных. К местной традиции следует отнести обычай выставления конских черепов на погребальных комплексах, который восходит к индоиранским ритуалам. Этот обычай является и самым устойчивым с V–IV вв. до н.э. (Новый Шарап-II) до I в. н.э. (Быстровка-III). Погребения двух ко-

ней и собаки из Быстровского некрополя носят характер оберега и укладываются в рамки степных традиций эпохи раннего железного века, как по видовому составу животных, так и по смыслу обряда. Однако, не исключено, что сам факт участвовавших в III в. до н.э. — I в. н.э. жертвоприношений животных объясняется влиянием кулайцев, тем более, что сам быстровский некрополь находится поблизости от кулайских памятников Новосибирского Приобья, а на Быстровке-III обнаружены факты, свидетельствующие об усилении связей с кулайцами (Дураков И.А., Мжельская Т.В., 1995). Интересен и тот факт, что эти два конских захоронения являются уникальными для большереченских могильников.

Что касается жертвоприношения барана на послении Ордынское-IX, то, хотя оно является наиболее ранним (VI–V вв. до н.э.), не исключено его заимствование из таежной среды, где подобная практика известна с эпохи бронзы. В целом, можно сделать вывод о том, что хотя следы влияния идеологии северных соседей на большереченцев прослеживаются уже во второй половине I тысячелетия до н.э., мировоззрение населения Новосибирского Приобья в эпоху раннего железного века остается по преимуществу прежним, основанным на идеологии скотоводческих индоиранских культур.

Е.Г. Шпакова

(г. Новосибирск, ИАиЭт СО РАН)

ХАРАКТЕРИСТИКА ОДОНТОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ КУРГАНА АК-АЛАХА-II

E.G. Shpakova

(Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography)

The characteristic of odontologic material from the burial-mound Ak-Alaha-II

Летом 1992 г. на высокогорном плато Укок (самая южная точка Алтая на территории России) проводились работы археологического отряда под руководством Н.В. Полосьмак. При раскопках кургана № 1 был найден антропологический материал, включающий череп взрослого человека, небольшой участок мозговой капсулы ребенка, несколько фрагментов длинных костей и значительное число разрозненных зубов человека. На основании археологических находок данные погребения датируются VII–VI вв. до н.э. (Полосьмак Н.В., 1993, с. 21).

В связи с тем, что из-за очень плохой сохранностью костного материала, получить какие-либо краниометрические или остеологические характеристики не удалось, был проведен подробный анализ измерительных и описательных признаков имеющегося одонтологического материала.

Для работы с одонтологическим материалом была использована методика А.А. Зубова (1968; 1993) и результаты анализа одонтологических данных в других работах этого автора.

Интересным оказалось числовое соотношение коронок верхнего (32) и нижнего зубных рядов (56), правой (17 — верхняя челюсть, 15 — нижняя) и левой (26, 30 — соответственно) половин — в обоих случаях пропорции оказались очень схожими $\approx 1:2$. Объяснить лучшую сохранность зубов в левых квадрантах челюстей можно, предположив, что погребенных хоронили на правом боку или в таком положении, что вследствие захоронения череп соприкасался с нижними слоями почвы своей правой половиной, в которой кости, скорее всего, подвергались более сильному воздействию факторов разрушения. Худшая сохранность зубов верхней челюсти также, по видимому, зависела от близости костного массива черепа.

В группе взрослых наряду с псалидодонтией отмечается и более архаичный лабидодонтный прикус.

Отмечено несколько показателей эпизодического стресса или маркеров специфических реакций организма на ряд заболеваний: гипоплазия эмали, аномалии формирования корней, выраженные «перетяжкой» в апикальной трети и резким отклонением или уменьшением нижнего от-

дела корня. Кариес (отмеченный у трех погребенных) — один из наиболее распространенных видов современной зубной патологии, причины появления которой до сих пор полностью не выяснены. Фиксируется лишь возрастание частоты этого заболевания у населения с производящим типом хозяйства и, соответственно, определяется связь кариозных поражений зубов с углеводной диетой. Кариес и псевдокариес, имитирующий кариозное разрушение коронки, в группе являются маркерами адаптивного синдрома, но, по-видимому, к ним необходимо причислить еще один признак, отражающий особенности развития зубной системы, — высокий процент механических повреждений коронок.

В целом серия, имеющая средние модули верхних моляров (M1–M3) — 10,70 и (M1,M2) — 10,95, определяется как макро- и мезодонтная. Но следует отметить, что при работе с одонтологическими образцами бросается в глаза значительная неоднородность зубного материала, «распадающегося» на две подгруппы с различными метрическими особенностями. Объективность двойного деления одонтологической серии подтверждается проявлением определенной тенденции в расхождении метрических данных в обеих зубных генерациях, при которой обе подгруппы становятся носителями различных измерительных признаков.

Верхние резцы с очень короткими, уплощенным в вестибуло-лингвальном направлении корнями имеют крупные коронки с хорошо выраженной лопатообразностью (1–3 балла). Надрасовый характер последнего признака четко определяет присутствие восточных таксонов в популяции. Морфологический вид лингвальной поверхности резцов более соответствует типам I или 3 — развитие боковых гребней при отсутствии настоящего лингвального бугорка. Межрезцовый индекс ($MDcorI2:MDcorI1 \times 100$), вычисленный только по средним — 86,2, характеризует группу в целом как монголоидную, поскольку в европеоидных выборках его значения изменяются в гораздо более низких пределах (75–78), чем в монголоидных (82–84). Архаичность зубов этой позиции выражается в малых значениях индекса уплощенности корня. Нижние резцы характеризуются повышенным значением вестибуло-лингвального диаметра и значительной мезио-дистальной уплощенностью медиальных зубов.

В следующем классе зубов очень крупные размеры верхнего клыка с очень длинным корнем сочетаются со средней выраженностью горизонтальных диаметров нижнего антагониста и очень большой высотой коронки и корня этого зуба. Отмечены случаи двухкорневого нижнего клыка.

Верхние первые премоляры в группе имеют средние размеры коронки и длинные корни, зубы второй подгруппы характеризуются более мелкими размерами и значительно более длинным корнем, чем в первой подгруппе. На нижних премолярах наблюдается значительная выраженность вестибуло-лингвальных размеров и редукция мезио-дистальных диаметров — сочетание это наиболее характерно для «крупнозубых»; премоляры второй подгруппы имеют средние показатели.

Расхождение метрических признаков моляров по подгруппам проявляется более четко, чем в других зубных классах. Макродонтная подгруппа выделяется большими и значительными величинами трех основных диаметров коронок, за исключением третьего нижнего моляра со средне выраженными горизонтальными размерами и очень длинными корнями. Вторая подгруппа по перечисленным признакам имеет средние и малые показатели, определяющие на основании средних модулей верхних моляров микродонтию представителей этого одонтологического типа, одной из особенностей которого является общая редукция коронок первых верхних моляров и резкое сокращение мезио-дистальных размеров третьих верхних и, особенно, нижних зубов данного класса.

Размерные характеристики молочных зубов, в целом, отражают микродонтию представленных моляров. Но интересно, что на основании метрических данных эти зубы также можно разделить, отнеся их к двум предложенным ранее подгруппам, поскольку разница горизонтальных диаметров между ними составляет примерно единицу.

Одонтологический тип палеонаселения из Ак-Алахи-II характеризуется набором смешанных расовых особенностей, отражающих метисное происхождение группы: слабое развитие бугорка Карабелли, отсутствие дистального гребня и коленчатой складки, невысокая частота затека эмали, значительный процент редуцированных коронок двух нижних моляров и редукция корневой системы верхних и нижних моляров, шестибугорковые первые моляры. Одонтоглифические особенности серии, отражая смешанный характер признаков, также позволяют подтвердить сде-

ланное ранее предположение о метисном происхождении группы. Признаки расового характера, имеющие разновекторную направленность, вопреки ожиданию, почти в равной степени маркируют обе подгруппы и всю серию ак-алахинцев как смешанную группу с монголоидными и европеоидными одонтологическими признаками — при слабом преобладании европеоидных особенностей в среде «мелкозубых» и с большей долей монголоидных особенностей у представителей первой подгруппы.

Таким образом, по совокупности одонтологических расовых признаков у раннескифского населения преобладают особенности «восточного» направления, которые маркируются как синодонтные и сундадонтные (в большей степени). То есть, в генезисе палеопопуляции, скорее всего, участвовали южные и континентальные монголоидные элементы. При этом некоторые особенности моляров указывают на то, что в формировании метисного одонтологического варианта ранних скифов могли принимать участие и представители китайского населения. Среди европеоидного субстрата возможна небольшая доля северных групп. Смешение имело место на более ранних этапах развития палеопопуляции, поскольку проявление расовых признаков имеет уже «устоявшийся» характер.

П.И. Шульга

(г. Барнаул, Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН и НИИ Гуманитарных исследований при АГУ)

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ
И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ В VII–III ВВ. ДО Н.Э.**

P.I. Shulga

(Barnaul, The laboratory of South Siberia archaeology and ethnography institute SB RAS and SRI of humanitarian researches attached to the ASU)

***Ethno-cultural situation in Mountainous Altai
and north-west before hill regions in VII–III centuries B.C.***

Публикация полученных ранее археологических и антропологических материалов, а также продолжение исследований в Восточном Казахстане и северо-западных предгорьях постоянно вносят изменения в наши представления об этнокультурной ситуации на Алтае в VII–III вв. до н.э. В силу слабой изученности указанных территорий исследованные могильники или отдельные захоронения (поселения здесь практически не раскапывались) представляются отдельными кусочками мозаики, по которым конечная картина вырисовывается весьма смутно. Отсюда и предположительность некоторых заключений автора, базирующихся на сравнительно небольшом материале.

Раннескифская культура в VII — нач. VI вв. до н.э. Исходя из высокой степени изученности погребальных и поминальных памятников Горного Алтая в раннескифское время (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997), следует согласиться, что понятие «майэмирская культура», независимо от вкладываемого в него содержания (см.: Могильников В.А., 1986), будет чужеродным для «куюмских» и «семисартских» захоронений в каменных ящиках, распространённых в границах Республики Алтай (см.: Тишкин А.А., 1994, с. 126). Послужившие основой для выделения майэмирской культуры курганы VII — нач. VI вв. до н.э. по реке Бухтарме, во-первых, резко отличаются от «куюмских» и «семисартских», а во-вторых, не составляют единой группы, поскольку здесь представлены захоронения с дромосами; захоронения в ямах и на уровне материка; могилы с подбоями, один из которых, по-видимому, не выявил А.В. Адрианов в захоронении лошади и барана (Солонечный белок, к. 2), полностью совпадающем с изученным в Машенке-I (Адрианов А.В., 1916; Шульга П.И., 1997г, с. 37). Показательно отнесение С.С. Черниковым некоторых бухтарминских памятников к южной чиликтинской группе (Черников С.С., 1975, с. 133). Столь существенные различия в погребальном обряде указывают на многочисленные этнические группы, сменявшие друг друга на этой территории или сосуществовавшие какое-то время. Иссле-

дования последних лет позволяют выделить в северо-западных предгорьях и в примыкающих районах Восточного Казахстана несколько типов погребений и разделить намеченную ранее группу погребальных памятников VII — нач. VI вв. до н.э. (Шульга П.И., 1997г, с. 37).

1. В курганный насыпи имеется кольцевая конструкция. Захоронения располагаются по центру в ямах глубиной 1,2–3 м. Умерший укладывался вытянуто, головой на запад, северо-запад или север в подбое (Солонечный Белок, к. 1, в сочетании с дромосом; Майэмер-II, Самашев З., Жумабекова Г. и др., 1998). Подобные погребения в подбоях с подхоронением лошади и барана во входной яме, ориентированных в ту же, что и человек, сторону, обнаружены в Машенке-I, по-видимому, на Солонечном белке (к. 2), в Чекановском Логе-X (выражаю признательность М.А. Дёмину и С.М. Ситникову за возможность ознакомиться с материалами из этого памятника). Сюда же можно отнести и захоронение женщины с двумя лошадьми из могильника Карбан-I на Катунь (Дёмин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992).

2. Близкое первой группе устройство могил под кольцевыми или подквадратными выкладками зафиксировано в среднем течении р. Чарыш на могильнике Чесноково-I. В трех из шести изученных захоронений погребения были совершены в небольших подбоях. Умершие укладывались вытянуто, головой на северо-запад (в к. 2 на СВ). В одном случае рядом с умершим на приступке находились остатки шкур двух лошадей с одним комплектом сбруи (Шульга П.И., 1997а; 1998г). Особенностью погребального обряда является наличие в заполнении могил двух поминальников на уровне погребённой почвы и ниже, включавших керамику, изделия из кости, обломки зернотёрок, черепа и кости лошади, овцы, крупнорогатого скота (?) и диких копытных. В трёх случаях могилы дополнены подхоронением людей: двух женщин (к. 2, гр. 1), ребёнка (к. 3, гр. 2) и позвонков взрослого человека (к. 8, гр. 1).

3. Имеется несколько курганов, содержащих по два отдельных захоронения, в одном из которых в северной части насыпи или могилы погребался человек, а в другом — лошадь или лошадь с баранами (Кондратьевка XXI; Мельничная гора, вероятно Берёзовка-I (Карамышево)). Два подобных кургана обнаружены в северных предгорьях на быстринском могильнике (Полторацкая В.Н., 1966, с. 72).

4. Особый тип грунтовых и подкурганных захоронений в неглубоких ямах отмечен на поселениях эпохи бронзы Советский Путь-I и Канай, вероятно, в кургане № 3 под Солонечным Белком (см.: Ситников С.М., Шульга П.И., 1998). Здесь не встречены подхоронения животных, умершие укладывались в неглубоких ямах вытянуто или скорченно, головой в северо-западный или юго-западный секторы.

5. Захоронения с дромосами с восточной стороны без подхоронений жертвенных животных. Помимо Чиликтинского могильника выявлены и в степном Алтае (Телегин А.Н., 1996; 1997; Шамшин А.Б., Язовская А.Н., 1998).

Инвентарь в захоронениях указанных типов в некоторых случаях имеет свои особенности, например, петельчатые зеркала без бортиков на могильнике Советский Путь-Ia, своеобразные «бесщитковые» подпружные пряжки из Кондратьевки-XXI и Мельничной горы, наборы деталей конской упряжи с У-образными псалиями из Машенки-I и Солонечного Белка (к. 2). Однако явной зависимости здесь не прослеживается. Керамика умершим не ставилась, за исключением к. 2 из могильника Чесноково-I, где сосуд был помещён с зависимой женщиной в заполнении могилы (Шульга П.И., 1998а).

Не проводя детальных сопоставлений указанных типов погребений, анализа их взаимосвязей с культурами прилегающих территорий, отметим близость первых трёх, представляющих по большей части различные варианты погребений с подбоями, а также с подхоронениями жертвенных животных (овца, лошадь), помещаемых, как правило, в одной яме, но отделённых от человека заслоном или уложенных в отдельном ящике (Мельничная гора, Берёзовка-I (?)). О тесных связях вновь выявленных погребений уже говорилось (Шульга П.И., 1997г, 1998а; Ситников С.М., Шульга П.И., 1998), но если ранее перед нами были большей частью разрозненные захоронения, в чём-то близкие «тасмолинцам», «чиликтинцам», «канайцам» и др., то сейчас выявляются, пусть пока немногочисленные, группы погребальных памятников, за которыми, очевидно, стоят определённые этнические образования.

Обнаружение в северо-западных и западных предгорьях значительного количества погребений с подбоями, в том числе с подхоронениями лошадей и баранов, очевидно, заставит по-иному взглянуть на подбои в Семиречье и Центральном Казахстане, на их появление в культурах VI–

III вв. до н.э. Наличие подбойных погребений раннескифского времени у оз. Алаколь позволяет предположить их распространение на территорию памятников «Южной группы» (Черников С.С., 1975) до оз. Зайсан и далее к югу, тогда как погребения с дромосами встречены севернее, на р. Бухтарма и в Кулунде (Адрианов А.В., 1916; Телегин А.Н., 1996; 1997; Шамшин А.Б., Язовская А.Н., 1998). Всё это не противоречит предположению о существовании на юге Алтайского края, в Восточном Казахстане и Джунгарской впадине особой культурной общности раннескифского времени (Шульга П.И., 1997г, с. 49).

Некоторые данные по северо-западным предгорьям как будто подтверждают отмеченные ранее связи между культурами эпохи поздней бронзы и ранних кочевников (Степная полоса..., 1992, с. 144). Так, уже указывалось на близость захоронений «скорченников» на поселениях Советский Путь-I, Канай и на могильнике Чесноково-I погребениям переходного периода (Зевакино, Б. Елбаны, Берёзовка, Обские плёсы и др.; Шульга П.И., 1998а, с. 67). Раскопками на могильнике Чесноково-I в раннескифских погребениях обнаружена керамика с чертами, характерными для эпохи бронзы (Шульга П.И., 1998г), а также новые безынвентарные захоронения, в которых умершие укладывались в неглубокие ямы, скорченно на правом боку, головой на юг, юго-запад, быть может, имеющие связь с подхоронением скорченной женщины из кургана № 2.

Относительно взаимосвязи между культурами гор и предгорий существует мнение о вероятности появления погребений типа Машенка-I и Чесноково-I (к. 2) в результате миграции из Горного Алтая, однако не исключался и обратный процесс (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 60). Вышерассмотренные материалы указывают на последнее — погребения в Машенке-I и Чесноково-I являются окраинными, наиболее удалёнными в горы захоронениями расположенных в предгорьях этнокультурных образований и не имеют отношения к «куюмцам» и «семисартцам», влияние которых на предгорья пока почти не фиксируется. В VII — нач. VI в. до н.э. Горный Алтай севернее р. Бухтармы представлял собой довольно изолированную территорию, что подтверждается небольшим количеством инокультурных погребений (Карбан-I, Каракол и некоторые другие). Наличие на поселениях между Элекмонаром и Усть-Семой «большереченской поселенческой керамики» (см.: Степанова Н.Ф., 1998) указывает на тесные связи в раннескифское время населения предгорий и этого небольшого микрорайона в среднем течении Катунь, где в пазырыкское время также продолжает сохраняться своеобразный тип орнаментации валиковой керамики (Шульга П.И., 1995а; 1997а, с. 83). С раннескифского времени, по-видимому, постепенно усиливается влияние предгорного населения, проникавшего по Аную и Чарышу на территорию современного Усть-Канского района Республики Алтай (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 106; Бородавский А.П., 1995; Шульга П.И., 1991).

Пазырыкское время (VI–III вв. до н.э.). В результате исследований XIX–XX вв. пазырыкская культура населения Горного Алтая является одной из наиболее изученных в Южной Сибири. Основную массу погребений можно отнести к трём типам: 1) собственно пазырыкские в срубках, ориентация восточная, обычны конские подхоронения; 2) каракобинские в каменных ящиках, ориентация восточная, конские подхоронения, как правило, отсутствуют; 3) пока не получивший названия тип захоронения (зачастую парных) в срубках, деревянных рамах и сооружениях из камня с деревянным перекрытием (ориентация юго-восточная или восточная). Расположение погребального инвентаря во всех типах погребений одинаково.

Своеобразие пазырыкских и каракобинских захоронений, очевидно, тогда как третий тип пока не выделялся, если не считать краткого замечания автора в одной из последних публикаций (Шульга П.И., 1997в, с. 34). Многие из этих захоронений, на первый взгляд, легко могут быть отнесены к собственно пазырыкским без конских подхоронений. Отсюда и определение «второй вариант пазырыкской культуры», использованное для характеристики курганов Уландрыка (Кубарев В.Д., 1987, с. 14), а затем и средней Катунь (Кочеев В.А., 1990, с. 222), или «результат взаимовлияния» пазырыкцев и каракобинцев (Владимиров В.Н., Шульга П.И., 1984, с. 102). Вместе с тем, авторы раскопок курганов скифского времени на Бике-I и Верх-Еланде-II всё же не посчитали возможным отнести к пазырыкской культуре захоронения без коней с южной (возможно, результат широтной ориентации цепочки), юго-восточной и восточной ориентацией (Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, с. 13,23; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 87,89). При этом отмечалась особенность ориентации в юго-восточный сектор и большое количество погребённых в могиле (см.: Тетерин Ю.В., 1992, с. 66; Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, с. 14). С некоторыми оговорками к третьему типу можно отнести плохо документированный Алфёровский могильник

(Суразаков А.С., 1982). Вариантом являются описанные нами парные захоронения с ориентацией в юго-восточный сектор (Владимиров В.Н., Шульга П.И., 1984), представленные в «чистом» виде в долине реки Сентелек (левый приток Чарыша), где в пяти из шести курганов были парные погребения головами на юго-восток, лошади отсутствовали (Шульга П.И., 1997б). Подобные погребения, содержавшие по одному умершему, обнаружены в 70–90 км ниже по Чарышу (Шульга П.И., 1997в; 1998г). Не имея возможности дать подробную характеристику погребений, отметим их относительно позднюю датировку IV–III вв. до н.э., преобладание юго-восточной ориентации, парность или коллективность многих захоронений, отсутствие конских подхоронений. Основное количество этих погребений тяготеет к северным и северо-западным предгорьям, в южной части они, вероятно, сливаются с кулажургинской культурой. В частности, с погребениями, изученными по р. Бухтарма (Сорокин С.С., 1966). В этих же границах как будто находятся и каменные ящики с восточной ориентацией умерших. Показательно, что два захоронения в ящиках из Чесноково-1 можно отнести как к каракобинским, так и кулажургинским, типа найденных на могильнике Джарта в Восточном Казахстане (Самашев З.С., 1997). Таким образом, в какой-то мере подтверждается предположение о близости каракобинцев и кулажургинцев и о распространении каракобинцев от Северного Алтая до Восточного Казахстана на юге (Могильников В.А., 1983, с. 64; Суразаков А.С., 1983, с. 48). Отметим также наличие связи погребений третьего типа и в каменных ящиках, однако этот вопрос требует отдельного исследования с публикацией новых материалов, уточнения датировок.

Вопрос о генезисе пазырыкской культуры, неразрывно связанный с изучением финального этапа раннескифской, до сих пор далёк от разрешения (см.: Могильников В.А., 1986; Марсадолов Л.С., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Шульга П.И., 1998б). В перспективе важное место в решении проблемы будет отводиться изучению поселений I тыс. до н.э. На настоящий момент в Горном Алтае эта работа практически свёрнута, а в северо-западных предгорьях целенаправленные поиски поселений не начаты, не разработана и методика их поиска. Тем не менее, сопоставление поселенческой керамики раннего железного века из Горного Алтая и кухонной посуды из насыпей курганов VII–III вв. до н.э. позволяет со всё большей уверенностью говорить о сложении основных типов орнаментации, известных в пазырыкское время, уже в раннескифское время (см.: Шульга П.И., 1997а, с. 76; 1998в, с. 149–150; 1998г). Смена раннескифской культуры пазырыкской не привела, по имеющимся данным, к заметному изменению керамических форм и орнаментации. Что же касается появляющихся уже в раннепазырыкских захоронениях кувшиновидных сосудов, то на поселениях они практически не встречаются, поскольку использовались, по-видимому, преимущественно в культовых целях, в том числе — при совершении погребального обряда (Шульга П.И., 1997а, с. 74). Отсюда напрашивается вывод, что образование пазырыкской культуры не означало массовой смены населения Горного Алтая. Сооружение к середине VI в. до н.э. грандиозных курганов (Туэкта, Башадар) в Центральном Алтае означает, что уже к этому времени данная территория являлась священной для пазырыкцев, их «геррами». Таким образом, допуская вероятность внешнего импульса (Марсадолов Л.С., 1997), можно предполагать происхождение собственно пазырыкцев как от «куюмцев» и «семисартцев», так и от раннескифского населения юго-западных предгорий и примыкавших южных территорий. Антропологические данные как будто подтверждают это (Чикишева Т.А., 1997; 1998), хотя раннескифские материалы пока непредставительны (Тур С.С., 1997).

Остепнённая зона Горного Алтая, окружённая увлажнёнными низкогорьями, северной тайгой и горными хребтами (см.: Шульга П.И., 1994; 1998д), благоприятна для скотоводства. Но площади зимних пастбищ, определяющих в конечном счёте поголовье скота, и, соответственно, количество населения, явно недостаточны для формирования на этой базе мощного военнополитического образования (каковым нам представляются пазырыкцы), способного выставить крупное войско. Очевидно, влияние пазырыкцев поддерживалось в значительной степени благодаря привлечению людских и материальных ресурсов прилегающих территорий.

Пазырыкская культура, по-видимому, являлась этнокультурным образованием, возглавлявшим племенной союз («крупное племенное объединение»), в который входили группы населения северных и северо-западных предгорий, частью Восточного Казахстана до Тарбагатай на юге. Эта, высказанная в общих чертах точка зрения (Черников С.С., 1975, с. 133), на наш взгляд, подтверждается концентрацией княжеских курганов в Горном Алтае и почти полным отсутствием таких в предгорных равнинах.

Несомненный интерес представляет этнокультурная ситуация в конце VI–III вв. до н.э. в северо-западных предгорьях и прилегающей равнине. Эта территория изучена крайне слабо, хотя проводимая картография 1991–1995 гг. выявила в каждом из районов до 100 и даже 200 курганных могильников и одиночных курганов (Шульга П.И., 1995б, с. 109; Ситников С.М., Шульга П.И., 1995). Соответственно, имеющийся материал представляет собой крайне малую выборку и дальнейшее изучение может расставить акценты по-иному. В ходе проводимых исследований (см.: Алёхин Ю.П., 1990; Могильников В.А., 1989; 1997; Шульга П.И., 1995б; 1997б,в; 1998г; и др.) устанавливается чрезвычайно смешанный состав населения. Указанная территория большей частью перекрывается гипотетически выделенной «рудно-алтайской культурой эпохи раннего железа» «Юго-Западного Алтая» (Алёхин Ю.П., 1990, с. 18–20) и характеризуется как регион, «находящийся на стыке трёх культурных ареалов — степной и лесостепной части Обь-Иртышского междуречья, пазырыкских и каракобинских памятников Алтая и саков Казахстана» (Могильников В.А., 1991, с. 95–97). Исследования автора вносят в заключение В.А. Могильникова значительные коррективы. Относительно существования «рудно-алтайской культуры» говорить пока преждевременно, поскольку это может быть лишь территориальное образование, включающее более десятка типов погребений конца VI–III вв. до н.э. Так, в настоящее время здесь известны курганы «с усами» (Ситников С.М., Шульга П.И., 1995, с. 59), одно- и многомогильные курганы могильника Локоть-IV, в которых умершие укладывались вытянуто, головой в юго-западный сектор, а внутримогильные сооружения перекрывались шкурами лошадей с черепом и костями ног (Ситников С.М., Шульга П.И., 1995; и др.), захоронение быстринского типа (Могильников В.А., 1990, с. 82); погребения в деревянных и каменных конструкциях с восточной, юго-восточной или западной ориентацией (Алёхин Ю.П., 1990, с. 19; Шульга П.И., 1997в, 1998г) курганы каракобинского типа (Шульга П.И., 1998г), своеобразные конструкции из Сентелека, погребения с дромосом с западной стороны (Шульга П.И., 1997б). Поразительное смешение обрядов отмечено в трёх нарочито сгруппированных курганах могильника Маяк-I (Шульга П.И., 1997в). Один из них (№ 3а) представлял собой типично прохоровский многомогильный курган с захоронениями в подбоях, в одном из которых находился саргатский сосуд, но с конскими подхоронениями во входных ямах и северо-восточной ориентацией центральной могилы, тогда как остальные шесть ориентированы в западный сектор. В прилегающем кургане № 3б обнаружены три боковые могилы вокруг центральной с захоронениями пазырыкского типа в срубках и конями у северной стенки — явление уникальное. Не менее неожиданные сочетания отмечены и в наборе керамики.

Очевидно, что в северо-западных предгорьях в конце VI–III вв. до н.э. смена населения происходила довольно часто. Различные этнические группы могли проживать чересполосно и даже совместно, что порождало необычайные комбинации черт погребального обряда и инвентаря, как это было зафиксировано на могильнике Маяк-I. Отмечая черты погребального обряда, характерные для культур Южного Приуралья и Казахстана, саргатской, каменной, быстринской, пазырыкской и кулажургинской, мы пока не видим относящихся к ним «чистых» памятников. Как правило, перед нами результат идущего процесса смешения обрядности и унификации инвентаря. При этом для некоторых типов погребений заметны и общие черты, такие как кольцевидность насыпи, сложение из камня стенок внутримогильных сооружений, вытянутое положение умерших, отсутствие деталей сруба на конских костях и черепах и т.д. В ряде случаев прослеживаются традиции, характерные для местного населения раннескифского времени.

За рамками этого краткого обзора материалов VII–III вв. до н.э. Горного Алтая и предгорной зоны остался вопрос о механизме взаимодействия с культурами примыкающих территорий. Остановимся лишь на точке зрения Н.П. Матвеевой о существовании у гороховцев, саргатцев и каменцев «системы «кормления» — эксплуатации и управления подчинёнными территориями» (Матвеева Н.П., 1998, с. 362). В нашем случае «подчинённая территория» — это лесостепной и степной Алтай (каменная культура), а «эксплуататоры» — сакская знать с юга. Далее делается вывод об «этносоциальных конфликтах» в каменной среде, которые «привели к ослаблению общности и её падению под натиском других племён» (Матвеева Н.П., 1998, с. 364). Утверждение довольно спорное и бездоказательное, поскольку система «кормления» даже для саргатской и гороховской культур не более чем предположение.

Принятие «системы» требует кардинального пересмотра сложившихся представлений о кочевом мире восточной части Евразийского пояса степей и его отношениях с оседлыми племенами Юга и Севера; о системе перекочёвок в степных и лесостепных ландшафтах; о значении летников и зимников, в частности, при выборе мест захоронений и т.п. Отдавая должное оригинальности переноса на скифскую эпоху известных в средневековые отношений, признать реальность существования системы «кормления» не представляется возможным. Основной недостаток данной концепции в некритическом восприятии выводов А.Д. Таирова о невозможности зимовки «копытных зверей (в том числе лошади и овцы без заготовки для них кормов)» в урало-казахстанских степях и полупустынях» (Таиров А.Д., 1993, с. 9), а следовательно, вытекающей отсюда необходимости скотоводческих коллективов, основу хозяйства которых составляло разведение лошадей, овец и коров без заготовки кормов, иметь зимники в Приаралье, по Сырдарье и т.д. Ошибочность формального подхода к имеющимся критериям определения «невывасного дня» и количества невыпасных дней, а также прямой перенос данных XVIII–XIX вв. на хозяйственную жизнь в I тыс. до н.э., по-существу, приводит А.Д. Таирова к отрицанию существования скотоводов-полукочевников вышеуказанного типа не только в урало-казахстанских степях, но и на Саяно-Алтае. Между тем, фиксируемое нами достаточно стабильное существование многочисленных скотоводческих культур указывает на их способность столетиями преодолевать трудности, связанные с зимним выпасом скота без заготовки кормов на зиму. Произвольное «распределение» мест перекочёвок без учёта природно-климатических условий и расселения скотоводов имеет место в работе В.А. Могильникова, располагающего летние пастбища «номадов Горного Алтая», в том числе пазырыкцев, в степных предгорьях (Могильников В.А., 1997, с. 10,65) на зимниках (!) быстринцев и других, обитавших здесь скотоводов.

Имеющиеся данные позволяют отметить, что перекочёвки древних скотоводов Горного Алтая между летними и зимними пастбищами обычно не превышали несколько десятков километров, на равнинных участках они ограничивались ареалом распространения памятников той или иной культуры с использованием для летников буферных зон типа пояса увлажнённых предгорий, притаёжных участков и лесостепи. К сожалению, система хозяйствования скотоводов Алтая и прилегающих территорий ещё слабо изучена. Обращение к этой проблеме позволит более обоснованно говорить об этнокультурных процессах на Саяно-Алтае.

П.И. Шульга, Н.Ф. Шульга

(г. Барнаул, Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН и НИИ Гуманитарных исследований при АГУ)

ТРИ РАННЕСКИФСКИХ КУРГАНА ИЗ ГОРНОГО АЛТАЯ

P.I. Shulga, N.F. Shulga

(Barnaul, The laboratory of South Siberia archaeology and ethnography institute SB RAS and SRI of humanitarian researches attached to the ASU)

Three early scythian barrows from Mountainous Altai

Публикуемые материалы имеют одну особенность — все три кургана происходят с окраин ареала распространения раннескифских памятников Горного Алтая. Курганы на поселении раннего железного века Партизанская Катюшка (Шульга П.И., 1998в) является из известных самым северным на Катунь, а два кургана из долины реки Сентелек — северо-западными (рис. 1).

Поселение Партизанская Катюшка расположено в 1 км к северо-западу от с. Узнезя Чемальского района Республики Алтай (рис. 1.–2,3). Летом 1998 г. на краю поселения на пологом склоне у подножья горы (рис. 1.–3) был обнаружен и вскрыт курган диаметром около 6,5 м. В ходе работ установлено, что насыпь состоит из уложенных в два–три слоя уплощённых рваных камней и обломков плитняка (рис. 3.–1). В верхнем слое найдены немногочисленные кости животных, одна из которых представляла собой заострённое орудие (?) из трубчатой кости, и в восточном секторе — фрагмент керамики с гладким валиком (рис. 3.–5). На камнях

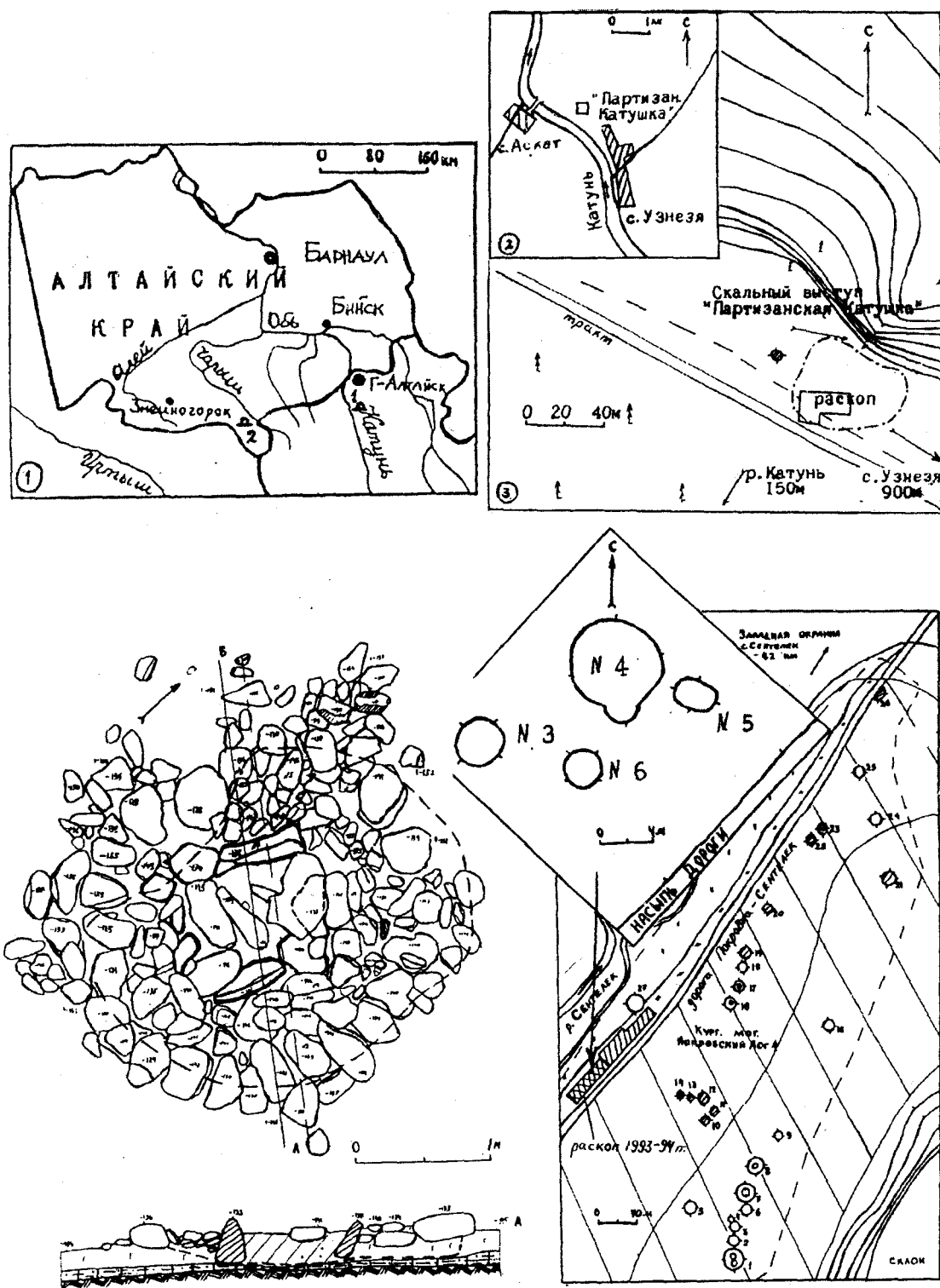

Рис. 1. 1 — карта расположения кургана на поселении Партизанская Катущка (1) и могильника Покровский Лог-IV (2); 2 — карта-схема расположения поселения Партизанская Катущка; 3 — план поселения Партизанская Катущка и исследованного раннескифского кургана; 4 — план могильника Покровский Лог-IV и участка раскопа с раннескифскими курганами; 5 — курган № 3.

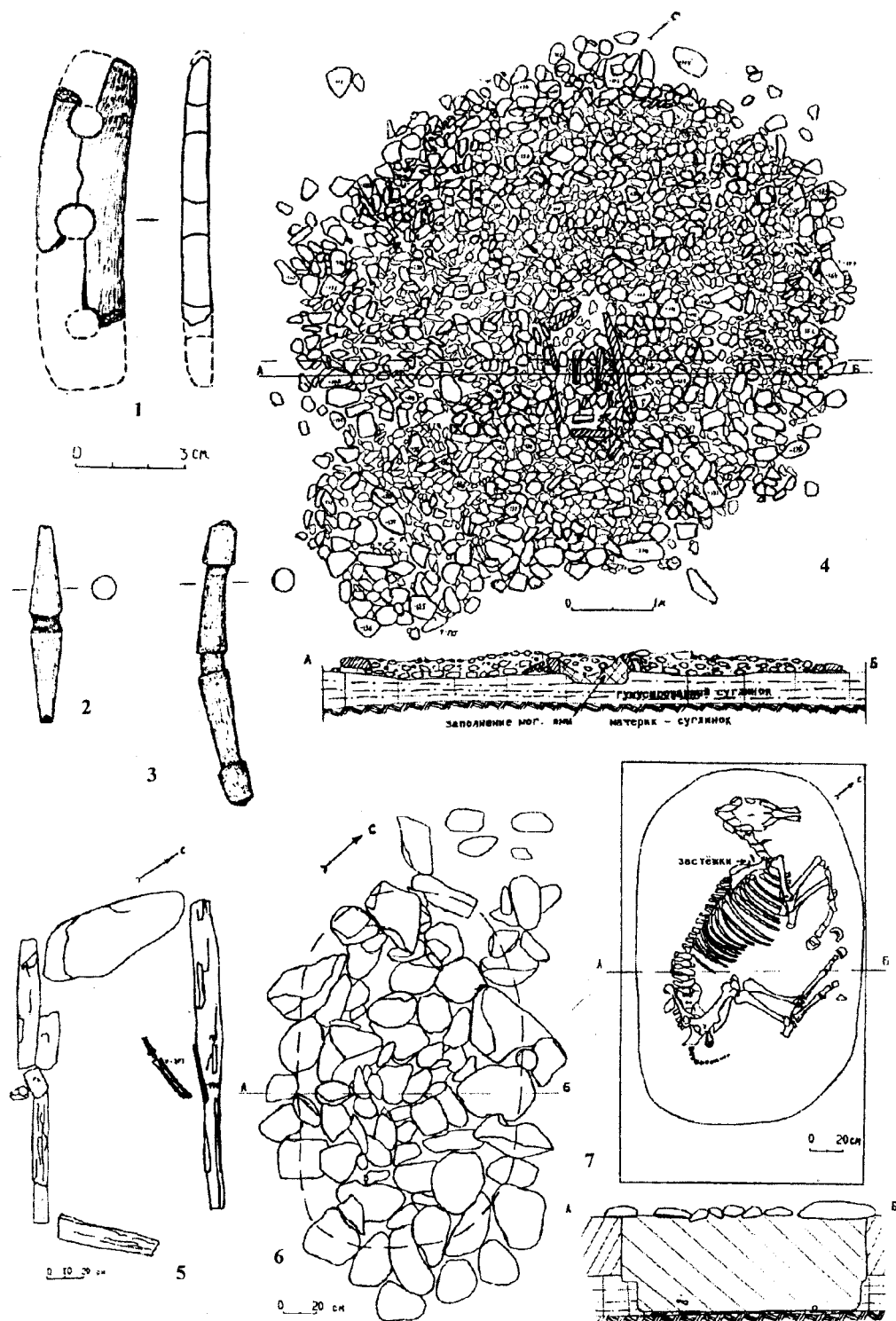

Рис. 2. Могильник Покровский Лог-IV. 1-3 — псалий и застёжки из выкладки № 5; 4 — курган № 4; 5 — ящик из кургана № 4; 6 — выкладка № 5; 7 — захоронение лошади в выкладке № 5, разрез.

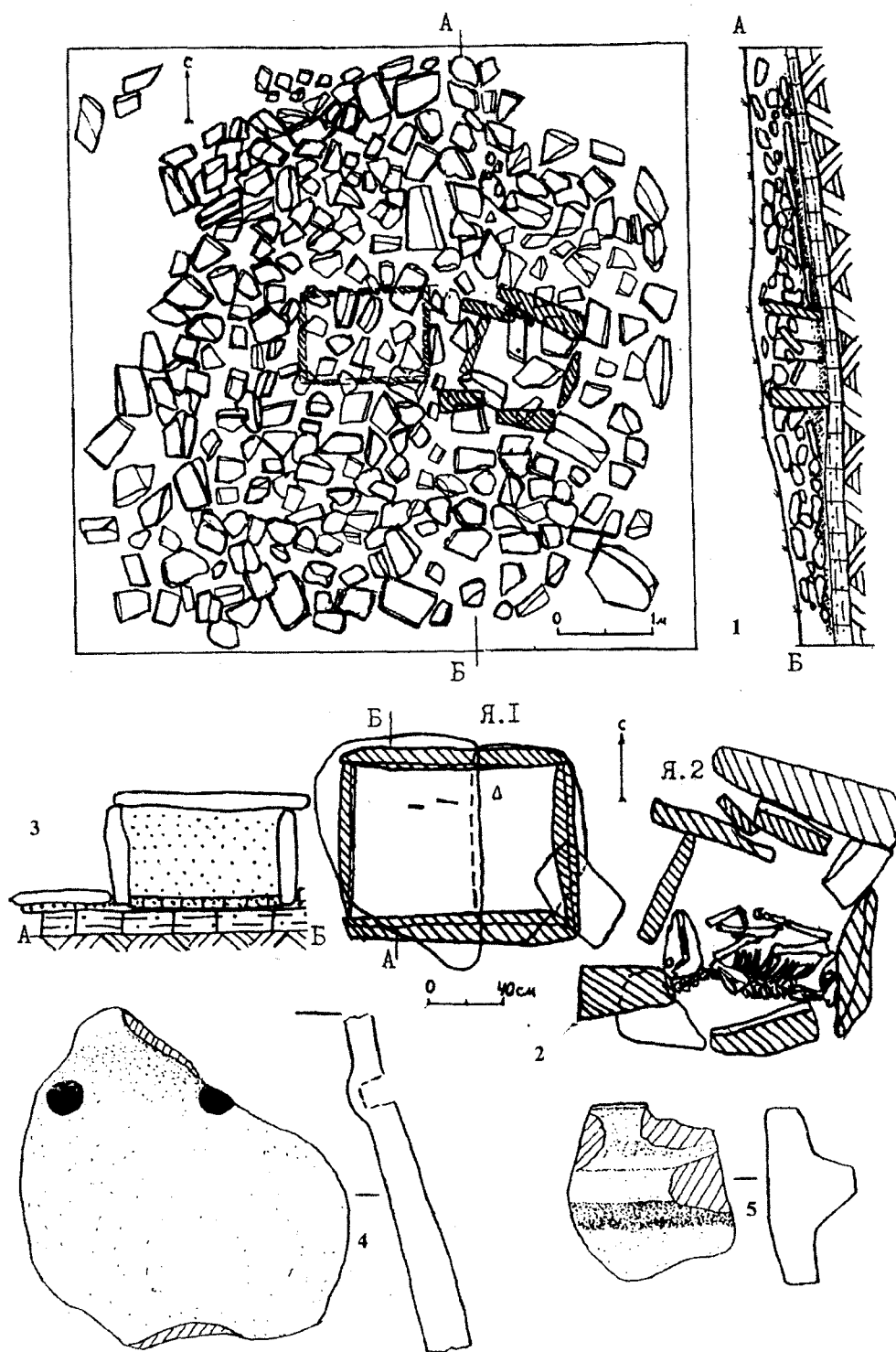

Рис. 3. Курган на поселении Партизанская Катушка.

1 — план насыпи и разрез; 2 — погребение человека и лошади;

3 — разрез ящика 1; 4 — керамика из ящика 1; 5 — керамика из насыпи.

насыпи обнаружено 29 фрагментов костей животных и 17 неорнаментированных мелких фрагментов керамики. В верхней части заполнения ящика, предназначенного для погребения человека, находился фрагмент баночного (?) сосуда с ямочным орнаментом в одну строчку (рис. 3.–4). В центре, под слоем из редких камней, расчищены два ящика из сланцевых плит, установленных на 15–20 см выше материкового суглинка. Спланированная в древности площадка вокруг ящиков была посыпана слоем песка, после чего западный и северный секторы вымощены плитами размерами от 30×20×4 см до 100×70×8 см. Восточный сектор перекрывался не столь тщательно и преимущественно уплощёнными камнями. В западной части, примыкающей к захоронению человека; отмечена крепида из крупных камней, в восточной части она почти не прослеживалась. Ящик с погребением человека размерами 130×100 см был составлен из четырёх плит и ориентирован длинными сторонами в широтном направлении (рис. 3.–2). С юго-восточной стороны к ящику прислонена стелообразная плита. Несмотря на хорошую сохранность плит перекрытия и заполнявший ящик сорокасантиметровый слой чистого песка, погребение оказалось грабленным (рис. 3.–3). На дне найдено несколько фрагментов длинных костей взрослого человека, инвентарь отсутствовал. Очевидно, после ограбления (осквернения ?) ящик был вновь засыпан речным песком и перекрыт плитами. Ориентация умершего, по-видимому, была западной, положение, судя по конструкции ящика, скорченное. Почти вплотную к центральному ящику с ВЮВ примыкал второй, подквадратный, размерами 130×120 см, небрежно составленный из плит и плоских камней. В нём находился костяк лошади, уложенной на левый бок с подогнутыми ногами, головой на запад-северо-запад (рис. 3.–2). Инвентарь отсутствовал.

Курганный могильник Покровский Лог-IV расположен в 4,2 км к юго-востоку от с. Сентелек Чарышского района Алтайского края на правобережной террасе р. Сентелек (левого притока р. Чарыш) (рис. 1.–1,4). В 1994 г. в аварийной зоне у дороги вскрыто два кургана с видимыми на поверхности насыпи каменными ящиками (объекты №№ 3,4) и одна выкладка (объект № 5). Согласно применяемой в долине Сентелека методике, все камни были зарисованы в масштабе 1:10, сфотографированы квадратами 1×1 м, после чего по чертежам и фотографиям каменные сооружения разбирались и сооружались в виде «новодела» на расположенной рядом площадке. После изучения погребений камни таким же образом переносились на прежнее место и надмогильные сооружения восстанавливались (см.: Шульга П.И., 1995в).

Объект № 3. Представлял собой курган диаметром около трёх метров, из окатанных речных валунов, уложенных в 1–2 слоя (рис. 1.–5). По периметру имела крепиды из крупных камней, наиболее упорядоченная в восточном секторе. В ходе работ прослежены следующие особенности конструкции кургана и последовательность его сооружения: 1). Первоначально на месте кургана в гумусе выкапывалась овальная чашевидная яма глубиной 20–25 см от уровня древней поверхности (на рис. 1.–5 обозначена пунктиром). 2). На дно северо-западной части ямы устанавливался подквадратный ящик из уплощённых окатанных речных валунов. Тогда же, очевидно, совершалось погребение. 3). Затем яма засыпалась вынутой ранее землей и закладывалась в 1–2 слоя уплощёнными гальками небольших размеров. 4). В завершение по краю ямы укладывались крупные камни крепиды, внутренние части которых впоследствии просели вниз (рис. 1.–5).

Погребение было потревожено в древности грабителями или грызунами, однако перекрытие из уплощённых речных камней, перекрывавших ящик, сохранилось. Возможно, как и в кургане у Партизанской Катюшки, ящик после ограбления был закрыт сородичами умершего. Ящик представлял собой подквадратную камеру размерами 110×110 см из крупных речных валунов, у её дна найдены остатки костей ног и рук ребёнка. Череп отсутствовал, инвентаря нет. Ориентация умершего не установлена, но можно предположить скорченное положение головой на СЗ.

Объект № 4. Представлял собой насыпь диаметром около 6,5 м из окатанного камня. Каменный ящик размерами 190×110 см из брусковидных плит, ориентировался длинными сторонами по линии ЮВ–СЗ. Судя по обломкам, первоначально ящик перекрывался плитами. С юга к насыпи была пристроена округлая выкладка диаметром около 2 м из более крупных галек (рис. 2.–4). Перекопа под ней не обнаружено, вещей или остатков жертвоприношений не найдено. Погребение ограблено. Судя по длине и конструкции ящика, а также непотревоженным остаткам костей левой руки (рис. 2.–5), умерший укладывался на спину (вытянуто ?) головой на СЗ не ниже 20 см от уровня древней поверхности (рис. 2.–4). Вещей не обнаружено. Установлена следующая последовательность сооружения кургана: 1). На древней поверхности выкапывалась могила глубиной 10–20 см, устраивался каменный ящик, а затем пространство вокруг выкладывалось в один

слой плоскими гальками средними размерами 20×15×8 см. 2). По периметру насыпь оконтуривалась более крупным, не составлявшим крепиды галечником. 3). Сооружение насыпи завершалось укладкой (не наброской) двух слоёв мелкого галечника. 4). Примыкавшая к кургану с юга выкладка сооружена позже, возможно, вместе с конским подхоронением (объект № 5), над которым выкладка состояла также из крупного галечника.

Объект № 5. Находился в 1–1,5 м к востоку-юго-востоку от кургана № 4 (рис. 1.–4). Представлял собой овальную выкладку размерами 270×180 см из крупного галечника в один слой, ориентированную длинной осью по линии ЮВ–СЗ (рис. 2.–6). В заложенном по контурам выкладки раскопе выявлена могильная яма той же ориентации размерами 220×140 см, глубиной 65 см от уровня погребённой почвы. На дне расчищен костяк лошади, уложенной на левый бок с подогнутыми ногами, головой на северо-запад (рис. 2.–7). На правой лопатке и чуть выше к основанию шеи найдены две роговые застёжки длиной 5,3 см и 7,7 см (рис. 2.–2,3; на лопатке находилась наиболее крупная застёжка). По-видимому, под расслоившимся черепом лежали не сразу обнаруженные части одного поломанного в древности трёхдырчатого псалия, изготовленного из лопатки рога марала или лося (пользуясь случаем, выражаем признательность А.А. Тишкину, обратившему внимание на фрагменты этого изделия). Длина реконструируемого псалия равнялась 9–9,5 см, толщина до 8 мм, диаметры крайних отверстий на внешней заполированной стороне — 8–9 мм, центрального — 10 мм (рис. 2.–1). На внутренней стороне диаметр отверстий был больше на 1–2 мм. Центральное отличается также большей затёртостью с внутренней стороны. В узде лошади псалий, видимо, крепился с левой стороны, прилегая ноздреватой (внутренней) поверхностью ко рту. Расстояние между центрами крайних отверстий равно 5,5 см. Это чуть меньше средних показателей по роговым псалиям (см.: Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 35–38) и, по-видимому, указывает на датировку кургана № 4 с конским подхоронением (объект № 5) в рамках VII вв. до н.э. Несомненный интерес представляет сочетание двух типов застёжек. Малая имеет типичный перехват для привязывания к ремешку, а части стержня на концах сходят на конус, что вполне естественно для застёжки, продеваемой в прорезь ремня (в данном случае, по-видимому, одного из холочных). Большая застёжка также имеет перехват для подвязывания ремешка, но образованные вырезами утолщения на концах стержня говорят об её использовании в более сложных соединениях с широкими ремнями. Конструктивно это изделие близко ранним трёхжелобчатым бляшкам.

Завершая описание курганов, отметим, что в долине р. Сентелек в радиусе 1–1,5 км от описываемых курганов выявлено два оленных камня с личинами (Дёмин М.А., Шульга П.И., 1995). На могильнике Покровский Лог-III, в 500 м к югу, у цепочки мощных каменных колец из галечника до 20–30 метров диаметром и высотой кладки до 1–1,5 м найдена стела с выбитым поясом. Вполне вероятно датировка колец раннескифским временем. К сожалению, в связи с временным прекращением работ, расчистка этих сооружений не закончена. Учитывая местонахождение поблизости могильника Машенка-I, можно считать долину и прилегающую территорию контактной зоной населения предгорий и Горного Алтая. Продолжающаяся распашка археологических объектов в долине р. Сентелек требует принятия срочных мер по их охране и исследованию.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т. Бийский этап (хронологические рамки и содержание понятия) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1991. С. 91–105.
- Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа на Верхней Оби // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 51–56.
- Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 37–43.
- Абдулганеев М.Т. Алтай в раннем железном веке // История Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 59–81.
- Абдулганеев М.Т. «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996а. С. 128–134.
- Абдулганеев М.Т. О хозяйстве населения лесостепного Алтая в скифское время // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 145–153.
- Абдулганеев М.Т. Разведочные работы в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII. Барнаул, 1997. С. 73–77.
- Абдулганеев М.Т. Древнейшие городища северных предгорий Алтая // Известия лаборатории археологии. Вып. № 2. Горно-Алтайск, 1997. С. 53–61.
- Абдулганеев М.Т. Могильник у поселка Рубцовский // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 172–175.
- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI–II вв. до н.э. Барнаул, 1997. 148 с.
- Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х. К археологической статье Красногорского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 64–68.
- Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., Неверов С.В. Новые исследования на р. Песчаной // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 58–62.
- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. материалы эпохи бронзы Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.
- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Могила раннескифского времени около Барнаула // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 97–104.
- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстринской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племён Алтая. Барнаул, 1996. С. 143–155.
- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Староалейская культура // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 52–55.
- Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Каменные орудия с поселений раннего железного века лесостепного и предгорного Алтая // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 193–201.
- Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Могильник Бойтыгем-II // Altaica. Новосибирск, 1994/4. С. 30–40.
- Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., Семибратов В.П. Картографирование археологических памятников Красногорского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул, 1998. С. 157–162.
- Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с. Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 99–104.
- Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 103–130.
- Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1997. 471 с.
- Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Том 7. Алма-Ата, 1959. С. 32–58.
- Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 62. Петроград, 1916. 92 с.
- Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 43–58.
- Акишев К.А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978. 131 с.
- Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // АСГЭ. Вып. 31. Л., 1991. С. 43–56.
- Алексеев А.Ю. Скифская хроника (скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). СПб., 1992. 206 с.
- Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. 121 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. САИ. Вып. Г1–12. М., 105 с.
- Алексеев В.П. Палеоантропология Алтая (Алтае-Саянское нагорье эпохи неолита и бронзы) // ТИЭ. 1961. Т. 71. С. 107–206.

- Алехин Ю.П. Лесостепной Алтай в скифское время (V–I вв. до н.э.) // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. конф. Барнаул, 1986. С. 36–38.
- Алехин Ю.П. К вопросу культурно-этнических связей, социальной организации и идеологии носителей большереченской культуры // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. ТДК. Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 83–86.
- Алехин Ю.П. Лесостепной Алтай в V–I вв. до н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 276 с.
- Алехин Ю.П. Лесостепной Алтай в V–I вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 24 с.
- Алехин Ю.П. Рудный Алтай как горно-металлургическая область // Ползуновские чтения 1991 г.: Тез. научн.-практ. конф. Барнаул, 1991. С. 42–44.
- Алехин Ю.П. Социальная организация населения лесостепного и предгорного Алтая в V–I вв. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 126–128.
- Алехин Ю.П., Демин М.А. Охранные работы 1991 г. на Рудном Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 2. С. 235–238.
- Ануфриев Д.В. Социальное устройство пазырыкского общества Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 108–111.
- Ань Чжиминь, Чжэн Найу. Погребение в каменном ящике № 102 из Наньшаньгэня в уезде Нинчэн во Внутренней Монголии // Каогу, 1981. № 4. С. 304–308 (на кит. яз.).
- Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII–VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск, 1974. С. 77–83.
- Арсланова Ф.Х. Курганы «с усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 116–129.
- Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана // Вглубь веков. Алма-Ата, 1976. С. 46–59.
- Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства // СА. № 4. 1968. С. 27–45.
- Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л., 1974. 60 с.
- Багашев А.Н. Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 22–54.
- Багашев А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск, 1993. 152 с.
- Багашев А.Н. Материалы по краниологии населения гороховской культуры // ТИС. Тюмень, 1996. С. 20–28.
- Балакин Ю.В. О реконструкции ритуала, связанного с изготовлением бронзовых изделий // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 23–24.
- Бергабей М., Бондиоли Л., Гуиди А. Социальная структура кочевников савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). Москва, 1994. С. 159–184.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.–Л., 1950. 334 с.
- Бобров В.В. О генезисе оленных камней // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989. С. 17–18.
- Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Азия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 54–57.
- Бобров В.В., Горяев В.С. Лошадь в погребальном обряде ирменской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. С. 182–186.
- Бобров В.В., Добжанский В.Н. О восточной границе большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 52–54.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Половозрастная структура ирменского общества // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. 1. С. 70–72.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И. К вопросу о социокультурных контактах андроновских коллективов восточных районов // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 56–59.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-IV. Новосибирск, 1993. 157 с.
- Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991. 224 с.
- Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1988. 302 с.
- Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986а. 26 с.
- Боковенко Н.А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986б. С. 46–48.
- Боковенко Н.А. Один из вариантов конской упряжи скифской эпохи в Центральной Азии // Снаряжение коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1997. С. 50–55.

- Бородаев В.Б. Находки из Змеиногорска и его окрестностей, опубликованные в археологическом атласе 1877 г. // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края. Барнаул, 1986. С. 94–98.
- Бородаев В.Б. Местонахождение Вакулиха-I // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Часть I. Барнаул, 1993. С. 150–155.
- Бородаев В.Б. Вакулихинский клад (Комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-I) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 56–73.
- Бородаев В.Б., Кадиков Б.Х. Находки у посёлка Иогач на Телецком озере // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 38–40.
- Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 51–88.
- Бородовский А.П. Снаряжение верхового коня второй половины I тыс. до н.э. (по материалам раскопок на Северо-западном Алтае) // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск, 1988. С. 73–80.
- Бородовский А.П. Аварийные исследования могильника эпохи раннего железа в верховьях р. Ануй // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. I. Барнаул, 1995. С. 118–121.
- Бородовский А.П. Сюжеты зооморфных гравировок саргатской поясной гарнитуры как отражение культурно-исторических связей // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 3. С. 55–61.
- Бородовский А.П. Экспериментальное моделирование варианта поминально-погребальной обрядности эпохи раннего железного века (большереченская культура Приобья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Новосибирск–Омск, 1996. С. 57–61.
- Бородовский А.П. Древнее костерезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск, 1997. 224 с.
- Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Бурбинские находки // Известия СО РАН. История, филология и философия. № 3. Новосибирск, 1992. С. 57–63.
- Буддийская живопись Бурятии. Улан-Удэ, 1995. 211 с.
- Булдашев В.А., Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Косинцев П.А. и др. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997. 182 с.
- Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. Киев, 1985.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская культура // Степи азиатской части СССР в скифо-сарматскую эпоху: Археология СССР. Ч. 2. Гл. 2. М., 1992. С. 236–242.
- Вайнштейн С.И. Памятники скифского времени в Западной Туве // УЗ ТНИИЯ ЛИ. Кызыл, 1955. Вып. 3. С. 78–102.
- Валов А.А. Тобольская резная кость. Свердловск, 1987. 198 с.
- Ван Линьшань, Ван Бо. Степные древности китайского Алтая (Чжунго Аэртайшань цаоюань вэнью). Пекин, 1995. 96 с. (на кит. яз.).
- Ван Чжанци. Сиань ши вэньбо хуйцан ордосы ши цинтун ци цзици тэжэн (О признаках бронзовых изделий ордосского типа, хранящихся в музейных собраниях Сиани) // Каогу ю вэнью, 1991. № 4. С. 6–11.
- Ван Чжицзэ, У Чжаньхай. Ицзиньхоло ци Шихуйгоу фацзюэ дэ Ордосы ши вэнью (Древности ордосского стиля, обнаруженные в Шихуйгоу, знамя Ицзиньхоло) // Нэймэнгу вэнью каогу, 1992. № 1–2. С. 91–96.
- Варенов А.В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в Археологии Китая Исследования и проблемы. Новосибирск, 1984. С. 42–51.
- Варенов А.В. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 163–172.
- Варламов О.Б. Бронзовый топор из Прибайкалья и некоторые вопросы сложения изобразительных канонов раннескифского искусства // Байкальская область в древности. Иркутск, 1995. С. 144–153.
- Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х. К вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Южного Урала в IV в. до н.э. // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа, 1994. С. 116–136.
- Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998. 319 с.
- Васютин А.С. О памятниках алды-бельского типа в Саяно-Алтае // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 1. Новочеркасск, 1992. С. 34–37.
- Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 88–114.
- Викторова Л.Л. Монгольская одежда // Одежда народов зарубежной Азии // МАЭ. Вып. XXXII. Л., 1977. С. 169–199.
- Виноградов А.В. Памятник алды-бельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 60–64.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: По материалам Уйгарака. М., 1973. 160 с.
- Владимиров В.Н., Шульга П.И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 97–104.

- Воевода М.И., Ситникова В.В., Ромашенко А.Г., Полосьмак Н.В., Молодин В.И., Деревянко А.П., Шумный В.К. Молекулярно-генетический анализ митохондриальной ДНК представителей пазырыкской культуры Горного Алтая (IV–II вв. до н.э.) // Доклады Академии наук. Т. 358. № 4, М., 1998. С. 564–566.
- Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век северной Монголии. Улан-Батор, 1967. 165 с.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981. 254 с.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. 456 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М–Л., 1965. 146 с.
- Гаврилова А.А. Пятый пазырыкский курган. Дополнение к раскопчному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизма в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 89–102.
- Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Эволюция некоторых форм савромато-сарматских мечей // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 73–88.
- Галанина Л.К. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения). // Культурное наследие Востока. Л., 1985. С. 169–183.
- Гамзатова П.Р. О некоторых особенностях искусствоведческого изучения ювелирных украшений // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 1996. С. 8–9.
- Гао И. Нэймэнгу Дуншэн ши Няньфаньцзюй фацзюэ цзинь инь ци цзяоцан (В Няньфаньцзюй округа Дуншэн, Внутренняя Монголия обнаружен клад золотых и серебряных изделий) // Каогу, 1991. № 5. С. 405–408, 389.
- Гельмель Ю.И., Демин М.А., Шульга Н.Ф., Шульга П.И. О ходе работ по созданию Сентелекского археологического заповедника // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 109–114.
- Гельмель Ю.И., Ситников С.М., Шульга Н.Ф., Шульга П.И. Аварийные раскопки в Локтевском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 100–106.
- Генинг В.Ф. Использование данных изменчивости погребального обряда при изучении процессов развития общественных систем // Археологические культуры и культурная трансформация. Л., 1991.
- Генинг В.Ф. Большие курганы лесостепного Пригобья (IV–II вв. до н.э.) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 72–101.
- Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Вып. 13. Свердловск, 1975. С. 42–72.
- Герасимова М.М. Неолитические погребения Долгого озера (Канск) // ВА. 1964. Вып. 18. С. 135–146.
- Гондатти Л.Н. Следы язычества у инородцев Северо-западной Сибири. М., 1888. 91 с.
- Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плёсы-II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 156–166.
- Горелик М.В. Сакский доспех. // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 110–133, 367–373.
- Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н.э.). М., 1993. 349 с.
- Горный Алтай. Томск, 1971. С. 251.
- Горюнова О.И., Павлуцкая В.В. Погребение воина в пещере Шида (Малое оз. Байкал) // Археологические памятники эпохи средневековья Бурятии и Монголии. Новосибирск, 1992. С. 87–102.
- Гохман И.А. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980. С. 5–34.
- Грантовский Э.А. Иран и иранцы до ахеменидов. М., 1998. 343 с.
- Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. XV. Кызыл, 1971. С. 93–106.
- Грач А.Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 158–182.
- Грач А.Д. Центральноазиатский регион скифо-сакского пояса степей // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979. С. 77–80.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
- Грач А.Д. Резные композиции в искусстве Тувы скифского времени // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу Тувинцев. Кызыл, 1980. С. 71–76.
- Гребенщиков А.В. О формах ножен ранних кочевников Алтая и способах их ношения // Материалы XVII Всесоюзной научной студенческой конференции. История. Новосибирск, 1979. С. 122–129.
- Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975. 135 с.
- Громов А.В. Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 301–345.
- Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Ч. I–II (на правах рукописи). М.–Л., 1939. С. 399–413.
- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // АСГЭ. Вып. 1. Л., 1940. С. 17–21.
- Грязнов М.П. Пазырык. Погребение племенного вождя на Алтае // Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1941. 593 с. (Рукопись).

- Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. XVIII. М.—Л., 1947. С. 9–17.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 90 с.
- Грязнов М.П. Колесница ранних кочевников Алтая // СГЭ. VII. Л., 1955. С. 30–32.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. // МИА, № 48. М.—Л., 1956. 256 с.
- Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61. М., 1956. С. 8–16.
- Грязнов М.П. Древнее искусство Алтая. М.—Л., 1958. 95 с.
- Грязнов М.П. Аржан: царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 61 с.
- Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 3–8.
- Грязнов М.П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // АСГЭ. Вып. 25. Л., 1984. С. 76–82.
- Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 161–178.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб., 1995. 287 с.
- Дай Инсинь, Сунь Цзясян. Шэньси Шэньму сянь чуту сюнну вэньу (В уезде Шэньму, Шэньси раскопаны сюннуские древности) // Вэньу, 1983. № 12. С. 23–30.
- Дай Инсинь. Налиньгаоту сюнну вэньу чуту люэ цзи (Краткие записки о сюннуских древностях, раскопанных в Налиньгаоту) // National Palas Museum Journal. Vol. 144, 1995. С. 118–129.
- Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. 319 с.
- Данченко Е.М. Южно-таежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск, 1996. 112 с.
- Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. 1997. № 3. С. 127–141.
- Де Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. М., 1937. С. 663.
- Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до н.э.). Новосибирск, 1976. 384 с.
- Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск, 1994. Ч. I 262 с.
- Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск, 1987. 225 с.
- Деревянко А.П., Молодин В.И. Российско-японская программа «Пазырык» — первый год совместных исследований // Вестник древней истории № 3. М., 1992. С. 227–229.
- Дёмин М.А., Гельмель Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 28–34, 78–84, 170–175.
- Дёмин М.А., Ситников С.М. Археологические исследования на правом берегу Гилевского водохранилища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Выпуск IX. Барнаул, 1998. С. 94–99.
- Дёмин М.А., Ситников С.М. Поселение Чекановский Лог-I — новый памятник эпохи поздней бронзы Юго-Западного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С. 43–54.
- Дёмин М.А., Шульга П.И. Работы в районе р. Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 97–101.
- Дженито Б. Археология и современные концепции социальной организации кочевников // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э. М., 1994. С. 11–18.
- Дмитриева Е.Н., Левашова В.П. Материалы из раскопок сибирских бугровщиков // Советская Археология. № 2. 1965. С. 225–236.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса. Новосибирск, 1990. 164 с.
- Доманский А.В. Ольвия и Скифия в раннеэллинистическое время. // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тб и лиси, 1985.
- Дорж Д., Новгородова Э.А. Петроглифы Монголии. Улан-Батор, 1975. Ч. 1. 232 с.
- Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1987.
- Дрёмов В.А. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии // СЭ. 1967. № 6. С. 53–66.
- Дрёмов В.А. Материалы к антропологии большереченской культуры // ИЛАИ. Вып. 2. Кемерово, 1970. С. 99–108.
- Дрёмов В.А. К вопросу о расовом составе населения Новосибирского Приобья в эпоху раннего железа // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972. С. 33–37.
- Дрёмов В.А. Антропологические данные о древнем населении Обь-Иртышского междуречья (Усть-Тартасский могильник) // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 164–181.
- Дрёмов В.А. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л., 1984. С. 106–132.
- Дрёмов В.А. Материалы по краниологии тюркоязычного населения Томского Приобья (I. Эуштинцы) // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск, 1990. С. 52–72.
- Дрёмов В.А. Центральнo-азиатские связи населения Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 132–142.

- Дрёмов В.А. Краниометрия // Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос. Томск, 1991. С. 166–199.
- Дрёмов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (краниологический очерк). Томск, 1997. 260 с.
- Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования могильника Быстровка-III // 75 лет Новосибирскому Областному Краеведческому Музею. Новосибирск, 1995. С. 47–65.
- Дураков И.А., Назарова О.Е. Бронзолитейная мастерская кижировской культуры на городище Каменный Мыс // Материалы XXXVI международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1998. С. 22–23.
- Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.–Л., 1956.
- Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории («Киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1983. С. 90–100.
- Дэвлет М.А. Большой Салбыкский курган — могила племенного вождя // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 146–155.
- Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. — I в. н.э. // Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Д4–7. М., 1980. 66 с.
- Евтюхова Л.А., Киселёв С.В. Отчёт о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ, Вып. XVI. 1941. С. 75–117.
- Ельницкий Л.А. Скифия Евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977. 256 с.
- Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // Древности Евразии. М., 1997. С. 286–316.
- Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 64–94.
- Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н., Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Поселение древних металлургов VIII–VII вв. до н.э. на Семипалатинском правобережье Иртыша // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. М.–Алматы, 1998. С. 39–46.
- Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI–II вв. до н.э.: Научный доклад, представленный в качестве дис. ... докт. ист. наук. М., 1997. 56 с.
- Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции. Волгоград, 1994. С. 5–8.
- Завитухина М.П. Могильник ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. Вып. 3. Л., 1961. С. 84–108.
- Завитухина М.П. Ордынские курганы V–IV вв. до н.э. (о культуре скифского времени в Новосибирской лесостепи) // АСГЭ. Вып. 10. 1968. С. 28–34.
- Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л., 1983.
- Завитухина М.П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае // АСГЭ. Вып. 8. М.–Л., 1966. С. 61–76.
- Завитухина М.П. Собрание М.П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // Археологический сборник. Л., 1977. Вып. 18. С. 41–51.
- Заднепровская А.Ю. Украшения народов Среднего Поволжья как компонент традиционной культуры // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 1996. С. 19–20.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. № 118. 1962. 319 с. + 2 табл.
- Заднепровский Ю.А. Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // Древности. № 3. М., 1992. С. 115–127.
- Заднепровский Ю.А. Пути миграции юэчжей по новым археологическим данным // Ю.А. Заднепровский. Древние номады Центральной Азии. (сборник статей). СПб., 1997. С. 73–79.
- Зайцева Г.И., Поснерт Й., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Семенцов А.А. Радиоуглеродные даты ключевых памятников Европейской Скифии // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб., 1997. С. 76–85.
- Запороженченко А.В., Черемисин Д.В. Аримаспы и грифы: изобразительная традиция и индоевропейские параллели // ВДИ, 1997, № 1. С. 83–90.
- Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск, 1997. 132 с.
- Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово, 1997. 368 с.
- Зубов А.А. Одонтология. М., 1968.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропогенетике. Москва, 1993.
- Зуев В.Ю. Научный миф о «Савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 54–68.
- Иванов В.Х. Якутская резная кость. М., 1979. 111 с.
- Иванов Вяч.Вс. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от asva—«конь» // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974. С. 75–138.
- Иванов Вяч.Вс. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР, серия литературы и языка. Т. 34. № 5. М., 1975. С. 399–408.
- Иванов Г.Е. К археологической карте верховьев рек Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 24–52.
- Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 6–27.
- Иванов Г.Е. Керамика второй половины I тыс. до н.э. с поселений степного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 74–78.

- Иванов Г.Е. Основные этапы и пути эволюции вооружения у племен Верхнего Приобья в I тыс. до н.э. // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 10–19.
- Иванов Г.Е. Саргатская керамика с поселения Островное 3 // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 118–119.
- Иванов Г.Е. Два поселения эпохи поздней бронзы в степном Алтае // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 132–146.
- Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 56–62.
- Иванов Г.Е. Воинские погребения лесостепного Обь-Иртышья I тыс. до н.э. как источник для изучения миграционных и социальных процессов // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 102–105.
- Иванов Г.Е. Вооружение и военное дело населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы — раннем железном веке. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 28 с.
- Иванов Г.Е. Костяные наконечники стрел лесостепного Обь-Иртышья эпохи поздней бронзы — раннего железного века: принципы и некоторые итоги классификации // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 84–90.
- Иванов Г.Е., Медникова Э.М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 89–95.
- Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. М.—Л., 1954 / Труды Института этнографии. Т. 22. 838 с.
- Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н.э. М., 1996. 323 с.
- Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Жилище поздней бронзы на поселении Красная Горка-I (предварительное сообщение) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 110–112.
- Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Труды ККАЭЭ. Т. 1. Кемерово, 1996. 204 с.
- Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. № 2. 1971.
- Ильинская В.А. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 9–29.
- И Маньбай Краткое сообщение о раскопках древнего могильника Кээрмуци в Синьцзяне // Вэньу, 1981. № 1. С. 23–32 (на кит. яз.).
- Исмагилов Р.Б. О некоторых тенденциях в развитии современной отечественной скифологии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 265–283.
- Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 31–47.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. 186 с.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 160–402.
- Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 25–45.
- Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84–93.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Погребение жрицы, обнаруженное в Актобинской области // КСИА. Вып. 154. М., 1978. С. 65–70.
- Казаков А.А., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Локтевский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 99–113.
- Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Новые памятники раннего железного века в Туве // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 17. М., 1990. С. 36–47.
- Ким А.Р., Чикишева Т.А. Погребение из Нижнетыткескенской пещеры 1 — первая доафанасьевская могила на территории Горного Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры 1. Барнаул, 1995. С. 95–117.
- Киреев С.М. Курганы «Майма-XIX» // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 39–50, 181–185.
- Киреев С.М. Погребения быстринской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 54–58.
- Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 55–56.
- Киреев С.М., Булычев С.С. Раскопки поселения Майма-III в 1989 году // Вопросы археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 7–9.
- Киреев С.М., Кудрявцев П.И. Новые памятники эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988.

- Киреев С.М., Кунгурова Н.Ю. Микролитическая индустрия с поселения Майма-III // Источники по истории республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 60–69.
- Кирюшин Ю.Ф. Лесостепной Алтай в эпоху бронзы и в раннем железном веке // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. конф. Барнаул, 1986. С. 75–79.
- Кирюшин Ю.Ф. Скифские памятники Средней Катунь // Скифо-Сибирский мир: Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Кемерово, 1989. С. 53–56.
- Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В. Аварийные раскопки на Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 26–27, рис.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев В.Б. Мечи из собрания Шипуновского музея // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 99–103.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 115–134.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии. Бийский район. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–47, 100–114.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979. 182 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Признаки погребального обряда скифских памятников Катунь // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 102–106.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Изучение курганов раннескифского времени, раскопанных на могильнике Тыгкескень-VI в Горном Алтае // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 162–171.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф., Кунгурова Н.Ю. Поселение Сары-Бел // Известия лаборатории археологии № 1. Горно-Алтайск, 1995. С. 6–19.
- Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 110–136.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. М.–Л., 1949. 362 с.
- Киселев В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
- Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991. 448 с.
- Кляшторный С.Г., Маточкин Е.П. Руническая надпись Карбана // Изв. СО АН СССР. Сер. Истории, филологии и философии. 1991. Вып. 1. С. 65–68.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юэчжуйских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. Декабрь 1998 года. СПб., 1998. С. 169–177.
- Ковалев А.А. О датировке оленного камня кургана Аржан // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 93–98.
- Ковалев А.А. Варварские племена скифской эпохи на границах китайских государств (к проблеме локализации) // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992. С. 97–100.
- Комиссаров С.А. Шанцуньлин — опорный памятник конца Западного Чжоу // Дальний Восток и Центральная Азия. М., 1985. С. 3–12.
- Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988. 120 с.
- Комиссаров С.А. Новая датировка начала железного века в Китае // III итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г. Тезисы докладов. Новосибирск, 1995. С. 67–68.
- Королькова Е.Ф. Гривны и браслеты скифо-сарматской эпохи // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 1996. С. 24–26.
- Кортаев А.М. К истории археологического изучения верхнего и среднего течения р. Томи // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 142–148.
- Кортаев А.М. Поселение у д. Лочиново на р. Томи // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980. С. 45–53.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988. 240 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. 245 с.
- Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 55–60.
- Кочеев В.А. Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 145–162.
- Кочеев В.А. Воины в социальной структуре пазырыкского общества // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Ч. I. Кемерово, 1989. С. 70–71.
- Кочеев В.А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 105–118.

- Кочеев В.А. Курганы могильника Айрыдаш-II // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 210–224.
- Кочеев В.А. Бронзовые двухлопастные наконечники стрел из Горного Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. Серия археология и этнография. 1995. № 3. С. 95–97.
- Кочеев В.А. Луки горно-алтайских курганов (к вопросу о луках скифского времени Горного Алтая) // Известия лаборатории археологии. № 2. Горно-Алтайск, 1997. С. 147–152.
- Кочеев В.А. Средний слой пазырыкского общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири (материалы Всероссийской конференции). Барнаул, 1997. С. 112–114.
- Кочеев В.А. Некоторые вопросы военного дела и военного искусства, древних кочевников Горного Алтая скифского времени // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Новосибирск, 1998. С. 271–276.
- Крюков М.В., Переломов Л.С. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.
- Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 29–54.
- Кубарев В.Д. Конь в сакральной атрибутике ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 84–95.
- Кубарев В.Д. Археологические исследования у борма Коркечу (Центральный Алтай) // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 130–137.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. С. 302.
- Кубарев В.Д. О назначении зооморфных наверший из курганов Пазырыка и Уландрыка // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 169–173.
- Кубарев В.Д. Росписные сосуды из курганов Алтая // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 31–55.
- Кубарев В.Д. Курган скифского времени в устье реки Кургунды // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1991. С. 79–90.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 189 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
- Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на р. Каракол // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 74–77.
- Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В. Курганы Чуйской степи // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. С. 61–75.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.
- Кубарев В.Д., Слюсаренко И.Ю. Росписные сосуды из курганов урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 185–192.
- Кузнецов Н.А., Худяков Ю.С. Ритуальные захоронения собак в тагарских курганах // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 49–50.
- Кузнецова Т.М. Эпюды по скифской истории. М., 1991. 150 с.
- Кузьмин Н.Ю. Генезис Саяно-Алтайского шаманизма по археологическим источникам // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 1992. С. 125–130.
- Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 28–49.
- Кулемзин А.М., Бородин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово, 1989. 158 с.
- Кульчар Вал. Некоторые характерные черты погребального обряда сарматов Карпатского бассейна // Донецкие древности. Азов, 1997. С. 126–133.
- Кунгуров А.Л. Сергей Михайлович Сергеев // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 177–184.
- Кунгуров А.Л. Два погребения с могильника 1 МГК-I // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. II. Барнаул, 1993. С. 220–225.
- Кунгуров А.Л. Погребальные комплексы быстринской культуры на Чумыше // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. С. 114–117.
- Кунгуров А.Л. Памятники железного века Верхнего Причумышья (по материалам краеведческого музея с. Победа) // Алтайский сборник. Вып. XVIII. Барнаул, 1997. С. 221–240.
- Кунгуров А.Л. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-I // Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 1998. С. 267–272.
- Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Раскопки могильника Аэродромный в Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 77–89.
- Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Могильник раннего железного века на МГК-I // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 94–99.

- Курочкин Г.Н. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л., 1988. С. 5–22.
- Курочкин Г.Н. Большая охота за сибирским «могильным золотом» // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. Вып. I. СПб., 1995. С. 9–17.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М., 1983. 128 с.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979. 207 с.
- Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. 168 с.
- Кызласов Л.Р. Тагарская ручная мельница и ее значение // СА. 1985. № 3. С. 65–71.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990. С. 216.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 392 с.
- Лал Л.Д. Прем Сагар // Легенды о Кришне. Т. I. М.–Л., 1957.
- Лекция профессора Руденко // Красный Алтай. № 123. 1925. 2 июня. С. 5.
- Лекция профессора Руденко // Красный Алтай. № 129. 1925. 9 июня. С. 5.
- Ливий Тит История Рима от основания города. Т. I. М., 1989. 575 с.
- Ли Сюэцин. Могильник царства Го в Шанцуньлине. (Шанцуньлин Гого муди). Пекин, 1959. II, XII, 85 с., LXXII табл. (на кит. яз.).
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984. 239 с.
- Ли Чжэн. Краткое сообщение о разведке могил с каменными изваяниями в районе Алтая // Вэньу, 1962. № 7/8. С. 103–108 (на кит. яз.).
- Ловелиус Н.В., Васильев С.С., Дергачев В.А., Захариева Е.И., Марсадолов Л.С. Археология ритмов — основа перекрестного датирования археологических памятников // Радиоуглерод и археология. Вып. I. СПб., 1996. С. 39–48.
- Ло Фэн, Хань Кунлэ. Нинся Гуяоань цзиньнянь фацзюэ дэ бэйфан си цинтунци (ряд бронзовых изделий северного типа, обнаруженных в последние годы в округе Гуяоань, Нинся) // Каогу, 1990. № 5. С. 403–418.
- Лоховиц В.А. Подбойные и катакомбные погребения могильника Тумек-Кичиджик // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979. С. 134–150.
- Лузин С.Ю., Тишкин А.А. Курганный могильник Казенная Заимка-I // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 167–173.
- Лю Дэчжэнь, Сюй Цзюньчэнь. Ганьсу Цинъян Чуньцю, Чжаньго муцзай дэ цинли (упорядоченное описание могильных сооружений эпох Чуньцю и Чжаньго округа Цинъян, Ганьсу) // Каогу, 1988. № 5. С. 413–424.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988. 225 с.
- Ма Дэчжи, Чжоу Юнчжэн, Чжан Юньпэн. Отчет о раскопках в деревне Дасыкунцунь вблизи Аньяна в 1953 г. // Каогу сюэбао. Т. 9. 1955. С. 25–90 (на кит. яз.).
- Максимова А.Г. Подбойные захоронения сакского времени // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 136–145.
- Малолетко А.М., Орлова Л.А. Климат Алтая в скифскую эпоху // Скифская эпоха Алтай. Барнаул, 1986. С. 50–52.
- Мамадаков Ю.Т. Курганы скифского времени могильника Кырлык-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. I. Барнаул, 1995. С. 81–87.
- Мамонова Н.Н. Скифы Западной Монголии по данным палеоантропологии // Скифская эпоха Алтай. Барнаул, 1986. С. 83–95.
- Мамонова Н.В. Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V–III вв. до н.э.) // РА. 1997. № 4. С. 108–121.
- Мандельштам А.М. Исследования на могильном поле Аймырлыг: некоторые итоги и перспективы // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 25–33.
- Мандрыка П.В. Ранний железный век подтаежной зоны среднего Енисея. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998. 18 с.
- Марголина Н.Б. Ювелирные украшения народов Приамурья в собрании Российского этнографического музея // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 1996. С. 31–32.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 436 с.
- Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1985. С. 1–16.
- Марсадолов Л.С. Керамические сосуды в памятниках Горного Алтая VIII–VII вв. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии. Ч. 2. Кемерово, 1987. С. 62–66.
- Марсадолов Л.С. Хронологическое соотношение Пазырыкских и Семибратних курганов // АСГЭ, 1987. Вып. 28. С. 30–37.
- Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н.э. // АСГЭ, 1988. Вып. 29. С. 65–81.

- Марсadolов Л.С. Кургan VI в. до н.э. у поселка Аржан в Туве // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к Всесоюзной научной конференции (3–5 апреля 1991 года). Барнаул, 1991. С. 107–108.
- Марсadolов Л.С. Комплекс археологических памятников у скалы Кара-Бом (пункт Семисарт-I) в Горном Алтае // Северная Евразия от древности до средневековья (тез. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова). СПб., 1992. С. 114–118.
- Марсadolов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.
- Марсadolов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Гос. Эрмитажа. Вып. I. СПб., 1997. 56 с.
- Марсadolов Л.С. Социальные ранги курганов кочевников VI–IV вв. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 96–99.
- Марсadolов Л.С. Новые исследования Эрмитажа в Саяно-Алтае // АСГЭ, 1998. Вып. 33. С. 49–60.
- Марсadolов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 5–24.
- Марсadolов Л.С., Зайцева Г.И., Попов С.Г. Радиоуглеродное датирование образца дерева из кургана Ак-Алаха (раскопки 1990 года) // Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы международного симпозиума. Новосибирск, 1998. С. 348–351.
- Марсadolов Л.С., Зайцева Г.И., Семенцов А.А., Лебедева Л.М. Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // Радиоуглерод и археология. Вып. I. СПб., 1996. С. 24–32.
- Марсadolов Л.С., Самашев З.С., Шер Я.А., Ермолаева А.С., Курманкулов Ж.К., Жетибаев Ж.М. Исследования в Восточном Казахстане в 1997 г. // Отчетная археологическая сессия за 1997 год. СПб., 1998. С. 7–11.
- Марсadolов Л.С., Тишкин А.А. Основная библиография печатных работ археологов за последние 50 лет (1947–1997 гг.) по конскому снаряжению I тыс. до н.э. в степной полосе Евразии // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 91–92.
- Мартынов А.И. О культурах II–I тыс. до н.э. в междуречье Оби и Чулыма // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 293–299.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 208 с.
- Мартынов А.И. О древней государственности у народов Южной Сибири // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 28–33.
- Мартынов А.И. Степи Евразии в истории человечества // Проблемы археологии степной Евразии. ТДК. Кемерово, 1987. С. 3–8.
- Мартынов А.И. О концепции закономерностей исторических взаимоотношений обществ Древнего мира и степной Евразии // Кочевники евразийских степей и Античный мир. Новосибирск, 1989.
- Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986. 144 с.
- Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 147–172.
- Мартынова Г.С., Новгородченкова И.В. Раскопки поселения Лачиново-II // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 64–65.
- Масанов Н.Э. Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 20–26.
- Матвеев А.В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // СА. № 2. 1986. С. 56–69.
- Матвеев А.В. Семья в ирменском обществе: некоторые аспекты палеодемографического изучения по материалам поселений // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995. С. 25–41.
- Матвеева Н.П. Погребение знатного воина в Красногорском I могильнике // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 60–67.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск, 1993. 176 с.
- Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П. Социальное развитие народов западносибирской лесостепи в раннем железном веке // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. I. Новосибирск, 1998. С. 359–366.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечание Таскин В.С. М., 1968.
- Маточкин Е.П. Новые петроглифы Бии // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 20–23.
- Маточкин Е.П. Петроглифы грота Куйлю — памятник древнего искусства Сибири // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск, 1988. С. 80–88.
- Маточкин Е.П. Граффити Карбана // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990а. С. 150–160.
- Маточкин Е.П. К расшифровке петроглифов грота Куйлю // Первобытное искусство. Семантика древних образов. Новосибирск, 1990б. С. 35–53.

- Маточкин Е.П. Петроглифы Чичкеши и проблемы их реставрации // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. 5. Ч. I. С. 131–134.
- Маточкин Е.П. Лучник и птица петроглифов Карагема // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3. С. 57–63.
- Матющенко В.И. Об отношении саргатского населения к так называемому «скифо-сибирскому культурно-историческому единству» // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск, 1991. С. 14–16.
- Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. 136 с.
- Махабхарата. Т. VII. Главы V и VI. Ашхабад, 1963.
- Мачинский Д.А. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989.
- Мачинский Д.А. Минусинские «трехглазые» изображения и их место в эзотерической традиции // Проблемы окуневской культуры. СПб., 1995. С. 57–60.
- Мачинский Д.А. Земля аримаспов в античной традиции и «простор ариев» в Авесте // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 3–14.
- Мачинский Д.А. Уникальный сакральный центр III — середины I тыс. до н.э. в Хакаско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 265–287.
- Маяк И.Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983. 272 с.
- Мга В.В. Хронологические «лакуны» Касыминского археологического микрорайона в Кузнецкой котловине (по полевым работам 1996 года) // Материалы Сибирской региональной археолого-этнографической конференции учащихся. Красноярск, 1997. С. 20–30.
- Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3. С. 76–89.
- Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1992. № 3. С. 86–107.
- Медникова М.Б. К вопросу о распространении посмертной трепанации черепов в Центральной Азии // РА. 1997. № 4. С. 130–140.
- Медникова Э.М., Могильников В.А., Суразаков А.С. Работы на Верхнем Алее // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С. 261–262.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.–Л., 1937. С. 607.
- Минжулин А.И. Технология зерна // СА. № 4. 1990. С. 231–240.
- Миняев С.С. К проблеме выделения гуннских памятников Сибири // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 80–82.
- Миняев С.С. Новый тип погребений эпохи господства сюнну на севере КНР // Общество и государство в Китае. XX-я научная конференция Ч. I. М., 1989. С. 8–10.
- Миняев С.С. К хронологии и периодизации скифских памятников Ордоса // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к Всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991. С. 122–124.
- Миняев С.С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 108–120.
- Миронов В.С. К вопросу о социальной структуре населения долины Средней Катунь в скифское время (по материалам погребальной обрядности) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 106–108.
- Михайлов Д.А. Об описании погребального обряда // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997.
- Михайлова Т.А. «Боевая колесница с серпами» как памятник, как текст, как реалья // Эпос Северной Европы. Пути эволюции. М., 1989. С. 119–142.
- Могильников В.А. Работы в Омском Прииртышье // Из истории Сибири. Томск, 1974. С. 76–85.
- Могильников В.А. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 76–92.
- Могильников В.А. О культурах западно-сибирской лесостепи раннего железного века (итоги и проблемы изучения) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 41–48.
- Могильников В.А. О культурах Западно-Сибирской лесостепи раннего железного века // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Мат. I Всесоюзной археологической конф. Кемерово, 1980. С. 41–50.
- Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 52–89.
- Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 40–71.
- Могильников В.А. Меч с зооморфными изображениями из Верхнего Приобья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 191–195.
- Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 29–32.

- Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 35–67.
- Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу (к вопросу об этническом составе населения Горного Алтая второй половины I тыс. до н.э.) // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 60–107.
- Могильников В.А. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 147–150.
- Могильников В.А. Памятник эпохи раннего железа на верхнем Алее // ОИАПА. Барнаул, 1990. С. 78–83.
- Могильников В.А. Курганы раннего железного века Корболиха-Х // ОИАПА. Барнаул, 1991. С. 95–102.
- Могильников В.А. Распространение наконечников копий у населения лесостепи и леса Западной Сибири в эпоху раннего железа в связи с особенностями военной тактики // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. ТДК. Ч. I. Омск, 1992. С. 61–63.
- Могильников В.А. Саргатская культура // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 292–311.
- Могильников В.А. Курган 2 могильника Карасу-II и некоторые аспекты внешних контактов населения Алтая второй половины I тысячелетия до. н.э. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 35–39.
- Могильников В.А. О савромато-сарматской миграции в лесостепь и степь Обь-Иртышского междуречья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 106–109.
- Могильников В.А. К генезису культур Западной Сибири в эпоху раннего железа // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 126–132.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.
- Могильников В.А. Экологическая ситуация и особенности формирования культуры населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н.э. // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск, 1998. С. 64–68.
- Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Карасу-I // Известия лаборатории археологии. № 1. Горно-Алтайск, 1995. С. 102–118.
- Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 38–48.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 69–93, 198–208.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Курган раннего железного века на Чумыше // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. № 167. М., 1981. С. 80–86.
- Мокшадхарма // Махабхарата. Т. V. Кн. 12. Ч. II (Основа освобождения). Ашхабад, 1961.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.
- Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск, 1992. 191 с.
- Молодин В.И. Бронзовый век Южной Сибири — современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 25–33.
- Молодин В.И. Исследования в долине Бертек на плоскогорье Укок // Altaica. № 1. Новосибирск, 1992а. С. 23–34.
- Молодин В.И. Надмогильные сооружения пазырыкской культуры (к реконструкции этапов погребальной обрядности) // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. С. 103–106.
- Молодин В.И. Основные итоги археологических исследований Западно-Сибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции на плоскогорье Укок летом 1992 года // Altaica № 2. Новосибирск, 1993. С. 17–20.
- Молодин В.И. Культурный комплекс Бертек 3-4 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994. С. 94–104.
- Молодин В.И. Этногенез // История и культура хантов. Томск, 1995. С. 3–44.
- Молодин В.И. Укок-1995 — новые находки и открытия // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Ноябрь 1995. Новосибирск, 1995. С. 87–89.
- Молодин В.И. Некоторые методические приемы исследования курганов пазырыкской культуры с мерзлотой // Актуальные проблемы Сибирской археологии. Барнаул 1996. С. 5–8.
- Молодин В.И. Могильники Кальджин-VI и Ак-Кол-I на плоскогорье Укок и их культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Новосибирск, 1997а. С. 230–232.
- Молодин В.И. Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая // Российская археология № 1. М., 1997б. С. 37–49.
- Молодин В.И. Замерзшие погребальные комплексы Сибири и глобальное потепление климата. Вероятные последствия // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998. С. 156–158.
- Молодин В.И. Рецензия на кн. Н.Л. Членовой «Центральная Азия и скифы. 1. Датировка кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира». М., 1997 // СА, 1998. № 4. С. 223–225.

- Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской обл. Новосибирск, 1996. 192 с.
- Молодин В.И., Каен-Делайте А., Массар К., Мыльников В.П., Хохлова О.Н. Исследование памятника Мойнак-II на плоскогорье Укок // *Altaica* № 2. Новосибирск, 1993. С. 21–49.
- Молодин В.И., Мыльников В.П. Могильник Бертек-Х // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994. С. 70–76.
- Молодин В.И., Мыльников В.П. Могильник Бертек-ХII // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск 1994. С. 76–88.
- Молодин В.И., Новиков А.В. Исследование могильника пазырыкской культуры на плоскогорье Укок (памятник Кальджин-VI) // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 33–35.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Кан Инук. Новые погребальные комплексы саргатской культуры в Центральной Барабе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Вып. VIII. Барнаул, 1997.
- Молодин В.И., Ромашенко А.Г., Воевода М.И., Ситникова В.В., Чикишева Т.А. Палеогенетический анализ генофонда населения Сибири // Интеграционные программы фундаментальных исследований. Новосибирск, 1998. С. 306–318.
- Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-I // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994а. С. 60–70.
- Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-XXVII // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994б. С. 88–94.
- Мошинская В.И., Лукина Н.В. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 46–60.
- Му Шуньин. Древнее искусство Синьцзяна, Китай. (Чжунго Синьцзян гудай ишу). Пекин, 1993. 254 с. (на кит. яз.).
- Мэн Вэньтун. Чжоу Цинь шаошу миньцзу яньцзю (исследование национальных меньшинств эпох Чжоу и Цинь). Шанхай, 1958. 109 с.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические и исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 242–270.
- Никитин Афанасий. Хождение за три моря. 1466–1472. М., 1948.
- Нинся Гуюань сянь чуто вэнью (в уезде Гуюань, Нинся, раскопаны древности) // Вэнью, 1978. № 12. С. 86–90.
- Новгородова Э.А. К вопросу о древнем центральноазиатском защитном вооружении (середина I тыс. до н.э.). // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С. 223–228.
- Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984. 168 с.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989. 383 с.
- Новгородова Э.А. Периодизация памятников эпохи бронзы Западной Сибири в сравнении с памятниками Монголии и Китая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 80–83.
- Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984. 294 с.
- Новиков А.В. Собака в погребальных комплексах лесостепного и южно-таежного Обь-Иртышья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. С. 206–209.
- Новикова О.И. Охранные работы на поселении Ельцовское-II (в дополнение к разработке периодизации ирменской культуры) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Вып. VIII. Барнаул, 1997.
- Новости дня // Красный Алтай. № 125. 1925. 4 июня. С. 5.
- Огуреева Н.Н. Ботаническая география Алтая. М., 1980. 188 с.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. 916 с.
- Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири / Сборник МАЭ. Т. XLII. Л., 1988. С. 140–158.
- Окладников А.П. Якутия до присоединения к русскому государству // История Якутской АССР. Т. I. М.–Л., 1955. 256 с.
- Окунева И.В. Поселения среднего Притомья (ранний железный век и средневековье). Автореф. канд. дис. Кемерово, 1990. 25 с.
- Орлова Л.А. Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость. Новосибирск, 1964. 111 с.
- Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Ч. II. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1995. С. 207–232.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. 1. Томск, 1994. 286 с.
- Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев, 1989. 288 с.
- Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990. 132 с.

- Папин Д.В., Тишкин А.А. Ирменский комплекс памятника Телеутский Взвоз-I // Проблема археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IV. Материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1998 г. Новосибирск, 1998. С. 365–368.
- Папин Д.В., Шамилин А.Б. Поселения переходного времени от бронзы к железу в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 85–109.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы. М., 1982. 276 с.
- Переводчикова Е.В., Раевский Д.С. Еще раз о назначении скифских наверший // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 42–52.
- Петрарка Ф.О. Неужесте своем и многих других // В кн.: Ревякина Н.В. Итальянское Возрождение. Гуманизм второй половины XIV века — первой половины XV века. Новосибирск, 1978.
- Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4–5. М., 1978. 144 с.
- Петренко В.Г. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье // КСИА. № 162. 1980. С. 15–19.
- Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. 284 с.
- Плетнева Л.М. Керамика Томского Приобья эпохи раннего железа // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск, 1973. С. 129–151.
- Плетнева Л.М. Предметы звериного стиля в Среднем Приобье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 235–241.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск, 1977. 142 с.
- Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 1. М., 1987. 592 с.
- Погребение в каменном ящике в Наньшаньгэне уезда Нинчэн // Каогу сюэбао, 1973. № 2. С. 27–39 (на кит. яз.).
- Подленко Л.Н. О некоторых чертах погребального обряда скифского времени Западной Сибири: культ огня // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ, 1998. С. 63–65.
- Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле» // РА. № 4. 1994.
- Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. 144 с.
- Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура. Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: Автореф. дис. ... док. ист. наук. Новосибирск, 1987.
- Полосьмак Н.В. Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 101–107.
- Полосьмак Н.В. Курган с «замерзшей» могилой на Ак-Алахе (предварительное сообщение) // Вестник древней истории № 4. М., 1991. С. 139–145.
- Полосьмак Н.В. Деревянные щиты из пазырыкских курганов // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 58–59.
- Полосьмак Н.В. Исследование пазырыкского кургана Кутургунтас // Вестник древней истории № 4. М., 1992. С. 50–63.
- Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. № 3. Новосибирск, 1993. С. 21–31.
- Полосьмак Н.В. Скифские памятники, исследованные на Укоке // Altaica № 3. Новосибирск, 1993. С. 20–30.
- Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С. 137–144.
- Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок (предварительное сообщение) // Altaica, iss. 4. Новосибирск, 1994. С. 3–10.
- Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. С. 124.
- Полосьмак Н.В. Феномен алтайских мумий // Природа № 11, М., 1995. С. 71–86.
- Полосьмак Н.В. Традиции пазырыкского бальзамирования (некоторые аспекты проблемы) // Новейшие археологические и этнографические открытия. Материалы IV Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 210–212.
- Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура. Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений. Автореферат докторской диссертации. Новосибирск, 1998.
- Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Малахов В.В., Власов А.А. Физико-химическое исследование уникальных археологических находок пазырыкской культуры Горного Алтая (VI–II вв. до н.э.). Реконструкция древних технологий и мировоззренческих представлений // Интеграционные программы фундаментальных исследований. Новосибирск, 1998.
- Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Малахов В.В., Власов А.А., Краевская И.Л., Овсянникова И.А., Литвак Г.С., Плясова Л.М., Соловьева Л.П., Шмакова А.Н. Химический анализ археологических находок из «замерзших» погребений Горного Алтая // Тезисы докладов V конференции «Аналитика Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1996. С. 199.
- Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Малахов В.В., Власов А.А., Краевская И.Л., Овсянникова И.А., Литвак Г.С., Плясова Л.М., Соловьева Л.П., Шмакова А.Н., Щербаков Ю.Г., Рослякова И.В. Исследование вещественного состава находок из «замерзших» могил Горного Алтая (Ак-Алаха–III. Пазырыкская культура) // РА, 1997, № 1. С. 181–193.
- Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Малахов В.В., Власов А.А., Плясов Л.М., Краевская И.Л., Степанов В.Г. Красящие вещества в погребениях пазырыкской культуры (к вопросу о косметических средствах пазырыкцев) //

- Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1997 г. Новосибирск, 1997. С. 270–274.
- Полторацкая В.Н. Могильник Березовка-I // АСГЭ. Вып. III. СПб., 1961. С. 74–88.
- Полторацкая В.Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве: по раскопкам С.А. Теплоухова // АСГЭ, 1966. Вып. 8. С. 78–102.
- Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 319 с.
- Привалихин В.И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушино-III // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. С. 90–95.
- Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 23 с.
- Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // МАЭ. Вып. 27. Л., 1971. С. 5–101.
- Пу Чаохуань, Пан Юэсянь. Юнчан Саньцзяочэн ю Хамадунь Шацзин вэньхуа ицунь (памятники культуры Шацзин Саньцзяочэн и Хамадунь в уезде Юнчан) // Каогу сюэбао, 1990. № 2. С. 205–237.
- Пшеницына М.Н. Раннетагарские погребения в могильнике Афанасьева Гора на Енисее // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. Вып. 24. СПб., 1995. С. 118–125.
- Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995. С. 62–96.
- Пьянков И.В. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. № 3. С. 115–130.
- Пьянков И.В. Хорасмий Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 3–21.
- Пэн Сичжу. Чжаньго Цинь чанчэн каоча ю яньцзю (детальное описание и исследование длинных стен царства Цинь в эпоху Чжаньго). Сиань, 1990. 298 с.
- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989.
- Раевский Д.С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 40–60.
- Ригведа. М., 1989. 768 с.
- Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948. 64 с.
- Руденко С.И. Второй пазырыкский курган. Л., 1952.
- Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.–Л., 1952. 266 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л., 1953. 402 с. + 120 табл.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л., 1960. 350 с. + 137 табл.
- Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961. 65 с.
- Рыкун М.П. К антропологии населения раннего железного века лесостепного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997. С. 75–82.
- Савинов Д.Г. Осинникинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 94–100.
- Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА, 1978. Вып. 154. С. 48–55.
- Савинов Д.Г. Скифские курганы Узунтала // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 10–13.
- Савинов Д.Г. Наскальные изображения в стиле оленных камней // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 174–181.
- Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири (тезисы докладов к всесоюзной научной конференции). Барнаул, 1991. С. 93–96.
- Савинов Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 4–18.
- Савинов Д.Г. Гунно-сарматское время // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994. С. 144–145.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.
- Савинов Д.Г. Тува раннескифского времени «на перекрестке» культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс. СПб., 1994. С. 76–89.
- Савинов Д.Г. Об обряде погребения больших пазырыкских погребений // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Санкт-Петербург, 1996. С. 107–111.
- Савинов Д.Г. Карасукская традиция и «аржано-майэмирский» стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург (Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.Д. Грача). СПб., 1998. С. 132–136.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инге // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 122–135.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В. Курган как сакрализованное пространство в системе погребального обряда // Актуальные проблемы методики Западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. С. 160–164.
- Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX — нач. XX вв.). Кемерово, 1992. 198 с.

- Самашев З., Жумабекова Г., Ермолаева А., Омаров Г. Раннесакские наконечники стрел из Казахстанского Алтая // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции. СПб., 1998. С. 155–160.
- Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. М., 1997. 416 с.
- Сапожников В.В. По Алтаю (дневник путешествия 1895 г.). Томск, 1897. 127 с.
- Се Дуаньцзюй. О ранних могилах с катакомбами в нашей стране // Каогу. 1987. № 12. С. 1097–1104 (кит. яз.).
- Семёнов Вл.А. Хронология курганов знати могильника Кошпей-I в Уюкской котловине в Туве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 184–192.
- Семенов В.А. Монгун-Тайга. СПб., 1997. 48 с.
- Семенов В.А., Килуновская М.Е. Новые памятники раннего железного века в Туве // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 17. М., 1990. С. 36–46.
- Семенцов А.А., Зайцева Г.И., Герсдорф Г., Парцингер Г., Наглер А., Боковенко Н.А., Чугунов К.В., Лебедева Л.М. Вопросы хронологии памятников кочевников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб., 1997. С. 86–93.
- Сидоров Е.А. Источники по истории металлургии лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // Источники и историография: Археология и история. Омск, 1988. С. 19–26.
- Сидоров Е.А. Присваивающие виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 16–40.
- Ситников С.М., Шульга П.И. Работы на юго-западном Алтае // ПОИИКНА. Барнаул, 1995. С. 59–62.
- Ситников С.М., Шульга П.И. Погребения раннескифского времени на поселении эпохи бронзы Советский Путь-I // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 3. Горно-Алтайск, 1998. С. 69–77.
- Скопинцева Г.В. Новый могильник раннескифского времени в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул, 1998. С. 120–124, рис. 1–15.
- Слюсаренко И.Ю. Начало дендрохронологических исследований в Институте археологии и этнографии СО РАН // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Новосибирск, 1997. С. 276–280.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. № 101. М., 1961. 162 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. 377 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. 176 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы-огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 155–159.
- Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1983.
- Соёнов В.И., Эбель А.В. Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл-Таш // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С. 88–97.
- Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. № 3. 1966. С. 39–60.
- Сорокин С.С. Новый памятник VII–VI вв. до н.э. на Южном Алтае // СА. № 2. 1969. С. 249–252.
- Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. № 16. Л., 1974. С. 62–91.
- Ставиский Б.Я. Средняя Азия и Ахеменидский Иран // История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 155–163.
- Степанова Н.Ф. Куломский тип памятников VIII–VI вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 79–81.
- Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае: Межвузовский сборник научных статей. Барнаул, 1987. С. 168–183.
- Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 54–69.
- Степанова Н.Ф. Керамика VIII–VI вв. до н.э. с поселений средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул, 1998. С. 117–119.
- Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда II // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 11–24.
- Степанова Н.Ф., Кирюшин К.Ю. Могильник скифского времени Тыткескень-VI // Археологические исследования в Сибири. Тезисы материалов к конференции. Барнаул, 1989. С. 64–66.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. 464 с.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 494 с.
- Ступников Р.Н. Плиточные могилы у ст. Оловянной Читинской области // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 104–109.
- Суразаков А.С. О вооружении ранних кочевников Горного Алтая // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск, 1980. С. 170–192.
- Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 121–136.

- Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-I. (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры). // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 42–52.
- Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 72–87.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 214 с.
- Суразаков А.С. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 168–171.
- Суразаков А.С. Археологические работы ГАНИИИЯЛ // Гуманитарные исследования в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 1988. С. 56–83.
- Суразаков А.С. Раскопки памятников Курота-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 56–96.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VI. Перевод с китайского и комментарий Р.В. Вяткина. М., 1992. – 483 с.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VII. Перевод с китайского Р.В. Вяткина. Комментарий Р.В. Вяткина и А.Р. Вяткина. М., 1996. 462 с.
- Сю Чэн, Ли Цзиньцзэн. Бронзовые культуры жунов и ди в период Восточного Чжоу // Каогу сюэбао. 1993. № 1. С. 1–11 (на кит. яз.).
- Сюй Чэн, Ли Цзиньчжэн. Дун Чжоу шици дэ жун ди цинтун вэньхуа (Культура бронзовых изделий жунов и ди эпохи Восточного Чжоу) // Каогу сюэбао, 1993. № 1. С. 1–11.
- Сюй Чэн, Ли Цзиньчжэн, Гэн Чжицян. Сици сянь Чэньчжуань муди фацзюэ цзянбао (Краткое сообщение об обнаружении могильника в Чэньчжуань уезда Сици // Нинся каогу вэньцзи. Иньчуань, 1996. С. 61–70.
- Сю Чэн, Ли Цзиньцзэн, Вэй Чжун, Хань Сяоман, Янь Шичжун. Янлан — могильник бронзовой культуры в уезде Гуюань в Нинся // Каогу сюэбао. 1993. № 1. С. 13–56 (на кит. яз.).
- Сюн Цуньжуй. Сянь Цинь сюнну цзи ци ю гуань дэ цзигэ вэньти (сюнну в доциньское время, а также несколько вопросов, имеющих к этому отношение) // Шэхуй кесюэ цзяньфан, 1983. № 1. С. 110–113.
- Сюй Чэн, Ли Цзиньчжэн, Хань Сяоман, Янь Шичжун. Нинся Гуюань Янлан цинтун вэньхуа муди (Могильник культуры бронзовых изделий в Янлане уезда Гуюань, Нинся) // Каогу сюэбао, 1993. № 1. С. 13–56.
- Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 3–23.
- Таиров А.Д. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII–II веках до новой эры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 27 с.
- Таиров А.Д. Взаимосвязи ранних кочевников Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана во второй половине VI–V веках до новой эры // Маргулановские чтения. Тезисы. Петропавловск., 1992. С. 96–98.
- Таиров А.Д. Ранние кочевники Южного Зауралья и сакский мир в VII–II вв. до н.э. // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы докладов XII Уральского археологического совещания. Екатеринбург, 1993. С. 200–201.
- Таиров А.Д. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург, 1998. С. 87–96.
- Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 141–159.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М., 1968.
- Татаурова Л.В. К вопросу о северных связях саргатской культуры // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск, 1998. С. 39–46.
- Телегин А.Н. Некоторые итоги второго года раскопок курганной группы Ключи-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 138–141.
- Телегин А.Н. Раскопки третьего кургана курганной группы Ключи-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 140–142.
- Терехова Н.Н. Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае // СА. 1959. № 3. С. 28–47.
- Тетерин Ю.В. Курганы раннего железного века у р. Ороктой в долине Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 65–66.
- Тишкин А.А. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Шепчиха-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 90–99.
- Тишкин А.А. Некоторые аспекты культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 124–127.
- Тишкин А.А. Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р. Катунь // Проблемы изучения культурного наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 46–49.
- Тишкин А.А. Общие, особенные и единичные признаки погребального обряда курганов могильника Бийке в Горном Алтае // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири. Барнаул, 1994. С. 92–96.

- Тишкин А.А. Исследование одного разрушенного кургана раннескифского времени в Змеиногорском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 119–123.
- Тишкин А.А. К вопросу о возможности выделения контактных археологических культур // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 25–28.
- Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 20–54.
- Тишкин А.А. Сооружение курганов на могильнике Бийке в Горном Алтае // Курганы: методика раскопок и реконструкции (тезисы докладов к конференции). СПб., 1996. С. 11–13.
- Тишкин А.А. Характеристика основного направления хозяйственной деятельности населения раннескифского времени Горного Алтая // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 57–61.
- Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996. 28 с.
- Тишкин А.А. Ориентация погребенных людей в курганах раннескифского времени Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы межд. конф. СПб., 1996. С. 50–54.
- Тишкин А.А. Изучение социально-экономической структуры населения Горного Алтая раннескифского времени // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 93–95.
- Тишкин А.А. Необходимые условия и возможные пути реконструкции социальной организации на основе археологических источников // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология и интерпретация. Кемерово, 1997. С. 53–55.
- Тишкин А.А. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 78–90.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Захоронения человека с конем как отражение некоторых сторон социально-экономической структуры населения Горного Алтая скифской эпохи // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул, 1997. С. 114–117.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Классификация погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. № 3. С. 19–24.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. С. 581–591.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Ориентация и положение погребенных людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая (Известия лаборатории археологии № 3). Горно-Алтайск, 1998. С. 77–83.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Погребения человека с конем в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. Горно-Алтайск, 1998. С. 16–19.
- Тишкин А.А., Папин Д.В. Комплекс вооружения раннескифского времени на Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 179–181.
- Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Комплекс аварийных археологических памятников близ Туриной Горы. // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 106–110.
- Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 12–46.
- Троицкая Т.Н. Новосибирское Приобье в VII–IV вв. до н.э. // Вопросы археологии Сибири. Вып. 38. Новосибирск, 1972. С. 3–35.
- Троицкая Т.Н. О северной границе распространения большереченских племен // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978.
- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 124 с.
- Троицкая Т.Н. Хронологические рамки новосибирского варианта большереченской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: Тез. докл. Всесоюзной археологической конф. Кемерово, 1979. С. 108–110.
- Троицкая Т.Н. К вопросу о новосибирском варианте большереченской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Мат. I Всесоюзной археологической конф. Кемерово, 1980. С. 170–175.
- Троицкая Т.Н. Могильник Быстровка-I как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 31–50.
- Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и её место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 54–69.
- Троицкая Т.Н. Культуры скифо-сибирского круга в лесостепном Приобье // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 104–115.
- Троицкая Т.Н. Некоторые вопросы социальной стратификации общества большереченской культуры // Скифо-сибирский мир. ТДК. Кемерово, 1989. С. 73–76.
- Троицкая Т.Н. К вопросу о керамике бийского этапа большереченской культуры // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997, Вып. 2. С. 143–144.

- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеберенская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.
- Трофимова Т.А. Еще раз о черепках из Луговского могильника ананьинской культуры (в связи с вопросом о низколищем монголоидном типе в Сибири) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 51–91.
- Тур С.С. Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. С. 136–147.
- Тыжнов И.И. Из Алтайских этнодов. Чулышманская долина // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXIV. СПб., 1909. С. 99–140.
- Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь. Нэймэнгу Алучайдэн фацзюэ дэ сюнну иу (сюннуские древности, обнаруженные в Алучайдэн, Внутренняя Монголия) // Каогу, 1980. № 4. С. 333–338, 364, 368.
- Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь. Ордосы ши цинтунци (бронзы ордосского стиля). Пекин, 1986. 402 с., 120 л. илл.
- Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь. Алучайдэн фацзюэ дэ цзинь синь ци (золотые и серебряные изделия, обнаруженные в Алучайдэн) // Ордосы ши цинтунци (бронзы ордосского стиля). Пекин, 1986а. С. 342–350.
- Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь. Сигоупань Чжаньго му (могилы эпохи Чжаньго в Сигоупань) // Ордосы ши цинтунци (бронзы ордосского стиля). Пекин, 1986б. С. 351–365.
- Тянь Гуаньцзинь. Могильник Таохунбала // Ордосские бронзы. Пекин, 1986. С. 203–219 (на кит. яз.).
- Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь. Могильник Маоцингоу // Ордосские бронзы. Пекин, 1986. С. 227–315 (на кит. яз.).
- Уманский А.П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннего железного века на Алтае // Барнаул 250 лет. Барнаул, 1980. С. 50–53.
- Уманский А.П. К вопросу о периодизации большеберенской культуры // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 32–36.
- Уманский А.П. К вопросу о культурном взаимодействии горный и лесостепных племен Алтая в эпоху раннего железа // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 35–54.
- Уманский А.П. Аварийные раскопки курганов в пункте Новотроицкое-I в 1987 году // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 104–107.
- Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 51–59, рис. на сс. 186–194.
- Уманский А.П. Новотроицкие курганы // Нижнее Причумышье: Очерки истории и культуры. Тальменка, 1997. С. 14–25.
- Уманский А.П. Раскопки кургана № 3 в урочище Раздумье-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 145–153.
- Уманский А.П., Шульга П.И. Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 56–94.
- У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. Даодуньцзы — сюннуский могильник в уезде Тунсинь в Нинся // Каогу сюэбао. 1988 № 3. С. 333–356 (на кит. яз.).
- У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 88–101.
- У Энь. Люэ лун гуайи дуньуэ вэньян цзи сянгвань вэньти (немного о необычных видах звериной орнаментики и о связанных с этим проблемах) // Гутун боюань юанькань, 1994. № 3. С. 27–30.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М., 1987. 216 с.
- Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 240.
- Фролов Я.В. Бийский этап (к постановке вопроса) // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 69–70.
- Фролов Я.В. К вопросу о погребальном обряде могильников переходного времени от бронзы к железу на Ближних Елбанах // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1995. С. 80–81.
- Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково-I // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 135–143.
- Фролов Я.В. Ритуальные «клады-приношения» у детских погребений староалейской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 163–166.
- Фролов Я.В., Папин Д.В. Материалы переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку из коллекции Н.С. Гуляева, собранной у с. Большая Речка в 1903 г., хранящиеся в АККМ // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 88–91.
- Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Погребения людей в скорченном положении из могильников раннего железного века Барнаульского Приобья // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 123–125.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. 170 с.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. 171 с.
- Хаяши Минао. Тюгоку Ин-Шу цзидай-но буки (оружие Китая эпох Инь-Чжоу). Киото, 1972.
- Хождение по криницам // Махабхарата. Т. VI. Кн. III (лесная). Ашхабад, 1962.
- Худяков Ю.С. Коллекция оружия скифского времени из могильников Салдам и Усть-Эдиган // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. № 1. С. 87–101.

- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1997. С. 28–36.
- Худяков Ю.С. Роль военного дела в социальной стратификации кочевого общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 9–11.
- Худяков Ю.С., Миронов В.С. Археологические исследования на могильнике Кок-Эдиган // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы V Годовой итоговой сессии ИАиЭ СО РАН. Декабрь 1997 г. Новосибирск, 1997. С. 270–274.
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 95–150.
- Цай Цин, Сюй Сюэшу. Сычуань Маосянь Муту и хао шигуань му цзи пэй цзанкэн цинли цзянбао (краткое упорядоченное сообщение о каменной гробнице № 1 и связанных с ней погребальных ямах в Муту уезда Маосянь провинции Сычуань // Вэньу, 1994. № 3. С. 1–40.
- Ци Сюгуан. Краткое сообщение о раскопках древнего могильника Фаньчжанцзы в аймаке Аохань // Нэймэнгу вэньу каогу. 1984. № 3. С. 22–25 (на кит. яз.).
- Цян Мэн, Гэн Цзяньцзюнь. Сюйчжоу Си Хань Ваньцзо хоу Лю Чжи му (могила Лю Чжи, хоу владения Ваньцзо в эпоху Западная Хань в Сюйчжоу) // Вэньу, 1997. № 2. С. 4–21.
- Человек и его символы. М., 1997. 368 с.
- Черемисин Д.В. Античная традиция об аризмапах и грифах и проблемы этногеографии скифского мира // Тез. докл. науч. конф. Кемерово, 1987. С. 16–18.
- Черемисин Д.В. Система образов звериного стиля в рядовых погребальных комплексах пазырыкской культуры. I. Гривны: образ хищника // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово, 1997. С. 97–101.
- Черемисин Д.В. Стиль оленных камней в петроглифах Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). Т. 1. Новосибирск, 1998. С. 609–614.
- Черемисин Д.В., Запороженко А.В. «Пазырыкский шаманизм»: артефакты и интерпретация // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 30–32.
- Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ № 51. М.–Л., 1959. С. 114–156.
- Чернецов Н.В. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 65–78.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88. М., 1960.
- Черников С.С. Загадка золотого кургана. М., 1965. 192 с.
- Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 132–137.
- Черных Е.Н. О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и других // СА. 1967. № 1. С. 293–301.
- Черных Е.Н. От доклассовых обществ к раннеклассовым (к итогам деятельности Методологического семинара Института археологии АН СССР в 1976–1984 гг.) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 229–255.
- Черных Е.Н. Металл и древние культуры: Узловые проблемы исследования // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989. С. 14–30.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. 320 с.
- Чжаньго цз. Т. 1–3. Второе издание. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1995.
- Чжун Кань, Хань Кундун. Нинся наньцзюнь Чуньцзо Чжаньго шици дэ цинтун вэньхуа (культура бронзовых изделий эпох Чуньцзо и Чжаньго в южной части Нинся) // Чжунго каогусюэ хуй дисы цынянь хуйлунь вэньцзи (сборник материалов четвертого ежегодного конгресса Археологического общества Китая). Пекин, 1983. С. 203–213.
- Чикишева Т.А. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994. С. 157–174.
- Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия. Материалы IV Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 249–252.
- Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом сходстве населения пазырыкской культуры и сакской этнокультурной общности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 3. Новосибирск, 1997. С. 314–320.
- Чикишева Т.А. Особенности динамики антропологического состава населения Горного Алтая в древности (от эпохи неолита до начала нашей эры) // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. I. Новосибирск, 1998. С. 631–643.
- Чиндина Л.А. Саровское городище // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 51–80.
- Чиндина Л.А. Древняя история Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. С. 256.
- Чиндина Л.А. О войне и мире у охотников и рыболовов южной тайги Западной Сибири // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 86–116.
- Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской обл. Т. 1. Томск, 1990. 340 с.

- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.
- Членова Н.Л. К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле // Проблемы скифской археологии (МИА № 177). М., 1971. С. 208–217.
- Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
- Членова Н.Л. Суртайка — могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае // Бронзовый век на территории СССР. КСИА 134. М., 1973. С. 114–121.
- Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М., 1976. 104 с.
- Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.
- Членова Н.Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // ПАВ. Вып. 4. СПб., 1993. С. 31–69.
- Членова Н.Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. Вып. 7. СПб., 1993. С. 49–77.
- Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994, 170 с.
- Членова Н.Л. Датировка кургана Аржан в Туве и его место в системе культур «скифского мира» // Вестник антропологии. Вып. 2. М., 1996. С. 181–194.
- Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997. 98 с.
- Членова Н.Л. К вопросу о центральноазиатской гипотезе происхождения скифов: дата оленных камней Монголии // Вестник антропологии. Вып. 4. М., 1998. С. 149–168.
- Членова Н.Л., Бобров В.В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С. 143–180.
- Членова Н.Л., Кубарев В.Д. Хронологические парадоксы Горного Алтая // КСИА. Вып. 199. М., 1990.
- Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII–VI вв. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 116–129.
- Шамшин А.Б. Памятники бронзового века Фирсовского археологического микрорайона (лесостепное Алтайское Приобье) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 120–123.
- Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Новосибирск: 1997. С. 326–331.
- Шамшин А.Б. Очерки древнего прошлого Шелаболихинского района // Из истории населенных мест Шелаболихинского района. Барнаул, 1998. С. 15–33.
- Шамшин А.Б., Гальченко А.В. Хозяйство населения Барнаульско-Бийского Приобья в эпоху поздней бронзы и в переходное время от бронзы к железу // Источники по истории республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 90–117.
- Шамшин А.Б., Дёмин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 60–68.
- Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Лузин С.Ю., Неверов С.В. Археологические раскопки у села Кучук // Из истории населенных мест Шелаболихинского района. Барнаул, 1998. С. 48–55.
- Шамшин А.Б., Фролов Я.В. Исследования могильника эпохи раннего железа в окрестностях г. Барнаул // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: РАЭСК XXXIV. Барнаул, 1994. С. 77–80.
- Шамшин А.Б., Фролов Я.В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 99–102.
- Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племён Алтая. Барнаул, 1996. С. 69–88.
- Шамшин А.Б., Язовская А.Н. Могильник раннего железного века Нижний Кучук-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 153–157.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 327 с.
- Ширин Ю.В. Проблемы раннего железа Томь-Кондомского предгорного района // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 180–182.
- Ширин Ю.В. Театр теней у ранних кочевников Азии // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Материалы конф. Барнаул, 1997. С. 149–151.
- Ши цзи. Т. 1–10. Изд. четырнадцатое. Пекин: Чжунхуа шудзюй чубаньшэ, 1996.
- Шульга П.И. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI–II вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая (тезисы докл. к конф.). Барнаул, 1986. С. 20–23.
- Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1989. Ч. II. С. 41–44.
- Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 18 с.

- Шульга П.И. К вопросу о взаимодействии населения Горного Алтая и предгорий // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 131–132.
- Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 48–60.
- Шульга П.И. Поселение Элекмонар-4 на Средней Катуні // Известия лаборатории археологии № 1. Горно-Алтайск, 1995а. С. 59–75.
- Шульга П.И. Изучение курганных погребений раннего железного века в Рудном Алтае // III годовая итоговая сессия ИА и Эт СО РАН, ноябрь 1995. Новосибирск, 1995б. С. 107–109.
- Шульга П.И. К вопросу об организации заповедных археологических территорий // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995в. С. 26–31.
- Шульга П.И. Поселение Чепош-II на средней Катуні // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 106–123.
- Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог-I // Известия лаборатории археологии. Вып. № 2. Горно-Алтайск, 1997а. С. 73–84.
- Шульга П.И. Погребальные конструкции скифского времени в долине р. Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VII. Барнаул, 1997б. С. 136–139.
- Шульга П.И. Новые материалы по культуре скифского времени северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997в. С. 336–342.
- Шульга П.И. «Индийские» зеркала и женщины-жрицы на Алтае // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Материалы конф. Барнаул, 1997г. С. 144–148.
- Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-I // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии №3. Горно-Алтайск, 1998а. С. 58–69.
- Шульга П.И. О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. Новосибирск, 1998б. С. 702–712.
- Шульга П.И. Поселение Партизанская Катущка на Катуні // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998в. С. 146–164.
- Шульга П.И. Группа раннескифских захоронений на р. Чарыш // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 4. Новосибирск, 1998г. С. 379–385.
- Шульга П.И. Древние скотоводы Горного Алтая (по материалам поселений) // Поселения: Среда, Культура, Социум. СПб., 1998д. С. 44–47.
- Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII — нач. VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998е. С. 25–49.
- Шульга П.И., Казаков А.А., Ведянин С.Д., Семibrатов В.П., Ситников С.М. Аварийные работы на реке Чарыш // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Вып. VIII. Барнаул, 1997. С. 124–128.
- Эрдниев У.Э. К вопросу о возникновении древней металлургии в Кузбассе // Труды научной конференции. Кемерово, 1957. С. 272–297.
- Эрдниев У.Э. Археологические находки в Кузбассе // СА. № 2. 1958.
- Эрдниев У.Э. Городище Маяк. Кемерово, 1960.
- Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. 145 с. + 32 табл.
- Этруски: Итальянское жизнелюбие. М., 1998. 168 с.
- Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996. 269 с.
- Ян Баочэн, Ян Сичжан. Отчет о раскопках могильника в западном районе Иньского городища в 1969–1977 гг. // Каогу сюэбао. 1979. № 1. С. 27–146 (на кит. яз.).
- Ян Шичжун, Ли Хуайжэнь. Нинся Сицзи фадзюэ и цзо цинтун шидай муцзан (В уезде Сицзи, Нинся обнаружена могила бронзового века) // Каогу, 1992. № 6. С. 573–575.
- Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996. 186 с.
- Яблонский Л.Т. Этноисторическая ситуация в Южном Приаралье эпохи ранних саков // III Всесоюзной конференции востоковедов «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций, культур на Востоке». Тезисы докладов и сообщений. Т. I. М., 1988. С. 188–190.
- Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка-I и Покровка-II в 1993 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М., 1994. 178 с.
- Яйленко В.П. Общность коммуникативной и социальной терминологии архаической Греции и раннего Рима: историко-лингвистический аспект // ВДИ. 1993. №3. С. 88–99.
- Arne T.Y. Die Funde von Luan Ping und Hsuan Hua (mit. 14 Tafeln) // BMFEA. № 5. Stocholm, 1993. S. 155–175.
- Aspelin J.R. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Livraison 1: Ages de la pierre et du bronze. Helsingfors, 1877.
- Bunker E.C. Ancient Art of Central Asia and Siberia // Ancient Bronzes, Ceramics and Seals. The Nasli M. Heeramanek Collection of Ancient Near Eastern, Central Asiatic and European Art. Los Angeles, 1981. P. 139–176.

- Bunker E.C. *Dangerous Scholarship: On Citing Unexcavated Artefacts from Inner Mongolia and North China* // *Orientations*, 1989. № 6. P. 52–59
- Bunker E.C. *The Chinese Artifacts Among the Pazyryk Finds* // *Source: Notes in the History of Art*, Vol. 10, 1991. № 4. P. 20–24.
- Bunker E.C. *Significant Changes in Iconography and Technology among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors from the Fourth to the First Century B.C.* // *Bulletin of the Asia Institute. New Series*, Vol. 6, 1992. P. 99–115.
- Banker E.C. *Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes: from the Artur M. Sackler collections*. Seattle and London, 1997.
- Bolton J. *Aristeas of Proconessus*. Oxford, 1962.
- Chugunov K.V. *Der skythenzeitliche Kulturwandel in Tuva* // *Eurasia Antiqua*, Band 4, Mainz am Rhein \ Berlin, 1998. P. 273308.
- De Groot J.J.M. *Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Erster Teil*. Berlin-Leipzig, 1921. 304 S.
- Hami Ancient Civilization. Edited by Administrative Office of Cultural Relics of Hami Prefecture and Hami Museum. 1997. 87 p.
- Haskins J.F. *China and the Altai* // *Bulletin of the Asia Institute. New Series*, Vol. 6, 1992. P. 1–9.
- Hollman T.O., Kossak G.W., Jettmar K., Kovalev A. u.a. *Maoqinggou: Ein eisenzeitliches Graberfeld in Ordos-Region (Innere Mongolei)*. Mainz am Rhein, 1992. 157 s.
- Jettmar K. *Between Gandhara and the Silk Roads: Rockcarvings along the Karakorum Highway*. Catalogue of the Exhibition in Heidelberg, 1987: pl.7. Mainz.
- Jettmar K. *The «Suspendend» – Where and Why?* In: *Eggermont Jubilee Volume: India and the Ancient World; Orientalia Lovanensia Analecta*, 1987: 95–102, Leuven.
- Jettmar K. *The art of the Norhern Nomads in the Upper Indus Valley*. In: *South Asian Studies*; 7 (1991): 1–20.
- Kan Yong. *The Bronze Culture of West Yunan* // *Bulletin of the Ancient Orient Museum*. Vol. VII, 1985. P. 47–92.
- Kohler E.L. *The Lesser Phrygian Tumuli. Part I. The Inhumations* // *The Gordion Excavations Final Reports*. Vol. II. University Museum Monograph 88. University of Pennsylvania, 1995. 262 p. + 72 fig. + 85 pl.
- Musche B. *Eine tibetische eberkopfkappe und ihre Beziehung zu den sasanidischen tierkopfkappen* // *Archaeologische mitteilungen aus Iran*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1987. band 20. P. 282–288.
- Novgorodowa E. *Alte Kunst der Mongolei*. Leipzig, 1980. 300 c.
- Orioli M. *Pastoralism and Nomadism in South-West China: a Brief Survey of the Archaeological Evidence* // *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9-12 November 1992*. Napoli, 1994. P. 87–108.
- Petrenko V.G. *On the Interpretation of Early Scythian Sites in Central Ciscaucasia* // *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies*. Napoli, 1994. P. 347–357.
- Yetts W.P. *The Horse: A Factor in Early Chinese History* // *ESA*. V. IX. 1934. P. 231–255
- Polosmak N.V., Seifert M. *Menschen aus dem Eis Sibirien* // *Antike Welt*. № 2. 1996. PP. 86–108.
- Prusek J. *Chinese Statelets and the Northern Barbarians in the Period 1400–300 B.C.* – Dordrecht, 1971. 315 p.
- Psarras S.K. *Xiongnu Culture: Identification and Dating* // *Central Asiatic Journal*, Vol. 39, 1995. № 1. P. 102–137.
- Rawson J., Bunker E.C. *Ancient Chinese and Ordos Bronzes*. Hong Kong, 1990. 362 p.
- Rawson J. *Jade and Gold: Some Sources of Ancient Chinese Jade Design* // *Orientations*, 1995. № 6. P. 26–37.
- So J.F., Bunker E.C. *Traders and Raiders on China's Northern Frontier*. Siattle–London, 1995. 203 p.
- Stacul G. *Neolithic Inner Asian traditions in northern Indo-Pakistani valleys*. In: *South Asian Archaeology*; 1993/2: 707–714.
- Stuiver M., Becker B. *High Precision Decadal Calibration of the Radiocarbon Time Scale, AD 1950–500 BC* // *Radiocarbon*. V. 35. № 1. 1993. PP. 35–65.
- Stuiver M., Pearson G. *High Precision Bidecadal Calibration of the Radiocarbon Time Scale, AD 1950–500 BC and 2500–600 BC* // *Radiocarbon*. V. 35. № 1. 1993. PP. 1–23.
- Takahama Shu, Hatakeyama Tei *Mounted Nomads of Asia Steppe — Chinese Northern Bronzes*. Tokyo, 1997. 189 p. (на японском и английском языках).
- Van der Plicht, J. *The Groningen Radiocarbon Calibration Program* // *Radiocarbon*. V. 35. № 1. 1993. P. 231–237.
- Zhang Lei. *A Many-Splendoured Exhibition of Chinese Relics* // *Orientations*, 1993. № 12. P. 28–37.
- Derev'anko A., Molodin V. *The Russian-Japanese «pazyryk» programme the first Year of joint Stachies* // *Ancient Civilizations from Seythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology*. Vol. 1. № 3. Netherlands, 1994. 3. 307–311.
- Molodin V. *Archaeological researches on the Ukok Plateau (Gorny Altai, Russia in the summer of 1991)* // *Antiquity*. Vol. 66. № 253. December 1992 B. P. 930–933.
- Molodin V. *Perspectives and Preliminary results of archaeological investigations of the South. Western Altai (The Ukok Plateau)* // *Science Policy: New Mechanisms for Scientific Collaboration between East and West. NATO ASI Series 4. Science and Technology Policy*. Vol.1. Dordrecht, Boston, London 1995, p. 215–222.
- Polos'mak N. *Un nouveau kourane a'tombe gelee de L'Altai* // *Arts Asiatiques*. Tome XLVI. Paris, 1991. P. 5–13.

- Polos'mak N. A mummy uniairthed from the Pastures of Heaven // National Geographic. Vol. 186. № 4. Washington, 1994. P. 80–103.
- Polos'mak N. Kurgan Kuturguntas: Interment of a Noble Warrior-Horseman // Korean Ancient Historical Society. № 5. Seul, 1994. P. 251–287.
- Wang B.-H. Excavation and preliminary stadies of the ancient mummies of Xinjiang in China // Human Mummies a Global Survey of their Status and the Techniques of Conservation. Springer Wien New York, 1966. vol. 3. P. 59–71.

Список сокращений

- АГУ — Алтайский государственный университет
- АО РГО — Алтайский отдел Русского географического общества
- АН СССР — Академия Наук СССР
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
- ВА — Вопросы антропологии. Москва.
- ВАЗСЭМ — Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.
- ИАиЭ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
- ККАЭЭ — Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
- МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- НИИ ГИ — Научно-исследовательски институт Гуманитарных исследований (при АГУ)
- НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории.
- ОИАПА — Охрана и использование археологических памятников Алтая (тез. докл. и мат-лов к конф.). Барнаул, 1990.
- ОИАПА — Охрана и исследование археологических памятников Алтая (тез. докл. и сообщ. к конф.). Барнаул, 1991.
- ОИКНА — Охрана и изучение культурного наследия Алтая (тез. науч.-практ. конф.). Барнаул.
- ПАВ — Петербургский археологический вестник
- ПОДПА — Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул.
- ПСИИКНА — Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая (тез. науч.-практ. конф.) Барнаул.
- ПХКПАПЗС - Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири.
- РА — Российская археология
- РВ — Ригведа
- СА — Советская археология
- СИКНАК — Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул.
- СЭ — Советская этнография. Москва.
- СЭС — Советский энциклопедический словарь
- ТИС — Тюменский исторический сборник. Мат. науч. конф., посвящ. 50-летию истор. фак-та Тюменск. о-го гос. университета. Тюмень.
- ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
- УЗ ТНИИЯ ЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.
- ЦХАФ АК — Центр хранения архивного фонда Алтайского края
- ЧГЦ — Чжаньго цэ
- ШЦ — Ши цзи
- BMFEA — Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities
- СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
- ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua

Содержание

Абдулганеев М.Т., Папин Д.В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катунь. Abdulganeev M.T., Papin D.V. The sites of early scythian time in the place between Bia and Katun rivers	5
Алехин Ю.П. Лесостепной и Рудный Алтай в скифскую эпоху. Alehin U.P. The forest-steppe and Ruhdny Altai in the scythian epoch	13
Антонова О.В., Худяков Ю.С. Погребения воинов в памятниках пазырыкской культуры на Средней Катунь (по материалам раскопок Южно-Сибирского отряда САКЭ ИАЭ СО РАН). Antonova O.V., Khudiakov Y.S. Warriors tombs of Pazyryk culture on middle Katun region (by the materials of the South Siberian group excavations). К проблеме историко-археологического	17
Бобров В.В. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н.э. на территории Южной Сибири. Bobrov V.V. To the problem of historico-archaeologic development of the Southern Siberia at the beginning of the first millennium B.C.	20
Бородавский А.П. Центры художественной косторезной обработки скифской эпохи на юге Западной Сибири. Borodavsky A.P. Centres for art bone processing of the scythian period in the South Western Siberia.	23
Варёнов А.В. Скифские материалы из китайской части Алтая. Varyonov A.V. Scythian materials from the chinese part of Altai.	26
Васютин С.А. Проблемы изучения социальной организации кочевников скифского времени Горного Алтая по материалам погребений. Vasutin S.A. The study problems of the Mountainous Altai scythian time nomad social organization by the material of tombs.	31
Васютин А.С., Садовой А.Н. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения в раннескифское время (Восточный Алтай — могильник Коо-1). Vasiutin A.S., Sadovoy A.N. To the problem of traditional system life security reconstruction in the early scythian time (East Altai -Koo-I cemetery).....	35
Данченко Е.М. Основные итоги и проблемы изучения памятников скифской эпохи в таежном Прииртышье. Dantchenko E.M. The main results and the problems of study scythian epoch monuments in the forest zone of the near Irtysh region.	39
Дёмин М.А., Ситников С.М. Некоторые новые находки раннескифского времени с берегов Гилёвского водохранилища. Dyomin M.A., Sitnikov S.M. Some new finds of the early scythian time from the banks of the Gilyovo tank.	43
Горбунов В.В. Панцири раннего железного века на Алтае. Gorbunov V.V. The Altai armours of the early iron age.	47
Иванов Г.Е. К проблеме реконструкции военного дела каменской культуры. Ivanov G.E. To the problem of the Kamenskaya culture war business reconstruction.	55
Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией. Iliushin A.M., Kovalevsky S.A. The research summary of the ancient things of the early iron age by Kuznetsk complex archaeology-ethnographic expedition.	60
Йеттмар К. Новая область распространения скифского звериного стиля в Гиндукуше. Jettmar K. A recently discovered province of scythian animal style in the Hindukush	64
Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. г. Барнаул, Алтайский государственный университет. Бусы из скифских погребений Горного Алтая. Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F. Barnaul. Altai State University. The beads from the scythian burials of Mountainous Altai.	66
Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая. Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A. The fundamental stages of study Mountainous Altai scythian epoch.	70
Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V—III вв. до н.э. Kovalev A.A. Concerning the connections between Sayan-Altai and Ordos tribes in V-III centuries B.C.	75
Кочеев В.А. Погребение в с. Эликманар и оружейный комплекс в курганах кара-кобинского типа (по материалам горно-алтайских курганов скифского времени). Cocheev V.A. Burial from Elikmanar and weaponry complex in burials nave kara-koba types.	82
В.Д. Кубарев. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая. V.D. Kubarev. Pazyryk images in petroglyphs of Altai.	84
Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-1 в Приобье. Kungurov A.L. The funeral complex of early scythian time МГК-1 in near Ob region.	92
Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Быстрянские поселения на р. Неня. Kungurov A.L., Markin M.M. The Bistryanka settlements on Nenia-river.	98
Мамадаков Ю.Т. Сосуды с росписью с могильника Кырлык-II. Mamadakov Yu.T. The vessels with paintings from Kirlyk-II cemetery.	101

Марсадоллов Л.С. Пазырыкский феномен и попытки его объяснения. Marsadolov L.S. The Pazyryk culture phenomenon and variants of its interpretation.....	104
Марсадоллов Л.С., Зайцева Г.И. Соотношение радиоуглеродных и археологических датировок для малых и средних курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. Marsadolov L.S., Zaitseva G.I. The correlation of radiocarbon and archaeological dates for the little and middle barrows of Sayan-Altai (I millennium B.C.).....	108
Мартынов А.И. Первичные цивилизации и скифо-сибирский мир (система взаимоотношений). Martynov A. The primary civilizations and scytho-Siberian world (the system of the interrelations).....	115
Матвеева Н.П. Социальное развитие древнего населения лесостепного Приобья. Matveyeva N.P. Social evolution of ancient population of near Ob region.....	118
Маточкин Е.П. Архетипические образы в скифском искусстве Горного Алтая. Matochkin E.P. Archetypical images of the scythian art of the Mountainous Altai.....	122
Миронов В.С. Коллекция керамических сосудов скифского времени из могильника Кок-Эдиган. Mironov V.S. The collection of scythian time ceramic vessels from the Coc-Edigan cemetery.	126
Михайлов Д.А. Суммарная характеристика и сравнительный анализ могильников березовского этапа Новосибирского Приобья. Mihailov D.A. The summary characteristic and comparative analysis of the Novosibirsk near Ob region beruozovsky stage time cemeteries.	129
Михайлов Ю.И. Семантика зернотерок и пестов в погребальных и ритуальных комплексах IX–VII вв. Саяно-Алтайского нагорья. Mihailov Yu.I. The semantic of the grave-graters and pistis in the IX–VII a. Sayano-Altai on-mountain region funeral and ritual complexes.....	132
Могильников В.А. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая. Mogilnykov V.A. To the characteristic of the early iron age of the north-west foothills of the Altai.....	134
Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура на плоскогорье Укок — первые итоги и перспективы научных исследований. Molodin V., Polos'mak N. The Pazyrick culture on the Ukok-plateau - the first sums and scientific researches perspectives.	138
Папин Д.В., Шамшин А.Б. Материалы переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа в лесостепном Алтайском Приобье В (IX) VIII вв. до н.э. в горах Саяно-Алтая. Papin D.V., Shamshin A.B. The materials of the transition time from the bronze to iron epoch in the Altai forest-steppe near Ob region. (IX) VIII centuries B.C. in the mountains of Sayano-Altai.	141
Плетнева Л.М., Мец Ф.И. Ритуальный комплекс раннего железного века в Томском Приобье. Pletniova L.M., Metz F.I. Tomsk State University. Ritual complex of early iron age in Tomsk near Ob region.	145
Подленко Л.Н. Следы огня на погребальных памятниках эпохи раннего железного века лесостепного Приобья. Podlenko L.N. Traces of the fire on burial of the early iron age in forest-stepe of near Ob region.....	146
Полосьмак Н.В. Воинские шлемы пазырыкцев. Polosmak N.V. Warrior's helmet of Pazyryk.....	148
Рыкун М.П. О характере травматических повреждений мужского населения каменной культуры (по материалам могильника Новотроицкое-I). Rikun M.P. About the character of the Kamenskaya culture masculine population traumatic damages (by the materials of Novotroitsk cemetery).....	151
Савинов Д.Г. Первичные материалы и стиль Саяно-Алтайских изображений раннескифского времени. Savinov D.G. Original materials and style of the Sayano-Altai depictions belonging to the early-scythian period.....	154
Самашев З.С., Жумабекова Г.С., Сунгатай С. Новые исследования на могильнике Берель в Восточном Казахстане. Samashev Z.S., Jumabekova G.S., Sungatay S. The new researches on the Beriele cemetery in the East Kazakhstan.	159
Семёнов Вл.А. Синхронизация и хронология памятников алды-бельского типа в Туве. Semenov V.I. The synchronize and chronology of monuments Aldy-Bel type in Tuva.	165
Соенов В.И. К вопросу о типологии погребальных памятников скифского времени Горного Алтая. Soyonov V. To the question about the typology of scythian funeral sites in the Mountainous Altai.....	170
Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений. Surazakov A.S. About the traditions of ancient funeral construction violation.	171
Таиров А.Д. Средняя Азия во второй половине VI в. до н.э. и кочевой мир Южного Урала. Tairov A.D. Central Asia and the South Urals nomads' world in the second half of the 6th century B.C.....	173
Татаурова Л.В., Толпеко И.В. Саргатская и кулайская культуры: проблемы взаимодействия. Tataurova L.V., Tolpeko I.V. Sargat and Kulaiy Cultures: Problems of Interaction.	176
Телегин А.Н. Половая принадлежность погребений каменной культуры (опыт выделения археологических признаков). Telegin A.N. Gender features of Kamensky culture burials (The experience of archaeological features extraction).....	180
Тишкин А.А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая. Tishkin A.A. The decorations of early scythian time from the Mountainous Altai.....	184

Тишкина Т.В. Деятельность АО РГО в 1924–25 годах в связи с приездом на Алтай С.И. Руденко и М.П. Грязнова. Tishkina T.V. The work of AD RGS in 1924–25 years because of S.I. Rudenko and M.P. Gryaznov arrival to Altai.....	191
Ткачёв А.А., Тишкин А.А. Курганы раннескифского времени на могильнике Герасимовка в Восточном Казахстане. Tkachov A.A., Tishkin A.A. The barrows of early scythian time on the Gerasimovka cemetery in the East Kazakhstan.	194
Троицкая Т.Н., Назарова О.Е. Еще раз о кижировской культуре. Troitskaya T.N., Nazarova O.E. Once more about Kizhirov culture.....	199
Тур С.С. Об уралоидном компоненте в составе скифов Горного Алтая. Tur S.S. About the uraloid component in the scythian structure of Mountainous Altai.	203
Уманский А.П. К вопросу о семантике зеркала из Рогозихи. Umansky A.P. To the question about mirror semantic from the Rogoziha.	206
Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников датируемых VI–V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье. Frolov Ya.V. Some problems in study of the VI–V centuries B.C. sites in the Barnaul-Biisk near Ob region.....	211
Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона. Frolov Ya.V., Shamshin A.B. The cemeteries of early iron age from the Firsovo archaeological microdistrict.	219
Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Археологические материалы скифского времени из коллекции Г.В. Де Геннина из Прииртышья. Khudiakov Y.S., Borisenko A.Y. Archaeological materials from G.V. de Gennin's collection from near Irtysh region.....	226
Черемисин Д.В., Запорожченко А.В. «Сакральные центры» Евразии на Алтае, на Енисее и легенда об аримаспах и грифах в современных интерпретациях. D.V. Cheremisin, A.V. Zaporozhchenko The Euroasiatic «sacritical centres» on Altai, Yenisei and the legend about arimasps and grifs in modern interpretations	228
Членова Н.Л. Следы копыт «скифских» коней. Chlenova N.L. Signs of hoofs of «scythian» horses.....	231
Чугунов К.В. Периодизация алды-бельской культуры Тувы и ее финальный этап. Chugunov K.V. Periodization of Aldy-Bel culture in Tuva and its final stage.....	234
Ширин Ю.В. Погребения скифского времени в Кузнецкой котловине. Shirin Y.V. The burials of scythian time in the Kuznetsk valley.....	237
Шишкин А.С. Животные в идеологии населения Новосибирского Приобья эпохи раннего железного века. Shishkin A.S. Animals in ideology of Novosibirsk near Ob region inhabitants of early iron age.	241
Шпакова Е.Г. Характеристика одонтологического материала из кургана Ак-Алаха-II. Shpakova E.G. The characteristic of odontologic material from the burial-mound Ak-Alaha-II.	243
Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. Shulga P.I. Ethno-cultural situation in Mountainous Altai and north-west before hill regions in VII–III centuries B.C.	245
Шульга П.И., Шульга Н.Ф. Три раннескифских кургана из Горного Алтая. Shulga P.I., Shulga N.F. Three early scythian barrows from Mountainous Altai.	250
Список литературы	256
Список сокращений	280

Научное издание

Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий

Публикуется в авторской редакции

Техническое редактирование — П. Бурьянов, А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета — М. Кузеванова

ЛР 020261 от 1997 г.
Н/К

Сдано в набор 26.01.99. Подписано в печать 16.03.99. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 18,6.
Уч.-изд. л. 20,8. Тираж 500 экз. Заказ

ООО «Некси» / ОАО «Алтайский полиграфический комбинат»
656023, Барнаул, ул. Г. Титова, 3.